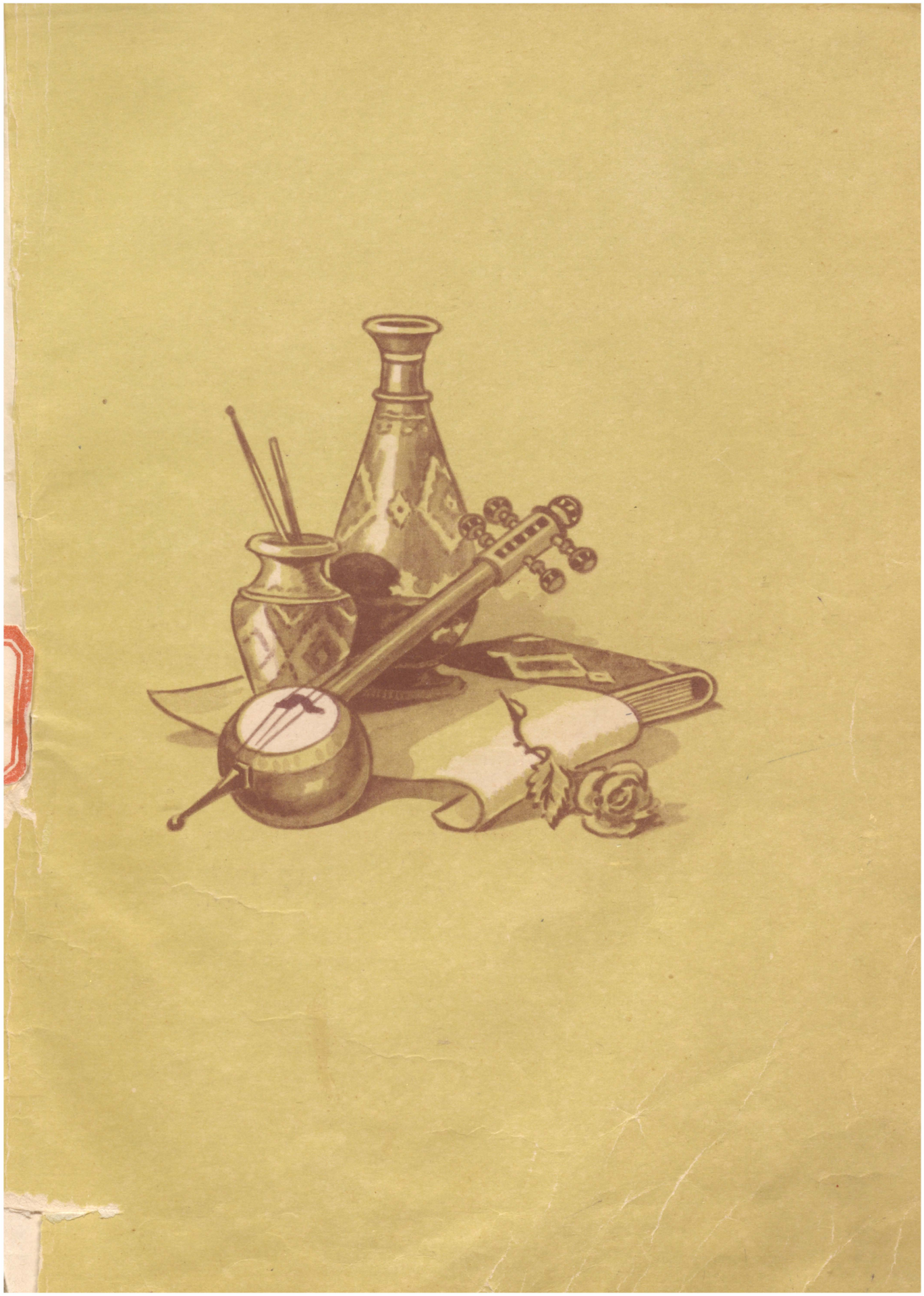


ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ШАРҚШУНОСЛИК ИНСТИТУТИ

БОБИРНОМА

ВОҚИАИ БОБИРИЙ

ЎЗБЕКИСТОН ССР
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ — 1958

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

БАБУР-НАМЕ

ЗАПИСКИ БАБУРА

Ответственный редактор
кандидат исторических наук

С. А. АЗИМДЖАНОВА

* * *

Перевод

М. САЛЬЕ

* * *

Иллюстрации
народного художника УзССР

В. Е. КАЙДАЛОВА

* * *

Суперобложка, обложка

и внутреннее оформление
художника

Р. В. ЛЕВИЦКОГО

30413
ГБ Киргизской ССР
1986
имени В. И. Ленина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Кирг. ССР им. Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

ФЕРҒАНА

СОБЫТИЯ ГОДА ВОСЕМЬСОТ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОГО

о имя Аллаха милостивого, милосердого! 1б

В месяце рамазане года восемьсот девяносто девятого я стал государем области Ферганы на двенадцатом году жизни.

Фергана — область в пятом климате, находится на границе возделанных земель. На востоке от нее — Кашгар, на западе — Самарканд, на юге — горы Бадахшанской границы; на севере хотя раньше и были такие города, как Алмалык, Алмату и Янги, название которого пишут в книгах Отрар, но теперь из-за [нашествий] моголов и узбеков они разрушены и там совсем не осталось населенных мест.

Фергана — небольшая область, хлеба и плодов там много. Вокруг Ферганы находятся горы; с западной окраины ,где Самарканд и Ходженд, гор нет; зимой ни с какой стороны, кроме этой, враг не может пройти.

2а Река Сейхун,|| известная под названием Воды Ходженда, приходит в Фергану с северо-восточной стороны; пройдя через эту область, она течет на запад, проходит севернее Ходженда и южнее Финакета, который теперь более известен под названием Шахрухии, потом снова уклоняется на север и течет в сторону Туркестана; значительно ниже Туркестана эта река, не сливаясь ни с какой [другой] рекой, вся впитывается в песок и [исчезает].

В Фергане семь городов; пять из них — на южном берегу реки Сейхун, два — на северном берегу.

1 Один из городов на южном берегу — Андиджан, который находится посредине. Это — столица области Ферганы. Хлеба там много и плоды изобильны, дыни и виноград хороши; во время созревания дынь [из-за обилия] не в обычае продавать их с бахчи, груш лучше андиджанских не бывает.

В Мавераннахре, кроме Самарканда и Кеша, нет крепости больше Андиджана. В городе трое ворот, арк Андиджана находится на южной стороне. Вода поступает [в город] по девяти каналам; [самое] удивительное, что она [потом] не выходит ни в одном месте.

Вокруг крепости, с внешней стороны рва, большая дорога, вымощенная щебнем; крепость везде окружают пригороды, отделяемые от крепости рвом, по краю которого тянется большая дорога.

2б Дичи там много, фазаны||неимоверно жирны; рассказывали, будто четыре человека, приступив к фазану с приправой, не могут его прикончить.

Жители Андиджана — все тюрки; в городе и на базаре нет человека, который бы не знал по-тюркски. Говор народа сходен с литературным; сочинения Мир Алишера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате, [написаны] на этом языке.

Среди жителей Андиджана много красавцев; Ходжа Юсуф, который известен в музыке, — андиджанец.

В воздухе Андиджана есть гнилостность, осенью многие болеют лихорадкой.

3 Еще один город — Ош. Он стоит к юго-востоку [более — к востоку] от Андиджана, в четырех йигачах пути; воздух там прекрасный, проточной воды много; очень хороша бывает весна. О достоинствах Оша дошло много преданий.

К юго-востоку от крепости стоит красивая гора, называемая Бара-Кух. На вершине этой горы Султан Махмуд хан построил худжру. Ниже ее, на выступе горы, я тоже построил в девятьсот втором году худжру с айваном. Хотя его худжра стоит выше моей, но моя расположена много
3а лучше: весь город и предместья расстилаются под нею.||

Река Андиджана, пройдя через предместья Оша, течет в Андиджан. На обоих берегах этой реки раскинулись сады, все сады возвышаются над рекой. Очень красивы в них фиалки.

В Оше есть текучая вода, очень хороша там бывает весна: расцветает много тюльпанов и роз. У подошвы горы Бара-Кух, между горой и городом, стоит мечеть, называемая мечетью Джауза. По склону горы течет большой ручей. Внешний двор мечети несколько покатый, там есть приятная, тенистая лужайка, поросшая трилистником; каждый путешественник и странник, проходя, отдыхает там. В Оше существует такая забава: на всякого, кто заснет на лужайке, пускают воду из этого ручья.

В последние годы жизни Омар Шейх мирзы на этой горе нашли камень с белыми и красными прожилками. Из него делают ручки ножей, пряжки для поясов и другие вещи. Это очень хороший камень. В области Ферганы нет города, равного Ошу по приятности и чистоте воздуха.

4 Еще один город — Маргинан, к западу от Андиджана в семи йигачах пути. Это хороший город, полный всякой благодати. Гранаты и урюк там обильны и хороши. Есть один сорт граната, который называют донакалан; в его сладости чувствуется легкий приятный [кислый привкус] абрикоса. [Этим гранатам] || можно отдать предпочтение перед семнан- 3б
скими гранатами.

Имеется там еще сорт урюка, из которого вынимают косточки, [а вместо них] кладут внутрь [плода] ядрышки и сушат; называют его субхани, он очень вкусный.

Дичь там хорошая; белые кийики попадаются близко.

Жители Маргинана — сарты; это драчливый и беспокойный народ. Обычай драться на кулаках распространен в Мавераннахре; большинство знаменитых кулачных бойцов в Самарканде и в Бухаре — маргинанцы.

Автор Хидаи — уроженец селения маргинанской области, называемого Ришдан.

5 Еще один город — Исфара. Он стоит в предгорье. Там есть проточные каналы и приятные сады. [Исфара] находится к юго-западу от Маргинана, между Маргинаном и Исфарой девять йигачей пути. Плодовых деревьев там много, но в садах преобладают миндальные деревья.

Все жители Исфары — сарты и говорят по-персидски. В одном шери к югу от Исфары среди холмов лежит глыба камня, называемого Санги-и Айна. Длиной [камень] будет приблизительно в десять кари, высотой же в иных местах — в рост человека, где ниже — человеку по пояс. Все вещи отражаются в нем, как в зеркале.

Исфара — гористая область из четырех булуков. Один называется Исфара, другой — Варух, третий — Сух и четвертый — Хушьяр. Когда Мухаммед Шейбани хан, разбив Султан Махмуд хана и Алача хана, взял

4а Ташкент и Шахрухию, я вступил в эту гористую местность || Суха и Хушьяра; терпя лишения, я провел там около года, затем направился в Кабул.

б Еще один город в Фергане — Ходженд. Он расположен от Андиджана на запад в двадцати пяти йигачах пути; от Ходженда до Самарканда тоже двадцать пять йигачей пути. Это один из древних городов; из него [происходят] Шейх Маслахат и Ходжа Камал.

Плоды там очень хороши, ходжендские гранаты славятся своим прекрасным качеством. Как говорят: «самаркандские яблоки», так говорят: «ходжендские гранаты». Но в настоящее время маргинанские гранаты [считаются] много лучше.

Крепость Ходженда стоит на возвышенном месте. Река Сейхун течет мимо Ходженда с северной стороны, на расстоянии полета стрелы от крепости. К северу от крепости и реки стоит гора, называемая Муту-Гил; говорят, на этой горе находятся бирюзовые месторождения и другие рудники; на горе много змей.

В Ходженде есть прекрасные места для охоты на зверей и птиц. Белые кийики, олени, бугу-маралы, фазаны и зайцы водятся там во множестве. Воздух в Ходженде очень гнилостный, осенью многих лихорадит. Рассказывали, будто даже воробьев лихорадило. Говорят, что воздух там гнилостный из-за гор на северной стороне.

7 Одно из подчиненных Ходженду [местечек] — Канд-и Бадам. Это, правда, не город, но хорошенький городок. Миндаль в нем превосходен;
4б по этой причине || [Канд-и Бадам] и назван таким именем. Весь его миндаль идет в Хурмуз и в Хиндустан. От Ходженда [Канд-и Бадам] находится в пяти-шести йигачах к востоку.

Между Ходжендом и Канд-и Бадамом раскинулась степь, называемая Ха-Дервиш. В степи этой всегда дует ветер; на восток, в Маргинан мчится ветер оттуда; на запад, в Ходженд ветер постоянно дует оттуда. Сильные бывают там вихри. Говорят, будто несколько дервишей попали в эту пустыню в сильный ураган. [Их разметало], и они не могли найти друг друга; стали кричать: «Ха, дервиш, ха, дервиш», пока все не погибли. С тех пор эту пустыню и называют Ха-Дервиш.

ж Один из городов на северном берегу реки Сейхун — Ахси; в книгах это [название] пишут: Ахсикет, так же как поэта Асир ад-дина называют Асир ад-дин Ахсикети. В Фергане после Андиджана нет города больше этого. От Андиджана к западу [до Ахси] девять йигачей пути. Омар Шейх мирза сделал его своей столицей. Река Сейхун течет под крепостью. Крепость стоит на высоком яру. Вместо рва там служат глубокие овраги. Омар Шейх мирза, когда сделал Ахси своей столицей, еще раз или два копал овраги дальше, вне крепости. В Фергане нет [другой] такой непри-
5а ступной крепости. || Пригороды тянутся на расстояние более одного шери

от крепости. Поговорку: «Где деревня, а где деревья?», вероятно, сказали про Ахси.

Дыни там бывают хорошие; есть один сорт дынь, называемый миртимури; неизвестно, существуют ли еще где-нибудь в мире такие дыни. Бухарские дыни [тоже] знамениты. [Но] когда я взял Самарканд и приказал привезти дынь из Ахси и из Бухары и велел их разрезать на одном собрании, [то] ахсийские дыни оказались вне всякого сравнения.

Дичь в Ахси очень хороша. Сторона реки Сейхун, где стоит Ахси, степная; там много белых кийиков. Андиджанская сторона — [сплошь] густой кустарник; там попадается много бугу-маралов и зайцев, они очень жирные.

Еще один [город] — Касан, он находится к северу от Ахси. Это город поменьше. Как река Андиджана притекает от Оша, так река Ахси течет от Касана. Это местность с прекрасным воздухом. Так как ее красивые сады все находятся на берегу реки, то их называли «шубой из мерлушек». Жители Оша и Касана похваляются приятностью и чистотой воздуха [своих городов].

В горах, окружающих область Ферганы, есть хорошие летовки; на этих горах растет дерево табулгу — больше его нигде нет. Табулгу — дерево с красной корой; || из этого дерева вырезают посохи, выделывают *5б* ручки плеток, изготовляют клетки для птиц. Обстругав дерево, из него делают бесперые стрелы. Это очень хорошее дерево. Его привозят как подарок в далекие места.

В некоторых книгах пишут, что «ябрух ас-санам» растет на этих горах, но теперь об этом ничего не слышно. Слышал я про одну траву, которая растет в Йетти-кентских горах. Народ тамошний называет эту траву «аик-ути» и она имеет свойства травы «михр-гиях». Наверно это и есть михр-гиях, а те люди называют ее именем [аик-ути]. В этих горах есть бирюзовые россыпи и железные рудники.

Доходами с области Ферганы можно, если соблюдать справедливость, содержать три-четыре тысячи человек.

* * *

Так как Омар Шейх мирза был государь с высокими помыслами и великими притязаниями, то он всегда имел стремление к захвату [чужих] владений. Он неоднократно водил войска на Самарканд, иногда терпел поражение, иногда возвращался против своей воли. Несколько раз он призывал к себе своего тестя Юнус хана, одного из потомков Джагатай хана, второго сына Чингиз хана. Ханом могольского народа в юрте Джагатая был в то время этот Юнус хан, который приходился мне дедом.

Призвав его, Омар Шейх мирза всякий раз давал ему какую-нибудь область. Поскольку дела шли не так, как хотел Омар Шейх мирза, то
6а иногда по причине дурного нрава Омар Шейха, || а иногда — вследствие сопротивления могольского народа [Юнус хан] не мог оставаться в этой области и опять уходил в Моголистан.

Когда Омар Шейх мирза призвал Юнус хана в последний раз, он отдал ему область Ташкента, которая в то время была во власти Омар Шейх мирзы; в книгах [название] Ташкент пишут Шаш, а иногда пишут Чач, отсюда выражение «чачские луки». С того времени и до девятьсот восьмого года области Ташкента и Шахрухии находились во власти джагатайских ханов. В ту пору власть хана могольского народа принадлежала старшему сыну Юнус хана, моему дяде Султан Махмуд хану. Так как старший брат Омар Шейх мирзы государь Самарканда Султан Ахмед мирза и хан могольского народа Султан Махмуд хан много терпели от дурного нрава Омар Шейх мирзы, то они заключили друг с другом союз. Султан Ахмед мирза сделал Султан Махмуд хана своим зятем и в упомянутом году Султан Ахмед мирза с южной стороны реки Ходженда, а Султан Махмуд хан с северной стороны повели войско против Омар Шейх мирзы.

В это время случилось удивительное происшествие. Уже было упо-
6б мянуто, || что укрепление Ахси стояло на высоком яру. Постройки находились на краю обрыва. В том году в понедельник четвертого числа месяца рамазана Омар Шейх мирза вместе с голубями и голубятней полетел в овраг и умер. Прожил он тридцать девять лет.

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ [ОМАР ШЕЙХА]

Он родился в [году] восемьсот шестидесятом в Самарканде и был четвертым сыном султана Абу Са'ид мирзы, моложе Султан Ахмед мирзы, Султан Мухаммед мирзы и Султан Махмуд мирзы. Султан Абу Са'ид мирза был сыном Султан Мухаммед мирзы, Султан Мухаммед мирза был сыном Миран Шах мирзы, а Миран Шах мирза был третьим сыном эмира Тимур бека и был младше Омар Шейх мирзы и Джехангир мирзы и старше Шахрух мирзы.

Абу Са'ид мирза сначала отдал Омар Шейх мирзе Кабул и, назначив Баба-и Кабули его воспитателем, отпустил их туда. По случаю празднования обрезания мирз он воротил Омар Шейх мирзу от Дара-и Газа и велел доставить его в Самарканд. После празднества в соответствии с тем, как Тимур бек отдал старшему Омар Шейх мирзе область Ферганы, Абу Са'ид мирза пожаловал Омар Шейх мирзе область Андиджан и, назначив Худай Берди Тугчи Тимур таша воспитателем сына, послал их туда.

НАРУЖНОСТЬ И КАЧЕСТВА [ОМАР ШЕЙХА]

Омар Шейх был небольшого роста, тучный, с круглой бородой, белолицый. Халат || он носил очень узкий и, стягивая пояс, убирал живот 7*а*
внутрь; если же, стянув пояс, он давал себе волю, то завязки часто лопались.

В одежде и пище он был неприхотлив; чалму обвертывал ему особый слуга; в то время все обвертывали чалму четыре раза; ее наматывали без складок, опуская концы вниз. Летом везде, кроме дивана, он большей частью ходил в могольской шапке.

СВОЙСТВА НРАВА И ОБЫЧАИ [ОМАР ШЕЙХА].

Омар Шейх мирза был ханифит по исповеданию и человек чистой веры; он не пренебрегал пятикратной молитвой, всю жизнь полностью возмещал пропущенные обряды и часто читал Коран. Он был муридом досточтимого Ходжи Убайд Аллаха и часто удостаивался беседы с ним. Досточтимый Ходжа даже называл его сыном.

Омар Шейх мирза был хорошо грамотен и читал обе «Пятерицы», книги месневи и летописи; чаще всего он читал Шах-наме. У него был дар к стихосложению, но он не уделял внимания поэзии.

Справедливость его достигала высокой степени. Однажды, когда из Китая шел караван, то у подошвы гор к востоку от Андиджана караван из тысячи людей так засыпало снегом, что спаслись только два человека. Получив об этом известие, Омар Шейх мирза послал сборщиков и задержал все товары || каравана. Хотя наследников налицо не было, Омар 7*б*
Шейх мирза сберег товары несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им их товары в целости.

Он отличался большой щедростью, и нрав его соответствовал его щедрости. Это был добродушный, болтливый, речистый, сладкоустый человек; смелый и отважный муж это был. Дважды он вырывался вперед всех своих йигитов и обнажал меч: один раз — у ворот Ахси, другой раз — у ворот Шахрухии. Стрелял он из лука посредственно, но здорово бился на кулаках; ни один йигит не мог устоять под ударом его кулака.

По склонности к захвату земель он часто сменял мир на битву и дружбу на вражду. В прежние времена он много пил, но позднее устраивал попойки раз или два в неделю. Он был хорошим собеседником и при случае прекрасно читал стихи. В последнее время он сильно пристрастился к возбуждающим средствам и, будучи возбужден, приходил в неистовство. Он был человек влюбчивый и много страдал от мук любви, а также постоянно играл в нард, а иногда и в кости.

БИТВЫ И СРАЖЕНИЯ

Он сражался в трех битвах. Первый бой был у него с Юнус-ханом
8а к северу от Андиджана, || на берегу реки Сейхун, при местечке Теке-Саграткан. Это место потому так названо, что река из-за гор до того узка, что, говорят, будто там через нее прыгают козлы.

Будучи побежден, Омар Шейх мирза попал в руки врага, однако Юнус хан, оказав благодеяние, отпустил его в его страну. Из-за того, что битва произошла в этом месте, сражение при Теке-Саграткан стало памятным днем в той стране.

В другой раз в Туркестане, на берегах реки Арыс, он сразился с узбеками, которые возвращались после набега на окрестности Самарканда. Перейдя Арыс по льду, Омар Шейх мирза здорово разбил узбеков, отобрал у них пленных и скот и вернул все [прежним] владельцам, не позарившись ни на что.

Еще он сражался с Султан Ахмед мирзой у селения Хавас, между Шахрухией и Ура-Тепа, и был побежден.

ВЛАДЕНИЯ ОМАР ШЕЙХ МИРЗЫ

Отец его отдал ему область Ферганы; некоторое время Ташкент и Сайрам, которые отдал ему брат Султан Ахмед мирза, тоже находились под властью мирзы Омар Шейха. Захватив обманом Шахрухию, Омар Шейх мирза некоторое время властвовал там; в последние годы Ташкент и Шахрухия вышли из его рук, и владением его была Фергана, а также Ходженд и Ура-Тепа; первоначальное название этого города — Усрушна, но говорят также и Усруш; Ходженд некоторые не считают
8б входящим в Фергану.||

Когда Султан Ахмед мирза пошел в Ташкент на моголов и потерпел поражение на берегах реки Чир, в Ура-Тепа сидел Хафиз [Мухаммед] бек Дулдай. Он отдал город мирзе, и с тех пор Усрушна была во власти мирзы Омар Шейха.

ЕГО ПОТОМСТВО

После мирзы осталось трое сыновей и пять дочерей. Старший из всех сыновей был я — Захир ад-дин Мухаммед Бабур, моей матерью была Кутлук Нигар ханум. Еще один сын был Джехангир мирза, младше меня на два года; его мать происходила от могольских туманбеков и звали ее Фатима Султан. Еще один сын был Насир мирза. Его мать была из Андиджана, наложница, по имени Умид. Он был младше меня на четыре года.

Старше всех дочерей была Ханзаде биким; она родилась от одной со мной матери и была старше меня на пять лет. Когда я второй раз взял Самарканд, то хотя я и потерпел поражение у Сар-и Пула, однако все же, придя [в Самарканд], пять месяцев защищал крепость. От окрестных и соседних государей и беков не было никакой поддержки и помощи. Отчаявшись, я бросил крепость и ушел. Во время безвластия Ханзаде биким досталась Мухаммед Шейбани хану. У нее родился сын по имени Хуррам шах, это был приятный юноша. [Шейбани хан] отдал ему область Балха, || но через год-два после смерти своего отца он 9*а*
[тоже] отправился к милости Аллаха.

Когда шах Исма'ил разбил узбеков под Мервом, Ханзаде биким была в Мерве. Ради меня с ней обошлись хорошо и отправили ее ко мне, как следовало. Прибыв в Кундуз, она присоединилась ко мне. Наша разлука продолжалась десять лет. Мы вдвоем с Мухаммад кукельташем пришли к ней. [Ханзаде] биким и ее близкие не узнали меня, хотя я сказал [свое имя]. Но через некоторое время они меня узнали.

Еще одна дочь [Омар шейха] — Михр Бану биким от одной матери с Насир мирзой. Она была старше меня на два года.

Еще одна дочь — Шахр Бану биким. Она тоже от одной матери с Насир мирзой, моложе меня на восемь лет.

Еще одна дочь — Ядгар Султан биким. Ее мать по имени Ага Султан была наложницей.

Еще одна дочь — Рукайя Султан биким. Ее матерью была Махум Султан биким, которую называли Кара Куз биким. Обе эти девочки родились после смерти мирзы. Ядгар Султан биким воспитывала моя бабка Исан Даулат биким. Когда Шейбани хан взял Андиджан и Ахси, Ядгар Султан биким досталась сыну Хамза султана, Абд ал-Латиф султану, а когда я разбил султанов во главе с Хамза султаном в области Хутталан и взял Хисар, то она присоединилась ко мне. Во время безвластия Рукайя Султан биким досталась Джани бек султану. || у 9*б*
нее родились один или два сына, но не жили. В настоящее время пришло известие, что она отправилась к милости Аллаха.

ЕГО ЖЕНЫ И НАЛОЖНИЦЫ

Одна из них была Кутлук Нигар ханум; это была вторая дочь Юнус хана, старшая сестра Султан Махмуд хана и Султан Ахмед хана. Юнус хан — потомок второго сына Чингиз хана, Джагатай хана — сына Ваис хана, сына Шир Али Оглана, сына Мухаммед хана, сына Хизр Ходжа хана, сына Туглук Тимур хана, сына Исан Буга хана, сына Дува хана, сына Барак хана, сына Йесун Тува, сына Мутугена, сына Джагатай хана, сына Чингиз хана.

Раз пришлось к случаю, упомянем об обстоятельствах ханов.

Юнус хан и Исан Буга хан были сыновьями Ваис хана. Мать Юнус хана была дочерью или внучкой кипчакского бека из Туркестана по имени Шейх Нур ад-дин бек, к которому благоволил Тимур бек. После смерти Ваис хана могольский улус разделился на две части; одна часть была на стороне Юнус хана, а большинство — на стороне Исан Буга хана. До этого Улуг бек мирза взял старшую сестру Юнус хана для Абд ал-Азиз мирзы. В связи с этим Иразан, один из беков тумана Барин, и Мирек Туркмен, принадлежавший к числу беков тумана
10*а* Чарас, || привели [Юнус] хана с тремя-четырьмя тысячами семейств моголов к Улуг бек мирзе, чтобы, получив помощь, снова захватить улус моголов. Улуг бек мирза не проявил благородства: некоторых моголов он взял в плен, а остальных рассеял по разным областям. Смута Иразана стала в улусе моголов памятным событием.

Хана отправили в сторону Ирака. Уйдя туда, он больше года пробыл в Тебризе. В то время государем Тебриза был Джехан-шах Барани Кара Куйлук. Оттуда хан пришел в Шираз; в Ширазе находился второй сын Шахрух мирзы, Ибрахим Султан мирза. Через пять-шесть месяцев, когда Ибрахим Султан мирза умер, его сын Абд Аллах мирза сел на место отца. Хан был нукером Абд Аллах мирзы и состоял при нем. В Ширазе и в тех областях хан пробыл семнадцать-восемнадцать лет.

Во время раздоров между мирзой Улуг беком и его сыновьями Исан Буга хан, воспользовавшись случаем, пришел и совершил набег на Фергану, [дойдя] до Канд-и Бадама. Он взял Андиджан и забрал всех жителей в плен. Когда Султан Абу Са'ид мирза овладел престолом, он повел войска против Исан Буга хана. За Янги, у Ашпары,
10*б* в Моголистане ||, он как следует разбил Исан Буга хана. Чтобы прекратить эту смуту, Султан Абу Са'ид мирза в связи с тем, что он взял в жены старшую сестру Хана Ханум, которую раньше взял Абд ал-Азиз мирза, вызвал Юнус хана из Ирака и Хорасана. Он устроил пиршества, и они стали друзьями. Когда Султан Абу Са'ид мирза сделал Юнус хана ханом в улусе моголов и послал его туда, все беки тумана Сагаричи, обидевшись на Исан Буга хана, в то самое время пришли в Моголистан; Юнус хан явился к ним. В ту пору наибольшим беком тумана Сагаричи был Шир Хаджи бек. Юнус хан взял в жены его дочь Исан Даулат биким. По обычаю моголов [Юнус] хана с Исан Даулат биким посадили на белый войлок и, [подняв, тем самым] возвели в ханское достоинство.

У [Юнус] хана было от этой Исан Даулат биким три дочери. Старше всех была Мухр Нигар ханум, которую Султан Абу Са'ид мирза оставил для своего старшего сына, Султан Ахмед мирзы. От мирзы

у нее не было ни сына, ни дочери. Потом, во время безвластия, она досталась Шейбани хану. Когда я прибыл в Кабул, Михр Нигар ханум вместе с Шах биким приехала из Самарканда в Хорасан, а из Хорасана они переехали в Кабул. Во время осады Шейбани ханом Насир мирзы в Кандахаре я отправился в Ламган; Хан мирза, Шах биким и Михр-Нигар ханум направились в Бадахшан. Когда Мубарак шах || вызвал 11*а*
Мирза хана в Кала-и Зафар, им повстречались добытчики Абу Бекра Кашгари. Шах биким, Михр Нигар ханум и все женщины и семьи [сопровождавших их] людей попали в плен и простились с бренным миром в заточении у этого преступного злодея.

Второй дочерью Юнус хана была моя мать Кутлук Нигар ханум. Во времена казачества и безвластия она большей частью была со мной. Через пять-шесть месяцев после занятия Кабула, в девятьсот одиннадцатом году, она преставилась к божьей милости.

Третьей дочерью [Юнус хана] была Хуб Нигар ханум. Ее отдали за Мухаммед Хусейн Гургана, Дуглата. У нее родились дочь и сын. Дочь взял за себя Убайд хан. Когда я захватил Бухару и Самарканд, она не ушла и осталась там. Ее дядя Сейид Мухаммед мирза пришел ко мне в Самарканд послом от Са'ид хана, и она ушла вместе с ним. Султан Са'ид хан взял ее в жены.

Сыном Хуб Нигар ханум был Хайдар мирза .После убийства его отца узбеками он пришел и находился при мне три-четыре года. Потом он испросил разрешения и ушел в Кашгар к Хану.

Всякая вещь возвращается к своему началу —*
И чистое золото, и серебро, и свинец.

Теперь он, говорят, остепенился и встал на хороший путь. К писанию, к рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для натягивания лука — ко всему его руки были ловки. Дарование к стихам || у него тоже есть. Ко мне пришло от него прошение: слог его 11*б*
недурен.

Другой женой Юнус хана была Шах биким. Хотя у него были еще жены, но[только] эти две стали матерями его сыновей и дочерей. Шах биким была дочерью бадахшанского шаха, Шах Султан Мухаммеда. Говорят, эти бадахшанские шахи возводят свой род к Искандеру, сыну Файлакуса.

Другую дочь этого шаха, старшую сестру Шах биким, взял в жены Султан Абу Са'ид мирза; от нее родился Абу Бекр мирза.

У хана от Шах биким было два сына и две дочери. Старше трех других, но младше трех дочерей [хана], упомянутых выше, был Султан Махмуд хан, которого в Самарканде и окрестных местах некоторые называли Ханике хан. Моложе Султан Махмуд хана был Султан Ахмед хан, известный под именем Алача хан. Говорят, будто причина, почему

его назвали Алача, в том, что на языке калмаков и моголов убийцу называют «алачи», а так как Султан Ахмед хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли алачи; от частого употребления [слово алачи] превратилось в Алача.

В нашей летописи упоминание об этих ханах должно при случае встретиться неоднократно, события и обстоятельства их жизни будут в ней изложены.

12*а* Моложе других [детей хана], кроме одной дочери, || была Султан Нигар ханум, которую выдали за Султан Махмуд мирзу, от мирзы у нее был сын по имени Султан Ваис, упоминание о нем в этой летописи еще последует.

После смерти Султан Махмуд мирзы Султан Нигар ханум, захватив своего сына и не уведомив никого, отправилась в Ташкент к братьям. Спустя несколько лет, ее выдали за одного из казахских султанов, Адик султана , потомка Джучи, старшего сына Чингиз хана. Когда Шейбани хан, разбив ханов, взял Ташкент и Шахрухию, Султан Нигар ханум с двенадцатью могольскими нукерами бежала к Адик султану. От Адик султана у нее было две дочери; одну выдали за султана из дома Шейбани хана, другую — за сына Са'ид хана, Рашид султана.

После Адик султана [Султан Нигар ханум] взял хан казахского улуса Касим хан. Говорят, что среди казахских ханов и султанов ни один не держал этот народ в таком [повиновении], как Касим хан. В его войске насчитывали около трехсот тысяч человек. После смерти Касим хана ханум прибыла в Кашгар к Султан Са'ид хану.

Младше всех [детей Юнус хана] была Даулат Султан ханум. Во время беспорядков в Ташкенте она досталась сыну Шейбани хана Ти-
12*б* мур султану; || у нее была от него одна дочь. Вместе со мной они ушли из Самарканда. Три-четыре года они провели в области Бадахшана, после чего отправились в Кашгар к Султан Са'ид хану.

Одной из жен Омар Шейх мирзы была также Улус ага, дочь Ходжа Хусейн бека. У нее была дочь, которая умерла в малолетстве. Год или полтора года спустя после этого Улус ага удалили из гарема.

Другой [его] женой была Фатима Султан ага, происходившая от могольских туман-беков. Мирза взял эту Фатиму Султан ага раньше всех других жен.

Еще одна была Кара Куз биким. Мирза взял ее в конце жизни и очень полюбил. Чтобы угодить мирзе, ее род возводили к старшему брату Султан Абу Са'ид мирзы, Менучихр мирзе.

У мирзы Омар Шейха было много любовниц и наложниц. Одна из них — Умид Агаче; она умерла раньше мирзы. В конце жизни мирзы у него была еще Тун Султан, из моголок. Кроме нее была Ага Султан.

ЭМИРЫ ОМАР ШЕЙХ МИРЗЫ

Один из них был Худай Берды Тимур таш; это потомок старшего брата правителя Герата Ак Буга бека. Когда Султан Абу Са'ид мирза во время осады Джуки мирзы и Шахрухии отдал область Ферганы мирзе Омар Шейху, он поручил должность его ишик-аги || этому Худай Берды Тимур ташу. 13*а* Худай Берды Тимур ташу было тогда только двадцать пять лет от роду. Хотя он был молод годами, но строй, порядок и управление были при нем очень хороши. Спустя год или два, когда Ибрахим Бекчик напал на окрестности Оша, Худай Берды Тимур таш погнался за ним, вступил в бой, был побежден и погиб. В это время Султан Ахмед мирза был под Ура-Тепа на летовке, называемой Ак-Качгай, что в восемнадцати йигачах к востоку от Самарканда; Султан Абу Са'ид мирза находился в Баба-Хаки, в двенадцати йигачах к востоку от Герата. Весть о [гибели] Тимур таша послали мирзе в донесении через Абд ал-Ваххаб шигаула; расстояние в сто двадцать шесть йигачей было покрыто в четыре дня.

Другой был Хафиз Мухаммед бек Дулдай, он был сыном Султан Малика Кашгари и младшим братом Ахмед Хаджи бека. После смерти Худай Берды бека его сделали ишик-агой и послали [в Фергану]. После происшествия с Султан Абу Са'ид мирзой [Мухаммед бек], так как андиджанские беки с ним не ладили, отправился в Самарканд, на службу к Султан Ахмед мирзе. В день поражения Султан Ахмед мирзы на [реке] Чир он был в Ура-Тепа; когда Омар Шейх мирза, идя походом на Самарканд, || подступил к Ура-Тепа, Мухаммед бек передал Ура-Тепа 13*б* приближенным мирзы и вступил к мирзе на службу, а Омар Шейх мирза поручил ему управление Андиджаном. Потом [Мухаммед бек] ушел к Султан Махмуд хану. Тот поручил ему [воспитание] Мирза хана и отдал [в удел] Дизак. Еще до того, как я взял Кабул, [Мухаммед бек] решил посетить Мекку и направился туда через Хиндустан; в дороге он перешел к милости божией. Это был смиренный, немногословный человек без [особых] достоинств.

Другой был Ходжа Хусейн бек, муж смиренный и человеколюбивый. [Говорят, что], согласно обычаям той поры, он во время попоек прекрасно пел песни.

Другой был Шейх Мазид бек. Его назначили моим первым воспитателем. Управление и порядок были при нем очень хороши. Он служил Бабур мирзе, у Омар Шейх мирзы не было бека выше его. Он был человек развратный и держал бачей.

Другой был Али Мазид бек, он происходил из [племени] Каучин. Два раза он поднимал мятеж—один раз в Ахси, другой раз—в Ташкенте. Это был лицемерный, развратный, неблагодарный и [вообще] негодный человек.

Другой был Хасан Якуб бек, человек недалекий, но веселый, расторопный и деятельный. Ему принадлежит такой стих:

Вернись, о Хума, так как без попугая твоего пушка*
Ворон скоро унесет мои кости.

14*а* Он был смел, метко пускал стрелы, прекрасно играл чавганом и || хорошо прыгал при игре в чехарду. После гибели Омар Шейх мирзы полновластным вельможей при моих дверях был [именно] этот [бек]. Это был темный, несдержанный человек и большой смутьян.

Другой эмир был Касим бек. Он был из племени Каучин и принадлежал к числу древних родом беков андиджанского войска. После Хасан бека полновластным вельможей при моих дверях стал он. До конца жизни его влияние и значение все увеличивались, не уменьшаясь.

Это был мужественный человек. Один раз при набеге на окрестности Касана он погнался за узбеками и здорово разбил их. Он рубился саблей подле Омар Шейх мирзы. В сражении при Яси-Киджите он тоже дрался хорошо. Во времена казачества, когда я решил направиться из горной страны Масча к Султан Махмуд хану, Касим бек, расставшись со мной, ушел к Хусрау шаху. В девятьсот десятом году, когда я взял в плен Хусрау шаха и осаждал в Кабуле Мукима, Касим бек снова пришел ко мне и я оказал ему такое же внимание и благоволение, как прежде. Во время набега на туркменских хазара в Дара-и Хуш Касим бек, несмотря на старость, держался лучше молодых, поэтому я по-
14*б* жаловал ему область Бангаш. Потом||, по прибытии в Кабул, я назначил его воспитателем Хумаюна. Когда я взял Замин-Давер, Касим бек перешел к милости божией.

Касим бек был [хороший] мусульманин, благочестивый и богобоязненный человек и воздерживался от сомнительной пищи. Его мнения и распоряжения были очень хороши. Он часто шутил и, хотя был неграмотный, отпускал удачные остроты.

Другой эмир был Баба Кули, [сын] Баба Али бека; он был из потомства Шейх Али бахадура. После смерти Шейх Мазид бека его сделали моим воспитателем. Когда Султан Ахмед мирза повел войско на Андиджан, [Баба Кули] пришел к Султан Ахмед мирзе и отдал [ему] Ура-Тепа. После [смерти] Султан Махмуд мирзы Баба Кули бежал из Самарканда и направился [ко мне]; из Ура-Тепа вышел Султан Али мирза, сразился с ним, победил его и убил. Управление и снаряжение были при нем хороши, он отлично содержал своих нукеров. [Баба Кули] не молился, не соблюдал постов и был человек жестокий, подобный неверному.

Еще один был Али Дуст Тагай, из беков тумана Сагаричи, родич матери моей матери, Исан Даулат биким. Я оказывал ему бóльшие милости, чем [те, которыми он пользовался] во времена Омар Шейх мирзы. Говорили, что из его рук выйдет дело, но за те несколько лет, что он был при мне, он не сделал ни одного дела, || о котором стоило бы говорить. 15*а*
Служа Султан Абу Са'ид мирзе, он притязал на умение вызывать дождь посредством камня «яда». Это был сокольничий, человек с негодными свойствами и повадками, скряга, смутьян, тупица, лицемер, самодовольный, грубый, жестокосердый.

Другой был Ваис Лагари, самаркандец, из племени Тугчи. В последнее время жизни Омар Шейх мирзы он был очень близок к нему. В пору казачества [Ваис Лагари] находился при мне. Его мнения и распоряжения были очень хороши, [но] он был несколько склонен к смутам.

Другой был Мир Гияс Тагай, младший брат Али Дуста. При дворе Султан Абу Са'ид мирзы никто из могольских мирз не стоял впереди него; четырехугольная печать Султан Абу Са'ид мирзы находилась у Мир Гияс Тагая. В последнее время жизни Омар Шейх мирзы Мир Гияс Тагаи был к нему очень близок. Он водил дружбу с Ваис Лагари. С того времени, как Касан отдали Султан Махмуд хану, и до конца своей жизни он состоял на службе у хана, причем хан очень о нем заботился. Это был хохотун и шутник; в отношении разврата он не знал страха.

Другой эмир был Али Дервиш. Он был хорасанец и служил при Султан Абу Са'иде в отряде хорасанских юношей. Когда Хорасан и Самарканд подпали под власть || Султан Абу Са'ид мирзы, он создал два 15*б*
особых отряда из годных к военному делу молодых людей обеих этих столиц, которые называли «отрядом хорасанских молодцов» и «отрядом самаркандских молодцов». При моем дворе Али Дервиш держал себя хорошо.

Это был мужественный человек, он отлично писал почерком наталик. Речи Али Дервиша были льстивы, в природе его преобладала низость.

Другой был Камбар Али, могол, из конюших. Его отец, придя в область Ферганы, некоторое время занимался ремеслом живодера, поэтому [Камбар Али] называли Камбар Али-и Саллах.

Он исправлял должность подавателя рукомойника при Юнус хане, потом стал беком; у меня он пользовался большим благоволением. Собираясь на дело, он проявлял великое рвение, но, дойдя до дела, был трусоват. Он был болтун и говорил без толку; установлено, что тот, кто говорит много, говорит без толку. Нетерпеливый и скудоумный он был человек.

Когда с Омар Шейх мирзой случилось то происшествие, я был в Андиджане, в чар-баге. Во вторник пятого числа месяца рамазана весть об этом пришла в Андиджан. Я поспешно сел на коня и с теми слугами и нукерами, что были при мне, направился в крепость. Когда я подъехал к воротам мирзы, Ширим Тагай, схватив моего коня под узцы, двинулся в сторону Намазгаха. Ему пришло на ум, что Султан Ахмед мирза — великий || государь, и если он явится с многочисленным войском, то беки обязательно отдадут ему и меня и область Ферганы. Поэтому меня следует отвезти в Узгенд, к подножию гор. Если область и отдадут, то я, во всяком случае, не попаду в руки врагов и отправлюсь к моим дядям — Алача хану или Султан Махмуд хану.

16*а*

Когда Ходжа Маулана-и Кази, сын Султан Ахмеда Кази и потомок Шейха Бурхан ад-дина Клича, со стороны матери (он возводил свой род к Султан Илеку Маза; члены этого семейства оказались в области [Ферганы] прибежищем для всех и как бы наставниками в исламе, и упоминание о них будет еще неоднократно повторяться), и беки, находившиеся в крепости, получили известие об этом, они послали [к нам] Ходжа Мухаммед Дарзи, который был старым слугой Омар Шейх мирзы и воспитателем одной из его дочерей. Тот устранил эти опасения из сердца беков и, когда я приблизился к Намазгаху, взял меня и повернул обратно. Я въехал в арк и спешился. Ходжа Маулана-и Кази и беки, явившись ко мне и достигнув единства в речах и советах, приступили к укреплению и приведению в порядок башен и валов крепости. Хасан Якуб, Касим Каучин и некоторые другие беки, которые отправились вперед, в сторону Маргинана и окрестных мест, через день или два прибыли и, вступив ко мне на службу, согласно и единодушно, с усер-

16*б*

дием || и рвением занялись защитой крепости.

Султан Ахмед мирза, взяв Ура-Тепа, Ходженд и Маргинан, пришел и стал в Куба, в четырех йигачах от Андиджана. В это время один из андиджанских вельмож по имени Дервиш Гау за произнесение неподобающих слов подвергся казни. После такой расправы весь народ смирился.

Ходжу [Маулана-и] Кази и Узун Хасана, брата Ходжа Хусейна, я отправил [к Султан Ахмед мирзе] в качестве послов с таким предложением: «В эту область должно поставить кого-нибудь из ваших слуг. Я вам и слуга, и сын; если бы эту службу поручили мне, то было бы найдено лучшее и легчайшее решение».

Султан Ахмед мирза был человек немногословный, скромный и мягкий; никакое его слово, соглашение или дело не имело силы без беков. Беки не вняли моим словам и, дав грубый ответ, двинулись вперед. Однако Аллах всевышний, который по своему совершенному могуществу всегда устраивал всякое мое дело, как подобает и следует, не-

обязывая меня благодарностью его тварям, тогда тоже явил несколько дел, из-за которых враги стали тяготиться этим походом. Они даже раскаивались в своем выступлении и вернулись назад без удачи.

Прежде всего, в Куба есть болотистая река, которую нельзя перейти иначе, как по мосту. Когда пришло большое войско || и люди столпились на мосту, много коней и верблюдов погибло, свалившись в реку. 17*а*
Тремя-четырьмя годами раньше воины Султан Ахмед мирзы потерпели такое же поражение у переправы через реку Чир. Это событие о нем напомнило, и воинов охватил страх.

Еще: в это время на коней напал такой мор, что они валились и издыхали целыми косяками.

Еще: враги нашли наших воинов и подданных вполне единодушными и согласными, и те не прекращали усилий, пока был у них в теле дух и сила.

По этим причинам враги, будучи в одном йигаче от Андиджана, поневоле прислали к нам Дервиш Мухаммед тархана. Из крепости вышел Хасан Якуб; возле Намазгаха послы свиделись, заключили нечто вроде мира и воротились.

Вдоль северного берега реки Ходженда, [как уже сказано], шел Султан Махмуд хан. Он пришел и осадил Ахси. Джехангир мирза был там. Из беков в Ахси находились Али Дервиш бек, Мирза Кули кукельташ, Мухаммед Бакир бек и Шейх Абд Аллах ишик-ага; Ваис Лагари и Мир Гияс Тагай [сначала] тоже были там. Опасаясь беков, они ушли в Касан — область, [управлявшуюся] Ваис Лагари. Ваис Лагари был воспитателем Насир мирзы, по этой причине Насир мирза и находился в Касане. Когда Султан Махмуд хан достиг окрестностей Ахси, эти беки предались Хану || и отдали ему Касан. Мир Гияс остался на слубже 17*б*
у Хана, Ваис Лагари отвез Насир мирзу к Султан Ахмед мирзе: [царевича] поручили Мухаммед Мазид тархану.

Хан, приблизившись к Ахси, несколько раз начинал сражение, но ничего не мог сделать: беки и воины, находившиеся в Ахси, хорошо сопротивлялись. В это время Султан Махмуд хан внезапно заболел; к тому же, начав войну, он ею тяготился. Поэтому он вернулся в свою область.

Абу Бекр Дуглат Кашгари, ни перед кем не склоняя голову, уже несколько лет был правителем Кашгара и Хотана. Одержимый стремлением к захвату стран, он подошел близко к Узгенду, построил укрепления и начал было разорять область; Ходжа Кази и все беки были назначены выступить и прогнать [Абу Бекра] Кашгари. Когда они подошли близко, Кашгари увидел, что он не соперник этому отряду. Призвав Ходжа Кази в посредники, он освободился с помощью сотни уловок и хитростей.

Пока происходили эти большие события, беки и воины, оставшиеся после Омар Шейх мирзы, тесно сплотились и проявляли рвение. Мать мирзы Султан биким, Джехангир мирза, женщины гарема и беки прибыли [из Ахси] в Андиджан и, исполняя обряд оплакивания, роздали бедным и нищим еду и кушанья. || Освободившись от этих дел, я начал заниматься приведением в порядок, устроением и укреплением войска и страны. Должность правителя Андиджана и звание ишик-аги были предоставлены Хасан Якубу, Ош предоставили Касим Каучину, Ахси и Маргинан были назначены Узун Хасану и Али Дуст Тагаю. Прочим бекам и воинам Омар Шейх мирзы пожаловали и предоставили области, земли, должности, чины или жалованье — каждому по его положению.

18*а*

Когда Султан Ахмед мирза возвращался обратно, то после двух или трех переходов натура его уклонилась от пути уравновешенности. На него напала жгучая лихорадка и, дойдя до Ак-Су, возле Ура-Тепа, он простился с сим бренным миром в середине месяца шавваля восемьсот девяносто девятого года в возрасте сорока четырех лет.

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ [СУЛТАН АХМЕД МИРЗЫ]

Он родился в восемьсот пятьдесят пятом году; это был год, когда Султан Абу Са'ид мирза овладел престолом. Старшим из всех сыновей Султан Абу Са'ид мирзы был он. Его мать была дочерью Урда Буга тархана, старшей сестрой Дервиш Мухаммед тархана, уважаемой женой Мирзы.

НАРУЖНОСТЬ И ВНЕШНИЕ КАЧЕСТВА

Это был человек высокого роста, с темно-русой бородой, краснолицый и тучный. Борода у него была на подбородке, на обеих щеках бо-

18*б*

роды || не было. Он был очень хороший собеседник, тюрбан навертывал по обычаю того времени: в четыре оборота, опуская передний конец вперед, на брови.

НРАВ И ПОВАДКИ

Султан Ахмед мирза был ханифит по исповеданию и человек чистой веры, неизменно совершал пятикратную молитву и даже во время винопития не пренебрегал молитвой. Он был муридом досточтимого Ходжи Убайд Аллаха, досточтимый Ходжа оказывал ему попечение и поддержку. Султан Ахмед мирза был человек очень вежливый, особенно в обществе Ходжи; говорят, что на собраниях у Ходжи он никогда не сдвигал колен. Однажды в обществе досточтимого Ходжи он, вопре-

ки обыкновению, сидел сдвинув ноги. Когда [Ахмед] мирза встал, досточтимый Ходжа приказал осмотреть то место, на котором сидел мирза. Оказалось, что там лежала кость.

Султан Ахмед мирза ничего не читал, он был неграмотный. Хотя он вырос в городе, но был прост и неотесан и не обладал никакими дарованиями. Это был справедливый человек; досточтимый Ходжа всегда наблюдал за ним. Большинство важных дел он решал согласно пути закона, исполнял и соблюдал обещание и слово, никогда не нарушая его. Он отличался храбростью, хотя ни разу не случилось, чтобы его руки дошли до настоящего дела; однако говорят, что в некоторых битвах он проявлял признаки смелости. Стрелял он из лука очень || хорошо 19*а*
и большей частью попадал пернатой и бесперой стрелой в утку. Проносясь с одного конца ристалища до другого, он в большинстве случаев сбивал тыкву, [служившую мишенью]. В конце жизни, когда он обленился, то бил фазанов и перепелов палицей и редко промахивался. Он был любителем соколиной охоты и запускал много птиц; запускал он их хорошо. После Мирзы Улуг бека не было второго такого государя-сокольничего.

Он был очень стыдлив. Говорят, что даже оставаясь наедине со своими родственниками и близкими, он закрывал от них ноги. Иногда, начав пить, он пил двадцать-тридцать дней подряд; иногда, воздерживаясь от чаши, не пил тоже по двадцать-тридцать дней. Усевшись пировать, он проводил иногда в собрании целые сутки. Пил он хорошо, а в те дни, когда не пил чашу, ел много возбуждающих средств.

В его природе преобладала скупость; это был человек немногословный и мягкий; воля его была в руках беков.

БИТВЫ СУЛТАН АХМЕД МИРЗЫ

Он сражался в четырех битвах. [Первую битву] он вел в окрестностях Замина, у Акар-Тузи, против младшего брата Шейх Джамал Аргуна, Ни'мат Аргуна, и победил. Другой раз, сразившись с Омар Шейх мирзой под Хавасом, он тоже победил. В третий раз в окрестностях Ташкента, на берегах реки Чир, [в стычке] с Султан Махмуд ханом сражения, собственно, не было; || несколько могольских наездников 19*б*
подскакали сзади к войску Султан Ахмед мирзы и захватили обоз; такое множество воинов без боя, без сражения, не глядя друг на друга, обратилось в бегство; большая часть бойцов утонула в реке Чир.

Еще один раз Султан Ахмед мирза [сражался] с Хайдар кукельташем в окрестностях Яр-Яйлака и победил.

Владениями Султан Ахмед мирзы были Самарканд и Бухара, которые дал ему его отец. После убийства Шейх Джамала Абд ал-Куддусом он захватил Ташкент, Шахрухию и Сайрам. Некоторое время эти города были под его властью, потом он отдал Ташкент и Сайрам своему младшему брату Омар Шейх мирзе; Ходженд и Ура-Тепа тоже некоторое время принадлежали Султан Ахмед мирзе.

ДЕТИ СУЛТАН АХМЕД МИРЗЫ

У него было два сына, которые не выжили [и умерли] в младенчестве, и пять дочерей, из них четыре от Катак биким.

Старше всех была Рабиа Султан биким, ее называли Кара Куз биким. Султан Ахмед мирза, когда был еще в живых, отдал ее за Султан Махмуд хана. От Хана у нее был один сын, по имени Баба-хан, очень хороший мальчик. Когда узбеки в Ходженде убили Хана, они погубили Баба хана и еще несколько таких же незрелых юношей. После гибели Султан Махмуд хана Рабиа Султан биким взял Джани бек
20а султан.||

Второй дочерью Султан Ахмед мирзы была Салиха Султан биким, ее называли Ак биким. После смерти Султан Ахмед мирзы Султан Махмуд мирза, устроив пиры, взял ее для своего старшего сына Султан Мас'уд мирзы. Потом Салиха Султан биким вместе с Шах биким и Михр Нигар ханум попала в Кашгар.

Третья его дочь — Аиша Султан биким. Когда я приехал в Самарканд, пяти лет от роду, ее прочили за меня. Потом во времена казачества она приехала в Ходженд, там я взял ее в жены. Когда я вторично захватил Самарканд, у нее родилась единственная дочь; несколько дней спустя [девочка] преставилась к милости Аллаха. Еще до неурядиц в Ташкенте Аиша Султан биким по наущению своей старшей сестры ушла от меня.

Четвертой его дочерью была Султаним биким. Ее взял Султан Али мирза, после него — Тимур султан, а затем — Махди султан.

Самая младшая его дочь была Ма'сума Султан биким. Ее матерью была Хабиба Султан биким из рода Аргун — дочь брата Султан Аргуна. Придя в Хорасан, я увидел ее, она мне понравилась, я посватался, привез ее в Кабул и взял в жены. [У нас] родилась дочь, от трудных родов [Масума Султан биким] тогда же отправилась к милости Аллаха. Девочке было дано имя ее матери.

ЖЕНЫ И НАЛОЖНИЦЫ СУЛТАН АХМЕД МИРЗЫ

Первой из них была Михр Нигар ханум, сосватанная для него Султан Абу Са'ид мирзой. Это была старшая дочь Юнус хана и старшая

единоутробная сестра моей матери. || Другая была из тарханов, ее зва- 20*б*
ли Тархан биким. Еще одна была Катак биким, молочная сестра этой Тархан биким. Султан Ахмед мирза взял ее по любви и был сильно в нее влюблен. Она имела очень большую власть, пила вино. При ее жизни Султан Ахмед мирза не ходил к другим женам. В конце концов он убил ее и избавился от срама.

Другая его жена была Ханзаде биким, из [дома] термезских ханзаде. Когда я пяти лет от роду прибыл в Самарканд к Султан Ахмед мирзе, он только что взял ее в жены и она еще носила на лице покрывало. По тюркскому обычаю мне приказали открыть ей лицо.

Другая его жена была внучка Ахмед Хаджи бека по имени Латифа биким. После мирзы ее взял Хамза султан, от Хамзы султана у нее было трое сыновей. Когда я разбил султанов, во главе которых стояли Хамза султан и Тимур султан, и взял Хисар, эти царевичи и некоторые другие сыновья султанов попали мне в руки. Я отпустил их всех на свободу.

Еще одна была Хабиба Султан биким, племянница Султан Аргуна.

ЭМИРЫ СУЛТАН АХМЕД МИРЗЫ

Джани бек Дулдай был младшим братом Султан Малика Кашгари. Султан Абу Са'ид мирза поручил ему управление Самаркандом, а Султан Ахмед мирза назначил его своим ишик-агой. || Джани бек Дулдай 21*а*
был человек диковинного нрава и поведения; о нем рассказывали много удивительных вещей, вот одна из них. Когда он был правителем Самарканда, от узбеков прибыл посол; в землях узбеков этот посол славился своей силой. Узбеки, говорят, называют сильного человека «бука». Джанибек спросил: «Ты — бука? Если ты бука, то иди, поборемся». Как посол ни отговаривается, тот не отстает. Они борются и Джани бек его валит. Мужественный был человек!

Другой был Ахмед Хаджи бек, сын Султан Малика Кашгари. Султан Абу Са'ид мирза несколько раз поручал ему управление Гератом. После смерти его дяди Джани бека Султан дал ему должность последнего и послал его в Самарканд. Это был человек веселый и смелый. Он принял тахаллус Вафаи и был автором дивана стихов. Стихи его недурны. Ему принадлежит такой стих:

Я пьян, о мухтасиб, отстань от меня сегодня,*
Взыщи с меня в тот день, когда найдешь меня трезвым.

Мир Алишер Навои, когда прибыл из Герата в Самарканд, находился при Ахмед Хаджи беке. После того как Султан Хусейн мирза стал государем, он приехал к нему и встретил весьма великое благоволение. Ахмед Хаджи бек держал хороших породистых коней || и пре- 21*б*

красно ездил верхом. Большинство этих коней было домашнего завода. Хотя он был человек мужественный, но полководство его было не таково, как мужество. Это был беззаботный человек и его делами заправляли слуги и нукеры.

Когда Байсункар мирза сразился с Султан Али мирзой в Бухаре и потерпел поражение, Ахмед Хаджи бек попал в плен. Его обвинили в пролитии крови Дервиш Мухаммед тархана и с позором умертвили.

Другой эмир был Дервиш Мухаммед тархан. Это был сын Урду Буга тархана, родной дядя Султан Ахмед мирзы и Султан Махмуд мирзы. Он был выше и значительнее всех беков, находившихся при мирзе. Это был хороший мусульманин, мягкий человек, [настоящий] дервиш. Он постоянно переписывал Коран, много играл в шахматы и хорошо играл, отлично знал повадки охотничьих птиц и прекрасно запускал соколов. В конце концов во время распри между Байсункар мирзой и Султан Али мирзой он умер, в годы величия, оставив по себе дурную память.

Другой эмир был Абд ал-Али тархан, близкий свойственник Дервиш Мухаммед тархана. Младшая сестра последнего была за ним замужем; это мать Баки тархана.

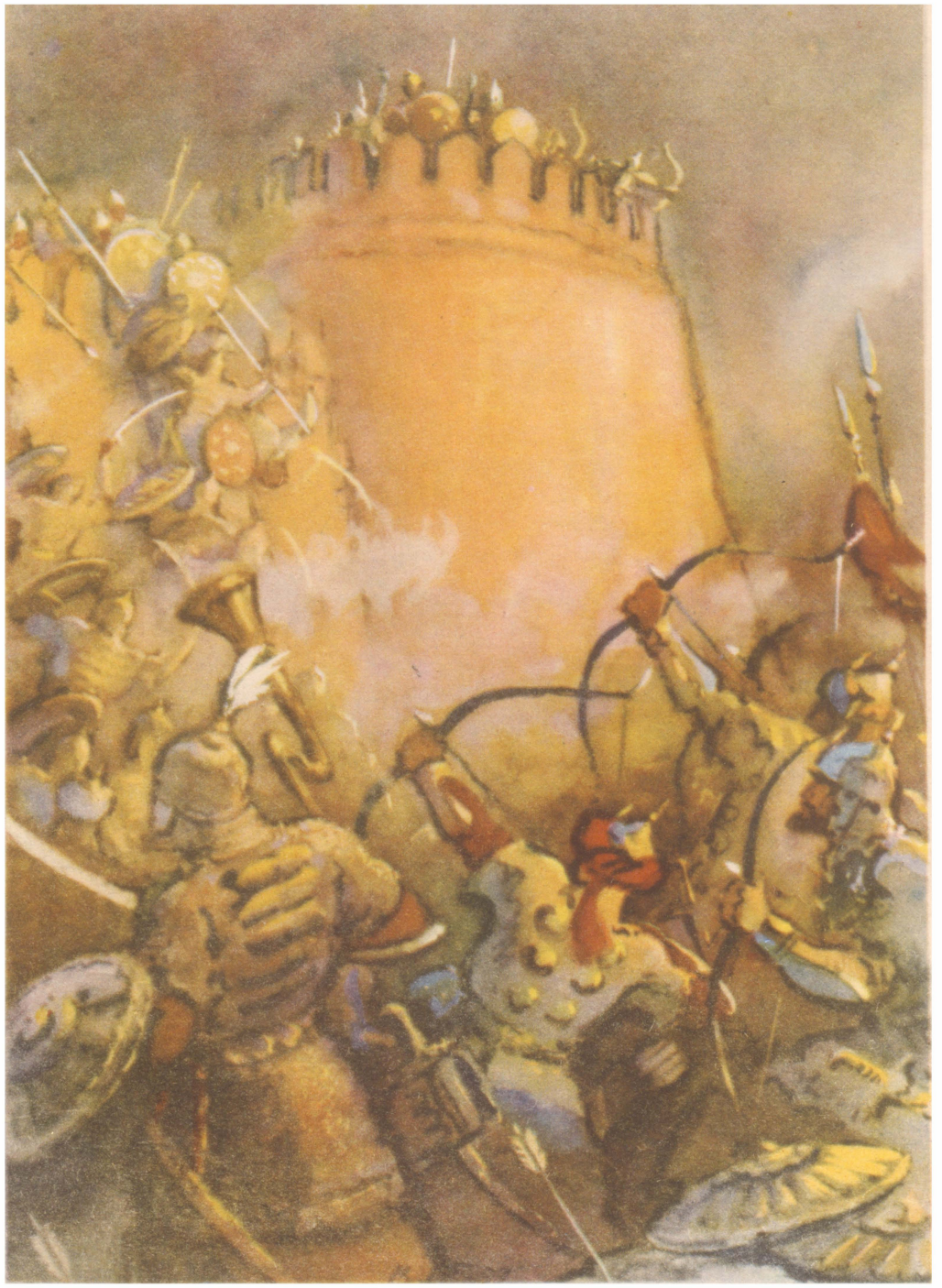
Хотя Дервиш Мухаммед тархан по чину и степени был выше Абд ал-Али тархана, но этот фараон словно не замечал его. Несколько лет
22а управление Бухарой || было в его руках, число его нукеров доходило до трех тысяч; нукеров он содержал хорошо и заботливо. Его подарки, посещения, приемы, пышность угощения и собрания были истинно царские. Это был человек властный, жестокий, развратный и надменный.

Шейбани хан, хотя не был его нукером, однако несколько раз состоял при нем, а многие султаны — Шейбаниды, малые и великие, были у него нукерами. Причиной столь большого возвышения Шейбани хана и падения стольких древних царственных домов был [этот] Абд ал-Али тархан.

Другой эмир был Сейид Юсуф Оглакчи. Его дед, говорят, пришел от моголов, к его отцу благоволил мирза Улуг бек. Мнения и распоряжения Сейид Юсуфа были очень хороши, мужество у него тоже было. Он хорошо играл на кобузе.

Когда я в первый раз прибыл в Кабул, Сейид Юсуф был при мне. Я оказывал ему большое внимание и, действительно, он стоил внимания! В тот год, когда мои войска впервые выступили в Хиндустан, я оставил Сейид Юсуф бека в Кабуле. Там он и преставился к милости Аллаха.

Другой эмир был Дервиш бек, один из потомков Айгу Тимур бека, которому оказывал покровительство Тимур бек. Он состоял муридом досточтимого Ходжа Убайд Аллаха, был сведущ в науке о музыке и



сам тоже играл на сазе. У него была способность к стихосложению. || 22*б*
Когда Султан Ахмед мирза потерпел поражение на берегах Чира, Дервиш бек [погиб], утонув в реке.

Другой эмир был Мухаммед Мазид тархан, младший единоутробный брат Дервиш Мухаммед тархана. Несколько лет он был правителем Туркестана; Шейбани хан отнял Туркестан именно у него. Его мнения и распоряжения были хороши, [но] он был бесстыдник и развратник.

Когда я во второй и в третий раз взял Самарканд, он пришел ко мне, и ему также я оказал большое внимание. Он погиб в битве при Кул-Малике.

Другой эмир был Баки тархан, сын Абд ал-Али тархана и двоюродный брат Султан Ахмед мирзы. После его отца Бухару отдали ему; во времена Султан Али мирзы он чрезвычайно возвысился. Число его нукеров доходило до пяти-шести тысяч, и он был не очень послушен и покорен Султан Али мирзе; сразившись с Шейбани ханом у крепости Дабуси, он был разбит; благодаря этой победе Шейбани хан пошел и взял Бухару.

Баки тархан имел великую склонность к соколиной охоте; говорят, у него было семьсот ловчих птиц. Таких свойств и качеств, о которых стоило бы говорить, у него не было. Он вырос в знатности и богатстве. Так как его отец сделал много добра Шейбани хану, то Баки тархан отправился к нему. Этот неблагодарный и невеликодушный человек не оказал ему в воздаяние за благо || никакого внимания и ласки, и 23*а*
Баки тархан в унижении и печали покинул сей мир в области Ахси.

Другой эмир был Султан Хусейн Аргун. Некоторое время он был правителем Кара-Куля и потому известен под прозвищем Султан Хусейн Каракули. Его мнения и распоряжения были очень хороши; у меня он также пробыл долгое время.

Другой эмир был Кул Мухаммед Бугдай. Он был из племени Кауччин и, говорят, отличался мужеством.

Другой эмир был Абд ал-Карим Ишрит. Он был уйгур и состоял ишик-агой у Султан Ахмед мирзы. Это был человек щедрый и мужественный.

* * *

После смерти Султан Ахмед мирзы беки, сговорившись, послали через горы гонца к Султан Махмуд мирзе, призывая его. Сын старшего брата Султан Абу Са'ид мирзы, Менучихр мирзы, Малик Мухаммед мирза, жаждая власти, собрал вокруг себя несколько бродяг и

бездельников, покинул лагерь и пришел в Самарканд. Он не смог ничего сделать и стал причиной смерти — своей собственной и нескольких невинных царевичей.

Когда весть об этом дошла до Султан Махмуд мирзы, тот тоже, не задерживаясь, пришел в Самарканд и без труда и усилий воссел на престол.

Из-за некоторых дел Султан Махмуд мирзы худородные и знатные воины и крестьяне почувствовали к нему отвращение и неприязнь. Первое из этих дел таково: упомянутого ранее Малик Мухаммед мир-
23*б* зу, || который был сыном его дяди и его собственным зятем, и еще четырех мирз он отослал к Кок-Сарай; оставив двух в живых, он сделал мучеником Малик Мухаммед мирзу и еще одного мирзу. А ведь до некоторых из них царский сан и не касался, и стремления к этому у них вовсе не было; если Малик Мухаммед мирза и был несколько виноват, то за другими не было никакой вины.

Другое обстоятельство — то, что хотя строй и порядок были при нем очень хороши и он был сведущ в делах дивана и знал науку счисления, однако его естество было склонно к насилию и разврату. Придя в Самарканд, он тотчас же начал вводить новые правила и порядки, повинности и налоги. Людям, связанным с досточтимым Ходжа Убайд Аллахом, из коих многие, бедные и нищие, благодаря его покровительству были раньше избавлены от обид и злоупотреблений в отношении повинностей и налогов, начали чинить всякие притеснения и строгости. Эти притеснения и строгости распространились даже на потомков самого Ходжи.

Вот еще одно обстоятельство: как сам он был жесток и развратен, так и его беки, великие и малые, нукеры и слуги — все были жестоки и развратны. Жители Хисара и особенно люди, связанные с Хусрау шахом, постоянно предавались пьянству и блуду. Как-то раз кто-то из
24*а* нукеров Хусрау шаха силой увел чью-то жену; || муж той женщины является и приносит Хусрау шаху жалобу. Тот отвечает: «Она пробыла с тобой несколько лет, пусть же побудет с ним несколько дней».

Еще одно то, что безбородые юноши—дети горожан и торговцев и даже тюрков и военных не выходили из дому, боясь, что их заберут в бачи. Жители Самарканда, которые двадцать пять лет во времена Султан Ахмед мирзы жили в довольстве и покое, так как обращение с ними, благодаря досточтимому Ходже, в большинстве случаев соответствовало справедливости и закону, были до глубины души и сердца обижены и огорчены такими притеснениями и развратом. Худородный и знатный, бедный и убогий — [все] раскрывали уста и воздевали руки, произнося проклятия и пожелания зла [мирзе].

Берегись тревожить скрытые раны,*
Ибо скрытая рана в конце концов становится явной;
Не расстраивай, пока можешь, ничьего сердца,*
Ибо один вздох расстраивает весь мир.

Во всяком случае Султан Махмуд мирза из-за своей злополучной жестокости и разврата правил в Самарканде не больше пяти-шести месяцев.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТИСОТОГО

Ко мне прибыл от Султан Махмуд мирзы посол по имени Абд ал-Куддус бек и доставил подарки по случаю того, что Султан Махмуд мирза, с [подобающими] празднествами и обрядами, взял в жены для своего старшего сына Султан Мас'уд мирзы вторую дочь своего старшего брата Султан Ахмед мирзы, по имени Ак биким. Они сделали [и прислали] миндалины и фисташки из золота и серебра.

Прибывший посол был, кажется, в родстве с Хасан Якубом; он, видимо, пришел для того, чтобы обещаниями привлечь Хасан Якуба
246 на сторону мирзы. || Хасан Якуб дал неопределенный ответ и отпустил посла, но держал себя так, словно был на его стороне. Месяцев пять-шесть спустя настроение Хасан Якуба изменилось и он начал обижать бывших со мной людей. Он вел дело к тому, чтобы отослать

меня и объявить государем Джехангир мирзу. Отношения Хасан Якуба с другими эмирами и воинами тоже были нехороши, и все были осведомлены о таких его замыслах. Ходжа Кази, Касим Каучин, Али Дуст Тагай, Узун Хасан и некоторые другие доброжелатели, собравшись у моей бабки Исан Даулат биким, сговорились о том, чтобы низложить Хасан Якуба и успокоить смуту.

Среди женщин по уму и рассудительности мало найдется таких, как моя бабка Исан Даулат биким. Она была очень умная и рассудительная женщина; большинство дел решали по ее совету.

Хасан Якуб был в арке, моя мать и бабка Исан Даулат биким находились вне крепости, в наружном укреплении. С намерением [низложить Хасан Якуба] я направился в арк. Хасан Якуб уехал на охоту. Узнав о случившемся, он прямо оттуда поехал в сторону Самарканда. || 25*а* Людей Хасан Якуба и беков, которые находились с ним, схватили; среди задержанных беков были Мухаммед Бакир бек и Султан Махмуд Дулдай, отец Султан Мухаммед Дулдая; был и еще кое-кто. Некоторые получили разрешение отправиться в Самарканд; звание ишик-аги и должность правителя Андиджана были утверждены за Касим Каучином.

Хасан Якуб, который, направляясь к Самарканду, дошел до Канд-и Бадама, через несколько дней двинулся в Ахси, имея дурные намерения, и пришел в окрестности Хокандского округа. Узнав об этом, мы послали против него некоторых беков и йигитов. Беки отрядили вперед на разведку нескольких йигитов, Хасан Якуб, узнав об этом, выступил ночью против йигитов, отправленных на разведку, окружил их стан и начал пускать стрелы. В темноте ночи одна из стрел его же людей попала Хасан Якубу в щеку, и, не успев убежать, он стал пленником своих собственных деяний.

Когда ты сделал дурное, не считай себя в безопасности от беды,*
Ибо возмездие — неизбежный закон природы.

В этом году я начал воздерживаться от сомнительных кушаний и тщательно выбирал даже нож, ложку и скатерть. Ночные молитвы я тоже пропускал || реже. 25*б*

В месяце раби' втором на Султан Махмуд мирзу напала сильная болезнь, и через шесть дней он ушел из мира. Жил он сорок три года.

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ [СУЛТАН МАХМУД МИРЗЫ]

Он родился в восемьсот пятьдесят седьмом году и был третьим сыном Султан Абу Са'ид мирзы, единоутробным братом Султан Ахмед мирзы.

НАРУЖНОСТЬ И КАЧЕСТВА

Это был человек небольшого роста с длинной редкой бородой, тучный, довольно молчаливый.

Качества и повадки его были хороши, он не пропускал молитв, порядок и управление были при нем превосходны. Он прекрасно знал науку счисления; ни одного дирхема или динара не расходовали без его ведома, жалование нукерам никогда не задерживали. Его собрания, подарки, угощения и приемы были превосходны, и все шло по правилам и по чину. Ни воины, ни крестьяне никогда не преступали какого-либо распоряжения и установления, которые ввел Султан Махмуд мирза.

Раньше Султан Махмуд мирза сильно увлекался птичьей охотой, потом много охотился на крупную дичь. Он был очень склонен к жестокости и разврату, постоянно пил вино и содержал множество бачей. Если где-нибудь в его владениях появлялся миловидный безбородый юноша, то мирза любым способом заставлял привести его и брал в бачи.
26*а* Сыновей своих беков, беков своих сыновей || и даже сыновей своих молочных братьев он брал в бачи, употреблял для такого занятия. Эти скверные дела были в его время столь распространены, что не было ни одного [богатого] человека без бачи. Содержать бачей считалось достоинством, не содержать их — недостатком. Жестокость и разврат Султан Махмуд мирзы принесли ему несчастье, и все его сыновья умерли молодыми.

У Султан Махмуд мирзы была склонность к стихосложению; он составил диван, но его стихи были очень слабы и безвкусны. Чем говорить такие стихи, лучше ничего не говорить.

Султан Махмуд мирза был человек дурной веры, он не уважал досточтимого Ходжу Убайд Аллаха. Он был трус и стыда в нем было немного, его окружали шуты и бесстыдники, в диване и на глазах людей они совершали всякие безобразия и гнусности. Султан Махмуд мирза плохо говорил, и его слов сразу нельзя было понять.

ЕГО БИТВЫ

Он сражался два раза, оба раза — с Султан Хусейн мирзой. Первый раз, под Астрабадом, он был побежден, второй раз, в окрестностях Андхуда, у местности, называемой Чакман, тоже потерпел поражение. Два раза он ходил походом в Кафиристан, в южной части Бадахшана,
26*б* поэтому || в тугре его указов писали: Султан Махмуд гази.

ЕГО ВЛАДЕНИЯ

Султан Абу Са'ид мирза отдал ему Астрабад; после события в Ираке он пришел в Хорасан; в то время правитель Хисара Камбар Али

бек по приказу Султан Абу Са'ид мирзы собрал войска Хиндустана и направился в Ирак, чтобы присоединиться к мирзе. Придя в Хорасан, он присоединился к Султан Махмуд мирзе. При вести о приближении Султан Хусейн мирзы жители Хорасана восстали и выгнали Султан Махмуд мирзу из Хорасана. Он пришел в Самарканд к Султан Ахмед мирзе. Через несколько месяцев Сейид Бадр, Хусрау шах и некоторые другие йигиты с Ахмед Муштаком во главе бежали и привели Султан Махмуд мирзу в Хисар к Комбар Али беку. С тех пор области к югу от Кахка и гор Кухтан—Термез, Чаганиан, Хисар, Хутталан, Кундуз и Бадахшан—до гор Хиндукуша были подвластны Султан Махмуд мирзе. После смерти его старшего брата Султан Ахмед мирзы владения последнего тоже перешли в руки Султан Махмуд мирзы.

ЕГО ДЕТИ

У него было пятеро сыновей и одиннадцать дочерей. Старшим из всех сыновей был Султан Мас'уд мирза, его матерью || была Ханзаде 27*а*
биким, дочь Мир Бузурга Термези.

Другой сын был Байсункар мирза, его матерью была Пашша биким.

Другой сын был Султан Али мирза, его матерью была Зухра Бики Ага. Она была узбечка, наложница.

Другой сын был Султан Хусейн мирза; его матерью была Ханзаде биким, внучка Мир Бузурга. При жизни мирзы Султан Махмуда тринадцати лет от роду он преставился к милости господней.

Еще один сын был Султан Ваис мирза; его матерью была Султан Нигар ханум, дочь Юнус хана, младшая сестра моей матери. Об обстоятельствах жизни этих четырех мирз будет упоминаться в сей летописи [при изложении] событий соответствующего года.

Три дочери [Султан Махмуд мирзы] были единоутробные сестры Бейсункар мирзы. Старшую Султан Махмуд мирза выдал за Малик Мухаммед мирзу, сына своего дяди Менучихр мирзы. Другие пять дочерей были от Ханзаде биким, внучки Мир Бузурга. Старшую после смерти Султан Махмуд мирзы выдали за Абу Бекра Кашгари. || Вто- 27*б*
рая была Бике биким; ее взял во время осады Хисара Султан Хусейн мирза для своего сына по имени Хайдар мирза, родившегося от дочери Султан Абу Са'ид мирзы, Пайанде Султан биким, и, заключив мир, ушел из под Хисара.

Третьей его дочерью была Ак биким, четвертой дочерью — Ай биким. Когда Султан Хусейн мирза пришел под Кундуз и Омар Шейх мирза послал своего сына Джехангир мирзу с войском Андиджана на подмогу Султан Махмуд мирзе, тот назначил ее для Джехангир мирзы.

В девятьсот десятом году Баки Чаганиани на берегу реки Аму явился ко мне на службу; обе эти Биким вместе с их матерями были в Термезе. Они тоже пришли вместе с семьей Баки Чаганиани и присоединились ко мне. Придя в Кахмерд, Джехангир мирза взял Ак биким в жены. У них родилась всего одна девочка, которая теперь находится в области Бадахшана вместе с Ханзаде биким, своей бабушкой.

Пятая дочь была Зейнаб Султан биким. Когда я взял Кабул, то женился на ней по настоянию моей матери Кутлук Нигар ханум. Особого толку из этого не вышло. Спустя два-три года, заболев оспой, она ушла из мира.

Еще одна дочь была Махдума Султан биким, единоутробная старшая сестра Султан Али мирзы. Теперь она находится в Бадахшане.

28*а* Еще две дочери были от наложницы. Одну из них || звали Раджаб Султан, другую — Мухибб Султан.

ЖЕНЫ И НАЛОЖНИЦЫ СУЛТАН МАХМУД МИРЗЫ

Старшей его женой была дочь Мир Бузурга Термези, по имени Ханзаде биким; мирза очень ее любил. Она была матерью Султан Мас'уд мирзы. После ее смерти Мирза горько ее оплакивал, потом он взял в жены внучку Мир Бузурга, племянницу той Ханзаде биким. Она была матерью пяти его дочерей и одного сына.

Другая его жена была Паша биким, дочь Али Шукр бека, одного из туркестанских беков племени Кара Куйлук Бахарлу. Ее взял сын Джехан шах мирзы Барани Кара Куйлука Мухаммед мирза. Когда Узун Хасан Ак Куйлук отнял у сыновей этого Джехан шаха Азербайджан и Ирак, сыновья Али Шукр бека с четырьмя-пятью тысячами семейств кара-куйлукских туркмен пришли служить Султан Абу Са'ид мирзе. После поражения Султан Абу Са'ид мирзы они поселились в этих областях. Когда Султан Махмуд мирза прибыл из Самарканда в Хисар, они явились служить Султан Махмуд мирзе. Мирза взял Паша биким в это время. Она была матерью одного его сына и трех дочерей.

Другая его жена была Султан Нигар ханум. О ее происхождении
28*б* подробно упоминалось при рассказе о [могольских] ханах. ||

Наложниц и любовниц было у него много; наложницей, пользовавшейся почетом, была Зухра Бики Ага, из узбечек. Он взял ее в молодости, при жизни Султан Абу Са'ид мирзы. Она была матерью одного его сына и одной дочери. Любовниц у Султан Махмуд мирзы было [тоже] множество. От двух из них родились две дочери, уже упомянутые выше.

ЭМИРЫ СУЛТАН МАХМУД МИРЗЫ

Хусрау шах. Он из туркестанских кипчаков. В детстве он состоял при беках-тарханах для близких услуг, а потом стал нукером Мазид бека Аргуна, который, в общем, проявлял к нему внимание. Во время иракской смуты Хусрау шах присоединился к Султан Махмуд мирзе и в дороге оказывал ему подобаемые услуги, вследствие чего Султан Махмуд мирза отнесся к нему со вниманием. Потом Хусрау шах очень сильно возвысился. Уже во времена Султан Махмуд мирзы число его [личных] нукеров достигало пяти-шести тысяч. Все области от Аму-Дарьи до гор Хиндукуша, кроме Бадахшана, были ему подвластны. Это было сплошное владение.

Угощения его были хороши, как и его щедрость, несмотря на тюркское происхождение. Он был большой стяжатель, но так же, как и приобретал, тратил тоже хорошо.

После Султан Махмуд мирзы при его сыновьях [Хусрау шах] сильно возвысился. Число его нукеров приближалось к двадцати тысячам. Хотя он соблюдал воздержание в пище и совершал молитвы, но был человек нечистый, развратный, тупой, без понятия, || вероломный и не- 29*а*
благодарный. Ради [благ] быстротечной, преходящей земной жизни он ослепил одного из сыновей своего благодетеля, который его вырастил, и убил другого. Перед богом он был ослушником, а для людей — ненавистным, достойным того, чтобы его проклинали и поносили до самого дня воскресения мертвых. Ради [благ] сей бренной жизни он совершил столько дурных дел! Владея таким множеством благоустроенных областей и столь большим количеством хорошо снаряженных нукеров, он [ни разу] не схватился даже с курицей. Упоминание о нем в этой летописи еще последует.

Другим эмиром [Султан Махмуд мирзы] был Мухаммед Ильчи Буга из племени Каучин. У ворот Балха во время битвы с [Пир Дервиш] Хазараспи он дрался на кулаках на заклад перед Султан Абу Са'ид мирзой. Это был храбрый человек. Он постоянно служил мирзе, и мирза поступал согласно с его мнением. Когда Султан Хусейн мирза осаждал Кундуз, Мухаммед Ильчи Буга ради соперничества с Хусрау шахом вышел с немногими людьми, невооруженный, без кольчуги и произвел ночное нападение. Правда, ему не удалось ничего сделать, да и что он мог сделать против такого большого войска? За ним бросились в погоню, и он кинулся в реку и утонул.

Другой эмир был Айуб. Он служил при Султан Абу Са'ид мирзе в хорасанском отряде телохранителей. Это был мужественный человек, он был воспитателем мирзы Байсункара. [Эмир Айуб] любил изыскан-

ность в пище и одежде, был шутник и говорун. Султан Махмуд мирза,
29б || обращаясь к нему, называл его «бесстыжим».

Другой [эмир] был Вали, младший единоутробный брат Хусрау шаха. Он хорошо содержал своих нукеров. Виновником того, что Султан Мас'уд мирзу ослепили иглой, а Байсункар мирзу убили, был Вали. Он хулил всех, злоязычил и сквернословил, был самодовольный и скудоумный человечишко. Кроме себя, он не одобрял никого ни за какое дело.

Когда я пришел из области Кундуза и, разлучив Хусрау шаха с его нукерами и слугами в окрестностях Души, отпустил его, [Вали], тоже опасаясь узбеков, пришел в Андар-Аб и Сар-Аб. Тамошние кочевники разбили и ограбили его, и, полагаясь на нас, пришли в Кабул. А Вали ушел к Мухаммеду Шейбани, и тот приказал отрубить ему голову в городе Самарканде.

Другой [эмир] был Шейх Абд Аллах Барлас. За ним была одна из дочерей Шах Султан Мухаммеда — это тетка Абу Бекр мирзы и Султан Махмуд хана. Он носил нарядные халаты и был человек мягкий и благородный.

Другой [эмир] был Махмуд Барлас из навандакских Барласов. При Султан Абу Са'ид мирзе он тоже был беком. Когда Султан Абу Са'ид мирзе подчинились земли Ирака, он отдал Керман Махмуд Барласу. После того как Мазид бек Аргун и кара-куйлукские туркмен-
30а ские беки, присоединившиеся к Абу Бекр мирзе, || пришли в Хисар, выступили против Султан Махмуд мирзы и тот ушел в Самарканд к своему старшему брату, Махмуд Барлас не отдал Хисара и хорошо защищал его. Он был поэт и составил диван.

После смерти Султан Махмуд мирзы Хусрау шах утаил это обстоятельство от народа и запустил руку в его казну. Но как останется такое событие скрытым? Весть об этом тотчас же распространилась среди всего населения города. Этот день для жителей Самарканда был большим праздником. Воины и простой народ собирались напасть на Хусрау шаха, но Ахмед Хаджи бек и беки-тарханы подавили волнения и, удалив Хусрау шаха, отправили его в Хисар. Султан Махмуд мирза при жизни отдал Хисар своему старшему сыну Султан Мас'уд мирзе, а Байсункар мирзе отдал Бухару и отпустил их туда. При этом событии не присутствовал ни один из них. После удаления Хусрау шаха беки Самарканда и Хисара, сговорившись, послали в Бухару к Байсункар мирзе человека, призвали его и посадили на престол Самарканда. Когда Байсункар мирза стал государем, ему было восемнадцать лет.

Тем временем Султан Махмуд хан, следуя словам Султан Джунаид
30б || Барласа и некоторых самаркандских вельмож, повел войско с на-

мерением овладеть Самаркандом и пришел к окрестности Канбая. Байсункар мирза, со своей стороны, вышел из Самарканда с многочисленным, сильным и хорошо снаряженным войском. В окрестностях Канбая они сразились. Хайдар Кукельташ, который был главным столпом войска моголов, стоял [во главе] авангарда. Все [его люди] сошли с коней и принялись пускать стрелы. Много конных йигитов из Самарканда и Хисара, исполненных ревности, погнали коней вперед, и все моголы, которые были под началом Хайдар бека и спешились, попали под ноги лошадей. Когда [Хайдар бека] взяли, моголы не могли больше сражаться и их одолели. Множество моголов было истреблено. Байсункар мирза велел обезглавить у себя на глазах столько людей, что из-за огромного количества трупов его шатер три раза переносили с места на место.

В это самое время Ибрахим Сару из племени Минг, который с малых лет состоял на службе у моего отца и, достигнув степени бека, был впоследствии удален за какую-то провинность, пришел в крепость Исфару и, прочитав хутбу с именем Байсункар мирзы, встал на путь ослушания. В месяце ша'бане мои войска выступили, || чтобы подавить 31*а*
мятеж Ибрахима Сару. В конце этого месяца мы обложили Исфару и стали лагерем. В первый день йигиты сейчас же по прибытии из озорства захватили новую укрепленную стену, которую строили вне крепости. В этот день Сейид Касим ишик-ага держал себя лучше всех и, вырвавшись вперед, рубил саблей. Султан Ахмед Танбал тоже рубил клинком, Мухаммед Дуст Тагай тоже орудовал клинком, но «долю богатыря» получил Сейид Касим. Богатырская доля — древний обычай у моголов. На каждом пиршестве или трапезе всякий, кто вырвался вперед из рядов и [лихо] бился клинком, получает эту долю. Когда я отправился в Шахрухию и повидался с моим дядей Султан Махмуд ханом, богатырскую долю получил Сейид Касим.

В первый день битвы в моего воспитателя Худай Берды попала стрела из самострела и он умер. Из-за того что бой вели без доспехов, некоторые йигиты погибли и многие были ранены. У Ибрахима Сару был один превосходный лучник, который очень хорошо стрелял; другого такого стрелка не было видано. Именно он ранил большинство врагов. После занятия крепости он находился при мне.

Осада затянулась. Было приказано в двух-трех местах возвести валы, прорыть подкопы || и усердно заняться подготовкой осадных 31*б*
орудий. Осада продлилась сорок дней. В конце концов Ибрахим Сару, оказавшись бессильным, прибег к посредничеству Ходжа Маулана-и Кази и выразил покорность. В месяце шаввале он пришел, повесив меч и колчан на шею, и, сдав крепость, поступил ко мне в услужение.

Ходженд также долгое время был подчинен дивану Омар Шейх мирзы. Во время междуцарствия власть в области [Ферганы] ослабла и [жители] Ходженда смотрели в сторону Султан Ахмед мирзы. Раз выпал такой удобный случай, то мы пошли также и на Ходженд. В крепости Ходженда находился отец Мир Могола Абд ал-Ваххаб шигаул. Когда я пришел, он сразу без отговорок сдал крепость.

В это время Султан Махмуд хан пришел в Шахрухию. Раньше, когда Султан Ахмед мирза явился в окрестности Андиджана, хан, как уже упоминалось, тоже пришел туда и обложил Ахси. Мне пришло на ум следующее: «Хан мне все равно что отец или старший брат. Раз мы так близко друг от друга, то если я пойду и стану ему служить и если минувшие неудовольствия рассеются, это будет приятно слышать и видеть и ближнему, и дальнему». С такими мыслями я явился в сад, раз-
32*а* битый Хайдар беком в окрестностях Шахрухии. Хан восседал || в большом шатре с выходом на все четыре стороны, разбитом посреди сада. Войдя в шатер, я трижды преклонил колени; Хан поднялся и тоже поклонился. Когда я поздоровался и отступил назад, [снова] преклонив колени, Хан приказал мне сесть с собой рядом и проявил большое благоволение и ласку.

Спустя день или два я направился в сторону Ахси и Андиджана через перевал Кендирлик. Достигнув Ахси, я совершил обряд поклонения могиле моего отца. В пятницу в час соборной молитвы я вышел из Ахси и, пройдя дорогой на Банд-и Салар, вступил в Андиджан между вечерней молитвой и молитвой перед сном. Эта дорога, то есть дорога через Банд-и Салар, тянется девять йигачей.

Среди кочевых племен в Андиджанской области есть племя Чограк; это большое племя в пять-шесть тысяч семейств. Они живут в горах между Ферганой и Кашгаром, у них много коней и множество овец. В этих горах вместо быков разводят кутасов. Кутасов у них тоже много.

Так как их горы непроходимы и находятся на окраине, то они не торопятся сдавать скот. Поставив Касим бека во главе войска, я послал его к Чограк ам, чтобы он взял у них скот и роздал часть его войску. Касим бек пошел и, захватив около двадцати тысяч овец и от тысячи до полутора тысяч лошадей, разделил их между воинами.

32*б* Возвратившись от Чограков, наши войска пошли на Ура-Тепа, || который долгое время находился под властью Омар Шейх мирзы. В год смерти мирзы Ура-Тепа вышел из его рук. Теперь, от имени Байсункар мирзы, там сидел его младший брат Султан Али мирза.

Султан Али мирза, узнав о выступлении нашего войска, ушел в Пальгар и в горную область Масча, а в Ура-Тепа оставил своего воспитателя Шейх Зу-н-Нуна. Миновав Ходженд и дойдя до половины пути, я отправил Халифу к Шейх Зу-н-Нуну в качестве посла. Этот не-

разумный человечишко [т. е. Зу-н-Нун] не дал удовлетворительного ответа и, приказав задержать Халифу, велел его умертвить. Так как на то не было божией воли, то Халифа освободился и через два-три дня после тысяч и тысяч тягот и мучений вернулся, пеший и голый.

Мы пришли в окрестности Ура-Тепа. Так как приближалась зима, то люди уже сняли весь хлеб и травы. По этим причинам мы через несколько дней вернулись в Андиджан.

После нашего ухода один из людей Хана пошел на Ура-Тепа. Человек, сидевший в Ура-Тепа, не мог устоять, бросил город и ушел; [Султан Махмуд] хан отдал Ура-Тепа Мухаммед Хусейн Гургану. С этого времени и до девятьсот восьмого года Ура-Тепа принадлежал Мухаммед Хусейн Гургану.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ПЕРВОГО

33*a* Султан Хусейн мирза повел войска из Хорасана на Хисар и зимой подошел и стал напротив Термеза. Султан Мас'уд мирза, собрав войско, тоже пришел к Термезу и стал лагерем напротив Султан Хусейна. Хусрау шах, сам укрепившись в Кундузе, послал своего младшего брата Вали к войску. Большую часть зимы противники провели на берегах реки; они не смогли переправиться. Султан Хусейн мирза был государь опытный и знающий дело; он пошел к Кундузу вверх по реке, берегом. Отвлекши внимание войска, стоявшего напротив, он отрядил пять-шесть сотен отборных йигитов под начальством Абд ал-Латифа бахши к келифской переправе. Пока неприятельское войско проведало об этом, Абд ал-Латиф бахши с назначенными людьми перешел [Аму-Дарью] у келифской переправы и укрепился на берегу. Когда весть об этом

дошла до Султан Мас'уд мирзы, то хотя Вали, брат Хусрау шаха, всячески настаивал на выступлении против переправившихся отрядов, но вследствие малодушия Султан Мас'уд мирзы или из-за происков Баки Чаганиани, который был врагом Вали, [Султан Мас'уд мирза] не пошел против перешедших реку. [Люди Султан Мас'уд мирзы] в беспорядке отступили к Хисару.

Переправившись через реку, Султан Хусейн мирза послал Бади' аз-Заман мирзу, Ибрахим Хусейн мирзу, Мухаммед Вали бека и Зу-н-Нун Аргуна вперед, против Хусрау шаха. Музаффар мирзу || и Мухаммед Бурундук Барласа он двинул на Хутталан, а сам пошел на Хисар. 33*б*

О его приближении стало известно. Султан Мас'уд мирза не счел полезным оставаться в Хисаре и ушел вверх по реке Кам-руду через Сире-Так, направляясь к своему младшему брату Байсункар мирзе в Самарканд. Вали тоже потянулся в сторону Хутталана. Баки Чаганиани, Махмуд Барлас и Султан Ахмед, отец Куч бека, укрепили крепость Хисара. Хамза султан и Махди султан, которые несколько лет назад покинули Шейбани хана и находились на службе у Султан Махмуд мирзы, вместе со всеми своими узбеками, а также Мухаммед Дуглат, сын Султан Хусейн Дуглата, и все моголы, жившие в области Хисара, во время этих смут потянулись к Кара-Тегину.

Султан Хусейн мирза, получив об этом известие, послал Абу-л-Мухсин мирзу с несколькими йигитами вверх по долине Кам-руд вслед Султан Мас'уд мирзе. Когда тот входил в ущелье, они настигли его сзади, но не могли ничего сделать. Мирза бек Ференги-баз [хорошо] рубился тогда саблей.

Ибрахим тархан, Якуб-и Айуб и некоторые другие были посланы с войсками в Кара-Тегин против Хамза султана и моголов. В Кара-Тегине они настигли их и вступили в бой. Передовой отряд Султан Хусейн мирзы || был разбит; большинство его беков сбили с коней, но опять отпустили. 34*а*

После ухода [из Хисара] Хамза султан, Махди султан, Мамак султан, сын Махди султана, Мухаммед Дуглат, который потом был известен под именем Мухаммед Хисари, Султан Хусейн Дуглат и узбеки, подчиненные этим султанам, а также моголы, жившие в области Хисара, нукеры Султан Махмуд мирзы, вспомнив о нас, в месяце рамазане явились в Андиджан. В это время по обычаю султанов-тимуридов я восседал на ложе. Когда пришли Хамза султан с Махди султаном и Мамак султаном, я поднялся из уважения к этим султанам и, сойдя с ложа, поздоровался с султанами. Султаны сели по правую руку от меня, скрестив ноги.

Моголы, подначальные Мухаммед Хисари, тоже явились; все они пожелали мне служить.

Султан Хусейн мирза подошел, обложил крепость Хисар и стал лагерем. Днем и ночью он не знал отдыха и покоя, устраивая подкопы, штурмуя крепость, меча камни и действуя пушками. В четырех-пяти местах он прорыл подкоп: ход, направленный к городским воротам, сильно выдвинулся вперед; люди в крепости тоже рыли контр-подкоп
34*б* и обнаружили этот ход. Осажденные || пустили сверху на врагов дым, те заткнули отверстие и дым снова вернулся вверх к людям в крепости. Они чуть не умерли и бегом выбежали из подкопа. В конце концов они стали приносить кувшинами воду, и, выливая ее, выгнали осаждающих из подкопа.

В другой раз отряд проворных йигитов, выйдя, обратил в бегство воинов, находившихся у подкопа.

Однажды на северной стороне, где стоял [Султан Хусейн] мирза, установили пушки и, стреляя, пробили брешь в одной башне. Во время молитвы перед сном башня упала. Некоторые йигиты, проявляя поспешность, просили разрешения на битву, но Мирза сказал: «Уже ночь» и не позволил. А к рассвету люди в крепости полностью отстроили башню, так что утром боя тоже не было.

За эти два или два с половиной месяца, кроме осадных работ, рытья подкопов, возведения насыпей и метания камней, [ничего не делали]. Хороших сражений [Султан Хусейн] не вел.

Когда Бади'аз-Заман мирза с отрядом, который послали против Хусрау шаха, встал в трех-четырех йигачах ниже Кундуза, Хусрау шах выстроил бывших с ним людей в боевом порядке и вышел из Кундуза. Сделав по дороге ночевку, он построился и пошел на войско против-
35*а* ника. И столь большое число мирз, столько полководцев и беков, || невзирая на то, что людей у них было если не в два, то уже наверное в полтора раза больше, чем у Хусрау шаха, соблюдая осторожность, не вышло из-за рва. [А ведь] у Хусрау шаха было [всего] четыре-пять тысяч нукеров, знатных и простых, великих и малых. Хусрау шах, который ради сей бренной, скоротечной земной жизни и ради своих неверных, непостоянных нукеров избрал для себя такой позор и бесславие и сделал своим обычаем жестокость и несправедливость, который захватил столь обширные земли и содержал столько нукеров и слуг, — ведь под конец жизни Хусрау шаха число его нукеров и приспешников достигло двадцати-тридцати тысяч человек, а владения и уделы его были больше владений самого государя и царевичей — за всю свою жизнь совершил одно только это боевое дело. И при всем том Хусрау шах и его приверженцы прославились военным искусством и их сочли смельчаками, а те, что не вышли из-за рва, прослыли трусами и сделались притчей из-за своего малодушия.

Бади'аз-Заман мирза, уйдя из-под Кундуза, в несколько переходов дошел до Алгу-Тага возле Талекана и остановился. Хусрау шах находился в крепости Кундуз. Своего младшего брата Вали он послал с отрядом отборных йигитов в Ишкамиш и Фулул, к подножью гор, чтобы извне тревожить и беспокоить [врагов]. Мухибб Али курчи тоже привел отряд добрых йигитов и на берегу реки Хутталана || столкнулся с людьми Бади'аз-Заман мирзы. Он напал на них, некоторых сбил с коней, отрубил несколько голов и ушел. 35*б*

В другой раз Сидим Али дарбан, его младший брат Кули бек и Бахлул, сын Айуба с отрядом отборных йигитов пришли, соперничая с ним, к подножью горы Анбар-Кух в окрестностях Ходжа Джангала и схватились с войском хорасанцев, когда те выступали из лагеря. Многих из них свалили; Сидим Али, Кул-Баба и некоторых из их лучших йигитов посбивали с коней.

Когда весть об этом дошла до Султан Хусейн мирзы, войско которого к тому же терпело некоторые неудобства от хисарских весенних дождей, он заложил основы мира. От осажденных явился Махмуд Барлас, пришли Ходжа Пир' бакаул, знатные вельможи и все, какие там были музыканты и певцы. Султан Хусейн мирза взял старшую дочь Султан Махмуд мирзы от Ханзаде биким для Хайдар мирзы, своего сына от Пайенде Султан биким, внука Султан Абу Са'ид мирзы.

После этого Султан Хусейн мирза ушел из-под Хисара и направился в Кундуз. Придя в Кундуз, он также произвел кое-какие осадные работы и вознамерился начать осаду. В конце концов Бади'аз-Заман мирза выступил посредником; осажденные и осаждающие разменяли пленных йигитов || и разошлись. Причиной столь большого возвышения Хусрау шаха и совершения им стольких дел, превышающих его меру, стало то, что Султан Хусейн мирза два раза приходил и, не сумев его взять, возвращался. 36*а*

Когда Султан Хусейн мирза пришел в Балх, то ради пользы Мавераннахра отдал Балх Бади'аз-Заман мирзе, а его владение — Астрабад — отдал Музаффар Хусейн мирзе. Он заставил обоих ради Балха и Астрабада преклонить колени в одном и том же собрании. Бади'аз-Заман мирза из-за этого разобиделся. Причиной стольких лет вражды и смуты было именно это обстоятельство.

В месяце рамазане того же года произошел мятеж тарханов в Самарканде. Подробности этого таковы: Байсункар мирза не водился, не общался и не дружил с самаркандскими беками и воинами в такой мере, как с хисарскими беками и воинами. Шейх Абд Аллах Барлас был набольшим полномочным беком; его сыновья были столь близки и дружны с Байсункар мирзой, что их уподобляли любящим и возлюбленным. Беки-тарханы и некоторые самаркандские беки по этим

причинам обиделись. Дервиш Мухаммед тархан, прибыв из Бухары, приказал привезти из Карши Султан Али мирзу, объявил его государем, и они оба явились в Баг-и Нау. Байсункар мирза находился в Баг-и
36б Нау. Объявив Байсункар мирзу как бы пленником, || его разлучили с нукерами и слугами и отвели в арк. Обоих царевичей посадили в одном месте. Вечером, во время послеполуденной молитвы, Байсункар мирзу решили перевести в Кок-Сарай. Байсункар мирза под предлогом естественных потребностей вошел в одну постройку в северо-восточной части Бустан-Сарая. У дверей ее встали тарханы. С мирзой вошли Мухаммед Кули Каучин и Хасан шарбатчи. Говоря кратко, в задней части помещения, куда Байсункар мирза вошел за нуждой, была дверь, заложенная кирпичом, которая вела со двора наружу. Он тотчас же разрушил преграду, выбрался по ложу водопровода на крепостной вал, выходивший к Гатфару, бросился вниз с двойной стенки вала и направился в Ходжа Кафшир, в дом Ходжаги Ходжи.

Люди, стоявшие у дверей нужника, спустя некоторое время заглянули туда и видят: Мирза бежал. На следующий день тарханы, собравшись, идут к дверям Ходжаги Ходжи. Ходжа говорит: «Его нет» и не выдает царевича. Тарханы, со своей стороны, не могут взять его силой — достоинство Ходжи слишком высоко, чтобы можно было применить силу.

Через день-два Ходжа Абу-л-Макарим, Ахмед Хаджи бек, еще некоторые беки, вельможи и воины и все городские жители поднялись
37а скопом, || привели [Байсункар] мирзу из дома Ходжи и осадили Султан Али мирзу и тарханов в арке. Арк они не могли удержать и одного дня; Мухаммед Мазид тархан вышел через ворота Чар-Раха и ушел в Бухару, Султан Али мирза и Дервиш Мухаммед тархан попали в плен. Байсункар мирза находился в доме Ахмед Хаджи бека, когда туда привели Дервиш Мухаммед тархана. Мирза задал несколько вопросов, Дервиш Мухаммед тархан не смог дать подобающего ответа: не такие он делал дела, чтобы мог дать ответ! [Байсункар] мирза определил ему смерть; Дервиш Мухаммед тархан по малодушию ухватился за столб, думая: «Не отпустят ли, раз ухватился за столб?» Его увели на расправу. Султан Али мирзу Байсункар мирза приказал отправить в Кок-Сарай и провести по его глазам [раскаленной] иглой.

Одна из высоких построек, воздвигнутых Тимур беком, — Кок-Сарай, который находится в Самаркандском арке. Удивительная у этого здания особенность: всякий сын Тимур бека, который поднимал голову и садился на престол, садился именно там; кто складывал голову, притязая на престол, складывал ее тоже там, так что даже говорили иносказательно: «Такого-то царевича отвели в Кок-Сарай», то есть убили.

Султан Али мирзу отправили в Кок-Сарай и провели по его глазам

иглой. По воле палача || или помимо его желания глаза Султан Али 37*б*
мирзы не потерпели от иглы вреда. Не показав этого, он тотчас же ушел в дом Ходжа Яхьи и через два-три дня бежал в Бухару к тарханам. По этой причине между сыновьями досточтимого Ходжи Убайд Аллаха возникло соперничество: старший стал покровительствовать старшему [царевичу], младший поддерживал младшего.

Через несколько дней Ходжа Яхья тоже ушел в Бухару. Байсункар мирза повел войско к Бухаре против Султан Али мирзы. Когда он приблизился к Бухаре, Султан Али мирза и беки-тарханы построили войско и вышли. Произошла небольшая стычка. Победа осталась на стороне Султан Али мирзы, Байсункар мирза понес поражение. Ахмед Хаджи бек и еще некоторые хорошие йигиты попали в плен. Большинство их убили. Ахмед Хаджи бека бесславно умертвили в отмщение за кровь Дервиш Мухаммед тархана. Султан Али мирза шел по пятам за Байсункар мирзой до Самарканда.

Весть об этом в месяце шаввале пришла к нам в Андиджан. Мы тоже, мечтая о Самарканде, четвертого числа того месяца повели войско в поход.

Султан Хусейн мирза отступил из-под Хисара и Кундуза, души Султан Мас'уд мирзы и Хусрау шаха успокоились. Султан Мас'уд мирза, || тоже жаждая овладеть Самаркандом, подошел к Шахрисябзу. 38*а*
Хусрау шах отправил к Мирзе своего младшего брата Вали. Три-четыре месяца мы осаждали Самарканд с трех сторон. Ходжа Яхья, прибыв от Султан Али мирзы, завел речь о союзе и согласии. Договорившись о свидании, я ушел с моим войском на два-три шери ниже Сугуда. С другой стороны подошел Султан Али мирза с войском. С того берега Султан Али мирза с четырьмя или пятью воинами, с этого берега — я и четыре-пять человек выехали на середину Кухака. Прямо на конях мы поздоровались и взаимно осведомились о здоровье, потом они уехали на ту сторону, а я вернулся на свою сторону. В это время я видел Муллу Беннаи и Мухаммед Салиха, которые состояли на службе у Ходжа Яхьи. Мухаммед Салиха я видел только в тот раз, а Мулла Беннаи впоследствии долго состоял у меня на службе.

После свидания с Султан Али мирзой, так как подошла зима, а жители Самарканда не терпели особых лишений, мы вернулись: я — в Андиджан, а Султан Али мирза — в Бухару.

Султан Мас'уд мирза питал великую склонность к дочери Шейха Абд Аллаха Барласа; взяв ее, он оставил помышления о захвате владений и вернулся в Хисар. || Только это, вероятно, и было целью его 38*б*
прихода.

Из окрестностей Шираза и Канбая Махди султан бежал в Самарканд: Хамза султан, получив разрешение, ушел из Замина в Самарканд.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ВТОРОГО

Этой зимой дела Байсункар мирзы были в общем на подъеме. Так как Абд ал-Карим Ишрит, сторонник Султан Али мирзы, пришел в Куфин и окрестные места, то Махди султан во главе передового отряда Байсункар мирзы встретил его. Абд ал-Карим Ишрит и Махди султан оказались как раз лицом к лицу. Махди султан проткнул коня Абд ал-Карима своим черкесским клинком, конь тотчас же упал. Когда Абд ал-Карим поднимался, Махди султан отмахнул ему кисть руки. Захватив его, они здорово расколотили этот передовой отряд. Видя, что дела в Самарканде и при дворе мирз неустойчивы, султаны ранней весной ушли к Шейбани хану.

После этого люди Самарканда, объединившись, выступили и повели войска против Султан Али мирзы. Байсункар мирза пришел к Сар-и

Пулу, Султан Али мирза — к Ходжа-Кардзану. В это время по наущению Ходжа Мунира из Оша Ходжа Абу-л-Макарим с андиджанскими беками || Ваис Лагари и Мухаммед Бакиром, а также Касим Дулдай 39*а* и некоторые приближенные Байсункар мирзы спешным походом двинулись к Бухаре. Когда они приблизились, бухарцы проведали об этом; дело не вышло, и они воротились.

При свидании с Султан Али мирзой было решено, что весной они придут из Бухары, а я — из Андиджана, и мы будем осаждать Самарканд. В условленное время — в месяце рамазане я выступил из Андиджана. Достигнув окрестностей Яр-Яйлака, мы узнали, что мирзы стоят друг против друга, и послали вперед Тулун Ходжу могола с двумя или тремя сотнями лихих йигитов. Когда они приблизились, Байсункар мирза проведал о нас и беспорядочно отступил. Наши йигиты в ту ночь, зайдя [врагам] во фланг, перестреляли и захватили множество людей и привезли большую добычу.

Через два дня мы подошли к крепости Шираз. Шираз был в руках Касим Дулдая. Его даруга не мог удержать Шираз и сдал его; крепость Шираз была поручена Ибрахим Сару.

На следующее утро, совершив там молитву праздника разговения, мы направились к Самарканду и стали лагерем в куруке Абьяр. В этот день Касим Дулдай, Ваис Лагари, Хасан Набире, Султан Мухаммед Сайфал || и Султан Мухаммед Ваис явились с тремя-четырьмя сотнями 39*б* человек и поступили ко мне на службу. Они говорили: «Когда Байсункар мирза выступил и воротился, то мы отделились от него и пришли служить государю». Позднее стало известно, что они нарочно отделились от Байсункар мирзы и пришли, чтобы оборонять Шираз; поскольку дела Шираза оказались таковы, [как сказано], они поневоле пришли ко мне.

Когда мы остановились в Кара-Булаке, привели к нам нескольких пойманных моголов, которые нежданно-негаданно явились и начали своевольничать. Касим бек, назидания ради, приказал разрубить двоих или троих на куски. Через четыре-пять лет, во времена казачества, когда мы направлялись из Масчи к Хану, Касим бек по этой причине отделился от нас и ушел в Хисар.

Выступив из Кара-Булака, мы перешли реку и остановились напротив Яма. В этот день несколько придворных беков схватились у хиабана с людьми Байсункар мирзы. Ахмед Танбалу ткнули в горло копьем, но он не упал [с коня]. Ходжаги Мулла садру, старшему брату Ходжи Калана ,попала в шею стрела и он тотчас же отправился к божьей милости. Это был очень хороший человек. Мой отец тоже оказывал ему покровительство и сделал его хранителем печати. У него было стремление к науке, || он превосходно знал [арабский] язык, слог у него был тоже **40*а***

хороший. Воспитывать ловчих птиц и вызывать дождь он также умел.

Когда мы стояли в окрестностях Яма, много народу, торговцев и не торговцев, вышло из города покупать и продавать, так что лагерь превратился в базар. Однажды во время послеполуденной молитвы вдруг поднялось всеобщее смятение и всех этих мусульман ограбили. Однако порядок в войске достигал такой степени, что вышел приказ никому не держать чужих вещей и все отдать обратно. На утро еще не пробили первой стражи, как у воинов не осталось чужого, даже конца нитки или обломка иголки, — все вернули владельцам.

Выйдя оттуда, мы остановились к востоку от Самарканда, в Хан-Юрти; от Самарканда это будет три куруха. На этой стоянке мы провели сорок-пятьдесят дней. Пока мы стояли в этом Юрти, смелые йигиты из осаждающих и осажденных несколько раз здорово рубились на хиабане. Однажды на хиабане рубился Ибрахим Бекчик и ему порезали лицо. После этого Ибрахим Бекчика стали называть «Ибрахим чапук». В другой раз, тоже на хиабане, около Пул-и Мугака Абу-л-Касим Кухбур действовал палицей. Еще как-то раз возле канала, на хиабане, на-
40б чалась схватка, || Мир Шах Каучин бился палицей. Его так ударили, что почти до половины разрубили ему шею. Все же главная артерия оказалась неразрезанной.

Когда мы были в Хан-Юрти, люди, находившиеся в крепости, ради обмана прислали человека, говоря: «Подойдите вечером со стороны Гар-и Ашикан — мы сдадим вам крепость».

С таким намерением я вечером сел на коня и подъехал к Пул-и Мугаку. К назначенному месту был послан отряд молодцов, конных и пеших. Пока остальные спохватились, осажденные увели четырех или пятерых наших пехотинцев. Очень храбрые были воины. Одного из них звали Хаджи, он служил мне с детства, имя другого было Махмуд Кундур Сангак. Их всех убили.

Когда мы были в этом Юрти, из Самарканда приходило столько горожан и торговцев, что стан превратился в город. Все, чего только ни ищут в городах, можно было найти в стане.

В то время все крепости, горы и равнины, кроме одного Самарканда, переходили под наше начало. В одной крепости у подошвы Шавдарских гор, называемой Ургут, укрепился отряд каких-то людей. Поневоле мы снялись с юрта и пошли на Ургут. Не могши устоять, они избрали,
41а посредником Ходжа Кази || и покорились. Мы простили им их проступки и снова вернулись к осаде Самарканда.

В том году раздоры между Султан Хусейн мирзой и Бади'аз-Заман мирзой привели к войне. Подробности этого события таковы. В минувшем году Султан Хусейн мирза отдал Балх и Астрабад Бади'аз-Заман мирзе и Музаффар мирзе и заставил их преклонить колени, как уже

было упомянуто. С тех пор и до этого времени ездило взад-вперед множество послов. В конце концов даже Алишер бек прибыл послом к Бади'аз-Заман мирзе, но сколько он ни старался, Бади'аз-Заман мирза не соглашался отдать Астрабад младшему брату. Он говорил: «Когда Мирза справлял обрезание моего сына Мухаммед Мумин мирзы, он подарил ему [Астрабад]».

Однажды между Алишер беком и Мирзой произошел разговор, который указывает на остроту ума Мирзы и чувствительность сердца Алишер бека. Алишер бек сказал Мирзе на ухо много тайных слов и добавил: «Забудьте эти слова». Мирза тотчас же спросил: «Какие слова?». Алишер бек, сильно этим тронутый, долго плакал.

В конце концов переговоры между отцом и сыном привели к тому, что отец на отца и сын на сына повели войска к Балху и Астрабаду|| 41*б* К урочищу Пул-и-Чираг у подножья Гарзувана, пришли снизу Султан Хусейн мирза, сверху — Бади'аз-Заман мирза. В среду в первый день месяца рамазана Абу-л Мухсин мирза с несколькими беками Султан Хусейн мирзы и отрядом конницы выдвинулся вперед. Настоящее сражение еще даже не началось, как Бади'аз-Заман был разбит; множество его отборных йигитов попало в плен. Султан Хусейн мирза приказал снести им всем головы.

Так было не только тогда: всякий раз, как Султан Хусейн мирза побеждал сына, который шел с враждебными намерениями, он приказывал отрубить головы всем нукерам, попавшим в плен. Что поделаешь? Право было на его стороне. Эти мирзы столь неумеренно предавались разврату и наслаждениям, что, когда такой опытный и видевший столько битв государь, как их отец, подошел на полдня пути и до начала столь благословенного и священного месяца, как рамазан, оставалось времени всего одна ночь, у них только и было дела, что весело пить вино, не стыдясь отца и не боясь бога, и развлекаться, украшая свои покои. Давно установлено, что такие люди всегда будут терпеть подобные поражения, и над людьми, которые так жили, всякий одержит победу.

В те несколько лет, когда власть правителя Астрабада принадлежала Бади'аз-Заман мирзе, его приближенные, челядь и всадники были очень роскошно и нарядно [одеты]. У него было множество золотой и серебряной посуды и утвари, а шелковым || подушкам и породистым коням его не было числа. 42*а*

Все это он тогда потерял. Убегая, он попал на горную дорогу и наткнулся на кручи и обрывы; сам он с большим трудом спустился в обрыв, многие его люди погибли в этой пропасти.

Султан Хусейн мирза, победив своего сына, пришел в Балх. Бади'аз-Заман мирза оставил в Балхе Шейх Али Тагая. Тот не мог ничего по-

делать, и покорившись, сдал Балх. Султан Хусейн мирза отдал Балх Ибрахим Хусейн мирзе и оставил с ним Мухаммед Вали бека и Шах Хусейн Чухра, а сам возвратился в Хорасан.

Потерпев поражение, Бади'аз-Заман мирза, ограбленный и обобранный, пошел со своими конными и пешими в Кундуз, к Хусрау шаху. Хусрау шах, со своей стороны, оказал ему хорошие услуги: он помог Мирзе и тем, кто с ним был, таким множеством коней, верблюдов, шатров и палаток и вообще военного снаряжения, что видевшие это говорили, будто между прежним снаряжением и этим снаряжением различие только в золотой и серебряной утвари.

Между Султан Мас'уд мирзой и Хусрау шахом, вследствие несправедливости одного и высокомерия другого, происходили раздоры и
426 ссоры. || Хусрау шах отрядил к Бади'аз-Заман мирзе Вали и Баки и послал их в Хисар против Султан Мас'уд мирзы. Они не смогли даже приблизиться к крепости; в окрестностях и на подступах [к Хисару] с той и с другой стороны, раз или два схватывались на мечах. Однажды возле северного соколиного двора под Хисаром Мухибб Али курчи, отделившись от своих людей, хорошо рубился мечом. Когда он свалился с коня и чуть не попал в плен, его лишь с трудом выручили.

Через несколько дней враги заключили «волчий мир» и воротились.

Еще несколько дней спустя Бади'аз-Заман мирза потянулся по горным дорогам в Кандахар и Заминдавер к Зу-н-Нун Аргуну и его сыну Шах Шуджа Аргуну. Несмотря на свою скупость и скаредность, Зу-н-Нун хорошо услужил Мирзе; в одно подношение он подарил ему сорок тысяч овец.

К диковинным обстоятельствам принадлежит то, что в ту самую среду, когда Султан Хусейн мирза разбил Бади'аз-Заман мирзу, Музаффар Хусейн мирза разбил под Астрабадом Мухаммед Му'мин мирзу. Еще удивительнее, что человека, который сбил с коня и привел Мухаммед Мумин мирзу, звали Чаршанбе.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ТРЕТЬЕГО

Мы остановились за Баг-и Майданом, на урочище Кулбе. Жители Самарканда — воины и горожане — толпой вышли к мосту Мухаммед-Чап. Так как наши люди не были готовы, || то пока йигиты снаряжались, [двух] — Султан Кули и Баба Кули — сбили с коней и увели в крепость. Через несколько дней мы выступили и остановились на краю урочища Кулбе, за Кухаком. В тот день выгнали из Самарканда Сейид Юсуф бека; на этой стоянке он явился и поступил ко мне в услужение. Самаркандцы вообразили, что наш уход с той стоянки и приход на эту стоянку есть отступление. Толпа воинов и горожан вышла на помощь и прошла [от ворот Фируза] до моста Мирзы, а от ворот Шейх-Заде они дошли до моста Мухаммед-Чап. Мы приказали всем йигитам снарядиться, сесть на коней и выехать. С двух сторон — от моста Мирзы и 43*a*

от моста Мухаммед-Чап — на них напали, но господь исправил дело: враг был разбит, много славных беков и добрых йигитов свалили с коней и привели. Среди них были Нур Мухаммед Мискин, сын Хафиз Дулдая; сбив его с коня, ему отрубили указательный палец, захватили его и привели. Младший брат Мухаммед Касима Набире, Хасан Набире, тоже сбил с коня [своего старшего брата] и привел его. Таких йигитов, известных [всем] горожанам и воинам, было еще много. Из городской
43б черни привели Дивана ткача и Кал Кошука; || это были зачинщики и коноводы в уличных драках и бесчинствах. Было приказано их пытать и убить в отместку за пехотинцев, павших у Гар-и Ашикана.

Для самаркандцев это было полное поражение; с этих пор всякие вылазки из города прекратились. Дело дошло до того, что наши люди подходили к самому краю крепостного рва и приводили их рабов и невольниц.

Солнце перешло в созвездие Весов, наступили холода. Я созвал всех беков, которые входили в совет, и посовещался с ними. Договорились так: жители города настолько обессилели, что мы с божьей помощью можем их и сегодня взять и завтра взять; чем терпеть вне крепости страдания на холоду, лучше отойти от города и перезимовать в каком-нибудь укреплении. Если даже придется уйти, то тогда уходить будет спокойнее.

Сочтя удобным перезимовать в крепости Ходжа-Дидар, мы снялись с лагеря и остановились на луговине перед крепостью. Вступив в крепость, мы назначили места для домов и кибиток, поставили там мастеров и надсмотрщиков и вернулись в стан. Несколько дней, пока не были готовы зимние помещения, мы простояли на луговине.

Тем временем Байсункар мирза непрерывно посылал в Туркестан к Шейбани хану людей, призывая Шейбани хана на помощь.

44а Когда были готовы зимние дома, || мы вступили в крепость. В то же утро Шейбани хан, быстрым ходом пришедший из Туркестана, остановился над нашим лагерем. Войско наше было не близко; иные ушли зимовки ради в Рабат-и Ходжа, другие — в Кабуд, некоторые — в Шираз. Все же мы построили воинов, бывших на месте, и выступили. Шейбани хан не мог устоять, потянулся к Самарканду и ушел в окрестности города.

Поскольку вышло не так, как хотел Байсункар мирза, то он принял Шейбани хана нехорошо. Несколько дней Шейбани хан не мог ничего сделать и, отчаявшись, ушел обратно в Туркестан.

Байсункар мирза семь месяцев выдерживал осаду. У него была одна надежда — на Шейбани хана, эту надежду он тоже потерял. С двумя-тремя сотнями голодных сородичей Байсункар мирза потянулся в Кундуз, к Хусрау шаху.

Когда они были в окрестностях Термеза и переходили через Аму, Сейид Хусейн Акбар, правитель Термеза, который приходился Султан Мас'уд мирзе родственником и был уважаемым советником, узнал об этом и выступил против Байсункар мирзы. Мирза уже переправился через реку. Мирим тархан в ней утонул. [Сейид Хусейн Акбар] захватил отставших людей, пожитки и имущество Байсункар мирзы. Любимец Байсункар мирзы по имени Тахир Мухаммед тоже попал в плен. Хусрау шах хорошо обошелся с Байсункар мирзой. || 44*б*

Как только Байсункар мирза вышел из Самарканда, к нам тотчас же пришла об этом весть. Мы вышли из Ходжа-Дидара и направились к Самарканду. По дороге вельможи, беки и воины один за другим выходили нам навстречу. В конце месяца первого раби я остановился в арке, в Бустан-Сарае. По милости всевышнего господа область и город Самарканд стали нам доступны и подвластны.

В обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд. Он находится в пятом климате, долгота его 99 градусов 56 минут, широта — 40 градусов и 40 минут.

[Главный] город [области] — Самарканд, а всю область называют Мавераннахр. Так как ни один враг не захватил Самарканд силой и победой, то его называют «[город], хранимый [Аллахом]». Самарканд стал мусульманским во времена достойнейшего повелителя правоверных Османа, из сподвижников пророка там умер Кусам Ибн Аббас. Его могила находится за воротами Аханин, теперь она известна под названием Мазар Шаха.

Самарканд построен Искандером; народы моголов и тюрков называют [его] Симизкенд. Тимур бек сделал Самарканд [своей] столицей; раньше Тимур бека ни один государь столь великий, как Тимур бек, не объявлял Самарканд столицей. Я приказал обмерить шагами поверху внутреннюю стену крепости — вышло десять тысяч шестьсот шагов.

Все жители Самарканда — сунниты, люди чистой веры, соблюдающие закон и благочестивые. Со времени святейшего посланника [Мухаммеда] ни из какой страны не вышло столько имамов ислама, сколько их вышло из Мавераннахра.|| 45*а*

Шейх Абу Мансур, один из учителей богословия, родом из пригорода Матурид в Самарканде. Учителя богословия делятся на два толка: одних называют матуридия, других — аш'ария; матуридия возводят свое название к этому Шейху Абу Мансуру.

Автор «Сахиха Бухари» Ходжа Исмаил-и Хартанг тоже из Мавераннахра. Составитель «Хидаи» — немного есть книг по законоведению толка имама Абу Ханифы, которые бы пользовались большим значением, чем Хидая, — происходил из области в Фергане, называемой Марги-

нан, а эта область входит в Мавераннахр и находится на границе возделанных земель.

К востоку от Самарканда — Фергана и Кашгар, к западу — Бухара и Хорезм, к северу—Ташкент и Шахрухия, которые называются [также] Шаш и Бинакет, к югу—Балх и Термез. Река Кухак течет к северу [от Самарканда], от Кухака до Самарканда будет куруха два. Между этой рекой и Самаркандом находится холм, называемый Кухак; так как река течет под этим холмом, то ее и называют река Кухак.

От реки Кухак отвели большой канал, верней маленькую речку, ее называют река Даргом. Она течет южнее Самарканда, в одном шери от него. Сады и пригороды Самарканда, а также некоторые его туманы орошаются этой рекой.

Все [пространство] до Бухары и Кара-Куля, то есть, около тридцати-сорока йигачей земли, орошается и возделывается благодаря реке
45б Кухаку. В такой большой || реке совсем не остается воды сверх орошения и поливки; летом по три-четыре месяца вод для Бухары даже не хватает.

Виноград, дыни, яблоки, гранаты, да и вообще все плоды там хороши, но два сорта самаркандских плодов особенно славятся: самаркандские яблоки и самаркандский [виноград] «сахиби».

Зима в Самарканде весьма холодная, хотя там снег выпадает не такой, как в Кабуле. Летом погода хорошая, но не такова, как в Кабуле. В Самарканде и его пригородах много строений и садов [времен] Тимур бека и Улуг бек мирзы.

В Самаркандском арке Тимур бек воздвиг большое строение в четыре яруса, Как-Сараем называется. Очень высокая постройка. Еще, близ ворот Аханин, внутри крепости, он поставил соборную мечеть, каменную. Больше всего там работало каменотесов, приведенных из Хиндустана. На переднем своде мечети [выведен] стих Корана: «И вот воздвигает Ибрахим основы...» и так далее до конца написан таким большими буквами, что его можно прочесть на расстоянии куруха. Это тоже очень высокое здание.

К востоку от Самарканда [Тимур бек] разбил два сада: [один], который подальше — сад Баг-и Булди, другой, поближе — сад Дилкуша. От сада Дилкуша до ворот Фируза он провел хиабан и по обе стороны велел посадить тополя. В саду Дилкуша он тоже построил большое здание; в этом здании || изобразили битвы Тимур бека в Хиндустане.
46а

Другой [сад] Тимур бек разбил у подножья холма Кухак, над каналом Кан-и Гил, который называют также Аб-и Рахмат; этот сад именуется Накш-и Джехан. Когда я видел этот сад, он был разорен; кроме названия, от него ничего не осталось.

Еще есть к югу от Самарканда сад Баг-и Чинар, он недалеко от

крепости. В нижней части Самарканда находятся сады Баг-и Шимал и Баг-и Бихишт.

Внук Тимур бека, сын Джехангир мирзы, Мухаммед султан мирза построил во внешнем укреплении за самаркандской стеной медресе. Могила Тимур бека и могилы тех из его сыновей, которые царствовали в Самарканде, находятся в этом медресе.

Из построек Улуг бек мирзы внутри крепости [сохранились] медресе и ханака. Купол ханаки — очень высокий купол; во всем мире показывают не много таких высоких куполов.

Недалеко от медресе и ханаки он построил хорошую баню; «Баней Мирзы» называется. Полы в ней выстланы камнем всех [цветов]. Неизвестно, есть ли в Хорасане и Самарканде другая такая баня. || 46*б*

К югу от медресе [Улуг бек мирза] построил мечеть, ее называют «Резною мечетью». Резною называется она потому, что ее украсили узорами ислими и китайскими из вырезанных и обтесанных кусочков дерева. Все ее стены и потолок [выложены] таким образом. Между киблой мечети и киблой медресе большое расхождение. Вероятно, направление киблы мечети определяли по звездам.

Другая высокая постройка Улуг бек мирзы — обсерватория у подножья холма Кухак, где находится инструмент для составления звездных таблиц. В ней три яруса. Улуг бек мирза написал в этой обсерватории «Гургановы таблицы», которыми теперь пользуются во всем мире. Другие таблицы употребляют редко. Раньше пользовались «Ильхановыми таблицами», которые составил Ходжа Насир-и Туси во времена Хулагу хана в Мараге. Хулагу хан — это тот, которого называют также Ильханом.

По-видимому во [всем] мире было построено не больше семи или восьми обсерваторий. Из них одну обсерваторию устроил халиф Ма'мун, в ней написали «Ма'муновы таблицы». Битлимус тоже [когда-то] построил обсерваторию; другую обсерваторию построили в Хиндустане, во времена раджи Бикрамаджита Хинду, в Удджайне и Дхаре, то есть в государстве Мальва, которое ныне называется Манду. Этими таблицами пользуются теперь индийцы в Хиндустане. Со времени постройки || 47*а* этой обсерватории прошло тысяча пятьсот восемьдесят четыре года. В сравнении с вышеупомянутыми таблицами, таблицы [Бикрамаджита] менее совершенны.

У подножья холма Кухак, на западной стороне, [Улуг бек мирза] разбил сад, известный под названием Баг-и Майдан. Посреди этого сада он воздвиг высокое здание, называемое Чил-Сутун, в два яруса. Все его колонны — каменные. По четырем углам этого здания пристроили четыре башенки в виде минаретов; лестницы, ведущие наверх, находятся в этих четырех башнях. В других местах там всюду [стоят]

каменные колонны; некоторые из них витые, многогранные. В верхнем ярусе со всех сторон айван [тоже] на каменных столбах, а посреди айвана беседка о четырех дверях; приподнятый пол этого здания весь выстлан камнем.

Возле этой постройки, у подножья холма Кухак, Улуг бек мирза разбил еще один садик. Там он построил большой айван, на айване поставили огромный каменный престол. Длина его примерно четырнадцать-пятнадцать кари, ширина — семь-восемь кари, высота — один кари. Такой огромный камень привезли из очень отдаленных мест. Посредине его — трещина; говорят, что эта трещина появилась уже на месте после того, как камень привезли.

47б В этом садике тоже есть беседка ||, вся нижняя часть стен в ней из фарфора, ее называют Чини-Хана. [Фарфор] привезли из Китая, послав туда человека.

Внутри самаркандской крепости есть еще одна древняя постройка, которую называют «Мечетью с эхом». Если топнуть ногой по земле под ее куполом, то повсюду из-под свода раздается отголосок. Это удивительное дело, и никто не знает, в чем тут тайна.

Во времена Султан Ахмед мирзы беки, великие и малые, также разбивали в Самарканде множество садов и садиков. Среди садов немного есть с таким чистым приятным воздухом и обширным видом, как сад Дервиш Мухаммед тархана. Он разбил сад ниже сада Баг-и Майдан, на возвышенности, над поляной Кулбе; вся поляна лежит под этим садом. В саду разбили правильно расположенные ступенчатые площадки и посадили прекрасные карагачи, кипарисы и белые тополя. Это превосходное место; недостаток его в том, что там нет большого ручья.

Самарканд — удивительно благоустроенный город. У этого города есть одна особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай. Есть там хорошие пекарни и харчевни.

Лучшая бумага в мире получается из Самарканда, вся вода для бумажных мельниц приходит с Кан-и Гила. Кан-и Гил находится на
48а берегах Сиях-Аба, || этот ручей называют также Аб-и Рахмат. Еще один самаркандский товар — малиновый бархат. Его вывозят во все края и страны.

Вокруг Самарканда расположены прекрасные поляны. Одна известная поляна — это поляна Кан-и Гил; она тянется к востоку от Самарканда, слегка уклоняясь к северу, и простирается на один шери. Ручей, который называют также Аб-и Рахмат, протекает посреди Кан-и Гила; воды там будет на семь-восемь мельниц.

Берега этого ручья сплошь болотистые. Некоторые говорят, что настоящее название этой поляны Кан-и Абгир, но в летописях всегда пишут Кан-и Гил. Это прекрасная равнина. Самаркандские султаны всегда объявляют ее заповедником, каждый год они выезжают на эту поляну и месяц или два живут там.

Выше этой поляны, к юго-востоку, находится другая поляна, называемая Хан-Юрти. Она лежит восточнее Самарканда, от Самарканда будет до нее около йигача. Тот ручей протекает посреди этой равнины и течет к Кан-и Гилу. У Хан-Юрти он образует такую широкую излучину, что там хватит места, чтобы стать лагерем; при выходе оттуда он очень узок. Заметив преимущества этого места, мы простояли там некоторое время, когда осаждали Самарканд.

Другая поляна || — Будана-Куруги; она лежит между садом Дил- 48*б*
куша и Самаркандом; еще одна поляна — Кул-и Магак — примерно в двух шери к западу от Самарканда, с легким уклоном на север; это тоже прекрасная поляна. На краю ее находится большой пруд, потому ее и называют поляной Кул-и Магак. Во время осады Самарканда, когда я стоял в Хан-Юрти, на этой поляне стоял Султан Али мирза.

Еще одна поляна — Кулбе. Это поляна поменьше. К северу от нее — селение Кулбе и река Кухак, к югу — сад Баг-и Майдан и сад Дервиш Мухаммед тархана, к востоку — холм Кухак.

В Самаркандской области есть хорошие туманы и округа. Большой округ под пару Самаркандской области — Бухарский. [Бухара] от Самарканда в двадцати пяти йигачах пути на запад. От Бухары тоже зависит несколько туманов. Это прекрасный город. Плоды там изобильны и превосходны, очень хороши дыни. Нигде в Мавераннахре не бывает так много дынь и таких отличных, как в Бухаре. Хотя в области Ферганы, в Ахси, есть сорт дынь, называемый мир-и тимури, которые слаще и нежнее бухарских, но в Бухаре много дынь всяких сортов и они хороши. Бухарские сливы также знамениты; таких слив, как бухарские, нет нигде. Их очищают от кожицы, сушат и вывозят в качестве подарка || из одной области в другую. Эти сливы — прекрасное по- 49*а*
слабляющее лекарство.

В Бухаре много кур и гусей. В Мавераннахре нет вин крепче, чем бухарские вина. Когда в Самарканде я в первый раз пил вино, то пил бухарское вино.

Еще один округ, [зависящий от Самарканда], — Кеш; он лежит к югу от Самарканда, в девяти йигачах пути. Между Самаркандом и Кешем находятся горы, называемые Итмак-Дабани, весь камень для построек привозят с этих гор. Степи [вокруг] Кеша и самый город, его крыши и стены покрыты красивой зеленью; поэтому его также называют Шахрисябз.

Так как Тимур бек был родом из Кеша, то он приложил много трудов и усилий, чтобы сделать Кеш своим главным городом и столицей. Он воздвиг в Кеше высокие здания. Чтобы самому сидеть в диване, он построил большую галерею, а справа и слева от нее — еще две галереи поменьше, чтобы надсмотрщикам и бекам дивана сидеть там и вести диван. Чтобы сидеть жалобщикам, он пристроил с каждой стороны помещения маленькие галерейки. В мире показывают немного таких высоких построек; говорят, она больше дворца Кисры.

49б Еще Тимур бек устроил в Кеша медресе и мавзолей. Могилы || Джехангир мирзы и еще некоторых его детей находятся там.

Так как возможности быть главным городом у Кеша не таковы, как у Самарканда, то в конце концов Тимур бек избрал своей столицей именно Самарканд.

Еще один округ — Карши, который называют также Несеф и Нехшеб. Карши — могольское название; кладбище на могольском языке будет «карши». Вероятно, такое наименование появилось после завоевания [Мавераннахра] Чингиз ханом. Это маловодное место. Весна там прекрасная, хлеба и дыни хороши.

Карши лежит к югу от Самарканда, с легким отклонением к западу, в восемнадцати йигачах пути. Там водится птичка вроде багри-кара, которую называют «кил-куйрук». Так как в округе Карши ее бесчисленно и бесконечно много, то ее в тех местах называют «каршинской птичкой».

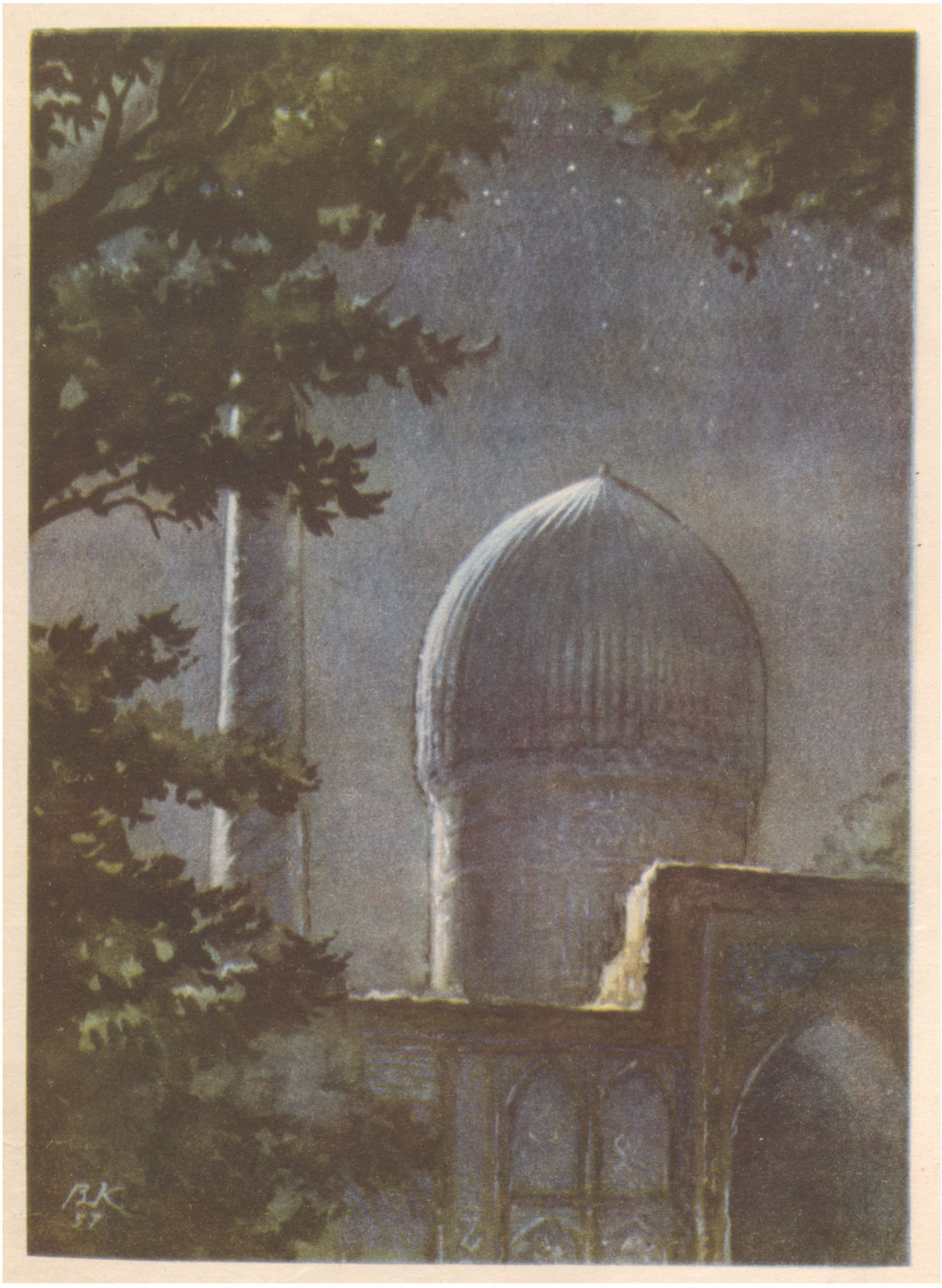
Еще один округ — Хузар и другой — Кермине. [Кермине] находится между Бухарой и Самаркандом.

Другой округ — Кара-Кул; он лежит ниже всех остальных и более многоводен. Находится в семи йигачах к северо-западу от Бухары.

В области Самарканда есть хорошие туманы. К ним принадлежит Сугудский туман и туманы, примыкающие к Сугуду. Начало их в Яр-Яйлаке, конец — в Бухаре. Нет ни одного йигача пути, где бы не было селения или возделанных земель. Они настолько знамениты, что слова Тимур бека «У меня есть сад, который тянется тридцать йигачей», [вероятно], сказаны об этих туманах.

Еще один туман — Шавдар. Он примыкает к городу [Самарканду] и к его предместьям. Это очень хороший туман. С одной стороны от него горы, возвышающиеся между Самаркандом и Шахрисябзом || (большинство селений лежит у подножья этих гор); а с другой стороны — река Кухак. Это очень хороший туман, с превосходным воздухом, полный приятности; воды там много и блага земные дешевы. Путешественники, видавшие Миср и Шам, не могут указать [другого] такого здорового места.

50а



Хотя в Самаркандской области есть еще и другие туманы, но они не таковы, как упомянутые. [Можно] удовольствоваться сказанным.

Тимур бек поручил управление Самаркандом Джехангир мирзе, а после смерти Джехангир мирзы — его старшему сыну Мухаммед султану ибн Джехангиру. Шахрух мирза отдал всю область Мавераннахра своему старшему сыну Улуг бек мирзе; у Улуг бека ее отнял Абд ал-Латиф мирза, его сын. Ради благ сей скоротечной и преходящей жизни он сделал мучеником такого ученого и старого человека, как его отец. Год смерти Улуг бек мирзы правильно указан в таком тарихе:

Улуг бек — море знаний и разума.*
Опора основ земной жизни и веры,
Из-за Аббаса вкусил мед мученичества*
И стали тарихом его смерти [слова]: «Аббас убил».

Однако он сам [Абд ал-Латиф] властвовал не более пяти-шести месяцев. Хорошо известен такой стих:

Отцеубийце не приличествует царская власть*
Если станет он государем, то не более, как на шесть месяцев

Тарих его [смерти] тоже хорош:

Абд ал-Латиф был славен, как Хосрой и Джемшид*|| 50*б*
В числе его рабов — Феридун, Зардушт;
Баба Хасан убил его, в пятницу вечером, стрелой,*
Напиши же его тарих — «Баба Хасан убил».

После Абд ал-Латиф мирзы на престол воссел Абд Аллах мирза, внук Шахрух мирзы, сын Ибрахим Султан мирзы, который был зятем Улуг бек мирзы. Он царствовал около полутора или двух лет, после чего власть взял Султан Абу Са'ид мирза. Еще при жизни [Султан Абу Са'ид мирза] отдал Самарканд своему старшему сыну, Султан Ахмед мирзе.

После Султан Абу Са'ид мирзы царствовал Султан Ахмед мирза, а по смерти Султан Ахмед мирзы на престол Самарканда воссел Султан Махмуд мирза, а после Султан Махмуд мирзы государем сделали Байсункар мирзу. Во время мятежа тарханов Байсункар мирзу захватили, и на день или на два посадили на престол его младшего брата Султан Али мирзу. Потом Байсункар мирза снова взял власть, как уже было упомянуто в этой летописи, а у Байсункар мирзы отнял власть я. Подробности о последующих событиях станут известны из дальнейшего [рассказа].

Воссев на престол Самарканда, я оказал самаркандским бекам такую же милость и внимание, какую им оказывали прежде. К бекам, которые были с нами, я тоже проявил внимание и заботу, соответствующую их положению. ||

51*а* Султан Ахмед Танбалу было оказано наибольшее из всех покровительство. Он находился в рядах придворных беков, теперь же я оказывал ему внимание в рядах великих беков.

Когда после семимесячной осады мы с большими трудами взяли Самарканд, впервые вступили туда, то воинам попала в руки кое-какая добыча. Кроме одного Самарканда, все прочие области [уже раньше] подчинились мне или Султан Али мирзе; эти покорившиеся области не подобало грабить, да и как можно было бы что-нибудь добыть из местностей, подвергшихся такому опустошению и разорению?

[Скоро] добыча воинов иссякла; при взятии Самарканда город был до того разорен, что [жители] нуждались в семенах и денежных ссудах. Как получить оттуда что-нибудь?

По этим причинам воины терпели большие лишения, а мы ничего не могли им доставить. Стосковавшись, к тому же по своим домам, они начали убегать по одному, по двое. Первым, кто сбежал, был Хан Кули, сын Баян Кули, за ним — Ибрахим Бекчик. Моголы сбежали все до одного, потом Султан Ахмед Танбал тоже убежал.

Чтобы успокоить эту смуту, мы послали Ходжу Кази [к Узун Ха-
51*б* сану], так как Узун Хасан || держал себя по отношению к Ходже с большой преданностью и уважением. Ходжа по соглашению с Узун Хасаном должен был подвергнуть некоторых беглецов наказанию, а некоторых отослать к нам. Но возбудителем смут и подстрекателем беглецов ко злу был, видимо, сам этот неблагодарный Узун Хасан; все они после ухода Султан Ахмед Танбала явно и откровенно проявили ко мне враждебность.

Хотя за те несколько лет, что мы усердно водили войска с намерением взять Самарканд, от Султан Махмуд хана и не было сколько-нибудь существенной помощи и поддержки, но он после завоевания [нами] Самарканда зарился на Андиджан. В то время, когда большинство воинов и все моголы бежали и ушли в Андиджан и Ахси, Узун Хасан и Танбал мечтали получить эти области для Джехангир мирзы. [Однако] по многим причинам было невозможно отдать их [Узун Хасану и Танбалу]. Во-первых, хотя эти области и не были обещаны Хану, но он требовал их для себя; чтобы передать их Джехангир мирзе после требований Хана, надо было договориться с Ханом. Во-вторых, как раз тогда, когда люди убежали именно в эти области, [Джехангир мирза]
52*а* мечтал захватить их силой. Если бы об этом заговорили раньше, || то в общем это бы как-нибудь устроилось, но кто же станет терпеть его насилие?

Моголы и войска Андиджана, а также некоторые беки и приближенные тоже ушли в Андиджан. Со мной в Самарканде осталось беков и йигитов, знатных и простых, около тысячи человек. Так как то,

чего они требовали, [дать] не оказалось возможным, то [Узун Хасан и Танбал] призывали всех этих перепуганных беглецов присоединиться к ним. А эти робкие люди сами со страху просили у бога такого случая. Поведя войска на Ахси и Андиджан, Узун Хасан и Танбал явно и открыто проявили злобу и враждебность.

[Тулун Ходжа из [племени] Барин был один из самых смелых, храбрых и удалых йигитов. Мой отец Омар Шейх мирза проявлял к нему внимание и все время оказывал ему благосклонность. Я тоже проявил о нем заботу и сделал его беком. Удивительно смелый и удалой был йигит! Он стоил такой благосклонности.

Так как Тулун ходжа был наш человек и пользовался у моголов уважением и доверием, то, когда моголы начали разбегаться из Самарканда, мы послали Тулун ходжу, чтобы он уговорил людей и рассеял их опасения, и люди не теряли бы голову от страха. || Однако, смутьяны и неблагодарные так повлияли на этот народ, что от посулов, угроз, увещаний и устрашений не было проку. 52б

Семья и пожитки Тулун ходжи находились в области между двумя реками,—[эту] междуречную область называют Рабатек-и Урчини. Узун Хасан и Султан Ахмед Танбал послали против Тулун ходжи отряд всадников. Они захватили Тулун ходжу врасплох, привели его [в свой лагерь] и убили.

Узун Хасан и Танбал, приведя с собой Джехангира, пришли и осадили Андиджан. Когда войско выступило в поход [на Самарканд], то в Андиджане я оставил Али Дуст Тагая, а в Ахси — Узун Хасана. Позднее Ходжа Кази также прибыл в Андиджан. В числе воинов, ушедших из Самарканда в Андиджан, тоже было много [лихих] йигитов. Ходжа Кази при защите крепости из приязни ко мне роздал находившимся там воинам и семьям тех, которые [еще] были с нами, восемнадцать тысяч овец.

Во время осады от моих родительниц, а также от Ходжа Кази, непрерывно приходили письма такого содержания: «Нас держат в жестокой осаде, если вы не придете [в ответ] на наши вопли, то дело кончится плохо. Самарканд был взят силами Андиджана; || если Андиджан останется в ваших руках, то, с помощью божией, можно будет овладеть также и Самаркандом». 53а

Одно за другим приходили такие письма. В это время я однажды заболел и уже стал поправляться. В дни выздоровления я не обращал на себя должного внимания и снова захворал. На этот раз я заболел очень тяжело, так что у меня на четыре дня отнялся язык, и меня поили водой по капле, с кусочка ваты.

Оставшиеся со мной великие и малые беки и йигиты потеряли надежду, что я выживу, и каждый стал думать только о себе. В это вре-

мя беки, совершив ошибку в суждении, показали мне одного нукера, который прибыл послом от Узун Хасана и передал всякие бестолковые слова, и потом отпустили его. Спустя четыре-пять дней, мое положение немного улучшилось, но косноязычность осталась, а еще через несколько дней я пришел в свое обычное состояние.

Так как от моих [близких] родных, то есть от моей матери и матери моей матери, Исан Даулат биким, а также от моего учителя и наставника, то есть Ходжи Маулана-и Кази, приходили подобного рода письма и они меня так усердно призывали, то с каким [чувством] в сердце [мог бы] человек остаться на месте? В месяце раджабе в субботу мы
53б вышли из Самарканда, направляясь в Андиджан. На этот раз || я процарствовал в городе Самарканде сто дней.

Когда я достиг Ходженда, тоже была суббота. В этот день один человек привез из Андиджана известие, что семью днями раньше, в субботу, в ту самую субботу, когда мы выступили из Самарканда, Али Дуст Тагай сдал противникам крепость Андиджан.

Подробности этого [дела] таковы: нукер Узун Хасан, которого мне показали во время моей болезни и потом отпустили, пришел в Андиджан, когда неприятели осаждали крепость и сказал [андиджанцам]: «У государя отнялся язык; ему в рот льют воду по капле с кусочка ваты». Прибыв с такого рода сообщением, он клятвенно подтвердил его перед Али Дустом. Али Дуст находился у ворот Хакана. От таких слов он лишился твердости и, призвав врагов, заключил с ними договор и условие и сдал крепость. В припасах и бойцах в крепости не было никакого недостатка, все дело было в трусости этого лицемерного, неблагодарного, ничтожного человека. Упомянутые выше слова он сделал для себя лишь предлогом.

После взятия Андиджана враги, услышав о моем прибытии в Ходженд, сделали мучеником Ходжу Маулана-и кази, с позором повесив
54а его на воротах арка. ||

[Настоящее] имя Ходжи Маулана-и Кази — Абд Аллах, но он [более] известен под тем именем. С отцовской стороны его родословие возводится к шейху Бурхан ад-дин Кличу, со стороны матери оно восходит к Султан Илеку Маза; в Фергане члены этого рода были духовными наставниками, шейх ал-исламами и казиями. Маулана-и Кази был муридом досточтимого Ходжи Убайд Аллаха и пользовался его покровительством. У меня нет никакого сомнения, что Ходжа-и Кази был святой; какое обстоятельство лучше доказывает его святость, чем то, что от всех, кто умышлял против него [зло], вскоре не осталось ни следа, ни признака?

Ходжа Маулана-и Кази был удивительный человек: страха в нем совершенно не было; другого столь смелого человека и не видывали.

Это качество тоже доказывает святость. Всякий человек, какой бы он ни был богатырь, все же испытывал небольшое волнение и опасение, а Ходжа никогда не чувствовал волнения или опасения.

После гибели Ходжи всех связанных с ним людей, то есть его нукеров, учеников, родичей и челядь, схватили и ограбили.

Ради Андиджана мы выпустили из рук Самарканд, а Андиджан тоже ушел у нас из рук. Вышло так, как говорится в поговорке: «Дурака и оттуда выгнали, и туда он не попал». Мне пришлось очень тяжело и трудно: с тех пор, как я стал государем, я еще ни разу не расставался таким образом со своими нукерами и родной страной. || Сколько 54б себя помню, я не знал такого горя и страдания.

Когда я прибыл в Ходженд, то некоторые лицемерные люди, не могши видеть Халифу у моих дверей, так повлияли на Мухаммед Хусейн мирзу и еще кое на кого, что Халифа был отослан в Ташкент. Мы направили в Ташкент к [Султан Махмуд] хану Касим бека, прося Хана выступить к Андиджану.

Когда Хан повел войско и, пройдя долиной Ахангарана, стал лагерем у подножья перевала Кендирлик, я вышел из Ходженда и повидал Хана, моего дядю. Перевалив через Кендирлик, войска остановились возле Ахси. Со своей стороны, наши противники, собрав бывшие при них войска, пришли в Ахси. В это время, рассчитывая на меня, укрепили крепость Пап. Однако, вследствие несколько медленного движения Хана, мятежники взяли крепость Пап приступом.

Хотя прочие качества и повадки Хана были хороши, но как военачальник и полководец он был весьма недаровит. Дело ведь дошло до того, что соверши они еще один переход, область вероятнее всего досталась бы им даже без боя. И в такую-то пору Хан преклонил ухо к лживым речам противников и, начав разговоры о мире, || отрядил [к ним] 55а послами Ходжу Абу-л-Макарима и старшего брата Ахмеда Танбала, бека Тилбе, который был в то время ишик-агой Хана. Эти люди, чтобы спасти себя, наговорили множество правдивых и лживых слов и приняли для Хана или для посредников взятки и подарки. С тем Хан и возвратился назад.

Семьи большинства оставшихся при мне беков, внутренних приближенных и йигитов находились в Андиджане. Отчаявшись взять Андиджан, семьсот-восемьсот человек из больших и малых беков и йигитов окончательно отделились от меня. В числе отделившихся беков были Али Дервиш бек, Али Мазид Каучин, Мухаммед Бакир бек, Шейх Абд Аллах ишик-ага и Мирим Лагари, а тех, что остались со мной и избрали для себя тяготы и пребывание на чужбине, насчитывалось, вероятно, больше двухсот, но меньше трехсот, и знатных, и простых. Из беков среди них были: Касим Каучин бек, Ваис Лагари бек, Ибрахим Сару-и Минглик

бек, Ширим Тагай, Сиди Кара бек, из внутренних — Мир Шах Каучин, Сейид Касим ишик-ага Джалаир, Касим Аджаб, Мухаммед Дуст, Али Дуст Тагай, Мухаммед Али Мубашшир, Худай Берди Тугчи могол,
55б Ярак Тагай, Султан Кули, сын Баба Кули, Пир Ваис, Шейх Ваис, || Яр Али Билал, Касим мирахур, Хайдар-и рикабдар. Мне пришлось очень тяжело, и я поневоле много плакал.

После этого я прибыл в Ходженд; ко мне в Ходженд прислали мою мать и бабку вместе с семьями некоторых из тех, что остались со мною. Рамазан этого года мы провели в Ходженде. Направив к Султан Махмуд хану человека с просьбой о помощи, мы двинулись на Самарканд. Хан назначил в поход на Самарканд своего сына, Султан Мухаммед Ханике, а также Ахмед бека с четырьмя или пятью тысячами войска и сам тоже выступил и дошел до Ура-Тепа. Повидавшись там с Ханом, я направился к Самарканду через Яр-Яйлак. Султан Мухаммед Султан и Ахмед бек по другой дороге пришли в Яр-Яйлак раньше меня, а я пришел через Бурке-Яйлак в Санг-Зар; эта крепость является местопребыванием Яр-Яйлакского даруги. Султан Мухаммед Султан и Ахмед бек, узнав, что подошел Шейбани хан и совершил набег на Шираз и окрестные места, повернули назад. Мне тоже поневоле пришлось воротиться, и я пришел в Ходженд.

Когда есть стремление к власти и желание завоевать земли, то, если дело раз или два не выйдет, нельзя сидеть на месте и смотреть. Мечтая о походе на Андиджан, я направился в Ташкент к Хану, чтобы
56а просить его о помощи. || Я уже семь или восемь лет не видел Шах биким и моих родных и близких; воспользовавшись случаем, я повидался также и с ними. Несколько дней спустя в помощь мне назначили Сейид Мухаммед мирзу Дуглата, Айюб Бекчика и Джан Хасан Барина с семью-восемью сотнями воинов. Получив такое подкрепление, я выступил в путь и, не задерживаясь в Ходженде, быстро прошел мимо и двинулся вперед, оставив Канд-и Бадам по левую руку. Ночью мы внезапным нападением, приставив к стенам лестницы, захватили крепость Насух, что находится в десяти йигачах на пути от Ходженда и в трех йигачах от Канд-и Бадама.

В это время [как раз] поспевали дыни. В Насухе есть один сорт дынь, который называется «исмаил-шейхи», кожура у них желтая, похожая на шагрень; это очень нежные дыни. Семечки у них, как яблочные, мякоть толщиной в четыре пальца; удивительно сладкие это дыни, подобных им в тех местах нет.

На следующее утро могольские беки доложили мне: «Людей у нас мало, что из того, что мы взяли одну эту крепость?»

И действительно, дело обстояло так. Не считая полезным стоять там или усиливать эту крепость, мы повернули обратно и снова пришли в Ходженд.

В том году Хусрау шах с Байсункар мирзой повели войско и хитростью и обманом захватили Чаганиан. Потом Хусрау шах направил к Султан Мас'уд мирзе посла с предложением: || «Приходите, пойдем **56б** на Самарканд. Если Самарканд нам достанется, то один мирза пусть сидит в Самарканде, а другой мирза — в Хисаре».

Беки, приближенные и йигиты Султан Мас'уд мирзы были обижены по следующей причине: когда Шейх Абд Аллах Барлас пришел от Байсункар мирзы к Султан Мас'уд мирзе, которому он приходился тестем, то удостоился у него очень большого внимания. Хотя область Хисара — маленькая и незначительная область, но Султан Мас'уд мирза назначил Абд Аллах Барласу содержание в тысячу туманов деньгами и отдал ему в полное владение область Хутталан. В области Хутталан находилось немало беков и приближенных Султан Мас'уд мирзы. Абд Аллах Барлас распоряжался ими всеми и вместе со своими сыновьями забрал при дворе полную власть и в большом, и в малом. Обиженные один за другим стали убегать и переходили к Байсункар мирзе. Словами, полными лжи, [Хусрау шах и Байсункар мирза] обманули бдительность Султан Мас'уд мирзы и в час, когда били зорю, быстрым ходом выступив из Чаганиана, обложили и взяли крепость Хисар. Султан Мас'уд мирза находился вне крепости, в пригороде во дворце, называемом Даулат-Сарай, который был построен его отцом. Не имея возможности войти в крепость, он бежал с Шейх Абд Аллах Берласом к Хутталану.

В дороге Султан Мас'уд мирза отделился от Шейх Абд Аллах Барласа и, переправившись у Убаджа, ушел к Султан Хусейн мирзе. || **57а**

Как только область Хисар стала ему доступна, [Хусрау шах] послал в Хисаре правителем Байсункар мирзу, а Хутталан отдал Вали. Спустя несколько дней Хусрау шах выступил, намереваясь осадить Балх. Он послал вперед, в окрестности Балха, одного из своих знатных нукеров по имени Назар Бахадур с тремя-четырьмя тысячами человек. Три или четыре дня спустя Хусрау шах тоже подошел, приведя с собой Байсункар мирзу, и они обложили Балх. В Балхе находился Ибрахим Хусейн мирза; там было также много беков Султан Хусейн мирзы. Хусрау шах дал своему младшему брату Вали большое войско и послал его осаждать Шабурган, разорять и грабить его окрестности. Вали выступил, но не смог даже приблизиться и обложить Шабурган; он послал бывших с ним воинов грабить племена, жившие в Зардак-Чуле. Они совершили набег на Зардак-Чул и привели больше ста тысяч овец и около трех тысяч верблюдов.

После этого Вали разграбил и опустошил область Сан-и Чарик, увел часть жителей, укрепившихся в горах, и присоединился к своему старшему брату близ Балха.

Во время осады Балха Хусрау шах однажды послал упомянутого нукера, по имени Назар бахадур, завалить арыки города. Один из осаж-
57*б* денных, Тенгри Берди || Саманчи, который был любимым беком Султан Хусейн мирзы, выехал во главе семидесяти-восьмидесяти йигитов, встретился лицом к лицу с Назар бахадуром, свалил его, отрезал ему голову и увез ее в крепость. Он вел себя мужественно и сделал замечательное дело.

В том же году Султан Хусейн мирза повел войско, чтобы разбить Зу-н-Нун Аргуна и сына Зу-н-Нуна, Шах Шуджа. Зу-н-Нун был нукером Бади' аз-Заман мирзы, за которого отдал свою дочь, и устраивал мятежи и смуты.

Султан Хусейн мирза пришел и стал лагерем под Бустом. В его войско ниоткуда не поступало припасов. Воины уже изнемогали от голода, когда даруга Буста сдал крепость. Благодаря запасам, находившимся в Бусте, Султан Хусейн мирза [смог] возвратиться в Хорасан.

Так как столь великий государь, как Султан Хусейн мирза, с таким обильным великолепным снаряжением несколько раз водил войско на Кундуз, Хисар и Кандахар, но не мог их взять и возвращался обратно, то его сыновья и беки сильно осмелели и устраивали восстания и мятежи. Тем летом Султан Хусейн мирза был вынужден выступить против своего сына Мухаммед Хусейн мирзы, который овладел Астрабадом и встал на путь зла. [Султан Хусейн] послал вперед беков под начальством Мухаммед Вали бека и большое войско, а сам стоял в Уланг-
58*а* Нишине, когда Бади'аз-Заман мирза и Шах бек, сын Зу-н Нун бека, || неожиданно повели войско и появились перед Мирзой. По счастливой случайности султан Мас'уд мирза, который, отдав Хисар, направлялся к Султан Хусейн мирзе, подоспел как раз в этот день. Войско, ушедшее в Астрабад, тоже возвратилось в этот день и присоединилось к Мирзе. Оказавшись лицом к лицу, противники даже не начали сражения. Бади' аз-Заман мирза убежал вместе с Шах беком.

Султан Хусейн мирза хорошо принял Султан Мас'уд мирзу и, заставив его преклонить колени как своего зятя, оказывал ему милость и благосклонность. Однако Султан Мас'уд мирза по наущению Баки Чаганиани, младшего брата Хусрау шаха, который пришел раньше и состоял на службе у Султан Хусейн мирзы, не остался в Хорасане; под каким-то предлогом он без разрешения ушел от Султан Хусейн мирзы к Хусрау шаху.

Хусрау шах в это время вызвал Байсункар мирзу из Хисара. Между тем сын Улуг бек мирзы, Миран Шах мирза, который восстал про-

тив своего отца и ушел к хазарейцам, совершил и у хазарейцев всякие безобразия и не мог у них оставаться. Он тоже пришел к Хусрау шаху. Некоторые недальновидные люди считали, что следует убить всех троих царевичей и прочесть хутбу от имени Хусрау шаха. Не считая такое дело полезным, этот неблагодарный ничтожный человек ради благ быстротечной земной жизни, которая ни ему и никому другому не была и не будет верна, схватил Султан Мас'уд мирзу, || которого он с детства 58*б*
воспитывал и растил, будучи его дядькой, и, воткнув ему в глаза иглу, ослепил его. Некоторые молочные братья, сверстники и старые слуги Султан Мас'уд мирзы пришли в Кеш, намереваясь отвести его в Самарканд к Султан Али мирзе, но так как люди [Султан Али мирзы] тоже задумали злое против Султан Мас'уд мирзы, то он убежал из Кеша, перешел реку у Чарджуйской переправы и направился к Султан Хусейн мирзе. Пусть будет сто тысяч раз проклят до дня воскресенья тот, кто совершил столь гнусный поступок, или тот, кто задумал такое деяние! Всякий, кто услышит о подобных делах, пусть клянет Хусрау шаха; если человек, услышав о таких поступках, не проклянет его, то он сам заслуживает проклятия!

После этого нехорошего дела Хусрау шах, посадив Байсункар мирзу государем, отпустил его в Хисар; Миран Шах мирзу он назначил в помощь Сейид Камила и послал его в сторону Бамиана.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ЧЕТВЕРТОГО

Мы несколько раз ходили на Самарканд и Андиджан, но никакого дела не получалось, и мы снова вернулись в Ходженд. Ходженд — незначительное место; человек с сотней или двумя нукеров прокормится
59*a* там с трудом. || Как же может муж с большими притязаниями спокойно сидеть там?

Мухаммед Хусейн Гурган Дуглат находился в Ура-Тепа; вознамерившись идти на Самарканд, я послал к нему людей и вступил с ним в переговоры. Мы просили его временно, на эту зиму, отдать нам Пешагир — одно из селений Яр-Яйлакского тумана, которое входило во владения досточтимого Ходжи [Ахрара], но во время безвластия перешло в руки Мухаммед Хусейн Дуглата. [Мы хотели] расположиться там и передвигаться по Самаркандской области, сколько сможем.

Мухаммед Хусейн мирза согласился, я выступил из Ходженда и направился в Пешагир. Дойдя до Замина, я заболел горячкой; несмотря на горячку, я выступил из Замина и, быстро пройдя торной дорогой, подошел к Рабат-и Ходжа с тем, чтобы приставить к стенам лестницы и внезапно захватить крепость Рабат-и Ходжа, местопребывание даруги Шавдарского тумана. Мы пришли туда утром, но жители проведали об этом, мы снова отступили и, нигде не останавливаясь, пришли в Пешагир. Несмотря на горячку, я проделал путь в тринадцать-четырнадцать йигачей, испытывая сильные страдания и тяготы.

Несколько дней спустя мы отправили вперед Ибрахима Сару, Ваиса Лагари и Ширим Тагая с приближенными, беками и йигитами, [дав им приказание] пойти и либо уговорами, либо силой завладеть крепостями Яр-Яйлака. В то время || Яр-Яйлак был под началом Сейид Юсуф бека. 59*б*
Когда я ушел из Самарканда, [Сейид Юсуф] остался там; Султан Али мирза тоже оказывал ему внимание. Сейид Юсуф бек послал править и властвовать в крепость Яр-Яйлака сына своего младшего брата. Ахмед Юсуф, который теперь состоит правителем Сиалкота, находился в этих крепостях. Наши беки и йигиты отправились и [воевали] всю зиму; некоторые крепости они взяли миром, другие захватили силой, с боем, а иными завладели хитростью и обманом и стали там хозяевами. В тех областях из-за моголов и узбеков нет ни одной деревни, в которой не было бы укрепления. В это время из-за нас попали под подозрение Сейид Юсуф бек и сын его брата, и их отправили в Хорасан.

Вся та зима прошла в таких схватках и стычках. По весне для заключения мира прислали Ходжу Яхью, а сам [Султан Али мирза], подстрекаемый воинами, пришел в окрестности Шираза и Кабуда. Нашего войска было больше двухсот и меньше трехсот человек. Со всех сторон [нас окружили] сильные враги. Когда я бродил вокруг Андиджана, судьба не оказала мне никакой поддержки, когда я протянул руку к Самарканду, тоже не вышло никакого дела. По необходимости приходилось заключить нечто вроде мира и возвращаться из Пешагира || [в Ходженд]. 60*а*

Ходженд, [как уже сказано],— незначительное место, там с трудом может прокормиться один бек. Почти полтора года мы находились там с семьей и домочадцами. Тамошние мусульмане в то время тоже по мере возможности несли расходы [по нашему содержанию] и оказывали услуги без упущений. С каким же лицом я опять пойду в Ходженд, да и что станет человек делать, придя в Ходженд?

Где место, куда пойти,*
Где приют, чтобы там остаться?

Наконец, после всех колебаний и сомнений мы направились на летовки к югу от Ура-Тепа. Несколько дней мы провели в тех местах

смятенные, не зная, что делать, идти или стоять. Однажды, когда мы находились там, Ходжа Абу-л-Макарим, который, как и мы, покинул родину и скитался, пришел меня повидать. Когда я спросил и осведомился у него, идти нам или стоять, что делать, чего не делать, он был взволнован и тронут нашим положением и ушел, прочитав фатиху; на меня это тоже произвело большое впечатление и я растрогался.

В тот же день в час послеполуденной молитвы на краю долины появился какой-то всадник. Это оказался один из нукеров Али Дуст Тагая, по имени Юлчук. Али Дуст Тагай прислал его с таким сообщением: «Хотя я совершил великие проступки, однако надеюсь, что, оказав милость и простив мои прегрешения, 60б || вы направитесь к нам. Я передам вам Маргинан и проявлю такую покорность и готовность служить, что моя вина растает и завеса, [отделяющая меня от вас], поднимется».

Едва пришла эта весть, заставшая меня в таком смятении и растерянности, как я, нисколько не задумываясь и не задерживаясь, в тот самый час, когда солнце начало садиться, быстрым ходом направился в Маргинан. Между тем местом, где мы находились, и Маргинаном будет примерно двадцать четыре-двадцать пять йигачей. Всю ночь, пока не взошла заря, и все утро до полуденной молитвы мы шли, нигде не останавливаясь. В час полуденной молитвы мы стали лагерем в одном из селений Ходженда, называемом Тангаб. Дав коням остынуть и покормив их, мы, когда били полночную зорю, вышли из Тангаба. Пройдя всю ночь до утра и весь день до заката солнца и еще одну ночь, мы перед рассветом находились в одном йигаче от Маргинана. Ваис бек и еще кое-кто, почувствовав сомнение, доложили мне: «Али Дуст — человек, совершивший всякие дурные дела. Между нами ни раз, ни два не ходили люди, не было ни переговоров, ни условия, ни соглашения. На что же мы рассчитываем, идя вперед?».

Действительно, для их сомнений было основание. Остановившись на некоторое время, мы посоветовались. В конце концов порешили на 61а || том, что хотя для таких сомнений и есть повод, но [сомневаться] следовало раньше. Трое суток, не отдыхая и не останавливаясь, мы шли вперед и проделали путь в двадцать четыре-двадцать пять ийгачей, так что ни у коней не осталось силы, ни у людей. Как же мы можем вернуться отсюда, а если бы и вернулись, то куда мы пойдем? Раз уж мы столько прошли, надо идти дальше. Ничего не будет без божьей воли.

Сговорившись на этом и уповая [на Аллаха], мы тронулись. В предрассветный час мы подошли к воротам крепости Маргинана. Али Дуст Тагай, стоя за воротами и не отпирая их, попросил о договоре. Когда заключили условие и договор, он отпер ворота и, стоя в воротах, выразил мне почтение. Повидавшись с Али Дустом, я расположился внутри

крепости, в одном подходящем дворе. Со мной было людей знатных и простых двести сорок человек.

Узун Хасан и Султан Ахмед Танбал чинили над жителями этой области много жестокостей и плохо с ними обращались; все население области желало моего прихода.

Спустя два-три дня после прибытия в Маргинан я отдал под начальство Касим бека более сотни воинов из числа пешагирцев, моих новых нукеров и нукеров Али Дуст бека и послал его к горцам, живущим к югу от Андиджана: || ашпарцам, турукшарам, чогракам и во- 61*б*
обще в те места, чтобы Касим бек уговорами или силой привел ко мне этих людей. Ибрахим Сару, Ваис Лагари, Сиди Кара и с ними около сотни воинов были посланы в сторону Ахси, чтобы они перешли реку Ходженд и любым способом привлекли на мою сторону жителей крепостей и горцев.

Через несколько дней Узун Хасан и Султан Ахмед Танбал, взяв с собой Джехангир мирзу, собрали наличных воинов и моголов, призвали в войска жителей Андиджана и Ахси, обязанных идти на войну, и стали лагерем в деревне Сабан, в одном шери к востоку от Маргинана, намереваясь осаждать Маргинан. День или два спустя, построившись и вооружившись, они подошли к предместьям Маргинана.

Хотя под начальством Касим бека, Ибрахим Сару и Ваис Лагари были посланы люди в двух направлениях и со мной оставались считанные бойцы, но наличные йигиты построились, вышли и не пустили врагов дальше предместий. В этот день Халил Чухра дастарпеч хорошо повоевал и его руки дошли до дела. [Враги] не могли ничего предпринять; они дважды || делали попытки, но так и не подошли близко к кре- 62*а*
пости.

Когда Касим бек отправился в горы к югу от Андиджана, ашпарцы, турукшары, чограки и все кочевые и оседлые жители гор и равнин в тех местах покорились мне. Воины [врага] также стали убегать к нам по одному, по двое. Отрядам под начальством Ибрахим Сару и Ваис Лагари, которые переправились через реку на Ахсийскую сторону, сдалась крепость Пап и еще одна-две крепости. Узун Хасан и Танбал были люди жестокие, развратные, подобные нечестивцам; крестьяне и [вообще] все жители области очень из-за них страдали. Один из знатных людей Ахси — Хасан Дикча со своими людьми подговорил еще шайку ахсийских бродяг и бездельников, поднял чернь, расколотил людей, находившихся во внешних укреплениях, и загнал их в арк. Потом они призвали людей, находившихся под начальством Ибрахим Сару, Ваис Лагари и Сиди Кара, и ввели их во внешние укрепления Ахси.

Султан Махмуд хан назначил нам в помощь Банда Али, сына Хайдар кукельташа, и Хаджи Гази Мангита, который в это время бежал от

Шейбани хана и пришел к Хану, а также [воинов] тумана Барин с их беками. В это время они [как раз] пришли. Когда весть об этом достигла Узун Хасана, он, потеряв мужество, послал в арк Ахси на помощь
62б своих любимых || нукеров и отборных йигитов. На заре они подошли к берегу реки. Наши воины и воины моголов, узнав об этом, подготовили к переправе через реку отряд людей на расседланных конях.

[Люди Узун Хасана], пришедшие на помощь, второпях не подтянув лодку [достаточно] вверх, пустили [по течению], ее [снесло] от места переправы [вниз]. Они не смогли переправиться к крепости и поплыли вниз. Наши и могольские воины, расседлав лошадей, стали с обеих сторон бросаться в воду, люди в лодке, [перепуганные] совершенно, не могли защищаться. Карлугач Бахши, могол, преследуя их, схватил одного из сыновей беков за руку и зарубил его. А что пользы? Дело зашло дальше этого. Его поступок стал причиной смерти большинства бойцов, находившихся в лодке. В одну минуту всех, кто был на реке, вытащили на берег и [почти] поголовно истребили. Из уважаемых вельмож Узун Хасана там были: Карлугач Бахши, Халил Дивана, Кази Гулам. Из них Кази Гулам сумел спастись, утверждая, что он [будто бы] раб, и был освобожден. Еще из уважаемых йигитов там был Сейид Али, который теперь при мне и пользуется почетом, а также Хайдар Кули и Кулике Кашгари. Из семидесяти-восьмидесяти добрых йигитов,
63а кроме пяти-шести перечисленных, не спасся никто. ||

Услышав вести об этом, враги не могли больше оставаться в окрестностях Маргинана и в беспорядке ушли в сторону Андиджана. В Андиджане они оставили Насир бека, мужа старшей сестры Узун Хасана. Если Насир бек и не был вторым после Узун Хасана, то уже третьим-то он был, что и говорить! Это был опытный человек, мужество у него тоже было.

Узнав все обстоятельства и удостоверившись в неосновательности дела этих людей, Насир бек запер крепость Андиджана и послал ко мне человека. Когда те люди достигли Андиджана и увидели, что крепость заперта, они не смогли сговориться и впали в расстройство. Узун Хасан потянулся в Ахси, к своей семье, Султан Ахмед Танбал ушел в свою область, в Ош. Некоторые приближенные и йигиты Джехангир мирзы, забрав его у Узун Хасана, бежали и присоединились к Ахмед Танбалу, который еще не дошел до Оша.

Весть о том, что крепость Андиджан заперта, дошла до меня. Нигде не задерживаясь, я выступил из Маргинана на восходе солнца, а когда вернулась ночь, я прибыл в Андиджан. Повидавшись с Насир беком и его сыновьями — Дуст беком и Мариам беком — и осведомившись об их здоровьи, я обнадежил и возвеличил их своей милостью
63б и заботой. Отцовские владения, которые почти два года назад || ушли

у меня из рук, милостью божией снова стали мне доступны и покорны в месяц зу-л-ка'да девятьсот четвертого года.

Султан Ахмед Танбал с Джехангир мирзой двигался к Ошу; едва они вошли туда, как и в Оше чернь тоже подняла бунт. Людей Танбала здорово поколотили и выгнали из Оша и, сохранив для нас крепость, послали к нам человека. Джехангир и Танбал со считанными людьми ушли в полном смятении и вступили в Узгенд.

Узун Хасан, которому не удалось войти в Андиджан, ушел в сторону Ахси. Пришло известие, что он будто бы проник в арк Ахси. Так как главарем зачинщиков смуты был именно он, то сейчас же по получении этого известия мы двинулись к Ахси, не задержавшись в Андиджане больше чем на четыре-пять дней. Когда мы достигли Ахси, то Узун Хасан, не будучи в состоянии ничего сделать, попросил о договоре и пощаде и сдал крепость. Пробыв в Ахси несколько дней, я направил и привел в порядок дела в Ахси, Касане и вообще на той стороне [реки], после чего отпустил могольских беков, которые пришли нам помочь, забрал с собой Узун Хасана с семьей и домочадцами и пришел в Андиджан. Касим Аджаб бек, который входил в круг приближенных и достиг при мне степени бека, был временно оставлен в Ахси.

Так как с Узун Хасаном был заключен договор, то его жизни и имуществу не причинили вреда или ущерба, и ему было дано разрешение отправиться через Кара-Тегин || в Хисар. Со считанными людьми 64*а*
он ушел в Хисар; все остальные его нукеры отделились от него и остались. Это были те самые люди, которые во время смут схватили и ограбили моих домочадцев, а также Ходжу Кази и его близких. Сговорившись с некоторыми беками, мы решили так: эти люди учинили беззакония и склоки, схватили и обобрали близких к нам правоверных мусульман. Были ли они настолько верны своим бекам, чтобы быть верными нам? Если мы велим их взять, что будет плохого, тем более, что они у нас на глазах разъезжают на наших лошадях, носят нашу одежду и едят наших овец? Кто может это стерпеть? А буде мы их пожалеем и не прикажем их взять или обобрать, то нужно отдать приказ, чтобы все ныне опознанное имущество наших товарищей, бывших при нас во времена казачества и терпевших тяготы, снова перешло в руки владельцев. Если они спасутся такой ценой, то должны быть благодарны.

Действительно, это казалось разумным, и был отдан приказ: «Те, которые были с нами, пусть берут свои вещи, если узнают их».

Хотя это было разумно и правильно, но мы немного поторопились. Когда рядом стоял такой зловредный человек, как Джехангир мирза, пугать так людей || не было никакого смысла. При завоевании стран 64*б*
и управлении государством некоторые действия внешне кажутся разумными и правильными, но внутреннюю суть всякого дела необходи-

мо и обязательно сообразить сто тысяч раз. Сколько смут и волнений поднялось из-за одного этого необдуманного приказа! В конце концов причиной нашего вторичного ухода из Андиджана было именно то, что мы, не подумав, отдали такой приказ.

Вследствие этого моголы открыли к себе путь тревоге и беспокойству и, выступив из Рабатек-и Урчини, который называют также «Областью меж двух рек», в сторону Узгенда, послали человека к Танбалу. При моей матери было около тысячи пятисот или двух тысяч моголов, из Хисара пришли Махди султан, Хамза султан и Мухаммед Дуглат и с ними почти столько же моголов. Раздоры и склоки всегда исходят от моголов; до того времени они уже пять раз поднимали против меня мятеж. Не то чтобы они бунтовали [только] против меня по причине всяких несогласий; такие же поступки они неоднократно совершали и со своими ханами.

Весть [об уходе моголов] доставил мне Султан Кули Чанак, отца
65*а* которого, Худай Берди Букака, || я отличал вниманием среди моголов. Отец [Султан Кули] перед тем умер, а сам он был с моголами. Он хорошо поступил: отошел от своего народа и племени и доставил мне такую весть, но хотя он тогда и поступил хорошо, зато потом совершил такие мерзости, что будь за ним и сто подобных услуг, [мерзости] их покроют. Об этом еще будет упомянуто. Последующие мерзости были следствием его могольского происхождения.

Как только пришли такие вести, я собрал беков и мы посоветовались. Беки сказали: «Это маленькое дело, что за нужда государю выступать! Пусть идет Касим бек во главе всех беков и войска».

Решение утвердилось на этом. Они считали это пустяком, но такое мнение оказалось ошибочным.

В тот же день Касим бек повел беков и войско: еще до их ухода подошел сам Танбал и присоединился к моголам. Утром спозаранку, как только наши перешли реку Айламыш у переправы, называемой Яси-
Киджит, противники оказались лицом к лицу. Наши хорошо рубились. Сам Касим бек, столкнувшись в Султан Мухаммед Аргуном, два или три раза ударил его саблей, не давая ему поднять голову. Многие йиги-
65*б* ты хорошо рубились, но в конце концов они потерпели поражение. || Касим бек, Али Дуст Тагай, Ибрахим Сару, Ваис Лагари, Сиди Кара и еще трое-четверо беков и приближенных вышли [благополучно], большинство прочих беков и приближенных попало в плен. В числе попавших в плен беков и приближенных были Али Дервиш бек, Мирим Лагари, Тука бек, Тагай бек, Мухаммед Дуст, Али Дуст, Мир Шах Каучин и Мирим Диван.

В этой битве [особенно] хорошо рубились два йигита: с нашей стороны — один из братьев Ибрахима Сару по имени Самад, с их сторо-

ны — хисарский могол по имени Шахсувар. Они встречаются лицом к лицу: Шахсувар так сильно рубит, что пробивает клинком шлем Самада и глубоко всаживает ему лезвие в голову; несмотря на подобную рану Самад так бьет, что сносит Шахсувару саблей с головы кусок кости величиной в ладонь руки. На Шахсуваре не было шлема; ему лечили голову и он поправился. Лечить голову Самаду было некому; через три-четыре дня он умер от этой самой раны.

В те дни, когда я как будто избавился от скитаний и бедствий и снова завоевал родную страну, это было удивительно несвоевременное поражение! Камбар Али могол, который являлся [моей] главной опорой, после взятия Андиджана ушел в свою страну, || и его со мной 66*а*
не было.

При таких обстоятельствах [Ахмед] Танбал, приведя с собой Джехангира, стал лагерем в одном шери от Андиджана, на поляне перед холмом Айш. Один-два раза, построив свои войска у Чил-Духтарана, он подходил к подножью холма Айш. Наши йигиты тоже строились и выходили за сады и предместья. Танбал не мог двинуться вперед и даже отступил за холм. Когда он пришел в те места, то убил из числа пленных беков Мирима Лагари и Тука [бека].

Около месяца простоял Танбал в этой округе, но не мог ничего сделать и отступил к Ошу. Ош он отдал Ибрахиму Сару. Его люди были там, они укрепили Ош.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ПЯТОГО

К войскам, находившимся в области, конным и пешим, спешно послали вербовщиков и надсмотрщиков; отправив к Камбар Али и ко всем воинам, ушедшим в свои земли, усердных вербовщиков, я назначил для доставки щитов, лопат, секир и прочего военного снаряжения и припасов деятельных добытчиков. Я согнал из всей области конных и пеших, которые должны были идти на войну, и приказал созвать воинов и нукеров, что разъехались кто куда по всяким делам. Уповая на
66б бога, я выехал восемнадцатого числа месяца мухаррама || в сад Хафиз бека. Пробыв несколько дней в этом саду и завершив подготовку остального снаряжения и припасов, мы направились в сторону Оша навстречу противнику, построив в должном порядке правое крыло, левое крыло, центр, авангард, пехоту и конницу.

Когда мы подошли близко к Ошу, получилось известие, что враги не смогли устоять в окрестностях и увели войска в округ Рабат-и Сарханг, что к северу от Оша. В этот вечер мы стали лагерем в селении Латкенд. На утро, когда мы построились и проходили через Ош, пришло известие, что враги будто бы ушли в сторону Андиджана. Мы тоже направились к Узгенду, послав впереди себя добытчиков для набега на окрестности Узгенда. Когда враги, которые направлялись к Андиджану, ночью вошли в ров и подставили лестницы к внутренней стене, те, кто был в крепости, заметили их. Они ничего не могли сделать и отступили. Наши добытчики тоже выступили, но когда они отправились пограбить окрестности Узгенда, им в руки не попало почти ничего, и они вернулись обратно.

В крепости Мазу, одном из укреплений Оша, которое славится в тех местах своей неприступностью, Танбал оставил своего младшего брата Халила и с ним двести или двести пятьдесят человек. || [Халил] 67*а* запер эту крепость. Повернув назад, мы начали бой и пошли на крепость Мазу приступом. Мазу — очень хорошо укрепленная крепость. С северной стороны, где русло потока, она очень высокая; если от потока пустить стрелу, то она вероятно долетит до вала. Отводной желоб находился в той стороне. От крепости вниз провели как бы улицу, ведущую к воде, построив по обеим сторонам ее стены. Со всех сторон холм окружен рвом; так как он недалеко от русла потока, то из русла подняли в крепость камни, величиной с большой-пребольшой котел. Таких больших камней, какие бросали из крепости Мазу, не бросали ни из какой другой крепости, которую мы осаждали. Абд ал-Каддус Кухбар, старший брат Катта бека, вышел к подножью вала; с вала в него бросили такой камень, что Абд ал-Каддус, нигде не зацепившись, полетел кувырком прямо вниз и скатился с такого высокого места к подножью крепостной насыпи. Однако он ничего [себе] не сломал и тотчас же сел на коня и ускакал. В ложе водоотвода, у двойной трубы, Яр Али Билала ударили камнем по голове — потом ему пришлось лечить голову. Много людей погибло от камней.|| 67*б*

Битва началась утром; еще до полудня мы захватили ложе водоотвода; сражение продолжалось до вечера. Когда ложе водоотвода было захвачено, враги не могли больше держаться и к утру вышли, прося пощады. Семьдесят, восемьдесят или сто человек во главе с Халилом, братом Танбала, заковали в цепи и отослали в Андиджан, чтобы их там тщательно стерегли. И с нашей стороны некоторые беки, приближенные и добрые воины тоже попали в плен. Эта битва [кончилась] хорошо.

Захватив Мазу, мы стали лагерем в одной из ошских деревень, называемой Унджутуба. Со своей стороны, Танбал, отступив от Андиджа-

на, стал лагерем в одной из деревень округа Рабат-и Сарханг, именуемой Аб-и Хан. Войска стояли друг от друга на расстоянии йигача.

В эти дни Камбар Али по причине нездоровья ушел в Ош. Месяц или сорок дней мы простояли на месте; боев не было, но между нашими добытчиками и их добытчиками каждый день происходили стычки.

Все это время лагерь и окрестности тщательно охранялись по ночам; [наши люди] копали рвы, а там, где рвов не было, устраивали препятствия. Все наличные бойцы в полном снаряжении выходили на
68*а* край рва. Несмотря || на такую осторожность, каждые три-четыре дня в лагере к вечеру поднимался шум и раздавались боевые крики.

Однажды навстречу [вражеским] добытчикам отправился Сиди бек Тагай; люди неприятеля оказались сильнее, внезапно во время боя они захватили Сиди бек Тагая.

* *
*

В этом году Хусрау шах, вознамерившись повести войска на Балх, вызвал Байсункар мирзу в Кундуз и выступил к Балху. Дойдя до Убаджа, Хусрау шах, этот злополучный и неблагодарный человек, каждая власти, — а как может достаться власть таким низким, неспособным людям, без роду и племени, без умения, расчета и соображения, без храбрости, совести и справедливости? — схватил Байсункар мирзу и его беков и накинул на шею Байсункар мирзе веревку. Было десятое мухаррама, когда он сделал мучеником такого даровитого царевича, полного достоинств, украшенного личными заслугами и высоким происхождением. Из его беков и приближенных Хусрау шах тоже некоторых убил.

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЙСУНКАР МИРЗЫ

Он родился в восемьсот восемьдесят втором году в области Хисара, будучи вторым сыном Султан Махмуд мирзы — младше Султан Мас'уд мирзы и старше Султан Али мирзы, Султан Хусейна и Султан Ваис мирзы, который известен под именем Хан мирзы. Матерью его бы-
68*б* ла Пашша биким.||

ЕГО ВНЕШНОСТЬ И КАЧЕСТВА

Он был большеглазый, полнолицый, среднего роста, красивый йигит с лицом туркмена.

СВОЙСТВА НРАВА И ОБЫЧАИ

Это был справедливый, мягкий, веселый и достойный царевич. Наставником его был, говорят, Сейид Махмуд, шиит, поэтому Байсункар мирзу тоже укоряли [в ереси]. Позднее говорили, что в Самарканде он отказался от этих дурных убеждений и стал чист верой.

Он был очень охоч до вина, но когда не пил вина, совершал положенные молитвы. Его щедрость и подарки были умеренны, он очень хорошо писал почерком насталик, в рисовании его рука также была неплоха. Стихи он тоже сочинял хорошо, пользуясь тахаллусом Адили. Стихов у него было недостаточно, чтобы составить д и в а н; ему принадлежит такой начальный стих:

Как тень я влачусь от бессилья с места на место;*
Если бы не хватался я за стену, то упал бы с ног.

В Самарканде газели Байсункар мирзы так распространены, что мало домов, где бы не было стихов мирзы.

ЕГО БИТВЫ

Он сражался в двух битвах, один раз — с Султан Махмуд ханом. Когда он впервые воссел на престол, Султан Махмуд хан по наущению и подстрекательству Джунаид Барласа и еще кое-кого повел войска с намерением захватить Самарканд. || Он перевалил через Ак-Кутал и при- 69*а*
шел в окрестности Рабат-и Сугуда и Канбая. Байсункар мирза вышел из Самарканда, сразился с ним у Канбая и здорово разбил [врагов]. Трем или четырем тысячам моголов он приказал отрубить головы. Хайдар Кукельташ, который вязал и разрешал все дела у [Султан Махмуд] хана, погиб в этой битве.

Другой раз Байсункар мирза, сразившись под Бухарой с Султан Али мирзой, был побежден.

ЕГО ВЛАДЕНИЯ

Отец его, Султан Махмуд мирза, дал ему Бухару. После смерти его отца беки последнего собрались и, сговорившись, объявили Байсункар мирзу государем в Самарканде. Бухара также до известного времени входила в его д и в а н; после мятежа тарханов она вышла из-под его власти. Когда я взял Самарканд, Байсункар мирза потянулся к Хусрау Шаху. Хусрау Шах дал ему Хисар.

После Байсункар мирзы не осталось потомства. Когда он пришел к Хусрау Шаху, то взял за себя дочь своего дяди Султан Халил мирзы. Другой жены или наложницы у него не было.

Байсункар мирза не властвовал так независимо, чтобы самому возвысить кого-нибудь и сделать значительным беком. Его беками были
69б беки его отца и дяди.||

После гибели Байсункар мирзы Султан Ахмед Караул, отец Куч бека, со своими старшими и младшими братьями, семейством и домочадцами выступил из области Кара-Тегина и явился к нам. Камбар Али, который был в Оше, больной, встав после болезни, тоже пришел. Сочтя прибытие в такое время Ахмед Караула с его людьми помощью с неба и хорошим предзнаменованием, мы в то же утро построили войска и пошли на врага. [Неприятель] не мог удержаться в Аб-и Хан и ушел со стоянки; в руки воинам попала кое-какая [добыча]: палатки, ковры обоз. Придя [в Аб-и Хан], мы расположились в лагере [врагов].

В тот же вечер Танбал, взяв с собой Джехангира, обошел нас справа и вступил в селение Хубан, находившееся от нас в трех йигачах в сторону Андиджана. Утром мы также построили правое крыло, левое крыло, центр и авангард, надели кольчуги, вооружились, выстроили войско, поставив вперед пехотинцев со щитами, и двинулись на врага. На правом крыле у нас стоял Али Дуст Тагай со своими людьми; на левом крыле — Ибрахим Сару, Ваис Лагари, Сиди Кара, Мухаммед
70а Али Мубашшир, || Кичик бек — старший брат Ходжи Калан бека и еще кое-кто из приближенных беков. Султан Ахмед Караула и Куч бека с братьями поставили на левом крыле, Касим бек стоял в центре, подле меня; в авангарде находились Камбар Али и еще кое-кто из приближенных беков.

Мы дошли до селения Сака, юго-восточнее Хубана, что находится в одном шери от Хубана; когда воины врага в боевом порядке вышли из селения Хубан, мы также пошли быстрее. Пехотинцы со щитами, которые из осторожности и осмотрительности были поставлены вперед, в самое время встречи отстали; по милости божьей в них не оказалось никакой надобности. Еще раньше, чем подошли [главные силы], люди на нашем левом крыле схватились с правым крылом врагов. Кичик бек, старший брат Ходжа-и Калана, тогда хорошо рубился; Мухаммед Али Мубашшир тоже хорошо рубился после Кичик бека. Враг, не будучи в силах устоять, бежал. На правом крыле и в авангарде дело тоже не дошло до боя. [К нам] привели много йигитов, мы приказали отрубить им головы. Наши беки Касим бек и Али Дуст, особенно Али Дуст, при-
70б держиваясь благоразумия и правил военного искусства,|| не сочли полезным посылать погоню далеко [вперед], поэтому многие враги не попали в плен. Мы остановились в самом селении Хубан.

Это была первая битва, в которой я сражался. Великий господь по своей милости и благости сделал тот день днем победы и торжества. Мы сочли это хорошим предзнаменованием.

На следующее утро мать моей матери, моя бабка Шах Султан биким, прибыла из Андижана, имея намерение, если Джехангир попал [к нам] в плен, походатайствовать за него.

Так как подходила зима, то в степи не оставалось хлеба и корма. Мы не сочли полезным идти на Узгенд и возвратились в Андиджан. Через несколько дней, собрав совет, мы пришли к такому решению: оттого, что мы перезимуем в Андиджане, людям врага не будет никакого вреда или ущерба и они, возможно, даже станут сильнее путем краж и набегов. Перезимовать следует в таком месте, где наши люди не ослабеют от отсутствия съестных припасов, а неприятель станет слаб, словно пребывая в осаде.

С такой целью мы выступили из Андиджана, имея намерение зимовать в округе Рабатек-и Урчини, этот Рабатек-и Урчини также называют Областью между двумя реками, возле Армиана и Нушаба.|| Придя 71а
в окрестности упомянутых селений, мы расположились на зимовку.

Эти края — прекрасное место для охоты. В густых зарослях возле реки Айламыш водится много маралов и кабанов, мелкие заросли изобилуют фазанами и зайцами. На холмах таится масса лисиц; эти лисицы бегают быстрее, чем лисицы из других мест.

Пока мы были на этой зимовке, я каждые два-три дня выезжал на охоту. Поджигая густые заросли, мы охотились на бугу-маралов или разъезжали в мелких зарослях, устраивая облавы и пуская соколов на фазанов. Фазанов там бесконечно много; пока мы зимовали в этих местах, фазаньего мяса было [у нас] вдоволь.

Во время пребывания на этой зимовке Худай Берди Тугчи, которого я недавно, проявив благосклонность, сделал беком, два-три раза нападал на казаков Танбала, разбивал их и привозил их отрезанные головы. Из окрестностей Андиджана и Оша наши молодцы-казаки тоже неутомимо, с отвагой, угоняли табуны врага и очень его ослабляли. Если бы мы провели всю зиму на этой зимовке, то наши противники, всего вероятнее,|| еще до лета были бы разбиты и побеждены без боя. 71б

В то самое время, когда мы ослабили и обессилили такого врага, Камбар Али попросил позволения уйти в свою область. Как я его ни удерживал, повторяя все эти соображения, он только больше дурил [и упрямился]. Удивительно легкомысленный и неустойчивый был человечишко! Поневоле пришлось разрешить ему уйти в его область. Раньше его владением был Ходженд, на этот раз, когда я взял Андиджан, то отдал ему Исфару и Канд-и Бадам. Среди наших беков [именно] у Камбар Али были обширные владения и много нукеров; ни у кого не было столько земли и нукеров, как у него.

Мы пробыли на этой зимовке сорок или пятьдесят дней. В связи с

уходом Камбар Али некоторым воинам тоже было дано разрешение уйти. Мы сами также вернулись в Андиджан.

В то время, когда мы были на зимовке и в Андиджане, люди Танбала беспрестанно ездили к [Султан Махмуд] хану в Ташкент и обратно. Ахмед бек, который был дядькой сына Хана Султан Мухаммед султана и весьма любимым беком Хана, приходился Танбалу родным дядей; Бек Тилбе, ишик-ага Хана, был единоутробным старшим братом Танбала. Ездя то туда, то назад, они склонили Хана послать Танбалу
72а помощь. До прибытия помощи|| Бек Тилбе, который, с тех пор как родился, жил в Моголистане, вырос среди моголов, ни разу не вступал в [Ферганскую] область и не оказывал услуг государям этой области, но оказывал услуги ханам. оставил пожитки, жен и домочадцев в Ташкенте, а сам присоединился к своему младшему брату Танбалу.

В это время произошел удивительный случай. Касим Аджаб, который был временно оставлен в крепости Ахси, погнался за горсточкой казаков; преследуя их, он перешел реку Ходженда у Бахраты, наткнулся на большой отряд людей Танбала и попал в плен.

Получив известие, что наше войско разошлось, и что его старший брат Бек Тилбе, сговорившись с Ханом, двинулся ему на помощь, Танбал убедился и уверился, что [вскоре] подойдет подкрепление. Он выступил из Узгенда и пришел в Область между двумя реками. В это время из Касана прибыли верные вести, что Хан назначил в помощь Танбалу своего сына Мухаммед Ханике, известного под прозвищем Султаним, и Ахмед бека и дал им пять-шесть тысяч войска. Пройдя через Арчикент, они осадили Касан. Не ожидая наших людей, которые были далеко, я без промедления, в жестокую зимнюю стужу, выступил,
72б уповая на бога, с наличными войсками из Андиджана || через Банд-и Салар против Султаним и Ахмед бека. Ночью мы нигде не останавливались; прибавив еще ночь ходу, мы на утро сделали привал у Ахси. Ночью был крепчайший мороз, так что некоторые воины отморозили руки и ноги, а у многих распухли уши и стали, как яблоки. Не задерживаясь в Ахси, мы оставили там вместо Касим Аджаба Ярак Тагая, тоже временно, и пошли дальше, на Касан. Когда мы подошли на один шери к Касану, пришло известие, что Ахмед бек, услышав об этом, поспешно, в беспорядке отступил вместе с Султаним. Танбал, узнав о нашем выступлении, быстрым ходом двинулся на помощь своему старшему брату.

Было время между двумя молитвами, когда чернота войска Танбала показалась со стороны Наукенда. Смущенный и смятенный столь легкомысленным уходом своего дяди и нашим быстрым приходом, Танбал остановился. Мы подумали: «Сам господь привел его таким обра-

зом! Он пришел, когда шея его коня окоченела. Если мы двинемся и схватимся с ними, то с божьей помощью ни один враг не уйдет».

Ваис Лагари и еще кое-кто говорили: «Настал вечер. Если сегодня и не будет боя, то и завтра || куда он денется? Утром, где бы он ни был, *73а* мы с ним встретимся».

Словом, они не сочли полезным тотчас же начать схватку. Враг, который шел нам прямо в руки, нисколько не пострадав, ускользнул от нас. Есть поговорка: «Кто не хватает того, что идет в руки, до старости будет каяться».

Дела следует делать вовремя:*
Дело, сделанное не вовремя, выйдет плохо.

Воспользовавшись отсрочкой до утра, враги шли всю ночь, нигде не останавливаясь, и вступили в крепость Архиан.

Утром мы двинулись на врагов, но не нашли их. Направившись вслед за ними, мы не сочли полезным подвергать крепость Архиан тесной осаде и остановились в одном шери от нее, в селении Наманган. На этой стоянке мы провели тридцать-сорок дней, Танбал стоял в крепости Архиан; кучки людей с той и с другой стороны выезжали, перестреливались на половине дороги и возвращались обратно. Однажды ночью враги подскакали, выпустили на подступах к лагерю несколько стрел и вернулись. Мы выкопали вокруг лагеря ров, устроили ограждения и приняли все меры предосторожности; враги не смогли ничего сделать.

Когда мы находились на этой стоянке, Камбар Али два или три раза,|| обидевшись, хотел уйти в свою область. Один раз он даже сел на *73б* коня и тронулся; послав за ним нескольких беков, мы с трудом вернули его назад.

В это время Сейид Юсуф Мачами послал человека к Султан Ахмед Танбалу и изъявил ему покорность. У подошвы Андиджанских гор есть два укрепления, называемые Уйгур и Мачам; Сейид Юсуф Мачами был нáбольшим в Мачаме. Впоследствии он стал известен и при моем дворе, значение его превысило звание нáбольшего, и он притязал на звание бека, хотя никто не назначал его беком. Это был удивительно подлый и непостоянный человечишко; с тех пор как я в последний раз взял Андиджан, и до сего времени он наверное раза два или три покорялся мне и восставал на Танбала и затем тоже два или три раза покорялся Танбалу и восставал против меня. Последний его бунт произошел именно в тот раз. С ним вместе ушло много оседлых поселенцев и аймаков. Думая, «лишь бы только он не соединился с Танбалом», мы выступили чтобы стать между ними, и, сделав одну ночевку, пришли в окрестности Биш-Харана; в бишхаранскую крепость, по слухам, вступил человек Танбала. Наши беки, посланные вперед, — Али Дервиш бек и Куч

бек со своими старшими и младшими братьями — направились к воро-
74а там Биш-Харана и отлично там дрались. Куч бек и его братья || держа-
лись хорошо. У большинства из них руки дошли до дела.

Мы остановились на возвышенности в одном шери от Биш-Харана. Танбал, взяв с собой Джехангира, стал тылом к крепости Биш-Харан. Дня через три-четыре враждебные нам беки Али Дуст и Камбар Али-и Саллах со своими приверженцами и приспешниками завели разговоры о мире. Ни я, ни мои доброжелатели решительно не думали и не помышляли о примирении, и никак не были на это согласны. Но эти два человечка были большие беки, и если бы мы, не послушав их слов, не заключили мира, то у них были и другие возможности [повредить нам]. Необходимость заставила заключить мир такого рода: области на Ахсийской стороне реки Ходженда отойдут к Джехангиру, а области на Андиджанской стороне отойдут ко мне. Узгенд, когда оттуда уйдут их люди, они тоже припишут к нашему дивану. Когда определят границы наших владений, мы с Джехангир мирзой вместе пойдем на Самарканд. Как только столичный город Самарканд будет завоеван и покорен, я
74б отдам Андиджан Джехангир мирзе.||

Так мы и договорились. Джехангир мирза и Танбал на следующее утро пришли и в конце месяца раджаба вступили ко мне в услужение. Согласно принятому решению, были заключены договоры и условия. Дав Джехангир мирзе разрешение отправиться в Ахси, я сам возвратился в Андиджан. По приходе в Андиджан я освободил от оков младшего брата Танбала, Халила и его людей, которые были в цепях, одел их в драгоценные халаты и отпустил. Те тоже выпустили находившихся в плену беков и придворных: Тагай бека, Мухаммед Дуста, Мир Шах Каучина, Сиди бека, Касим Аджаба и Мир Ваиса. Мирим Дивана и их подначальных также освободили от оков и прислали ко мне.

После нашего возвращения в Андиджан повадки Али Дуста стали совсем иными. Он начал дурно обращаться с людьми, которые были при мне в дни скитаний и испытаний. Сначала он отослал Халифу, потом без вины и без причин схватил, обобрал и услал Ваиса Лагари и Ибрахима Сару, разлучив их с их землями. С Касим Аджабом он тоже ссорился, с Касим беком у него также бывали стычки.

Внешне Али Дуст ссылался на то, что Халифа и Ибрахим — приверженцы Ходжи Кази и будут мне мстить. Сын Мухаммед Дуста, [Али],
75а держал себя, как царь.|| Попойки, угощения, приемы, утварь — все он завел такое, как у султанов. Отец и сын совершали подобные дела, опираясь на Танбала, а у меня не осталось столько власти и силы, чтобы запретить им эти неприличные поступки: при покровительстве и поддержке такого моего врага, как Танбал, они делали все, чего желало их сердце. Момент был удивительно щекотливый: я не мог ничего сказать

и претерпел за это время много унижений и от отца и от его сына.

Дочь Султан Ахмед мирзы, Аиша Султан биким, которую просватали за меня при жизни ее отца и дяди, приехала в Ходженд. В месяце ша'бане я взял ее в жены. Хотя, когда я ее брал, мои чувства к ней были неплохи, но это был мой первый брак. От стыда и смущения я ходил к ней один раз в десять, в пятнадцать или в двадцать дней, но потом не осталось и такой любви, а стыд стал еще больше. Раз в месяц или в сорок дней моя мать, Ханум, с трудом, насильно прогоняла меня к ней.

В это время в обозе находился один человек,|| у которого был сын 75*б*
по имени Бабури. Его имя оказалось очень подходящим. Я почувствовал к нему необыкновенную склонность, больше того, стал из-за него горестным и безумным. До этого я ни к кому не чувствовал склонности и даже не слушал и не говорил о любви и страсти. В то время я иногда сочинял один или два стиха по-персидски. Я сказал тогда такой стих:

Да не будет никто сокрушен, влюблен и опозорен, как я,*
Да не будет любимый безжалостен и небрежен как ты.

Иногда Бабури приходил ко мне, но от стыда и смущения я не мог даже взглянуть в его сторону; где уже мне было общаться или разговаривать с ним! От волнения и опьянения любовью я не мог даже его поблагодарить, как же мне было жаловаться на его уход! Кто был в силах заставить его остаться?

Однажды в пору такой влюбленности и страсти со мной находилось несколько человек. Я проходил по какой-то улице. Внезапно мне встретился лицом к лицу Бабури. От смущения я впал в такое состояние, что как бы растаял и не мог посмотреть ему в лицо или завязать с ним разговор.|| В великом смущении и волнении я прошел мимо. Мне 76*а*
вспомнился такой стих Мухаммед Салиха:

Я смущаюсь всякий раз, как вижу перед собой своего друга,*
Товарищи смотрят на меня, а я смотрю на другого.

Этот стих удивительно соответствовал обстоятельствам. От волнения, любви и страсти, от кипения и безумия молодости я ходил с голой головой и босой по улицам и переулкам, по садам и садикам, не обращая внимания ни на своих, ни на чужих, не заботясь ни о себе, ни о других.

Став влюбленным, я вне себя и безумен:*
Не знал я, что таковы свойства любви к красавицам с ликом пери.

Иногда я, словно юродивый, бродил один по холмам и степям, иногда рыскал по садам и предместьям, обходя улицу за улицей. И хо-

дил и сидел я не по своей воле, и не имел я покоя, ни когда стоял, ни когда ходил.

Ни ходить нет у меня силы, ни терпения, чтобы стоять;*
Это ты, о сердце, сделало нас пленниками такого состояния.

В этом году возникла вражда между Султан Али мирзой и Мухаммед Мазид тарханом. Причиною ее было то, что тарханы приобрели
76б очень большую власть и значение. Бухарой полностью || завладел Баки тархан и никому не давал ни одного данака с бухарских владений. Мухаммед Мазид тархан был [столь же] полновластным хозяином в Самарканде. Он захватил все округа для своих сыновей, приверженцев и приспешников; кроме небольшого содержания из [доходов] города, которое ему назначили, до Султан Али мирзы никакими путями не доходило ни фельса. Султан Али мирза был взрослый юноша, сколько еще мог бы он терпеть такое их обращение?

Вместе с несколькими приближенными он встал на путь злого умысла против Мухаммед Мазид тархана. Мухаммед Мазид тархан, догадавшись об этом, вышел из города со своими нукерами, слугами, приверженцами и приспешниками и теми людьми и беками, которые были при нем — Султан Хусейн Аргуном, Пир Ахмедом, Ходжа Хусейном, младшим братом Узун Хасана Қара Барласа, Салих Мухаммедом и еще несколькими беками и воинами.

В это время Хан назначил в помощь Хан мирзе Мухаммед Хусейн Дуглата, Ахмед бека и еще многих могольских беков и отрядил его в поход на Самарканд. Хафиз бек Дулдай и его сын Тахир бек были дядьками Хан мирзы; Хасан Набира, Хинду бек и некоторые йигиты по причине родства с Хафиз беком и Тахир беком бежали от Султан Али
77а мирзы || и ушли к Мирза хану. Мухаммед Мазид тархан послал людей к Хан мирзе и могольским воинам, призывая их к себе, и пришел в окрестности Шавдара; повидавшись с Хан мирзой, он встретился с могольскими беками. У могольских беков не сложилось сколько-нибудь хороших отношений с людьми Мухаммед Мазид бека — напротив, они даже намеревались схватить его.

Беки Мухаммед Мазида, узнав об этом, под каким-то предлогом покинули могольское войско. После их ухода войско моголов не могло больше держаться. Когда они отступили и стали лагерем в Яр-Яйлаке, Султан Али мирза с небольшим отрядом быстро выступил из Самарканда и пошел на Мирза хана и войско моголов. Они даже не смогли начать бой и в беспорядке бежали. Это было единственное сколько-нибудь хорошее дело Султан Али мирзы в последнее время его жизни.

Мухаммед Мазид тархан и его люди, потеряв надежду на мирз, послали ко мне Мир могола, сына Абд ал-Ваххаба, который раньше на-

ходился при мне; во время осады Андиджана он был преданным сторонником Ходжи Қази и подвергал свою жизнь опасности. Мы тоже пострадали от этой сделки и, заключив ради нее мир, были твердо намерены идти на Самарканд. Мы тотчас же послали Мир могола в Ахси, к Джехангир мирзе, || чтобы назначить место встречи, и собрались в *77б* поход на Самарканд.

В месяце зу-л-ка'да войска выступили к Самарканду. Сделав две ночевки, мы пришли в Куба и стали лагерем. Во время предзакатной молитвы пришло известие, что младший брат Султан Ахмед Танбала, Халил, пришел и воровски захватил крепость Ош.

Подробности этого таковы: при заключении мира пленники во главе с младшим братом Танбала Халилом были, как уже упомянуто, освобождены. Танбал послал Халила в Узгенд, чтобы забрать находившихся там родичей и домочадцев. Под предлогом необходимости вывести родных Халил пошел и вступил в Узгенд. Говоря «Сегодня уйду! Завтра уйду!», Халил придумывал разные хитрости и не уходил. После того как мы выступили с войском на Самарканд, Халил воспользовался случаем, подошел к Ошу ночью, когда город был пуст, и воровски захватил крепость. Получив весть об этом, мы по многим причинам не сочли полезным стоять на месте или снова схватываться с этими людьми и направились прямо к Самарканду. Во-первых, наши холостые воины все разъехались в разные стороны, чтобы пополнить боевое снаряжение, а семейные отправились по домам; полагаясь на договор о мире, мы не опасались и не предполагали такого коварства и предательства со стороны тех людей. Во-вторых, наши большие беки вроде Али Дуста || *78а* и Қамбар Али, как уже было упомянуто, несколько раз совершали такие поступки, что к ним не оставалось доверия. В-третьих, все самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом прислали за мной Мир могола, призывая меня к себе. Пока существует столица, подобная Самарканду, что может заставить человека губить время ради такого места, как Андиджан?

Из Кубы мы пришли в Маргинан. Маргинан отдали Султан Ахмед беку, отцу Куч бека. Из-за различных задержек и помех он не мог мне сопутствовать и оставался в Маргинане. Его сын Куч бек и несколько его братьев пошли со мной. Мы двинулись дорогой на Исфару; придя в селение Махан, зависящее от Исфары, мы стали там лагерем. По счастливой случайности Қасим бек со своими людьми, Али Дуст со своими людьми, Сейид Қасим и еще кое-кто со множеством йигитов были в этот вечер в Махане. Они все как будто сошлись на заранее назначенное место.

Выступив оттуда, мы миновали степь Хасбан и, перейдя мост Чупан, пришли в Ура-Тепа. Қамбар Али, положившись на Танбала, пришел из

своей области, Ходженда, в Ахси, чтобы переговорить с ним о делах
78б войска. Как только это случилось, Танбал схватил его, заковал|| и пошел на его владения. Есть тюркская поговорка: «Не доверяй другу: он набьет твою шкуру соломой».

Когда Камбар Али вели по дороге, он убежал пешком и после сотни затруднений пришел в Ура-Тепа.

Во время нашего пребывания в Ура-Тепа пришло известие, что Шейбани хан разбил Баки тархана у крепости Дабуси и пошел на Бухару. Из Ура-Тепа, через Бурке-Яйлак, мы пришли в Санг-Зар. Даруга Санг-Зара сдал крепость. Так как Камбар Али пришел после того как его схватили и обобрали, то мы оставили его в Санг-Заре, а сами пошли дальше. Когда мы пришли и стали лагерем в Хан-Юрти, самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом пришли и выразили мне почтение. Я посоветовался с ними, о том, каким образом овладеть Самаркандом. Они сказали: «Ходжа Яхья тоже благожелатель государя; если Ходжа будет за это, Самарканд окажется вам легко доступен, без боя и сражения».

По этой причине мы несколько раз посылали к Ходжа Яхье людей и велись переговоры. Ходжа Яхья не говорил определенно, что впустит нас в Самарканд, но и не сказал слов, лишающих надежды. Выйдя из Хан-Юрти, мы пришли на берег Даргама; с берега Даргама к Ходжа Яхье был послан Ходжа Мухаммед Али Китабдар. Он доставил такое
79а сообщение:||«Пусть идут, мы сдадим город».

Выступив к ночи с Даргама, мы направились к городу. Султан Махмуд Дулдай — отец Султан Мухаммед Дулдая бежал из нашей ставки и осведомил врагов о состоявшемся сговоре. Так как они это узнали, то первоначально задуманный план оказался неосуществимым. Мы отступили и стали лагерем на берегах Даргама. Ибрахима Сару из племени Минг, одного из покровительствуемых мною беков, Али Дуст велел схватить и прогнать. Когда я пришел в Яр-Яйлак, он явился вместе со старшим сыном Сейид Юсуф бека Мухаммед Юсуфом и вступил ко мне в услужение. Старые наши слуги, беки и приближенные, враги Али Дуста, из которых тот иных прогнал, других ограбил, а некоторых велел схватить, один за одним пришли и собрались у нас. Али Дуст был теперь болен. Имея за спиной Танбала, он причинил мне и моим доброжелателям страдания и мучения, и я тоже был дурно расположен к этому челевеку. От стыда, а также из опасения он не мог со мной оставаться и попросил позволения уйти. Я со своей стороны счел это за благодеяние и позволил.

79б Али Дуст и Мухаммед Дуст, || получив позволение, ушли к Танбалу. Став приближенными Танбала, отец с сыном проявили ко мне много вражды и зла. Через год или два у Али Дуста вскочил на руке чирей

и он умер. Мухаммед Дуст перешел к узбекам и в общем жил недурно; от них он тоже потом бежал, проявив неблагодарность, и ушел в андиджанские предгорья, где устраивал мятежи и смуты. В конце концов он попал в руки узбеков и его ослепили. Таков смысл поговорки: «Соль выела ему глаза».

Дав этим двоим позволение, я послал Гури Барласа с несколькими йигитами к Бухаре за новостями. Пришло известие, что Шейбани хан, взяв Бухару, направился к Самарканду. Не считая полезным пребывание в тех местах, мы выступили в Кеш. Семьи большинства самаркандских беков тоже находились в Кеше.

Через неделю-две после прибытия в Кеш пришло известие, что Султан Али мирза отдал Шейбани хану Самарканд. Подробности этого таковы: мать Султан Али мирзы — Зухра Бики Ага по неразумию и глупости тайно послала к Шейбани хану человека с письмом такого содержания: «Если Шейбани хан|| возьмет ее в жены, то ее сын отдаст Шей- 80*а*
бани хану Самарканд. Когда Шейбани хан завоюет владения его отца, он отдаст их Султану Али мирзе». Ее план был известен Абу-Юсуф Аргуну — вернее сказать, этот предатель и указал ей такой план.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТОГО

Шейбани хан, придя согласно условию с этой женщиной [т. е. Зухра Бики Ага], стал лагерем в Баг-и Майдане. В полдень Султан Али мирза, не известив никого из своих больших и малых беков и йигитов и ни с кем не посоветовавшись, вышел из ворот Чар-Раха с несколькими великими и малыми приближенными и пришел в Баг-и Майдан к Шейбани хану. Шейбани хан принял его не очень хорошо; поздоровавшись с ним, он посадил его ниже себя.

Ходжа Яхья, узнав о выходе Мирзы, взволновался. Не могши найти никакого другого средства, он тоже вышел из города; Шейбани хан поздоровался с ним, даже не вставая, и сказал несколько слов, полных укоризны. Когда Ходжа Яхья поднимался с места, Шейбани хан встал и поклонился ему.

Джан Али, сын Ходжа Али бая, услышав в Рабат-и Ходжа о выходе Мирзы [из города], тоже пришел к Шейбани хану.

Так эта несчастная женщина по недостатку ума, страстно желая иметь мужа, сгубила дом и достояние своего сына.|| Шейбани хан не 80*б*
оказывал ей и крупицы внимания и замечал ее меньше, чем какую-нибудь наложницу или любовницу.

Султан Али мирза, дивясь своим собственным поступкам, безмерно раскаивался, что вышел из города.

Некоторые его близкие, поняв как обстоит дело, задумали убежать вместе с мирзой, но Султан Али мирза не согласился; так как его час настал, то он не спасся. Он стоял у Тимур султана; спустя четыре или пять дней его убили на поляне Кульбе. Ради благ скоротечной обманчивой жизни Султан Али мирза ушел из мира с дурной славой, послушавшись слов женщины, он сам вывел себя из круга достославных. Нельзя больше писать о делах такого человека, нельзя больше слушать о столь гнусных поступках!

После убийства Султан Али мирзы Шейбани хан послал вслед Мирзе также и Джан Али. Так как Шейбани хан опасался Ходжи Яхьи, то он отпустил Ходжу и двух его сыновей — Ходжа Мухаммед Закарию и Ходжа Баки в Хорасан. Следом за ними он послал нескольких узбеков, которые убили досточтимого Ходжу и двух его молодцов-сыновей в окрестностях Ходжа-Кардзана. Слова Шейбани хана об этом были таковы: «Дело с Ходжой || произошло не по моей вине, это сделали Камбар 81*а*
бий и Купак бий». Тем хуже! Есть поговорка: «Его извинение хуже, чем преступление». Если беки начинают делать такие дела по своей воле, без ведома хана и государя, то каково после этого значение их ханской и царской власти?

После того как узбеки взяли Самарканд, мы направились из Кеша в сторону Хисара. Самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом двинулись за нами вместе с женами, семьями и родичами. Когда мы остановились на поляне Чилту, в Чаганиане, самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом, отделившись от нас, ушли и стали нукерами Хусрау шаха. Мы лишились своей столицы и страны; куда нам идти, где нам стоять — неизвестно!

Несмотря на то, что Хусрау шах причинил нашему дому столько бед, мы, не находя другого способа, поневоле прошли через его владения. Мы предполагали двинуться через Кара-Тегин и Алай и направиться к моему дяде, Младшему хану, то есть к Алача хану, но это не удалось. Мы решили подняться вверх по долине Кам-Руда и перейти перевал Сир-и-Так. Когда мы пришли в окрестности Навандака, один из нукеров Хусару шаха поднес нам девять голов коней и девять кусков материи. На стоянке в устье Кам-Руда Шир Али||Чухра бежал к Вали, 81*б*

брату Хусрау шаха. На следующее утро Куч бек, отделившись от нас, ушел в Хисар.

Вступив в долину Кам-Руда, мы двинулись вверх. В теснинах и пропастях по дороге на крутых отвесных перевалах осталось много коней и верблюдов. Сделав три-четыре ночевки, мы достигла перевала Сир-и Так. Вот это перевал, да какой еще перевал! Такого высокого и узкого перевала не было видано, по таким теснинам и обрывам не было еще хожено. С большими трудностями и тяготами мы миновали опасные теснины и бездны; после сотен лишений и страданий мы прошли высокие, узкие перевалы и достигли окрестностей Фана. Среди гор Фана лежит большое озеро. Это красивое озеро окружностью примерно в один шери. Оно не лишено своеобразия.

Пришли вести, что Ибрахим тархан запер крепость Шираз и засел там. В крепостях Яр-Яйлака находились Камбар Али и Абу-л-Касим Кухбур, который раньше был в Ходжа-Дидаре, и, когда узбеки взяли Самарканд, не мог оставаться в Ходжа-Дидаре. Придя в Яр-Яйлак, они заняли и укрепили нижние крепости.

Оставив Фан на правой руке, мы пошли в сторону Кештута. Правитель Фана был известен и славился своей тороватостью, щедростью,
82*а* услужливостью и добротой.|| Султан Мас'уд мирза, когда Султан Хусейн мирза шел походом на Хисар, тянулся по этой же дороге в Самарканд, к своему младшему брату Байсункар мирзе, и правитель Фана поднес ему семьдесят или восемьдесят коней; другие его услуги были такого же рода. Мне же он прислал старую скверную клячу, а сам даже не явился. Когда дело касается нас, люди, славящиеся щедростью, становятся скупыми, и те, кого считают великодушными, забывают о великодушии. Хусрау шах [тоже] был славен и знаменит своей щедростью и тороватостью; о всевозможных услугах, которые он оказал Бади'аз-Заман мирзе, уже было упомянуто; к Баки тархану и другим бекам он также проявил великую доброту и тороватость. Нам случилось пройти через его владения два раза, он не проявил к нам даже того великодушия, какое выказывал последнему из наших нукеров, не говоря уже о людях нашей породы. Он обращал на нас даже меньше внимания, чем на наших нукеров.

О сердце, кто видал добро от сынов сего мира?*
От того, в ком нет добра, не ожидай ничего хорошего.

Пройдя Фан, мы, думая, что в крепости Кештута сидит какой-нибудь узбек, спешно двинулись на Кештут. Однако крепость Кештут ока-
82*б* залась разрушенной, и там в то время никого не было. Миновав ее|| и придя на берега реки Кухака, мы остановились. Затем мы переправились через Кухак по мосту напротив Яри; беки под начальством

Қасим бека были посланы, чтобы внезапно захватить крепость Рабат-и Ходжа. Миновав Яри и перевалив через горы Шункар-Хана, мы пришли в Яр-Яйлак.

Қогда беки, посланные в Рабат-и Ходжа, приставили к стенам лестницы, жители проведали об этом и принудили их отступить; не сумев взять крепость, они воротились.

Қамбар Али был в Санг-Зара, он пришел и повидал меня. Абу-л-Қасим Кухбур и Ибрахим тархан изъявили преданность и покорность и прислали отборных людей, чтобы мне служить.

Мы пришли в крепость Исфидук — одно из селений Яр-Яйлака. В то время Шейбани хан сидел в окрестностях Ходжа-Дидара, с ним было три-четыре тысячи узбеков, из местных воинов набралось еще столько же людей. Шейбани хан предоставил должность даруги Самарканда Джан Вафа мирзе, с пятью-шестью сотнями бойцов он находился внутри самаркандской крепости. Хамза султан и Махди султан со своими приверженцами и приспешниками сидели неподалеку от Самарканда, в Будана-Куруги. Наших людей, хороших и плохих, было || 83*а* двести сорок человек. Поговорив с беками и воинами, мы приняли такое решение: Шейбани хан взял Самарканд недавно, так что сердца жителей еще не привержены к нему и он не привержен к ним. Если мы можем теперь что-нибудь сделать, то надо действовать! Буде мы приставим лестницы и внезапно захватим самаркандскую крепость, то жители Самарканда пойдут за нас; что [другого] останется им делать? Если они не окажут нам поддержки, то и за узбеков не станут драться. А когда возьмем Самарканд, будет так, как захочет бог.

Порешив на этом, мы после полуденной молитвы выступили из Яр-Яйлака и, связав ночь с вечером, в полночь пришли в Хан-Юрти. В эту ночь, думая, что жители города все узнали, мы не приближались к крепости и даже отошли от Хан-Юрти. Было уже утро, когда мы перешли реку Кухак ниже Рабат-и Ходжа, и снова вернулись в Яр-Яйлак.

Однажды в крепости Исфидук собрались все внутренние [беки]: Дуст Насир, Нойон Кукельташ, Хан Кули, сын Карим Дада, Шейх Дервиш, Хусрау Кукельташ, Мирим Насир. Они сидели подле меня. Разговор шел о разных предметах. Я молвил:

«А ну-ка, скажите, || когда мы, с помощью божьей, возьмем Са- 83*б* марканд?»

Некоторые ответили: «Летом возьмем!», (а в то время была поздняя осень), другие: «Через месяц», кое-кто: «Через сорок дней», «Через двадцать дней»! Нойон Кукельташ сказал: «За четырнадцать дней возьмем»; и бог помог: ровно через четырнадцать дней мы действительно взяли Самарканд.

В это время я видел удивительный сон: мне приснилось, будто ко мне пришел досточтимый Ходжа Убайд Аллах. Я вышел ему навстречу, Ходжа вошел и сел. Перед Ходжой поставили дастархан, быть может слишком простой. По этой причине в сердце досточтимого [Ходжи] запала некоторая [обида]. Мулла Баба посмотрел в мою сторону и сделал мне знак. Я тоже знаками ответил: «Это не моя вина. Тот кто ставил дастархан допустил оплошность».

Ходжа понял и извинение было принято. Он встал, я вышел его проводить. В сенях того дома он взял меня за правую или левую руку и так приподнял, что одна моя нога отделилась от земли. Ходжа сказал по-тюркски: «Шейх дал благой совет». Именно в эти несколько дней я взял Самарканд.

День или два спустя мы перешли из крепости Исфидук в крепость Васменд. Хотя мы уже один раз ходили в окрестности Самарканда и
84*а* дали [его жителям] о себе узнать и вернулись, || мы все же, уповая на Аллаха, после полуденной молитвы вышли из Васменда к Самарканду с намерением [захватить] город. Ходжа Абу-л-Макарим тоже сопутствовал нам. В полночь мы достигли Пул-и Магака, на хиабане. Оттуда мы отрядили семьдесят-восемьдесят отборных йигитов, чтобы они приставили лестницы к стенкам крепости напротив Гар-и Ашикана, поднялись, вошли, двинулись на людей, поставленных у ворот Фируза, захватили ворота и послали к нам человека.

Эти йигиты приставили лестницы напротив Гар-и Ашикана, и поднялись по ним, никто не узнал об этом. Оттуда они пошли к воротам Фируза. На воротах стоял Фазил тархан, он не из [самаркандских] тарханов, а из туркестанских купцов-тарханов. Оказав в Туркестане услуги Шейбани хану, он пользовался его покровительством. Зарубив насмерть Фазил тархана и нескольких нукеров, [наши] сбили топорами замок с ворот и открыли ворота. Как раз в это время я подоспел и вошел в ворота Фируза. Абу-л-Касим Кухбур сам не пришел, а прислал своего младшего брата Ахмеда Касима и тридцать-сорок нукеров, а от Ибрахим тархана никого не было. Когда мы вошли в город и расположились в ханаке, туда явился его младший брат по имени Ахмед
84*б* тархан || с несколькими нукерами.

Жители города еще спали. Лавочники, выглянув из лавок, догадались в чем дело и возносили [благодарственные] молитвы. Через некоторое время обитатели города все узнали. Наших людей и горожан охватила необыкновенная радость и возбуждение; они убивали узбеков на улицах камнями и палками, словно бешеных собак; около четырехсот или пятисот узбеков было убито таким образом.

Городской даруга Джан Вафа находился в доме Ходжи Яхьи. Он бежал, вышел из города и ушел к Шейбани хану.

Войдя в ворота, я направился прямо в медресе и ханаку. По приходе туда я уселся под портиком; едва рассвело, как со всех сторон послышались громкие крики, поднялся шум. Некоторые знатные жители и лавочники, узнав о случившемся, с радостью и восторгом приходили со мной поздороваться, приносили еду и возносили за меня молитвы.

Когда наступило утро, пришло известие, что у ворот Аханин узбеки укрепили пространство между двумя воротами и сражаются. Я сейчас же сел на коня и отправился к воротам Аханин. Со мной было [всего] десять, пятнадцать или двадцать человек; люди изголодались, им в руки опять достался город, и каждый искал сокровищ в каком-нибудь углу. ||. 85 *а*

Когда я подоспел, узбеков уже отогнали от ворот Аханин; Шейбани хан, узнав об этом, поспешно подъехал после восхода солнца к воротам Аханин с сотней или полуторастами людей. Он подъехал в удивительно удобную минуту, но со мной, как уже упомянуто, было очень мало людей. Шейбани хан увидел, что ничего нельзя сделать и быстро отступил. После этого я возвратился назад и расположился в арке в Бустан-Сарае. Знать, вельможи и большие люди города пришли со мной поздороваться и принесли поздравления.

Почти сто сорок лет столичный город Самарканд принадлежал нашему дому. Неизвестно откуда взявшийся узбек, чужак и враг пришел и захватил его. Бог снова отдал нам владения, вышедшие у нас из рук — опустошенная, разграбленная область опять подчинилась нашей власти.

Султан Хусейн мирза таким же образом взял Герат, захватив [врага] врасплох. Однако всякому знающему дело ясно и справедливому человеку очевидно, что между этими двумя завоеваниями большое различие.

Во-первых, Султан Хусейн был государь, видавший много битв, имевший немалый опыт и старый годами; во-вторых, его противником был Ядгар Мухаммед Насир мирза, неопытный юноша семнадцати-восемнадцати лет; || в-третьих, среди его врагов жил человек, знавший их 85*б* дела и обстоятельства, —Мир Али мирахур; он послал к Мирзе людей и нежданно повел его войско на неприятеля. В-четвертых, его враг находился не в крепости, он был в саду Баг-и Заган; когда Султан Хусейн мирза захватил Герат, Ядгар Мухаммед мирза и его приближенные были до того увлечены винопитием, что у дверей Ядгар Мухаммед мирзы находилось в ту ночь всего три человека, тоже пьяные. В-пятых, Султан Хусейн мирза напал на город в первый раз, неожиданно подошел и захватил его.

Мне же, [во-первых], когда я брал Самарканд, было девятнадцать

лет; битв я видел немного, опыта не имел. Во-вторых, моим противником был такой опытный, видавший много битв и старый годами человек, как Шейбани хан; в-третьих, к нам не явился из Самарканда ни один человек; хотя жители города были расположены ко мне, но никто не мог подумать об этом из страха перед Шейбани ханом. В-четвертых, мой противник находился в крепости, и крепость была взята, и врага обратили в бегство; в-пятых, я уже раз подступал к Самарканду с намерением захватить город и позволил врагам это узнать; когда я пришел во второй раз, господь помог мне и Самарканд был завоеван.

86*а* Цель этих слов не в том, чтобы бросить в кого-нибудь камень || умаления, и дело происходило именно так, как сказано. Все это написано не ради того, чтобы возвеличить самого себя, и истина заключается в том, что здесь изложено.

По поводу этой победы стихотворцы сочиняли тарихи; один стих из них остался у меня в памяти.

Скажи мне снова, о разум, каков его тарих?*
Знай — это [слова]: «Победа Бабур бахадура».

После завоевания Самарканда, крепости Шавдара, Сугуда и ближайших туманов начали одна за другой мне покоряться. Из некоторых крепостей даруги узбеков со страха уходили, бросив их; в других крепостях [жители] выгоняли узбеков и переходили к нам, а иногда начальников крепостей хватали и крепости запирали.

В это время родичи и домочадцы Шейбани хана и его узбеков пришли из Туркестана; [сам] Шейбани хан находился в окрестностях Ходжа-Дидара и Али-Абада. Увидя, что крепости столь [легко] сдаются, а люди так охотно возвращаются ко мне, Шейбани хан ушел с того места, где сидел, в сторону Бухары. С божьей помощью самое большее через три-четыре месяца крепости Сугуда и Миankала вернулись к нам.

Баки тархан, воспользовавшись случаем, также явился и выступил в крепость Карши. Хузар и Карши тоже вышли из-под власти узбеков; Кара-Кул взял, [придя] из Мерва, человек Абу-л-Мухсин мирзы.

86*б* || Наши дела сильно пошли в гору.

После нашего ухода из Андиджана моя мать, родичи и домочадцы, испытав сотни затруднений и бед, пришли в Ура-Тепа. Послав туда человека, мы приказали доставить их в Самарканд. В эти дни от дочери Султан Ахмед мирзы Аиша Султан биким,— это первая женщина, с которой я заключил брачный договор,— родилась дочь, ее назвали Фахр ан-Ниса. Это был мой первый ребенок: мне в это время исполнилось девятнадцать лет. Через месяц или сорок дней она ушла к милости Аллаха.

После завоевания Самарканда от меня непрестанно, один за дру-

гим, ездили туда и назад к окрестным ханам, султанам, эмирам и пограничным владетелям гонцы и нарочные за помощью и поддержкой. Некоторые [владетели], несмотря на свой большой опыт, легкомысленно отказали мне; иные, которые совершили по отношению к нашей семье много неприличных и дурных поступков, от страха пренебрегли ответом, а другие прислали помощь, но это была помощь несущественная, как будет изложено и упомянуто о каждом из них в своем месте.

Когда я в этот раз вторично взял Самарканд, Алишер бек || был 87*а*
еще жив. Ко мне однажды даже пришло от него письмо. Я тоже послал ему письмо и написал на обороте сочиненный мною тюркский стих; раньше, чем успел прийти ответ, начались неурядицы и смуты.

Захватив Самарканд, Шейбани хан сделал Муллу Беннаи своим приближенным; он находился при Шейбани хане. Через несколько дней после взятия нами Самарканда Мулла Беннаи пришел в Самарканд. Касим бек, заподозрив [Беннаи], отослал его в Шахрисябз. Вскоре после этого, так как он был способный человек и не совершил какого-либо проступка, мы приказали доставить его в Самарканд. Он постоянно сочинял касиды и газали; сложив один амаль в ладу нава, он посвятил его мне и исполнил передо мной.

В это время Мулла Беннаи сочинил и прочитал такое рубаи:

Ни зерна нет у меня, чтобы им питаться.*
Ни одежды, чтобы в нее одеваться.
Тот, у кого нет ни пищи, ни одежды,*
Как может усердствовать в науке и искусстве?

В те годы я сочинял по одному или по два стиха, но не заканчивал газалей. Сочинив тюркское рубаи, и послал его [Мулле Беннаи]:

Рубаи

Все будет так, как хочет твое сердце*.
О награде и жалованье будет отдан приказ.
То, что ты сказал о зерне и одежде, мне понятно*.
Твой стан наполнит одежду, а зерно наполнит твой дом.

Мулла Беннаи, сделав рифму последнего полустишия этого рубаи || редифом, сочинил и произнес новое рубаи с другой рифмой: 87*б*

Рубаи

Мой мирза, который будет царем суши и моря*,
Станет главою в мире, благодаря своим достоинствам.
За одно бессмысленное слово мне оказано столько милостей*.
Что же будет, если я скажу разумное слово?

В это время в Самарканд из Шахрисябза прибыл Ходжа Абу-л-Баракат-и Фираки. Он сказал: «Надо было сложить [стихотворение] с той же рифмой». Вот рубаи, которое сочинил Ходжа Абу-л-Баракат:

Рубаи

О несправедливости, которую совершила судьба, будет спрошено.*
Султан великодушия попросит за нее извинения.
Пролилась моя чаша, о кравчий, хотя не была полна.*
В этот круг моя пролитая [чаша] должна наполниться до краев.

В ту зиму наши дела сильно шли в гору, а дела Шейбани хана шли под гору. Между тем случилось одно-два события очень некстати. Люди, пришедшие из Мерва и взявшие Кара-Кул, не могли там удержаться, и Кара-Кул снова перешел во власть узбеков. В крепости Дабуси находился младший брат Ибрахим тархана по имени Ахмед тархан. Шейбани хан, придя, осадил ее. Прежде чем мы успели собрать войско, подготовиться и снарядиться, Шейбани хан взял крепость приступом и подверг всех жителей общему избиению.

Когда я взял Самарканд, со мной было двести сорок человек ис-
88*а* пытанных бойцов. || За пять-шесть месяцев их, с помощью божьей, стало столько, что мы дали у Сар-и Пула бой такому человеку, как Шейбани хан; об этом будет упомянуто ниже. Из окрестных и соседних правителей пришли мне на помощь: от хана — Айуб Бекчик, Кашка Махмуд и барины — четыреста, пятьсот человек, от Джехангир мирзы явился на подмогу младший брат Ахмеда Танбала Халил и с ним сто или двести человек. От такого многоопытного государя, как Султан Хусейн мирза,—никто ведь не знал дел и повадок Шейбани хана лучше мирзы — не явился на помощь ни один человек; от Бади' аз-Заман мирзы тоже никто не пришел, а Хусрау шах из страха не прислал никого. Он причинил нашему дому много зла, как уже было рассказано и упомянуто, и его страх перед нами был очень велик.

В месяце шаввале я двинулся в поход с целью дать бой Шейбани хану и выступил в сад Баг-и Нау. В Баг-и Нау мы простояли пять-шесть дней, чтобы собрать войско и подготовить для него снаряжение. Выйдя из Баг-и Нау, мы шли от привала к привалу и, миновав Сар-и
88*б* Пул, остановились. Окрестности лагеря мы из осторожности сплошь укрепили препятствиями || и рвом. Шейбани хан, придя с другой стороны, остановился близ Ходжа Кардзана. [Между нами] был примерно один йигач.

На этой стоянке мы провели четыре-пять дней. Наши люди с одной стороны и люди неприятеля — с другой днем съезжались и перестреливались.

Однажды люди врага подъехали в большом множестве. Произошел жестокий бой. Ни на чьей стороне не было перевеса. Один наш знаменосец, слишком неосторожно отступая, попал в ров; некоторые говорили, что при нем было знамя Сиди Кара бека. Сиди Кара, хоть и был мастер говорить, но мечом действовал слабо.

В это время Шейбани хан однажды ночью совершил на нас нападение. Окрестности лагеря были основательно укреплены сучьями и рвом. Шейбани хан подошел, но не мог ничего сделать. Стоя за рвом, враги издали несколько раз крики, метнули горсть стрел и отступили.

Я проявил [тогда] в боевом деле усердие и рвение, Камбар Али тоже был усерден. Баки тархан с тысячью или двумя вооруженных людей стоял в Кеше, через два дня он присоединился к нам. Сейид Мухаммед мирза Дуглат, который тоже пришел мне на помощь от Хана, моего дяди, с сотней или полуторастами человек, || стоял в Деюле; до 89*а*
Деюла было четыре йигача ходу. На утро он присоединился к нам. Тут мы проявили поспешность и дали бой.

Стихи:

Легкомысленный быстро хватается рукой за меч,*
Потом кусает зубами руку сожаления.

Причиной моего рвения было то, что в день битвы Восемь звезд стояли между обоими войсками, и если бы мы пропустили этот день, то Восемь звезд тринадцать или четырнадцать дней были бы у врага в тылу. Эти соображения ничего не стоят; мы поспешили без всякого основания.

Утром, с намерением сражаться, мы облачились в кольчуги, надели на коней латы, построили правый край, левый край, центр и авангард и двинулись вперед. На правом краю стояли Ибрахим Сару, Ибрахим Джани, Абу-л-Касим Кухбур и еще несколько беков, на лёвом краю — Мухаммед Мазид тархан, Ибрахим тархан и самаркандские беки, а также Султан Хусейн Аргун, Кара Барлас, Пир Ахмед и Ходжа Хусейн. В центре находились Касим бек и еще некоторые близкие внутренние беки, в авангарде — Камбар Али-и Саллах, Банда Али, Ходжа Али, Миршах Каучин, Сейид Касим ишик-ага, Халдар, младший брат Банда Али и Куч Хайдар, сын Касим бека. Все наличные храбрые йигиты и внутренние беки были приписаны к авангарду.

Когда мы построились и выступили, враги тоже появились с противоположной стороны || в боевом строю. На правом краю у них стояли: 89*б*
Махмуд султан, Джанибек и Тимур султан, на левом краю — Хамза султан, Махди султан и еще некоторые султаны.

Когда ряды сблизились, враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл; тут я повернулся к ним фронтом и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты, видавшие битвы и рубившиеся мечом, оказался на правой руке; перед ним не осталось ни одного человека. Все же мы отбили и оттеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру [их войска]; дело дошло до того, что не-

которые старые вельможи Шейбани хана говорили Шейбани хану: «Надо уходить, время стоять прошло», но он стоял твердо.

Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы. Но у войска моголов, которое пришло нам на помощь, не было сил для боя. Бросив сражаться, они начали грабить наших же людей и скидывать их с коней. Подобное бывало не раз; та-
90*а* ков всегдашний обычай этих несчастных моголов: || победив, они хватают добычу, а если их побеждают, они грабят своих же людей, скидывают их с коней и тоже хватают добычу.

Мы несколько раз нападали на противника и с боем оттесняли его; наши передовые тоже ходили в наступление. Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя; они напали спереди и сзади и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгама». Ни одного боя не бывает без тулгама.

Вот еще один [способ нападения]: передние и задние, беки и нукеры, все вместе мчатся во весь дух, пуская стрелы; отходя, они тоже не отступают в беспорядке и скачут назад во весь опор.

Со мной оставалось десять или двенадцать человек; река Кухак была недалеко, край моего правого фланга упирался в реку. Мы потянулись прямо к реке. Было время половодья; достигнув реки, мы вошли в воду, как были — в кольчугах и в латах. Больше половины реки мы прошли прямо по дну, дальше было глубокое место. На протяжении полета стрелы мы вели лошадей вплавь в латах и в сбруе и так перешли реку.

Выйдя из воды, мы срезали и побросали латы. Когда мы перебра-
90*б* лись на северный берег реки, то ушли от врага. || Ведь большую часть [наших воинов] сбили с коней и раздели [не враги], а одни эти скверные моголы: моголы обобрали, сбили с коней и погубили Ибрахим тархана и еще множество самых лучших наших йигитов.

Мы двинулись по северному берегу реки Кухака и снова перешли реку близ [поляны] Кулбе. Было время между двумя молитвами, когда я вступил в город через ворота Шейх-Заде и прибыл в арк.

Знатные-презнатные беки, хорошие йигиты — много людей погибло в этом бою: Ибрахим тархан, Ибрахим Сару, Ибрахим Джани; удивительно, что в одной битве пало три знатных бека, носивших имя Ибрахим. Еще нашли смерть в этом сражении Абу-л-Касим Кухбур, старший сын Хайдар Касим бека, а также Худай Берди Тугчи и младший брат Ахмед Танбала Халил, несколько раз упоминавшийся раньше; другие разбежались в разные стороны. Из них Мухаммед Мазид тархан

ушел к Хусрау шаху в Хисар и Кундуз. Камбар Али-и Саллах могол (он был нашим самым любимым беком), встретив с нашей стороны такое внимание, не проявил в то время единодушия с нами. Вернувшись, он забрал из Самарканда свою семью и тоже ушел к Хусрау шаху.

Еще некоторые || внутренние беки и йигиты, как например Карим- 91*а*
дад, сын Худайдад Туркмена, Джанике Кукельташ и Мулла Баба-и Пашагири, ушли в сторону Ура-Тепа. В то время Мулла Баба не был моим нукером и жил при мне в качестве гостя. Другие, например Ширим Тагай со своими людьми, [поступили таким образом]: когда они вошли вместе с нами в Самарканд и мы решили, посоветовавшись, ждать смерти или жизни внутри самаркандской крепости и запереть крепость, то хотя моя мать и сестры, старшая и младшая, находились в крепости, Ширим Тагай услал бывших с ним домочадцев, родичей и других людей в Ура-Тепа, а сам с несколькими воинами остался налегке в крепости. Так бывало не однажды, всякий раз, когда наступали трудные обстоятельства, Ширим Тагай проявлял такую дряблость и отсутствие единодушия.

На следующее утро я призвал Ходжу Абу-л-Макарима, Касим бека и всех беков и внутренних приближенных, а также йигитов и воинов, слово которых что-нибудь значило, и устроил совет. Мы решили запереть крепость и, живыми или мертвыми, оставаться там. Я, Касим бек и близкие ко мне внутренние беки и йигиты [должны были] остаться в резерве. Ради этого посреди города, на кровле медресе Улуг бек мирзы || поставили шатер, и я находился там. Других беков и йигитов рас- 91*б*
пределили по местам у ворот и на валу, вокруг крепости.

Через два-три дня Шейбани хан пришел и стал лагерем довольно далеко от крепости. Простолюдины и чернь из каждого предместья и каждой улицы Самарканда, собираясь толпами и возглашая за меня свои простодушные молитвы, приходили к воротам медресе и бросались в бой. Шейбани хан, который выехал, чтобы сражаться, не мог даже подойти близко к крепости.

Несколько дней прошло таким образом. Чернь и простолюдины, никогда не знавшие ран от стрел или шашек и не видавшие сражений и боев в строю и на поле, осмелели от такого обращения и стали выходить все дальше и дальше. Если видавшие битвы йигиты удерживали этих людей от таких бесполезных вылазок, их принимались ругать.

Однажды Шейбани хан начал бой у ворот Аханин. Простолюдины, которые сильно расхрабрились, как всегда смело и далеко вышли вперед. Им вслед послали нескольких конных йигитов. К Шутур-Гардану вышли мои молочные братья и близкие приближенные беки, как например Нойон Кукельташ, Кул Назар Тагай, Мазид и некоторые другие. С вражеской стороны на них пустили своих коней два-три узбека; || они схва- 92*а*

тились на мечах с Кул Назаром, но [прочие] узбеки спешились и ринулись вперед. Они потеснили простолюдинов и прижали их к воротам Аханин. Куч бек и Мир Шах Каучин спешились возле мечети Ходжи-Хизра и стояли там. Когда пеших потеснили, то ушедшие вперед конные собрались у мечети Ходжи-Хизра. Куч бек вышел вперед и хорошо рубился с вырвавшимися вперед узбеками. Он совершил выдающееся дело; все жители стояли и смотрели на бой. Внизу те, которые бежали, думали только о бегстве; время пускать стрелы или стоять и драться для них прошло. Я стрелял из самострела, стоя на воротах, некоторые мои приближенные тоже пускали стрелы. Из-за обстрела сверху враги не смогли пройти дальше мечети Ходжи-Хизра и отступили от нее.

Во время осады мы каждую ночь обходили кругом крепости по валу; иногда ходил я, иногда — Касим бек, иногда — еще кто-нибудь из беков или приближенных. От ворот Фируза до ворот Шейх-Заде можно
92б было проехать по валу на коне, в других местах шли пешком. || Те, которые совершали весь обход пешком, заканчивали один круг к рассвету.

Однажды Шейбани хан повел бой между воротами Аханин и воротами Шейх-Заде. Так как я был в резерве, то едва там начался бой, я отправился туда. Воротам Газуристан и воротам Сузанганран мы не уделили внимания. В этот день, стоя у самых ворот Шейх-Заде, я метко поразил стрелой из самострела лошадь одного начальника конной сотни; лошадь сразу околела со стрелой [в теле]. Между тем враги так сильно насели, что дошли до подножия вала возле Шутур-Гардана. Занятые битвой и сражением в этом месте, мы совсем забыли о другой части города. Враги заготовили там двадцать пять или двадцать шесть лестниц, каждая такой ширины, что по ней могли подняться три или [по крайней мере] два человека в ряд. Шейбани хан спрятал в засаде между воротами Газуристан и воротами Сузангаран семьсот или восемьсот отборных йигитов с этими лестницами, а сам вел сражение в другой стороне. Пока мы были всецело заняты битвой в этом месте и валы
93а оставались пустыми, те люди выскочили из засады, || быстро подошли и разом приставили лестницы к валу между двумя воротами, напротив двора Мухаммед Мазид тархана. В этом месте был пост Мухаммед Кули Каучина с отрядом йигитов; эти йигиты находились во дворе дома Мухаммед Мазид тархана. У ворот Сузангаран был пост Кара Барласа, у ворот Газуристан — пост Ширим Тагая, его братьев и Кутлук Ходжи Кукельташа. Так как бой шел в другой стороне, то люди, поставленные на постах, были беспечны; их рабы и прислужники разошлись по своим делам — домой или на базар. Беки, начальники постов, остались там с одним или двумя простолюдинами и бродягами.

Куч бек, Мухаммед Кули Каучин, Шах Суфи и еще один йигит очень хорошо сражались и совершили смелые дела. Некоторые воины неприятеля взобрались на вал, другие еще лезли вверх; упомянутые четыре человека, подбежав бегом, начали рубиться и здорово драться; они сбросили врагов вниз и обратили их в бегство. Лучше всех действовал Куч бек, и это был один из его достохвальных и замечательных подвигов; во время этой осады руки Куч бека дважды совершали превосходные дела.

Кара Барлас также || остался один на посту у ворот Сузангаран; 39*б*
он тоже прекрасно держался. Кутлук Ходжа Кукельташ и Кул Назар мирза стояли на постах у ворот Газуристан. Они тоже с немногими людьми хорошо держались и прекрасно стреляли во врагов сбоку. Другой раз Касим бек во главе своих молодцев выехал из ворот Сузангаран, отогнал узбеков до Ходжа-Кафшира, свалил с коня несколько человек, отрезал им головы и вернулся.

Настала уже пора созревания хлебов, однако никто не привозил нового хлеба. Дни осады продлились, и люди терпели большие лишения; дошло до того, что бедные и нуждающиеся стали есть собачье и ослиное мясо. Так как корм для коней сделался редкостью, то люди давали коням листья деревьев. При этом по опыту оказалось, что из всех листьев лучше всего годятся коням листья тута и карагача. Некоторые строгали сухое дерево, бросали стружки в воду и давали коням.

Три или четыре месяца Шейбани хан не подходил близко к крепости; он кружил вокруг крепости издали, переходя с места на место. Однажды ночью, когда наши люди его не ждали, он подошел около полуночи со стороны ворот Фируза. Враги били в барабаны и издавали боевые крики. Я находился в это время в медресе. || [В городе] под- 94*а*
нялась великая тревога и суета. После этого враги каждую ночь приходили, били в барабаны, кричали и поднимали шум. Я рассылал во все концы и края послов и нарочных, но ни от кого не пришло помощи и поддержки. Когда я был силен и могуч и не терпел поражений и лишений, мне не оказали помощи и поддержки; с какой же стати мне стали бы помогать в такое [трудное] время?

Защищаться и выдерживать осаду, надеясь на помощь [других], было неосновательно. Древние говорили: «Чтобы удержать крепость, надобна голова, надобны две руки и надобны две ноги. Голова — это полководец, две руки — это подкрепление и помощь, приходящая с двух сторон, две ноги — это вода и припасы в крепости».

Мы рассчитывали на помощь и поддержку соседних и окраинных владетелей, но у каждого из них были свои планы. Столь смелый и опытный государь, как Султан Хусейн мирза, не оказал нам никакой помощи и не прислал даже посла, чтобы укрепить наше сердце, а к

Шейбани хану он отправил послом во время осады Камал ад-дин Хусейна Газургахи.

Танбал пришел из Андиджана в окрестности Бискета. Ахмед бек и его люди вывели Хана навстречу Танбалу. Они встретились лицом к
94*б* лицу около Лаклакана || и сада Турак, но боя и сражения не последовало, и они разошлись. Султан Махмуд хан был не боевой человек, он был совершенно лишен дара к воеводству; когда он стоял напротив Танбала, то в его словах и поступках проявилось малодушие. Ахмед бек был человек простой, но смелый и преданный; он выразился очень резко и сказал: «Чего стоит этот Танбал, что вы так беспокоитесь и колеблетесь? Если ваши глаза боятся, завяжите глаза, и пойдем на него».

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ СЕДЬМОГО

Осада тянулась уже очень долго, а припасов и продовольствия ни-
откуда не приходило, помощи и поддержки ни от кого не было. Воины
и народ, потеряв надежду, начали по одному, по двое прыгать с вала
и убегать из крепости. Шейбани хан, проведав о слабости жителей кре-
пости, пришел и стал лагерем возле Гар-и Ашикана. Я, со своей сторо-
ны, пришел на Нижнюю улицу к домам Мелик Мухаммед мирзы и встал
напротив Шейбани хана.

В эти дни Узун Хасан, [брат] Ходжи Хусейна,— именно он, как
раньше упоминалось, был виновником мятежа Джехангир мирзы и на-
шего ухода из Самарканда,— || явился с десятью-пятнадцатью нукера- 95*a*
ми и вошел в крепость. Его приход был очень смелым поступком; за-
труднения и лишения воинов и горожан еще увеличились, близкие мне

люди и мужи, достойные уважения, прыгали с вала и убегали. Из именитых беков со мной находились Ваис Шейх и Ваис Лагари, мои старые слуги, они [тоже] бежали. В помощи со стороны мы совершенно отчаялись, ни на что не осталось никакой надежды. Продовольствия и припасов было мало, то, что было, тоже пришло к концу; [новых] припасов и продовольствия ниоткуда не поступало.

В это время Шейбани хан завел разговор о мире. Будь у нас надежда на помощь, будь у нас припасы, кто бы стал слушать слова о мире? Однако необходимость заставила. Заключив нечто вроде мира, мы ночью, почти на исходе второго пахра, вышли из ворот Шейх-Заде. Я увел с собой Ханум, мою родительницу, и еще с нами ушли две женщины: одна — Бечега Халифа, другая Минглик Кукельташ. Когда мы в этот раз ушли [из Самарканда], моя старшая сестра, Ханзаде биким, попала в руки Шейбани хана.

Темной ночью, кружа между большими арыками Сугуда, мы сбились с дороги; на заре после тысячи затруднений мы миновали Ходжа-
95*б* Дидар и ко времени предрассветной молитвы || взобрались на холм Карпук. Пройдя севернее холма Карпук по окраине селенья Худак, мы двинулись по равнине к Илан-Уты. По дороге мы стали гоняться на лошадях с Камбар Али и Касим беком. Моя лошадь опередила. Желая взглянуть, насколько отстали их лошади, я обернулся, подпруга у моего седла, вероятно, ослабла, седло перевернулось и я упал и ударился головой о землю. Хотя я сейчас же встал и сел на коня, но разум у меня до самого вечера не вернулся к покою. События, происходившие в этом мире, мелькали и проходили у меня в глазах и в душе, точно сновиденье или призрак.

Вечером, во время предзакатной молитвы, мы остановились в Илан-Уты. Убив лошадь, мы изжарили ее мясо, приготовили шашлык, дали с минуту передохнуть коням и двинулись дальше. Перед рассветом мы пришли в селение Халилийа и остановились там. Из Халилийа мы пришли в Дизак. В это время в Дизаке находился сын Хафиз Мухаммед бека Дулдая Тахир Дулдай. Жирное мясо и белый хлеб были там дешевы, сладкие дыни и хороший виноград — изобильны. После великой нужды мы увидели подобную дешевизну, после стольких бед — оказались в столь безопасном [месте].

После страха и нужды мы обрели безопасность,*
Обрели новую жизнь и новый мир.

96*а* Страх смерти исчез у нас из сердца, муки || голода прекратились для людей. Никогда в жизни мы так не отдыхали, отроду не видели такой дешевизны и безопасности — [ведь] наслаждение после нужды и спокойствие вслед за тревогой кажутся еще слаще и лучше. Четыре или пять раз приходилось нам так переходить от беды к радости и от

трудностей к благоденствию, и это был первый раз. Избавившись от такого врага и от мук голода, мы радовались безопасности и наслаждались дешевизной.

Три или четыре дня мы отдыхали в Дизаке, затем направились к Ура-Тепа. Пашагир находится несколько в стороне от большой дороги. Так как я раньше прожил там некоторое время, то, проходя мимо, прогулялся туда. В крепости Пашагир я встретил одну знатную женщину, которая долгое время состояла при Ханум, моей матери, и в этот раз осталась в Самарканде, так как ее не на чем было увезти. Я повидался с нею и расспросил ее; она пришла в Пашагир из Самарканда пешком. Младшая сестра моей матери Хуб Нигар ханум распрощалась с нашим бренным миром; мне и Ханум сообщили об этом в Ура-Тепа. Мать моего отца тоже скончалась в Андиджане, || об этом нам рассказали там же. 96*б*

Ханум с тех пор как Хан, мой дед, умер, не видела свою мать, брата и сестер, то есть Шах биким, Махмуд хана, Султан Нигар ханум и Даулат Султан ханум; разлука их продолжалась тринадцать или четырнадцать лет. Чтобы повидаться с ними, она отправилась в Ташкент.

Посоветовавшись с Мухаммед Хусейн мирзой, я решил провести зиму в одном из селений близ Ура-Тепа, называемом Дихкет. Я отправился туда и, оставив домочадцев в Дихкете, через несколько дней тоже решил побывать в Ташкенте, чтобы увидеться с Шах биким, Ханом, моим дядей, и близкими родичами. Отправившись туда и выразив почтение Шах биким и Хану, моему дяде, я провел там несколько дней; единоутробная сестра моей матери, Михр Нигар ханум, тоже прибыла в Ташкент из Самарканда. Ханум, моя мать, [в Ташкенте] заболела; очень тяжелая была болезнь. Ханум подверглась большой опасности.

Досточтимый Ходжака ходжа, уйдя из Самарканда, прибыл в Фаркат и жил там. Я отправился в Фаркат и повидался с Ходжей.

Я надеялся, что Хан, мой дядя, проявив милость и внимание, пожалует мне какую-нибудь область или округ. Мне обещали дать Ура-Тепа, но Мухаммед Хусейн мирза || не дал. Не знаю, по своей ли воле он не дал или было такое указание сверху. 97*а*

Через несколько дней мы вернулись в Дихкет. Дихкет — селение у подножья гор Ура-Тепа, оно находится под Улуг-Тагом. Сейчас же, пройдя эти горы, будет Масча. Хотя жители Дихкета — сарты, оседлые, но они, как и тюрки, разводят овец и коней.

В этом селении мы расположились в домах крестьян; я стоял в доме тамошнего старосты. Пожилой это был человек, лет шестидесяти или семидесяти, но его мать была еще жива; очень долговечная была женщина, ста одиннадцати лет. Когда Тимур бек ходил в Хиндустан, один из родичей этой женщины ушел в его войско. Это сохранилось у нее в

памяти, она сама рассказывала. В одном только Дихкете жило детей этой женщины, ее внуков, правнуков и праправнуков девяносто шесть человек; вместе с умершими ее потомков считали двести человек. Внук ее внука был двадцатипяти- или двадцатишестилетний парень с черной-пречерной бородой.

Во время пребывания в Дихкете мы постоянно гуляли пешком по горам, возвышавшимся вокруг этого селения, и в его окрестностях. 97*б* Чаще всего я гулял босой. || От долгого хождения босиком ноги у меня так загрубели, что ни скалы, ни камни на них не действовали. Однажды во время такой прогулки между предзакатной и вечерней молитвой по узкой еле видной тропе спускался бык. Я спросил: «Куда ведет эта дорога? Смотрите на этого быка и не гоните его и тогда узнаете, куда ведет дорога». Ходжа Асад Аллах сострил и сказал: «А вдруг эта корова заблудится? Что тогда будем делать?».

В ту зиму некоторые из наших воинов не могли больше казачествовать с нами и попросили разрешения уйти в Андиджан. Касим бек настоятельно убеждал меня: «Раз уже эти люди идут в Андиджан, то пошлите Джехангир мирзе в подарок что-нибудь из вашего носильного платья». Я послал ему мою горностаевую шапку. Касим бек опять начал убеждать: «А что будет плохого, если послать что-нибудь также и Танбалу?» Хотя я не соглашался, но вследствие настояний Касим бека Танбалу был послан закаленный широкий клинок Нойон Кукельташа, который Нойон велел изготовить для себя в Самарканде. Это был тот самый клинок, которым меня хватили по голове, как будет упомянуто при изложении событий следующего года.

98*а* Спустя несколько дней моя бабка, Исан Даулат || биким, которая после нашего ухода из Самарканда осталась там, прибыла вместе с находившимися в Самарканде домочадцами и родичами, отощавшими и голодными.

В середине зимы Шейбани хан, перейдя по льду через реку Ходженда, разграбил окрестности Шахрухии и Бишкента. Как только пришли об этом вести, мы сейчас же выступили, невзирая на малочисленность наших людей, и направились к селениям, находящимся ниже Ходженда, напротив Хашт-Яка. Было очень холодно. В этих местах постоянно, не ослабевая, дует сильный ветер из Ха-Дервиша; стужа достигала такой степени, что за эти два-три дня погибло от холода два-три человека.

Мне понадобилось совершить омовение. В одном арыке вода у берегов покрылась льдом, но посредине из-за быстрого течения она совсем не замерзла. Я вошел в арык, совершил омовение и окунулся шестнадцать раз. Холодная вода сильно на меня подействовала.

На рассвете мы переправились по льду через реку Ходженда напротив Хаса. Перейдя реку, мы шли всю ночь и пришли в Бишкент. Ока-

залось, что Шейбани хан, разграбив окрестности Шахрухии, возвращается назад. В то время Бишкент принадлежал сыну Муллы Хайдара Абд ал-Маннану. Другой его сын, младше Абд ал-Маннана, негодный и бестолковый человек по имени Му'мин, когда я был в Самарканде, находился при мне. В общем, я относился к нему благосклонно. Не знаю, какую обиду причинил ему в Самарканде Нойон Кукельташ, || но этот мужеложник затаил против него злобу. 98б

Как только пришло известие, что узбекские грабители повернули назад, мы послали человека, [чтобы известить] Хана, и, выступив из Бишкента, задержались на три-четыре дня в селениях Ахангарана. По самаркандскому знакомству сын Муллы Хайдара Му'мин пригласил к себе, уважения ради, Нойон Кукельташа, Ахмед Касима и еще нескольких человек. Когда я выступил из Бишкента, эта компания осталась в Бишкенте. Му'мин устроил для этих людей попойку на краю обрыва. Прибыв [на место], мы стали лагерем в одном из селений Ахангарана, называемом Самсирак; утром пришло известие, что Нойон Кукельташ пьяный свалился в обрыв и умер. Мы послали туда Хакк Назара, который приходился Нойон Кукельташу родным дядей, и еще нескольких человек. Хакк Назар поехал, осмотрел место, откуда упал Нойон, предал умершего земле в Бишкенте, и они вернулись. Эти люди нашли труп Нойона на дне глубокого оврага, на расстоянии полета стрелы от того места, где шла попойка. У некоторых возникло подозрение, что Му'мин, помня самаркандскую обиду, посягнул на жизнь Нойона; правду никто так и не узнал.

Это произвело на меня необыкновенное впечатление; мало чья смерть так на меня действовала. Неделю или десять дней я все время || плакал. Тарих [на кончину] Нойона заключается в словах «Скончался 99а
Нойон». Через несколько дней, повернув назад, я вернулся в Дихкет. 99б

По весне пришла весть: «Шейбани хан идет на Ура-Тепа». Так как Дихкет лежит в равнине, то мы перешли через перевал Аб-и Бурдан в горную область Масча. Самое нижнее селение в Масче — Аб-и Бурдан. Ниже Аб-и Бурдана есть источник, у источника стоит мазар. Местность выше источника относится к Масче, местность ниже принадлежит к Палгару. У начала этого источника, на прибрежном камне, я вырезал такие три стиха, которые сам сочинил:

Слышал я, что Джемшид, блаженный по естеству,*
Написал на камне у ручья:
«У этого ручья, как и мы, многие отдыхали*
И ушли [из мира], не успев закрыть [и открыть] глаза.
Завоевали мы весь мир своим мужеством и силой,*
Но не унесли его с собой в могилу».

В этой горной стране есть обычай вырезать на камне стихи и всякие другие надписи.

Когда мы были в Масче, Мулла Хаджари, поэт, пришел из Хисара и вступил к нам в услужение. В эти дни я сказал такой стих:

Как ни преувеличивают [твои достоинства], они еще больше,*
Тебя называют душой, но ты, без преувеличения, выше души.

Шейбани хан, придя в окрестности округа Ура-Тепа, произвел там всякие бесчинства и ушел обратно. Когда Шейбани хан стоял под Ура-
99б Тепа, || мы оставили своих домочадцев в Масче и, невзирая на малочисленность и безоружность наших людей, [снова] перешли перевал Аб-и Бурдан и спустились в окрестности Дихкета с тем, чтобы, подобравшись ночью или утром, не упустить того, что само идет в руки. Шейбани хан поспешно отступил. Мы опять перебрались через перевалы и вернулись в Масчу.

Мне пришло на ум: «Жить так, скитаясь с горы на гору, без дома, и крова, не имея ни земель, ни владений, не годится. Пойдем лучше прямо к Хану в Ташкент».

Касим бек не согласился отправиться туда. Как уже было упомянуто, он убил в Кара-Булаке обуздания и расправы ради трех или четырех моголов и вероятно по этой причине не решался идти в Ташкент. Как мы ни настаивали, ничего не вышло. Со своими старшими и младшими братьями, приспешниками и приближенными Касим бек потянулся в Хисар. Мы тоже перешли перевал Аб-и Бурдан и направились в Ташкент к Хану.

В эти дни Танбал повел войско и пришел в долину Ахангарана. Люди, стоявшие во главе его войска, — Мухаммед Дуглат, известный под именем Мухаммед Хисари, и его младший брат Султан Хусейн Дуглат,— сговорившись с Камбар Али-и Саллахом, задумали дурное против Танбала. Когда Танбал проведал об этом деле, они не могли больше оставаться при нем и бежали к Хану. Праздник жертвы нам довелось провести в Шахрухии; не задерживаясь больше, я двинулся в путь и пошел к Хану в Ташкент.

'Я сочинил тогда одно рубаи; и у меня были сомнения относительно употребленной в нем рифмы: к тому времени я не особенно глубоко
100а изучил правила стихотворства. || Хан был одаренный человек и сочинял стихи, хотя законченных газалей у него было немного. Прочитав Хану это рубаи, я сообщил ему о своих сомнениях, но не получил ясного ответа, могущего успокоить сердце; [видимо], Хан [тоже] уделял немного внимания правилам стихотворства. Вот это рубаи:

Ни о ком не вспоминает человек в беде,*
Не радостен сердцем человек на чужбине;

Мое сердце на чужбине не знало радости,*
Ничему не радуется человек на чужбине.

Позднее я узнал, что в тюркских словах в случае необходимости [буквы] та и даль, а также гайн, каф и кяф могут заменять друг друга.

Спустя несколько дней Танбал пошел на Ура-Тепа. По получении этого известия Хан тотчас же повел из Ташкента войско. Между Бишкентом и Самсираком правое и левое крыло выстроили в ряды и произвели смотр войску. По могольскому обычаю распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед Ханом воткнули в землю девять знамен. Один могол привязал к кости из передней ноги быка длинную белую холстину и держал ее в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже кутаса и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой Хан, на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я, а на конец третьей холстины — Султан Мухаммед Ханике. || Тот могол, взяв в руки бычью кость с привязан- 100б
ной к ней холстиной, что-то сказал по-могольски, смотря на знамя, потом сделал знак. Хан и все те, кто стоял подле него, принялись кропить кумысом в сторону знамени. Все разом задули в трубы и ударили в барабаны, воины, стоявшие в рядах, как один, испустили боевой клич. Все это проделали три раза, а потом сели на коней и с криками обскакали вокруг лагеря.

Среди моголов установления Чингиз хана до сих пор таковы, как их учредил Чингиз хан. [Бойцы] правого крыла стоят на правом крыле, левого крыла — на левом крыле, середины — в середине; все из рода в род стоят на местах, указанных в ярлыке [Чингиза]. На правом и на левом крыле тот, чье значение больше, стоит ближе к краю. Относительно правого крыла постоянно происходили раздоры между родами Чарас и Бекчик из-за того, кому выходить на край. В то время беком тумана Чарас был Кашка Махмуд, очень смелый был человек. Беком тумана Бекчик, который славился среди прочих туманов, был Айуб, [сын] Якуба. Из-за того, кому выходить на край, они дрались, обнажали друг на друга сабли. В конце концов, кажется, решили, что в кругу для облавы выше будет стоять один, и в боевом строю на край будет выходить другой.

Утром в окрестностях Самсирака устроили облаву и поохотились. Прибыв туда, мы стали лагерем в саду Турак. || Первая газаль, кото- 101а
рую я закончил, была закончена в тот день на этой стоянке. Вот [начало] этой законченной газали:

Я не нашел верного друга, кроме моей души,*
Я не нашел поверенного тайн, кроме моего сердца.

В ней шесть стихов. Впоследствии все законченные газали были написаны по такому же плану, [как первая].

Из Самсирака, совершая переход за переходом, мы пришли на берег реки Ходженда. Однажды в виде прогулки мы переправились через реку и, приказав сварить обед, отпустили йигитов и телохранителей повеселиться. В тот день у меня украли золотую застежку от пояса. На следующее же утро Хан Кули, сын Баяна Кули, и султан Мухаммед Ваис убежали к Танбалу. Все решили, что этот поступок совершен ими, хотя это не было точно установлено. Ахмед Касим Кухбур также, испросив разрешения, ушел в Ура-Тепа. Он тоже не вернулся после ухода и перешел к Танбалу.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЬМОГО

Этот поход Хана был совершенно бесполезный поход; крепости он не взял, врага не разбил: пошел и вернулся.

В то время, пока я был в Ташкенте, мне пришлось испытать большие лишения и унижения. Владений у меня не было, надежд получить владения не было; большинство моих нукеров разошлось, те немногие, что остались, терпели лишения, и не могли дальше идти со мной. Пойду к воротам Хана, моего дяди, иногда с одним человеком, иногда с двумя иду. Хорошо еще то, что хоть не чужие были, родные были...|| Поклонившись Хану, моему дяде, я ходил к Шах биким, словно к себе домой — с голой головой, с голыми ногами к ней входил. 101б

Наконец, из-за всех этих скитаний без дома и крова я дошел до крайности. Я подумал: «Чем жить в таких тяготах, лучше бежать, ку-

да глаза глядят; чем терпеть на глазах людей унижение и позор, лучше уйти, куда ноги унесут».

Вознамерившись отправиться в Хитай, я решил сейчас же уйти. С малых лет мне хотелось побывать в Хитае, но дела власти и привязанность к родным этого не позволяли. Теперь же власть ушла, моя матушка присоединилась к своей матери и братьям; помехи к путешествию устранились, заботы отпали. Через посредство Ходжи Абу-л-Макарима я передал [родным] следующие слова: «[У нас] появился такой враг, как Шейбани хан; вред от него одинаковый и для тюрков и для моголов: подумать о нем нужно теперь, пока он не совсем захватил наш удел и не очень возвысился. Ведь говорят же:

Сегодня гаси огонь, пока можешь погасить;*
Огонь, как поднимется, сожжет весь мир.
Не давай врагу натянуть тетиву лука,*
Пока сам можешь пустить стрелу.

С Младшим ханом, моим дядей, мои родичи не встречались двадцать четыре или двадцать пять лет; я же его вообще никогда не видел. Нельзя ли мне пойти к нему—тогда я и Младшего хана, моего дядю, повидал бы и стал бы усердным посредником в устройстве встречи между вами».

102*a* Цель моя была такова: если я под этим предлогом уйду отсюда, || то, когда я приду в Моголистан и Турфан, у меня не останется никаких препятствий и забот; поводья моей воли будут в моих руках.

Об этом моем намерении не знал ни один человек, да никого и нельзя было о нем осведомить, ибо даже моей матери и той невозможно было сказать такие слова, а те немногие люди, знатные и простые, которые меня окружали, следовали за мной в моих скитаниях, надеясь на другое. Сказать им такие слова тоже было бы совсем немилостиво.

Когда Ходжа Абу-л-Макарим передал это Шах биким и Хану, моему дяде, то понял, что они [как будто] согласны. В то же время им пришло на ум, что, может быть, я прошу разрешения удалиться, так как не нашел внимания к себе; поэтому они приличия ради немного помедлили с разрешением.

Тем временем от моего младшего дяди прибыл человек и сообщил, что Младший хан обязательно к нам придет. Мой план опять не удался. Когда явился другой человек и передал, что Младший хан близко, Шах биким, сестры Хана, моего дяди — Султан Нигар ханум и Даулат Султан ханум — и я, а также Мухаммед Ханике и Мирза хан, — все мы тотчас же выехали навстречу моему дяде, Младшему хану.

Между Ташкентом и Сайрамом есть деревня Яга и еще несколько деревушек; там находится могила Ибрахим ата и Исхак ата. Мы достигли этих деревень. Не зная наверное, что мой дядя, Младший хан,

сейчас прибудет, || я быстро выехал на коне, и вдруг встречаю Хана; 102*б*
они только что стали лагерем. Я подъехал к ним. Когда я сошел с коня, Младший хан, мой дядя, сразу все понял и очень взволновался: вероятно, он думал разбить где-нибудь лагерь, усесться и торжественно со мной поздороваться. Но так как я подъехал близко и спешился, обстоятельства этого не позволили, преклонить колени и то было некогда. Поклонившись, я подошел и поздоровался. Хан, взволнованный и смущенный, тотчас же приказал Султан Са'ид хану и Баба хан султану сойти с коней и поздороваться со мной, преклонив колени. Из сыновей Хана прибыли только эти два султана, им было лет тринадцать-четырнадцать.

Поздоровавшись с этими султанами, я сел на коня, и мы отправились к Шах биким. Они просидели до полуночи, беседуя о былых делах и минувших событиях.

Наутро мой дядя, Младший хан, пожаловал мне платье могольского образца, кушак и оседланного коня из своей личной конюшни, а также могольскую шапку, вышитую крученными нитками, халат из китайского атласа, расшитый блестками, и китайский пояс со старинного образца мешочком для кремня. Мешочек повесили с левой стороны [пояса] и еще повесили три-четыре безделушки, которые вешают женщины на воротник, вроде коробочки для амбры и сумки. С правой стороны тоже повесили три-четыре такие вещички.

С этой стоянки все направились к Ташкенту. || Старший хан, мой 103*а*
дядя, тоже выехал навстречу и проехал три-четыре йигача пути из Ташкента. В одном месте разбили шатры, и Старший хан сел там. Младший хан подъезжал к шатрам спереди. Приблизившись, он объехал Хана слева и сзади и спешился перед ним; дойдя до места поклона, Младший хан девять раз преклонил колени и поздоровался.

Старший хан, когда Младший хан приблизился, тоже встал: они поздоровались и долго стояли, обнявшись. Отступая назад, Младший хан снова девятикратно преклонил колени; поднося подарки, он опять много кланялся. Затем он подошел к Старшему хану, и оба сели.

Люди Младшего хана были все наряжены по-могольски: в могольских шапках и халатах из китайского шелка, расшитого золотыми блестками. У них были могольские колчаны, седла из зеленой шагрени и могольские кони. Все это было подстать их необычайному наряду.

Младший хан привел с собой не очень много людей; их было, пожалуй, побольше тысячи и меньше двух тысяч. Младший хан, мой дядя, был чудно́й человек, крепко разивший клинком, самовластный и смелый. Из оружия он больше всего полагался на саблю и говаривал: «Шестопер, палица, кистень, секира, топор раз ударив, поражают в одно место, а сабля, как ударит — рассечет с головы до ног». Он никогда не

расставался со своим острым клинком; клинок либо висел у него на
103б поясе, || либо находился в руке. Выросши на далекой окраине, [Младший] хан был несколько неотесан и грубоват в речах.

В упомянутом выше могольском наряде я пришел вместе с моим дядей, Младшим ханом, [к Старшему хану]. Ходжа Абу-л-Макарим находился у моего дяди, Старшего хана. Он не узнал меня и спросил: «Они какой султан будут?» Когда я заговорил, он узнал меня.

По приходе в Ташкент ханы вскоре повели войско против Султан Ахмед Танбала в Андукан. Они двинулись через перевал Кендирлик. Когда мы пришли в долину Ахангарана, то меня и Младшего хана выслали вперед. Пройдя перевал, в окрестностях Зиркана и Карнана, ханы однажды произвели смотр войскам. Воинов насчитали тридцать тысяч человек.

От передовых стали приходить вести, что Танбал тоже собрал войско и пришел в Ахси; ханы посоветовались между собой; их мнение утвердилось на том, чтобы дать мне отряд войска. Перейдя реку Ходженда и направившись в сторону Оша и Узгенда, я должен был обойти Танбала с тыла. Сговорившись на этом, мне дали под начало Айуб Бек чика с его туманом, Джан Хусейн Нарина с его наринами, Мухаммед Хисари Дуглата, Султан Хусейн Дуглата и Султан Ахмед мирзу Дуглата — воинов тумана Дуглат с ними не было, а также Камбар Али; даругой войска назначили Сарик Баш мирзу Итарчи.

Расставшись с ханами у Карнана и переправившись на плотах через реку Ходженда в окрестностях Сакана, мы прошли через орчин Ху-
104а кана, ||захватили Куба, миновали Ала-Ялукский орчин и напали на Ош. Под утро мы неожиданно вошли в крепость Оша; обитатели Оша ничего не могли поделать и сдали Ош. Жители области, естественно, очень желали нашего прихода, но от страха перед Танбалом и вследствие нашей отдаленности ничем не могли [нам помочь].

Как только мы пришли и вступили в Ош, оседлые и кочевые племена, живущие в горах и степях к востоку и югу от Андиджана, все пристали к нам.

Узгенд — раньше этот город был столицею Ферганы — хорошая крепость. Он стоит на границе [Ферганы]. Жители Узгенда, согласившись нам служить и прислав человека, подчинились мне. Через несколько дней маргинанцы побили и выгнали своего даругу и тоже мне подчинились. Все крепости на андиджанской стороне реки Ходженда, кроме Андиджана, признали мою власть.

Хотя в эти дни возникли такие смуты и волнения, Танбал не образумился; он стоял со своим пешим и конным войском между Ахси и Карнаном, лицом к лицу с ханами, оградив лагерь препятствиями и рвом. Несколько раз в тех местах происходили небольшие стычки и

схватки, но ни на чьей стороне не обнаруживалось и не оказывалось победы или поражения.

Так как большинство племен и родов, крепостей и земель на андиджанской стороне || покорилось мне, то жители Андиджана тоже, естественно, желали выразить мне покорность, но не могли найти к этому способа. Мне пришло на ум, что если как-нибудь ночью мы подойдем к Андиджану, пошлем туда человека и сговоримся с Ходжой и знатными людьми города, они может быть впустят нас с какой-нибудь стороны. С таким намерением мы выехали из Оша и в полночь пришли на стоянку напротив Чил-Духтарана, в одном курухе от Андиджана. 104б

Камбар Али бека и еще некоторых беков отрядили вперед, чтобы они осторожно послали в крепость человека и сговорились с Ходжой и знатными горожанами. Ожидая посланных беков, мы сидели на конях; некоторые дремали, другие погрузились в сон.

Ночи прошло, вероятно, три пахра, когда вдруг раздался грохот барабанов и крики. Не зная, много ли врагов или мало, люди, со сна, разом повернули и бросились бежать, не обращая внимания друг на друга. Я не успел даже удержать людей и поскакал навстречу врагам. Мир Шах Каучин, Баба Ширзад и Дуст Насир тотчас же двинулись за мной следом. Все воины, кроме нас четверых, обратились в бегство. Когда я отъехал немного назад, нападающие приблизились, крича и пуская стрелы. Какой-то человек на коне с белой отметиной на лбу подъехал ко мне вплотную; я выстрелил в коня, конь покатился на землю. Враги как будто немного отошли. || 105а

Те трое, что были со мной, сказали: «Ночь темная, много ли мало ли врагов — неизвестно и неведомо. Все наши воины убежали, а от нас четверых какой может быть вред врагу? Надо нагнать беглецов, а потом драться».

Мы вскачь настигли наших людей и принялись их лупить и хлестать, но что мы ни делали, люди не собирались. Мы четверо снова вернулись и стали пускать стрелы; враги немного приостановились. Увидев раз или два, что нас трое-четверо, не больше, они снова начали гнать наших, сбивая их с коней. Таким образом, я три-четыре раза пытался удержать наших людей, но они не останавливались и я снова возвращался с теми тремя, пуская стрелы и отгоняя врагов.

Наших людей гнали два или три куруха, до холмов, что напротив Харабука и Пашамуна. Достигнув этих холмов, мы встретили Мухаммед Али Мубашшира. Я сказал: «Их немного, остановимся и пустим на них коней». Остановившись, мы пустили коней вскачь; когда мы подскакали, враги встали. Разбежавшиеся воины стали подъезжать то оттуда, то отсюда; некоторые добрые молодцы проскакали, убегая, до самого Оша.

Вот как это произошло: несколько моголов из тумана Айуб Бекчика, покинув нас в Оше, отправились в окрестности Андиджана, чтобы пограбить. Услышав шум нашего войска, они осторожно пробрались вперед и закричали свой уран. Уран бывает двух родов.|| Один уран — особый у каждого племени; так, например, у одного племени уран — «дурдана», у другого — «туккай», у третьего — «лулу», а другой уран — один для всего войска. На войне ураном устанавливают два слова; во время битвы при встрече один человек говорит одно слово, а другой говорит второе назначенное слово, чтобы таким путем отличить друзей от врагов и распознать своего от чужого. В данном походе условленными словами урана были «Ташкент» и «Сайрам»; скажут: «Ташкент», говори: «Сайрам», скажут: «Сайрам», отвечай: «Ташкент». Во время этой свалки впереди был Ходжа Мухаммед Али. Моголы подходили, крича: «Ташкент», «Ташкент»! Ходжа Мухаммед Али, человек из сартов, был сильно взволнован и в ответ тоже закричал: «Ташкент», «Ташкент». Моголы подумали, что это враг, подняли крик, забили в барабаны и стали пускать стрелы. Из-за этой ложной тревоги мы не остались стоять и разъехались. Задуманный план не удался, мы снова повернули назад и воротились в Ош.

105б

Когда жители степей, гор и крепостей покорились мне, Танбал и его приспешники потеряли твердость и мужество. Через пять-шесть дней его бойцы и люди по трое, по четверо стали разбегаться в горы и в степи. Некоторые перебежчики из его лагеря говорили: «Дела Танбала пришли в расстройство; через три-четыре дня они совсем расстроятся, и Танбал должен будет отступить».

Услышав такие вести, мы тотчас же выступили на Андиджан. В андиджанской крепости сидел младший брат Танбала, Султан Мухаммед Калпук. Пройдя дорогой на Тутлук, мы к полуденной молитве подскакали к [арыку] Хакана, что южнее Андиджана.|| Я сам, следуя за добытчиками, подъехал к склону холма Айш со стороны ворот Хакана. От дозорных пришла весть, что Султан Мухаммед Калпук и бывшие при нем люди вышли из садов и пригородов к склону холма Айш. Добытчики еще не собрались; не дожидаясь, пока они соберутся, я быстро, не медля двинулся на врагов. У Калпука было, пожалуй, свыше пятисот человек; хотя наших людей было больше, но бойцы разъехались, чтобы пограбить; ко времени встречи нас осталось столько же. Не соблюдая ни строя, ни порядка, мы во весь опор поскакали на врагов. Когда мы приблизились, они не смогли устоять и бежали, даже не скрестив раз или два клинков. Наши гнали людей Калпука почти до самых ворот Хакана, сбивая их с коней.

106а

Когда мы разбили врага и подошли к Ходжа-Китта, на окраине пригородов, наступило время вечерней молитвы. У меня было наме-

рение идти прямо к воротам крепости; пожилые, знатные, опытные беки — Насир бек, отец Дуста, и Камбар Али бек — доложили: «Наступила ночь; подходить в темноте вплотную к крепости неразумно. Отойдем назад и станем лагерем, а утром что они смогут сделать? Они сдадут крепость».

Вняв словам этих опытных беков, мы отступили от окраин пригородов. || Если бы мы пошли на ворота крепости, то крепость наверное 106*б*
и без сомнения перешла бы в наши руки.

Было время молитвы перед сном. Мы двинулись вперед, перешли арык Хакана и стали лагерем возле деревни Рабат-и Рузек. Хотя имелись сведения, что Танбал в беспорядке отступает и идет к Андиджану, но вследствие нашей неопытности случилась ошибка: вместо того чтобы утвердиться в таком укрепленном месте, как арык Хакана, мы перешли арык и стали возле деревни Рабат-и Рузек, на гладкой равнине. Без караула, без охраны мы беспечно лежали [и отдыхали].

На рассвете люди сладко спали, как вдруг подскакал Камбар Али бек и закричал: «Враг подошел, вставайте!».

Сказав это, он, не медля ни мгновения, проехал дальше и больше не возвращался. Я постоянно, даже в спокойное время, ложился, не снимая платья и шапки. Поднявшись, я тотчас же подвязал саблю и колчан и в тот же миг вскочил на коня; знаменосец не успел даже привязать знамя к древку, схватив знамя в руку, он вскочил на коня. Мы направились прямо в ту сторону, откуда шел враг; в этом походе нам сопутствовало десять-пятнадцать человек.

Подойдя к врагам на полет стрелы, мы столкнулись с разъездами неприятеля; в это время со мной было человек десять бойцов. Мы быстро поскакали, пуская стрелы, и двинулись дальше, забирая передовых врага в плен. Мы прогнали их еще на полет стрелы и подошли к центру их войска. Султан Ахмед Танбал и с ним человек сто воинов || стояли, 107*а*
ожидая нас, сам Танбал и еще один боец немного выступили из рядов; Танбал стоял и кричал: «Бей, бей!», но большинство его людей повернулись боком и как будто раздумывали: «Бежать? Не бежать?».

В это время со мной оставалось три человека: один — Дуст Насир, другой — Мирза Али Кукельташ и третий — Каримдад, сын Худайдад Туркмена. Я пустил стрелу, лежавшую у меня на тетиве, прямо в шлем Танбала и сунул руку в колчан. Хан, мой дядя, подарил мне новенький «гушагир»; он попался мне под руку. Мне стало жалко его выбросить; пока я снова положил его в колчан, можно было бы метнуть две стрелы. Я наложил на тетиву другую стрелу и поехал вперед; те три человека остались позади. Один из двоих бойцов, что стояли напротив меня — это был Танбал — тоже поехал вперед; между нами была широкая дорога. Я выехал на дорогу с одной стороны, он — с другой, и

мы оказались лицом к лицу, так что я стоял правым боком к врагу, а Танбал стоял правым боком к нам. У Танбала было все его оружие, кроме конских лат; у меня кроме сабли и колчана не было никакого оружия. Я пустил стрелу, лежавшую у меня на тетиве, стараясь пригвоздить щит Танбала к ремням колчана. В это время мне пробили стрелой насквозь правое бедро. На голове у меня был подшлемник; Танбал
107*б* рубанул меня по голове; от удара саблей у меня помутилось в голове;|| хотя у подшлемника не порвалось ни одной ниточки, но на голове у меня оказалась широкая рана. Я не приделал рукоятки к своему мечу, он был в ножнах, вытащить меч не было времени; вытаскивая его, я остался один-одинешенек среди множества врагов. Стоять на месте было нельзя, и я повернул коня; еще один удар саблей пришелся по моим стрелам.

Я проехал семь-восемь шагов и ко мне присоединились те три человека. После меня Танбал ударил клинком также и Дуст Насира; нас преследовали на протяжении полета стрелы.

Арык Хакан — большой поток и течет глубоко. Перейти его можно не везде, но бог помог, и мы вышли прямехонько к одной из переправ через арык. Перейдя арык, лошадь Дуст Насира очень ослабела и упала. Остановившись и посадив его [на одного из наших коней], мы поехали к Ошу вдоль возвышенности, что тянется между Харабуком и Фарагина. Когда мы поднялись на эту возвышенность, к нам присоединился Мазид Тагай. Ему тоже попала в правую ногу стрела, ниже колена. Хотя она не прошла насквозь, но Мазид Тагай добрался до Оша с большим трудом. Моих добрых воинов посбивали с коней: Насир бек, Мухаммед Али Мубашшир, Ходжа Мухаммед Али, Хусрау Кукельташ, Ну'ман Чухра пали в этом походе. Кроме них погибло много йигитов.

Ханы, идя за Танбалом следом, стали лагерем в окрестностях Ан-
108*а* диджана. Старший хан остановился возле курука,|| в саду моей бабки Исан Даулат биким, который называется Куш-Тигирман; Младший хан расположился поблизости от лангара Баба-Таваккула.

Через два дня я прибыл из Оша и повидался со Старшим ханом в Куш-Тигирмане. В то самое время, когда я с ним свиделся, Хан передал Младшему хану те земли, что перешли ко мне. Оправдываясь передо мной, он говорил: «Враг, подобный Шейбани хану, захватил такой город, как Самарканд, и могущество его все растет. Ради этого дела Младшего хана привели бог весть откуда. Здесь у него земли нет, те его владения — далеко. Следует отдать Младшему хану области к югу от реки Ходженда, начиная с Андиджана, чтобы он там водворился». Области к северу от реки Ходженда, начиная от Ахси, Хан обещал мне и говорил, что утвердившись здесь, ханы направятся в область Самарканда, возьмут ее и отдадут мне, а после этого всю Фергану передадут

Младшему хану». Вероятно, эти слова были хитростью, чтобы меня обмануть: неизвестно, что бы произошло, если бы все это осуществилось.

Делать было нечего, хочешь не хочешь, пришлось согласиться. Когда, покинув Старшего хана, я направлялся к Младшему хану, чтобы повидаться с ним, Камбар Али, известный под прозвищем Саллах, поравнялся со мной и сказал: «Видели? Они сейчас же отобрали у вас все ваши земли! У вас с ними ничего не выйдет; || теперь же, пока Ош, 108*б*
Маргинан, Узгенд и послушные вам области, племена и народы в ваших руках, ступайте в Ош, укрепите крепости, пошлите к Султан Ахмед Танбалу человека и помиритесь с ним, потом побейте и прогоните могола и разделите по-братски ваши владения [с Танбалом]».

Я сказал: «Пристойно ли это будет? Ханы — мои родичи; быть им слугой лучше, чем царствовать над Танбалом». Камбар Али бек увидел, что его слова не произвели впечатления, и вернулся [на свое место], раскаиваясь в сказанном.

Я поехал и повидался с моим дядей, Младшим ханом. При предыдущем свидании я явился внезапно, так что Младший хан не успел сойти с коня и встретил меня без всякого почета. На этот раз, хотя я подошел еще ближе, Младший хан добежал до конца ограды шатра. Так как нога у меня была ранена стрелой, то я шел с трудом, опираясь на палку. Подойдя и поздоровавшись, Младший хан сказал: «Брат мой, вы, говорят, богатырь», — и, взяв меня за руку, ввел в шатер. Шатер ему поставили очень маленький.

Так как [Младший] хан вырос в окраинных землях, то шатер, в котором он жил, был скромный, казацкий. Дыни, виноград, принадлежности конской сбруи — все лежало тут же в шатре, где он жил.

Покинув Младшего хана, я направился в свою ставку. Чтобы лечить мою рану, ко мне прислали могольского костоправа по имени Атиге Бахши — моголы называют костоправов б а х ш и. В искусстве править кости он очень сведущ. Если даже у человека вываливался из костей мозг, || этот костоправ и то давал лекарство. Любую рану на 109*а*
жилах он легко исцелял. К некоторым ранам он прикладывал лекарство вроде пластыря, при других ранах давал лекарство съесть. К ране на моем бедре он велел прикладывать жженую шерсть, а фитиля не вкладывал. Кроме того, он один раз дал мне съесть какой-то корешок.

Этот Бахши сам рассказывал: «У одного человека сломалась тонкая кость на стопе и кусок кости, величиною с ладонь, превратился в порошок. Я разрезал мясо, вынул все кости стопы и вместо костей положил лекарство, измельченное в муку. Это лекарство образовало как бы кость вместо настоящей кости, и [рана] закрылась». Таких удивительных и диковинных вещей он рассказывал множество. В нашей земле костоправы не способны так лечить.

Через три-четыре дня Камбар Али, беспокоясь из-за сказанных им слов, бежал и пришел в Андиджан. Еще несколько дней спустя ханы сговорились и послали меня в сторону Ахси; со мной отправили Айуб Бекчика с его туманом и Джан Хасан Нарина с туманом Нарин — всего тысячу или две человек. Беком войска назначили Сарик баш мирзу.

В Ахси находился младший брат Танбала Шейх Баязид, в Касане пребывал Шахбаз Карлук. В это время Шахбаз пришел и стоял перед крепостью Наукенд. Переправившись через реку Ходженда, напротив Бихраты, мы быстро двинулись к Наукенду на Шахбаза. Перед утром,
109*б* когда мы подходили к Наукенду, || беки доложили: «Этот человек наверное обо всем догадался. Если мы подойдем, не расстраивая рядов, при свете дня — будет подходяще».

Мы пошли медленнее. Шахбаз, видимо, ничего не знал. Когда мы приблизились к Наукенду, он проведал об этом, бежал из окрестностей Наукенда и вошел в крепость. Так бывало неоднократно: говоря, что враг все проведал, этим легко отговаривались и время для дела было упущено. Опыт подтверждает это. Словом, когда дело само идет в руки, не следует ослаблять рвения и усердия. Раскаиваться потом — бесполезно.

На рассвете вокруг крепости произошли небольшие стычки, но как следует мы не дрались.

От Наукенда мы пошли в сторону гор, к Биш-харану, чтобы пограбить. Шахбаз Карлук, воспользовавшись удобной минутой, бросил Наукенд и бежал в Касан. Повернув назад, мы пришли и расположились в Наукенде.

В эти дни мои воины неоднократно совершали набеги на окрестности и грабили. Один раз они ограбили деревни в области Ахси, другой раз пошли и ограбили Касан. Шахбаз с приемным сыном Узун Хасана, которого звали Мирим, вышли на бой. Они сразились и были разбиты; [Мирим] тогда умер.

Одна из неприступных крепостей Ахси — крепость Пап. Жители Папа заперли крепость и послали к нам человека. Мы отправили туда
110*а* Сейид Касима с несколькими йигитами. || Перейдя реку напротив деревень, расположенных выше Ахси, они вошли в крепость Пап.

Через несколько дней случилось удивительное дело. В то время Ибрахим Чапук Тагай, Ахмед Касим Кухбур и Касим Хатике Аргун находились с Шейх Баязидом в Ахси. Послав с упомянутыми [беками] еще человек двести добрых йигитов, Шейх Баязид однажды ночью нежданно-негаданно отправил их в крепость Пап. Сейид Касим, не приняв никаких предосторожностей, лежал и спал. Когда семьдесят-восемьдесят вооруженных йигитов, достигнув крепости, приставили лестницы,

поднялись и захватили ворота, спустили подъемный мост и вошли в крепость, Сейид Касим, узнав об этом, заспанный, в одной рубахе, с пятью-шестью йигитами вскочил на коня, поколотил и выгнал нападавших. Отрезав несколько голов, он прислал их мне. Хотя так беспечно валяться было совсем не по-военному, но разбить и прогнать с несколькими молодцами столько храбрых, вооруженных йигитов — очень смелое дело.

В то время ханы были заняты осадой крепости Андиджана. Обитатели крепости не давали к ней приблизиться. Йигиты, выезжая на конях, перестреливались перед крепостью.

Шейх Баязид, начал посылать людей из Ахси, выражая нам доброжелательство. Он настойчиво призывал нас. Цель этих призывов заключалась в том, чтобы любой хитростью разлучить меня с ханами; 110*б*
ведь, когда я расстанусь с ними, ханы не смогут более стоять под Андиджаном. Эти приглашения делались с согласия его старшего брата Танбала.

Расстаться с ханами и заключить союз с этими людьми мы считали невозможным. Я намекнул ханам об этих приглашениях. Ханы говорили про меня: «Пусть идет! Пусть любым способом захватит Шейх Баязида!». Такое коварство и хитрость не соответствовали нашим правилам и обычаям, тем более, что у меня [с Шейх Баязидом] был заключен договор. Как же можно столь вероломно нарушить договор?.

Мне пришло на ум, что нам следует каким-нибудь образом проникнуть в Ахси: или мы оторвем Шейх Баязида от Танбала и он перейдет на нашу сторону, или дело обернется как-нибудь иначе, благоприятно для нас.

Мы послали к Шейх Баязиду человека и заключили договор и условие, Шейх Баязид позвал нас в Ахси, мы пошли. Шейх Баязид, выйдя навстречу и приведя с собой также моего младшего брата Насир мирзу, впустил нас в крепость Ахси. Мне назначили стоянку и жительство в наружных укреплениях, в домах моего отца. Я пошел и водворился там.

Танбал послал к Шейбани хану своего старшего брата, бека Тильбе, выражая ему покорность и призывая его к себе. В это время от Шейбани хана пришли грамоты. Он писал: «Я иду!».

Едва весть об этом дошла до ханов, как они потеряли мужество, и, не могши более стоять, поднялись из-под Андиджана.

Младший хан славился своей справедливостью и честностью, но его моголы, оставленные в Оше, Маргинане и других, покорившихся мне крепостях, вопреки надеждам народа, начали творить жестокости и насилия||. Когда ханы ушли из-под Андиджана, жители Оша и Маргинана 111*а*
напали на моголов, находившихся в крепости, схватили их, ограбили, побили и выгнали.

Ханы, не переходя ходжендской реки, отошли на Маргинан и Канд-и Бадам и переправились через реку у Ходженда. Танбал следом за ханами пришел в Маргинан. Мы в это время были в сомнении: если остаться, то на ханов нельзя было особенно рассчитывать, а бросить их без причины и уйти, как будто нехорошо.

Однажды утром из Маргинана, покинув Танбала, прибежал Джехангир мирза. Когда пришел Мирза, я был в бане. Мы поздоровались. В это время пришел также и Шейх Баязид, взволнованный, в полной растерянности. Мирза и Ибрахим бек говорили: «Шейх Баязида надо схватить, надо овладеть арком». И действительно здравый расчет подсказывал это.

Я сказал: «Мы заключили договор, как же мы нарушим договор?». Шейх Баязид ушел в арк. На мосту следовало поставить человека, но мы не поставили на мост никого. Такая небрежность произошла вследствие неопытности.

На рассвете явился Танбал с двумя или тремя тысячами вооруженных людей, перешел через мост и вступил в арк. У меня и сначала было мало людей, а придя в Ахси, я к тому же разослал некоторых по крепостям, других отправил кого куда — даругой или сборщиком налогов; в
111*б* Ахси со мной было || всего сто человек с небольшим.

Выехав с этими людьми на конях, мы расставляли йигитов на концах улиц и собирали боевое снаряжение, когда Шейх Баязид, Камбар Али и Мухаммед Дуст прискакали от Танбала ради примирения.

Поставив людей, назначенных для боя, на указанные им места, я отправился к усыпальнице моего отца и сел там, чтобы держать совет. Джехангир мирзу я тоже позвал; Мухаммед Дуст вернулся, Шейх Баязид и Камбар Али бек пришли. Усевшись на южном айване гробницы, мы советовались между собой и вдруг оказалось, что Джехангир мирза и Ибрахим Чапук сговорились схватить этих людей. Джехангир мирза сказал мне на ухо: «Их надо схватить», но я отвечал: «Не спеши! Дело сейчас зашло дальше того, чтобы их задерживать. Посмотрим, может быть выйдет что-нибудь хорошее миром. Их ведь очень много, а нас так мало. К тому же они с такими силами находятся в арке, а мы, при нашей слабости, — в наружных укреплениях».

Шейх Баязид и Камбар Али тоже присутствовали на этом совете. Джехангир мирза сделал Ибрахим беку головой знак, приказывая ему воздержаться от [задуманного] дела. Не знаю, понял ли его Ибрахим бек наоборот, или поступил так, притворившись, [что не видел знака], но он тотчас же схватил Шейх Баязида. Стоявшие там йигиты со всех сто-
112*а* рон || бросились на тех двоих и поволокли их. Говорить о мире и соглашении было уже поздно. Отдав тех двоих под стражу, мы выехали на бой. Одну сторону города поручили Джехангир мирзе. Людей у мирзы

было мало; я назначил часть своих молодцов ему в помощь. Сначала я поехал туда и расставил людей по местам для боя, потом отправился в другую часть города.

Посреди города была ровная площадь. Поставив там отряд йигитов, я поехал дальше. На этих людей напал большой отряд конных и пеших, их согнали с площади и оттеснили в переулок. В это время я подъехал туда. Я тотчас же погнал своего коня на врагов; они не могли устоять и опрометью побежали. Когда мы вытеснили их с улицы, пригнали на площадь и взялись за сабли, мою лошадь ранили в ногу стрелой. Лошадь упала на колени и сбросила меня на землю посреди врагов. Я быстро поднялся и пустил стрелу. Под Кахилем, моим оруженосцем, был довольно плохой конь. Спешившись, он подвел его ко мне. Я сел на его коня. Поставив там людей, я направился к другой улице. Султан Мухаммед Ваис, уведев, какая плохая у меня лошадь, спешился и подвел ко мне своего коня. Я сел на его коня. В это время Камбар Али, сын Касим бека, раненый, прибыл от Джехангир мирзы. Он сказал: «Некоторое время тому назад на Джехангир мирзу || напали и потеснили его. 112*б*
Джехангир мирза ушел. Мы не знаем, что делать».

Тут явился Сейид Касим, который находился в крепости Пап. Удивительно некстати он оттуда ушел! Будь в такое время у нас в руках столь неприступная крепость, было бы хорошо.

Я сказал Ибрахим беку: «Что же теперь делать?» У него была небольшая рана. Из-за этого ли, или от растерянности, он не мог дать толкового ответа. Я решил перейти мост, сломать его и направиться в сторону Андиджана. Баба Ширзад проявил себя тут очень хорошо. Он сказал: «Прорвемся силой в ворота». Следуя словам Баба Ширзада, мы направились к воротам. Ходжа Мир Миран тоже сказал тут смелые слова. Когда мы проезжали по улице, Сейид Касим и Дуст Насир рубились с Баки Хизом. Мы с Ибрахим беком и Мирза Кули Кукельташем были впереди других. Оказавшись у ворот, я увидел, что Шейх Баязид в фарджии, надетой поверх рубахи, въезжает в ворота с тремя или четырьмя всадниками. Я натянул лук, пустил стрелу, лежавшую у меня на тетиве, и чуть не попал ему в шею. Очень хорошо выстрелил! Шейх Баязид поспешно въехал в ворота, и, повернув направо, помчался по улице. Мы тоже бросились ему вслед. Мирза Кули Кукельташ хватил одного пехотинца || палицей; другой пехотинец, когда Мирза Кули про- 113*а*
езжал мимо, направил на Ибрахим бека стрелу. Ибрахим бек крикнул: «Хай! Хай!» и проехал мимо; тот пехотинец почти в упор пустил мне стрелу подмышку. Стрела пробила двойной лист моей калмыцкой кольчуги; [пехотинец] пустился бежать; я выстрелил ему в спину. В это время [другой] пеший воин бежал по валу; я выстрелил, целясь пригвоздить его шапку к зубцу стены. Шапка повисла, прибитая к зубцу; тюрбан

обвился вокруг его руки, он пробежал дальше. Еще один боец, конный, проскакал мимо меня, направляясь к той улице, куда убежал Шейх Баязид. Я кольнул его клинком в затылок. Он наклонился, падая, но оперся об уличную стену и не упал. С большим трудом он убежал и спасся.

Отогнав конных и пеших, которые были у ворот, мы захватили ворота. Раздумывать было поздно, так как в арке находилось две-три тысячи вооруженных врагов, а [наших] во внешних укреплениях — сто или двести. К тому же молоко не успело бы еще вскипеть с тех пор, как Джехангир мирзу побили и выгнали; половина моих людей ушла с ним.

Несмотря на это, мы по неопытности остановились у ворот и послали к Джехангир мирзе человека: «Если он близко, пусть едет к нам — пойдем на врагов». Но дело уже зашло слишком далеко. Оттого ли, что конь Ибрахим бека был слаб, или оттого, что он сам был ранен, но он сказал мне: «Мой конь разбит»! У Мухаммед Али Мубашшира был
113*б* нукер по имени Сулейман. || При подобных трудных обстоятельствах, хотя никто его к этому не принуждал, он спешился и отдал своего коня Ибрахим беку. Очень благородное дело совершил!

Когда мы стояли у ворот, Кичик Али, который теперь состоит сборщиком налогов в Коиле, проявил отвагу. В то время он был нукером Султан Мухаммед Вайса. В Оше он тоже два раза хорошо дрался.

Мы задержались у ворот, ожидая, пока воротится человек, который пошел к Мирзе. Вернувшись, этот человек сказал, что Джехангир мирза уже давно ушел, так что стоять не к чему. Мы тоже двинулись; столь долго стоять и так было неразумно. С нами оставалось человек двадцать-тридцать.

Как только мы тронулись, множество людей в латах собрались и двинулись к нам. Когда мы перешли подъемный мост, враги подоспели к городской стороне моста. Банда Али бек, дед по матери Хамза бека, сына Касим бека, кричал Ибрахим беку: «Вы постоянно задираете нос и хвастаетесь! Остановись, схватимся на мечах!» Ибрахим бек ехал рядом со мной. Он ответил: «Подъезжай, что тебе мешает?» Безумный человек! После такого поражения проявлять задор! Неуместный задор! Не время было медлить и задерживаться.

Мы быстро помчались вперед. Люди врага неслись за нами во весь опор, сбивая наших с коней.

В одном шери от Ахси есть местность, называемая Гумбаз-и Чаман. Когда мы проезжали через Гумбаз-и Чаман. Ибрахим бек вдруг стал
114*а* меня звать. Оглянувшись назад, || я увидел, что один из телохранителей Шейх Баязида настиг Ибрахим бека. Я повернул коня. Хан Кули, [сын]

Баян Кули, был подле меня. «Не время теперь поворачивать», — сказал он и, схватив моего коня за узду, потянул его вперед.

Пока мы достигли Санга, большинство наших сбили с коней. Санг находился в двух шери от Ахси. После Санга за нами уже не было видно врагов.

Мы двинулись вверх вдоль реки Санга. К тому времени нас осталось восемь человек. Дуст Насир, Камбар Али, сын Касим бека, Хан Кули, сын Баян Кули, Мирза Кули Кукельташ, Шахим Насир, Абд ал-Каддус, сын Сиди Кара, и Ходжа Хусейни. Восьмой был я.

Вверх, вдоль реки, мы нашли хорошую дорогу. Сухое русло реки находилось далеко от проезжей дороги. Поднявшись уединенной тропой по высохшему руслу и оставив реку на правой руке, мы вошли в другое пересохшее русло. На следующий день ко времени предзакатной молитвы мы вышли из русла реки в степь. В степи виднелось вдалеке что-то черное.

Поставив людей в укрытие, я сам пешком поднялся на какой-то пригорок и стоял на страже, как вдруг на один из холмов позади нас вскачь взлетело несколько конных. Много их или мало, удостовериться не удалось. Мы сели на коней и пустились вперед. Преследователей было, верно, человек двадцать — двадцать пять, а нас — всего восемь, как уже сказано. Если бы мы сразу точно узнали, сколько их, то хорошо бы подрались с ними, но мы думали, что за ними || идут вплотную 114б
другие преследователи. Поэтому мы мчались дальше. Бегущим противникам, будь их и много, нельзя тягаться с немногими преследователями. Ведь говорят:

Побежденному войску достаточно крика «хай!»*.

Хан Кули сказал: «Так нельзя! Они заберут нас всех! Выберите двух хороших коней и скачите быстрей, о-двуконь с Мирза Кули Кукельташем. Может быть вам удастся уйти». Он рассуждал неплохо: раз уже боя не вышло, то таким способом можно было бы спастись, но сгонять кого-нибудь сейчас с коня и оставлять среди врагов мне не хотелось.

В конце концов все враги один за одним отстали. Конь, на котором я ехал, был несколько слаб. Хан Кули, спешившись, отдал мне своего коня; я перескочил на него прямо со своей лошади, а Хан Кули сел на моего коня. Между тем Дуст Насира и Абд Каддуса, сына Сиди Кара, которые остались сзади, сбили с коней. Хан Кули тоже отстал, защищать его и оказывать ему помощь было некогда.

Мы мчались дальше, куда везли сами кони. У кого лошадь не шла, тот отставал. Лошадь Дуст бека тоже обессилела и отстала. Конь, что

был подо мной, также начал слабеть. Камбар Али спешился и отдал мне своего коня. Я сел, а он сел на моего коня и отстал.

Ходжа Хусейни был хромой. Он потащился к холмам. Остались я
115а и Мирза Кули Кукельташ; наши кони уже не могли скакать || и мы трусили рысцой. Конь Мирза Кули тоже начал слабеть. Я сказал: «Если брошу тебя, куда пойду? Едем! Живые или мертвые — будем вместе». Я ехал и то и дело оглядывался на Мирза Кули; наконец, Мирза Кули сказал: «Мой конь выбился из сил, не может идти. Не расстраивайтесь из-за меня, поезжайте, может быть вам удастся уйти».

Я оказался в диковинном положении: Мирза Кули тоже отстал, я остался один. Тут показалось двое врагов: одного звали Баба Сайрами, другого — Банда Али. Они подъехали ко мне ближе; моя лошадь выбилась из сил, до горы оставался еще целый курух. На дороге мне попалась куча камней. Я подумал: «Конь притомился, до горы довольно далеко. Куда пойду? В колчане у меня еще осталось штук двадцать стрел. Сойду с коня и буду стрелять с этой кучи камней, пока хватит стрел». Еще мне пришло на ум, что может быть удастся добраться до горы, а если я доберусь до нее, то засуну за пояс несколько стрел и вскарабкаюсь на гору. Я очень полагался на крепость своих ног.

Задумав такой план, я поехал дальше; у моего коня не оставалось сил бежать быстро; преследователи приблизились на полет стрелы.
115б Жалея стрелы, я не выстрелил, || а враги, остерегаясь, не подходили ближе и шли за мной на прежнем расстоянии.

На закате солнца я подъехал к горе. Вдруг мои преследователи закричали: «А дальше куда вы поедете? Джехангир мирзу взяли в плен и увели, а Насир мирза тоже у них в руках».

От этих слов меня охватило великое беспокойство: ведь если мы все попадем в руки [к Танбалу], то опасность будет очень велика. Я ничего не ответил и продолжал ехать, направляясь к горе. Позади остался еще большой кусок дороги и они снова завели разговор, но на сей раз говорили мягче, чем раньше. Сойдя с коня, они попытались вступить со мной в беседу. Не слушая их слов, я двигался дальше и, достигнув ущелья, двинулся вверх.

Я ехал до вечерней молитвы и, наконец, добрался до скалы, величиною с дом. Я объехал скалу кругом; она была крутая, и конь не мог на нее взойти. А [враги] спешились и заговорили со мной еще мягче, с почтением и уважением повторяя: «Ночь темная, дороги нет, куда вы поедете?» Они клялись и уверяли: «Султан Ахмед бек вознесет вас государем».

Я сказал: «Мое сердце не спокойно и ехать к нему невозможно.
116а Если вы хотите вовремя послужить мне, то другого такого случая || не представится много лет. Выведите меня на дорогу, чтобы я мог от-

нравиться к ханам, и я окажу вам больше милости, внимания и заботы, чем хочет ваше сердце. А если вы не хотите этого сделать, то возвращайтесь по дороге, по которой пришли, и пусть то, что меня ждет, свершится. Это тоже будет хорошая услуга».

Они сказали: «Лучше бы мы не приходили сюда, но раз уже мы пришли, как же мы можем бросить вас и вернуться? Если вы не пойдете с нами, мы должны вам служить, куда бы вы ни пошли».

Я потребовал: «Подтвердите правдивость ваших слов клятвой!» — и они подтвердили, поклявшись на Коране и дав крепкие клятвы. Я сейчас же успокоился и сказал: «Мне указывали близ этого ущелья дорогу в широкую долину. Ведите меня к этой дороге».

Хотя они и дали клятву, но я не был вполне спокоен и велел им ехать впереди, а сам ехал сзади. Пройдя один-два куруха, мы дошли до какого-то сая. Я сказал: «Это не может быть дорога в широкую долину». Они прикинулись удивленными и ответили: «Та дорога — далеко впереди». Однако это и была дорога в широкую долину, но, желая меня обмануть, они скрыли правду.

Мы шли до полуночи и пришли к другой реке; на сей раз они сказали: «Мы не заметили — дорога к широкой долине, видимо, осталась сзади».

«Что же теперь делать?» — спросил я, и они ответили: «Близко впереди дорога в Гаву. По этой дороге поднимаются в Фаркат». 116б

Они повели меня к этой дороге. Мы продолжали путь до третьего паса и пришли к Карнанскому саю, который течет из Гавы. Баба Сайрами сказал: «Вы постойте здесь, а я пойду осмотрю дорогу в Гаву и вернусь».

Через некоторое время он воротился и сказал: «К этой дороге подъехало несколько человек в [могольских] шапках, там не пройти».

Услышав эти слова, я растерялся: утро близко, я посреди дороги, и цель далеко. Я сказал: «Отведите меня куда-нибудь, где можно укрыться днем, а когда придет ночь, мы раздобудем где-нибудь лошадей, перейдем реку Ходженда и пойдем той стороной к Ходженду». Они отвечали: «Вон холм, там можно укрыться».

Банда Али был даругой Карнана. Он молвил: «Нашим коням и нам самим не обойтись без пищи; я пойду в Карнан и привезу, что смогу».

Мы пошли назад и повернули к Карнану. В одном курухе от Карнана мы остановились, Банда Али ушел и долго отсутствовал. Занялась заря, а его все нет. Мы очень волновались. Уже рассвело, когда прискакал Банда Али. Корма коням он не привез, привез три лепешки. Мы сунули за пазуху по лепешке, поспешно повернули назад, поднялись на холм, привязали коней у сухого русла, взошли на пригорок и стали на страже, каждый с одной стороны.

117а Приближался полдень.|| [Вдруг] Ахмед Кушчи с четырьмя всадниками проехал из Гавы в сторону Ахси. Я подумал: «Позовем Ахмеда Кушчи, надаем ему обещаний и посулов и возьмем у него коней. Ведь наши кони целые сутки были в бою и в стычках и даже корма для них не нашли; они совсем выбились из сил». Но на сердце у меня было неспокойно: мы не могли довериться этим людям.

Мы с моими спутниками сговорились так: им следует остаться на ночь в Карнане. Ночью мы осторожно проберемся туда и уведем коней Ахмеда Кушчи и его спутников, чтобы иметь возможность куда-нибудь уйти.

Был полдень, когда на расстоянии взгляда замелькали сверкающие доспехи какого-то всадника. Мы совершенно не догадывались, кто это такой. Это, кажется, был Мухаммед Бакир бек, который находился с нами в Ахси. Когда мы уходили из Ахси, всех нас разбросало, кого куда. Мухаммед Бакир, видимо, попал в эти края и бродил здесь, скрываясь.

Банда Али и Баба Сайрами сказали: «Кони двое суток не ели корма. Спустимся в долину и выпустим коней на траву». Мы сели на коней, спустились в долину и выпустили коней на траву.

Было время предзакатной молитвы, когда какой-то всадник проехал и поднялся на холм, где мы скрывались. Я узнал его: это был правитель Гавы — Кадир Берди. Я сказал: «Позовите Кадир Берди», его позвали, он подъехал. Я поздоровался с ним, спросил, как его дела, сказал [много] милостивых и ласковых слов и надавал ему обещаний и посулов. Я послал его привезти веревку, багор, топор и все, что нужно
117б для переправы через реку, а также корма коням и пищи || для нас, если удастся, и лошадь тоже приказал привести. Мы сговорились, что к ночной молитве он явится на это самое место.

Было время вечерней молитвы, когда какой-то всадник проехал со стороны Карнана к Гаве. Мы спросили: «Кто ты?» — и он что-то ответил. Это, вероятно, был тот самый Мухаммед Бакир бек; из того места, где мы его видели тогда, в полдень, он переезжал в другое, чтобы там спрятаться. Он так изменил свой голос, что я совершенно его не узнал, хотя он пробыл при мне несколько лет. Если бы мы его узнали и он бы присоединился к нам, было бы хорошо.

Появление этого человека очень нас встревожило. Теперь мы не могли ждать до срока, о котором условились с Кадир Берди, [правителем] Гавы.

Банда Али сказал: «В пригородах Карнана есть уединенные сады, ни один человек не заподозрит, что мы там. Поедем туда и пошлем за Кадир Берди человека — пусть приезжает к нам».

С таким намерением я сел на коня и приехал в пригороды Карнана.

Стояла зима, было очень холодно. Нашли и принесли старый меховой тулуп, я надел его. Потом принесли чашку просяной каши, я поел и удивительно хорошо подкрепился.

Я спросил Банда Али: «Человека за Кадир Берди послали?». Он ответил: «Послал», но на самом деле эти несчастные деревенские людишки, сговорившись, послали человека в Ахси, к Танбалу!

Зайдя в какое-то крытое помещение, мы развели огонь, и глаза мои ненадолго смежились. Эти людишки, лукавствуя, говорили мне: «Пока не получим известий от Кадир Берди, трогаться отсюда нельзя. Это место находится среди пригородов. На окраине их есть пустые сады; || 118*а*
если мы пойдем туда, никто об этом не догадается».

В полночь я сел на коня и отправился в сад на окраине. Баба Сайрами [караулил и] смотрел со стены то туда, то сюда. Около полудня он спустился со стены, пришел ко мне и сказал: «Едет Юсуф даруга». Я очень встревожился и сказал: «Проведай, знает ли он про меня». Баба Сайрами вышел, поговорил с [Юсуфом] и, вернувшись, сказал: «Юсуф даруга говорит: «У ворот Ахси мне встретился один пеший и сказал: «Государь в Карнане, в таком-то месте». Ничего никому не говоря, я запер этого человека в одном помещении вместе с Вали казначеем, который попался нам в плен во время боя, а сам прискакал к вам. Беки ничего не знают об этом».

Я спросил Баба Сайрами: «Что ты об этом думаешь?», он сказал: «Все эти люди — ваши нукеры. Что они могут сделать? Вам надо идти [с ними]. Они объявят вас государем».

Я ответил: «Раз между нами были такие раздоры и стычки, как я могу на них положиться и пойти?».

Когда мы разговаривали, вдруг [появился] Юсуф, встал передо мной на колени и сказал: «Чего мне скрывать! Султан Ахмед бек ничего не знает, но Шейх Баязид бек, проведав о вас, послал меня сюда».

Когда Юсуф сказал мне это, я впал в ужасное [отчаяние]: в мире нет ничего хуже страха за жизнь. Я сказал:

«Говори правду! Если дело должно обернуться еще хуже, я совершу [предсмертное] омовение!».

Юсуф принялся клясться [и отрицать], но кто же поверит его клятвам? || Я почувствовал в себе слабость, поднялся и пошел в уголок сада. 118*б*
Я подумал про себя и сказал: «Пусть человек проживет сто или даже тысячу лет, в конце-концов все-таки нужно умереть».

Проживешь ты сто лет или один день,*
Все равно придется уйти из этих чертогов, радующих сердце.

Я обрек себя на смерть. В этом саду протекал ручей. Я совершил омовение, прочитал молитву в два рак'ата, потом опустил голову для

немой молитвы и стал молиться. Тут сон смежил мне глаза, и увидел я, что Ходжа Якуб, сын Ходжи Яхьи и внук досточтимого Ходжи Убайд Аллаха, приехал и стоит напротив меня на пегом коне, с большой толпой всадников на пегих конях. Он сказал: «Не горюйте! Ходжа Ахрар послал меня к вам». Он сказал: «Мы просили у Аллаха для него помощи и возвели его на престол царствования. Если ему где-нибудь выпадет трудное дело, пусть [мысленно] приведет нас пред свой взор и помянет нас и мы явимся туда». Теперь, в этот час, победа и одоление на вашей стороне. Поднимите же голову, пробудитесь!».

Я тотчас же проснулся, радостный, как раз, когда Юсуф даруга и его товарищи советовались между собой и говорили: «Нужно придумать какой-нибудь предлог и хитростью схватить и связать его».

Услышав эти слова, я сказал: «Вот вы как рассуждаете! А ну-ка, посмотрим, кто из вас осмелится подойти ко мне!».

Я еще не кончил говорить, как из-за стены сада вдруг донесся то-
119*а* пот множества приближающихся коней. || Юсуф даруга сказал: «Если бы мы взяли вас и пошли к Танбалу, наше дело двинулось бы вперед. А теперь он послал еще множество людей, чтобы схватить вас». Он был убежден, что этот шум есть топот коней всадников, посланных Танбалом.

Услышав его слова, я еще больше взволновался и не знал, что мне делать. В эту минуту всадники, не теряя времени на поиски ворот сада, проломили в одном месте обветшавшую стену и проникли в сад. Я посмотрел и вижу — это явились Кутлук Мухаммед Барлас и Баба-и Паргари — мои преданные нукеры и с ними еще десять, пятнадцать или двадцать человек.

Приблизившись, они кинулись с коней на землю, еще издали преклонили колени и, поклонившись, бросились к моим ногам. Тут меня охватило такое ощущение, словно господь снова дал мне жизнь. Я сказал: «Схватите этого Юсуфа даругу и его ничтожных наемников и свяжите их».

Эти никудышные люди пустились бежать, но одного из них где-то схватили, связали и привели. Я спросил: «Откуда вы едете? Как вы узнали?» Кутлук Мухаммед Барлас сказал: «Когда мы бежали из Ахси и расстались с вами, я пришел в Андиджан. Ханы тоже еще раньше прибыли в Андиджан. Я увидел во сне, будто Ходжа Убайд Аллах го-
119*б* ворит мне: «Бабур падишах находится в деревне Карнан. || Пойдите туда, возьмите его и приведите, так как ему принадлежит престол царства».

Увидев такой сон, я обрадовался и доложил о нем Старшему хану и Младшему хану. Я сказал ханам: «У меня есть пять или шесть брать-

ев и сыновей. Дайте мне еще несколько йигитов, я отправлюсь к Карнану и все разведаю».

Ханы ответили: «Нам тоже думается, что он, наверное, пошел по той дороге». Они отрядили со мной десять человек и сказали: «Поезжай в ту сторону, проверь и разведай все хорошенько. Во всяком случае вы наверное добудете сведения». Когда мы об этом разговаривали, Баба-и Паргари сказал: «Я тоже поеду, поищу его», и он также сговорился с двумя своими братьями-йигитами, и мы поехали. Сегодня три дня, как мы в дороге. Слава Аллаху, мы вас нашли!».

Рассказав все это, они сказали: «Идите! Уезжайте! Этих связанных тоже увезите: оставаться здесь нехорошо. Танбал получил сведения, что вы прибыли сюда. Поезжайте и любым способом соединитесь с ханами».

Мы тотчас же сели на коней и поехали в сторону Андиджана. Уже два дня я не ел никакой пищи. Было время полуденной молитвы, когда мы нашли барана и, остановившись где-то, сели и приготовили шашлык. Я наелся шашлыка досыта. После этого мы сели на коней и, быстро пройдя в двое суток пятидневный путь, вступили в Андиджан. Я поклонился моему дяде, Старшему хану, и моему дяде, Младшему хану, и все рассказал им о минувших событиях.

Я провел с ханами четыре месяца. || Мои нукеры, которые разбре- 120*а*
лись кто-куда, теперь съехались: их было больше трехсот человек. Я подумал: «Доколе я буду скитаться и бродить по этой ферганской земле? Попытаю счастья в другом краю».

КАБУЛ

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ДЕСЯТОГО

В месяце мухарраме я выступил из ферганской земли, направляясь в Хорасан, прибыл на летовку Илак—одну из летовок в области Хисара—и остановился там.

На этой стоянке, в начале двадцать третьего года моей жизни я впервые приложил к лицу бритву. Моих людей, знатных и простых, которые с надеждой следовали за мной, было больше двухсот и меньше трехсот, в большинстве они были пешие с дубинами в руках, грубыми башмаками на ногах и чапанами на плечах. Нужда дошла до того, что у нас было всего две палатки. Мой шатер ставили для моей родительницы, а для меня на стоянке строили шалаш, и я жил в шалаше. Хотя я намеревался идти в Хорасан, но, будучи в таком положении, надеялся на [богатство] хисарской земли и на нукеров Хусрау шаха. Каждые не-

сколько дней ко мне приходил кто-нибудь и говорил об этой земле, народе и людях слова, возбуждающие надежду.

В это время вернулся Мулла Баба-и Пашагири, отправленный послом к Хусрау шаху. Он не привез от Хусрау шаха никаких вестей, мо-
120*а* гущих успокоить сердце, но привез сведения о народе и людях [Хисара].|| Из Илака мы в три-четыре перехода достигли местности Ходжа-Хаммад, в окрестностях Хисара, и остановились. На этой стоянке Мухибб Али курчи пришел послом от Хусрау шаха. Хусрау шах славился щедростью и великодушием; нам два раза случалось проходить через его владения, но он не проявил к нам приязни, которую проявлял к самым ничтожным людям. Так как я надеялся на этих людей и на [блага] их земли, то [подолгу] задерживался на каждой стоянке. Ширим Тагай, знатнее которого у нас в то время никого не было, не имел мужества идти в Хорасан и думал от нас отделиться. Когда после поражения у Сар-и Пула мы вернулись [в Самарканд], он услал оттуда своих домочадцев, а сам остался налегке, запершись в крепости. Трусоватый это был человек, он неоднократно совершал подобные поступки.

После нашего прихода в Кабадиан младший брат Хусрау шаха, Баки Чаганиани, которому принадлежали Чаганиан, Шахр-и Сафа и Термез, прислал ко мне Хатиб-и Карши, выражая доброжелательство и намерение присоединиться к нам, и когда я перешел реку Аму у переправы Увадж, он явился и вступил ко мне в услужение. По просьбе Баки мы встали напротив Термеза. Баки переправил всех своих домочадцев до последнего через Аму и присоединился к нам. Оттуда мы двинулись к Кахмерду и Бамиану; в то время эти места принадлежали сыну Баки, Ахмед Касиму, племяннику Хусрау шаха. Мы намеревались оставить домочадцев Баки Чаганиани в неприступной крепости Аджар
121*б* в области Кахмерда || и затем, если представится удобный случай, действовать соответственно [возможностям].

Когда мы пришли в Айбак, Яр Али Билал, который раньше был со мной и хорошо рубил саблей, но во время неурядиц покинул меня и находился при Хусрау шахе, бежал ко мне от Хусрау шаха с несколькими йигитами и передал от моголов Хусрау шаха приязненные слова. По приходе нашем в Дара-и Зиндан к нам бежал Камбар Али бек — его называли также Саллах. Сделав три-четыре перехода, мы пришли в Кахмерд и оставили своих домочадцев в крепости Аджар.

Пока мы были в Аджаре, дочь Султан Махмуд мирзы от Ханзаде биким, которую уже раньше, при жизни мирзы, просватали за Джехангир мирзу, была выдана за Мирзу замуж.

В то время Баки бек часто и многократно говорил: «Два государя в одной стране и два полководца в одном войске — причина раздора и беспорядка и источник смут и расстройств. Ведь сказано:

Десять дервишей [мирно] спят на одном ковре*,
Два государя не уместятся в одном климате.
Когда ест божий человек половину лепешки*,
То другую половину он отдает дервишам.
Если царь захватит один климат*,
То хочется ему захватить и другой климат.

Есть надежда, что не сегодня-завтра все нукеры и слуги Хусрау шаха явятся сюда и станут рабски служить государю. Среди них немало смутьянов, вроде сыновей Айуба || и некоторых других, что всегда 121*б* были виновниками и подстрекателями вражды и смут между нашими мирзами. Теперь, в настоящее время, следует по-доброму и по-хорошему отпустить Джехангир мирзу в Хорасан, чтобы он завтра не стал причиной сожаления и раскаяния».

Мне не по нраву было, чтобы мои старшие и младшие братья и родичи, хоть они и учинили со мной кое-какие неучтивости, питали ко мне неприязнь. Хотя у меня с Джахангир мирзой раньше часто возникали препирательства и раздоры из-за владений и нукеров, но на сей раз он пришел со мной из родной страны и проявлял братские чувства и готовность мне служить; за это время он не сделал ничего такого, что было бы причиной неудовольствия. Поэтому, сколько ни повторял Баки бек свои доводы, я не соглашался.

В конце концов, как и говорил Баки бек, эти смутьяны, то есть Юсуф, сын Айуба, и Бахлул, сын Айуба, убежали от меня к Джехангир мирзе. Встав на путь зла и смут, они разлучили со мной Джехангир мирзу и увели его в Хорасан.

В это время от Султан Хусейн мирзы пришли к Бади' аз-Заман мирзе, ко мне, к Хусрау шаху и к Зу-н-Нуну длинные,|| пространные 122*а* грамоты одинакового содержания. Эти грамоты до сих пор при мне. Содержание их таково. «Когда Султан Ахмед мирза, Султан Махмуд мирза, Улуг бек мирза и их братья, сговорившись, пошли на меня, я укрепился на берегу Мургаба. Мирзы, подойдя близко, ничего не могли сделать и отступили. Теперь, если узбек пойдет на меня, я тоже укреплюсь на берегу Мургаба. Бади'аз-Заман мирза пусть оставит в крепостях Балха, Шапургана и Андхуда сильных людей, а сам укрепляет Карзуван, Дара-и Занг и всю эту горную страну».

Султан Хусейн имел сведения о том, что я тоже пришел в те места, и писал мне: «А ты укрепи Кахмерд, Аджар и всю горную местность. Хусрау шах пусть оставит в крепостях Хисара и Кундуза верных людей и укрепляется со своим братом Вали в горах Бадахшана и Хутталана. Узбек ничего не сможет сделать и должен будет отступить».

Эти письма Султан Хусейна стали для меня причиной отчаяния, так как в государстве Тимур бека не было в то время владыки больше Сул-

тан Хусейна и не было ему равного по возрасту, по обширности владений и количеству войск. Я ожидал, что гонцы и нарочные будут усердно и поспешно следовать друг за другом и привезут такие приказания:
122*б* «На переправах у Термеза, Келифа и Керки || постройте столько-то барж и приготовьте такое-то количество бревен для моста; сторожите хорошенько верхние переправы у Токуз-Улума». Тогда бы сердца людей, которые столько лет страдали из-за узбекской смуты, ободрились и исполнились бы надежды. Но если столь великий государь, как Султан Хусейн мирза, восседающий на престоле Тимур бека, не говоря о походе на врага, велит укрепляться — какая может быть у людей надежда?

Оставив в Аджаре всех пришедших со мной голодных родичей, а также семьи и скот воинов Баки Чаганиани и его сына Мухаммед Касима с соплеменниками, мы повели наше войско и выступили в поход. От моголов Хусрау шаха непрерывно перебегали люди и говорили: «Мы, моголы, которые находились в Талекане и искали благосклонности славного государя, вышли и потянулись к Ишкамышу и Фулулу. Пусть государь, приложив усилия, поспешит и приходит поскорей: большинство людей Хусрау шаха в разброде и они должны явиться на службу к государю».

В это время пришли сведения, что Шейбани хан взял Андиджан и что его войско идет на Хисар и Кундуз. Услышав вести об этом,
123*а* Хусрау шах, не смея оставаться в Кундузе, вывел оттуда || бывших с ним людей и направился в Кабул. Едва лишь Хусрау шах вышел из Кундуза, как некий Мулла Мухаммед Туркестани, добрый, надежный, старинный слуга Шейбани хана, заперся там, чтобы сдать [город] Шейбани хану.

Когда мы проходили через Шамту и Кизил-Су, три-четыре тысячи моголов, подчиненных Хусрау шаху и находившихся в Кундузе, пришли со своими домочадцами и присоединились ко мне. Камбар Али могол, упоминание о котором неоднократно встречалось раньше, был великий пустослов; его повадки не нравились Баки беку. В угоду Баки беку я дал ему разрешение удалиться. Сын Камбар Али, Абд аш-Шакур, с того времени стал приближенным Джехангир мирзы.

Хусрау шах, услышав, что [его] моголы присоединились к нам, очень ослаб духом. Не сумев найти никакого другого средства, он прислал ко мне послом своего зятя Якуба, сына Айуба, выразил доброе расположение и желание мне служить и попросил: «Если вы заключите со мной условие, я приду вам служить». Так как Баки Чаганиани был человек влиятельный и при всем доброжелательстве ко мне не забывал о пользе своего старшего брата, то он стоял за соглашение. Мы заклю-

чили такой договор: жизнь [Хусрау шаха] будет пощажена; в отношении скота, сколько бы он ни отобрал, стеснения тоже не будет.

Отпустив Якуба, мы двинулись вниз по Кизил-Су и остановились близ того места, где эта река сливается с рекой Андар-Аба. || На следующий день, в середине месяца раби' первого, я налегке переправился через реку Андар-Аба в окрестностях Души и расположился под развесистым чинаром. С другой стороны прибыл Хусрау шах в сопровождении множества нарядно и пышно одетых людей. Согласно обряду и уставу, он еще вдалеке спешился и подошел ко мне. Здороваясь, Хусрау шах преклонил колени три раза, отходя назад — тоже три раза; осведомляясь о здоровье и поднося подарки, он опять встал на колени один раз. Перед Джехангир мирзой и Мирза ханом он тоже преклонил колени. 123*б*

Таким образом, этот старый, толстый человечишко, который столько лет делал, что хотел, и из всех отличий царской власти только хутбы не читал от своего имени, двадцать пять-двадцать шесть раз подряд преклонял колени и ходил передо мной туда и назад. Он так устал, что едва не упал совсем. Несколько лет бекства и султанства совершенно слетели у него с носа.

После приветствий и поднесения подарков я приказал Хусрау шаху сесть. Мы просидели один или два гари, разговаривая и беседуя о том, о сем. При своей трусости и неблагодарности Хусрау шах был к тому же пустой и бестолковый болтун. В такое время, когда его верные и уважаемые нукеры у него на глазах отряд за отрядом приходили и становились моими нукерами, когда его дела до того расстроились, что этот человечишко, державший себя раньше, как государь, явился ко мне в таком унижении, против воли и таким образом выражал мне почтение, || он высказал два диковинных суждения. Первое: когда я утешал его по поводу ухода его нукеров, он сказал: «Эти нукеры уже четыре раза уходили от меня таким образом и опять приходили». 124*а*

Во-вторых: я спросил про его младшего брата Вали — когда он явится и в каком месте перейдет через Аму-Дарью, и Хусрау шах сказал: «Если найдется переправа, он должен явиться скоро, но когда вода прибывает, места переправ меняются. Есть пословица: «Вода унесла эту переправу». Бог вложил ему в уста такие слова, когда его власть и его нукеры уходили от него.

Один или два гари спустя я сел на коня и отправился в лагерь, Хусрау шах тоже уехал к месту своей стоянки. С этого дня беки и нукеры Хусрау шаха, большие и малые, знатные и худородные, покидая его, начали, отряд за отрядом, переходить ко мне со своими семьями и скотом. На следующий день к полуденной или к предзакатной молитве при нем не осталось ни одного человека. «Скажи; о боже мой, о власти-

тель власти, ты даешь власть, кому хочешь, и отнимаешь власть у кого хочешь; ты возвышаешь, кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь, в руке твоей благо, и во всякой вещи ты властен».

Дивен творец! Человек был повелителем двадцати или тридцати тысяч нукеров, и все земли, принадлежавшие Султану Махмуд мирзе, от Кахлуга — это место называют также Дарбанд-и Аханин — до гор
124*б* Хиндукуша были ему подвластны, || а один из его сборщиков по имени Хасан Барлас, старый человечишко, грубо, как и подобает сборщику налогов, гонял нас с места на место от Илака до Уваджа. И вот в какие-нибудь полтора дня, без боя, без сопротивления, бог сделал этого властителя столь униженным, бессильным и слабым перед таким бедным и беспомощным человеком, как я с моими двумя с половиной сотнями людей, что не осталось у него власти ни над нукерами, ни над имуществом, ни над собственной жизнью.

В тот вечер, когда я возвратился, повидав Хусрау шаха, ко мне пришел Мирза хан и потребовал мести за кровь своих братьев. Некоторые из наших людей тоже стояли за это. И действительно, по закону и обычаю следовало, чтобы такие люди понесли наказание, но так как мы дали обязательство, то вышел приказ, чтобы Хусрау шах увез с собой все, что он может увезти. Нагрузив три-четыре каравана мулов и верблюдов дорогими камнями, золотом, серебром и драгоценностями, он увез все это. Мы отправили с ним Ширим Тагая, чтобы тот проводил Хусрау шаха через Гури и Дехане в Хорасан, а сам пошел в Кахмерд и привел моих домочадцев за нами следом в Кабул.

Снявшись с этой стоянки и направляясь в Кабул, мы пришли в Ходжа-Зейд и остановились там. В этот день добытчики Узбека под начальством Хамза бий мангита совершили набег на окрестности Души.
125*а* Туда были посланы Сейид Касим ишик-ага и Ахмед Касим Кухбур || с несколькими йигитами. Они поехали, здорово поколотили добытчиков, отрезали и привезли несколько голов.

На этой стоянке поделили кольчуги, находившиеся на оружейном складе Хусрау шаха. Там оказалось семьсот или восемьсот кольчуг, лат и конских доспехов — часть тех вещей, которые остались после Хусрау шаха. Кроме того, нам досталось много фарфора; больше там не было ничего, заслуживающего внимания.

Сделав четыре-пять переходов от Ходжа-Зейда, мы пришли в Гур-Банд. Когда мы остановились в Уштур-Шахаре, то узнали, что Ширак Аргун, полновластный бек Мукима, ничего не ведая о нас, собрал войско и стоит на берегах реки Баран. Он намеревался помешать всякому, кто придет через Панджхир, пройти к Абд ар-Раззак мирзе, который в то время бежал из Кабула и находился среди афганцев Таркалани, в окрестностях Ламгана.

Узнав об этом, мы в часы между двумя молитвами снялись с лагеря и, пройдя всю ночь, на заре перешли перевал Хупиан. Я еще никогда, ни разу не видел звезды Сухейла; когда мы поднялись на гору, низко на южной стороне неба виднелась яркая звезда. Я спросил: «Не Сухейл ли это?» — мне ответили: «Сухейл». Баки Чаганиани прочитал такой стих:

Ты — Сухейл, докуда доходит твой свет, и где ты восходишь?*
Когда падает на кого-нибудь твое око, это признак счастья.

Солнце поднялось на высоту копья, когда мы пришли в долину Санджид и остановились. Наши караульные йигиты, выехавшие вперед, || и еще несколько йигитов встретились с Шираком под Карабагом 125*б*
в окрестностях Эгри-Яра и тотчас же схватились врукопашную. Ведя легкий бой, пуская стрелы, они быстро двигались вперед. Ширака и еще семьдесят-восемьдесят или сто добрых йигитов сбили с коней и привели ко мне. Я подарил Шираку его кровь и он стал моим слугой.

Когда Хусрау шах, не заботясь о своих людях, вышел из Кундуза, направляясь в Кабул, подвластные ему племена разделились на пять или шесть отрядов. Один отряд составляли бадахшанцы [под начальством] Сидим Али дарбана из племени Руста Хазара, который, перевалив через Панджхир, вступил к нам в услужение на этой стоянке. Другой отряд—люди Юсуфа, сына Айуба, и Бахлула, сына Айуба, [тоже] пришли служить нам на этой стоянке. Еще один отряд, из Хутталана, состоял под началом Вали, младшего брата Хусрау шаха. Четвертый отряд составляли аймаки, обитавшие в области Йиланчак, Никудари, Кашкал и Кундуз; оба последние отряда пришли через Андар-Аб и намеревались перевалить Панджхир. Аймаки оказались в Сар-Абе раньше; за ними пришел Вали. Аймаки заступили Вали дорогу, сразились с ним и победили его. Сам он бежал к узбекам; Шейбани хан приказал отрубить ему голову на Самаркандском базаре. Бывшие при нем нукеры и прислужники, ограбленные и обобранные, на той же стоянке, пришли служить мне вместе с аймаками. Сейид Юсуф бек Оглакчи || тоже пришел с ними. 126*а*

Снявшись с этой стоянки, мы стали лагерем на поляне Ак-Сарай, возле Карабага. Люди Хусрау шаха — это народ, привыкший насильничать и самовольничать. Они стали обижать жителей [тех мест]. Наконец, один из храбрых нукеров Сидим Али дарбана утащил у кого-то кувшин масла, и я приказал привести его ко входу в мою палатку и побить палками. Под палками он испустил дух. После такой острастки люди совсем присмирели.

Находясь на этой стоянке, мы держали совет: идти нам на Кабул тотчас же или не идти. Мнение Сейид Юсуфа и еще некоторых было

таково: зима близко, сейчас следует идти в Ламган, а дальше, если представится случай, действовать соответственно.

[Однако] Баки Чаганиани и еще кое-кто решили идти на Кабул. Мы снялись с места и, придя в Аба-Курук, остановились там. На этой стоянке моя матушка Ханум и родичи, оставшиеся в Кахмерде, пришли и соединились с нами, пережив большие опасности.

Подробности этого таковы. Я послал Ширим Тагая с Хусрау шахом, чтобы он проводил Хусрау шаха до Хорасана, а потом пошел и привел моих родичей. Прибыв в Дехане, Ширим Тагай потерял над собой волю, и Хусрау шах с Ширимом пошли в Кахмерд. Сын сестры
126б Хусрау шаха, Ахмед-и Касим, находился в Кахмерде. Хусрау шах || подговорил Ахмед-и Касима и они стали обижать моих родственников. В Кахмерде было много моголов—нукеров Баки Чаганиани с домочадцами. Они втайне сговорились с Ширим Тагаем и решили схватить Хусрау шаха и Ахмед-и Касима. Хусрау шах с Ахмед-и Касимом бежали через ущелье Аджар в Хорасан. Причиной такой приязни [ко мне] моголов, видимо, было желание отойти от Хусрау шаха и Ахмед-и Касима. Люди, находившиеся при моих родичах, избавившись от заботы о Хусрау шахе, вышли из Аджара. Когда они пришли в Кахмерд, люди из племени Асиканчи, подняв мятеж, заступили дорогу и ограбили большинство моих домочадцев и людей, подвластных Баки беку. Сын Кул Баязида, Тизак, был тогда малолетний, он попал в плен и три или четыре года спустя пришел в Кабул.

Наши домочадцы, ограбленные и обобранные, пройдя той же дорогой через Кипчак, что и мы, прибыли в Аба-Курук и присоединились к нам.

Выступив оттуда и сделав один привал, мы посоветовались на поляне Чалак и решили начать осаду. Снявшись с лагеря, я сам и бывшие со мной люди из центрального отряда оставались между садом Хайдара Таки и усыпальницей Кул-Баязида бакаула. Джехангир мирза с людьми правого крыла стал в нашем большом саду, Насир мирза и
127а люди левого крыла стали на луговине за могилой Кутлук-Кадама. ||

Наши люди постоянно ходили к Мукиму и вели с ним переговоры. Иногда Муким выставлял оговорки, иногда говорил неопределенно. Это происходило в большой степени оттого, что, когда мы захватили Ширака, Муким тотчас же послал гонцов к его отцу и старшему брату. Надеясь на отца и брата Ширака, Муким и затягивал дело.

Однажды вышел приказ людям главного отряда, правого крыла и левого крыла облачиться в кольчуги, надеть на коней броню и подойти поближе [к городу], чтобы и оружие свое показать и жителей города устрашить. Джехангир мирза [во главе] правого крыла двинулся прямо вперед, улицами и садами. Так как перед центральным отря-

дом была река, то я подошел с людьми, стоявшими в центре, со стороны могилы Кутлук-Кадама и поднялся на пригорок перед холмом. Передовые [отряды] врага начали собираться у моста Кутлук-Кадама — в то время этого моста еще не было. Йигиты из озорства проскакали до самых Ворот кожевников. Малочисленные отряды врага, не ожидая битвы, бежали в крепость. Многие жители Кабула вышли на высокую насыпь арка, чтобы посмотреть на бой. Поднимая на берегу густую пыль, враги спустились с насыпи вниз. На высоком холме между мостом и воротами, посреди дороги, выкопали много глубоких ям || и при- 127*б*
крыли их хворостом. Султан Кули Чанак и некоторые йигиты, тесня друг друга, падали на всем скаку. На правом крыле два-три йигита несколько раз дрались на саблях с врагами, выезжавшими из садов и с улиц. Так как приказа начинать бой не было, то они с тем и воротились.

Жители крепости очень растерялись. Муким через беков выразил желание прийти, чтобы мне служить и сдать Кабул. При посредстве Баки Чаганиани он пришел и вступил ко мне в услужение. Мы обошлись с ним милостиво и ласково, и устранили из его души беспокойство и страх. Было решено, что на следующий день Муким со всеми своими нукерами, слугами, имуществом и пожитками выйдет из крепости и сдаст ее нам.

[Моголы], подвластные Хусрау шаху, были люди, привыкшие своевольничать и грабить. Чтобы [благополучно] вывести из крепости домочадцев Мукима, я поручил это дело Джехангир мирзе и Насир мирзе, а также знатным бекам и приближенным, которые должны были вывести из Кабула самого Мукима и зависящих от Мукима людей с имуществом и пожитками. Стоянку ему мы назначили в местности Тепа.

Утром мирзы и беки отправились к воротам и увидели, что народ сильно бунтует и шумит. Они послали человека сказать мне: «Пока вы не придете, никто не сможет сдержать этих людей». В конце концов я поехал сам и приказал трех или четырех [бунтовщиков] застрелить, а одного или двух || разрубить на куски. Шум утих. Муким и его люди, 128*а*
здравые и невредимые, вышли и водворились в Тепа. В конце месяца раби' первого Аллах великий по своей милости и великодушию без боя и сражения подчинил и отдал мне царство и область Кабула и Газни.

Область Кабула относится к четвертому климату, она находится посредине обитаемой земли. На восток от нее [лежат] Ламганат, Пуршавар, Хаштнагар и некоторые области Хиндустана. К западу находится горная страна, в которую входит Карнуд и Гур; теперь в этих горах обитают и ютятся племена Хазаре и Никудери.

К северу [от Кабула] лежат области Кундуза и Андар-Аба, отделенные от него горами Хиндукуша, к югу — Фармул, Нагз, Банну и Афганистан.

[Область Кабула] — небольшая область; очертания ее продолговатые, вытянутые в длину с востока на запад. По краям и границам ее везде горы; крепость Кабула примыкает к горам. Так как на вершине горы над крепостью [один из] шахов Кабула возвел постройку, то гору называют Шах-и Кабул. Эта гора начинается от ущелья Даварин и кончается у ущелья Дех-и Якуб; окружность ее равна двум шери. Склоны этой горы сплошь покрыты садами. Во времена царствования моего дяди, Улуг бек мирзы, Ваис Атака, дядька Мирзы, провел на горе арык; все сады на склонах горы орошаются этим арыком. В конце канала находится местность, называемая Кул-Гина. Это уединенный уго-
128б лок, великие творились там беспутства! Иногда шутки ради || мы повторяли там, слегка изменив его, такой стих Ходжа Хафиза:

Хорошее было время, когда мы несколько дней, без головы и без ног,*
Жили в Кул-Гина, среди распутников!

К югу от крепости и к востоку от Шах-и Кабула находится большое озеро; окружность его около одного шери. От горы Шах-и Кабул в сторону Кабула текут три небольших ручья; два из них находятся в окрестностях Кул-Гина. Возле одного ручья стоит мазар Ходжи-Шаму, возле другого находится кадамгах Ходжи-Хизра; в этих местах гуляют жители Кабула. Еще один ручей протекает напротив мазара Ходжи Абд ас-Самада, его называют Ходжа-и Рушнаи.

От горы Шах-и Кабул отходит выступ, называемый Укабейн. Кроме Укабейна там есть еще один небольшой отрог. Арк кабульской крепости стоит на этой горе, большое укрепление возвышается к северу от арка. Арк стоит на удивительно высоком месте с хорошим воздухом; он возвышается над упомянутым озером и тремя полянами, носящими название: Сиях-Санг, Сунак-Курган и Чалак, все они простираются у подножия арка. Эти поляны, когда они зеленые, выглядят очень красиво. Летом в Кабуле нередко дует северный ветер, его называют «ветром из Парвана». К северу от арка есть дома с окнами, там очень хороший воздух.

Мулла Мухаммед Талиб Муаммаи сочинил такой стих в похвалу
129а кабульскому арку, || посвятив его Бади' аз-Заман мирзе:

Пей вино в арке Кабула — пускай чаши вокруг, одну за другой.*
Ибо там и гора, и река, и город, и степь.

Хиндустанец то, что вне Хиндустана, называет Хорасаном, так же как арабы [всё], что вне Аравии, называют Аджам. На пути между Хиндустаном и Хорасаном стоят два торговых города: один — Кабул, другой — Кандахар. Караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда,

Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана приходят в Кабул; караваны из Хорасана приходят в Кандахар. Кабульская область лежит посредине между Хиндустаном и Хорасаном; это очень хороший торговый рынок. Если бы купцы пошли в Хитай или в Рум, то наторговали бы столько же. Каждый год в Кабул пригоняют семь, восемь или десять тысяч коней; из нижнего Хиндустана приводят караваны десять, пятнадцать или двадцать тысяч купцов. Из Хиндустана доставляют рабов, белые ткани, сахар, сахарный песок и лекарственные зелья. Многие купцы не довольствуются при торговле прибылью в тридцать на десять или сорок на десять.

В Кабуле можно найти товары из Хорасана, Ирака, Рума и Чина; это как бы торговая гавань Хиндустана.

Жаркая и холодная полосы области Кабула [расположены] близко друг от друга. Из Кабула можно за один день пройти в такое место, где никогда не идет снег; за два звездных часа дойдешь до такого места, где снега никогда не становится меньше, хотя иногда бывает и такое лето, что || снега [и там] не остается. Плодов из жаркой и из хо- 129*б*
лодной полосы в местах, прилегающих к Кабулу, множество. Из плодов холодной полосы в Кабуле и ближних селениях бывает много винограда, гранатов, урюка, яблок, айвы, груш, персиков, слив, грудной ягоды, миндаля, орехов. Я приказал привезти туда и посадить вишневые саженцы; выросла хорошая вишня: деревья и теперь еще разрастаются.

Плоды жаркой полосы — это, например, апельсины, померанцы, амлук и сахарный тростник, которые привозят из Ламгана; я приказал доставить сахарный тростник в Кабул и посеять. Кедровые орехи привозят из Ниджрау. С гор, окружающих Кабул, идет много меду, и там есть пасеки, с гор, окружающих Газни, меда не доставляют. Кабульский ревень хорош, айва и сливы там тоже прекрасные, огурцы — отличные.

Есть там особый сорт винограда, аб-и ангур называется; очень хороший виноград, из него делают пьяные вина. Вино со склонов горы Ходжа-Хавенд-Са'ид славится крепостью; впрочем, теперь я его хвалю только следуя мнению других.

Сладость вина знает только пьяный;*
Какая радость от него трезвому?

Злаки в Кабуле нехороши, но если семена хорасанские, то, в общем, они всходят недурно. Воздух там очень приятный, такого хорошего воздуха, как в Кабуле, сколько известно, нет больше нигде в мире. Летом по ночам нельзя ложиться без шубы; зимою, хотя снега падает очень много, чрезмерных холодов не бывает. Самарканд и Тебриз тоже славятся хорошим воздухом, || но там бывает уже слишком холодно. 130*а*

В окрестностях Кабула находится четыре хорошие поляны. В северо-восточной стороне лежит поляна Сунак-Курган, от Кабула до нее будет два куруха, хорошая это поляна. Трава ее полезна коням, комаров там немного.

К северо-западу лежит поляна Чалак, в одном курухе от Кабула. Это большая поляна, летом комары сильно беспокоят там коней.

К западу находится поляна Дарарин и еще две — Тепа и Куш-Надир; если считать так, то выходит всего пять полян. Каждая из них отстоит от Кабула на один шери; это небольшие поляны, но трава их очень полезна коням, комаров там нет. Среди кабульских полян нет таких, как эти две поляны.

К востоку [от Кабула] лежит поляна Сиях-Санг; между Воротами кожевников и этой поляной находится могила Кутлук-Кадам. Так как летом там много комаров, то эту поляну редко огораживают. К луговине Сиях-Санг прилегает еще поляна Суст-Камари; по такому счету вокруг Кабула будет шесть полян, но [особенно] известны четыре поляны.

Область Кабула — неприступная область; врагу проникнуть в нее трудно. Между Балхом, Кундузом и Бадахшаном, с одной стороны, и Кабулом — с другой, лежат горы Хиндукуша; с этих гор ведут семь дорог. Три дороги проходят через Панджхир; выше всех лежит перевал
130*б* Хавак, ниже — Тул, еще ниже—Базарак. Из этих трех перевалов || самый удобный Тул, но дорога через него немного длиннее; вероятно, по этой причине его и называют Тул.

Самый прямой путь — через Базарак; Тул и Базарак ведут вниз, в Сар-Аб. Жители Сар-Аба называют перевал Базарак Паранди, так как этот перевал ведет к деревне Паранди. Есть еще дорога через Парван. Так как между большим перевалом и Парваном имеется еще семь перевалов, то их называют Хафт-Бача. Со стороны Андар-Аба идут две дороги, они сходятся у большого перевала и через Хафт-Бача ведут в Парван. Это очень трудная дорога. Еще три дороги идут от Гур-Банда; ближайший путь к парванской дороге лежит через перевал Янги-Юл — он ведет в Валиан и Хинджан. Другая дорога проходит через перевал Кипчак; она ведет к месту слияния рек Кизил-Су и Андар-Аб. Эта дорога тоже хорошая.

Еще одна дорога — через перевал Шиберту. Летом, когда вода поднимается, [путешественники], пройдя перевал Шиберту, идут через Бамиан и Сайган, а зимой идут через Аб-Дара.

Зимой на четыре-пять месяцев все дороги закрыты, кроме дороги через Шиберту; пройдя этот перевал, идут через Аб-Дара. Летом, когда вода прибывает, положение на этих дорогах такое же, как зимой, ибо дороги в руслах рек, вследствие высокой воды, непроходимы; если, не идя вброд, вздумают пройти горами, то переход труден. Три или че-

тыре месяца осенью, когда снега мало и вода || стоит низко,—[лучшее] 131*а*
время идти этими дорогами. В горах и в ущельях попадается немало нечестивых разбойников.

Дорога со стороны Хорасана идет через Кандахар; эта дорога ровная и на ней нет перевалов.

Со стороны Хиндустана идут четыре дороги. Одна дорога идет через Ламганат. На этой дороге в Хайберских горах есть небольшой перевал. Другая дорога идет через Бангаш, третья — через Нагзи, еще одна — через Фармул; на этих дорогах тоже есть невысокие перевалы. Путешествующие по этим дорогам переходят реку Синда у трех переправ. Те, которые перешли ее у переправы Нил-Аб, идут через Ламганат; зимой они переходят реку Синда и реку Кабула выше слияния реки Кабула с рекой Синда. Двигаясь с войском в Хиндустан, я чаще всего пользовался этими переправами; в тот раз, когда я пришел, разбил и взял в плен Султан Ибрахима и завоевал Хиндустан, я переправился у Нил-Аба на баржах. Кроме как в упомянутых местах, через реку Синда нельзя нигде переправиться без барж.

Путешественники, переходящие у переправы Динкут, идут через Бангаш: те, что переправляются у Чалпара, если они идут через Фармул, попадают в Газни, а если пойдут через Дашт, то придут в Кандахар.

В Кабульской области живут различные племена. В долинах и равнинах живут аймаки, тюрки и арабы; в городе и некоторых деревнях живут сарты, || в других деревнях и областях обитают [племена] 131*б*
Пашаи, Параджи, Таджики, Бирки и Афгани. В горах Газни живут племена Хазаре и Никудери; среди хазарейцев и никудерийцев некоторые говорят на могольском языке.

В горах к северо-востоку находятся селения кафиров, например, Катур и Гибрик; на юге — поселения афганцев.

В Кабульской области говорят на одиннадцати или двенадцати языках: арабском, персидском, тюркском, могольском, индийском, афганском, пашаи, параджи, гибри, бирки, ламгани. Ни в какой другой области, насколько известно, не живет так много различных племен, говорящих на разных языках.

В Кабульской области четырнадцать туманов. В Самарканде, Бухаре и вообще в тех краях маленькие области, подчиненные столице какой-нибудь большой области, называются туман; в Андиджане, Кашгаре и между ними — орчин, в Хиндустане — паргана. Хотя Баджур, Савад, Паршавур и Хаштнагар раньше зависели от Кабула, но теперь из-за афганцев некоторые из них разорены, другие перешли к афганцам и перестали быть [отдельными] областями.

На востоке лежит Ламганат. Эта область состоит из пяти туманов и двух булуков. Самый большой из этих туман Нингнахар — в некоторых летописях [это название] пишут Негархар. Местопребывание его даруги—Адинапур, от Кабула до Адинапура тринадцать йигачей пути к востоку. Между Кабулом и Нингнахаром очень тяжелая и плохая
132*а* дорога; в трех или четырех местах есть небольшие || перевалы, в двух или трех местах — узкие ущелья. Хирилчи и все афганские разбойники грабили на этой дороге.

В этих местах [раньше] не было поселений. Я приказал населить [местность] Кара-Ту в конце Курук-Сая и дорога поэтому стала безопасной.

Жаркую полосу от холодной полосы отделяет перевал Бадам-Чашме. На кабульской стороне этого перевала выпадает снег, на курук-сайской и ламганатской стороне снег не идет. Миновав этот перевал, человек видит [совсем] другой мир: деревья — другие, травы — другие, животные — другие, нравы и обычаи у жителей — другие.

В Нингнахаре девять рек; рис и пшеница там хорошие, апельсинов, лимонов и гранатов много и они тоже хороши. Перед крепостью Адинапур, в южной стороне, на возвышенности, я разбил в девятьсот четырнадцатом году большой сад, названный Баг-и Вафа. Он возвышается над рекой; река течет между садом и крепостью; апельсинов, лимонов и гранатов там много. Когда я разбил Пахар хана и завоевал Лахор и Дибальпур, то привез в этот сад бананы и посадил их; они хорошо удались. В предшествующем году там посеяли сахарный тростник, хороший получился тростник; этот тростник посылали в Бадахшан и в Бухару. Местоположение этого сада высокое, проточная вода там всегда
132*б* есть, холод зимой умеренный. Посреди сада маленький || пригорок. Ручей, достаточный для одной мельницы, постоянно течет из сада, [спускаясь] с холма в этом саду. Посреди сада на холме разбиты четыре клумбы.

В юго-западной стороне сада находится водоем площадью десять на десять [кари]. Вокруг него всюду растут апельсиновые деревья, гранатные деревья там также есть. Возле водоема все покрыто трилистником; это лучшее место в саду. В то время, когда желтеют апельсины, сад кажется очень красивым. Очень хороший вышел сад.

Гора Кух-и Сафид стоит на юге Нингнахара. Эта гора отделяет Нингнахар от Бангаша. Для всадника там дороги нет: с этой горы стекают девять рек. Снег на ней никогда не убывает; вероятно поэтому ее и называют Кух-и Сафид. Внизу, в долине, снег никогда не идет; расстояние между снежной и бесснежной полосой составляет полдня пути.

На склонах этой горы есть места с хорошим воздухом. Вода там холодная, в льде надобности нет. К югу от крепости Андинапур протекает

река Сурх-Руд; крепость стоит на возвышенности. Это гора с отвесными склонами высотой в сорок-пятьдесят кари. К северу выступает отрог этой горы.

Андинапур — очень хорошо укрепленная крепость. Та гора стоит между Нингнахаром и Ламганатом; всякий раз, как в Кабуле идет снег, на макушку этой горы тоже падает снег, поэтому жители Ламганата || знают, что в Кабуле шел снег. [Что же касается] дороги из Ка- 133*а*
була в Ламганат, то, если идти через Курук-Сай, одна дорога ведет через перевал Дири, реку Баран переходят у Булана и попадают в Ламганат; другая дорога проходит ниже Курук-Сая, через Кара-Ту, и ведет в Ламганат.

Если же идут через Ниджрау, то переходят реку Бадрау у Карангрика и идут к перевалу Бад-и Пич.

Хотя Нингнахар — один из пяти туманов Ламганата, но ламганатскими называют только [следующие] три тумана. Из этих трех туманов один — Алишенг; к северу от него лежат высокие, неприступные снеговые горы, примыкающие к горам Хиндукуша; эти горы сплошь населены кафирами. Ближайшая к Алишенгу земля кафиров — Мил. Река Алишенга выходит из Мила. Могила великого Лама, отца святейшего пророка Нуха, находится в тумане Алишенг. В некоторых летописях великого Лама называют также Ламак и Ламекан. Часто приходилось замечать, что жители этой страны в некоторых случаях вместо [буквы] каф произносят гайн. Вероятно, по этой причине область и называется Ламган.

Еще один туман — Алангар. Ближайшая к Алангару земля кафиров — Кавар. Река Алангара вытекает из Кавара. Обе реки, пройдя Алишенг и Алангар, сливаются и впадают в реку Баран ниже третьего тумана, то есть тумана Мандравар. || 133*б*

Один из двух упомянутых [выше] булуков — Дара-и Нур. Это необыкновенная местность. У входа в долину стоит крепость на выступе горы, с двух сторон которой—река. На уступах подножия горы много риса, иначе как по дороге там не пройдешь; апельсины, лимоны и другие плоды жаркой полосы там тоже есть, изредка попадается и финиковая пальма.

Берега реки, текущей с двух сторон крепости, сплошь покрыты деревьями; больше всего там деревьев амлука; этот плод некоторые тюрки называют «кара-емиш». В Дара-и Нуре его много, в других местах этого плода не видно. Виноград там тоже попадается, он весь вьется по деревьям. В Ламганате вино из Дара-и Нура знаменито. Тамошнее вино бывает двух сортов: их называют «ара-таши» и «сухан-таши»; ара-таши — золотистое, сухан-таши — красивого цвета, ярко-красное, одна-

ко, ара-таши крепче. Впрочем крепость обоих не соответствует их славе.

Выше, в долинах, попадаются обезьяны; ниже, в сторону Хиндустана, также водятся обезьяны, но выше этих долин их нет. Жители тех мест раньше разводили свиней, но в наше время бросили это.

Еще один туман — Кунар и Нургил. Этот туман лежит несколько в стороне от Ламганата, среди земель кафиров, и является пограничной областью. Хотя по величине он равен ламганатским туманам, но
134а из-за такого местоположения подать с него невелика, || [жители] платят меньше. Река Чаган-Сарай, пройдя с северо-востока через земли кафиров, протекает по этой области, сливается с рекой Баран в булуке Кама и течет на восток. Нургил лежит к западу от этой реки, Кунар — к востоку. Мир Сейид Али Хамадани — помилуй его Аллах, — странствуя по этим местам, перешел в другой мир в одном шери выше Кунара. Ученики перенесли его прах оттуда в Хутталан. На месте, где он умер, теперь стоит мазар. В девятьсот двадцать пятом году, когда я пришел и взял Чаган-Сарай, я совершил обход вокруг этого мазара. Там много апельсинов, лимонов и кориандра. Из земель кафиров привозят туда крепкие вина.

Жители этих мест рассказывают удивительную вещь, она кажется невозможной, но этот рассказ подтверждается всеми. Нижняя часть тумана [Нургил] называется Малата-Кунди; области, лежащие еще ниже, принадлежат к Дара-и Нуру и Атару. Выше Малата-Кунди во всей горной стране, то есть в Кунаре и Нургиле, в Баджауре, Саваде и в окрестных землях, распространен такой обычай: когда умирает женщина, ее кладут на носилки и поднимают их за четыре конца. Если умершая не совершала дурных дел, она заставляет держащих носилки невольно покачнуться и так толкает их, что даже если они, сделав усилие, удержатся на ногах, умершая падает с носилок. Если же она делала дурные дела, то труп остается неподвижным. Я слышал это не только от тех людей, жители Баджаура, Савада и всей той горной об-
134б ласти согласно рассказывали такую историю. || Хайдар Али Баджаури, который был султаном Баджаура, очень хорошо управлял этой областью. Когда умерла его мать, он не плакал, не принимал соболезнований и не наматывал черного тюрбана и [только] сказал: «Идите и положите ее на носилки; если она не пошевелится, я должен ее сжечь». Умершую положили на носилки, и она сделала обычные движения. Услышав об этом, ее сын тотчас же намотал черный тюрбан и справил обряд оплакивания.

Еще один булук — Чаган-Сарай. Там всего одно селение, это небольшая местность. Чаган-Сарай — как бы вход в земли кафиров. Жители его, вследствие смешения с кафирами, хотя и мусульмане, испол-

няют обычаи нечестивых. Большая река, называемая рекой Чаган-Сарай, течет с северо-востока от Чаган-Сарая, из-за Баджаура. С запада, из земли кафиров, называемой Пич, притекает еще одна река поменьше и вливается в Чаган-Сарай. В Чаган-Сарае есть желтоватое крепкое вино, оно не выдерживает никакого сравнения с вином из Дара-и Нура. В самом Чаган-Сарае нет ни винограда, ни садов; виноград привозят из земель кафиров, лежащих выше по реке, и из земли Пич. Когда я брал Чаган-Сарай, кафиры из Пича помогали его жителям. Вино там было в таком ходу, что у каждого кафира висел на шее бурдюк с вином. Они пили вино вместо воды.

Хотя Кама не отдельная местность и принадлежит к Нингнахару, но эту местность тоже называют булуком.

Еще один || туман — Ниджрау. Он находится в горах северо-вос- 135*а*
точнее Кабула. Горы позади Ниджрау сплошь населены кафирами. Это глухая, уединенная местность. Винограда и плодов там много, вина тоже немало, но только его кипятят. Зимой там откармливают много кур. Жители Ниджрау — винопийцы, безмолитвенники, не знают страха [перед грехом] и подобны язычникам. У них в горах много сосны, пинии, дуба и мастикового дерева. Сосна, пиния и дуб растут и ниже Ниджрау, но выше их совершенно нет; это деревья хиндустанские.

У жителей этой горной страны все светильники — из пинии; она горит, как свеча. Это весьма удивительно.

В горах Ниджрау водятся летающие лисицы. Летающая лисица — животное больше кошки; между передними и между задними ногами у нее перепонка вроде крыла летучей мыши; [этих лисиц] постоянно приносили ко мне. Говорят, они слетают вниз, с дерева на дерево, на расстояние полета стрелы. Я сам не видел, как они летают; мы посадили одну лисицу на дерево, и она быстро вскарабкалась наверх; когда ее согнали, она расправила крылья и, как бы паря, спустилась вниз без вреда для себя.

В этих краях есть также птица луче, эту птицу называют еще «букаламун». От головы до хвоста она пяти-шести разных цветов и переливается, как шея у голубя, а величиной она будет с горную куропатку. По-видимому, это хиндустанская куропатка. Жители этой страны рассказывают удивительную вещь: когда приходит зима, эти птицы спускаются к подножию гор. Если в полете || они пролетают над виноград- 135*б*
ником, то совершенно не могут лететь дальше, и их ловят. В Ниджрау есть еще мышь, которую называют мускусной мышью. От нее, говорят, идет запах мускуса; я ее не видывал.

Еще один туман — Панджхир. Панджхир лежит вдоль дороги, очень близко от земли кафиров. Разбойники-кафиры проходят через Панджхир и, вследствие близости к Панджхиру, даже берут с него на-

лог. Когда я в последний раз пришел и завоевал Хиндустан, кафиры вторглись в Панджхир, убили там много людей и произвели большие опустошения.

Еще один туман — Гур-Банд. В тех землях горный перевал называют «банд». В сторону Гура идут через перевал; вероятно, по этой причине и говорят: «Гур-Банд». Верховья долины захватили в Гур-Банде хазарейцы. Есть там несколько деревень, это место малодоходное. Говорят, что в горах Гур-Банда попадаются серебряные рудники и залежи лапис-лазури.

На склонах горы встречаются деревни: повыше — Мита-Кача и Парван, а внизу — Дур-Нама, [всего] двенадцать или тринадцать деревень. В этих деревнях много плодов, вина там крепче всех других.

Так как все названные деревни расположены на склонах гор и в горах, то хотя подати и вносятся, но в этом отношении они дают немного.

Ниже деревень, между горами и рекой Баран, лежат две полосы ровной степи. Одну называют Курра-и Тазиан, другую — Дашт-и Шейх.
136*а* Весною поля, засеянные просом, там || очень красивы, аймаки и тюрки приходят туда весной. На склонах гор тогда много разноцветных тюльпанов всякого сорта. Как-то раз я велел их сосчитать; оказалось тридцать два или тридцать три сорта необыкновенных тюльпанов. Там есть один сорт тюльпанов, от которого идет легкий запах красной розы; мы называли его «тюльпан с запахом розы». Он растет в Дашт-и Шейхе только на одном участке земли, в других местах его нет. На склонах этих гор, ниже Парвана, попадается тюльпан-столистник. Он тоже растет на одном участке земли при выходе из ущелья Гур-Банд.

Между этими двумя равнинами стоит гора поменьше. На этой горе тянется гряда песку с вершины до подножья, Ходжа Риг-и Раван называется. Говорят, что летом с этих песков доносятся звуки литавр и барабанов.

Есть там еще деревни, зависящие от Кабула. Юго-западнее Кабула стоит большая снеговая гора; снега на ней хватает до нового снега; редкий год снег не долежит до снега. Когда в кабульских ледниках кончается лед, то привозят снег с этой горы, готовят ледяную воду и пьют. От Кабула до горы будет три шери.

Гора Бамиана и эта гора — неприступные горы. [Реки] Харманда, Синга, Дугаба, Кундуза и Балх-Аб текут с этих гор; говорят, что за один день можно напиться из всех четырех рек.

Большинство упомянутых деревень находится на склонах этой горы. В садах там много винограда, всякого рода плодов тоже немало. Среди этих деревень нет ни одной лучше Исталифа и Астаргача. Улуг

бек мирза, говорят, называл эти последние две деревни || Хорасаном 136б
и Самаркандом.

Пагман тоже входит в число этих селений. Хотя виноград и плоды Пагмана не таковы, как в других селениях, но воздух его вне всякого сравнения. Горы Пагмана — снеговые горы. Неизвестно, во многих ли местах есть селения, подобные Исталифу. Через Пагман протекает большая река, по обеим сторонам реки тянутся сады; там есть зеленые приятные садики. Вода в ней холодная, так что нет нужды охлаждать её льдом, и большей частью чистая.

В этом селении есть сад, называемый Баг-и Калан, который Улуғ бек мирза силой отнял у его хозяина. Я уплатил владельцам стоимость этого сада и приобрел его. Перед садом растут большие чинары; под чинарами тянется зеленая, приятная, тенистая лужайка. Посреди сада постоянно течет ручей, достаточный для одной мельницы, на берегах этого арыка растут чинары и другие деревья. Раньше этот арык тёк извилисто, криво и неровно. Я приказал его выровнять и выпрямить; очень хорошее получилось место.

Ниже этих селений, на курух или полтора куруха выше степи, по склонам горы струится источник, Ходжа Се-Яран называется. У этого источника и вокруг него растут деревья трех пород. Над источником высятся густые чинары, получается приятная тень; по обоим берегам, у подножья горы, на холмах растут высокие дубы; || кроме этих двух 137
участков, где есть дубовые рощи, в горах к западу от Кабула совсем нет дубов. А перед источником на краю степи тянутся большие рощи аргувана. В Кабульской области, кроме этих рощ, аргувана больше нигде нет. Говорят, что эти три породы дерева—чудо трех святых; причину названия Се-Яран видят именно в этом. Я приказал обложить этот источник камнем и облицевать его берега алебастром и цементом на площади десять на десять [кари]. С четырех сторон над источником возникла ровная, правильная площадка, выходящая к роще аргувана; когда цветы аргувана распускаются, то неизвестно, есть ли другое такое [красивое] место в мире. Желтого аргувана там тоже много; желтый аргуван распускается на склонах гор одновременно с красным.

К юго-западу от источника постоянно течет из долины ручей, где воды вдвое меньше, чем нужно на одну мельницу. Я велел выкопать для этой воды арык и направил ручей на холм к юго-западу от источника Се-Яран. На этом холме я устроил большую круглую суфу и вокруг суфы со всех сторон посадили тальник; очень приятное получилось место. Выше суфы, возле холма, я велел посадить виноградник. Тарих проведения этого арыка заключается в словах «Джу-и Хуш».

Еще один туман — Лахугар; самое большое селение его — Чарх.

Досточтимый Мулла Якуб родом из этого Чарха. Муллазаде, сын Мул-
137 лы Османа, || тоже уроженец Чарха.

Сиджавенд — также одно из селений Лахугара. Ходжа Ахмед и Ходжа Юнус происходят из этого Сиджавенда. Садов в Чархе много, в других селениях Лахугара садов нет.

Жителей Лахугара называют «авган-шал», это название употребляется и в Кабуле. Вероятно, [правильное название] — «авган-шиар», но говорят авган-шал.

Еще есть там область — Газни, которую многие считают туманом. Газни была столицей Сабуктегина, Султан Махмуда и его потомков; некоторые пишут также Газнин. Столицей Шихаб ад-дина Гури тоже был этот город. Султан Шихаб ад-дина в Табакат-и Насири и в некоторых историях Индии называют Му'изз ад-дином.

Газни находится в третьем климате. Эту область именуют также Забул; название Забулистан означает эту местность. Некоторые считают, что Кандахар тоже входит в Забулистан. От Кабула до Газни четырнадцать йигачей пути на [юго-] запад. Если по этой дороге тронуться из Газни рано утром, то между второй и послеполуденной молитвой придешь в Кабул. Из Адинапура, который находится в тринадцати йигачах пути, из-за дурной дороги никогда не дойдешь до Кабула за один день.

Газни — незначительная область; в ее реке хватает воды на четыре-пять мельниц. Город Газни и четыре-пять селений орошаются этой рекой; еще четыре-пять селений орошаются каризами. Виноград в Газни лучше кабульского винограда; дыни там тоже вкуснее, чем в Ка-
138*а* буле. Яблоки в Газни также хорошие; || их вывозят в Хиндустан.

Сеять [в Газни] очень трудно; все пространство, которое засевают, каждый год приходится заново покрывать землей; однако урожай от посевов в Газни больше, чем в Кабуле. Там сеют марену, ее разводят по всему Хиндустану. Лучшее из того, что производят жители Газни,— марена.

Кочевое население Газни — хазарейцы и афганцы. Сравнительно с Кабулом, в Газни все всегда дешево. Жители этой области — ханифиты по исповеданию, люди чистой веры и хорошие мусульмане; людей, которые постятся три месяца, там много. Своих жен и женщин они тщательно скрывают и охраняют.

Мулла Абд ар-Рахман — один из великих людей Газни. Это был ученый человек. Он постоянно преподавал науки, был весьма благочестив, богобоязнен и воздержан в жизни. В год смерти Насир мирзы Мулла Абд ар-Рахман ушел из мира.

Гробница Султан Махмуда находится в пригороде Газни; так как там могила султана, то его называют «Рауза»; хороший газнийский

виноград привозят из Рауза. Могилы сыновей Махмуда Султан Мас'уда и Султан Ибрахима тоже находятся в Газни. Благословенных мазаров в Газни множество.

В тот год, когда я взял Кабул и Газни, разграбил Кохат, Банну, Дешт и страну афганцев, убил много народа и, пройдя через Дуки по берегу Аб-и Истада, пришел в город Газни, мне сказали, что в одном из селений Газни есть мазар, в котором могильный камень качается, едва лишь произнесут благословение пророку. Мы пошли туда и посмотрели: колебание || камня было заметно. Позднее стало известно, 138*б*
что это хитрость муджавиров. Они приладили над могилой кольцо; всякий раз, как до кольца дотрагивались, оно качалось и чудилось, что качается камень. Так людям, которые раньше никогда не садились в лодку, когда они сядут, кажется, что качается берег. Я приказал муджавирам встать далеко от кольца. Сколько ни повторяли благословений, движения камня замечено не было. Я велел сорвать кольцо и сделать над могилой купол; муджавирам было с угрозой запрещено так поступать.

Газни весьма незначительная область. Я всегда удивлялся, почему государи, которым были подвластны Хиндустан и Хорасан, владея такими землями, сделали столицей столь ничтожное место. Во времена Султан Махмуда там было три-четыре плотины. На реке Газни, в трех йигачах к северу от города, выше по реке, Султан построил большую плотину. Высота этой плотины сорок или пятьдесят кари, длина — около трехсот кари. Воду там накапливают и по мере надобности пускают на посевы. Ала ад-дин Джехансуз Гурид, когда завладел этой областью, сломал плотину, сжег множество могил потомков Султана, разрушил и сжег город Газни, а жителей ограбил и перебил. В отношении избиения и разорения || он не упустил ни одной мелочи. С тех пор 139*а*
эта плотина разрушена. В год завоевания Хиндустана мы послали через Ходжа-и Калана деньги на отстройку этой плотины. Надеюсь, что с помощью божьей плотина будет отличная.

Еще одна плотина — Сахан, к востоку от Газни. Она также находится в двух-трех йигачах от Газни и тоже давно разрушена; ее даже нет возможности привести в порядок.

Третья плотина — Сар-и Дех, эта плотина хорошо благоустроена.

В книгах пишут, что в Газни есть один источник и что если в этот источник бросят грязь и нечистоты, сейчас же будет буря, потоп, дождь и метель. В другой летописи я нашел, что, когда Рай Хинда осаждал Сабуктегина в Газни, Сабуктегин приказал бросать в этот источник грязь и нечистоты, и началась буря, потоп, дождь и метель; этой хитростью он отразил врага. Сколько я ни допытывался в Газни, никто не мог указать мне этого источника.

В наших странах Газни и Хорезм знамениты холодом, как знамениты этим Султания и Тебриз в обоих Ираках и в Азербайджане.

Еще один [кабульский] туман — Зурмут. От Кабула он лежит к югу, от Газни — к юго-востоку. От Кабула до Зурмута будет двенадцать-тринадцать йигачей пути, от Газни—семь-восемь йигачей. В Зурмуте восемь селений; местопребывание его даруги — Гардиз. Внутри
139б крепости Гардиза большинство домов — в три или четыре яруса. || Гардиз недурно укреплен; когда [жители] Гардиза восстали против Насир мирзы, этот город доставил мирзе много хлопот.

Обитатели Зурмута—авган-шали. Они сеют хлеб и занимаются земледелием; [плодовых] деревьев, садов и огородов у них нет.

В южной части на юге этого тумана стоит гора, горой Баркистан называется. На склоне этой горы, на возвышенном месте, течет источник; могила Шейх Мухаммед Мусульмана находится в этом месте.

Еще один [кабульский] туман — Фармул. Это незначительное место. Яблоки там недурные, их вывозят в Мультан и в Хиндустан. «Сыновья шейха» — потомки шейха Мухаммед Мусульмана, пользовавшиеся почетом в Хиндустане во времена афганцев, происходят из Фармула.

Еще один туман — Бангаш. Вокруг него живут одни разбойники-афганцы [из племен] Хугиани, Хирильчи, Тури и Ландар. Они обитают как бы в стороне и потому не платят податей добровольно. Мне пришлось осуществлять большие дела, завоевывать Кандахар, Балх, Бадахшан и Хиндустан; по этим причинам для усмирения Бангаша времени не было. С божьей помощью, когда найдется время, Бангаш и его разбойники несомненно будут усмирены.

Один из булуков Кабула — булук Ала-Сай. От Ниджрау он отстоит в двух-трех шери. На восток, со стороны Ниджрау, дорога идет гладко и ровно; достигнув места, называемого Кура, попадают в Ала-Сай через небольшой перевал. В этом месте жаркую полосу от холодной отделяет перевал Кура. Через этот перевал Кура улетают птицы ранней весной.
140а Жители местности Пичган, зависящей от Ниджрау, ловят на этом перевале много || птиц. У выхода с перевала они там и сям устраивают укрытия из камня, птицеловы садятся за эти укрытия и укрепляют конец сети в пяти-шести кари от укрытия. Одну сторону сети прижимают камнем к земле, другую сторону до половины сети, то есть в три-четыре кари длиной, привязывают к палке. Один конец палки держит в руке человек, сидящий в укрытии; через отверстия в укрытии он высматривает птиц. Когда птицы приближаются, сеть тотчас же поднимают и птицы сами залетают туда; таким способом ловят много птиц, и их даже не успевают убивать.

В этой местности нет гранатов лучше, чем гранаты из Ала-Сая; аласайские гранаты развозят по всему Хиндустану. Виноград там тоже

неплохой; аласайское вино крепче, чем вино из Ниджрау, и красивей цветом.

Еще один булук — Бадрау; он примыкает к Ала-Саю. В Бадрау нет плодов; [на земле] работают там кафиры, которые сеют хлеб.

Как в Хорасане и Самарканде кочуют тюрки и аймаки, так в этой области кочуют хазарейцы и афганцы. Из хазарейцев там больше всего [представителей племени] Султан-Мас'уди, из афганцев больше всего Мехмендов.

Доходов Кабула — с земель, от пошлин и с кочевников собирают восемь лаков шахрухи. || 140*б*

Горы в восточной стороне Кабульской области двух родов; горы на западе тоже двух родов. Андерабские, Хостские и Бадахшанские горы все покрыты арчой, изобилуют источниками и поднимаются полого; трава на горах, на холмах и в долинах одинаковая, хорошая. Больше всего там травы буте-ках, это очень подходящая для коней трава. В Андиджанской области эту траву называют «бутках»; причина такого наименования не была известна, но здесь я ее узнал: эту траву якобы называют «буте-ках» потому, что она растет кустами.

Летовки Хисара, Хутталана, Самарканда, Ферганы и Моголистана все расположены так же, как в Кабульской области; хотя летовки Ферганы и Моголистана не идут ни в какое сравнение с кабульскими, но и горы и летовки и тут и там одного рода. А горы Ниджрау, Ламганата, Баджаура и Савада—это горы, где много сосны, пинии, дуба, маслины и мастикового дерева; трава там не такая, как на тех горах — густая и высокая, но это бесполезная трава: она не годится для коней и овец.

Хотя эти горы по высоте не таковы, как [описанные выше], и представляются глазу незначительными, но это удивительно неприступные горы; кажется, будто это пологие холмы, а между тем, каждая гора и холмик очень круты и каменисты; там нигде не проедешь на коне.

На этих горах много хиндустанских птиц и хиндустанских животных, || например, попугаев, шареков, павлинов, луча, обезьян, нилгау, 141*а*
коротконогих оленей; кроме упомянутых животных, там есть еще разные другие птицы и звери, о которых не слыхано в Хиндустане.

Горы на западной стороне — горы Дара-и Зандана, Дара-и Суфа, Гарзавана и Гарчистана — однородные. Пастбища в большинстве случаев расположены в долинах; трава в горах и на холмах не такая, как на северных горах; таких густых деревьев и арчи там тоже нет, но зато трава там полезна коням и овцам; поверхность этих гор вся удобна для езды на коне; все поля расположены на горах.

Кииков на этих горах много; русла потоков проходят в неприступных ущельях; большинство этих ущелий — отвесные и в них нигде нельзя спуститься. Удивительное дело: во всех других горах непроходи-

мые места находятся на высотах, а на этих горах они в низинах. Горы Гура, Газива и Хазаре тоже такие, пастбища лежат в долинах этих гор. Деревьев там тоже мало, а арчи [совсем] нет; трава на пастбищах полезна коням и овцам, кииков много.

В горах, упомянутых раньше, неприступные места лежат внизу, а на этих горах — дело обстоит не так.

Горы в Ходжа-Исмаиле, Даште, Дуки и стране афганцев однородны; они низкие-низкие, травы там мало, воды недостаточно; это горы
141б без деревьев, некрасивые, никуда не годные. || Горы там соответствуют людям; ведь говорится: «Не будь сходства, не было бы и встречи». Немного есть на свете гор, так нехорошо устроенных.

Хотя в Кабуле зимой падает глубокий снег, но там есть хорошие дрова и они близко: в один день можно сходить за ними и принести. На дрова там идет мастиковое дерево, дуб, миндальное дерево и кирканд; лучшее из них — мастиковое дерево: оно ярко горит и дым от него хорошо пахнет; уголья держатся долго, свежее оно тоже горит.

Дубовые дрова — также хороши; хотя они горят более тускло, но зато жарко; углей от них много. У дуба есть удивительное свойство: если поджечь зеленые дубовые ветки с листьями, они вспыхивают с громким треском и, треща, загораются сразу, снизу доверху; горящий дуб очень красивое зрелище. Миндальное дерево — изобильнее и распространеннее других; угли от него нестойкие. Кирканд — это низенький колючий кустарник; свежий и сухой горит одинаково. У всех обитателей Газни на дрова идут эти деревья.

Кабульская область лежит в горах; горы там — это как бы мосты, покрытые клевером. Населенные места разбросаны среди них. Кииков и дичи там мало. Когда осенью и весной красный киик, т. е. архар-гальча, тянется на зимние и летние пастбища, он идет по определенным доро-
142а гам; йигиты с соколами и собаками сторожат на этих дорогах || и ловят кииков.

В области малого Кабула и Сурх-Аба водится также кулан, а белого киика там совсем нет. В Газни белый киик и кулан [иногда] встречаются. Мало где попадаются такие жирные киики, как в Газни.

Весной в Кабуле есть много мест для охоты на птиц. Большинство перелетных птиц пролетает вдоль берегов реки Барана, так как на востоке возвышаются горы, на западной стороне — тоже горы, а прямо напротив, там, где тянутся берега реки Барана, находится большой перевал через Хиндукуш; другого же перевала вообще нет. По этой причине все птицы пролетают в том месте. Если дует ветер или над перевалом Хиндукуша немного облачно, птицы не могут лететь и все садятся на берегах Барана. В эту пору жители тех мест ловят много уток.

В конце зимы на берега Барана прилетает много уток, они очень жирные. Позднее там попадается бесчисленное множество больших птиц — журавлей и цапель. По берегам Барана на журавлей ставят сети и ловят сетями много птиц, аистов, цапель и пеликанов тоже ловят веревками во множестве. Ловля этих больших птиц — нечто необычное. Способ их ловли таков: вьют тонкую веревку длиной в полет стрелы, к одному концу веревки прикрепляют дротик, к другому концу прилаживают кольцо из рога, потом берут палку толщиной в кисть руки || и 142*б*
длиной в один кариш и наматывают веревку до конца на эту палку, начиная с той стороны, где стрела. Когда веревку всю намотают на палку, к [свободному] концу крепко прикрепляют [роговое] кольцо, затем эту палку толщиной в кисть руки вынимают из веревки, так что моток веревки оказывается полым. Кольцо надевают на руку и бросают стрелу навстречу летящей птице, стрела попадает птице в крыло или в шею, веревка обвивается вокруг нее и птица падает. Все жители Барана ловят таким способом много птиц, но только такая ловля очень трудна. Для этого подходят дождливые темные ночи; в такие ночи птицы из-за хищников и диких зверей до рассвета не знают покоя и все время летают, причем летают низко; в темные ночи дорогой для птиц служит текущая вода, ибо в темноте видно, как она течет. От страха птицы до рассвета летают взад и вперед над водой, то выше, то ниже; в это время и бросают веревку. Я раз ночью бросил такую веревку; верезка разорвалась, а птицы не нашли. К утру птицу на обрывке веревки нашли и принесли. Таким способом люди на Баране ловят много цапель. Султаны на шапки делают из перьев цапли. К числу кабульских товаров, идущих в Ирак и Хорасан, принадлежат такие султаны.

Там существует целый отряд рабов-охотников, их две или три сотни семейств; один из потомков Тимур бека привел этих рабов из окрестностей Мультана. || [Единственное] дело и занятие этих рабов — ловить 143*а*
птиц; они выкапывают пруд, втыкают в дно много жердей, раскидывают [на жердях] посреди пруда сеть и ловят всевозможных птиц. Не только эти охотники ловят птиц; все люди, живущие на берегах Барана, бросают веревку, раскидывают сети и всякими способами ловят птиц и притом всевозможных.

В это же время года по реке Барану идет рыба. Сетями и плетенками ловят много рыбы. Осенью берут десять или двенадцать вязанок [растения] кулан куйруги и двадцать-тридцать вязанок кук-шибака, приносят к верховьям реки, мелко рубят и бросают в воду; едва их туда бросят, рыба, вошедшая в реку, пьянеет, и ее начинают ловить. Ниже в подходящем месте ставят плетенки. Плетенки связывают таким образом: из ивовых прутьев с палец толщиной плетут нечто вроде решетки. Эту решетку ставят в виде воронки в таком месте, где вода течет

вниз, и кладут вокруг нее камни, так что вода с шумом падает на решетку и, падая, устремляется дальше. Вода уходит вниз, а рыба остается на решетке; оглушенную рыбу подбирают сверху. Такими решетками ловят много рыбы; на реках Гульбахара, Парвана и Исталифа ловят рыбу таким способом.

143б По зимам в Ламганате ловят рыбу другим диковинным способом. || В местах, где вода течет сверху, делают в дне углубления в виде ям и выкладывают эти впадины камнями, словно под очага; сверху тоже нагромождают камни, оставляя в этом месте для воды один проход снизу. Камни кладут так, что рыба, войдя, не может никуда выйти, кроме этого прохода; над наваленными камнями течет вода и в ямах получается нечто вроде рыбного садка. Зимой всякий раз, как понадобится рыба, открывают одну из этих ям и достают сорок или пятьдесят рыб разом. Вот каким образом открывают ямы: их устраивают в известном, определенном месте и, составив один вход, со всех сторон обкладывают рисовой соломой; поверх соломы накладывают камни. У входа привязывают нечто вроде плетенки, концы плетенки соединяют один с другим и связывают. В эту плетенку вкладывают еще одну плетенку, укрепляя ее так, чтобы ее отверстие оказалось напротив отверстия наружной плетенки; длина внутренней плетенки равняется половине длины наружной плетенки; вход у внутренней плетенки делают узкий. Рыба, пройдя через нижнее отверстие внутренней плетенки, попадает в большую плетенку; нижнее отверстие большой плетенки устраивают таким образом, что рыба не может выйти оттуда, а нижнее отверстие внутренней плетенки прилажено так, что рыба, которая вошла в верхнее отверстие,
144а одна за другой проходит во внутреннее отверстие; || концы прутьев внутреннего отверстия заострены. Рыба, прошедшая через это отверстие, попадает внутрь большой плетенки, выходное отверстие которой завязано, так что рыба не может выйти. Если она повернет назад, то не сможет пройти из-за зубцов внутреннего отверстия плетенки. Приладив эту плетенку ко входу, открывают сверху рыбный садок, укрепленный вокруг рисовой соломой, и всю рыбу, что попадает в руки, ловят прямо в яме, а если рыба убежит, то выход для нее один, она попадает в упомянутую плетенку, и ее ловят там. Такого способа рыбной ловли я в других местах не видал.

* *
*

Через несколько дней после взятия Кабула Муким попросил позволения уйти в Кандахар. Так как он пришел, заключив условие и договор, то ему было разрешено уйти к отцу и брату целым и невредимым со всеми своими людьми, скарбом и пожитками.

Отпустив Мукима, я разделил область Кабула между мирзами и всеми гостями-беками. Газни с прилежащими и примыкающими местами был отдан Джехангир мирзе; туманы Нингнахар, Мандравар, Дара-и Нур, Кунар, Нургил и Чаган-Сарай получил Насир мирза; бекам и йигитам, которые были со мной во времена казачества и пришли туда, я дал кому || деревню, кому удел, но по целой области не дал никому. 144*б*
Так бывало неоднажды. Всякий раз, как великий бог посылал мне счастье, я смотрел на беков-гостей и на чужих беков и йигитов благосклонней, чем на своих старых слуг и андиджанцев, и давал им больше. И все-таки — удивительное дело! — на меня постоянно клевещут и говорят: «Кроме старых слуг и андиджанцев, он ни к кому не благоволит». Есть пословица: «Чего только враг ни говорит, чего только ни приснится во сне!».

Ты можешь закрыть ворота города,*
Но не можешь закрыть рта врагам.

Так как из Самарканда, Хисара и Кундуза пришло в область Кабула множество людей и народа, то мы приняли такое решение: Кабул — незначительная область, подвластная мечу, а не перу, для всего этого народа денег добыть нельзя. Дадим семьям этих людей немного хлеба, а воины пусть идут на добычу. Порешив на этом, мы наложили на Кабул и Газни с зависящими от них областями побор в тридцать тысяч харваров хлеба. Я не знал размера доходов и урожая Кабула, и страна оказалась сильно разоренной от такого большого налога.

В это время я изобрел почерк бабури.

С хазарейцев [из рода] Султан-Мас'уди мы потребовали много коней и баранов, и к ним были посланы сборщики. Через несколько дней от сборщиков пришло известие, что хазарейцы не платят подати || и 145*а*
встали на путь неповиновения; раньше они тоже неоднократно грабили [людей] на дорогах Гардиза и Газни. По этим причинам мы выступили, чтобы пограбить хазарейцев Султан Мас'уди.

Пройдя через Майдан, мы миновали ночью перевал Нирх и ко времени утренней молитвы напали на хазарейцев в окрестностях Чату. Так, как бы нам хотелось, мы их не пограбили. Вернувшись обратно дорогой через Сурах, мы отпустили Джехангир мирзу в Газни. Когда мы воротились в Кабул, сын Дариа хана, Яр Хусейн, пришел из Бхиры, чтобы служить нам.

Через несколько дней я произвел смотр войску и, созвав людей, знающих местные земли и воды, расспросил их об окрестных и соседних местах. Некоторые говорили о походе в Дашт, другие считали подходящим для этого Бангаш, третьи советовали двинуться на Хиндустан. По-

совещавшись, приняли решение идти в Хиндустан. В месяце ша'бане, когда солнце было в созвездии Водолея, мы выступили из Кабула, направляясь в Хиндустан.

Дорогой через Бадам-Чашме и Джагдалик с шестью ночевками на пути мы пришли в Адинапур. Я никогда еще не бывал в областях жаркой полосы и пограничных с Хиндустаном местах. Когда мы достигли Нингнахара, перед нашими взорами предстал совсем другой мир: трава — другая, деревья — другие, звери — другие, птицы — другие, нравы
145*б* и обычаи народа ||—другие. Я удивился, и действительно, там есть чему удивляться.

Насир мирза, который раньше прибыл в свою область, явился в Адинапур и остался при мне. Аймаки, пришедшие из холодной области, все откочевали на зимовье и находились в Ламганате. Простояв день или два в тех местах, я присоединил к нашему войску их воинов и отставших от нас бойцов, затем перешел через Джу-и Шахи и остановился ниже, в Куш-и Гумбазе. Насир мирза, доставив кое-какие припасы из своей области для нукеров и слуг, сказал: «Я приду вслед за вами через два-три дня» и, спросив разрешения, отстал. Когда мы вышли из Куш-и Гумбаза и остановились в Гарм-Чашме, ко мне привели одного из начальников племени Гагиани, [по имени] Пихи, который пришел туда с караванами. Мы взяли Пихи с собой, чтобы он указывал хорошие места и дороги. В один или два перехода мы миновали Хайбар и достигли Джама, где и остановились. Я слышал хорошие отзывы о Гуре-Катри; там, говорят, находится одно из капищ иогов и индийцев; они приходят из далеких стран и стригут себе волосы и бороду в Гуре-Катри.

По прибытии в Джам я поехал прогуляться в Биграм. Я полюбовался там на одно огромное дерево и объехал окрестности Биграма. Проводником у меня был Малик Бу Са'ид Камари. Сколько мы ни спрашивали, где Гуре-Катри, он так и не сказал. Когда мы вернулись в
146*а* лагерь ||, он говорил Ходжа Мухаммед Амину: «Гуре-Катри находится возле Биграма, но я им этого не сказал, так как там есть узкие пещеры и опасные места». Ходжа сейчас же сподличал и передал мне его слова, но уже наступил вечер, а путь был дальний, так что мы не смогли туда поехать.

На этой стоянке мы совещались, переходить ли нам реку Синд и в какую сторону потом направиться. Баки Чаганиани доложил, что следовало бы, не переходя реки, двинуться отсюда с одной остановкой на пути в местность, называемую Кохат, ибо жители ее, говорят, многочисленны, зажиточны и богаты скотом. [Баки Чаганиани] привел нескольких кабульцев, которые говорили то же, что говорил он; я сам никогда раньше не слыхивал об этих местах, но поскольку такой почтенный, пожилой человек, считая за благо направиться в Кохат, привел

для подтверждения своего мнения нескольких свидетелей, я отменил переправу через реку и поход в Хиндустан. Выступив из Джама, мы перешли реку Бара и, приблизившись к перевалу Мухаммед-Пих, остановились там.

В это время афганцы Гагиани были в Пуршаваре; боясь моего войска, они потянулись к подножию гор. Один из их начальников, Хусрау Гагиани, пришел на эту стоянку и вступил ко мне в услужение. Его тоже, как и Пихи, || мы взяли с собой, чтобы они указывали нам хоро- 146*б*
шие места и дорогу.

Выйдя с этой стоянки в полночь, мы на восходе солнца прошли Мухаммед-Пих и к полудню совершили набег на Кохат. Нам досталось много быков и буйволов, афганцев тоже много попало в плен, но всех пленных мы отделили и освободили. В домах у них оказалось безмерно много зерна.

Добытчики, разграбив всю местность вплоть до берегов реки Синда, после ночевки присоединились к нам. Воинам не досталось столько добра, сколько обещал Баки Чаганиани, и Баки беку стало очень стыдно за свои настояния.

Дважды переночевав в Кохате и собрав добытчиков, мы посоветовались, куда теперь идти. Было решено напасть на афганцев из окрестностей Бангаша и Банну и возвратиться [в Кабул] через Нагз или через Фармул. Яр Хусейн, сын Дариа хана, который, придя в Кабул, служил мне, обратился с такой просьбой: «Если Дилазакам, Юсуф-заям и Гагиани будет приказано слушаться моих слов, то я занесу меч государя на той стороне реки Синда». Я отдал приказы, какие он хотел, и отпустил его из Кохата.

Выйдя из Кохата, мы направились вверх к Бангашу через Хангу. Между Кохатом || и Хангу тянется долина; дорога идет по этой долине, 147*а*
с двух сторон которой высятся горы. Когда мы выступили и вошли в эту долину, то афганцы из Кохата и окрестных мест все собрались на горах по обеим сторонам долины, подняли боевые крики и начали шуметь. Малик Бу Са'ид Камари, который хорошо знал весь Афганистан и был проводником в этом походе, доложил: «Впереди, направо от дороги, стоит гряда гор. Если афганцы перейдут с этих гор на те горы, то мы сможем окружить их и захватить».

Бог помог, и афганцы, дойдя до этой гряды, поднялись туда. Я послал отряд йигитов, приказав им тотчас же захватить перешеек между двумя горами; остальные воины получили приказ окружить афганцев со всех сторон. Когда мои воины подступили с той и с другой стороны, афганцы не смогли даже сражаться. Мы в одно мгновение порубили их и захватили сто или сто пятьдесят афганцев; некоторых из них привели живьем, но от большинства принесли [одни] головы.

Афганцы, когда не могут сражаться, приходят к своим врагам, держа в зубах траву, они как будто говорят: «Я — твой бык». Этот обы-
147*б* чай || мы узнали там: бессильные сопротивляться афганцы пришли с травой в зубах. Тем, кого привели живыми, я тоже приказал отрубить головы; на стоянке из их черепов построили минарет.

Наутро мы выступили и остановились в Хангу. Тамошние афганцы устроили на одной горной гряде сангар. Я впервые услышал слово сангар, придя в Кабул; люди там называют укрепленную гору сангар. Мои воины разбили этот сангар, и принесли мне отрезанные головы ста или двухсот мятежных афганцев. Там тоже воздвигли минарет из голов.

Выйдя из Хангу и раз переночевав, мы остановились в месте, называемом Тил, в нижней части верхнего Бангаша. Там наши воины тоже ходили грабить ближних и окрестных афганцев; от одного из сангаров некоторые добытчики отступили слишком легко.

Выйдя из Тила, мы пошли без дороги и, раз переночевав, утром спустились по крутому склону и, пройдя длинным, вытянутым ущельем, остановились в Банну. Воины, кони и верблюды при спуске в ущелье очень измучились, а из быков, доставшихся нам в добычу, большинство осталось там.

Большая дорога лежала от нас правее, на расстоянии одного-двух курухов; дорога, по которой мы шли, не для всадника. Овчары и пастухи иногда гоняют вниз по этой дороге и через ущелье свои стада и
148*а* отары || и поэтому ее называют Гусфанд-Лиар — дорога по-афгански будет лиар. Проводником у нас был Малик Бу Са'ид Камари; большинство воинов считали, что мы оказались левее дороги из-за этого Малик Бу Са'ида.

Банну стоит на ровном, гладком месте, сейчас же за горами Бангаша и Нагза, горы Бангаша и Нагза находятся к северу от Банну; река Бангаша выходит в Банну, и Банну орошается водой этой реки. К югу от Банну — Чаупара и река Синда, к востоку — Динкут, к западу — Дашт, который называют также Базар-и Так. Из афганских племен эту область возделывают племена Курани, Киви, Сури, Исахайль и Ниязай.

Став лагерем в Банну, мы тотчас же получили известие, что степные племена устроили сангары на северных горах. Поставив во главе его Джехангир мирзу, мы послали туда войско. Джехангир мирза пошел на сангар Киви, в одно мгновение захватил его, произвел всеобщее избиение, отрезал множество голов и привез их; воинам досталось много белой ткани; в Банну тоже воздвигли минарет из черепов.

Когда мы взяли этот сангар, один из больших людей Киви, по имени Шади хан, явился с травой в зубах, служить мне. Мы подарили ему пленных.

При набеге на Кохат было решено пограбить афганцев, живущих в окрестностях Бангаша и Банну, и затем воротиться обратно через Нагз или Фармул.|| Когда мы разграбили Банну, жители, знающие 148*б*
тамошние земли и воды, доложили мне: «Дашт близко и его обитатели — люди зажиточные; дорога туда хорошая, она ведет в Фармул». Было решено совершить набег на Дашт и выйти этой дорогой.

Наутро мы выступили и остановились в одной из деревень Иса-Хайлей, на берегу реки. Иса-Хайли, узнав об этом, потянулись в горы Чаупара. Выступив из деревни Иса-Хайлей, мы остановились у подножия гор Чаупара. Наши добытчики пошли в горы, разбили один из сангаров Иса-Хайлей и доставили много овец, коров и тканей. В ту ночь афганцы Иса-Хайли произвели на нас ночной набег, но в этом походе мы проявляли большую осмотрительность, и они ничего не смогли сделать. Мы были настолько осторожны, что на правом краю, на левом краю, в середине и спереди всякий, кому было назначено определенное место, стоял на этом месте. Стражники, каждый со своей стороны, вооружившись, стояли на ногах вокруг лагеря, отойдя подальше, на расстояние полета стрелы от палаток. Так они простаивали всю ночь. Каждую ночь всех наших воинов выводили и строили таким образом, троечетверо из приближенных беков каждый вечер по очереди обходили лагерь с факелами, я тоже один раз сделал обход. Тем, кто не выходил|| 149*а*
[на стражу], мы прокалывали нос и водили их напоказ вокруг лагеря. На правом крыле стояли Джехангир мирза, Баки Чаганиани, Ширим Тагай, Сейид Хусейн Акбар и еще несколько беков, на левом крыле — Мирза хан, Абд ар-Раззак мирза, Касим бек и еще несколько беков. В центре из больших беков не было никого, всё одни приближенные беки, а впереди стояли Сейид Касим ишик-ага, Баба Огли, Алла Кули Буран и еще несколько беков. Все войско разделили на шесть отрядов, каждому отряду был черед нести караул одни сутки.

Выступив оттуда, мы пошли на запад и остановились между Даштом и Банну в безводном русле реки. Воины прокопали сай и добыли воды для себя и для скота. Стоило прокопать этот сай на глубину кари или полутора кари, как появлялась вода. Не только из этого сая вода выходит подобным образом, таково свойство всех рек в Хиндустане: если прокопать дно на кари или полтора кари, непременно пойдет вода. Дивны пути создателя! В Хиндустане, где нет текучей воды нигде, кроме больших рек, вода находится так близко от высохшего русла.

Выйдя налегке на заре из этого русла реки, наши конные к послеполуденной молитве достигли деревень Дашта. Добытчики совершили набег на несколько деревень и доставили оттуда коров, ткани и лошадей. Всю ночь до утра и с утра до полудня подходили отставшие вьючные верблюды, быки и пехотинцы.|| В тот день, когда мы там стояли, 149*б*

добытчики пригнали из деревень Дашта много быков и овец. Повстречав афганских купцов, они доставили множество белой ткани, лекарственных трав, леденца, сахара, чистокровных коней и коней для продажи. Ходжу Хизра Нухани, одного из знаменитых и уважаемых афганцами купцов, Хинди Могол сбил с коня, отрезал ему голову и привез ее. Ширим Тагай поехал следом за добытчиками, один пеший афганец столкнулся с Ширим Тагаем лицом к лицу и отрубил ему мечом указательный палец.

На следующее утро мы выступили и остановились неподалеку, среди деревень Дашта. Выйдя оттуда, мы остановились на берегах реки Гумал. Из Дашта на Газни выходят две дороги; одна дорога ведет в Санг-и Сурах, пройдя Бурак, она идет в Фармул. Другая тянется по берегу реки Гумала и, не доходя до Бурака, тоже ведет в Фармул. Некоторые хвалили дорогу вдоль Гумала.

Пока мы стояли в Даште, два или три дня подряд шли дожди. Река Гумал сильно поднялась, так что мы с трудом отыскали переправу и перешли на другой берег. Люди, знающие дорогу, доложили, что, следуя вдоль Гумала, приходится несколько раз переходить реку; если вода будет так высоко, это окажется трудно. Относительно этой дороги у нас тоже появились сомнения. Так ни до чего и не договорились. Я решил условиться, какой дорогой идти утром на конях, когда барабан
150*a* пробьет выступление.|| Был день праздника разговения, я был занят праздничным омовением; Джехангир мирза и беки разговаривали между собой. Некоторые говорили: «Гора к западу от Дашта, которую называют Кух-и Мехтер Сулейман, стоит между Даштом и Дуки. Если обойти выступ этой горы, то дальше дорога будет ровная. Правда, это составит разницу в один-два перехода».

Их мнения сошлись на этом, и они решили направиться к выступу горы. Не успел я покончить с омовением, как все воины двинулись к выступу; большинство их переправилось через реку Гумал. Так как дорога была незнакомая, то мы, не зная, ближняя она или дальняя, пошли по ней, основываясь на ложных слухах. Праздничную молитву мы совершили на берегах реки Гумал. Науруз пришелся вскоре после праздника разговения, промежуток между ними был всего в один или два дня. По этому поводу я сказал такую газаль:

Увидев новый месяц и лицо друга, люди радостны в праздник,*
Мне же, вдали от твоего лика и бровей, достались одни заботы в месяц праздника.
Пользуйся, Бабур, Наурузом ее лица и праздником встречи с нею,*
Ибо лучше этого не будет для тебя дня, будь хоть сотня наурузов и праздников.

Переправившись через реку Гумал, мы двинулись на юг, вдоль склонов горы. Когда мы прошли один-два куруха, || на холмах у под- 150*б*
ножия горы показалось несколько злополучных афганцев. Мы во весь опор помчались в ту сторону; большинство афганцев убежало, но некоторые по глупости уперлись и остались стоять на небольших холмиках у подножия и на склонах горы. Один афганец стоял на возвышенности; по-видимому, позади него была пропасть и ему некуда было уйти. Султан Кули Чанак в кольчуге поднялся на пригорок, порубился с афганцем и захватил его. Единственно [хорошее] дело, которое он совершил, состоя при мне, было именно это дело; оно явилось причиной моей благосклонности и возвышения Султан Кули Чанака.

На склоне другой горы Кутлук Кадам схватился и порубился с одним афганцем, и оба они полетели с высоты десяти или двенадцати кари. Кутлук Кадам отрезал афганцу голову и принес ее.

Еще на одной горе Капак схватился с афганцем врукопашную, и они скатились вниз до половины горы; его голову Капак также принес. Многие из этих афганцев попали к нам в плен, все были освобождены.

Выйдя из Дашта, мы двинулись на юг вдоль склонов горы Кух-и Мехтер Сулейман и, сделав три ночевки, пришли в местечко Била; это одно из зависимых от Мультана селений на берегу реки Синда. Жители Била сели в лодки и переехали через реку; некоторые бросились в воду и переправились вплавь.

Напротив этого селения есть остров; || отставшие жители селения 151*а*
виднелись на этом острове. Большинство моих воинов, с лошадьми и с оружием, бросились в воду и переправились на остров, несколько человек при этом утонуло. Из моих нукеров среди погибших был Кул Арук, он был главный постельничий; из нукеров Джехангир мирзы [утонул] Кайтмас Туркмен. На острове воинам достались кое-какие вещи и пожитки.

Все жители тех мест переехали на лодках на другой берег реки Синда. Те, которые переправились напротив острова, полагаясь на глубину реки в этом месте, взяли в руки сабли и начали чваниться, играя ими. Один из [наших людей], переправившихся на остров, Кул Баязид бакаул, в одиночку, на незаседланном коне без доспехов бросился напротив них в воду. Река с той стороны острова была в два — в три раза шире, чем с нашей стороны. Кул Баязид пустил лошадь вплавь: напротив афганцев, стоявших на той стороне, он вышел на мелкое место в полете стрелы от врагов, вода была лошади по брюхо. Кул Баязид простоял некоторое время на месте, должно быть, оправляясь; сзади никто не подъехал на помощь, надежды, что придет помощь, не было. Кул Баязид быстро двинулся на врагов, они выпустили в него одну-две стрелы, но не могли устоять и побежали. Один, на неоседланной лоша-

ди, без помощи, он переплыл такую реку, как Синд, обратил врагов в бегство и занял их землю. Замечательно смелое дело сделал!

151*б* Обратив врагов в бегство,|| воины переправились через реку и забрали их пожитки и скот как добычу.

Хотя я и раньше за услуги и неоднократно выказанную смелость проявлял к Кул Баязиду благосклонность и внимание, возвысив его от должности повара до степени личного бакаула, но на сей раз после этого замечательного дела я оказал ему великое уважение и покровительство и сделал милости и благодеяния, как будет упомянуто дальше. И действительно он заслуживал милостей и благодеяния!

Сделав еще один или два перехода вдоль берегов реки Синда, мы направились вниз по реке. Воины, то и дело совершая набеги, вконец разбили своих лошадей, да добыча и не стоила набегов — одни быки. В Даште им, правда, достались овцы, а еще кое-где — всякие вещи вроде, например, тканей. За Даштом, кроме быков, ничего не было, а во время стоянок на берегах реки Синда один человек бывало пригонял по триста, по четыреста быков. Быков пригоняли так много, что на каждой стоянке их оставляли почти столько же.

Мы совершили три перехода по самому берегу реки Синда, а после трех переходов отошли от берега против мазара Пир-Кан. Достигнув мазара Пир-Кан, мы остановились. Так как воины притесняли некоторых муджавиров мазара, то я приказал для острастки изрубить одного
152*а* воина на куски. Этот мазар пользуется в Хиндустане || большим почетом; он находится у подножия гор, примыкающих к горе [Кух-и] Мехтер-Сулейман.

Покинув этот мазар, мы остановились на перевале, а. выйдя оттуда, стали на реке, протекающей в области Дуки. Когда мы уходили с этой стоянки, мои люди схватили и привели человек двадцать из людей Фазил Кукельташа, даруги города Сиви, нукера Шах бека, которые вышли в дозор. Так как в то время между нами и Шах беком не было никаких неудовольствий, то мы отпустили их с их конями и оружием.

После ночевки мы стали лагерем близ одной из деревень области Дуки, называемой Чутали. Хотя мои люди неустанно совершали набеги и подальше от реки Синда и на берегах реки, но кони не уставали, так как зерна для коней и зеленого корма было много. Когда же мы отошли от реки Синда, направляясь к Пир-Кану, то зеленого корма не стало; иногда за два-три перехода удавалось найти лишь небольшие поросли травы, да и зерна для коней не находили. После упомянутых стоянок кони моих людей стали отставать; на первой стоянке за Чутали из-за отсутствия вьючных животных отстал даже мой шатер. Вечером на этой стоянке пошел такой дождь, что в палатках было воды выше

щиколотки. Ковры сложили в одном месте в высокую кучу, и я сидел на них. В эту ночь утро застало меня в таком приятном положении.

Еще через два перехода Джехангир мирза пришел и шепнул мне на ухо: || «У меня есть к вам разговор наедине». Нас оставили одних и 152*б*
он доложил: «Баки Чаганиани пришел ко мне и сказал: «Давайте отправим государя с семью, восемью или десятью йигитами на тот берег реки Синда, а вас вознесем государем». Я спросил: «Кто еще был на этом совещании?» и Джехангир мирза ответил: «Баки бек только что сказал мне это, других я никого не видал».

Я сказал: «Проверь, кто еще с ним заодно. Вероятно, Сейид Хусейн Акбар, Султан Али Чухра и еще некоторые беки, вельможи и йигиты Хусрау шаха замешаны в этом».

В самом деле, Джехангир мирза держал себя тут очень хорошо; он исполнил обязанность родственника. Поступок Джехангир мирзы был ответом на такой же поступок с моей стороны. То, что произошло в Кахмерде, случилось вследствие подстрекательства и козней того же злосчастного, ничтожного человека.

Когда мы ушли с этой стоянки и стали лагерем на другой стоянке, я отобрал отряд молодцов, кони которых еще на что-нибудь годились, и, поставив во главе его Джехангир мирзу, послал пограбить живших в тех местах афганцев. На этих стоянках кони наших воинов начали сильно отставать; бывали дни, когда отставало двести или триста коней; лучшие отборные йигиты остались пешими. Шах Махмуд Оглакчи, один из лучших моих внутренних беков, когда отстали все его лошади, пришел пешком; до самого Газни кони моих воинов были в таком положении. Через три-четыре перехода Джехангир мирза, разграбив отряд || афганцев, пригнал стадо овец. 153*а*

Через один или два перехода, мы достигли Аб-и Истаде. Глазам представилась очень большая река. Степи на той стороне совсем не было видно. Вода, казалось, сливается с небом. Горы и холмы на той стороне, словно горы и холмы в мареве, которые кажутся висящими, тоже как будто висели между небом и землей. В этом месте сливаются реки, текущие в долине Катта-Ваза, в долине Зурмата, реки Газни и долины Карабага; потоки от весенних дождей и реки, разливающиеся во время паводков, несут сюда воды, остающиеся после орошения.

Когда мы находились в одном курухе от Аб-и Истаде, то видели удивительную вещь: между небом и водой то и дело появлялось и снова исчезало что-то ярко-красное, как вечерняя заря. Это продолжалось до тех пор, пока мы не приблизились к реке; подойдя близко, мы поняли, что это дикие гуси: не то десять тысяч, не то двадцать тысяч, очень много диких гусей. Когда множество диких гусей на лету машет крыльями, то их красные перья то виднеются, то скрываются. Там оказались не

только эти птицы; на берегах водится бесчисленное, несметное количество всяких других птиц.

На берегу оказалось много птичьих яиц. Двое афганцев, которые
153*б* пришли на берег || собирать эти яйца, увидев нас, бросились в воду. Несколько человек проплыли за ними с полкуруха и привели их. Они доложили, что вода всю дорогу одинаково мелкая и доходит коням по брюхо. Река там, по-видимому, неглубока, вследствие ровности дна.

Придя к руслу потока, идущего по степи Катта-Ваза и впадающего в Аб-и Истаде, мы стали там лагерем. Это русло сухое и вода обычно никогда там не течет; сколько раз мы проходили мимо, мы никогда не видели в этом русле текущей воды. Но на этот раз, из-за весенних дождей, в русло прибыло столько воды, что мы нигде не могли найти переправы. Хотя русло и не слишком широкое, оно очень глубокое. Коней и верблюдов всех переправили вплавь, а некоторые вещи и пожитки связали веревками и перетащили волоком на ту сторону.

Перейдя это русло, мы миновали Кухна-Нани и плотину Сар-и Дех и пришли в Газни. Джехангир мирза день-два оказывал нам гостеприимство, предлагая угощение и поднося подарки.

В этом году большинство рек поднялось, и через реку Дех-и Якуб нельзя было найти переправы. Я приказал доставить лодки, построенные на озере, и спустить их на реку Дех-и Якуб, напротив Камари; люди переправлялись на лодках.

154*а* Миновав Сиджавенд на лодках, мы в месяце зу-л-хиджже || прибыли в Кабул. Сейид Юсуф бек несколькими днями раньше умер от желудочных колик.

Насир мирза, испросив разрешение, остался в Куш-и Гумбазе; он сказал: «Я доставлю кое-что для слуг и нукеров из окрестных областей и приду следом за вами дня через три-четыре». Расставшись с нами, Насир мирза тотчас же послал свое войско в Дара-и Нур, так как жители Дара-и Нура проявили некоторое неповиновение. О неприступности крепости Дара-и Нур и неровности окружающих ее земель из-за рисовых полей уже говорилось раньше. Начальник [карательного] отряда Фазли вел войско без достаточной осмотрительности: на такой неровной дороге с гористой местности он пустил своих людей грабить. Жители Дара-и Нура прогнали разъехавшихся в разные стороны добытчиков; остальные тоже не могли устоять и побежали; перебив часть людей, враги забрали много коней и оружия. Если над войском начальствует человек, подобный Фазли, положение его всегда будет таково. По этой ли причине или потому, что в сердце Насир мирзы оставалась обида, но он не пришел следом за нами и отстал от нас.

Сыновьям Айуба — Юсуфу и Бахлулу (на свете нет больше таких злых, сварливых, надменных и гордых людей) я отдал: Юсуфу — Алин-

гар и Бахлулу — Алишанг.|| Эти двое тоже намеревались захватить 154*б*
что-нибудь из своих областей и прийти с Насир мирзой. Так как Насир мирза не пришел, то они тоже не явились; всю зиму они были собутыльниками и собеседниками Насир мирзы.

Зимой они однажды совершили набег на афганцев Таркалани; летом Насир мирза снял с места и погнал за собой всех аймаков и все пришлые племена с их стадами и домочадцами, которые прикочевали в Нингнахар и в Ламганат, и явился на берега Барана. Когда Насир мирза находился на берегах Барана и в тех местах, пришли известия, что бадахшанцы перебили узбеков и, объединившись, восстали против них. Подробности этого дела таковы.

Шейбани хан отдал Кундуз Камбар бию, а сам ушел в Хорезм. Камбар бий, желая склонить к себе жителей Бадахшана, послал в Бадахшан сына Мухаммед Махдуми по имени Махмуд. Мубарак шах, предки которого принадлежали к числу беков бадахшанских шахов, поднял голову, обезглавил Махдуми и еще нескольких узбеков и укрепил крепость Зафар. Раньше она называлась Шаф-Тивар, но он дал этой крепости наименование Зафар. Мухаммед курчи, один из оруженосцев Хусрау шаха, в то время владычествовал в Хамалангане. Он убил в Рустаке с а д р а Шейбани хана и еще нескольких узбеков и укрепил Хамаланган. Зубайр Раги, || предки которого тоже были беками 155*а*
у бадахшанских шахов, взбунтовался в Раге. Джехангир Туркмен, один из нукеров Вали, брата Хусрау шаха, во время этих смут отложился от своего бека, собрал несколько беглых и отставших воинов и аймаков и потянулся в одно из укреплений. Насир мирза, получив об этом известие, вознамерился овладеть Бадахшаном. Подстрекаемый и побуждаемый некоторыми скудоумными и недальновидными людьми, он согнал домочадцев и скот всех явившихся с той стороны [Аму-Дарьи] пришлых племен и пошел через Шиберту и Аб-Дара.

Когда Хусрау Шах и Ахмед-и Касим, убежав из Аджара, ушли в сторону Хорасана, они повстречали в дороге Бади'аз-Заман мирзу и Зу-н-Нун бека и, направившись вместе с ними в Герат, поступили в услужение к Султан Хусейн мирзе.

Эти люди, которые столько лет враждовали с Мирзой и оказывали ему всякие неучтивости (каких только язв не было из-за них у Мирзы на сердце!), теперь из-за меня, отправились к Мирзе в столь жалком и униженном состоянии и встретились с ним. Если бы я не сделал Хусрау шаха столь слабым, разлучив его со слугами и нукерами, если бы я не отнял Кабула у Мукима, сына Зу-н-Нуна, то их уход и свидание с Мирзой оказались бы невозможны. Ведь Бади'аз-Заман мирза был у них в руках, || [словно] тесто, и не мог отступить от их слов. Султан 155*б*
Хусейн мирза встал для них всех на место благодеяния и, не вспоми-

ная обид, даже сделал им подарки. Хусрау шах через некоторое время попросил разрешения уйти в свои земли, говоря: «Если я пойду, то заберу все эти области», но так как он пришел [в Герат] без оружия и без средств, то от разрешения всячески уклонялись. Когда эти увертки продлились, Хусрау шах повторил просьбу. Так как он очень настаивал, то Мухаммед Бурундук дал ему прямой ответ и сказал: «Когда у тебя было тридцать тысяч нукеров и все те области находились в твоих руках, что ты сделал? И что ты теперь сделаешь в землях, находящихся под властью узбеков, имея всего пятьсот человек?».

Однако, сколько ни убеждали Хусрау шаха и сколько ему ни говорили разумных слов, это не подействовало, ибо пришел его срок. Он стал еще больше настаивать, и, в конце концов, ему дали позволение. Со своими тремя или четырьмя сотнями людей он направился прямо к границам Дехане.

В то время Насир мирза тоже ушел в ту сторону. Придя туда, Хусрау шах встретился с Насир мирзой в окрестностях Дехане. Главари бадахшанцев призывали одного Насир мирзу, Хусрау шаха они не звали; сколько ни старался Насир мирза, Хусрау шах, поняв, как обстоит дело, не соглашается идти в [Хисарские] горы. План Хусрау шаха
156*а* был таков: взять с собой Насир мирзу в качестве прикрытия, || пойти и занять область [Хисара]. Ладу у них так и не вышло; построив своих людей в окрестностях Ишкамыша и облачившись в кольчуги, они чуть не подрались и, [в конце концов], разошлись.

Насир мирза потянулся к Бадахшану. Хусрау шах, набрав отряд всякой голытьбы человек с тысячу и хороших и плохих, пришел осаждать Кундуз и стал в одном-двух йигачах от города Ходжа-Чартака.

Когда Мухаммед Шейбани хан, захватив в Андиджане Султан Ахмед Танбала, пошел на Хисар, [его противники) без боя и без сражения бросили свои земли и ушли, Шейбани хан пришел в Хисар; в Хисаре стоял Ширим Чухра с отрядом отборных йигитов. Хотя беки бросили свои земли и ушли, эти люди не сдали крепости Хисара и укрепили ее. Шейбани хан поручил осаду Хисара Хамза султану и Махди султану, а сам пришел в Кундуз, отдал область Кундуза своему младшему брату Махмуд султану и немедленно, не задерживаясь, направился в Хорезм против Чин Суфи. Он еще не дошел до Самарканда, как его брат, Махмуд султан, умер в Кундузе; Шейбани хан отдал Кундуз Камбар бию из Мерва. Когда пришел Хусрау шах, в Кундузе находился Камбар бий. Камбар бий одного за другим гонял людей к Хамза султану и прочим султанам, || призывая их на помощь. Хамза султан, придя
156*б* в Сарай, на берегах Аму, поставил во главе войска своих сыновей и беков и послал их в Кундуз. Когда они приблизились, их противники сейчас же вышли навстречу, но не смогли даже начать бой, а тот ничтож-

ный толстяк и убежать не сумел; люди Хамза султана тотчас же сбили его с коня. Племянника Хусрау шаха, Ахмед Касима, Ширим Чухра и еще нескольких отборных молодцов убили, а самого Хусрау шаха привели в Кундуз и обезглавили. Его голову послали в Хорезм Шейбани хану.

Как и говорил Хусрау шах, стоило ему только уйти в Кундуз, как повадки находившихся при мне слуг и нукеров совершенно изменились: Большинство их потянулось в Ходжа-Ривадж и в те края. Бывшие при мне люди являлись в большинстве нукерами и слугами Хусрау шаха. Моголы держали себя хорошо и действовали со мною единодушно; когда пришла весть о [гибели] Хусрау шаха, они сразу присмирели, как будто на огонь плеснули водой.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ОДИННАДЦАТОГО

В месяце мухарраме с моей матерью Кутлук Нигар ханум приключилась болезнь хасбе. Ей отворили кровь, но [крови] оказалось мало. При ней был один хорасанский врач, его Сейид табибом звали. По хорасанскому обычаю он дал больной арбуза, но так как, видимо, пришел
157*a* ее срок, то через шесть дней, в субботу, || она преставилась к милости Аллаха.

Улуг бек мирза устроил у подножия горы [Памган] сад, называемый Баг-и Наурузи. С разрешения его наследников мы с Касим Кукельташем в воскресенье привезли [покойницу] в этот сад и предали земле. Во время обряда оплакивания мне сообщили [о смерти] Младшего хана, моего дяди Алача хана, и моей бабки Исан Даулат биким.

Подошли сороковины Ханум, [моей родительницы], когда из Хорасана прибыла мать ханов Шах биким [и с нею] жена моего дяди Султан Ахмед мирзы, Михр Нигар ханум, а также Мухаммед Хусейн Гурган Дуглат; оплакивание началось снова, и огонь разлуки разгорелся без меры. Исполнив обряд оплакивания, мы роздали нищим и беднякам кушанье и пищу и устроили моления и чтения Корана за упокой души отошедших.

Утешив родичей и скинув черные одеяния, мы освободились от этих дел и по настоянию Баки Чаганиани повели войска на Кандахар. Выступив в поход, мы пришли на луговину Куш-Надир. Когда мы остановились там, я схватил горячку. Удивительное это было недомогание! Если меня с величайшими усилиями удавалось разбудить, то мои глаза сейчас же опять смежались сном. Через четыре-пять дней мне, в общем, стало лучше.

В это время произошло такое землетрясение, что большинство крепостных валов и садовых стен обрушилось. В городе и в деревнях рухнуло много домов, под развалинами домов и [садовых] стен осталось множество мертвецов. || В деревне Памган обвалились все дома, семь- 157*б*
десят-восемьдесят зажиточных домохозяев погибло под стенами. Между Памганом и Бектутом кусок земли шириной в полет большого камня оторвался и упал вниз на расстояние полета стрелы. На самом месте провала появились ручьи. От Истергача до Майдана, то есть примерно на расстоянии в шесть-семь йигачей, землю до того взрыло, что в некоторых местах она поднялась на высоту роста слона, в других настолько же провалилась вниз; в расщелинах кое-где уместился бы человек. Во время землетрясения над вершинами гор поднялась пыль. Нурулла Тамбурчи играл тогда передо мной на сазе, тут же лежал еще другой саз. [Нурулла] схватил в руки оба саза, он настолько плохо владел собой, что сазы стукались друг об друга.

Джехангир мирза находился в это время в Тепа и сидел на айване верхней постройки одного из зданий, воздвигнутых Мирза Улуг беком. Когда началось землетрясение, он бросился вниз, но не пострадал. Один из приближенных Джехангир мирзы находился в той же пристройке, стена пристройки упала на него, но бог его сохранил, и ему нигде ничего не повредило. Большинство домов в Тепа развеяло в прах.

В тот день земля сотрясалась тридцать три раза; бекам и воинам было приказано заделать и починить бреши и щели в крепостных стенах и башнях; || в двадцать дней или в месяц ценою больших усилий 158*а*
трещины и проломы в крепости были заделаны.

Задуманный ранее поход на Кандахар, вследствие моей болезни и землетрясения, был отложен. Оправившись от болезни и заделав пробоины в крепости, я утвердился в прежнем намерении. Мы еще не ре-

шили, идти ли в сторону Кандахара или рыскать по горам и равнинам ради грабежа. Когда мы стали лагерем под Шанизом, я позвал Джехангир мирзу и беков и был устроен совет; сговорились идти на Калат. Джехангир мирза и Баки Чаганиани очень настаивали на этом походе.

Достигнув Тази, мы получили сведения, что Шир Али Чухра, Кичик Баки Дивана и еще несколько человек задумали бежать. Мы тотчас же велели их схватить; так как Шир Али Чухра, будучи и при мне и не при мне, и в этой земле и в других землях устраивал и чинил всякие смуты и дурные дела, то его передали палачу; прочих мы отпустили, лишив их коней и оружия.

Подойдя к Калату без оружия и без снаряжения, мы тотчас же со всех сторон начали бой. Хороший был бой. Брат Ходжи Калана, Кичик бек, был очень смелый йигит; как уже упоминалось в этой летописи, он
158*б* несколько раз рубился передо мной на мечах. || Кичик бек подобрался к башне на юго-западной стороне Калата и уже почти поднялся на нее, но тут ему воткнули в глаз копье; через день или два после взятия Калата он умер от этой раны. Кичик Баки Дивана, которого схватили, когда он собирался бежать вместе с Шир Али, стараясь исправить в этом бою свое дурное дело, [несколько раз] подходил к крепостным воротам у подножия вала и погиб, пораженный камнем. Еще один или два человека тоже тогда погибли.

Так мы бились до послеполуденной молитвы. Когда йигиты, сражаясь и бросаясь на приступ, уже ослабели, осажденные попросили пощады и сдали крепость.

Зу-н-Нун Аргун отдал Калат Мукиму; из нукеров Мукима в Калате были Фаррух Аргун и Кара Булат; повесив на шею свои колчаны и мечи, они пришли к нам, и мы простили им их проступки. Я не хотел притеснять этих людей, ибо, если бы в то время, когда рядом стояли такие враги, как узбеки, между нами произошли подобные вещи, что сказали бы слышащие и видящие, находящиеся вблизи или вдали?

Так как этот поход состоялся по настоянию Джехангир мирзы и Баки бека, то защищать Калат мы поручили Мирзе. Он не согласился; Баки также не смог найти при этом хорошего ответа. Взятие Калата приступом, после столь жестокого боя, оказалось бесполезным.

159*а* Совершив набег на афганцев из Сава-Санга, Ала-Така || и окрестных мест, лежащих южнее Калата, мы вернулись в Кабул. Спешившись в Кабуле, я в тот же вечер отправился в крепость. Мои шатры и конюшня находились в Чар-Баге; какой-то вор-хирильчи пришел и увел из Чар-Бага моего коня и одного мула.

С тех пор как Баки Чаганиани, придя на берега Аму, присоединился к нам, не было при нас человека более значительного и уважаемого. Что бы ни говорили, что бы ни делали, [решающим] словом было всегда

его слово, [разумное] дело — его делом. Однако надлежащих услуг, подобающего обхождения он никогда не оказывал, а наоборот, чинил всевозможные неучтивости и обиды; это был скупой, грубый, завистливый, дурной, зложелательный и угрюмый человек. Вот до чего доходила его скупость: когда он бросил Термез и присоединился к нам со всеми своими домочадцами и стадами и у него лично было может быть тридцать или сорок тысяч баранов, он на каждой стоянке прогонял перед нами множество овец, и, хотя наши йигиты терпели муки голода, не дал ни одного барана. В конце концов, уходя в Кахмерд, он подарил пятьдесят баранов. Хотя он провозгласил меня государем, но приказывал бить в литавры у своих собственных дверей; он ни с кем не был искренен и никого не любил.

Весь доход Кабула, какой есть, получается с тамги. Баки Чаганиани забрал себе всю тамгу; должность кабульского даруги, || подати с 159*б*
Панджхира, налоги с племени Кеди, Хазара и Кушкак и власть при дворе — все принадлежало ему. Пользуясь таким почетом, он однако отнюдь не был доволен и благодарен. Хотя, как уже упоминалось, он питал всякие дурные замыслы, мы совершенно не принимали этого к сердцу и не упрекали его в лицо; постоянно привередничая, он то и дело просил разрешения удалиться; мы терпели его причуды и с извинениями отказывали ему. Успокоившись на один-два дня, он снова начинал просить разрешения. Причуды и домогательства Баки Чаганиани наконец перешли предел; мы тоже извелись из-за его поведения и поступков и дали ему разрешение. Попросив позволение, он, однако, стал каяться и начал проявлять беспокойство, но это не принесло пользы. Он прислал мне сказать: «Мы заключили условие, что, пока я не совершу девять проступков, с меня не будут взыскивать». И я указал ему через Мулла-Баба, один за другим, одиннадцать его проступков, так что он был приведен к молчанию. С семьей и имуществом мы его отпустили в Хиндустан. Несколько его собственных нукеров, переведя его через Хайбер, пришли обратно; Баки, присоединившись к каравану племени Гагиани, прошел через Нил-Аб.

В это время Яр Хусейн, сын Дариа хана, находился в Качекуте. Ссылаясь на указы, полученные в Кохате, он взял отряд афганцев из племени Дилазак и Юсуфзай и еще один отряд из Джатов и Гуджуров к себе в нукеры и грабил людей, разбойничая на дорогах. Услышав о происшествии с Баки, || Хусейн преградил дорогу и легко захватил Баки 160*а*
и тех, кто ему сопутствовал. Он убил Баки и взял себе его жену; хотя мы отпустили Баки, не сделав ему никакого зла, но его зло вышло ему навстречу и он стал пленником своих собственных дел.

Поручи судьбе того, кто сделал тебе дурное,*
Ибо судьба — твой слуга, который за тебя мстит.

Этой зимой мы простояли в Чар-Баге, пока раз или два не пошел снег.

С тех пор как мы вернулись в Кабул, туркмены хазаре творили всевозможные безобразия и грабили на дорогах. Задумав совершить на них набег, мы перешли в здание, построенное Улуг бек мирзой и называемое Бустан-Сарай. Оттуда мы выступили в месяце ша'бане, собираясь на набег на туркмен хазаре. У входа в долину Дара-и Хуш возле Джангалика мы напали на хазарейцев и ограбили небольшой их отряд. Неподалеку от Дара-и Хуш, в одной пещере, укрылось несколько хазарейцев. Шейх Дервиш Кукельташ, который во времена казачества большей частью был со мной (он занимал должность курбеги и с силой натягивал лук и хорошо метал стрелы), беспечно подошел ко входу в пещеру. Один из бывших там хазарейцев выстрелил ему в самый сосок. В тот же день он умер.

Большинство туркмен-хазарейцев зимовало в Дара-и Хуш. Мы двинулись на них. Дара-и Хуш — диковинная долина. Почти на пол куруха от устья этой долины тянется узкий проход, дорога пролегает по склону горы. || Ниже дороги — крутизна в пятьдесят-шестьдесят кари, выше — узенькая тропинка, по которой всадники проходят один за другим. 160*б*

Миновав эту теснину, мы шли до времени между двумя молитвами и, не нагнав хазарейцев, заночевали в одном месте. Нашли жирного верблюда, принадлежащего хазарейцам, и привели его; этого верблюда убили и мы сделали из части его мяса шашлык, а отальное сварили в котле и съели. Никогда не едали мы такого вкусного верблюжьего мяса, некоторые не могли отличить его от баранины.

Утром мы снялись с лагеря и двинулись на зимовье хазарейцев. Шел первый пахр, когда от передовых подъехал человек и сказал: «В одной теснине хазарейцы укрепили препятствиями переправу через реку, подкараулили наших людей и дерутся с ними». Услышав это, мы быстро двинулись вперед, проехали часть дороги и достигли того места, где хазарейцы подстерегли наших и дрались. В ту зиму выпал очень глубокий снег, идти без дороги было трудно, берега и ложе реки сплошь покрылись льдом; из-за льда и снега нельзя было перейти реку против тех мест, где не было дороги. Хазарейцы нарезали и побросали у истоков множество веток, они стояли, конные и пешие, в ложе реки и на берегах || и сражались, пуская стрелы. 161*а*

Мухаммед Али Мубашшир бек был один из тех беков, которым я недавно начал оказывать благоволение; очень смелый, достойный милостей и хороший был йигит. Без кольчуги он поехал вперед, к дороге, забросанной сучьями. Ему выстрелили в шулятные ядра и он тотчас же испустил дух.

Мы шли быстро, у большинства из нас не было кольчуг. Над нами пролетело несколько стрел; Ахмед Юсуф бек волновался и все время говорил: «Вы идете совсем голый. Я видел, как две или три стрелы пролетели у вас над головой». Я отвечал: «Будьте смелее! Немало таких стрел летало у меня над головой».

Так шли дела, когда Касим бек, одетый в латы, нашел на правом берегу переправу через реку и перебрался на другую сторону. Когда он пустил коня, то хазарейцы не могли устоять и побежали; йигиты, схватившиеся с хазарейцами врукопашную, бросились за ними, сбивая их с коня. Касим беку в награду за это дело был дан [в удел] Бангаш. Хатим курбеги тоже неплохо держался в данном походе, по этой причине Хатиму было пожаловано место Шейх Дервиш Кукельташа, то есть место курбеги. Капак Кули Баба за смелые действия в этом походе мы тоже пожаловали деревню.

Султан Кули Чанак шел следом за хазарейцами, из-за глубокого снега нельзя было сойти с торной дороги. Я тоже поехал с его йигитами. || Невдалеке от зимовки хазарейцев мы наткнулись на стада их 161*б*
овец и табуны лошадей; я собрал до четырехсот или пятисот овец и двадцать пять лошадей. Султан Кули и еще два-три человека находились поблизости.

Я сам дважды участвовал в набегах. Впервые это было в тот раз; и еще я ходил в набег на туркменских хазарейцев, возвращаясь из Хорасана; тогда [тоже] гнали много овец и коней.

Жены и дети хазарейцев пешком поднялись на снеговые холмы; мы несколько поленились, да и время было вечернее. Повернув назад, мы расположились в жилищах самих же хазарейцев.

Той зимой выпало очень много снегу. В этих местах в стороне от дороги снегу было коням по брюхо. Воины, вышедшие ночью в дозор, из-за обилия снега до рассвета просидели на конях.

Утром мы повернули обратно, а заночевали в Дара-и Хуш, на зимовье хазарейцев. Выступив оттуда, мы остановились в Джангалике. Ярак Тагай и еще несколько человек подошли вслед за нами. Им было приказано захватить и привести хазарейцев, которые застрелили Шейх Дервиша. Эти нечестивые, у которых кровь застывала в жилах, все еще сидели в той пещере. Наши пошли, напустили в пещеру дыму и захватили семьдесят или восемьдесят хазарейцев. Большинство их погибло от меча.

Вернувшись из похода на хазарейцев, мы отправились в окрестности Ай-Тугды, к низовьям реки Барана, чтобы взыскать подать с [жителей] Ниджрау. Когда мы находились в окрестностях Ай-Тугды, Джехангир мирза || явился туда из Газни, чтобы служить мне. 162*а*

В это время, тринадцатого числа месяца рамазана, у меня начались мучительные боли в боку, так что меня сорок дней ворочал с боку на бок особый человек.

Среди жителей долин Ниджрау обитатели долины Пичкан и особенно староста деревни Гаин в этой долине — Хусейн-Гаини с братьями были известны и знамениты своей строптивостью и дерзостью. Мы послали против них войско во главе с Джехангир мирзой; Касим бек тоже пошел с ними. Отряд двинулся, поднялся на насыпь, захватил силой укрепленное место и подверг часть врагов расправе.

Из-за болей в боку для меня устроили нечто вроде носилок, перенесли меня с берегов реки Барана в город и доставили в Бустан-Сарай; той зимой я прожил несколько дней в Бустан-Сарае.

Моя болезнь еще не прошла, когда у меня выскочил на правой щеке чирей; его прокололи иглой. Из-за этой болезни я, кроме того, пил слабительное.

Выздоровев, я выехал в Чар-Баг. Джехангир мирза пришел мне служить. Сыновья Айуба, Юсуф и Бахлул, с тех пор как ушли к Мирзе, подстрекали его к мятежу и злым делам. В этот раз я увидел, что Джехангир мирза не такой, как прежде. Через несколько дней Мирза выступил из Тепа, облачившись в доспехи, и быстро ушел в Газни. Он захватил крепость Нани, убил там несколько человек и ограбил
162б всех жителей. Вместе с бывшими при нем || людьми он прошел через становища хазарейцев в сторону Бамиана. Богу известно, что ни я, ни подвластные мне люди не сделали и не сказали что-нибудь, что могло бы быть основанием для подобного недовольства и вражды. Позже я слышал, что причиной своего ухода Джехангир мирза объявил следующее: когда он пришел в Газни, Касим бек и другие беки вышли ему навстречу. Мирза пустил сокола на перепелку. Сокол настиг ее и уже выпустил когти, но перепелка бросилась на землю. Все закричали: «Взял? Взял?» Касим бек сказал: «Раз он так обессилил добычу, неужели он ее выпустит? Возьмет!» Эти слова показались Мирзе зловещими и якобы стали одной из причин его ухода. Он ссылался также на другие слова, еще ничтожнее и слабее этих.

Поступив в Газни таким образом, Мирза потянулся через становища хазарейцев к аймакам. В это время аймаки отделились от Насир мирзы, но не примкнули к узбекам; они находились в Яе, Астерабе и окрестных летовках.

Между тем, Султан Хусейн мирза, твердо решившись отразить Мухаммед Шейбани хана, велел созвать всех своих сыновей. Ко мне он тоже прислал Сейид Афзала, сына Сейид Султана Али Хабибина, призывая меня. Направиться в Хорасан нам было необходимо по нескольким причинам. Во-первых, когда столь великий государь, как Сул-

тан Хусейн мирза, сидящий на престоле Тимур бека, || собрав войска, 163*а*
созывает со всех концов и со всех сторон своих сыновей и беков, чтобы двинуться против такого врага, как Шейбани хан, то если другие идут на ногах, мы пойдем на голове, и если другие пойдут с палкой, мы пойдем с камнем. Во-вторых, поскольку Джехангир мирза ушел с таким недовольством и злобой, нужно либо рассеять его недовольство, либо отразить его вред.

В том году Шейбани хан десять месяцев осаждал Чин Суфи в Хорезме и взял город. Во время этой осады происходили большие бои. Хорезмские йигиты сделали много смелых дел, не совершив ни в чем упущения. Они так хорошо метали стрелы, что не раз простреливали насквозь щит и кольчугу, а иногда даже две кольчуги. Десять месяцев терпели они осаду, ни с какой стороны не было надежды на помощь. Некоторые йигиты, проявив малодушие, вступили с узбеками в переговоры и ввели их в крепость. Чин Суфи, прослышав об этом, пришел туда сам. Когда он бил и сбивал с коня вошедших в крепость узбеков, его собственный телохранитель, наставив свистящую стрелу, поразил его этой стрелой сзади и он умер. Никого не осталось, чтобы сражаться, крепость взяли, Да помилует Аллах Чин Суфи! Храбро || сражаясь, 163*б*
он не оставил ни одной мелочи без внимания.

Шейбани хан отдал Хорезм Капак бию, а сам пошел в Самарканд.

В конце этого года в месяце зу-л-хиджже Султан Хусейн мирза повел войско против Шейбани хана, но, достигнув Баба-Илахи, отправился к божией милости.

ЕГО РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Он родился в восемьсот сорок втором году в Герате, во времена Шахрух-мирзы. Султан Хусейн мирза — сын Мансура, сына Байкара, сына Омар Шейха, сына эмира Тимура; Мансур мирза и Байкара мирза не были государями. Матерью [Султан Хусейн мирзы] была Фируза биким, внучка Тимур бека. Султан Хусейн мирза был также внуком Миран Шах мирзы, это был благородный государь, родовитый по отцу и по матери. Их было два единородных сына и две дочери: Байкара мирза, Султан Хусейн мирза, Ака биким и еще одна дочь, Бадке биким, которую взял за себя Ахмед хан. Байкара мирза был старше Султан Хусейн мирзы и был его нукером, но не присутствовал в диване; вне дивана они сидели на одной подушке. Младший брат дал Байкара мирзе область Балха, несколько лет он был правителем в Балхе. У него было три сына: Султан Мухаммед мирза, Султан Ваис мирза и Султан Искандер мирза.

164*а* Ака биким || была старшая сестра Султан Хусейн мирзы. Внук Миран Шах мирзы, Султан Ахмед мирза, взял ее в жены, у нее был один сын, по имени Кичик мирза. Сначала он служил своему дяде, потом оставил военное дело и занялся чтением книг; говорят, что он был ученый. Дар к стихотворству у него тоже был; ему принадлежит такое рубаи:

Всю жизнь я праведностью хвалился,*
Постником себя выказывал,
Но пришла любовь и где постничество, какая там праведность!*
Благодарение Аллаху, я испытал себя.

Получилось совпадение с рубаи Муллы Джами. В конце жизни он совершил паломничество и обход вокруг Кабы.

Бадке биким тоже была старше Мирзы. В дни казачества он отдал ее за Ахмед хана, хана Хаджи-тарханского. У него было два сына. Придя в Герат, они долгое время служили Мирзе.

НАРУЖНОСТЬ И ВНЕШНИЕ КАЧЕСТВА

Он был человек с раскосыми глазами, коренастый, сложенный, как лев, ниже пояса он был тонкий. Хотя он прожил долгие годы и стал седобородым, но все же одевался в одежды красного и зеленого шелка и носил черную мерлушковую шапку или колпак. Иногда, в праздник, он ходил на молитву в маленьком плоском тюрбане, дурно намотанном на три оборота с воткнутым в него пером цапли.

СВОЙСТВА И ПОВАДКИ

Впервые заняв престол, он сначала имел мысль поминать в хут-
164*б* бе двенадцать имамов; || Алишер бек и еще кое-кто его удерживали. Однако позднее все его действия и поступки соответствовали установлениям сунны и общины.

Вследствие болезни суставов [Султан Хусейн] не мог совершать молитвы, поста он также не держал. Это был говорун и весельчак, нрав у него был немного несдержанный и речи его — такие же, как нрав. В некоторых своих поступках он очень тщательно соблюдал закон. Както раз его сын убил человека, и он отдал его кровным родичам убитого и послал в судилище.

В первые шесть-семь лет после занятия престола он воздерживался от вина, потом стал пить. За те сорок почти лет, что он был государем в Хорасане, не было дня, чтобы он не пил после полуденной молитвы, но утром он никогда не пил. Его сыновья и все воины и горожане вели себя так же: неумеренно предавались увеселениям и разврату.

Он был смелый и мужественный человек и не раз сам рубил саблей; даже в каждом бою он неоднократно пускал в ход саблю. Среди потомков Тимур бека не знают никого, кто бы так рубил клинком, как Султан Хусейн мирза. Дар к стихотворству у него тоже был, он даже составил диван. Он сочинял стихи по-тюркски, его тахаллус был Хусейни. Некоторые его стихи не плохи, но только диван Мирзы весь составлен в одном размере. Хотя и по летам и по могуществу это был великий государь, но он, словно мальчик, || водил боевых баранов, гонял голубей и даже стравливал петухов. 165*а*

ЕГО БИТВЫ И СРАЖЕНИЯ

В дни казачества он однажды переправился вплавь через разлившуюся реку и здорово разбил отряд узбеков. В другой раз Султан Абу Са'ид мирза послал вперед три тысячи человек под начальством Мухаммед Али Бахши. Султан Хусейн мирза, придя с шестьюдесятью йигитами, наткнулся на них и наголову разбил их. Это дело одно из славных и выдающихся дел Султан Хусейн мирзы.

В другой раз, под Астрабадом, он сразился с Султан Махмуд мирзой и победил; еще один раз, тоже под Астрабадом, он вступил в бой с Са'ид ибн Хусейн Садлу Туркменом и победил. После вступления на престол он сразился под Чинараном с Ядгар Мухаммед мирзой и победил. В другой раз он быстрым ходом пришел [в Герат] от моста на Мургабе. Ядгар Мухаммед мирза лежал в Баг-и Загане и пил. Султан Хусейн мирза взял его в плен. После этого завоевания он удержал Хорасан.

В окрестностях Шапургана и Андхуда, под Чакманом, он сразился с Султан Махмуд мирзой и вышел победителем.

В другой раз, когда Абу Бекр мирза, соединившись с пришедшими из Ирака туркменами племени Кара-Куйлук, разбил Улуг бек мирзу у Такане и Химара и взял Кабул, а потом, позарившись на Ирак, бросил Кабул, перешел через Хайбар, Хуш-Аб и окрестности Мультана в Сиви, а оттуда двинулся на Карнан и взял его, но не мог там удержаться || и направился в область Хорасана, Султан Хусейн мирза, 165*б*
придя быстрым ходом, взял его в плен.

В другой раз, у Пул-и Чирага, он разбил одного из своих сыновей, Бади' аз-Заман мирзу; под Халва-Чашме он победил двух своих сыновей Абу-л-Мухсин мирзу и Капак мирзу.

Однажды он повел войско на Кундуз, осадил его, но не мог взять и вернулся; в другой раз он осадил Хисар, но тоже не мог взять эту крепость и возвратился обратно.

Еще один раз Султан Хусейн мирза пошел на владения Зу-н-Нуна; даруга Буста отдал ему Буст, но больше Султан Хусейн мирза ничего не сделал. Буст он тоже оставил и возвратился обратно. Столь великий и смелый государь, как Султан Хусейн мирза, в эти два-три похода не проявил решимости, подобающей царю, и вернулся, ничего не доведя до конца.

В другой раз, при Уланг-Нишине, он вступил в бой со своим сыном мирзой Бади' аз-Заманом, который пришел вместе с Шах беком, сыном Зу-н-Нуна, и разбил его. При этом случилось удивительное стечение обстоятельств. У Султан Хусейн мирзы было мало войска: большую часть своих сил он послал в окрестности Астрабада. В день этого сражения войска, ушедшие под Астрабад, вернулись и соединились с Султан Хусейн мирзой. С другой стороны, Султан Мас'уд мирза, который, отдав Байсункар мирзе Астрабад, направлялся к Султан Хусейн мирзе, тоже пришел в этот самый день. Хайдар мирза, который спешно выступил в Себзар, навстречу Бади' аз-Заман мирзе, также явился как раз в тот день.

ВЛАДЕНИЯ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Областью, которою он владел, был Хорасан. На востоке от его
166*a* земель лежат Балх, Газни, || Бистам и Дамган, на севере — Хорезм, на юге — Кандахар и Систан. Когда в его руках оказался такой город, как Герат, Султан Хусейн днем и ночью только и делал, что наслаждался и веселился; больше того, среди его слуг и приспешников не было человека, который бы не наслаждался и не веселился. Султан Хусейн не нес тягот и бремени миродержавия и полководчества; поэтому с течением времени его дружины и владения стали незначительны и не увеличивались.

ДЕТИ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Он оставил четырнадцать сыновей и одиннадцать дочерей. Из всех его сыновей старшим был Бади' аз-Заман мирза; его матерью была дочь Санджар мирзы из Мерва. Другой сын был Шах Гариб мирза, он был горбун. Хотя он был дурно сложен, но способности его были хороши, хотя тело его было бессильно, но речи его были приятны. [Шах Гариб мирза] взял себе тахаллус Гариби и даже составил диван. Он сочинял стихи по-персидски и по-тюркски. Вот один его стих:

Проходя, я увидел девушку с лицом пери и стал от нее безумным.*
Как ее имя — не знаю, и где ее дом.

Султан Хусейн мирза несколько раз поручал управление Гератом Шах Гариб мирзе. Он умер при жизни своего отца. После него не осталось ни сына, ни дочери.

Еще был Музаффар мирза. Это был любимый сын Султан Хусейн мирзы, хотя его качества и поступки не могли вызвать любви. Сыновья Султан Хусейн мирзы, из-за того что он ставил [Музаффара] много выше других, в большинстве восстали против него. Матерью этих двоих была Хадича биким, наложница Султан Абу Са'ид мирзы. || От Мирзы у нее была еще дочь по имени Ак биким. 166*б*

Еще у Султан Хусейна были сыновья Абу-л-Мухсин мирза и Капак мирза, имя которого было Мухаммед Мухсин. Матерью обоих была Латифа Султан Агача.

Другой его сын был Абу Тураб мирза; сначала о нем рассказывали очень хорошие вещи. Когда нездоровье его отца усилилось, Абу Тураб мирза, услышав разные тревожные россказни, бежал со своим младшим братом Мухаммед Мухсин мирзой в Ирак. В Ираке он оставил военное дело и избрал для себя дервишество. Больше сведений о нем не дошло. У него был один сын по имени Сухраб мирза. Когда я разбил султанов под начальством Хамза султана и Махди султана и взял Хисар, он находился при мне. Один глаз у него был слепой. Он был удивительно дурен собой, и качества его были таковы же, как облик. Он совершил некое безобразие и проявил неуравновешенность, так что не мог оставаться у меня и ушел. В окрестностях Астрабада Наджм-и Сани убил его после пытки за его безобразия.

Еще был Мухаммед Мухсин мирза. В Ираке его и шаха Исмаила однажды заточили в одном и том же месте; тогда же он стал муридом шаха Исмаила, потом сделался грубым рафидитом. Хотя его отец и старшие братья все были сунниты, он так и умер рафидитом в Астрабаде, пребывая в заблуждении и в ложной вере. Его называли смельчаком и богатырем, но он не совершил ни одного дела, о котором стоило бы написать. У него была способность к стихотворству. Вот один его стих.

За какой добычей гонялся ты, что так покрыт пылью?*
Из-за кого твое горячее сердце вогнало тебя в испарину?

Еще был Феридун || Хусейн мирза. Он с силой натягивал лук и хорошо пускал стрелы. Чтобы натянуть его лук, требовалось, говорят, [сила] в сорок батманов. Сам он был очень смел, но не был счастлив в бою; всюду, где ни сражался, терпел поражение. Под Рабат-и Дударом Феридун Хусейн мирза и его младший брат Ибн Хусейн мирза вступили в бой с Тимур султаном, Убайд султаном и передовыми отрядами Шейбани хана и были разбиты; при этом Феридун Хусейн мирза держал себя очень хорошо. В Дамгане Феридун Хусейн мирза и 167*а*

Мухаммед Заман мирза попали в плен к Шейбани хану; тот отпустил обоих и не убил их. Потом, когда Шах Мухаммед Дивана укрепился в Калате, Феридун Хусейн мирза ходил туда. При взятии узбеками Калага он попал в плен и его убили.

Эти три царевича родились от узбечки, наложницы Мирзы, по имени Мингли Бий Агаче.

Еще был Хайдар мирза; матерью его была Пайанде Султан биким, дочь Султан Абу Са'ид мирзы. При жизни своего отца Хайдар мирза некоторое время правил в Мешхеде и Балхе. Когда Султан Хусейн мирза осаждал Хисар, он взял для Хайдар мирзы в жены дочь Султан Махмуд мирзы от Ханзаде биким, заключил мир и ушел из-под Хисара. После Хайдар мирзы осталась всего одна дочь по имени Шад биким; позднее она прибыла в Кабул и ее выдали за Адил султана.
167*б* Хайдар мирза ушел из мира еще при жизни своего отца. ||

Еще был Мухаммед Ма'сум мирза. Отец отдал ему Кандахар. В связи с этим он сосватал для сына одну из дочерей Улуг бек мирзы. Когда ее привезли в Герат, то устроили большой пир и воздвигли великолепный чартак.

Хотя отец отдал Мухаммед Ма'сум мирзе Кандахар, но и хорошее, и плохое там творил Шах бек Аргун; Мирза не имел ни власти, ни значения. Поэтому он не остался в Кандахаре и ушел в Хорасан. Еще при жизни своего отца он умер.

Еще был Фаррух Хусейн мирза. Он ушел из мира раньше своего младшего брата Ибрахим Хусейн мирзы.

Еще был Ибрахим Хусейн мирза. Способности у него были неплохие; неумеренно упиваясь гератским вином, он умер еще при жизни своего отца.

Еще были Ибн Хусейн мирза и Мухаммед Касим мирза; упоминание о них должно в дальнейшем последовать. Матерью этих пяти царевичей была Папа Агаче, наложница.

Старшей дочерью Султан Хусейн мирзы была Султаним биким; она родилась у матери одна. Ее мать, по имени Чули биким, была дочерью одного из Адакских беков. Султаним биким очень хорошо говорила, затруднений в словах у нее не было. Ее брат выдал ее замуж за среднего сына Байкара мирзы, Султан Ваис мирзу; у них была одна дочь и один сын. Дочь выдали за Иса~~н~~-Кули султана, младшего брата Илбарс султана, одного из султанов рода Шейбани; их сын — это Мухаммед Султан мирза, которому я теперь отдал область Канаудж. Тогда же Султаним биким забрала своего внука и направилась
168*а* из Кабула || в Хиндустан; в Нил-Абе над ней исполнился божий приговор. Люди ее взяли останки умершей и воротились обратно; ее внук тоже прибыл ко мне.

От Пайанде Султан биким у Султан Хусейн мирзы было четыре дочери. Первая была Ак биким; он выдал ее замуж за Мухаммед Касима Арлата, внука Бике биким, младшей сестры Бабур мирзы; у них была одна единственная дочь по имени Кара Куз биким. Ее взял Насир мирза.

Вторая дочь была Кичик биким. Мас'уд мирза питал к ней большую склонность, но, как он ее ни домогался, Пайанда Султан биким, которая косо смотрела на это, не отдала за него дочери. Позднее Кичик биким выдали за Мулла Ходжу, потомка Сейид Ата. Третью дочь, Бики биким, и четвертую дочь, Ага биким, Султан Хусейн мирза выдал за Бабур мирзу и Султан Мурад мирзу — сыновей своей младшей сестры Рабиа Султан биким.

От Мингли Бий Агаче у Султан Хусейн мирзы было две дочери. Старшую звали Байрам Султан; ее выдали замуж за Сейид Абдаллах мирзу из рода андхудских сейидов, внука по матери Байкара мирзы. У нее был один сын по имени Сейид Барака. Когда я взял Самарканд, он служил мне; потом он попал в Ургенч и предъявил притязания на власть. Его убили кизилбаши в Астрабаде.

Еще одну дочь звали Фатима Султан; ее отдали Ядгар мирзе из рода Тимур бека.

От Папа Агаче [у Султан Хусейн мирзы] было три дочери. Старшей из всех была Султан Нижад биким; Султан Хусейн мирза выдал ее за Искандер мирзу, младшего сына своего старшего брата.

Вторая дочь была Биким Султан. После того как у Султан Мас'уд мирзы пострадали глаза, || Биким Султан отдали за него. У них родились сын и дочь. Девочку воспитывала жена Султан Хусейн мирзы, Апак биким. Она прибыла из Герата в Кабул; ее отдали за Сейид мирзу Апака. Биким Султан, когда узбеки убили Султан Мас'уд мирзу, взяла своего сына и направилась к Ка'бе. Теперь пришло известие, будто она сама и ее сын находятся в Мекке. Сын у нее, должно быть, уже довольно большой. 168б

Третью дочь отдали замуж за одного из андхудских сейидов, которого называли Сейид Мирза. Он более известен именно под прозвищем «Сейид Мирза».

Была у него еще одна дочь, от наложницы, по имени Айша Султан. Ее матерью была Зубейда Ага, внучка Хасан Шейх Тимура. Айша Султан отдали за Касим Султана — одного из султанов-шейбанидов. От него у нее был один сын по имени Касим Хусейн султан. В Хиндустане он явился ко мне на службу и участвовал в войне с Рана Санкой, я отдал ему Бадаун. После смерти Касим султана Айша Султан взял Буран султан, один из его родичей. От Буран султана у нее есть сын

по имени Абд Аллах султан. Сейчас он находится при мне и, несмотря на молодость лет, служит не плохо.

ЖЕНЫ И НАЛОЖНИЦЫ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Первой его женой была Бике Султан биким; она была дочерью Санджар мирзы из Мерва. Бади' аз-Заман мирза родился от нее. Она была очень сварлива; ее строптивость надоела Мирзе и он, в конце
169*а* концов, ее оставил и избавился от нее. Что || поделаешь! Право было на стороне Мирзы.

Дурная жена в доме хорошего мужа*
И в нашем мире создает ад.

Да не пошлет бог никому из мусульман подобного бедствия, да не оставит господь на земле жены с дурным нравом и сварливой!

Еще была Чули биким; она была дочерью адакских беков. От нее родилась Султаним биким.

Еще была Шахр Бану биким, дочь Султан Абу Са'ид мирзы. Султан Хусейн мирза взял ее после того как овладел престолом. В битве при Чакмане, когда все жены мирзы вышли из носилок и сели на коней, Шахр Бану биким, полагаясь на своего младшего брата, не вышла из носилок и не села на коня. Об этом сообщили Мирзе; Мирза по этой причине оставил Шахр Бану биким и взял ее младшую сестру Пайанда Султан биким. Когда узбеки захватили Хорасан, Пайанда Султан биким ушла в Ирак и умерла в Ираке, на чужбине.

Еще была Хадича биким, наложница Султан Абу Са'ид мирзы. От мирзы у нее была дочь по имени Ак биким. После поражения Султан Абу Са'ид мирзы в Ираке она прибыла в Герат, в Герате ее взял Султан Хусейн и полюбил. Со степени наложницы она возвысилась до степени госпожи, а позднее стала весьма могущественной. Мухаммед Му'мин мирзу убили по ее настоянию. Когда сыновья Султан Хусейн мирзы восстали, это произошло главным образом из-за нее. Она считала себя умной, но была неразумная и болтливая женщина. Кроме того, она была рафидиткой. [Шах] Гариб мирза и Музаффар Хусейн мирза
169*б* || родились от нее.

Еще была Апак биким; от нее не было ни сына, ни дочери; Папа Агаче, которая стала такой любимицей [Мирзы], приходилась ей молочной сестрой; так как у Апак биким не было ни сына, ни дочери, то она воспитывала сыновей Папа Агаче, словно своих собственных детей. Во время болезней Мирзы она очень хорошо ему прислуживала; никто из жен не мог так ему служить. В тот год, когда я прибыл в Хиндустан, Апак биким явилась туда из Герата. Я оказал ей елико воз-

можный почет и уважение. Во время осады Чандири пришло известие, что над ней в Кабуле исполнился божий приговор.

Из наложниц одна была Латифа Султан Агаче. Она из рода Чаршамбе, от нее родились Абу-л-Мухсин мирза и Капак мирза. Еще была Мингли Бий Агаче; она была узбечка из прислужниц Шахр Бану биким и приходилась матерью Абу Тураб мирзе, Мухаммед Хусейн мирзе и Феридун Хусейн мирзе. Кроме них у нее было еще две дочери.

Еще была Папа Агаче, молочная сестра Апак биким. Мирза увидел ее, полюбил и взял. Она была матерью пяти сыновей и четырех дочерей, как уже упомянуто.

Еще была Биким Султан Агаче, от нее не было ни сына, ни дочери.

Кроме них, [у Мирзы] было еще много наложниц, хороших и плохих. Уважением из жен и наложниц пользовались те, которые нами упомянуты.

Удивительно, что у столь великого государя, как Султан Хусейн мирза, царствовавшего в таком городе ислама, как Герат, из всех его четырнадцати сыновей только трое не были детьми прелюбодеяния. Он сам, || его сыновья и жители города были очень склонны к распутству и 170*а*
из-за этой скверны и вышло так, что от столь великой семьи через семьвосемь лет не осталось, кроме Мухаммед Заман мирзы, ни следа, ни признака.

ЭМИРЫ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Один его эмир был Мухаммед Бурундук Барлас из рода Чаку Барласов, [то есть] Мухаммед Бурундук ибн Али ибн Бурундук ибн Джехан Шах ибн Чаку Барлас. Он был беком при Бабур мирзе, позднее Султан Абу Са'ид мирза тоже оказывал ему почет: он отдал ему и Джехангир Барласу Кабул и назначил его дядькой Улуг бек мирзы. После Султан Абу Са'ид мирзы Улуг бек мирза встал на путь злоумышления против Барласов; те догадались об этом, схватили Мирзу, согнали его людей с места и выступили в Кундуз. С гор Хиндукуша они вежливо отправили Мирзу обратно в Кабул, а сами пошли в Хорасан, к Султан Хусейн мирзе. Мирза, со своей стороны, оказал им большую благосклонность.

Мухаммед Бурундук был человек очень знающий и великий начальник. Он очень любил соколов, так что, если какой-нибудь сокол подыхал или пропадал, Мухаммед Бурундук Барлас поминал имена своих сыновей и говорил: «Отчего такой-то не умер или отчего такой-то не сломал себе шею раньше, чем околел или пропал этот сокол».

Еще был Музаффар Барлас. В дни казачества Мирзы он находился при нем. Не знаю, какие его повадки понравились Мирзе, но он оказывал ему большой почет. Значение его достигло такой степени, что Султан Хусейн мирза во времена казачества заключил с ним следую-

щее условие: во всякой завоеванной области, которая будет покорена,
170б четыре шестых земли достанется Мирзе, || а две шестых — Музаффар Барласу. Это удивительное условие! Когда бывало, чтобы приближенного делали соучастником в царской власти? Даже с братом и сыном такое условие невозможно, как же будет оно возможно с беком? После захвата престола Султан Хусейн мирза раскаивался, что заключил такое условие, но пользы не было. Этот скудоумный человечишко [Музаффар Барлас], пользуясь все таким же почетом, задирал перед Мирзой нос и ни в чем не действовал согласно с мнением Мирзы. В конце концов он, говорят, был отравлен, но Аллах лучше знает истину.

Еще был Алишер бек Навои; [впрочем], беком он у Султана не был, но был его товарищем. В детстве они учились в одной школе, между ними была большая близость. Не знаю, за какую провинность Султан Абу Са'ид мирза удалил Алишер бека из Герата. Он отправился в Самарканд. В те несколько лет, которые он провел в Самарканде, Ахмед Хаджи бек оказывал ему попечение и поддержку.

Алишер бек известен щекотливостью нрава. Говорили, что его щекотливость происходила от обольщения властью, но это не так. Подобное качество было у него природным. Когда он был в Самарканде, то тоже отличался такой щекотливостью нрава.

Алишер бек был человек бесподобный. С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо. Он сложил шесть книг месневи: пять — в ответ на «Пятерицу» [Шейха Низами] и еще одну — в ответ «Языку птиц», тоже под названием Язык птиц. Он [также] составил четыре дивана газалей под названиями: Диковины детства, Редкости юного возраста, Чудеса средней поры жизни и Полезные поучения старости. Хорошие рубаи у него тоже есть, есть и еще некоторые сочинения, но они ниже и слабее упо-
171а мянутых. || К числу их принадлежат его письма; следуя примеру Маулана Абд ар-Рахман Джами, он собрал их и получился сборник писем, которые он писал кому-нибудь по какому-либо поводу.

Еще он написал книгу о стихосложении под названием «Весы стихотворных размеров», заслуживающую многих замечаний; [определяя] размер двадцати четырех рубаи ,он сделал ошибку в четырех размерах; в некоторых других метрах он тоже ошибся. Человеку, внимательному к стихосложению, это станет известно.

Персидский диван он тоже составил; в персидских стихах он употреблял тахаллус Фани. Некоторые стихи там недурны, но в большинстве они слабы и стоят низко. В музыке он сочинял хорошие вещи, у него есть прекрасные накши и пишравы.

Неизвестно, существовал ли когда-нибудь другой такой пособник и покровитель людей науки и искусства, как Алишер бек. Устад Кул Му-

хаммед, Шейх Найи и Хусейн Уди, великие мастера в игре на инструментах, снискали столь большую славу и успех благодаря помощи и поддержке Бека. Устад Бехзад и Шах Музаффар тоже стали столь славны и известны вследствие забот и стараний Бека. Мало кому удалось построить столь полезных зданий, сколько построил он.

Без сына, без дочери, без жены и без семьи прошел он прекрасно [свой путь] в мире, одиноко и налегке. Сначала он был хранителем печати, в середине жизни стал беком и некоторое время правил в Астрабаде, а в конце своих дней оставил военное дело. От Мирзы он ничего не брал, и наоборот, каждый год подносил Мирзе в подарок большие деньги. || Когда Султан Хусейн мирза возвращался из похода на Астрабад, Алишер бек выехал ему навстречу. Поздоровавшись с Мирзой, он хотел подняться [с колен], но с ним что-то случилось и он не мог встать; его подняли и унесли. Врачи никак не могли распознать [его болезнь]. На следующее же утро он преставился к милости Аллаха. 171*б*

Один его стих соответствует такому положению:

Я умираю от недуга, но так как болезнь не явна,*
Чем могут помочь лекари в этой беде?

Еще был Ахмед Таваккул Барлас. Раньше он довольно долго правил в Кандахаре.

Еще был Вали бек, один из потомков Ходжи Сайф ад-дин бека. Он был у Мирзы великим беком. После того, как Султан Хусейн мирза занял престол, Вали бек недолго пользовался жизнью и вскоре умер. Это был хороший мусульманин, исправно совершавший молитвы, простой и правдивый человек.

Еще был Хасан Шейх Тимур; Бабур мирза, оказывая ему почет, возвысил его до степени бека.

Еще был Нойон бек. Отец его — один из термезских сейидов. По матери он приходится родичем Султан Абу Са'ид мирзе и Султан Хусейн мирзе. Султан Абу Са'ид мирза оказывал ему почет, при Султан Ахмед мирзе он также был уважаемым беком. К Султан Хусейн мирзе он тоже пошел и встретил большую благосклонность. Гуляка, весельчак, пьяница и кутила был. Хасан Якуба, так как он был у него в услужении, называли также Хасан-и Нойон.

Еще был Джехангир Барлас. Он некоторое время правил в Кабуле, вместе с Мухаммед Бурундуком, || потом ушел к Султан Хусейн мирзе. Тот оказал ему большой почет. Его повадки и обращение были утонченны и мягки, приятный был человек. Так как он хорошо знал свойства и привычки охотничьих птиц, то Султан Хусейн мирза большей частью поручал такие дела именно ему. Он был постоянным собеседником Бади'аз-Заман мирзы. Мирза, вспоминая общение с ним, хвалил его. 172*а*

Еще был Мирза Ахмед Али Фариси Барлас. Хотя он и не сочинял стихов, но был человек даровитый, знаток поэзии, остроумный, и вместе с тем простой.

Еще был Абд ал-Халик бек. Фируз шах бек, один из уважаемых беков Шахрух мирзы—его дед, и поэтому Абд ал-Халика называли Абд ал-Халик-и Фируз шах. Некоторое время он правил в Хорезме.

Еще был Ибрахим Дулдай. Он хорошо знал боевое дело и способы управления государством, это был второй Мухаммед Бурундук.

Еще был Зу-н-Нун Аргун. Смелый был человек. Находясь при Султан Абу Са'ид мирзе в числе прочих вельмож, он хорошо сражался мечом; поздней его руки тоже всегда доходили до боевого дела. Относительно его смелости спора нет, но это был человек несколько взбалмошный. Он ушел от наших мирз к Султан Хусейн мирзе, и тот отдал ему Гур и [область] Никудари. С отрядом в семьдесят или восемьдесят человек он в тех краях хорошо владел клинком и, имея очень мало
172б людей||, здорово разбил очень много хазарейцев и никударийцев. Ни один человек не держал хазарейцев и никударийцев в таком подчинении.

Через некоторое время ему отдали также и Заминдавар. Сын Зу-н-Нуна, Шах Шуджа Аргун, с малолетства всюду ходил с отцом и рубил саблей. Султан Хусейн мирза, уважая желание его отца, поручил ему управлять Кандахаром совместно с отцом. Потом эти отец и сын посеяли вражду между тем отцом и сыном и учиняли [всяческие] смуты.

В конце концов, когда я захватил Хусрау шаха, разлучил его с его слугами и нукерами и отнял Кабул у Мукима, младшего сына Зу-н-Нуна, Зу-н-Нун и Хусрау шах, став из-за меня беспомощными, пошли и свиделись с Султан Хусейн мирзой. После смерти Султан Хусейн мирзы Зу-н-Нун Аргун еще больше возвысился; ему отдали предгорные области под Гератом, например, Обе и Чахчаран. Когда Бади' аз-Заман мирза стал государем совместно с Музаффар [Хусейн] мирзой, Зу-н-Нун сделался полновластным вельможей при дворе Бади'аз-Заман мирзы; при дворе Музаффар мирзы полной властью пользовался Мухаммед Бурундук Барлас.

Хотя Зу-н-Нун Аргун и был смел, но это был человек взбалмошный и глупый; не будь он глупым и взбалмошным, разве поддался бы он на грубую лесть, опозоривши самого себя? Изъяснение этих слов таково: когда Зун-н-Нун Аргун, находясь в Герате, пользовался столь великим уважением и властью, несколько шейхов и мулл пришли к нему и сказали: «С нами имеет общение Кутб. Ты получил прозвание «Льва Аллаха». Тебе предстоит взять в плен узбека».

[Зу-н-Нун] поверил этой лести, повязал вокруг шеи полотенце и
173а возблагодарил Аллаха. Когда Шейбани хан в окрестностях Бадгиса||,

пошел на мирз и, не дав им соединиться, разбил их, Зу-н-Нун, считая слова шейхов за правду, встал у Кара-Рабата против Шейбани хана с сотней или полутора сотнями людей. [Шейбани хан] с большим войском подошел и тотчас же потеснил их. Зу-н-Нуна захватили и убили.

Зу-н-Нун был человек чистой веры, никогда не пропускал молитв и часто совершал добавочные молитвы. Он очень увлекался шахматами; если люди играют одной рукой, то Зу-н-Нун играл [можно сказать] двумя руками. Он играл сколько душе угодно. В естестве его преобладали скупость и скаредность.

Еще был Дервиш Али бек, родной брат Алишер бека. Некоторое время он управлял Балхом и в Балхе проявил себя хорошим беком. Но это был скудоумный, ни к чему не способный человек. Когда Султан Хусейн мирза в первый раз ходил на Кундуз и Хисар, Дервиш Али из-за его скудоумия взяли и отставили от должности правителя Балха. В девятьсот шестнадцатом году, когда я пришел в Кундуз, Дервиш Али явился ко мне, это был шут и глупец, далекий от качеств бека, лишенный достоинств царедворца. Видимо, только благодаря влиянию Алишер бека он пользовался таким почетом.

Еще был Могол бек. Некоторое время он управлял Гератом, потом ему отдали Астрабад. Из Астрабада он убежал в Ирак, к Якуб беку. Это был человек простого нрава. Он постоянно играл в кости.

Еще был Сейид Бадр. Это был страшно сильный человек, но движения его были очень изящны, он удивительно чувствовал ритм, замечательно хорошо плясал и исполнял какой-то необыкновенный танец. По-видимому, он сам его выдумал. [Сейд Бадр] постоянно находился при Мирзе и неизменно был ему собутыльником и собеседником. 172б

Еще был Ислим Барлас. Это был простой человек, он хорошо знал дело сокольничьего. Некоторые вещи он делал хорошо; выпуская стрелу из самострела с силой в тридцать-сорок батманов, он насквозь пробивал доску. На стрельбище он скакал с одного конца стрельбища до другого, снимал лук, целился на всем скаку, стрелял и попадал в цель. Еще он привязывал кольцо к веревке длиной в кари или полтора кари, а другой конец веревки прикреплял к дереву, [и сильно закручивал веревку]. Пока веревка раскручивалась, он пускал стрелу, и стрела пролетала через кольцо. Таких диковинных вещей он делал немало.

Ислим Барлас постоянно находился при Мирзе и присутствовал на всех попойках.

Еще был при Мирзе Султан Джунейд Барлас, потом он ушел к Султан Ахмед мирзе. Это отец того Султана Джунейда Барласа, которому теперь частично принадлежит власть в Джаунпуре.

Еще был Абу Са'ид хан Дармиан. Не знаю, оттого ли, что он под-

вел Мирзе коня среди боя или оттого, что отогнал врага, покушавшегося на Мирзу, он получил такое прозвище.

Еще был Бехбуд бек. Сначала он служил в отряде телохранителей.
174*а* В дни казачества || его услуги понравились Мирзе, и Мирза оказал Бехбуд беку такую милость: на тамге и на монетах стояло его имя.

Еще был Шейхим бек. Так как он употреблял тахаллус Сухейли, то его называли Шейхим Сухейли. Он сочинял стихи особого рода, в которые включал устрашающие слова и мысли. Вот один из его стихов:

В ночь печалей смерч моих вздохов сдвигает с места небесный свод;*
Дракон потока моих слез уносит обитаемую четверть земли.

Хорошо известно, что он однажды прочитал этот стих в присутствии Маулана Абд ар-Рахмана Джами. Маулана спросили его: «Мирза, вы что делаете — читаете стихи или пугаете людей?»

Шейхим Сухейли составил диван, месневи у него тоже есть.

Еще был Мухаммед Вали бек, он был сыном того Вали бека, о котором упоминалось раньше, и в конце жизни Мирзы стал при Мирзе великим беком. Хотя он был великим беком, но никогда не оставлял служения Мирзе; днем и ночью он подпирал дворцовые двери, так что даже его раздачи и угощения производились у этих дверей. Столь прилежный к службе человек конечно должен был снискать такое великое внимание. Удивительное дело! В наше время человека, который называется беком и видит за собой свиту в пять-шесть шелудивых слепцов, приходится насильно приводить к дверям дворца. А такая служба, как прежде, — где она? Такие уже видно наши беки несчастные!

Раздачи и угощения Мухаммед Вали бека были очень хороши, он содержал своих нукеров пристойно и роскошно, бедному и убогому||
174*б* делал собственной рукой много добра. Он был сквернослов и ругатель.

В девятьсот семнадцатом году, когда я взял Самарканд, Мухаммед Вали бек и Дервиш Али Китабдар находились при мне. В то время он был параличный; ни в словах его, ни в нем самом не было никакой приятности. Он не заслуживал большого почета; вероятно, лишь усердная служба вознесла его на столь высокую ступень.

Еще был Баба Али ишик-ага. Сначала ему оказал внимание Алишер бек и возвысил его до степени бека. Юнус Али, который теперь состоит моим беком, приближенным и внутренним слугой — о нем еще неоднократно придется упоминать ниже — сын этого Баба Али.

Еще был Бадр ад-дин бек. Раньше он состоял при садре Султан Абу Са'ид мирзы, Мирек Абд ар-Рахиме. Он был человек очень ловкий и проворный и, говорят, перепрыгивал через семь лошадей. Они с Баба Али были большими друзьями.

Еще был Хасан Али Джалаир. Его настоящее имя было Хусейн Джалаир, но он более известен под именем Хасан Али. Его отцу, Али Джалаиру, оказал внимание Бабур мирза и сделал его беком; потом, когда Ядгар Мухаммед взял Герат, выше Али Джалаира не было человека.

Хасан Али Джалаир состоял при Султан Хусейн мирзе в качестве кушбеги; он был поэтом и употреблял тахаллус Туфейли. Касиды он сочинял очень хорошо и в свое время был вождем в отношении касид. В девятьсот семнадцатом году, когда я взял Самарканд, Хасан Али Джалаир пришел ко мне. Он провел при мне пять-шесть лет; мне он тоже посвящал хорошие касиды. Это был бесстыдник и мот,|| он содер- 175*а*
жал бачей и постоянно играл в нард и в кости.

Еще был Ходжа Абд Аллах Марварид; раньше он был садром, потом стал приближенным слугой, доверенным и беком. Это был человек, полный достоинств; никто другой не умел так играть на кануне, извлекать трели на кануне — его изобретение. Он хорошо писал многими почерками, лучше всего — та'ликом, прекрасно составлял деловые бумаги и был хороший собеседник. Стихи он тоже писал, пользуясь тахаллусом Баяни. Его стихи по сравнению с другими его достоинствами были много ниже, но он хорошо судил о поэзии.

Ходжа Абд Аллах был развратник и бесстыдник; от дурных последствий разврата он заболел и покрылся чиреями, лишившись и рук, и ног, он прожил несколько лет в муках и страданиях, и ушел из мира от этой самой болезни.

Еще был Мухаммед Сейид Урус. Его отец—Урус Аргун, который стал великим и полновластным беком, когда Султан Абу Са'ид мирза захватил престол. В то время было [немало] молодцов, хороших стрелков; один из таких мастеров — Мухаммед Сейид Урус. Лук у него был крепкий, стрела — длинная; могучий стрелок, хороший стрелок был. Некоторое время он был правителем Андхуда.

Еще был Мир Али мирахур. Это тот, который послал к Султан Хусейн мирзе человека, повел его против Ядгар Мухаммед мирзы и захватил Мирзу врасплох.

Еще был Сейид Хасан Оглакчи, сын Сейида Оглакчи, младший брат Сейид Юсуф бека. У него был сын по имени Мирза Фаррух, человек способный и достойный.|| В девятьсот семнадцатом году, когда я 175*б*
взял Самарканд, Сейид Хасан пришел ко мне; хотя он сочинял мало стихов, но сочинял хорошо. Он прекрасно знал астролябию и звезды, беседа и общение с ним тоже были приятны. Сейид Хасан был несколько буен во хмелю, погиб он под Гидждуваном.

Еще был Тенгри Берди Саманчи. Простой, смелый был бек, хороший рубака. У ворот Балха он здорово порубил знатного нукера Хусрау

шаха по имени Назар Бахадур и захватил его, как уже было упомянуто.

Еще было [у Мирзы] несколько туркменских беков, которые, придя к Мирзе, снискали его благоволение. Раньше других пришел Али хан Баяндур и еще Асад бек и Тахамтан бек; эти двое были родные братья. Дочь Тахамтан бека взял за себя Бади'аз-Заман мирза; от нее родился Мухаммед Заман мирза.

Еще был Ибрахим Чагатай.

Был еще Омар бек. В последнее время он находился при Бади'аз-Заман мирзе. Это был храбрый, отважный и хороший человек. Один из его сыновей по имени Абу-л-Фатх явился ко мне из Ирака, в настоящее время он тоже находится со мною. Очень слабый, несмелый человек, без малейшей твердости. От такого отца и такой сын!

Одним из тех, которые явились [к Мирзе] позднее, после того как шах Исмаил завладел Ираком и Азербайджаном, пришли оттуда в Хорасан, был Абд ал-Баки мирза. Он из рода Тимур бека, потомок Миран шаха. Еще раньше потомки этого царевича, придя в те земли,
176*а* выбросили из головы помышления о власти || и служили тамошним государям, которые проявляли к ним благосклонность. Дядя этого Абд ал-Баки мирзы, Тимур Осман, был великим и уважаемым беком при Якуб беке; однажды он даже собрал большое войско и намеревался двинуться на Хорасан.

Когда Абд ал-Баки мирза пришел к нему, Султан Хусейн мирза тоже оказал ему внимание и, сделав его своим зятем, выдал за него Султаним биким, мать Мухаммед Султан мирзы. В числе беков, пришедших позднее, был также Мурад бек Баяндури.

Одним из садров мирзы был Мир Сар-и барахна. Он уроженец одной из деревень Андиджана и, говорят, выдавал себя за сейида. Это был очень приятный собеседник, даровитый и красноречивый человек. Среди людей науки и поэтов Хорасана его суждение и слово имели значение и считались основательными. Он загубил свою жизнь, пытаясь составить длинную, объемистую, лживую повесть, подобную «Повести об эмире Хамзе»; это произведение, противное естеству и разуму.

Еще был Камал ад-дин Хусейн Газургахи. Хотя он и не был суфием, но выдавал себя за суфия. Такого рода мнимые суфии собирались подле Алишера бека и устраивали радения, впадая в исступление. По происхождению он был выше большинства [таких суфиев]. Вероятно, причиной благосклонности к нему и было его происхождение, ибо других достоинств, о которых стоило бы говорить, у него не было. Есть у него одно сочинение: «Собрание влюбленных», которое он написал для Султан Хусейн мирзы; это очень слабое сочинение, там больше всего
176*б* лжи и притом бесвкусной лжи.|| Он писал такие дерзкие вещи, что некоторые подозревали его в неверии. Так, например, он приписывал многим

пророкам — мир с ними! — и святым плотскую любовь и нашел для каждого из них любимого и возлюбленного. Еще одна удивительная глупость заключается в том, что он в предисловии говорит, будто это сочинение составлено и написано самим Султан Хусейн мирзой, а в начале приводимых в книге стихов и газалей Комал ад-дин Хусейн везде пишет: «Сочинение автора книги». Из-за подхалимства этого Камал ад-дин Хусейна Зу-н-Нун Аргун и получил прозвище «Льва Аллаха».

ВАЗИРЫ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Одним из его вазиров был Маджд ад-дин Мухаммед. Он был сыном Пир Ахмеда Хавафи, полновластного дивана Шахрух мирзы. Вначале в диване Султан Хусейн мирзы не было должного порядка и устроения, растраты и мотовство были велики; ни крестьяне не были зажиточны, ни воины благодарны. В то время Маджд ад-дин Мухаммед состоял в должности парваначи и его называли Мирек. Когда Мирзе понадобилось немного денег и он потребовал их у служащих дивана, те ответили: «Денег нет и достать их нельзя». Маджд ад-дин Мухаммед был тут же. Он улыбнулся. Мирза спросил, в чем дело; Маджд ад-дин, оставшись с ним наедине, высказал все, что было у него на сердце и молвил: «Если Мирза заключит со мной условие, сделает мою руку сильной и не будет отступать от моих слов, я в короткое время устрою так, что страна|| начнет процветать, народ будет благодарен, казна—полна и 177*а*
войско — многочисленно». Мирза заключил желательное Маджд ад-дину условие и договор, отдал все области Хорасана ему во власть, и возложил все важные дела на его ответственность. Маджд ад-дин, со своей стороны, не щадя усилий и стараний, в короткое время сделал народ и войска довольными и благодарными; в казну он тоже доставил много денег, и все области государства стали благоустроенными и процветающими. Однако Маджд ад-дин враждовал с беками и должностными лицами, во главе которых стоял Алишер бек; по этой причине все его невзлюбили. Доносами и происками они заставили схватить Маджд ад-дин Мухаммеда и отрешить его от должности, и вместо него стал диваном Низам ал-Мульк. Спустя некоторое время Низам ал-Мулька тоже схватили и убили и, доставив из Ирака Ходжу Афзала, сделали его диваном. В то время, когда я пришел в Кабул, Ходжу Афзала назначили беком. В диване он тоже ставил свою печать.

Еще был Ходжа Ата. Хотя он не занимал столь высокой должности и не был диваном, как предыдущие, но во всех областях Хорасана ни одно важное дело не решалось без совета с Ходжа Ата. Это был богобоязненный и благочестивый человек и исправно творил молитвы. Делами он тоже занимался. Главными приближенными и приспешниками Султан Хусейн мирзы были упомянутые вазиры.

177б Время Султан Хусейн мирзы || — удивительное время. Хорасан и в особенности город Герат, были при нем полны ученых и бесподобных людей. Каждый, кто занимался каким-нибудь делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства.

Одним из таких возвышающихся людей был Маулана Абд ар-Рахман Джами. В его время не было другого человека, столь сведущего в науках явных и сокровенных. Стихи его хорошо известны и достоинства Маулана Джами выше того, чтобы была нужда их восхвалять. Мне пришла мысль начертать на этих ничтожных страницах его имя и упомянуть о некоторых из его качеств только своего благословения и счастья ради.

Еще был шейх ал-ислам Сайф ад-дин Ахмед. Он из потомков Маулана Са'д ад-дина Тафтазани, которые издавна были шейх ал-исламами в государствах Хорасана. Очень ученый это был человек, он хорошо знал арабскую словесность и науки, основанные на предании. Сайф ад-дин отличался великой набожностью и благочестием и хотя был шафиит по исповеданию, но уважал и другие толки. Говорят, что он почти семьдесят лет ни разу не пропускал соборной молитвы. Когда шах Исмаил взял Герат, то сделал Сайф ад-дин Ахмеда мучеником; из рода их не осталось ни одного человека.

Еще был Маулана Шейх Хусейн. Хотя выступление и возвышение Муллы Шейх Хусейна произошло во времена Султан Абу Са'ид мир-
178а зы, но он жил также и при Султан Хусейне и потому || упоминается здесь. Философские и положительные науки, а также богословие он знал хорошо. Умение с тонкостью вести разговор, выражая в немногих словах много мыслей, — его отличительная особенность. При Султан Абу Са'ид мирзе Маулана Шейх Хусейн был очень к нему приближен и полновластен; он имел касательство ко всем важным делам, происходившим во всех землях, а должность мухтасиба никто не исполнял лучше его. Из-за такой его близости к Султан Абу Са'ид мирзе столь бесподобного человека подвергали при Султан Хусейн мирзе унижениям.

Еще был Муллазаде, сын Муллы Османа. Он уроженец селения Чарх-Лахугарского тумана, одного из туманов Кабула. Так как уже во времена Улуг бек мирзы, когда ему было четырнадцать лет, он преподавал науки, то его называли «Мулла-и мадар-зад». Когда он ушел из Самарканда и, совершив обход вокруг Ка'бы, пришел в Герат, Султан Хусейн мирза силой удержал его там. Очень ученый был человек, другого такого ученого человека в то время не было. Говорят, что Муллазаде достиг сана муджтахида, однако он не выступал как муджтахид. Передают, что он будто говорил: «Если человек что-нибудь услышал, как может он потом об этом забыть?» У него была сильная память.

Еще был Мир-и Муртаз. Мир-и Муртаз хорошо знал философские и положительные науки. Он получил такое прозвище потому, что часто || 178*б*
постился. [Мир-и Муртаз] очень увлекался шахматами — до такой степени, что, если ему случалось встретить двух игроков, он с одним играл в шахматы, а другого держал за полу, «чтобы не ушел».

Еще был Мулла Мас'уд Ширвани и еще Мулла Абд ал-Гафур из Лара. Он был и муридом, и учеником Маулана Абд ар-Рахмана Джами. Большинство сочинений Маулана Джами Мулла Абд ал-Гафур читал вместе с ним. Он написал нечто вроде толкования к «Веяниям». В области явных наук он был очень хорошо подготовлен; при наличии сведений в явных науках он обладал большой долей знаний и в науках сокровенных. Это был удивительно незаметный и простой человек. Кого бы ни называли муллой, Абд ал-Гафур не считал позором раскрыть перед таким человеком книгу и вступить с ним в ученый спор; где бы ни указали ему на дервиша, он не успокаивался, пока не шел к нему. Когда я прибыл в Хорасан, Мулла Абд ал-Гафур был болен; совершив обход вокруг гробницы Маулана Джами, я пошел навестить Муллу Абд ал-Гафура. Он находился в медресе Муллы Джами. Через несколько дней Мулла Абд ал-Гафур умер от этой самой болезни.

Еще был Мулла Джамал ад-дин мухаддис; в Хорасане не было человека, столь же сведущего в науке о хадисах. Он очень пожилой и жив до сих пор.

Еще был Мир Атауллах Мешхеди. Он хорошо знал арабскую словесность и написал по-персидски «Трактат о рифме». Недостаток этого трактата в том, что для примера автор всегда приводит свои собственные стихи || и вдобавок перед каждым стихом считает нужным пояснить: 179*а*
«Как сказано в таком стихе сего раба». Некоторые из возражающих делали по поводу Трактата о рифме основательные замечания. Кроме того, Мир Атауллах написал рассуждение о поэтических фигурах под названием: «Чудеса поэтического искусства». Очень хорошо написал. В его верованиях проявлялось некоторое уклонение от правого пути.

Еще был Кази Ихтиар. Он хорошо исполнял должность казия. Написал по-персидски «Рассуждение о фикхе», хорошее рассуждение! Еще он собрал для ссылок слова из стихов Корана всякого содержания.

Когда я встретился с мирзами на Мургабе, Кази Ихтиар и Мухаммед Мир Юсуф, пришедшие с ними, повидали меня. Разговор зашел о почерке «бабури». Кази Ихтиар попросил меня написать отдельные буквы, я написал, и на этом же собрании он прочитал буквы, усвоил правила письма и сам кое-что написал.

Еще был Мир Мухаммед Юсуф. Он был ученик Шейх ал-ислама [Сайф ад-дин Ахмеда], потом Шейх ал-ислам назначил его на свое место. На некоторых собраниях выше сидел Кази Ихтиар, на некоторых —

Мир Мухаммед. Впоследствии он так увлекся и пленился военным делом и полководством, что из его слов нельзя было узнать ни о чем, кроме этих двух вещей, и из его речей нельзя было ничего понять, кроме этого. Хотя в обоих этих делах у него не было ни дарования, ни способности, он в конце концов из-за своей страсти пустил на ветер и дом, и имущество, и жизнь. Он, говорят, был шиит.

179*б* Из поэтов Султан Хусейн мирзы вождем и главой || всех был Мауляна Абд ар-Рахман Джами, кроме него [знамениты] Шейхим Сухейли и Хусейн Али Туфейли Джалаир, чьи имена и качества были упомянуты и начертаны в кругу беков и внутренних приближенных Султан Хусейн мирзы. Еще был Асафи; будучи сыном вазира, он употреблял тахаллус Асафи. Его стихи не лишены красок и мыслей, хотя в них не чувствуется любви и упоения. Он сам заявил: «Я никогда не мечтал собирать свои газали»,— но это, вероятно, просто рисовка. Его младший брат или родственник собрал эти газали. Стихов другого рода, кроме газалей, он написал мало. Когда я ушел в Хорасан, он служил мне.

Еще был Беннаи. Он из Герата. Так как его отцом был Устаз Мухаммед Сабз, строитель, Беннаи употреблял такой тахаллус. В его газалях есть краски и вдохновение, он составил диван. Месневи у него тоже есть. Одно его месневи — о различных плодах—написано в размере мутакариб. Бесполезные вещи он там говорит, пустяками занимается. Есть у него и другое коротенькое месневи в размере хафиф и еще одно, побольше, тоже в размере хафиф. Это месневи он закончил в последнее время жизни.

Сначала Беннаи был несведущ в музыке и по этой причине Алишер бек, говорят, укорял его. В каком-то году, когда Мирза поехал зимовать в Мерв и Алишер бек тоже поехал туда, Беннаи остался в Герате. В ту зиму он упражнялся в музыке и к весне так навострился, что мог сочинять целые произведения. Весной, когда Мирза вернулся в Ге-
180*а* рат ||, Беннаи исполнял свои сауты и накши, и Алишер бек удивлялся и одобрял его. В музыке Беннаи сочинял хорошие произведения. В числе их есть накш, называемый нух-ранг; конец девяти рангов и напев накша [звучит в ладу] раст.

Беннаи часто возражал Алишер беку и по этой причине терпел много притеснений. В конце концов, он не мог больше жить в Герате и ушел в Ирак и Азербайджан к Якуб беку. У Якуб бека Беннаи жил неплохо, был участником всех его собраний. После смерти Якуб бека он не остался в тех землях и вернулся в Герат. Склонность к шуткам и насмешкам у него не прошла. Вот одна из них: как-то раз, за игрой в шахматы, Алишер бек вытянул ногу и коснулся зада Беннаи. Алишер бек шутливо сказал: «Вот беда! В Герате, если вытянешь ногу, непременно коснешься зада поэта». Беннаи отвечал: «А если подожмешь

ногу, то тоже коснешься зада поэта». В конце концов из-за таких шуток он снова ушел из Герата и отправился в Самарканд.

Алишер бек придумывал много разных вещей, и хорошие вещи придумывал. Всякий, кто изобретал что-нибудь новое в своем деле, чтобы обеспечить и успех этой вещи, называл ее «алишери». Некоторые ссылались на Алишер бека ради шутки. Так, из-за того что Алишер бек, когда у него болело ухо, повязывался платком, женщины называли синий платок, повязанный наискось, «алишерово украшение». Беннаи тоже, собираясь уйти из Герата, || заказал седельнику необычное седло для 180б
своего осла и оно стало известно под названием «алишери».

Еще был Сейфи Бухари. В общем у него была некоторая ученость, он показывал людям подробный список прочитанных им книг и подтверждал этим свое звание муллы. Сейфи составил диван, есть у него еще другой диван, который он сочинил для всяких ремесленников. Он придумал много поговорок, а месневи у него нет, как доказывает такой его стих:

Хотя писать месневи — для поэтов заповедь пророка,*
Я считаю газаль божьей заповедью.
Пять стихов, приятных для сердца,*
Я считаю лучше обеих «Пятериц».

Есть у него персидский труд о стихосложении, слишком немногословный, но в некоторых отношениях очень многоречивый, немногословный в том смысле, что там не написано многих нужных вещей, а многоречивый потому, что ясные и понятные слова там выписаны со всеми точками и знаками падежей. Вино Сейфи пил здорово, но был зол во хмелю и крепко дрался.

Еще был Абд Аллах, сочинитель месневи. Он родом из Джама, сын сестры Муллы Джами, тахаллус его Хатифи. В подражание «Пятерице» [Низами] он писал месневи. Свое произведение в двустишиях (месневи), сложенное в подражание «Семи красавицам», он назвал «Семь ликов», по образу «Искандер-намэ» он написал «Тимур-намэ». Из этих его месневи наиболее известна поэма «Лайли и Маджнун», хотя красота ее не соответствует ее славе.

Еще был Мир Хусейн Муаммаи. Вероятно, никто не сочинял муамма так, как Мир Хусейн, он постоянно проводил время, придумывая муамма. Удивительно скромный, непритязательный и беззлобный был человек. || 181а

Еще был Мулла Мухаммед Бадахши. Он из Ишкамиша. Ишкамиш не входит в Бадахшан и удивительно, что он употреблял тахаллус Бадахши; стихи его не таковы, как стихи упомянутых выше поэтов. Он написал «Рассуждение о муамма»; муамма его тоже не очень хороши. Мулла Мухаммед был приятный собеседник, в Самарканде он служил мне.

Еще был Юсуф Бадии. Он из Ферганской области. Касиды он сочинял недурно.

Еще был Ахи. Он хорошо сочинял газали. В последнее время он находился при Ибн Хусейн мирзе. Он — автор дивана.

Еще был Мухаммед Салих. У него есть газали со вкусом, но гладкости в них меньше, чем вкуса. Тюркские стихи у него тоже есть, он сочинял их недурно. Позже он отправился к Шейбани хану и тот в общем оказывал ему внимание. В честь Шейбани хана Мухаммед Салих написал тюркское месневи в размере рамаль шестистопный усеченный, то есть в размере [поэмы Джами] «Четки». Это очень слабое и плохое месневи. Человек, который его прочтет, не будет привержен к стихам Мухаммеда Салиха. Один его хороший стих таков:

Фергана была родиной Танбала,*
Сделал он Фергану домом лентяев.

Область Андиджана тоже называют «домом лентяев». В этом месневи не найдешь других таких стихов. Мухаммед Салих был злой, жестокий и безжалостный человек.

Еще был Шах Хусейн Ками. Его стихи тоже неплохи. Он сочинял газали. Диван у него, кажется, тоже есть.

Еще был Хилали, он и теперь еще жив. Газали у него гладкие, цветистые, без задоринки. Диван у него тоже есть. Есть у него месневи в
181б размере хафиф, || называемое «Шах и дервиш». Хотя некоторые стихи там хороши, но содержание и костяк у этого месневи весьма трухлявые и шаткие. Прежние поэты, сочиняя месневи о любви и влюбленности, наделяли качествами любящего мужчину, а свойствами возлюбленной — женщину, Хилали же сделал любящим дервиша, а возлюбленным—шаха. Из стихов, сказанных им о словах и делах шаха, следует, что он представил шаха блудницей и распутницей. Весьма безобразно, что ради своих двустиший Хилали расписывает юношу, да еще юношу-шаха, как блудницу и распутницу.

У Хилали якобы очень хорошая память; он будто бы помнит тридцать-сорок тысяч стихов. Говорят, что большинство стихов из обеих «Пятериц» хранится у него в памяти. В области стихосложения и науки о рифме и стихотворстве он очень хорошо подготовлен.

Еще есть Ахли. Он из простых людей. Стихи у него недурные, диван тоже есть.

Хотя каллиграфов при дворе Султан Хусейн мирзы насчитывалось много, но главою их всех в писании насталиком был Султан Али Мешхеди. Он много писал для Мирзы и для Алишер бека — каждый день по тридцать стихов для Мирзы и по двадцать стихов для Алишер бека.

К числу [знаменитых] художников [при дворе Мирзы] принадлежал Бехзад. Работу художников он исполняет очень тонко, но лица безбородых изображает плохо,— слишком вытягивает подбородок. Лица бородатых мужчин он рисует очень хорошо.

Еще был Шах Музаффар. Он рисовал || очень тонко, волосы у него 182*а*
тоже получались весьма изящно. Шах Музаффар не обрел долгой жизни — он ушел из мира в самую пору расцвета.

Из музыкантов [Мирзы] никто так не играл на кануне, как Ходжа Абд Аллах Марварид; об этом уже было упомянуто раньше.

Еще был Кул Мухаммед Уди. На геджаке он тоже играл хорошо. Он натянул на геджак три струны. Из музыкантов и исполнителей никто не сочинял так много хороших мелодий. Других произведений, кроме мелодий, у Кул Мухаммеда было не так много.

Еще был Шейх-и Найи. На уде и на геджаке он тоже играл хорошо. На нае он прекрасно играл с двенадцати или с тринадцати лет. Как-то раз, на пиру у Бади' аз Заман мирзы Шейх-и Найи хорошо сыграл на нае одно произведение. Кул Мухаммед на геджаке этого сыграть не сумел и сказал: «Геджак — несовершенный инструмент». Шейх-и Найи тотчас же взял у Кул Мухаммеда геджак и чисто и хорошо сыграл это произведение.

Про Шейх-и Найи рассказывали еще и другие истории. В отношении мелодий он был так сведущ, что, услышав какую-нибудь мелодию, говорил: «Такой-то напев, сочиненный таким-то, созвучен с этим». Однако он сам сочинил немного произведений, ему приписывают лишь один или два накша.

Еще был Шах Кули Гиджаки. Он родом из Ирака. Придя в Хорасан, он стал упражняться в игре на инструментах и сделал успехи. Он сочинил много накшей, пешравов и других произведений.

Еще был Хусейн-и Уди. Он проделывал с удом интересные вещи: оставлял на уде одну струну и играл на ней. У него был тот недостаток, что, играя на инструменте, || он ломался. Раз Шейбани хан приказал 182*б*
ему играть. Хусейн-и Уди начал привередничать и играл плохо; к тому же он принес не свой инструмент, а другой, негодный. Шейбани хан все это сообразил и велел тут же на пиру надавать ему по шее. Это единственное хорошее дело, которое сделал в жизни Шейбани хан, действительно, он прекрасно поступил. Таких надменных людей следует наказывать еще строже.

К сочинителям музыки принадлежал и Гулам Шади, сын певца Шади. Хотя он играл на инструментах, но не стоял в одном ряду с теми исполнителями. У него есть хорошие сауты и прекрасные накши. В то время не было человека, который бы сочинил столько накшей и

саутов. В конце концов Шейбани хан отослал его к казанскому хану Мухаммед Амин хану; больше сведений о нем не пришло.

Еще был Мир Азу; этот не играл, он был сочинителем. Хотя он сочинял немного произведений, но у него есть интересные вещи.

Беннаи также был сочинителем; у него есть хорошие сауты и накши.

Еще один из бесподобных людей того времени был Пехлеван Мухаммед Бу Са'ид. Он был выдающимся борцом, а также слагал стихи и сочинял сауты и накши; у него есть хороший накш в ладу чар-гах. Пехлеван Мухаммед был человек приятный в беседе; сочетание с ремеслом борца таких свойств весьма удивительно.

Когда Султан Хусейн ушел из мира, [в ставке] присутствовали из царевичей Бади' аз-Заман мирза и Музаффар Хусейн мирза. Так как любимым сыном [покойного] был Музаффар Хусейн мирза и Мухаммед Бурундук Барлас, полновластный бек [Султан Хусейна], являлся дядь-
183*а* кой царевича, а мать его, Хадича биким, || была уважаемой женой Мирзы, то и родичи Мирзы тоже были весьма привержены к Музаффар мирзе. По этим причинам Бади' аз-Заман мирза колебался и думал не ехать [в лагерь]. Музаффар мирза и Мухаммед бек сами сели на коней и, устранив колебания из сердца Мирзы, привели его [в ставку]. Султан Хусейн мирзу доставили в Герат, вынесли по царскому обряду и обычаю и предали погребению в его медресе.

В то время Зу-н-Нун бек тоже явился [в Герат]. Мухаммед Бурундук бек, Зу-н-Нун бек, а также другие беки, оставшиеся после Султан Хусейн мирзы и находившиеся при обоих царевичах, собравшись, сговорились и сделали Бади' аз-Заман мирзу и Музаффар Хусейн мирзу, обоих вместе, государями на престоле Герата. При дворе Бади' аз-Заман мирзы полновластным [беком] стал Зу-н-Нун бек, при дворе Музаффар Хусейн мирзы — Мухаммед Бурундук бек; со стороны Бади' аз-Заман мирзы даругой в городе был Шейх Али Тагай, от Музаффар Хусейн мирзы — Юсуф Али Кукельташ. Диковинное это было дело: ни-когда не было слыхано, чтобы два царя правили совместно. Случилось противоположное тому, в чем смысл слов шейха Са'ди, который сказал в «Гулистане»:

Десять дервишей спят на одном коврике,*
А два царя не уместятся в одном климате.

ХИНДУСТАН

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ДВЕНАДЦАТОГО

В месяце мухарраме мы направились в Хорасан, чтобы прогнать узбеков ‖. Мы пошли дорогой 183б
через Гур-Банд и Шиберту. Так как Джехангир мирза ушел из области [Газни] в недобром [к нам] расположении, то я подумал: «Если он привлечет к себе аймаков, [кто знает], каких еще смут не поднимут всякие мятежники и злодеи».

[Поэтому] я отделился от обоза в Уштур-Шахаре и, оставив в обозе Вали Хазина[чи] и Даулат Кадам Караула, сам налегке быстро двинулся вперед, чтобы скорее прибрать аймаков к рукам. В тот же день мы пришли в крепость Заххак, выйдя оттуда, миновали перевал Гумбазак, спустились через Сайган и, пройдя перевал Дандан-Шикан, стали лагерем на поляне Кахмерда. Приказав Султан Мухаммед Дулдаю сопровождать Сейид Афзал Хаб-бина, я послал их к Султан-Хусейн мирзе с донесением об обстоятельствах нашего выступления из Ка-

була. Джехангир мирза несколько отстал. Оказавшись напротив Бамиана, он взял с собой двадцать-тридцать человек и направился в Бамиан. Приблизившись к Бамиану, Джехангир мирза увидел шатры нашего обоза, оставшегося позади. Вообразив, что мы [находимся там], он тотчас же повернул вспять и, дойдя до своего лагеря, снялся с места, ни на кого не смотря. Не оглядываясь назад, он потянулся в окрестности поляны Яка.

Шейбани хан в это время осаждал Балх. В Балхе находился Султан Қилинджак. Шейбани хан послал двух-трех султанов с тремя-четырьмя тысячами человек в набег на Бадахшан. Между тем, Мубарак
184*а* шах и Зубайр опять пришли к Насир мирзе и присоединились к нему, ‖ хотя раньше между ними были раздоры и неудовольствия. Они стояли с войском в Шахдане, под Қишмом, на восточном берегу реки Қишм, и вдруг те узбеки под утро учинили на них нападение и, перейдя реку Қишм, пошли на Насир мирзу. Насир мирза тотчас же потянулся к холму. Собрав людей, находившихся на холме, и приказав трубить поход, он немедленно двинулся вперед, на ходу забирая узбеков в плен. Вода в Қишме стояла высоко; узбеки пришли, перейдя эту реку. Множество их людей погибло от стрел и от сабель, много [узбеков] попало в руки [людей Насир мирзы], в воде тоже погибло немало воинов.

Мубарак шах и Зубайр стояли выше Мирзы, в направлении к Қишму. Посланные против них узбеки погнали их к холму. Насир мирза узнал об этом, когда гнал врагов, и пошел на тех людей. Қогда кухистанские беки, собрав конных и пеших, тоже пошли сверху, [узбеки] не смогли устоять и побежали. Из этого отряда тоже попало в плен много людей, немало [узбеков] погибло от стрел и шашек и утонуло в реке; вероятно, [всего] пропало тысяча-тысяча пятьсот узбеков. То была славная победа Насир мирзы; известие об этом принес нам человек Насир мирзы, когда мы были на поляне Қахмерда.

Во время пребывания в этих местах воины пошли в Гури и Дехане
184*б* и доставили оттуда зерно. ‖ [Когда мы были] там, пришли письма от Сейид Афзала и Султан Мухаммед Дулдая, которые были посланы в Хорасан. То была весть о кончине Султан Хусейн мирзы, но все же, блюдя честь дома [Тимуридов], мы направились в Хорасан, хотя при этом походе [у нас] были и другие цели. Пройдя сквозь ущелье Аджара, мы спустились через Туб, Мандаган и Балх-Аб и поднялись на гору Кух-и Сафа. При вести, что узбеки совершили набег на Сан-и Чарик, мы послали Қасим бека с войском против грабителей. [Наши люди] пошли, накрыли их, здорово побили и, отрезав много голов, привезли их.

Мы послали людей к Джехангир мирзе и к аймакам. До получения от них известий мы несколько дней простояли на летовке Кух-и Сафа. В тех местах очень много кииков; мы один раз поохотились.

Через день-два все аймаки явились и вступили к нам в услужение. Сколько Джехангир мирза ни посылал к аймакам людей—один раз он отправил к ним Имад ад-дина Мас'уди,— аймаки не шли к нему, а ко мне пришли. В конце концов, для Мирзы наступила крайность. Когда мы спустились с Кух-и Сафа в долину Паи, он пришел и повидался со мной. Так как нас тревожила забота о Хорасане, то мы не стали смотреть на Мирзу и, не обращая внимания на аймаков, двинулись через Гарзаван, Алмар, Кайсар и Чечекту. Перейдя реку у переправы Фахр-ад-дин, мы пришли в местность Дара-и Бам, в пределах Бадгиса. Так как || это был мир, полный раздоров, и всякий грабил и тащил что- 185*а*
нибудь из страны и у населения, то мы также, со своей стороны, обложили данью аймаков и тюрков, обитающих в тех местах, и начали кое-что забирать; за месяц или два месяца было, наверно, добыто тысячи три кебекских туманов.

За несколько дней до нас конный отряд хорасанцев и люди Зу-н-Нун бека здорово побили узбекских добытчиков у Панда и Маручака и убили много узбеков.

Бади' аз-Заман мирза, Музаффар мирза, Мухаммед Бурундук Барлас, Зу-н-Нун Аргун и его сын Шах бек твердо решили идти походом на Шейбани хана, который осаждал в Балхе Султан Килинджака. Они послали людей ко всем сыновьям Султан Хусейн мирзы, призывая их, и даже вышли с такими намерениями из Герата. Когда они достигли Бадгиса, к ним присоединился у Чил-Духтарана Абу-л-Мухсин мирза, пришедший из Мерва; Ибн Хусейн мирза тоже пришел после него из Туна и Каина. Купак мирза был в Мешхеде. Сколько к нему ни посылали людей, он не пришел, говоря неразумные слова и проявляя трусость. Он чувствовал ревность к Музаффар мирзе и думал: «Раз он стал государем, как же я пойду к нему?». В подобное время, когда все его братья, и старшие, и младшие, собрались в одном месте || и, сговорив- 185*б*
шись, решили двинуться на такого врага, как Шейбани хан, и пошли, Купак мирза [проявил] такую нелепую ревность и не пришел. Кто теперь припишет его неприход ревности? Все должны приписать его трусости. Я хочу сказать, что в здешнем мире такие вещи переживают человека. Если человек обладает долей разума, зачем совершает он такие поступки, о которых после будут говорить дурно? Если у человека есть хоть след ума, почему не ревнует он о таком деле, за совершение которого его будут одобрять? Добрую память назвали мудрецы второй жизнью.

Ко мне тоже прибыли послы; потом явился также Мухаммед Бурундук Барлас. А я — почему мне было не пойти? Я ведь прошел ради этого дела сто-двести йигачей пути. Вместе с Мухаммед беком я тут же отправился в поход.

Тем временем мирзы подошли в Мург-Абу. В понедельник восьмого числа месяца второй джумады произошла встреча с мирзами. Абу-л-Мухсин мирза проехал мне навстречу полкуруха. Мы приблизились друг к другу, я сошел с коня с одной стороны, Абу-л-Мухсин мирза спешился с другой стороны. Подойдя один к другому и поздоровавшись, мы [снова] сели на коней. Когда мы направлялись вперед, то возле лагеря к нам подъехали Музаффар мирза и Ибн Хусейн мирза. Они были младше Абу-л-Мухсин мирзы годами и им следовало бы выйти навстречу
186*а* раньше; вероятно, задержка была с похмелья, || а не от гордости; упущение это произошло из-за наслаждений и развлечений, а не от неудовольствия.

Музаффар мирза проявил великое усердие; мы поздоровались на конях; обмен приветствиями с Ибн Хусейн мирзой произошел таким же образом. Мы спешились у шатра Бади' аз-Заман мирзы, там было великое сборище и скопление народа. Давка была такая, что в тесноте ноги у некоторых людей не касались земли [на протяжении] трех-четырех шагов. Тех, которые по своим делам вздумали вернуться обратно, против их воли тащили назад на четыре-пять шагов.

Мы вошли в помещение дивана Бади' аз-Заман мирзы. Было решено, что, входя в шатер, я поклонюсь, а Бади' аз-Заман мирза встанет, подойдет к краю возвышения и мы поздороваемся. Войдя в шатер, я отвесил один поклон и не медля пошел дальше. Бади' аз-Заман мирза довольно неторопливо поднялся и вяло двинулся [мне навстречу]. Так как Касим бек был мне доброжелателем и считал мою честь своей честью, он потянул меня за пояс. Я понял и пошел тише, так что мы поздоровались в установленном месте.

В этом большом шатре клали четыре подушки. Шатры Бади' аз-Заман мирзы обязательно были с нишей; Мирза всегда сидел в нише.
186*б* Одну подушку положили в нише, на эту || подушку сели Бади' аз-Заман мирза и Музаффар мирза, а другую подушку положили в правом переднем углу. Мы с Абу-л-Мухсин мирзой сели на эту подушку. Ниже подушки Бади' аз-Заман мирзы, с левой стороны, положили еще одну подушку, Касим Султан Узбек, один из султанов шейбанидов, зять Бади' аз-Заман мирзы и отец Касим Хусейн султана, а также Ибн Хусейн мирза сели на эту подушку. Ниже положенной для меня подушки, по правую руку, положили еще одну подушку; на эту подушку сели Джехангир мирза и Абд ар-Раззак мирза. Мухаммед Бурундук бек, Зу-н-Нун бек и Касим бек сели с правой стороны, много ниже Касим султана и Ибн Хусейн мирзы. Принесли еду. Хотя попойки не было, но в том месте, где поставили кушанье, разостлали скатерть и установили ее золотыми и серебряными кубками.

Прежде наши отцы и родичи тщательно соблюдали устав Чингиза. В собрании, в диване, на свадьбах, за едой, сидя и вставая, они ничего не делали вопреки уставу. Устав Чингиз хана не есть непреложное предписание [бога], которому человек обязательно должен был бы следовать; кто бы ни оставил после себя хороший обычай, этому обычаю надлежит подражать, а если отец совершал дурное дело, его должно заменить хорошим делом.

После трапезы я сел на коня и возвратился на место стоянки. Между нашей ставкой || и ставкой мирз было около одного шери. 187*а*

При втором посещении Бади' аз-Заман мирза не оказал мне такого почета, как раньше. Я велел сказать Мухаммед Бурундук беку и Зу-н-Нун беку: «Хотя года мои невелики, но род мой высок; в столице моего отца, то есть в Самарканде, я два раза воссел на престол, выдержав битву. Кто столько сражался и бился за [наш] род с пришлым врагом, сколько бился я? Промедление в оказании мне почета — безосновательно».

Когда эти слова передали, то так как они были разумны, Бади' аз-Заман мирза признал [свою ошибку], и мне охотно оказывали уважение.

Один раз, когда я пошел к Бади' аз-Заман мирзе, после полуденной молитвы состоялось собрание с попойкой. В то время я не пил [вина]. Хорошо устроенное было собрание! На столах расставили всевозможные закуски, подавали всякого рода кушанья — жареных кур, жареных гусей.

Собрания у Бади' аз-Заман мирзы очень хвалили и, действительно, это была спокойная пирушка, без подвоха и обмана. Находясь на берегах Мург-Аба, я два или три раза бывал на пирушках у Мирзы. Так как все знали, что я не пью, то меня и не принуждали.

К Музаффар мирзе я тоже однажды пошел на пирушку. Хусейн Али Джалаир и Мир Бадр состояли при Музаффар мирзе; || они были 187*б*
на этой пирушке. Охмелев, Бадр пустился плясать и хорошо проплясал; этот род пляски, кажется, изобретение Мир Бадра.

Пока мирзы вышли из Герата, сговорились, собрались и пришли на Мург-Аб, минуло три-четыре месяца. Султан Кылинджак, доведенный до крайности, сдал Узбеку крепость Балх; Узбек, после того как взял Балх и услышал, что его враги объединились, воротился в Самарканд. Хотя эти мирзы умели устраивать и украшать пирушки и были приятны в беседе и в общении, они стояли далеко от хитростей и ухищрений военного дела и чужды были мужеству в бою и сражении.

Когда они сидели у Мург-Аба, пришло известие, что Хаик Назар Чапани с четырьмя или пятью сотнями людей пришел и разграбил окрестности Чечекту. Мирзы собрались, но что они ни делали, все же не

смогли послать отряд против этого грабителя. Между Мург-Абом и Чечекту десять йигачей пути. Я просил позволения исполнить это дело, но мирзам было стыдно, и мне тоже не дали разрешения.

Когда Шейбани хан отступил, время года было уже позднее. Мы решили, что мирзы проведут эту зиму каждый в подходящем месте, а весной соберутся и пойдут на врага. Мне тоже предложили перезимовать в пределах Хорасана, но Кабул и Газни были мятежные и беспо-
188*а* койные области и там собрались различные племена и народы ||: тюрки, моголы, аймаки, [другие] кочевники, афганцы, хазарейцы. К тому же ближайший путь из Хорасана в Кабул, то есть путь через горы, если не препятствовал снег или что-нибудь другое, занимал месяц времени, а путь по равнине — сорок-пятьдесят дней, а эти земли, вдобавок, еще не вполне покорились. Никто из доброжелателей не считал за благо нам зимовать в Хорасане. Я попросил у мирз извинения, но они не соглашались и еще настойчивей заставляли меня остаться. Сколько я ни приводил отговорок, мирзы все упорней принуждали меня. В конце концов, Бади' аз-Заман мирза, Абу-л-Мухсин мирза и Музаффар мирза, сев на коней, приехали ко мне в дом и [еще раз] предложили провести зиму [в Хорасане]. Прямо сказать мирзам в лицо «нет!» мы не могли: ведь такие государи приехали сами и предложили мне остаться.

К тому же в обитаемой части земли нет другого такого города, как Герат. Во времена Султан Хусейн мирзы, вследствие его умелого управления и стараний, Герат стал еще в десять и даже в двадцать раз красивей и прекрасней, [чем прежде]. Мне очень хотелось его посмотреть. По этим причинам мы согласились остаться.

Абу-л-Мухсин мирза ушел в свои владения — в Мерв, Ибн Хусейн мирза тоже ушел в Тун и Каин, Бади' аз-Заман мирза и Музаффар мирза направились в Герат. Дня через два-три я тоже пошел в Герат через Чил-Духтаран и Таш-Рабат.

Все знатные госпожи: Пайанда Султан биким, моя тетка, Хадича биким, а также другие госпожи, дочери Султан Абу Са'ид мирзы, мои
188*б* тетушки, собрались в медресе Султан Хусейн мирзы. Все эти госпожи || находились у могилы Мирзы, куда я пошел и повидал их. Сперва я поклонился и поздоровался с Пайанда Султан биким, потом, не кланяясь, поздоровался с Аппак биким, после чего, поклонившись, поздоровался с Хадича биким. Посидев у могилы некоторое время, мы, после того как чтецы почитали Коран, направились в южное медресе, где был разбит шатер Хадича биким. Подали угощение от Хадича биким, после угощения я пошел в шатер Пайанда Султан биким и провел ночь в этом месте. Сначала мне отвели помещение в Баг-и Нау, наутро я отправился в Баг-и Нау и расположился там. Проведя в Баг-и Нау одну ночь, я не нашел это место подходящим и мне отвели дома Алишер бека; до ухо-

да из Герата я жил в доме Алишер бека. Каждые два или три дня, в саду Джехан ара, я представлялся Бади' аз-Заман мирзе.

Через несколько дней Музаффар мирза пригласил [меня] к себе в дом. Музаффар мирза жил [в саду] Баг-и Сафид; Хадича биким тоже находилась там. Джехангир мирза пошел со мной. После того как убрали еду и угощение, [предложенное] Хадича биким, Музаффар мирза повел нас в здание, построенное Бабур мирзой и называемое Тараб-Хана. В Тараб-Хана состоялась попойка. Тараб-Хана—небольшое здание, находящееся посреди садика; это постройка [всего] в два яруса, но довольно хорошенькая. Верхний ярус ее отделали более роскошно. По четырем углам его находится четыре худжры; все пространство и расстояние между этими четырьмя худжрами представляет собой один покой || и 189*а*
одну комнату, между четырьмя худжрами устроены четыре возвышения в виде ниш. Каждая сторона этой комнаты украшена картинами. Хотя эту постройку возвел Бабур мирза, но картины приказал нарисовать Абу Са'ид мирза; [на них] изобразили его битвы и сражения.

На возвышении с северной стороны положили две подушки, одну напротив другой; подушки были обращены к северу. На одну подушку сели мы — Музаффар мирза и я, на другую подушку уселись Султан Мас'уд мирза и Джехангир мирза. Так как мы были гостями в доме Музаффар мирзы, то Музаффар мирза посадил меня выше себя. Кравчие наполнили чаши наслаждения и начали подносить их присутствующим, расхаживая между ними, а присутствующие глотали процеженные вина, словно живую воду.

Пирушка разгорелась, вино поднялось в голову. [Участники попойки] имели намерение заставить меня выпить и ввести меня тоже в круг [пьяниц]; хотя я до этого времени не пил вина допьяна и не знал как следует каково состояние и удовольствие от нетрезвости и опьянения, но склонность пить вино у меня была и сердце влекло меня пройти по этой долине. В отрочестве я не имел склонности [к вину] и не знал наслаждения вином; если отец иногда и предлагал мне вина, я приводил [различные] отговорки || и не употреблял его. После [смерти] отца благо- 189*б*
даря счастливому влиянию Ходжи Кази я был воздержан и благочестив и избегал даже сомнительных кушаний — где уж там было вино употреблять! Потом, когда вследствие требований юности и влечения души у меня появилась склонность к вину, некому было предложить мне вина и не было даже человека, знающего о моем стремлении к вину. Хотя сердце мое и было к этому склонно, но мне трудно было по собственному почину начать такое дело, которого я раньше не делал. [И вот, теперь] мне пришло на ум, что если уже меня так заставляют и к тому же мы прибыли в такой великолепный город, как Герат, где полностью собраны и приготовлены все средства развлечения и удовольст-

вия и имеются налицо все принадлежности и предметы роскоши и наслаждения, то когда же мне выпить, если не сейчас.

Я твердо решил выпить и прогуляться по этой долине, но мне пришла в голову такая мысль: «Бади' аз-Заман мирза — старший брат, а я не выпил из его рук у него в доме. Если я теперь выпью из рук младшего брата, в его доме, что подумает [Бади' аз-Заман мирза]?».

Я высказал свои сомнения. Мое оправдание признали разумным, и на этой пирушке мне уже не предлагали вина. Было решено, что когда Бади' аз-Заман мирза и Мухаммед Хусейн мирза соберутся в одном месте, я буду пить по предложению обоих мирз.

190*а* На этом собрании были из музыкантов || Хафиз Хаджи, Джелал ад-дин Махмуд Найи и Шади бача, младший брат Гулама Шади. Он играл на чанге, а Хафиз Хаджи хорошо пел; геpатцы поют тихо, нежно и плавно. Там же присутствовал один из певцов Джехангир мирзы по имени Мир Джан, самаркандец; он всегда пел громко, резко и некрасиво. Джехангир мирза, захмелев, приказал Мир Джану петь; тот запел страшно громко, резко и некрасиво. Хорасанцы — тонко воспитанные люди, но от такого пения один затыкал уши, другой кривил лицо; однако из уважения к Мирзе никто не решался остановить [певца].

После вечерней молитвы мы перешли из Тараб-Хана в новый зимний дом, выстроенный Музаффар мирзой. Когда мы пришли в этот дом, то Юсуф Али Кукельташ в крайнем опьянении поднялся и заплясал. Он был человек, знающий ритмы, и плясал хорошо. С переходом в этот дом пирушка стала еще горячей. Музаффар мирза подарил мне саблю на поясе, шубу, крытую мерлушкой, и серого коня; когда мы пришли, Джанак спел по тюркски. У Музаффар мирзы было два раба — Катта Мах и Кичик Мах; пьяные, они выделывали всякие непристойные гнусности. До ночи продолжался веселый пир. [Наконец], собравшиеся разошлись; я провел ночь в этом самом доме. Касим бек, услышав, что мне подносили вина, послал человека к Зун-н-Нун беку. Зу-н-Нун бек, увещания ради, поговорил с мирзами и они совершенно перестали предла-
190*б* гать мне вина ||.

Бади' аз-Заман мирза, услышав, как Музаффар мирза принимал гостей, устроил собрание в саду Джехан ара, в Мукавви-Хана, и позвал меня; позвали также некоторых моих приближенных беков и йигитов. Мои приближенные из-за меня не пили вина, а если и пили раз в месяц или в сорок дней, то пили, замкнув все входы и выходы, в величайшей тревоге. И вот этих-то людей пригласили на пир к Бади' аз-Заману! Придя на пир, они тоже либо старались чем-нибудь меня отвлечь, либо закрывались [от меня] руками и пили в крайнем волнении. Между тем, я как бы дал присутствующим общее разрешение [пить], ибо этот пир устроил человек, подобный для меня отцу или брату. Во время пи-

ра принесли деревца плакучей ивы, между ветвями которых, не знаю, настоящими или искусственными, были вставлены тонко-тонко нарезанные полоски листового золота такой же длины, как ветки. Это выглядело здорово хорошо!

На этой пирушке передо мной поставили жареного гуся. Так как я еще никогда не разрезал и не разнимал птиц, то не дотронулся до гуся. Бади' аз-Заман мирза спросил: «Почему вам не хочется?» Я ответил: «Не умею разделывать». Бади' аз-Заман тотчас же разрезал и разнял лежащего передо мной гуся и подал его мне; в такого рода делах || 191*а* Бади' аз-Заман мирза был человек бесподобный.

В конце пира он подарил мне кинжал, украшенный драгоценными камнями, чаркуб и кровного коня.

За те двадцать дней, что я пробыл в Герате, я всякий день выезжал на коне и осматривал еще не виданные мною места. Нашим проводником при этих прогулках был Юсуф Али Кукельташ; в каком бы месте мы ни остановились, Юсуф Али подавал нам [новое] кушанье. Не осталось, кажется, ни одного знаменитого места, кроме ханаки Султан Хусейна, которого я бы не посетил за эти двадцать дней. В короткое время я осмотрел Газургах, сад Алишер бека, бумажную мельницу, Тахт-и Астана, Пул-и Ках, Кахадстан, сад Назаргах, Ни'мат-Абад, хиабан Газургаха, склеп Султан Ахмед мирзы, Тахт-и Сафар, Тахт-и Навои, Тахт-и Баргар, Тахт-и Хаджи бек, мазары и могилы Шейха Баха ад-дин Омара, шейха Зайн ад-дина и Маулана Абд ар-Рахмана Джами, Намазгах-и Мухтар, Хауз-и Махиан, Сак-и Салман, Биллури — первоначальное [название его], должно быть, Абу-л-Валид,—гробницу имама Фахра, сад на хиабане, могилу и медресе [Султан Хусейн] мирзы, медресе и гробницу Гаухар Шад биким, соборную мечеть, Баг-и Заган, Баг-и Нау, Баг-и Зубейда, Ак-Сарай ||, построенный Султан Абу Са'ид мирзой за 191*б* Иракскими воротами, Пуран, Суффа-и Тир андазан, Чарг-Уланг, Мир-Вахид, Пул-и Малан, Ходжа-Так, Баг-и Сафид, дворец Тараб-Хана, сад Джехан ара,Кушк-и Мукавви-Хана, Сусани-Хана, Дувазда-Бурдж, большой хауз в северной стороне сада Джехан ара, четыре здания по четырем сторонам этого сада, пять ворот [гератской] крепости: ворота Малик, Иракские ворота, ворота Фируза, ворота Хуш и Кипчакские ворота, базар Малик, Чарсу, медресе Шейх ал-ислама, соборную мечеть у ворот Малик, сад Баг-и Шахр, медресе Бади' аз-Заман мирзы на берегу канала Инджил, дом, где жил Алишер бек, называемый Унсия, его могилу и соборную мечеть, которую называют Кудсия, медресе и ханаку, называемые Халасия и Ихласия, баню и больницу, называемые Сафаия и Шифаия. Все эти места я посетил в то время.

Хабиба Султан биким, мать младшей дочери Султан Ахмед мирзы — Ма'сума Султан биким, привела эту девушку в Хорасан еще до

начала смут. Однажды, когда я пришел повидать мою ака, Ма'сума Султан биким зашла к ней со своей матерью и увидала меня; с первого взгляда у нее появилась ко мне большая склонность. [Родные девушки] тайно подослали людей, и моя ака и йанга — ака я называл
192*а* Пайанда Султан биким ||, йанга — Хабиба Султан биким — поговорив между собою, решили, что йанга приведет свою дочь следом за мной в Кабул.

Мухаммед Бурундук бек и Зу-н-Нун бек настойчиво уговаривали меня: «Перезимуйте в Хорасане», но не позаботились, как следует, ни о месте для зимовки, ни о том, что необходимо, чтобы перезимовать. [Между тем] пришла зима, в горах между [Хорасаном и Кабулом] пошел снег. Я все больше беспокоился о Кабуле, а эти люди не приготовили ни удобного места для зимних жилищ, ни зимних жилищ на удобном месте. Наконец, наступила крайность; мы не могли открыто сказать, [что уходим] и седьмого числа месяца ша'бана выступили из Герата под предлогом выхода на зимовку. В окрестностях Бадгиса мы на каждой стоянке простаивали по дню, по два, чтобы наши люди, которые разошлись по области для сбора припасов или по своим делам, могли к нам присоединиться. Задержка и промедление оказались столь значительны, что, когда мы отошли на два-три перехода от Лангар-и Мир-Гияса, показалась луна рамазана. Некоторые из тех йигитов, что ушли в различные области по своим делам, возвратились [к нам], иные через двадцать дней или месяц пришли в Кабул, другие остались в Хорасане и стали нукерами у мирз.

К числу последних принадлежал Сидим Али дарбан; он остался в Хорасане и поступил в нукеры к Бади'аз-Заман мирзе. Ни одному из нукеров Хусрау шаха я не оказывал такого внимания, [как Сидим Али]. Когда Джехангир мирза бросил Газни и ушел, эту область отдали
192*б* Сидим Али, который оставил в Газни своего младшего шурина Дуст|| Ангу шейха, а сам явился [ко мне] в войско. И действительно, среди нукеров Хусрау шаха не было человека лучше тех двух, то есть Али дарбана и Мухибб Али курчи. Сидим отличался хорошими качествами и повадками и был храбр [в бою] на саблях. В доме его не проходило дня без собрания и беседы. Это был очень щедрый и удивительно сведущий и порядливый человек, остроумие и тонкость его [проявлялись] разнообразно, общение и разговоры были приятны. Это был весельчак, говорун и шутник; недостаток его состоял в том, что он был страшный развратник и сладострастник. В его вероисповедании имелось некоторое отклонение от правого пути и он был немного двуличным человеком. Некоторые приписывали его двуличие склонности к шуткам, но обвиняли его, видимо, не зря. Когда Бади'аз-Заман мирза отдал Герат Шейбани и пришел к Шах беку, то велел убить Сидим Али и бросить

его в реку Хирманд за то, что тот переносил от Мирзы к Шах беку двуличные слова. О Сидим Али еще последуют рассказы в дальнейшей части этих Записок.

Миновав Лангар-и Мир-Гияс и пройдя деревни и селения в окрестностях Гарчистана, мы достигли Чахчарана. С тех пор как мы прошли Лангар, и до самого Гарчистана везде лежал снег; чем дальше мы шли, тем снегу было больше.

Чахчаран подчинялся Зу-н-Нун беку, в то время там находился его нукер по имени Мирек Джан Ирды. Мы взяли съестные припасы Зу-н-Нун бека, заплатив за них полную цену.

Когда мы отошли на переход или два от Чахчарана, снег стал очень глубоким; он был выше || стремян, и ноги лошадей во многих местах да- 193*а*
же не доставали до земли; к тому же снег все время продолжал падать. После Чирагдана и снегу стало очень много, и дорога стала неизвестной. Когда мы в окрестностях Лангар-и Мир-Гияса совещались, какой дорогой идти в Кабул, я и большинство держались такого мнения: «Теперь зима — нас ожидает много тревог и беспокойств. Дорога на Кандахар, правда, немного дальше, но по ней идешь без тревог и беспокойств». Касим бек говорил: «Та дорога — далекая; поедем этой дорогой» и очень упорствовал. Мы пошли по этой дороге. Один пашаи по имени Пир Султан служил проводником. То ли от старости, то ли от растерянности, то ли от обилия снега, но Султан потерял дорогу и не мог нас вести. Так как мы пошли этой дорогой по настоянию Касим бека, то Касим бек чести ради спешился и сам вместе с сыновьями шел впереди, утаптывая снег и отыскивая дорогу. Однажды снегу навалило очень много и дорогу стало трудно различать; сколько мы ни старались, мы не могли идти дальше. Не найдя другого способа, мы двинулись назад и спешились в одном месте, где было много хвороста. Мы отрядили семьдесят или восемьдесят добрых йигитов и приказали им воротиться по нашим следам, найти внизу, в долине, каких-нибудь зимующих хазарейцев и привести их, чтобы они показали дорогу. Пока ушедшие не вернулись, мы три-четыре дня не трогались с места, но ушедшие не привели человека, который бы как следует показал нам дорогу.|| Положив- 193*б*
шись на Аллаха, мы поставили во главе [колонны] Султан Пашаи и пошли по той самой дороге, по которой вернулись, когда сбились с пути. В эти несколько дней было пережито много тревог и тягот; во всю мою жизнь я редко испытывал столько затруднений. В эти дни я сказал такой стих:

Осталось ли насилие и жестокость неба, не виданная мною?*
Остались ли беды и страдания, не ведомые моему больному сердцу?

Около недели мы, утаптывая снег, проходили в день не больше шери или полутора шери. Снег утаптывали я сам, десять или пятнад-

цать моих приближенных и Касим бек со своими двумя сыновьями — Тенгри Берди и Камбар Али, еще было два или три его нукера. Мы, упомянутые, шли пешком и утаптывали снег; каждый человек проходил вперед на семь, восемь или десять шери и прибивал снег ногами; на каждом шагу мы проваливались по пояс или по грудь. Пройдя несколько шагов, передовой выбивался из сил и останавливался; вперед проходил кто-нибудь другой. Когда эти десять, пятнадцать или двадцать человек утаптывали ногами снег, он становился таков, что можно было провести вперед лошадь без всадника; эту свободную лошадь протаскивали вперед; проваливаясь по стремена или по брюхо, лошадь проходила десять-пятнадцать шагов и тоже изнемогала; ее отводили в сторону и протаскивали другую лошадь без всадника.

194а Таким образом, мы, десять, пятнадцать или двадцать || человек, утаптывали снег и лошадей этих десяти, пятнадцати или двадцати человек тащили вперед. Остальные всадники — все добрые йигиты и мужи, величаемые беками, даже не сходили с коней и ехали, понурив голову, по готовой, расчищенной и утоптанной дороге. Не такое тогда было время, чтобы заставлять или принуждать кого-нибудь; всякий, у кого есть усердие и отвага, сам вызывается на такие дела.

Таким образом, утаптывая снег и прокладывая себе дорогу, мы прошли мимо местности, называемой Анджукан, и в два-три дня достигли хавала, называемого Хавал-и Кути, у подножия перевала Заррин. В этот день был снег и сильная метель, так что всех охватил страх смерти. Жители тех мест пещеры и впадины в горах называют хавал. Когда мы достигли этого хавала, метель стала беспредельно сильной; мы спешились у самого хавала. Снег был глубокий, дорога — узкая; даже по утоптанной и прибитой тропе лошади шли с трудом.

Так как дни стали очень короткими, то хотя наши передовые подошли к хавалу еще засветло, но остальные подходили до самой вечерней и ночной молитвы. Позднее они сходили с коней на том самом месте, где останавливались. Многие дожидались утра на спинах коней.

Хавал казался очень узким; я взял лопату, разрыл снег и устроил для себя у входа в хавал место шириной с молитвенный коврик. Хотя
194б я вырыл в снегу яму глубиной по грудь но все еще|| не дошел до земли, получилось некоторое укрытие от ветра. Я сел там. Сколько мне ни говорили: «Идите в хавал!», я не пошел. В сердце моем пронеслась мысль: «Люди — в снегу, на метели, а я стану там отдыхать в теплом помещении; народ терпит тяготы и страдания, а я буду там спать и блаженствовать. Это дело далекое от мужества и не похожее на товарищество. Я тоже испытаю все тяготы и затруднения и вытерплю все, что терпят люди». Есть персидская поговорка: Смерть с друзьями—пиршество.

В такой ураган и метель я сидел в вырытой и устроенной мною для себя яме. До ночной молитвы валил столь сильный снег, что я сидел скрючившись и мне засыпало снегом спину, голову и уши на целых четыре пальца. В этот вечер холод оказал действие на мои уши. В час ночной молитвы те, кто как следует осмотрели пещеру, закричали: «Хавал очень широкий, места хватит всем!». Услышав это, я стряхнул с себя снег, вошел в хавал и позвал йигитов, которые находились около хавала. В нем оказалось удобное место на сорок-пятьдесят человек. Принесли еду: вареное мясо, кавардак; всякий нес то, что было под рукой. В такой холод, снег и метель мы пришли в удивительное теплое, безопасное и уютное место.

Наутро снег и метель прекратились. Выйдя спозаранку, мы таким же образом, утаптывая снег и прокладывая дорогу, || взобрались на 195*а*
перевал. Дорога извилисто поднималась вверх. [Перевал] называли Кутал-и Заррин. Не поднимаясь выше, мы спустились вниз, в долину.

Когда мы достигли подножия перевала, наступил вечер; мы заночевали у самого входа в долину. Той же ночью был очень сильный мороз. Мы провели ночь, терпя великие страдания и тяготы, у многих мороз погубил руки и ноги; в ту ночь пропала от холода нога у Купака, рука у Сиюндук Туркмена и нога у Ахи.

Утром мы двинулись вниз по ущелью. Хотя мы знали и видели, что дорога не там, но, уповая на бога, шли вниз, долиной, спускаясь по дурным, узким и крутым тропинкам; когда мы вышли к другому концу долины, был уже вечер, время вечерней молитвы. Пожилые люди и старики не помнили, чтобы в такой глубокий снег кто-нибудь перешел через этот перевал и даже не известно, чтобы кому-нибудь пришло на ум пройти через этот перевал в подобное время года.

Хотя мы несколько дней терпели из-за глубокого снега великие тяготы, но все-таки именно благодаря снегу мы добрались до стоянки. Ведь не будь такого большого снега, разве мог бы кто-нибудь пройти по такому бездорожью, кручам и безднам. || Больше того, не будь такого 195*б*
снега, все наши лошади и верблюды остались бы в первой же пропасти.

Все дурное и хорошее, что бывает,*
Если вглядишься, ведет ко благу.

Было время ночной молитвы, когда мы пришли в Яка-Уланг и стали лагерем. Жители Яка-Уланга сейчас же узнали о нашем прибытии. Там были теплые помещения и жирные бараны, бесконечно много травы и корма коням, беспредельное множество дров и кизяка, чтобы жечь огонь. Избавившись от снега и холода, найти такое селение и теплые дома, спастись от бед и страданий и получить столько хлеба и жирных баранов — это блаженство известное [лишь] тем, кто испытал подобные тяготы, и наслаждение, понятное тем, кто перенес такие бедствия.

Со спокойствием в душе и миром в сердце мы на один день задержались в Яка-Уланге. Выйдя из Яка-Уланга и пройдя два йигача, мы [снова] остановились; на следующий день был праздник Рамазана.

Пройдя через Бамиан, мы миновали перевал Шиберту и остановились, не доходя до Джангалика. Туркмены племени Хазара со своими семьями и стадами расположились как раз на нашей дороге и совершенно не знали о нашем приходе. На следующий день, снявшись с лагеря, мы выступили и проходили среди их шалашей и овчарен; две или три группы шалашей и овчарен подверглись расхищению и разграблению;
196*а* [владельцы] остальных, бросив дом и хозяйство и захватив своих детей||, потянулись в горы.

От ушедших вперед поступили известия, что несколько хазарейцев преградили дорогу перед нашими войсками и не дают никому пройти, пуская стрелы. Узнав об этом, я быстро поспешил вперед и увидел, что преграды никакой не было, а несколько хазарейцев, выйдя на какой-то выступ и собравшись в кучу, пускают стрелы, словно добрые йигиты.

Они видели перед собой тьму врагов*
И смотрели на них, несчастные и смятенные.
Я подъехал и быстро направился в ту сторону*
И ехал вперед, крича: «Иди! Иди!».
Цель моя была в том, чтобы погнать своих людей*
И вступить в борьбу с врагами.
Погнав людей, я сам выехал вперед,*
Никто даже не услышал моих слов.
Не было при мне кольчуги, конских лат и оружия,*
Со мной были только стрелы и колчан.
Остановлюсь — остановятся все люди,*
Как будто их поубивали враги.
Ты нанимаешь нукера с той целью,*
Чтобы оружие его было с тобой, [защищая] твою душу.
Не затем, чтобы бек шел, а нукер стоял,*
Чтобы нукер отдыхал, а бек мучился.
Если нукер таков, какая от него защита?*
Ни для [охраны] ворот твоих он не годится, ни ложкой для еды не будет.
Наконец пустил я коня, двинулся вперед,*
196*б* Погоняя [коня], поднялся на гору.||
Увидя меня, [мои] люди тоже двинулись,* 3
Остался позади людей страх.
Достигнув горы, мы быстро взобрались вверх,*
Несмотря на стрелы врага, поднялись.
Иногда сходя с коня, иногда — на коне,*
Шли мы вперед, смело.
Враги метали с горы стрелы,*
Увидя нашу силу, они всё побросали и убежали.
Поднялись мы на гору и погнали хазарейцев*
По горе и по степи, точно оленей,
В тех, кто были перед нами, словно в кииков, стреляли,*

Угоняли их скот и овец.
Истребляя туркмен-хазарейцев,*
Заключили мы в оковы их людей,
Мужей и отцов сделали пленниками,*
Жен и детей их тоже взяли в плен.

Я приказал отобрать и для себя тоже часть овец из скота хазарейцев и поручил их Ярак Тагаю, а сам поехал вперед. Мы пригнали коней и баранов хазарейцев через горы и долы к Лангару Тимур бека и остановились там. Четырнадцать или пятнадцать человек хазарейцев, главарей бунтовщиков и разбойников попали к нам в руки. У меня было на уме подвергнуть их на этой стоянке разным мучениям и истязаниям и убить в назидание другим бунтовщикам и разбойникам, но по дороге мне встретился Касим бек,|| который проявил неуместное милосердие и 197*а*
отпустил их.

Соленая земля не принесет гиацинта,*
Не губи в ней напрасно семени надежды.
Делать хорошее дурным людям — то же самое,*
Что поступать дурно с хорошими людьми.

[Других] пленных он тоже пожалел и отпустил.

Во время набега на хазарейцев мы услышали, что Мухаммед Хусейн мирза Дуглат, Султан Санджар Барлас и их люди привлекли к себе моголов, оставшихся в Кабуле, объявили Мирза хана государем и осадили Кабул. Они распространили среди людей такой слух: «Бади'-аз-Заман мирза и Музаффар мирза схватили государя и увезли его в крепость Ихтияр ад-дин (которая теперь называется Ала-Курган)». В Кабульской крепости начальниками были Мулла Баба Пашагири, Халифа, Мухибб Али курчи, Ахмед Юсуф и Ахмед Касим. Эти люди хорошо держали себя; они сильно укрепили крепость и отстаивали ее.

Из Лангара Тимур бека мы послали к кабульским бекам одного из нукеров Касим бека по имени Мухаммед Андиджани из [племени] Тукбай [с таким сообщением]: «Решено, что мы выйдем из ущелья Гур-Банд и пойдем на осаждающих. Знаком для вас пусть будет то, что, пройдя гору Минар, мы сейчас же зажжем большой огонь. Вы тоже разведите в арке, на кровле Иски-Кушка, где теперь казна, большой костер, чтобы мы знали ||, что вы заметили наше приближение. Когда мы подойдем с 197*б*
той стороны, вы выходите изнутри и сделайте все, что в ваших силах, ничего не упуская».

Изложив все это в письме, мы послали [в Кабул] Мухаммеда Андиджани. С рассветом мы сели на коней и, [выступив], остановились против Уштур-Шахара. Утром мы выехали оттуда и около полудня вышли из ущелья Гур-Банд и оказались у моста. Напоив коней и дав им отдохнуть, мы во время полуденной молитвы тронулись от моста. До самого

Туткаула снегу не было; после Туткаула, чем дальше мы шли, тем снег становился глубже. Между Замма-Яхши и Минаром было очень холодно; за всю мою жизнь я редко испытывал такой холод.

Мы послали Ахмед ясаула и Кара Ахмед Юртчи к кабульским бекам, [чтобы сообщить им]: «Мы пришли, как было условлено. Будьте же бдительны и мужественны».

Мы спустились с горы Минар и стали лагерем у ее подножия. Изнемогая от холода, мы развели костры и принялись греться; хотя зажигать огонь было [совсем] не время, но мы так измучились от ударов мороза, что развели костры. С приближением утра мы тронулись от подножия горы Минар. Между Минаром и Кабулом снег был коням по колено и совершенно смерзся; сойдя с дороги, человек лишь с трудом подвигался вперед. Весь этот отрезок пути мы шли гуськом; поэто-
198*а* му, нам не без труда || удалось дойти до Кабула ко времени утренней молитвы. Не успели мы достигнуть Биби-Мах-Руй, как над арком поднялся большой огонь; стало ясно, что там узнали [о нашем приближении]. Подойдя к мосту Сейид Касима, мы послали Ширим Тагая с его людьми из отряда правого крыла к мосту Мулла-Баба, а я сам во главе правого крыла и центрального отряда пошел дорогой через Баба-Лули. В то время на месте сада Халифы был другой, маленький садик; его разбил мирза Улуг бек и устроил в нем нечто вроде богадельни. Хотя деревьев и кустов там больше не было, но ограда осталась цела.

Мирза хан находился [тогда] в этом саду; Мухаммед Хусейн мирза был в саду Баг-и Бихишт, устроенном мирзой Улуг беком. Когда я дошел до кладбища, находившегося близ улицы и сада Муллы Баба, нам встретились люди, которые поспешили вперед и были избиты и отогнаны. Эти четыре человека ускакали вперед и ворвались во двор, где сидел Мирза хан; один был Сейид Касим ишик ага, другой — Камбар Али, сын Касим бека, третий Шир Кули караул, Могол, и четвертый — Султан Ахмед Могол из отряда Шир Кули. Четверка бесстрашно ворвалась в самый двор, где сидел Мирза хан; поднялась суматоха, Мирза хан вскочил на коня и бежал. Мухаммед Хусейн, брат Абу-л-Хасана кур-
198*б* беги, который тоже был нукером у Мирза хана ||, напал на Шир Кули, одного из тех четырех, сбил его с коня и собирался отрезать ему голову, но Шир Кули вырвался.

Эти четыре человека, попробовав и клинка, и стрел, раненые, присоединились к нам в упомянутом месте. На узкой улице конные воины сбились в кучу и стояли на месте — ни вперед не могли двинуться, ни назад податься. Я сказал ближним ко мне йигитам: «Сходите с коней и пробивайтесь». Дуст Насир, Ходжа Мухаммед Али Китабдар, Баба-и Ширзад, Шах Махмуд и еще несколько йигитов спешились и двинулись вперед, пуская стрелы; враги бросились бежать. Мы долго ждали тех,

кто был в крепости, [но] они не могли поспеть к началу боя; когда врагов обратили в бегство, эти люди начали прибывать по одному — по двое. Не успел я войти в сад, где [раньше] сидел Хан мирза, как подъехал Ахмед Юсуф, сын Сейид Юсуфа, один из защитников крепости. Мы вместе проникли в сад Хан мирзы, и я увидел, что Мирза хана там нет; он бежал. Мы тотчас же повернули назад, Ахмед Юсуф ехал за мною следом. В ворота сада вбежал с обнаженной саблей в руках Дуст-и Сар-и Пули — пехотинец, которому я за его храбрость оказал внимание, назначил в Кабуле на должность начальника крепости и оставил там. Этот человек несся прямо на меня. На мне была надета кольчуга, но блях я не привязал ‖, шлема тоже не надел. Я несколько раз крикнул: 199*а*
«Эй, Дуст, эй, Дуст», Ахмед Юсуф тоже крикнул. То ли [я изменился] после ночевки в снегу на морозе, то ли Дуст [слишком] увлекся битвой, но только он не узнал меня и с размаху ударил шашкой по обнаженной руке. По милости божией, я ни на волос не пострадал.

Меч может сдвинуть с места весь мир,*
Но не порежет ни жилки, если не захочет господь.

Я [в то время] читал одну молитву, из-за которой господь — велик он! — и отвратил тогда от меня зло и устранил надвигающуюся беду. Вот эта молитва:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердого! Господи, ты — мой владыка, нет бога, кроме тебя. На тебя возложил я упование, ты — господь великого престола. Чего пожелает Аллах, то будет, чего не захочет — не случится. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Знай, что Аллах властен над всякою вещью и поистине объял он все своим знанием и исчислил все счетом. Боже мой, у тебя ищу защиты от зла собственной души и от зла других людей, от зла всякого злодея и от зла всякого животного, ибо ты схватишь злодея за хохол. Поистине ты — владыка великого престола».

Выехав из [сада Хан мирзы], я прибыл в сад Баг-и Бихишт, где имел пребывание Мухаммед Хусейн мирза. Мухаммед Хусейн мирза убежал и спрятался. У пролома в стене садика, в котором находился Мухаммед Хусейн мирза, стояли семь или восемь человек с луками и стрелами. Я ударил коня каблуком и бросился на этих людей; ‖ они не смогли 199*б*
устоять и побежали. Я настиг одного из них и ударил его саблей, он так покатился по земле, что я решил, что у него отлетела голова, и помчался дальше. Человек, которого я хватил саблей, как оказалось, был молочный брат Мирза хана, Тулак Кукельташ; сабля ударила его по плечу.

Когда я подъехал к дверям дома, где жил Мухаммед Хусейн мирза, один могол, мой бывший нукер, которого я узнал, стоя на крыше, натянул лук и прицелился мне в лицо с близкого расстояния. Со всех

сторон закричали: «Эй! Эй! Это государь». Могол пустил стрелу в сторону и убежал. Дело зашло уже дальше того, чтобы пускать стрелы: его Мирза и военачальники убежали или попали в плен, кого же ради он стрелял?

Там же схватили Султан Санджар Барласа, которому я в знак внимания пожаловал Нингнахарский туман. Он тоже вместе с другими участвовал в мятеже. Его привели с веревкой на шее, он был [страшно] взволнован и кричал: «В чем я провинился?». «А разве есть преступление страшней того, что ты—один из знатнейших среди соучастников и советников этих людей», — [ответил я]. Так как Султан Санджар Барлас был племянником Шах биким, родительницы Хана, моего дяди, то я сказал: «Не водите его в таком позорном виде — это еще не смерть».

Покинув [Баг-и Бихишт], я послал Ахмед Касим Кухбура, одного
200*а* из беков, оставшихся в крепости,|| и небольшой отряд йигитов на поиски Мирза хана. Возле этого сада Баг-и Бихишт, Шах биким и [Кутлук Нигар] ханум построили себе дома и жили там. Выйдя из этого сада, я пошел повидаться с Шах биким и Ханум. Жители города и городская чернь учиняли всякие бесчинства: ловили прохожих по углам и закоулкам и грабили чужое имущество. Я расставил всюду людей, и этих грабителей побили и прогнали.

Шах биким и Ханум находились в одном доме. Я спешился на обычном расстоянии, вошел и поздоровался с прежней учтивостью и почтением. Шах биким и Ханум были бесконечно и беспредельно взволнованы, смущены, сконфужены и растеряны; они не могли придумать себе разумного оправдания или ласково спросить меня о здоровье. Я не ожидал от них такого [предательства]; правда, эти люди были в несчастном положении, но не настолько, чтобы не послушать слов Биким или Ханум. Мирза хан — родной внук Шах биким, проводил подле нее дни и ночи; если он ее не слушался, то она могла не отпустить его и держать возле себя.

Мне не раз приходилось, вследствие жестокости и неблагосклонно-
200*б* сти судьбы, лишаться престола, царства, слуг и нукеров и искать у них|| убежища, моя матушка тоже отправилась к ним, но мы не видели никакого внимания и заботы. У Мирза хана, моего младшего брата, и его матери, Султан Нигар ханум, были богатые и благоустроенные владения, а у нас с матерью не было не то что владений, — какой-нибудь деревушки или нескольких пар быков. А разве моя мать — не дочь Юнус хана, и я — не внук его? Всякий раз, когда кто-нибудь из этих людей меня навещал, я старался принять их, как только мог лучше, по-родственному. Так, [например], когда Шах биким приехала ко мне, я отдал ей Памган — одно из лучших мест в Кабульской области и не упускал случая проявить сыновние чувства и оказать услугу. Султан Са'ид хан,

Кашгарский хан, пришел ко мне с пятью-шестью пешими, голыми йигитами; я принял его, как родного брата, и отдал ему Мандраварский туман, один из туманов Ламгана. Когда Шах Исма'ил убил Шейбани хана под Мервом и я ушел в Кундуз, [беки] андиджанской области обратили глаза в мою сторону. Некоторые сместили своих градоначальников, другие укрепили города и стали посылать ко мне людей. Я отдал Султан Са'ид хану своих старых, испытанных нукеров, дал ему отряд в подкрепление, подарил мое родовое владение — Андиджан — и послал его туда ханом. До настоящего времени я смотрел на всякого, кто приходил ко мне из этих людей, как на родного; Чин Тимур султан, Исан Тимур султан, Тухта||Буга султан и Баба султан поныне находятся 201*а*
при мне. Я [всегда] относился к ним всем лучше, чем к родственникам, и оказывал им внимание, ласку и покровительство.

Я написал это не для того, чтобы пожаловаться. Все, что здесь написано, истина, и цель этих слов не в том, чтобы похвалить себя, — все, действительно, было так, как я написал. В этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мной слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило. Поэтому я записал о родичах и братьях то хорошее и плохое, что хорошо известно, и рассказал о недостатках и достоинствах близких и чужих мне людей, то, что действительно было. Да простит мне читатель, и да не будет ко мне строг слушатель!

Выйдя из [Баг-и Бихишт], я отправился в тот сад, где имел пребывание Мирза хан, и послал в свои владения, его народу и приближенным грамоты о победе. После этого я сел на коня и поехал в арк. Мухаммед Хусейн мирза со страху убежал в кладовую, где хранились тюфяки Ханум, и зарылся в груду туфяков. Я приказал Мирим Дивана и еще нескольким [бекам], что были в крепости, обыскать комнаты [Ханум], найти Мухаммед Хусейна и привести ко мне. Подъехав к дверям Ханум, они довольно грубо и неучтиво|| поговорили с ней и в конце 201*б*
концов нашли Мухаммед Хусейн мирзу в кладовой Ханум и привели его ко мне в арк. Я оказал ему прежнее уважение, поднялся на ноги, и не довел дело до особенно грубых слов. Мухаммед Хусейн мирза совершил такие гнусные и отвратительные поступки и старался поднять такие мятежи и бунты, что было бы вполне уместно разорвать его на куски и он вполне заслуживал смерти после всяких истязаний и пыток. [Но] так как мы были связаны различными видами свойства, и у Мирзы были сыновья и дочери от моей родной тетки Хуб Нигар ханум, то я, помня обязанности родственника, освободил Мухаммед Хусейн мирзу и разрешил ему отправиться в Хорасан. Этот неблагородный, не помнящий долга человек, совершенно забыв, что я оказал ему благодеяние и подарил жизнь, жаловался и клеветал на меня Шейбани хану, но

прошло лишь немного времени и Шейбани хан убил его и воздал ему должное.

Того, кто сделал тебе дурное, предоставь судьбе,*
Ибо судьба — твой слуга и отомстит за тебя.

Ахмед Қасим Кухбур и те несколько йигитов, которые были посланы вслед Мирза хану, настигли его у холмов Қарга Йилака. Он не мог бежать и не имел ни силы, ни смелости, чтобы пошевелить рукой. Его
202*а* привели [ко мне].|| Я сидел в старом здании дивана, под портиком, на северо-восточной стороне.

«Подойди сюда, поздороваемся!» — сказал я. Мирза хан до того растерялся, что, прежде чем подойти и преклонить колени, два раза упал. Поздоровавшись с ним, я посадил его с собою рядом и ободрил. Принесли питье. Чтобы рассеять страх Мирза хана, я сначала выпил сам, потом дал ему. Так как подчиненные Мирза хану воины, крестьяне, моголы и джагатаи были полны страха и колебаний, то я из осторожности приказал Мирза хану провести несколько дней в доме его старшей сестры. Упомянутые люди все еще возбуждали во мне беспокойство и сомнение; не считая полезным пребывание Мирза хана в Қабуле, я через некоторое время разрешил ему отправиться в Хорасан.

Отпустив этих [двух] мирз, я отправился прогуляться к холмам Баран и Чаш-Тепа и на склоны Гул-и Бахара. Весной степь Чаш-Тепа и склоны Гул-и Бахара очень красивы. Зелень на них много лучше, чем в других местах Қабульской области, и там цветут всевозможные тюльпаны. Однажды я приказал пересчитать все виды тюльпанов; их оказалось тридцать четыре вида. Во хвалу этих мест я сказал такой стих:

Весною Қабул с его зеленью и цветами — [сущий] рай.*
Особенно хороши в это время степь Барана и Гул-и Бахар.

Во время этой прогулки я закончил газаль, [начинающуюся] таким стихом:

202*б* Мое сердце, словно розовый бутон||, покрыто слоями крови*
И пусть будет сто тысяч раз весна — как может оно распуститься?

Действительно, мало найдется мест, где так приятно гулять весной, пускать соколов и ловить птиц; об этом было кое-что сказано и упомянуто при описании и рассказе об областях Қабула и Газни.

В том году бадахшанские беки: Мухаммед курчи, Мубарак шах, Зубайр и Джехангир оскорбились обхождением и образом жизни Насир мирзы и его любимцев и даже стали его врагами. Они все сговорились и повели войско. Собрав свою конницу и пехоту на равнине, ведущей к Яфталу и Рагу, на реке Кокча, они выстроились и подошли по холмам к Хамчану. Насир мирза и его приспешники — неопытные йигиты, не тревожась и не задумываясь, вышли к холмам на бой с этими людьми.

Местность там неровная, у беков было много пехоты. Люди Насир мирзы раз или два пускали коней на врагов, но те устояли и сами так ударили, что заставили людей Мирзы повернуть назад; те не выдержали и обратились в бегство.

Бадахшанцы, разбив Насир мирзу, разорили и ограбили его приверженцев и приспешников. Насир мирза со своими приближенными разбитыми и ограбленными, прошел через Ишкамиш и Нарын в Кила-Гахи. Он поднялся вверх по Кизил-Су, вышел на дорогу в Аб-Дара и, 203*а*
перевалив через Шиберту, явился в Кабул; с ним было семьдесят-восемьдесят нукеров и слуг, разбитых, ограбленных, голых и голодных. Удивительная у него судьба! Два-три года назад Насир мирза поднял и погнал все кочевые племена, восстал и вышел из Кабула.|| Достигнув Бадахшана, он укрепился в горах и долинах, и каких только у него не было замыслов! [А теперь] он пришел, повесив голову, стыдясь своих прежних дел, и был смущен и сконфужен из-за своей измены. Я не сказал ему ничего в лицо, ласково спросил его о здоровье и рассеял его смущение.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТОГО

Мы вышли из Кабула, чтобы пограбить Гилджей. Когда мы остановились в Сар-и Дихе, нам принесли известие, что в Маште и в Сих-Кана, в одном йигаче от Сар-и Диха, засело множество Махмандов и они ничего о нас не знают. Бывшие со мной беки и йигиты считали, что на Махмандов следует совершить набег, но я сказал: «Разве можно! Для чего мы выехали? Не достигнув цели, ограбить своих же крестьян, и вернуться! Это вещь невозможная».

Выступив из Сар-и Диха, мы пришли ночью, в темноте, в равнину Катта-Ваза. Тьма — непроглядная, местность — ровная; ни гор, ни холмов не видно, ни дороги, ни следов не различишь. Никто не мог указывать дорогу. В конце концов, я сам повел отряд. Мне раз или два приходилось бывать в тех местах; руководствуясь воспоминаниями, я встал

так, чтобы Полярная звезда была от меня справа, и двинулся вперед. С помощью божьей мы вышли к Киякту и к самой реке Улабату, к тому, месту, где засели Гилджи, то есть к хребту Ходжа-Исма'ил. Дорога туда идет мимо реки [Улабату]. Остановившись у этой реки, мы сами || и наши 203*б*
кони немного поспали и отдохнули, а на заре двинулись оттуда. Когда взошло солнце, мы миновали холмы и пригорки и вышли на равнину. Оттуда до того места, где стояли Гилджи, был добрый йигач пути. Когда мы вышли на равнину, то завидели вдали что-то черное — не то, скопище Гилджей, не то дым. Все мои воины [тотчас же] во весь опор бросились вперед. Один или два куруха я скакал за ними, пуская стрелы то в людей, то в коней, и [наконец] сдержал их. Остановить пять-шесть тысяч человек, летящих во весь опор, очень трудно, но бог помог и люди успокоились. Приблизившись еще на один шери пути, мы увидели темную массу афганцев и пустились на них. Во время этого набега нам досталось множество баранов; ни в какой другой набег не было захвачено столько баранов.

Когда мы повернули скот [на кабульскую дорогу] и спешились, афганцы отряд за отрядом начали подходить со всех сторон. Спустившись на равнину, они принялись подстрекать нас к бою. Некоторые беки и приближенные захватили целиком один отряд и весь его перебили. Против другого отряда выступил Насир мирза и целиком истребил его; из голов убитых афганцев построили башню. Дусту пехотинцу, начальнику крепости, имя которого уже упоминалось, попала в ногу стрела, и по возвращении в Кабул он умер.

Двинувшись от Шах-Исма'ила, мы пришли к Улабату и остановились. В этом месте я приказал некоторым бекам и приближенным отправиться и распорядиться об отобрании [в мою пользу] пятой части [захваченного] скота; у Касим бека и некоторых других мы, во внимание [к их заслугам], не стали брать пятины. || Пятая часть добычи после под- 204*а*
счета оказалась равной шестнадцати тысячам, то есть одной пятой восьмидесяти тысяч; вместе с теми, которые погибли или были пожалованы [бекам], число [захваченных] овец безусловно составляло один лак.

Выступив рано утром с этой стоянки, мы устроили в равнине Катта-Ваза облаву, чтобы поохотиться. В круг попало множество куланов и кииков. Много кииков и куланов перебили.

Во время охоты я погнался за куланом: подскакав близко, я пустил стрелу, за нею — еще одну, но эти две раны не свалили кулана с ног, только бег его после ранения стал тише, чем прежде. Пришпорив коня, я подскакал к кулану вплотную и так ударил его по шее за ушами, что рассек ему гортань. Кулан подскочил и так перекувырнулся, что чуть не зацепил задними ногами за мои стремена. Моя сабля рубила очень хорошо. Удивительно жирный был кулан! Ребра у него были немного

меньше пяди длиной. Ширим Тагай и еще некоторые люди, которые видели куланов в Моголистане, удивлялись и говорили: «Даже в Моголистане мы редко видели таких жирных зверей».

В этот день я застрелил еще одного кулана. Большинство кииков и куланов, подбитых на этой охоте, были жирные, но ни один не был так жирен, как кулан, убитый мною. Возвратившись после набега, мы стали лагерем в Кабуле.

В конце минувшего года Шейбани хан повел войска из Самаркан-
204*б* да, намереваясь захватить Хорасан. || Шах Мансур Бахши, мужеложец и неблагодарный человек, который находился в Андхуде, стал посылать к Шейбани хану людей, подстрекая его поскорее выступить. Когда Шейбани хан дошел до окрестностей Андхуда, этот мужеложец, рассчитывая на то, что он посылал к Узбеку людей, нарядился, воткнул в волосы птичье перо, захватил подношения и подарки и вышел [из крепости]. Толпа бесшабашных узбеков со всех сторон налетела на этого развратника; его подношения, подарки и людей похватали и уволокли.

Бади'аз-Заман мирза, Музаффар мирза, Мухаммед Бурундук Барлас и Зу-н-Нун Аргун с войском находились в окрестностях Баба-Хаки. Они не имели намерения сражаться, не хотели укреплять крепость, не делали никакого дела, не знали, что предпринять, и стояли, охваченные смятением. Мухаммед Бурундук бек был человек толковый, он говорил: «Мы с Музаффар мирзой будем укреплять гератскую крепость; Бади' аз-Заман мирза с Зу-н-Нун беком пусть отправятся в окрестные горы и приведут из Систана Султан Али Аргуна, а из Кандахара и Замин-Давара — Шах бека и Мукима с их войском. Пусть соберут все, какие есть, отряды хазарейцев и никдарейцев и держат их наготове в полном вооружении. Врагам трудно идти по горам; опасаясь войск, стоящих вне крепости, они не смогут двинуться на крепость». Он хорошо говорил, и
205*а* в голову ему пришла разумная || мысль.

Зу-н-Нун Аргун был человек смелый, но корыстолюбивый и скупой, далекий от разумных мнений, глупый и сумасбродный. В те дни, когда Бади'аз-Заман и его младший брат совместно правили в Герате, Зу-н-Нун Аргун, как уже упомянуто, был полновластным беком при Бади'аз-Замане. Из корыстолюбия он не согласился, чтобы Мухаммед Бурундук находился в Герате, и решил сам остаться в городе, но там тоже не сумел соблюсти приличие.

Может ли быть лучшее доказательство его глупости и сумасбродства, чем то, что он поддался на лесть и обманы алчных плутов и мошенников и навлек на себя срам и позор? Подробности этого дела таковы. Когда Зу-н-Нун Аргун находился в Герате и пользовался влиянием и значением, к нему пришли несколько шейхов и мулл и сказали: «Мы вступили в общение с нашим кутбом, он дал тебе прозвище «Лев Аллаха» и сказал, что ты должен победить узбеков». Зу-н-Нун Аргун

поверил этим словам, повязал вокруг шеи полотенце и возблагодарил Аллаха. По этим причинам он не согласился с разумным мнением Мухаммед Бурундука и не упорядочил дела в крепости, не приготовил оружия для боя, не выставил караула и дозора, чтобы узнать о приближении противника, и не построил войска, дабы спокойно начать бой, если подойдет враг. Когда Шейбани хан в месяце мухарраме перешел Мург-Аб, об этом узнали только после того как он приблизился к окрестностям Серахса||. В Герате пришли в смятение и не могли ничего пред- 205*б*
принять — ни людей собрать, ни войска построить. Все начали разбегаться кто куда. Зу-н-Нун Аргун, поддавшись на речи льстецов, стоял в Кара-Рабате с сотней или полутора сотнями бойцов против сорока или пятидесяти тысяч узбеков. На [гератцев] напало множество врагов; людей Зу-н-Нуна тотчас же захватили и погнали [в плен], а самого Зу-н-Нуна убили и отрезали ему голову.

Матери, сестры, жены и казна мирз находились в крепости Ихтияр ад-дин, которую [теперь] называют Ала-Курган. Мирзы достигли города к вечеру. Они поспали до полуночи и, дав отдохнуть лошадям, на заре покинули город, не подумав даже укрепить крепость. Имея столько времени и сроку, они не увезли своих матерей, сестер, жен, сыновей и дочерей и бежали, оставив их в плену у узбеков. Пайанда Султан биким, Хадича биким и другие жены Султан Хусейн мирзы, жены, дочери и сыновья Бади'аз-Заман мирзы и Музаффар мирзы, а также все их наличные сокровища и пожитки находились в Ала-Кургане. Мирзы не укрепили и не подготовили крепости [к осаде], как следует; йигиты, назначенные в подкрепление, тоже не подошли. Ашик Мухаммед Аргун, младший брат Мазид бека, пешком убежал из войска и пришел в крепость||. Али хан, сын эмира Омара, Шейх Мухаммед Абд Аллах бакаул, 206*а*
Мирза бек Кайхусрави и Мирек Кур диван тоже был там.

Когда спустя два-три дня пришел Шейбани хан, шейх ал-ислам и [гератские] вельможи, составив договор и условие, вынесли ему ключи от внешней крепости. Однако Ашик Мухаммед удерживал внутреннюю крепость еще шестнадцать или семнадцать дней. Снаружи, со стороны конского базара, сделали подкоп, развели огонь и взорвали одну из крепостных башен. Осажденные, потеряв твердость духа, не могли удержать крепость и сдали ее.

После того как Шейбани хан взял Герат, он очень дурно обошелся с женами и детьми [обоих] государей, не только с ними, но со всем народом. Ради преходящих благ нашей краткой жизни он учинил всевозможные грубости и непристойности. Первое дело и действие, которое Шейбани хан совершил в Герате, таково: ради грязных мирских расчетов он отдал Хадича биким развратнику Шах Мансур Бахши на пытку и истязание. Шейх Пурана, этого праведного, святого человека, он отдал

моголу Абд ал-Ваххабу, а его сыновей роздал всяким людям. Всех поэтов и даровитых людей Шейбани хан отдал во власть Мулле Беннаи. Хорасанские остроумцы сочинили на этот счет такой отрывок, получивший широкую известность:

Кроме Абд Аллаха Кирхара,*
Не видит теперь никто из поэтов золота.
Беннаи хочет получить от поэтов золото — *
206б Но получит он только кирхар.||

Кроме того, Шейбани хан взял в жены одну из супруг Музаффар мирзы по имени Ханзада ханум, не выждав даже срока очищения. Несмотря на свою безграмотность, [Шейбани хан] учил Кази Ихтиара и Мухаммед Мир Юсуфа — знаменитых и даровитых гератских ученых — толковать Коран; взяв в руки перо, он исправлял писания и рисунки Султан Али-и Мешхеди и художника Бехзада. Иногда он сочинял несколько безвкусных стихов и приказывал читать их с минбара, а потом распоряжался вывесить эти стихи на базарной площади и брал с народа подарки. Хотя он вставал с зарей, не пропускал пятикратных молитв и хорошо знал науку чтения Корана, но произносил и совершал много подобных глупых, неразумных, бессмысленных и нечестивых слов и поступков.

Через десять-пятнадцать дней после взятия Герата, [Шейбани хан] пришел из Кахадстана к Пул-и Салару и отправил все свои войска под начальством Тимур султана и Убайд [Аллах] султана против Абул-Мухсин мирзы и Купак мирзы, которые беспечно сидели в Мешхеде. Один раз они решили укреплять Калат, другой раз, услышав о продвижении [неприятельского] войска, задумали идти другой дорогой против Шейбани хана — это был удивительно хороший план!

Когда они сидели на месте, не приняв никакого определенного решения, Тимур султан и Убайд султан с войском быстрыми переходами подошли к ним. Мирзы тоже построили своих воинов и выступили.

207а Абу-л-Мухсин||мирзу быстро разбили, Купак мирза с небольшим отрядом бросился на противников своего старшего брата. [Узбеки] напали также и на Купак мирзу; оба брата, и старший, и младший, попали в плен. Когда их привели в одно место, чтобы убить, братья обнялись, поцеловались и попрощались: Абу-л-Мухсин мирза проявил тут малодушие; Купак мирзе все было, [видимо], безразлично. Головы обоих мирз послали к Шейбани хану, который находился у Пул-и Салара.

В эти дни Шах бек [Аргун] и его младший брат Мухаммед Муким, испугавшись Шейбани хана, несколько раз посылали ко мне послов с донесениями, выражая верность и доброжелательство. Мухаммед Муким в каждом донесении откровенно призывал меня. В такое время, когда узбеки захватили всю область [Хорасана], мне казалось неподобаю-

щим сидеть [сложа руки] и смотреть. Так как ко мне отправляли столько послов и донесений, призывая меня [в Хорасан], то не оставалось сомнений, что эти беки явятся, чтобы мне служить. Посоветовавшись со своими беками и разумными людьми, мы решили выступить с войском и, соединившись с беками Аргунами, двинуться на Хорасан или принять какой-либо другой более подходящий план, следуя их совету и указанию. Имея такое намерение, мы направились к Кандахару.

Хабиба Султан биким — выше уже упоминалось, что я называл ее йанга — привела ко мне свою дочь Ма'сума Султан, как было условлено в Герате.|| В Газни мы встретились с нею. Хусрау Кукельташ, Султан 207*б*
Кули Чанак и Гада-и Билал, которые бежали из Герата и находились у Ибн Хусейн мирзы, впоследствии ушли от него к Абу-л-Мухсин мирзе; у него они тоже не смогли остаться и теперь направлялись в другое место. Когда мы дошли с этими людьми до Келата, множество хиндустанских купцов, которые пришли в Келат, чтобы торговать, не успели убежать оттуда. Наши воины тотчас же напали на них. Многие придерживались мнения, что в подобное смутное время следует грабить всякого, кто идет в страну врага. Я не согласился с этим и сказал: «Чем виноваты эти торговцы? Если мы пожертвуем ради благоволения божия частью добычи, то великий Аллах в воздаяние пошлет нам эту добычу целиком. Вот ведь, некоторое время тому назад, когда мы выехали для набега на Гилджей, афганцы племени Мехменд со своими стадами, имуществом и домочадцами находились в одном йигаче от войска. Многие стояли за то, чтобы их пограбить. По тем же причинам я не согласился. На следующий же день великий господь послал воинам большую добычу от враждебных афганцев, то есть от Гилджей; ни при каком набеге нам не доставалось столько овец».

Когда мы миновали Калат и стали лагерем, то взяли кое-что у этих купцов в качестве подарка.

Мирза хан после взятия Кабула, получил разрешение отправиться в Хорасан; Абд ар-Раззак мирза, когда я ушел из Хорасана,|| остался 208*а*
там. Когда мы миновали Калат, эти двое мирз явились ко мне, спасаясь бегством из Кандахара. Мать Пир Мухаммед мирзы, сына Джехангир мирзы и внука Пахар мирзы пришла с этими мирзами и пребывала при мне. К Шах беку и к Мукиму мы посылали людей и письма с такими сообщениями: «Следуя вашим словам, мы пришли сюда. Такие враги, как узбеки, захватили Хорасан. Приходите! Сговорившись с вами и руководствуясь вашим здравым мнением, мы приняли решение, соответствующее благу государства».

Однако Шах бек и Муким, отрицая, что они писали мне письма и приглашали меня, прислали грубый, мужицкий ответ. Одно из проявлений их грубости состоит в том, что в первом письме, которое написал

мне Шах бек, он поставил печать на задней стороне, посреди страницы, где прикладывают печати эмиры, когда пишут друг другу, или большие беки в письмах к малым бекам. Если бы он не совершал таких неучтивостей и не давал столь грубых ответов, разве дело дошло бы до такого конца? Ведь говорится:

Словесные распри доводят до того,*
Что свергают древний царский дом.

Сварливость и грубость этих беков была причиной того, что они разорили свой род и пустили по ветру богатства, накопленные за сорокпятьдесят лет.

Однажды в окрестностях Шахр-и Сафа посреди лагеря поднялся шум. Все воины надели оружие и вскочили на коней. Я был занят обря-
208б довым омовением.|| Эмиры впали в великую тревогу. Закончив омовение, я сел на коня. Тревога оказалась ложная, и через мгновение все успокоилось.

Совершая переход за переходом, мы остановились в Гузаре. Оттуда мы опять начали переговоры, но [Аргуны] не обратили на нас внимания и проявили упорство и упрямство. Доброжелатели, которые хорошо знали все земли и воды страны, доложили: «Реки, текущие к Кандахару, начинаются близ Баба-Хасан-Абдала и Халишака; следует повернуть в ту сторону и совершенно отрезать реки, которые текут в Кандахару». Порешив на этом, мы на следующее утро построили правое и левое крыло войска и выступили в сторону Халишака.

Шах бек и Мухаммед Муким поставили большой шатер перед выступом Кандахарской горы, в которой я [потом] выдолбил для себя каменное здание, и сидели там. Люди Мукима поспешно приблизились к нам, [прячась] среди деревьев. Туфан Аргун, который в окрестностях Шахр-и Сафа бежал к нам, вышел в одиночку и приблизился к войску Аргунов. Некий Ишк Аллах во главе семи или восьми человек отделился и направился к нам. Сам он отделился от своих семи-восьми человек и выехал вперед. Туфан Аргун, в одиночку, встал к нему лицом; они схватились на саблях. Туфан Аргун свалил Ишк Аллаха с лошади, отрезал ему голову и привез ее мне, когда я проезжал мимо Санг-Лахшака. Мы решили, что это хорошее предзнаменование.

Местность была окружена деревьями и садами. Мы сочли ее неудобной для боя и, спустившись по склону горы, выбрали стоянку напро-
209а тив Халишака, на поляне, на кандахарском берегу реки.|| Когда мы стали там лагерем, Шир Кули, дозорный, быстро подскакал к нам и доложил, что враг идет на нас в боевом порядке.

С тех пор, как мы миновали Калат, воины сильно голодали и терпели большие лишения. В окрестностях Халишака большинство бойцов разбрелось и разъехалось, кто вверх, кто вниз, чтобы раздобыть

быков или баранов, зерна и соломы. Не ожидая пока соберется войско, мы сейчас же сели на коней. Всего с нами было около двух тысяч человек, но когда мы стали лагерем, многие воины, как уже упоминалось, ушли, кто вверх, кто вниз. Ко времени сражения они не могли присоединиться к нам, и число наших людей, участвовавших в битве, составляло с тысячу человек. Хотя у меня было мало бойцов, но я расставил и построил их в хорошем расположении и порядке и в твердом, определенном строю; никогда раньше не было мое войско так хорошо и правильно выстроено. В особом отряде, куда были отобраны все годные к боевому делу йигиты, я расписал их на части по десять или по пятьдесят человек и назначил [над ними] десятника или полусотника. Каждый десятник и полусотник знал свое место на правом крыле или на левом крыле; всякому было известно, что ему делать во время боя, и он стоял [на своем месте] и смотрел. Бойцы правого крыла, правой руки и левой руки, правой стороны и левой стороны, правого фланга и левого фланга, сев на коней, могли без труда выстроиться, не нуждаясь в помощи тавачиев, воины [сами] направлялись прямо на места, назначенные в приказе.|| 209*б*

Хотя [слова] барангар, унг кул, унг ён и [просто] унг означают одно и то же, но я употребляю их в разных значениях, чтобы, изменяя слова, указать на различие. Так как [арабские слова] маймана и майсара, то есть [по-тюркски] барангар и джавангар, при построении войска не употребляются по отношению к центру — [по-тюркски] кул, то в центре такое построение называют, в этом смысле, барангар и джавангар. О куле, который составляет отдельный корпус, я говорю, чтобы различить его правую и левую сторону: унг кул и сул кул. В куле стоит и особый отряд; его правую и левую сторону называют унг ён и сул ён. В особом отряде — [по-тюркски] буй тикани — правую и левую сторону называют унг и сул. В тюркской речи «одинокий» тоже значит буй, но тут имеется в виду не это [значение слова] буй, а [другое] — «близкий».

На правом крыле стояли: Мирза хан, Ширим Тагай, Ирак Тагай с братьями, Чилма Могол, Айуб бек, Мухаммед бек, Ибрахим бек, Али Сейид Могол со своими моголами, Султан Кули Чухра, Худа Бахш и Абу-л-Хасан с братьями, на левом крыле — Абд ар-Раззак мирза, Касим бек, Тенгри Берди, Ахмед Илчи Буга, Гури Барлас, Сейид Хусейн Акбар, Мир Шах Каучин; в авангарде: Насир мирза, Сейид Касим ишик ага, Мухибб Али курчи, Папа Угли, Аллаверан Туркмен, Шир Кули караул Могол со своими братьями и Мухаммед Али. В центре, по правую руку от меня, стояли Касим Кукельташ, Хусрау Кукельташ, Султан Мухаммед Дулдай, Шах Махмуд парваначи, Кул Баязид бакаул,|| Камал Шарбатчи, по левую руку стояли Ходжа Мухаммед Али, 210*а*
Дуст Насир, Мирим Насир, Баба Ширзад, Хан Кули, Вали Хазиначи,

Кутлук Кадам караул, Максуд Сувчи и Баба Шейх. В центре стояли только мои приближенные; из великих беков не было ни одного: никто из упомянутых выше не достиг еще степени бека.

К особому отряду были приписаны: Шир бек, Хатим курбеги, Купак, Кули Баба, Абу-л-Мухсин курчи; из моголов — Урус Али Сейид, Дервиш Али Сейид, Хуш Келди Чалма, Дуст Келди Чалма Тугчи и Амачи Минди; из туркмен: Мансур, Рустам Али с братьями, Шах-Назар и Сиюндук.

Люди врага были разбиты на два отряда: одним предводительствовал Шах Шуджа Аргун, которого мы будем впредь называть Шах бек, другим — его младший брат Аргун Муким. Людей у этих Аргунов насчитывали шесть-семь тысяч; тысячи четыре или пять вооруженных молодцов у них бесспорно было.

[Шах бек] встал напротив моего центра и правого крыла; Муким стоял прямо против левого крыла. Отряд Мукима был несколько меньше отряда его брата, он с силой напал на наше левое крыло, где стоял Касим бек; во время битвы от Касим бека пришли два или три человека, прося подкрепления, но так как перед нами тоже стоял сильный противник, то мы не могли выделить людей в помощь Касим беку.

Мы немедля двинулись в сторону противника. Когда начали летать
210б стрелы||, враги разом напали на наших передовых, разбили их, погнали назад и прижали к центральному отряду. Мы шли вперед, пуская стрелы; враги, недолго постреляв, как будто приостановились. Один человек, стоявший напротив меня, что-то крикнул своим людям, сошел с коня и собирался пустить [в меня] стрелу; но так как мы шли не останавливаясь, не мог устоять и, [опять] сев на коня, ускакал. Этот человек, который спешился, будто бы был сам Шах бек.

Во время боя Пири бек Туркмен с четырьмя или пятью братьями сняли с головы тюрбан и, отвернув лицо от [наших] врагов, перешли к нам. Этот Пири бек — один из тех туркмен, которые, когда Шах Исма'ил одолел султанов Баяндури и завладел землями Ирака, пришел [в Герат] с туркменскими беками во главе с Абд ал-Баки мирзой и Мурад бек Баяндури.

Наше правое крыло раньше всех потеснило врагов. Конец правого крыла [как бы] вонзился в то место, где я [потом] разбил сад. Левое крыло продвигалось значительно ниже Баба-Хасан-Абдала, вдоль больших, обсаженных деревьями арыков; против нашего левого крыла стоял Муким со своими приверженцами и приспешниками. Людей на нашем левом крыле в сравнении с отрядом врага Мукима было очень мало, но бог помог нам: между нашим левым крылом и врагами оказались три-четыре больших, осененных деревьями арыка, которые текли в Кандахар и окрестные деревни. Мои люди захватили голову переправы и

не дали врагу перейти. Воины на левом крыле, несмотря на свою малочисленность, дрались хорошо и стояли || крепко. Со стороны Аргунов, 211*а*
Халвачи Тархан вступил в воде в бой с Камбар Али и Тенгри Берди. Камбар Али был ранен, Касим беку попала в лоб стрела. Гури Барласа ранили в бровь стрелой, которая вышла у него выше щеки. В это время мы обратили врага в бегство, перешли через арыки и вышли к выступу горы Мурган. Когда мы переправлялись через арык, какой-то человек на сером коне скакал то туда, то сюда, по склону горы, не зная, в какую сторону направиться, и в конце-концов куда-то уехал. Я принял его за Шах бека; вероятно, это и был Шах бек.

Разбив врага, все наши люди бросились преследовать неприятелей и сбивать их с коней; со мной осталось ровным счетом одиннадцать человек. Среди этих одиннадцати воинов был также Абд Аллах Китабдар.

Муким все еще стоял на месте и дрался. Несмотря на малочисленность наших людей, мы ударили в барабаны и, возложив упование на Аллаха, двинулись на врага.

И многого и малого податель — господь,*
В земной обители нет у человека силы.

«Сколь часто малый отряд одолевал большой отряд с соизволения Аллаха».

Услышав бой барабана и поняв, что мы направляемся в их сторону, враги забыли путь устойчивости и вступили на стезю бегства.

С помощью божьей мы разбили неприятеля и направились в сторону Кандахара. Мы расположились в саду Фаррухзад бека, от которого теперь не осталось и следа||. Шах бек и Муким, убегая, не смогли 211*б*
укрыться в Кандахарской крепости. Шах бек ушел в сторону Шала и Мастанга, Муким направился в Замин-Давар; чтобы защищать крепость, он не оставил ни одного человека. Ахмед Али Тархан, один из братьев Кули бек Аргуна, и некоторые другие люди, верность и преданность которых были мне известны, находились в крепости. Вступив в переговоры, они попросили пощадить жизнь своих братьев. Упомянутые люди пользовались [моей] благосклонностью, и то, о чем они просили, было им даровано. Они отперли ворота крепости, [называемые] Машур; опасаясь своевольства [наших] людей, других ворот не открывали.

К этим открытым воротам были приставлены Ширим бек и Ярак бек. Я сам с несколькими приближенными въехал в ворота, налетел на бесчинствовавших воинов и велел для острастки убить одного или двух [из них]. Прежде всего я отправился в казну Мукима, которая помещалась во внешних укреплениях. Я пожаловал кое-что из казны Абд ар-Раззак мирзе и поставил над нею начальниками Дуст Насир бека, Кул Баязида бакаула и из бахшей — Мухаммеда Бахши. В дом Мир

Джана, дивана Зу-н-Нуна, я послал Мирим Насира и Максуда Сувчи; этот дом был предназначен Насир мирзе. Мирза хану достался дом
212*а* Шейх Бу Са'ид Тархана||. В этих землях никогда не видели так много серебряных денег и даже не слыхивали о человеке, который бы видел столько денег.

Ту ночь я провел в самом арке. Туда привели Сунбула, раба Шах бека. Хотя Сунбул был только наперсником Шах бека и не пользовался особой милостью, я поручил одному человеку [стеречь его]; тот не стерег Сунбула как следует и дал ему убежать. На следующий день я прибыл в сад Фаррухзада, где находился мой лагерь.

Область Кандахара я отдал Насир мирзе. Когда содержимое казны пересчитали, погрузили и начали вывозить, Насир мирза взял из казны арка верблюжий караван серебряных денег и оставил их у себя. Я не требовал этих денег обратно и пожаловал их Насир мирзе.

Выйдя из Кандахара, мы стали лагерем на поляне Куш-Хана. Оттуда я отправил обоз вперед, а сам совершил прогулку и прибыл в лагерь позднее. Это был не прежний лагерь, и я прямо не узнал его. Там были хорошие кровные кони, стояли целые караваны верблюдов, верблюдиц и мулов, нагруженных тканями, верблюдицы, нагруженные шелками, шатры и наметы из алого бархата; в каждом помещении грудами лежали мешки и стояли сундуки. Имущество обоих братьев, старшего и младшего, хранилось в особых сокровищницах; в каждой сокровищнице громоздились сундуки и кипы всякой одежды, сумки и мешки с серебром. В любой палатке или шатре находилось множество
212*б* всякой добычи; овец было тоже много,|| но на них не обращали особенного внимания.

Касим беку я пожаловал обитателей Калата, которые были нукерами Мукима и состояли под начальством Кур Аргуна и Тадж ад-дин Махмуда, а также весь их скот и имущество. Касим бек, который был расчетливым и предусмотрительным человеком, не считал для нас полезным долгое пребывание в Кандахаре и часто говорил об этом; вследствие его настояния, я повел оттуда войска [обратно].

Как уже было сказано, я пожаловал Кандахар Насир мирзе. Отпустив Насир мирзу, я направился в Кабул. В области Кандахара некогда было делить казну; в Карабаге мы провели четыре-пять дней и поделили деньги. Считать деньги было трудно, так что мы их делили, взвешивая на весах. Беки старшие и младшие, нукеры и приближенные мешками и кулями грузили и увозили серебро, доставшееся им в качестве жалованья и кормовых; с большими богатствами и добычей и с великой славой и почетом мы вернулись в Кабул.

Возвратившись туда, я женился на Ма'сума Султан биким, дочери Султан Ахмед мирзы, которую я вызвал из Хорасана.

Спустя шесть или семь дней один из нукеров Насир мирзы принес весть, что Шейбани хан пришел и осадил Кандахар. Раньше было уже упомянуто, что Муким бежал в Замин-Давар; прибыв туда, он повидался с Шейбани ханом. От Шах бека тоже один за другим ходили к нему люди. По их наущению и подстрекательству || Шейбани хан вы- 213*а*
ступил из Герата и спешно направился горными дорогами в Кандахар, рассчитывая, что я в Кандахаре. Именно из этих соображений Касим бек, человек опытный, так настойчиво старался удалить нас из Кандахара.

Все, что юноша видит в зеркале, старец видит в жженом кирпиче.*

[И вот] Шейбани хан пришел и осадил Насир мирзу в Кандахаре. Как только дошла об этом весть, я созвал беков и устроил совет. Я завел речь о том, что столь чужие нам люди и исконные враги, как узбеки и Шейбани хан, завладели всеми землями, прежде подвластными потомкам Тимура. Тюрки и джагатаи, которые еще остались в разных углах и краях, одни из корысти, другие поневоле, примкнули к узбекам. Я остался [один] в Кабуле; враг весьма силен, а мы — очень слабы. Заключить мир надежды нет, сопротивляться тоже нет возможности. Имея столь сильного и могущественного противника, нам надо найти для себя какое-нибудь место; пока есть еще время и возможность, следует уйти подальше от такого мощного и грозного врага. Следует направиться либо в Бадахшан, либо в Хиндустан; необходимо решить, в которую из этих двух стран нам пойти.

Касим бек, Ширим бек и их приспешники стояли за то, чтобы пойти в Бадахшан. В то время среди бадахшанцев высоко держали голову Мубарак Шах, Зубайр, Джехангир Туркмен и Мухаммед курчи; они выгнали Насир мирзу ||, но не подчинились узбекам. 213*б*

Однако я и некоторые приближенные беки предпочитали идти в Хиндустан, и мы направились в Ламган.

После взятия Кандахара я пожаловал области Калата и Тарнака Абд ар-Раззак мирзе и оставил Абд ар-Раззак мирзу в Калате. Когда узбеки пришли и осадили Кандахар, Абд ар-Раззак мирза не мог оставаться в Калате и ушел, бросив город; ко времени нашего выхода из Кабула он прибыл к нам. Мы оставили Абд-ар-Раззака в Кабуле.

Так как в Бадахшане не было государя или царевича, то Хан Мирза, вследствие своего родства с Шах биким или с ее одобрения, возымел склонность двинуться в Бадахшан; разрешение на это было ему дано. Шах биким отправилась с Мирза Ханом; моя тетка Михр Нигар ханум также пожелала отправиться в Бадахшан; ей больше подобало бы остаться со мной, так как я был ей сродни, но сколько я ее ни удерживал, она не дала себя уговорить и тоже направилась туда.

В месяце джумаде первой мы выступили из Кабула в Хиндустан. Пройдя через Малый Кабул, Сурх-Рабат, мы спустились в Курук-Сай. Афганцы, живущие между Кабулом и Ламганом, даже в мирные времена сами воруют и другим помогают воровать: они страстно желают и не могут дождаться подобных [военных] событий. Когда они узнали, что я оставил Кабул и иду в Хиндустан, их дурные качества умножи-
214*а* лись в десять раз; даже добрые люди из них обратились к злу. || Дошло до того, что в то утро, когда мы выступили из Джагдалика, тамошние афганцы вздумали преградить путь через Джагдаликский перевал. Они построились в горах на северной стороне и пошли, ударяя в барабаны, размахивая саблями и громко крича. Как только мы сели на коней, я приказал воинам подниматься на гору со всех сторон. Воины во весь опор поскакали вверх по холмам и гребням. Афганцы не устояли ни минуты; они даже не смогли пустить ни одной стрелы и бросились в бегство. Преследуя афганцев, я поднялся на гору. Один афганец, убегая, промчался внизу мимо меня; я выстрелил [и попал] ему в руку. Этого раненого афганца и еще нескольких афганцев схватили и привели. Некоторых из них для острастки посадили на кол.

Мы остановились в Нингнахарском тумане перед крепостью Адинапур. Не проявив дальновидности, мы не подумали заранее, где бы обосноваться, ни места, куда идти, не было установлено, ни земли, чтобы жить там, не было намечено. Мы просто вышли и бродили то вверх, то вниз, пока не узнаем чего-нибудь нового.

Была поздняя осень; в долинах большей частью уже убрали рис. Люди, знавшие земли и воды страны, доложили, что вверх по реке Алишенгского тумана, в Миле, кафиры сеют много рису. Есть вероятность, что воинам удастся раздобыть там съестные припасы на зиму.

Выйдя из долины Нингнахара, мы быстро двинулись вперед, переправились [через реку] у Сайкала и прошли до ущелья Пурамин.
214*б* Воины захватили много рису. Рисовые поля || тянулись у подножия горы; их хозяева убежали; некоторые кафиры были убиты. В ущелье Пурамин мы поставили на высоком валу несколько йигитов. Отступая, кафиры быстро поднялись на гору и начали пускать стрелы. Одна стрела попала в Пурана, зятя Касим бека; кафиры схватили его и хотели изрубить топором, но тут наши йигиты вернулись назад, напали на врагов, обратили их в бегство и увели Пурана.

Мы провели одну ночь на рисовых полях кафиров и, захватив много зерна, вернулись в лагерь.

В те дни, когда мы находились в пределах тумана Мандравар, Мах Чучук, дочь Мукима — теперь она замужем за Шах Хасан беком — выдали за Касим Кукельташа.

Так как мы [все же] не сочли за благо идти в Хиндустан, то Мулла

Баба Пашагири с несколькими йигитами был послан в Кабул. Покинув пределы Мандравара, мы пришли в Атар и Сива. Несколько дней мы провели в тех местах. Из Атара я прогулялся в Кунар и Нургал и возвратился из Кунара в лагерь на плоту. Раньше я никогда не плавал на плотах; это мне очень понравилось; потом [плавание на] плотах стало обычным делом.

В эти дни от Насир мирзы прибыл Мулла Мирек Фиркати. Он подробно доложил о том, что Шейбани хан захватил внешние укрепления Кандахара, но не мог взять арка и отступил. После ухода Шейбани хана Насир мирза по некоторым причинам бросил Кандахар ||и ушел в 215*а*
Газни. Спустя несколько дней, Шейбани хан неожиданно напал на Кандахар. [Защитники города] не сумели удержать внешние укрепления и сдали их. [Войска Шейбани хана] сделали в разных местах вокруг арка подкопы и несколько раз начинали бой. В этом тяжелом положении Ходжа Мухаммед Амин, Ходжа Дуст и Мухаммед Али Пияда соскочили вниз со стен крепости и бежали. Защитники крепости пришли в отчаяние. Когда они уже собирались сдаваться, Шейбани хан завел речь о мире и ушел из-под Кандахара.

Причиной того, что Шейбани хан оставил Кандахар, было следующее: отправляясь в поход, он отослал своих женщин в Нирету, а потом один человек поднял в Нирету голову и захватил крепость. По этой причине Шейбани хан заключил нечто вроде мира и ушел.

Хотя была середина зимы, мы возвратились в Кабул через Бад-и Пич. Я приказал вырезать на камне выше Бад-и Пича тарих нашего прохождения мимо этого места, Мирек Юсуф вырезал надпись, а Устад Шах Мухаммед исполнил дело резчика. Вследствие спешки, он вырезал надпись не очень хорошо.

Я пожаловал Газни Насир мирзе; Абд ар-Раззак мирза получил Нингнахарский туман, Мандравар, Дара-и Нур, Кунар и Нургал.

До той поры потомки Тимура, хотя я обладал царской властью, называли меня «мирза». Теперь я приказал величать себя падишахом.

В конце того года, вечером во вторник четвертого числа месяца зу-л-ка'да ||, когда солнце было в созвездии Рыб, в кабульском арке 215*б*
родился Хумаюн. Маулана Сайиди, стихотворец, нашел тарих его рождения в словах «Султан Хумаюн хан». Один из мелких кабульских стихотворцев нашел тот же тарих в словах «Шах Фируз Кадр».

Через три-четыре дня [младенца] нарекли именем Хумаюн. Спустя пять или шесть дней после рождения Хумаюна, мы вышли в сад и справили той по случаю его рождения. Старшие и младшие беки, большие и малые вельможи — все принесли в подарок деньги; серебра оказалась большая куча; никогда раньше не было видано такого множества серебряных денег в одном месте. Очень хороший вышел той!

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО

В ту весну я разбил в окрестностях Мукура отряд афганцев-Мехмендов. Через несколько дней после того как мы вернулись с набега и стали лагерем, Куч Бек, Факир Али Каримдад и Баба Чухра задумали бежать. Узнав об этом, я послал им вслед людей; их поймали ниже Истаргача и привели. При жизни Джехангир мирзы они тоже, как мне докладывали, говорили неподобающие слова; я приказал подвергнуть их всех наказанию на базаре. Когда этих преступников привели к воротам базара и накинули им на шею веревку, чтобы их повесить, Касим бек прислал ко мне Халифу и настойчиво просил простить им их вину. Чтобы угодить Беку, я подарил им обоим жизнь и приказал бросить их в тюрьму.

Хисарцы и кундузцы ||, нукеры Хусрау шаха и предводители моголов: Чалма, Али Сейид Шикма, Шир Кули, Ику Салим, а также джагатайские нукеры Хусрау шаха во главе с Султан Али Чухра и Худа Бахшем, пользовавшиеся его милостью, и туркмены под начальством Шахназара и Сиюндука,— их было две-три тысячи добрых молодцев — в это время вступили в переговоры и, столковавшись, задумали [против меня] дурное. Те, кого я упомянул, находились перед Ходжа-Риваджем, между полянами Сунг-Курган и Чалак. Абд-ар-Раззак мирза, пришедший из Нингнахара, находился в Дех-и Афгане. Мухибб Али курчи и Халифа раз или два предупреждали Мулла Баба о сговоре мятежников; мне тоже намекали на это. Но это не казалось мне вероятным, и я не уделял их словам внимания. 216*а*

Однажды вечером я сидел в Чарбаге, в помещении дивана. К ночи, в час молитвы перед сном, Муса Ходжа и еще один человек быстро подошли и сказали мне на ухо: «Моголы действительно решили поднять мятеж. Мы не узнали наверное, удалось ли им привлечь на свою сторону Абд ар-Раззак мирзу; они еще не решили, произойдет ли восстание именно сегодня ночью».

Притворившись ничего не знающим, я через некоторое время отправился в гарем. В то время мои женщины находились в саду Баг-и Хилват и в саду Баг-и Юрунчка. Когда я подошел к женщинам, телохранители и стражники удалились. После их ухода || мы с Сарвар Кулом направились в город. Я дошел до рва и до Железных ворот, и тут ко мне подбежал, со стороны базара, Ходжа Мухаммед Али... 216*б*

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО

В понедельник, в первый день месяца мухаррама, в нижней части долины Чандавала произошло сильное землетрясение. Оно продолжалось около получаса по звездному времени.

На следующий день мы выступили со стоянки и стали лагерем близ крепости Баджаур, намереваясь взять ее приступом. Мы послали в Баджаур одного уважаемого афганца из племени Дилазак, чтобы он посоветовал баджаурскому султану и жителям города изъявить мне покорность и сдать крепость. Эти глупые злополучные люди не приняли совета и прислали бестолковый ответ, и я приказал воинам готовить лестницы, щиты и все, что нужно для взятия крепости. Ради этого мы провели один день на той стоянке.

В четверг четвертого мухаррама вышел приказ воинам надевать доспехи, вооружаться и садиться на коней. Левое крыло должно было выйти вперед, перейти реку у переправы выше крепости Баджаур и встать к северу от крепости; || люди центра получили приказ не перехо- 217*а*
дить реку и встать к северо-западу от крепости в труднопроходимом неровном месте; правому крылу предписывалось занять место к западу от нижних ворот.

Когда беки левого крыла под начальством Дуст бека, перейдя реку, сходили с коней, из крепости вышли сто или сто пятьдесят пехотинцев и начали пускать стрелы. Беки двинулись вперед и вступили с ними в перестрелку. Они отогнали пехотинцев к крепости и прижали их к подножию вала; Мулла Абд ал-Малик Хасти, словно безумный, бросился на коне к валу; если бы лестницы и щиты были готовы и было не так поздно, мы тотчас же взяли бы крепость. Мулла Турк Али и Тенгри Берди схватились с врагами, отрезали своим противникам головы и привезли их в лагерь. Обоим был обещан подарок.

Баджаурцы никогда еще не видали ружей и потому совершенно не опасались их; больше того, слыша ружейные выстрелы, они становились напротив стрелков и делали, издеваясь, всякие непристойные движения. В тот день Устад Али Кули застрелил из ружья пять человек, Вали Хазиначи уложил двоих. Другие ружейники тоже проявили в стрельбе большую лихость; простреливая щиты, кольчуги и палицы, они сбивали врагов одного за другим. К вечеру от ружей || пало, быть может, 217*б*
семь, восемь или десять баджаурцев; после этого они уже не смели высунуть голову, боясь ружей.

Был отдан такой приказ: «Пришла ночь. Воинам готовить осадные орудия и на заре подходить к крепости».

В пятницу пятого мухаррама в час утренней молитвы вышел приказ ударить в боевые литавры и каждому с назначенного места двинуться к крепости. Воины левого крыла и центра как один тронулись со своих позиций со щитами, поставили лестницы и полезли вверх. Левому отряду центра, под начальством Халифы, Шах Хусейн Аргуна и Ахмед Юсуфа, было приказано поддерживать левое крыло. Люди Дуст бека, подойдя к подножию северо-восточной башни крепости, принялись подкапывать и рушить ее; Устад Али Кули также был там. В эти дни он тоже хорошо стрелял из ружья и два раза выпалил из франкской пушки; Вали Хазин[ачи] тоже свалил человека выстрелом из ружья.

Малик Али Кутби из левого отряда в центре первый поднялся по лестнице и некоторое время бился и дрался [один]; в центре Мухаммед Али Дженг-Дженг и его младший брат Науруз поднялись каждый на особую лестницу и пустили в ход копья и сабли. На другой лестнице

Баба Ясаул, поднявшись на самый верх, разбивал и разрушал топором крепостную стену. Большинство наших йигитов держало себя хо-
218*а* рошо; засыпая баджаурцев стрелами ||, они не давали им высунуть голову. Другие йигиты, невзирая на удары врагов и не обращая никакого внимания на их камни и стрелы, усердно и ревностно разбивали и рушили укрепления. К полудню северо-восточную башню, которую подкапывали люди Дуст бека, удалось пробить; йигиты Дуст бека обратили неприятеля в бегство и поднялись на башню. В это самое время воины центра тоже поднялись по лестницам на крепостные стены и первыми вошли в крепость. По изволению и милости великого господа мы захватили столь укрепленную, неприступную крепость за два-три часа звездного времени. Мои молодцы проявили величайшее рвение и усердие и заслужили название и славу богатырей.

Жители Баджаура, наши враги, были притом врагами всех мусульман. Эти люди, враждебные и непокорные, соблюдали к тому же обычаи неверных, и самое слово «ислам» было среди них забыто. Поэтому их предали всеобщему избиению, а женщины их и домочадцы все были взяты в плен. Избиению подверглось приблизительно три тысячи человек.

Так как на восточной окраине крепости сражения не было, то несколько баджаурцев бежало через восточную сторону.

После взятия крепости я объехал и осмотрел укрепления. На крышах, на улицах, в переулках и в домах лежало бесконечное множество мертвецов; люди ходили туда и назад прямо по трупам.

218*б* Вернувшись с объезда, я расположился в доме || баджаурских султанов. Область Баджаура мы пожаловали Ходжа-и Калану. Назначив ему в помощь множество отборных йигитов, я к вечерней молитве вернулся в лагерь.

Наутро мы выступили в путь и стали лагерем в долине Баджаура, возле ручья Баба-Кара. Всем пленным, которые остались в живых, мы по ходатайству Ходжа-и Калана простили их прегрешения и разрешили вернуться к своим женам и семьям, но некоторые султаны и ослушники, попавшие к нам в руки, были наказаны смертью. Головы этих султанов и еще несколько голов отослали в Кабул с вестью о победе; в Бадахшан, в Кундуз и в Балх тоже были посланы головы и победные грамоты. Шах Мансур Юсуфзай, который прибыл к нам из стана Юсуфзаев, присутствовал при этой победе и всеобщем избиении. Я облачил его в драгоценный халат и отпустил к Юсуфзаям, написав им грозный приказ.

Успокоившись относительно крепости Баджаур, мы во вторник девятого мухаррама выступили в поход и стали лагерем несколькими курухами ниже, в той же долине Баджаура, где сложили на одной воз-

вышенности башню из голов. В среду я выехал на прогулку и отправился в крепость Баджаур. В доме Ходжа-и Калана устроили попойку. Кафиры, обитающие вокруг Баджаура, принесли несколько бурдюков вина; все вино и плоды доставляют в Баджаур из окрестностей, населенных кафирами. || 129*а*

Проведя ночь у Ходжа-и Калана, я утром осмотрел башни и валы, потом выехал и вернулся в лагерь.

На следующее утро мы снова двинулись в поход и разбили лагерь на берегу реки Ходжа-Хизр; выступив оттуда, мы расположились на берегу реки Чандавал. Последовал приказ: «Людям, назначенным в помощь отряду, находящемуся в крепости Банджаур, всем без исключения отправиться туда».

В воскресенье четырнадцатого мухаррама Ходжа-и Калан, которому мы пожаловали знамя, был послан в крепость Баджаур. Через день или два после отъезда Ходжа-и Калана мне пришло на ум следующее небольшое стихотворение, которое я написал и послал Ходжа-и Калану:

Не таково было условие и договор с другом;*
Уязвило меня жало разлуки и лишило покоя.
Что может сделать человек против козней судьбы,*
Которая силой разлучает друзей?

В среду семнадцатого мухаррама Султан Ала ад-дин Савади, противник Султан Ваиса Савади, явился и вступил ко мне в услужение.

В четверг мы охотились на горе между Баджауром и Чандавалом. Маралы, которые водятся на этой горе — совершенно черные, только хвост у них другого цвета. Ниже этого места хиндустанские маралы, наверно, целиком черные.

В тот день нам попалась иволга; она тоже была черная, с черными глазами; тогда же беркут поймал киика.

У войска было мало съестных припасов. Мы отправились в долину Кахраджа || и захватили много припасов. 219*б*

Намереваясь направиться в Савад, против афганцев Юсуфзаев, мы выступили в пятницу в поход и стали лагерем между местом слияния рек Чандавала и Баджаура и рекою Панч-Кура. Шах Мансур Юсуфзай принес несколько вкусных, опьяняющих «камали». Я разделил одну камали на три части и одну долю съел сам, другую отдал Гада-и Тагаю, а третью — Абд Аллаху Китабдару. Это здорово меня опьянило. В этот день, когда беки собрались после вечерней молитвы, я не мог прийти на совет. Удивительное дело! Теперь я могу съесть целую такую камали и неизвестно, опьянею ли даже наполовину.

Выступив со стоянки, мы снова спешились у входа в долины Кахраджа и Пешграма, напротив Панч-Кура. Когда мы находились там,

выпал снег выше щиколотки. В тех местах снег выпадает редко, и жители были очень удивлены.

По соглашению с Султан Ваисом Савади жители Кахраджа были обложены налогом в четыре тысячи харваров зерна в пользу войска. Собирать зерно я послал Султан Ваиса. Эти простые горцы никогда не подвергались таким поборам; они не смогли сдать столько зерна и совершенно разорились.

Во вторник двадцать третьего числа того же месяца отряд воинов
220*а* под начальством Хинду бека был послан в набег на Панч-Кура. || Панч-Кура находится выше середины горы, до него нужно подниматься почти целый курух. Раньше чем наши люди достигли деревень Панч-Кура, их обитатели бежали: воины привели стадо быков и принесли из их домов много зерна.

На следующий день я послал в набег отряд воинов под начальством Куч бека.

В четверг двадцать пятого числа мои люди, чтобы добыть припасов, стали лагерем в селениях области Мандиш в глубине долины Кахраджа.

После Хумаюна у меня было несколько сыновей, его родных братьев, но они не жили. Хиндал тогда еще не родился. Когда мы находились в тех местах, от Махим пришло письмо. Она писала: «Будь то хоть сын, хоть дочь, отдай мне ребенка на счастье и на радость — я его усыновлю и воспитаю». В пятницу двадцать шестого числа того месяца, находясь на той самой стоянке, я согласился передать Хиндала Махим и, написав об этом письма, послал Юсуф Али Рикабдара в Кабул. Хиндал, [как сказано], тогда еще не родился.

Во время нашего пребывания на этой стоянке, в области Мандиш, на возвышенности, посреди долины построили огромную каменную суфу, на которой умещался большой шатер и походная палатка. Все камни для этой суфы носили мои приближенные и воины.

Малик шах Мансур, сын Малик Сулейман шаха из афганцев
Юсуфзаев [незадолго до этого] явился ко мне и выразил доброжела-
220*б* тельство ||. Ради добрых отношений с Юсуфзаями, я просил в жены дочь Малик шаха Мансура. Именно на этой стоянке было получено известие, что дочь [Малик] шах Мансура едет ко мне с данью Юсуфзаев. Ко времени вечерней молитвы мы устроили попойку. Я пригласил на попойку Султан Ала ад-дина, посадил его [возле себя] и пожаловал ему почетный халат.

В воскресенье двадцать восьмого числа мы двинулись дальше и стали лагерем, выйдя из долины. На этой стоянке Таус хан Юсуфзай, младший брат [Малик] шах Мансура, привел к нам свою вышеупомянутую племянницу.

Так как у жителей Бисута были родичи в крепости Баджаур, то я послал с этой стоянки [в Бисут] Юсуф Али бакаула, чтобы привести бисутцев в крепость Баджаур.

Воинам, оставшимся в Кабуле, были отправлены приказы явиться [ко мне].

В пятницу третьего сафара мы стали лагерем у места слияния рек Панч-Кура и Баджаура. В воскресенье пятого числа я отправился с этой стоянки в Баджаур; в доме Ходжа-и Калана устроили попойку.

Во вторник, седьмого, я созвал беков и знатных афганцев Дилазаков и устроил совет. Мнения сошлись на таком решении: год подходит к концу, от [месяца] Рыбы остается немного дней, весь хлеб в равнинах собрали. Если мы пойдем теперь в Савад, люди не найдут припасов и будут терпеть лишения ||. Следует двинуться через Амбахир и 221*а*
Пани Мали, перейдя реку Савад выше Хашт-Нагара и совершить налет на равнинных афганцев Юсуфзаев и Мухаммедзаев, которые живут в долине вокруг Сангара, [возведенного] Юсуфзаями. А на следующий год надлежит прийти сюда пораньше, ко времени сбора зерна, и хорошенько подумать об этих афганцах. ⊣

Порешив на этом, мы на следующее утро, в среду, пожаловали Султан Ваису и Султан Ала ад-дину коней и почетные халаты и отпустили их с милостивыми грамотами; потом мы выступили в поход и стали лагерем напротив [крепости] Баджаур; дочь Шах Мансура я оставил в Баджауре до возвращения туда нашего войска.

На другой день мы двинулись дальше и остановились, миновав Ходжа-Хизр. На этой стоянке Ходжа-и Калан был отпущен в Баджаур. Лишние войсковые запасы и тяжелый обоз отправили с воинами на отощавших конях через Кунар в Ламган.

На следующее утро мы снова выступили в поход. Я поручил Ходжа Мир Мирану верблюдов и тяжелые пожитки и отправил их [вперед] через Кур-Гату, Дарваза и перевал Кара-Куба.

Сами мы налегке с конными отрядами быстро перешли перевал Амбахир и, переправившись через другой высокий перевал, прибыли в Пани-Мали раньше послеполуденной молитвы. Ауган Берди и еще несколько человек послали вперед, чтобы взять языка. Расстояние между нами и афганцами было близкое, поэтому мы не стали выступать спозаранку. Около полудня вернулся Ауган Берди; он захватил одного афганца и отрезал ему голову ||, но обронил ее на обратном пути. 221*б*
Никаких достоверных известий, желательных сердцу, он не привез.

Около полудня мы выступили, перешли реку Савад и остановились незадолго до послеполуденной молитвы. В час молитвы перед сном мы снова сели на коней и быстро двинулись вперед. Когда солнце стояло на высоте копья, Рустам Туркмен, посланный на разведку, привез из-

вестие, что афганцы, узнав о нашем приближении, всполошились и поднялись; часть афганцев идет горной дорогой. Услышав это, мы пошли еще быстрее и выслали вперед застрельщиков. Они убили нескольких афганцев, которым отрезали головы, и привели пленных, а также быков и баранов. Афганцы племени Дилазак тоже принесли несколько отрезанных голов.

Повернув назад, мы остановились в окрестностях Катланга. Навстречу Ходже Мир Мирану, которому был поручен обоз, послали проводника с приказанием присоединиться к нам в Макаме.

На утро мы снялись с лагеря и снова остановились между Катлангом и Макамом. Ко мне прибыл человек от Шах Мансура; я послал навстречу обозу Хусрау Кукельташа и Ахмеда парваначи с несколькими воинами.

Во вторник четырнадцатого числа, когда мы вступили в Макам, обоз прибыл и присоединился к нам.

В тех местах тридцать или сорок лет назад пребывал один еретик по имени Шахбаз каландар. Этот каландар склонил к ереси часть Юсуфзаев и некоторых Дилазаков. На отрогах горы Макам расположе-
222а но несколько низеньких пригорков, || которые господствуют над всей степью; с этих возвышенностей открывается очень обширный и широкий вид. Могила Шахбаз каландара находилась в то время там. Совершая прогулку, я проехал и осмотрел эту могилу. Мне пришло на ум, что в такой прекрасной местности совсем не к чему быть могиле еретика каландара; я приказал ее разрушить и сравнять с землей.

Так как эта местность была очень красива и приятна, то я провел там некоторое время и съел ма'джун.

Когда мы уходили из Баджаура, то имели в виду захватить Бхиру. С самого прибытия в Кабул мы все время думали о походе в Хиндустан, но из-за некоторых препятствий осуществить это не удалось. За те три-четыре месяца, что мы водили войска, в руки воинов не попало ничего существенного. Так как граница Хиндустана находилась неподалеку от Бхиры, то нам пришло на ум тотчас же направиться туда налегке; быть может воинам что-нибудь и достанется.

Задумав это, мы вернулись назад. Когда после набега на афганцев мы остановились в Макаме, некоторые доброжелатели доложили, что к вторжению в Хиндустан следует основательно подготовиться. Часть войска находится в Кабуле, отряд отборных молодцов оставлен в крепости Баджаур, многие воины, так как их кони выбились из сил, возвратились в Ламган. У тех, кто пришел сюда с нами, лошади тоже до того разбиты, что не могли быстро скакать даже один день.

Хотя такие речи были разумны, но решение было принято, и, не
222б взирая на эти соображения, мы спозаранку || выступили в поход и дви-

нулись к переправе через реку Синд. Я послал по реке Мир Мухаммед джалабана с его старшими и младшими братьями, а также еще несколько человек, хорошо знавших реку Синд, чтобы осмотреть реку выше и ниже переправы.

Отправив обоз к реке, я направился в сторону Савати, которое называют также Карг-Хана, чтобы поохотиться на носорогов. Мы увидели несколько носорогов, но заросли были очень густы, а носороги не выходили из зарослей. Одна самка носорога с детенышем вышла на полянку и бросилась бежать; в нее пустили много стрел. Заросли были близко, самка кинулась в заросли; мы подожгли их, но так и не нашли ту самку; детеныш носорога, горя в огне, бился и корчился на земле. Его прирезали, и каждый из нас взял свою долю. Возвращаясь из Савати, мы долго блуждали и прибыли в лагерь к молитве перед сном.

Люди, отправившиеся осмотреть переправу, осмотрели ее и возвратились. На следующий день, в четверг, шестнадцатого числа, мы перешли реку с конями, верблюдами и пожитками; обоз, пехотинцев и ослов переправили на плотах. Утром, когда мы были у переправы, жители Нил-Аба пришли и доставили в подарок коня в снаряжении и триста шахрухи [деньгами].

Переправив всех людей, мы в тот же день к полуденной молитве снялись с лагеря и шли до первого паса ночи, лагерь был разбит неподалеку от реки Каче-кут. Снявшись рано утром, мы перешли реку Каче-кут, в полдень миновали перевал Сангдаки || и стали лагерем. Сейид Касим ишик-ага выехал во главе дозорных. Он захватил несколько баджаурцев, которые следовали за обозом, отрезал им головы и принес их мне.

Выйдя на заре из Сангдаки, мы к полуденной молитве перешли 223*а*
реку Сухан и разбили лагерь. Отставшие продолжали подходить до полуночи. Переход был очень длинный, лошади выбились из сил и были изнурены; им было тяжело идти, так что много коней отстало.

В семи курухах к северу от Бхиры стоит гора. В Зафар-наме и в некоторых других книгах ее называют гора Джуд; причина такого наименования была мне тогда неизвестна. Поздней я узнал, что на этой горе живут два племени, происходящих от одного предка; одно называют Джуд, другое Джанджуха. Представители этих племен издревле правят племенами и народами, обитающими на этой горе и между Нил-Абом и Бхирой, но управляют ими по-дружески и по-братски. Они не могут брать у людей все, что им вздумается, а берут лишь столько, сколько установлено искони; правители берут, а подданные дают не больше и не меньше определенных ставок. Эти ставки таковы: с каждой пары быков дают один шахрухи, с каждого хозяйства дают семь-

шахрухи и, кроме того, идут служить в войско. И племя Джуд, и племя Джанджуха разделяется на несколько родов.

Эта гора, которая отстоит от Бхиры на семь курухов, отделяется
223б от гор Кашмира, примыкающих к хребту Хиндукуш ||, тянется на юго-запад и доходит до реки Синда, у подножия Динкута. На половине этой горы живет племя Джуд, на другой половине — Джанджуха. Гору назвали Джуд в связи с названием этого племени. Одного из их знатных вельмож величают рай; других его братьев и сыновей называют малик. [Вельможи племени] Джанджуха приходятся дадьями Лангар хану; князька племен и народов, обитающих вокруг реки Сухан, зовут Малик Хаст. Его настоящее имя — Асад, но хиндустанцы иногда пропускают такие [краткие] гласные и, [например], вместо хабар говорят хабр, вместо асад — асд, асд постепенно превратилось в хаст.

Разбив лагерь, мы тотчас же послали Лангар хана за Малик Хастом, [правителем] Джанджуха, Лангар хан поскакал за ним, внушил ему надежду на нашу милость и благосклонность и доставил его [в лагерь] к молитве перед сном. Малик Хаст привел мне в подарок лошадь в конских доспехах и изъявил желание мне служить. Ему было тогда двадцать два-двадцать три года.

Вокруг лагеря паслись большие стада и отары, принадлежавшие Джанджуха. Так как я постоянно помышлял о завоевании Хиндустана и так как эти области, то есть Бхира, Хут-Аб, Чин-Аб и Чиниут, некоторое время были во власти тюрка, то мы смотрели на них, как на свои владения. Силой или миром, мы твердо решили их взять и завладеть
224а ими. Поэтому было обязательно и необходимо || установить с жителями гор добрые отношения, и я издал приказ: «Никто не смеет захватывать или портить стада и отары окрестных жителей — даже кончика нитки или обломка иголки [нельзя у них отбирать]».

Утром мы вышли в поход и к полудню пришли в Калда-Кахар и остановились там. Вокруг было много зеленеющих полей. Калда-Кахар оказался прекрасной местностью. В десяти курухах от Бхиры, среди гор Джуд, лежит равнина, на этой равнине есть большое озеро, дождевые воды стекают с окрестных гор и образуют это озеро. Вокруг, почти на три куруха к северу, тянется красивая долина; на западе по склону горы протекает ручей. Вода этого ручья изливается с возвышенностей, вздымающихся над озером.

Так как место было подходящее, то я устроил там сад, который назвал Баг-и Сафа. Это очень хорошее и приятное место, с прекрасным воздухом, как будет подробнее сказано впоследствии.

Из Калда-Кахара мы вышли на заре. На вершине перевала Хамтату жители различных мест поднесли скромные подарки и изъявили желание мне служить. Присоединив и этих людей к отряду Абд ар-Ра-

хима шигаула, я послал их в Бхиру. [Абд ар-Рахим] должен был задобрить жителей Бхиры и сказать им: «Эти земли издревле были подвластны тюрку. Смотрите, пусть страх и тревога не найдет путь в ваши сердца, чтобы народ не разорился. Ведь мы находимся близко от этой земли и народа, так что грабежи и хищения не будут допущены».

Около полудня мы разбили лагерь у подножия перевала. || Семь-224*б*
восемь человек под начальством Курбана Чархи и Абд ал-Малика Хасти послали вперед за вестями. Один из выехавших вперед, Мир Мухаммед Махди ходжа, привел человека.

Тем временем, несколько знатных афганцев явились с подарками и выразили желание мне служить. Я присоединил их к людям Лангар хана и послал к жителям Бхиры, чтобы снискать их расположение, Миновав перевал, мы вышли из зарослей и, построив правый фланг, левый фланг и центр, направились в сторону Бхиры. Когда мы приблизились к Бхире, Див Хинду и сын Сикту—нукеры Али хана, сына Даулат хана Юсуфзаи, прибыли со знатными людьми Бхиры и, приведя в подарок коня, изъявили желание мне служить. После полуденной молитвы, чтобы не причинять ущерба и затруднения жителям Бхиры, мы разбили лагерь на поляне к востоку от Бхиры, у берега реки Бехат.

С тех пор как Тимур бек вступил в Хиндустан и вышел оттуда, многие области: Бхира, Хуш-Аб, Чин-Аб и Чиниут, находились во власти сыновей Тимур бека и приближенных и приспешников сыновей Тимур бека. Султан Мас'уд мирза, внук Шахрух мирзы и сын Суюргатмыш мирзы, был в оные времена властителем и правителем Кабула и Забула, почему его и называли Султан Мас'уд Кабули.

Сыновья одного из любимцев Султан Мас'уда — Мир Али бека, Баба-и Кабули, Дариа хан || и Апак хан — потом его называли Гази 225*а*
хан — после смерти Султан Мас'уд мирзы и его сына Асгар мирзы силой завладели Кабулом, Забулом и упомянутыми выше областями и округами Хиндустана. Во времена Султан Абу Са'ид мирзы Кабул и Газни вышли из-под власти этих людей, но хиндустанские земли остались им подвластны. В девятьсот десятом году, при первом моем вступлении в Кабул, когда, намереваясь направиться в Хиндустан, я перешел через Хайбар и пришел в Паршавур, то по настоянию Баки Чаганиани, мы пошли к нижнему Бангашу, то есть в Кохат, опустошили набегами значительную часть земли афганцев, разорили и разграбили равнину [племени] Джуд и вернулись назад через Дуки. В то время власть в Бхире, Хуш-Абе и Чин-Абе принадлежала Сейид Али хану, внуку Мир Али и сыну Гази хана. Он читал хутбу на имя Искандера, [сына] Бахлула, и был у него в повиновении. Испуганный моим выступлением, он бросил Бхиру, перешел реку Бахат и избрал своим местопребыванием Ширкут, одну из деревень Бхиры. Через год или два аф-

ганцы из-за нас подумали дурное о Сейид Али хане; он тоже по этой причине дал доступ в душу страху и беспокойству и передал [подвластные ему] области Даулат хану, сыну Татар хана Юсуф хайла, который
225б был тогда правителем Лахора ||. Даулат хан отдал Бхиру своему старшему сыну Али хану и Бхира была в то время подвластна Али хану. Дед Али хана, Татар хан—один из тех семи или восьми военачальников, которые, восстав, завладели Хиндустаном и провозгласили Бахлула государем. Сирхинд и все области к северу от реки Сатладж принадлежали Татар хану; **сбор с этих областей превышал три крора.**

После смерти Татар хана Султан Искандер как носитель царской власти отобрал у сыновей Татар хана эти земли; за год или два до моего прихода **в область Кабула [Султан Искандер] отдал** Даулат хану один лишь Лахор.

На следующее утро я послал в разные подходящие места за добычей **отряды воинов и в тот же день совершил прогулку по Бхире.**

В тот же самый день Сангар хан [из племени] Джанджуха привел в подарок коня и изъявил желание мне служить.

В среду [двадцать второго] числа я призвал купцов и землевладельцев Бхиры и,обложив их данью за безопасность в четыреста тысяч шахрухи, назначил сборщиков. Потом я выехал прогуляться; мы сели в лодку и **съели ма'джун.**

Я послал Хайдар Аламдара к Белуджам, находящимся в Бхире и Хуш-Абе. В четверг утром они явились, приведя в подарок гнедого скакуна, и выразили желание мне служить.

226а Мне было доложено, что воины бесчинствуют и грабят || жителей Бхиры. Я послал людей и подверг некоторых насильников казни, а другим велел проткнуть нос и провести их по лагерю.

В пятницу пришло прошение от жителей Хуш-Аба; я назначил Шах Хасана и Шах Шуджа Аргуна для поездки в Хуш-Аб. В субботу [двадцать пятого] числа Шах Хасан был послан в Хуш-Аб.

В воскресенье пошел такой дождь, что всю равнину залило водой. Между Бхирой и садами, где находилась наша ставка, протекал маленький ручеек; к полуденной молитве он стал шириной с большую реку. Вблизи от Бхиры на расстоянии больше полета стрелы не было возможности идти вброд; люди переправлялись вплавь.

Между двумя молитвами я выехал посмотреть на разлившуюся воду. Дождь и ураган до того усилились, что на обратном пути было страшно возвращаться в лагерь: разлившуюся реку мне пришлось переплыть. Люди, оставшиеся в лагере, тоже сильно перепугались; многие воины, побросав шатры и тяжелые пожитки, взвалили на плечи кольчуги, доспехи и оружие, сняли с коней доспехи и переправили их вплавь. Вся равнина была покрыта водой.

Наутро с реки привели лодки, и большинство воинов перевезло на лодках свои шатры и тяжелые пожитки. Около полудня люди Куч бека поднялись на одно шери выше и нашли переправу, остальные воины перебрались в этом месте.

Проведя один день в крепости Бхиры, которую называют Джахан-Нума ||, мы во вторник утром вышли оттуда. Опасаясь воды и дождя, 226*б*
мы разбили лагерь на возвышенностях к северу от Бхиры.

Жители Бхиры небрежно вносили условленные деньги. Я образовал четыре участка и приказал бекам проявить усердие и покончить с этим делом. Один участок был поручен Халифе, другой — Куч [беку], третий — Дуст Насиру и четвертый — Сейид Касиму и Мухибб Али. Так как я считал области, [когда-то] принадлежавшие тюрку, нашими, то грабежа и хищений там не было.

Люди всегда говорили, что если в земли, принадлежавшие тюрку, отправить посла для переговоров о мире, [их правители] не будут чинить препятствий. Поэтому в четверг, в первый день месяца раби' первого, я направил Муллу Муршида к Султан Ибрахиму, к которому пять-шесть месяцев назад, после смерти его отца, Султан Искандера, перешла власть в Хинде. Мы послали Султан Ибрахиму сокола и попросили для себя те земли, которые издревле принадлежали тюрку. Вручив Мулле Муршиду письма, написанные Даулат хану, и письма, написанные Султан Ибрахиму, и сообщив ему кое-что на словах, мы отпустили его.

Жители Хиндустана, в особенности афганцы, удивительно далеки от разума и рассудка и чужды здравых и толковых мнений; они не бывают упорны и стойки в вражде и не умеют поддерживать и соблюдать дружбу ||. Посланного нами человека Даулат хан продержал не- 227*а*
сколько дней в Лахоре, не повидался с ним сам и не отослал его к Ибрахиму. Через несколько месяцев наш посланный, не добившись никакого ответа, воротился в Кабул.

В пятницу второго числа Шейбак пехотинец и Дервиш Али пехотинец — теперь он состоит в стрельцах,— привезя в Кабул донесения, доставили также весть о рождении Хиндала. Так как эта новость пришла в пору покорения Хинда, я счел это за хороший знак и назвал новорожденного Хиндалом.

Камбар бек тогда же привез из Балха письма от Мухаммед Заман мирзы.

На следующее утро, когда разошелся диван, я отправился на прогулку, сел в лодку и пил арак. Участниками пирушки были Ходжа Дуст Хавенд, Хусрау Мирим, Мирза Кули, Мухаммади, Ахмади, Гадаи, Ну'ман, Лангар хан, Раух дам, Касим Али териаки, Юсуф Али, Тенгри Кули. На носу лодки был устроен помост с гладким настилом; я и еще

несколько человек сидели на помосте; другие несколько человек сидели под ним. На корме тоже было отведено место для сидения; там сидели Мухаммади, Гадаи и Ну'ман. Арак пили до послеполуденной молитвы. Недовольные вкусом арака, мы, сговорившись с теми, кто сидел на нашем конце лодки, предпочли ма'джун; люди, сидевшие на другом конце, не
227*б* знали, что мы едим ма'джун ||, и пили арак. Во время молитвы перед сном мы оставили лодку и ночью вернулись в лагерь. Мухаммади и Гадаи, думая, что я пил арак, решили: «Окажем [государю] подобающую услугу!» Они [захватили с собой] кувшин с араком и поочередно везли его на лошади. Охмелевшие, очень веселые, они принесли мне кувшин и сказали: «В такую темную ночь мы по очереди везли его на лошади». Потом они узнали, что и попойка была различная, и хмель разный: одни одурели от ма'джуна, другие опьянели [от арака]. Так как пирушка с ма'джуном и пирушка с вином не подходят друг к другу, то [Мухаммади и Гадаи] очень смутились. Я сказал им: «Не расстраивайте попойки! Те, кто любит арак, пусть пьют арак, а те, кто склонен к ма'джуну, пусть едят ма'джун, и пусть никто не мешает другим разговорами и намеками».

Некоторые пили арак, другие ели ма'джун; пирушка шла роскошно. Баба хана Кабузи не было [на лодке]; приехав, мы позвали его в шатер; он пожелал пить арак. Мы позвали еще Турди Мухаммед Кипчака и присоединили его к пьяным [от арака]. Потребляющие ма'джун и пьющие арак и вино никогда не сходятся, поэтому пьяные начали со всех сторон всякие бестолковые разговоры, больше всего нападая на тех, кто ел ма'джун. Баба хан, опьянев, тоже говорил много глупостей; Турди Мухаммеду подносили один полный кубок за другим, и его скоро напоили до потери рассудка. Сколько мы ни старались примирить
228*а* спорящих, || это ни к чему не привело; началось великое буйство. Пирушка стала неинтересной, и все разошлись в разные стороны.

В понедельник, пятого числа, мы отдали область Бхиры Хинду беку; во вторник область Чин-Аба была пожалована Хусейн Икраку, и мы отпустили Хусейн Икрака и жителей Чин-Аба [по домам].

В эти дни [ко мне] явился, рассчитывая на нашу помощь, сын Сеид Али хана по имени Менучихр хан, который шел из Хиндустана верхней дорогой. По дороге Менучихр хана встретил Татар хан Каккар, задержал его и не пустил дальше. Он сделал Менучихр хана своим зятем, выдав за него замуж дочь. Менучихр пробыл у него некоторое время, но потом пришел и выразил желание мне служить.

В горах между Нил-Абом и Бхирой, отдельно от племен Джуд и Джанджуха, [в области], примыкающей к горам Кашмира, живут Джаты, Гуджары и еще много других племен, которые строят деревни на каждом пригорке и на всяком холме. Их начальники и правители при

надлежат к племени Каккар; они управляют ими так же, как управляют Джудами и Джанджуха. Начальниками племен, живущих на склонах тех гор, были в то время Татар Каккар и Хати Каккар, потомки одного прародителя; они двоюродные братья. Их укрепленные места расположены возле пропастей и оврагов; укрепление Татара называется Пархала и находится значительно ниже снеговых гор, владения Хати примыкают к горам. Хати присоединил к своим владениям также и Каланджар, который принадлежал Бабу хану || Бисуту. Татар хан видался с Даулат ханом и в общем оказывал ему некоторое повиновение; Хати не видел Даулат хана и был настроен к нему враждебно и непокорно. Татар, договорившись и условившись с хиндустанскими беками, пришел и как бы блокировал Хати осадой издалека. В то время, когда мы были в Бхире, Хати под предлогом выезда на охоту неожиданно пошел на Татара, убил его и захватил его владения и женщин, и все, что у него было. 228*б*

В час полуденной молитвы я выехал на прогулку, сел в лодку и мы пили арак. В пирушке участвовали Дуст бек, Мирза Кули, Ахмади, Гадаи, Мухаммед Али Дженг-Дженг, Асас, Ауган Берди, Могол, а из музыкантов — Раух дам, Бабаджан, Касим Али, Юсуф Али, Тенгри Кули, Абу-л-Касим и Рамазан Лули. Мы пили в лодке до самой молитвы перед сном. В час молитвы мы вышли пьяные через край; я вскочил на коня, схватил в руку факел и скакал во весь опор от берега реки до самого лагеря, качаясь на лошади из стороны в сторону. Я был здорово пьян, и когда мне на следующее утро рассказали, как я примчался в лагерь с факелом в руке, я совершенно ничего не мог вспомнить. Когда я пришел в палатку, меня сильно вырвало.

В пятницу мы выехали на прогулку и переправились на лодках через реку. На той стороне мы осмотрели сады, цветущие деревья и посевы сахарного тростника, поглядели на колеса с ведрами, рассправшивали, как ими качают воду || и даже несколько раз заставляли [при 229*а* себе] качать воду. Во время прогулки мы [опять] ели ма'джун.

На обратном пути, когда мы сели в лодку, Менучихр хану тоже дали ма'джуна; это был такой ма'джун, что [потом] Менучихра поднимали под руки и ставили на ноги два человека.

Некоторое время мы стояли на якоре посреди реки, потом долго плыли по реке вниз, после чего опять приказали вести лодку вверх. Эту ночь мы проспали в лодке, а к рассвету вернулись в лагерь.

В субботу, девятого числа месяца первого раби', солнце перешло в созвездие Овна. В этот день, после полуденной молитвы, мы сели в лодку и пили арак. В пирушке участвовали: Ходжа Дуст Хавенд, Дуст бек, Мирим, Мирза Кули, Мухаммади, Ахмади, Юнус Али, Мухаммед Али Дженг-Дженг, Гадаи, Тагаи, Мир Хурд, Асас, а из музыкантов: Раух

дам, Бабаджан, Касим Али, Юсуф Али, Тенгри Кули, Рамазан. Войдя в рукав реки, мы некоторое время плыли вниз по течению. Значительно ниже мы вышли из лодки и к ночной молитве вернулись в лагерь.

В тот день Шах Хасан воротился из Хуш-Аба. Он был отправлен послом, чтобы предъявить притязание на те области, которые издревле принадлежали тюрку, и заключил мирную сделку; причитающиеся мне деньги тоже были доставлены мне.

Приближались жары. Я отрядил в помощь Хинду беку Шах Му-
229б хаммед мухрдара, его брата Дуста и нескольких йигитов; каждому || были определены и назначены средства к существованию, соответствующие его положению. Лангар хану, который был причиной и виновником всех этих походов, мы пожаловали Хуш-Аб и дали знамя, кроме того, он был назначен в помощь Хинду беку. Тюркам и местным воинам, которые были в Бхире, я тоже увеличил жалованье и содержание и оставил их в помощь Хинду беку. Среди них был Менучихр хан бек, имя которого уже упоминалось, и Назар Али Тюрк, близкий родич Менучихр хана, а также Сангар хан Джанджуха и Малик Хаст Джанджуха.

Устроив некоторым образом дело этой области и питая надежду на мир, я выступил в субботу одиннадцатого числа месяца раби' первого из Бхиры и направился обратно в Кабул.

Придя в Калда-Кахар, мы остановились там. В тот день тоже шел необыкновенно сильный дождь: хоть в капанаке ходи, хоть без капанака — все едино. Отставший обоз подходил еще вечером, до самой молитвы перед сном.

Люди, хорошо знавшие [былой] блеск и славу этой земли и царства, в особенности [афганцы] из племени Джанджуха, исконные враги Каккаров, доложили, что Хати Каккар здесь самый дурной человек — это он и на дорогах разбойничает, и людей разоряет. Надо так сделать, чтобы он ушел отсюда или хорошенько натереть ему уши.

Сговорившись об этом, я на следующее утро оставил в ставке начальника Ходжа Мир Мирана и Мирим Насира и после полудня спешно выступил из лагеря против Хати Каккара. [Этот последний], как уже упомянуто, несколько времени назад убил Татара, захватил Пархала,
230а его владение, и находился там. || Во время послеполуденной молитвы мы остановились и покормили лошадей, а к молитве перед сном опять тронулись; проводником был один гаджурец нукер Малик Хаста, по имени Сар-у Па. Проблуждав всю ночь, мы перед зарей остановились; Бек Мухаммед Могол был отправлен обратно в ставку. Когда рассвело, мы выехали, а к полудню надели доспехи и ускорили ход. В одном шери показались очертания Пархала; застрельщики были посланы вперед, правое крыло двинулось к восточной окраине Пархала. Куч бека,

стоявшего на правом крыле, отправили вслед правому крылу для подкрепления; левое крыло и центр устремились прямо на Пархала. Дуст бека послали для подкрепления вслед левому крылу и тем, кто шел прямо на Пархала.

Пархала стоит среди ущелий; к нему ведут две дороги. Одна дорога — с юго-востока, по которой мы шли, пролегает вдоль ущелий, с двух сторон ее тянутся вырытые водой овраги. За полкуруха от Пархала дорога [трудно проходима]; не доходя до ворот города, в четырех-пяти местах встречаются пропасти и тропинки [такие узкие], что на расстоянии полета стрелы приходится идти гуськом.

Другая дорога подходит с северо-запада. Она пролегает в широкой долине и выходит к Пархала. Эта дорога тоже узкая; больше ни с какой стороны дороги нет. Хотя в крепости нет вала и бойниц, но места, откуда ее удобно взять силой, там тоже нет; она окружена отвесным рвом глубиной в семь, восемь или десять кари. || 230*б*

Люди левого крыла, выйдя из теснин, бросились к воротам. Хати с тридцатью или сорока всадниками в доспехах и латах и множеством пехотинцев стал теснить наших передовых. Дуст бек, который шел вслед за передовыми во главе вспомогательного отряда, подоспел [вовремя], яростно напал на врагов, сшиб многих с коней и разбил неприятеля. Хати Каккар, который славился своим мужеством, оказал некоторое сопротивление, но не мог устоять и бежал. Он не сумел удержаться в теснинах и, достигнув крепости, тоже не был в состоянии укрепить ее. Наши передовые, преследуя его по пятам, вошли в крепость и ворвались туда с северо-востока, через окружающие крепость Пархала теснины и ущелья. Хати убежал один, налегке. Дуст бек и в этом деле тоже держал себя очень хорошо, и ему была назначена награда.

Между тем я вступил в крепость Пархала и расположился в доме Татара. Когда отправляли застрельщиков, некоторые воины, назначенные оставаться при мне, ушли с передовыми; в числе их были Амин Мухаммед тархан Аргун и Карача. За такую провинность я не дал им награды и отправил их через степь и пустыню навстречу обозу, под начальством гуджарца по имени Сар-у Па.

На следующее утро мы прошли северо-западные овраги и остановились среди пашен. Вали Хазиначи во главе нескольких добрых молодцев был отправлен навстречу обозу.

В четверг, пятнадцатого, мы двинулись дальше и остановились в Андар-Абе, на берегу реки Сухан.|| Крепость Андар-Аб издавна была 231*а* подвластна отцу Малик Хаста. После того как Хати Каккар убил отца Малик Хаста, крепость пришла в запустение и в то время была уже разрушена.

В час молитвы перед сном люди, оставшиеся в лагере в Калда-Кахаре, присоединились ко мне.

. Хати, когда захватил Татара, послал ко мне одного своего родича по имени Парбат, с конем в доспехах и подарком. Парбат, не найдя меня, встретил отставших воинов, шедших из лагеря, и пришел с обозом. Он вручил подарки и выразил желание мне служить. Лангар хан, который по каким-то делам пришел из Бхиры с отставшим обозом, справил эти дела и был отпущен с некоторыми тамошними людьми.

После этого мы выступили и, перейдя реку Сухан, разбили лагерь на одном из холмов. Парбата, родича Хати, я облачил в почетный халат, написал Хати благосклонные грамоты и послал их с нукером Али Дженг-Дженга.

Некоторые нукеры Хумаюна во главе с Баба-Дустом и Халахилем отправились в Нил-Аб и к Карлукам Хазаре, которые были отданы Хумаюну; [Баба Дуст] являлся ко мне по случаю своего назначения дарогой. Сангар Карлук и Мирза Малви Карлук привели с собой тридцать или сорок знатных Карлуков, они поднесли в подарок коня в латах и выразили желание мне служить. От афганцев Дилазаков тоже пришел отряд воинов.

Наутро мы выступили в поход, и, пройдя два шери, остановились.
231б Поднявшись на одну возвышенность, я осмотрел лагерь и велел || пересчитать находившихся в лагере верблюдов; их оказалось пятьсот семьдесят голов.

[Раньше] я слышал описание растения сунбул, на этой стоянке мы его увидели. На склонах тех гор сунбула немного и он растет поодиночке. Дальше, на склонах хиндустанских гор, сунбула много и он большой; о нем будет упомянуто при описании животных и растений Хиндустана.

Выступив с этой стоянки, когда били зорю, мы перед полуднем остановились у подножия перевала Сангдаки. После полуденной молитвы мы двинулись дальше, перешли перевал и реку и остановились на одной возвышенности. Оттуда мы выступили в полночь. Мы осмотрели переправу, которой воспользовались, направляясь в Бхиру; у этой переправы оказался большой плот, груженный зерном; он завяз в грязи. Хозяева плота, как ни старались, не могли его сдвинуть с места. Мы забрали зерно и раздали его тем, кто был с нами; очень кстати пришлось это зерно!

Около полудня мы остановились ниже слияния рек Кабула и Синда и выше старого Нил-Аба, между двумя реками. Из Нил-Аба доставили шесть барж, которые раздали воинам правого крыла, левого крыла и центра; наши люди усердно занялись переправой через реку. Они переправлялись весь тот понедельник, всю ночь на вторник и весь вторник

до самой среды. В четверг еще тоже переправилось несколько человек.

Когда мы перешли Нил-Аб, родственник Хати по имени Парбат, которого мы около Андар-Аба || послали к Хати вместе с нукером Му- 232*а*
хаммед Али Дженг-Дженга, явился к нам на берег реки. Он привел от Хати в подарок коня в латах. Жители Нил-Аба тоже привели в подарок коня в латах и выразили мне покорность.

Мухаммед Али Дженг-Дженгу хотелось остаться в Бхире. Так как мы пожаловали Бхиру Хинду беку, то Мухаммед Али получил земли, лежащие между Бхирой и Синдом, то-есть земли Карлуков Хазаре, Хати, Гиясвалов и Китибов. Кто склонит голову, как верноподданный, с тем следует обходиться, как с верноподданным, а если кто-нибудь не склонит голову:

Всякого, кто не склонит голову, настигни,*
Разграбь, разори и сделай покорным и послушным.

После всех этих милостей я пожаловал Али Дженг-Дженгу калмыцкую шубу со своего плеча с черным бархатным башлыком, а также дал ему знамя. Родича Хати я отпустил и послал Хати саблю, полную смену платья и милостивые грамоты.

В четверг, с восходом солнца, мы ушли с берега реки. В этот день мы ели ма'джун. Опьянев от ма'джуна, мы любовались удивительными цветниками: на некоторых грядках распускались желтые и красные цветы отдельными купами, на других — одни красные; в некоторых местах и те и другие цвели вперемешку, словно рассыпанные. Мы сидели на пригорке, неподалеку от лагеря, и смотрели на эти цветники||. Слов- 232*б*
но размещенные по плану, вокруг пригорка с шести сторон цвели цветы то желтые, то красные, распускаясь на грядках, расположенных шестиугольником. С двух сторон цветов было поменьше, но везде, насколько доставал глаз, виднелись такие цветники. В окрестностях Паршавара [тоже] расцветают весной красивые цветники.

На заре мы выступили с этой стоянки. Когда мы шли, на берегу реки показался рычащий тигр. Кони, услышав рев тигра, невольно заметались во все стороны, унося на себе всадников и бросаясь в ямы и овраги. Тигр ушел и скрылся в чаще. Мы приказали привести буйвола и поставить его в чаще, чтобы выманить тигра. Тигр опять вышел с громким рычанием. В него со всех сторон начали пускать стрелы; я тоже пустил стрелу. Халви пехотинец кольнул тигра пикой; тигр разгрыз конец пики зубами. Получив много ран, тигр уполз в кусты и залег там. Баба Ясаул обнажил саблю и приблизился к нему. Когда тигр прыгнул, Баба-Ясаул рубанул его по голове, а затем Али Систани ударил тигра по лапе. Тигр бросился в реку, в реке его и убили. Когда тигра вытащили из воды, я приказал снять с него шкуру.

На следующее утро мы двинулись дальше и, достигнув Бикрама, осмотрели Гура-Катри. Это маленький домик, узкий и темный, точно келья. Войдя в двери, надо спуститься на две или три ступеньки, потом приходится лечь и входить ползком. Без свечей туда не войдешь. Вокруг дома всюду валяется бесконечное множество волос, остриженных с го-
233*а* ловы и с бороды||. Возле Гура-Катри много худжр, похожих на худжры в медресе или в рабате. В тот год, когда я впервые пришел в Кабул и совершил набег на Кохат, Банну и Дашт, я полюбовался в Бикраме лишь на одно огромное дерево и очень жалел, что не видел Гура-Катри. Оказалось, что особенно жалеть было не о чем.

В тот же день у меня [пропал] хороший сокол, которого воспитывал Шейхим Мир-и шикар. Он прекрасно ловил журавлей и аистов и два-три раза слинял. Этот сокол так ловко ловил птиц, что даже такого равнодушного [к соколиной охоте] человека как я, превратил в сокольничего.

Каждому из шести знатных афганцев Дилазаков, во главе с Малик Бу ханом и Малик Мусой я пожаловал по сто мискалей серебра, по отрезу на одежду, то три быка и по буйволу из хиндустанских подарков; другим тоже были пожалованы деньги, отрезы и буйволы, соответственно их положению.

Когда мы остановились в Али-Масджиде, некий Дилазак из рода Якуб-Хайл по имени Ма'руф доставил нам в подарок десяток баранов, два харвара риса и восемь больших сыров.

Выйдя из Али-Масджида, мы остановились в Яда-Бире; из Яда-Бира мы дошли к полуденной молитве до Джу-и Шахи и остановились там. В этот день Дуст бека схватила жгучая лихорадка.

На заре мы вышли из Джу-и Шахи и к полудню были в Баг-и Вафа; после полуденной молитвы мы выступили из Баг-и Вафа и перешли Сиях-Абу Гандамака. Вечером, после ночной молитвы, мы остановились на пашне и покормили лошадей досыта; через одно или два гари мы
233*б* снова сели на коней и переправились через Сурх-Аб.|| В Карке мы остановились и поспали; еще до рассвета мы опять сели на коней. Я поехал с пятью или шестью воинами по дороге, идущей в Курату, посмотреть сад, который разбили в Курату. Халифу, Шах Хасан бека и остальных людей я послал прямой дорогой с тем, чтобы они ждали меня в Курук-Сае. Когда мы достигли Курату, вестовой Шах бек Аргуна по имени Кизил привез известие, что Шах бек взял и разграбил Кахан и вернулся обратно.

[Раньше] был отдан приказ, чтобы никто наперед не сообщал о нашем приближении. Когда мы достигли Кабула, было время полуденной молитвы. Мы уже дошли до моста Кутлук-Кадам, но никто еще ничего не знал. Потом Хумаюн и Камран об этом услышали, но было

уже некогда сажать их на лошадь; они велели оруженосцам нести их на руках и выразили мне почтение между городскими воротами и воротами арка. В час послеполуденной молитвы Касим бек, казий города и оставшиеся в Кабуле слуги и вельможи явились и тоже выразили мне почтение.

В пятницу, в час послеполуденной молитвы, состоялась попойка; я пожаловал Шах Хусейну полную перемену платья со своего плеча.

В субботу, на заре, мы сели в лодку и выпили. Нур бек во время этой пирушки играл на уде; в то время он еще не зарекался пить вино.

К полуденной молитве мы вышли из лодки и погуляли в саду между Гулкина и горами. Во время послеполуденной молитвы мы пришли в [сад] Баг-и Банафша и опять пили там. К вечерней молитве я вернулся из Гулкина по валу в арк.

Во вторник Дуст бек, который в дороге || сильно болел лихорадкой, 234*а*
отправился к милости Аллаха. Мы были очень огорчены и опечалены. Носилки с телом Дуст бека доставили в Газни; его похоронили у ворот мавзолея Султана.

Дуст бек был очень хороший йигит. Став беком, он продолжал повышаться в чинах. Прежде чем сделаться беком, будучи еще [просто] приближенным, он неоднократно совершал выдающиеся дела. Вот одно из них. Как-то раз, когда мы стояли в одном йигаче от Андиджана, в рабате Заурак, Султан Ахмед Танбал совершил на нас ночью нападение. Со мной было десять или пятнадцать человек; я двинулся вперед, разбил передовых Танбала и дошел до центра его отряда; Танбал и с ним человек сто воинов стояли там. Со мной к этому времени оставалось всего три человека; один из этих трех был Дуст Насир, другой — Мирза Кули Кукельташ, третий — Каримдад. Я был одет в латы; Танбал и еще один человек немного выдвинулись из рядов. Я оказался лицом к лицу с Танбалом и пустил ему в шлем стрелу, а другой стрелой пригвоздил его щит к бляхам кольчуги. Мне насквозь прострелили стрелой бедро. Танбал ударил меня по голове. Удивительно, что, хотя у меня на голове был шишак, обтянутый войлоком, и на нем не порвалось ни одной нитки, на голове [все же] образовалась глубокая рана. Помощь не приходила ниоткуда, и со мной не осталось ни одного человека. Волей-неволей пришлось повернуть коня. Дуст бек ехал немного сзади меня. Он проскакал мимо Танбала и тот ударил его саблей.

Другой раз, когда мы уходили из Ахси||, Дуст бек вступил в бой 234*б*
с Баки Хизом; хотя его и звали Хиз, но он был человек храбрый и крепко рубил саблей. При уходе из Ахси со мной оставалось восемь человек; Дуст бек был в их числе. [Враги], сбив с коней двух человек, сбили затем и Дуст бека.

Во время его бекства, когда Суюнчук хан пришел с султанами и

осадил в Ташкенте Ахмед Касима, Дуст бек напал на врагов и прорвался в город; в течение осады он проявил большое мужество. Ахмед Касим, не известив Дуст бека, бросил Ташкент и ушел. Тогда Дуст бек опять разбил ханов и султанов и удачно вышел из Ташкента.

Позднее, когда Ширим Тагай, Мазид и их приверженцы подняли мятеж, Дуст бек быстро выступил из Газни во главе двухсот или трехсот человек. Моголы выслали навстречу Дуст беку триста или четыреста отборных молодцов. В окрестностях Шарукана Дуст бек здорово разбил отряд, высланный ему навстречу, сбил с коня множество врагов, отрезал и привез немало голов.

При взятии крепости Баджаура люди Дуст Насира также достигли крепости раньше других и взобрались на вал. У Пархала Дуст бек разбил Хати и обратил его в бегство; [крепость] Пархала была завоевана. После кончины Дуст бека я пожаловал принадлежавшие ему владения его младшему брату Мирим Насиру.

В пятницу, восьмого числа второго раби', мы вышли из крепости в сад. Во вторник, двенадцатого числа, прибыла в Кабул Султаним биким, старшая дочь Султан Хусейн мирзы, мать Мухаммед Султан мирзы, во время смут она попала в Хорезм и Исан-Кули Султан, младший брат
235*a* Илбарс султана, || женился на ее дочери. Местом жительства был ей назначен сад Баг-и Хилват. Когда Султаним биким расположилась в этом саду, я пошел ее повидать. Так как она была мне [вроде] старшей сестры, то я из почтения и уважения поклонился ей, она тоже поклонилась. Мы вышли [друг другу навстречу] и поздоровались посреди [комнаты]; в дальнейшем мы также придерживались этого правила.

В воскресенье, семнадцатого числа, неблагодарный Баба Шейх, который долгое время пребывал в оковах, [был освобожден]. Я простил ему его проступок, велел его расковать и наградил почетной одеждой.

Во вторник, девятнадцатого числа, около полудня, мы выехали в сторону Ходжа Се-Яран. В этот день я соблюдал пост. Юнус Али и другие с изумлением говорили: «Вторник, прогулка и пост! Это удивительно!».

Прибыв в Бехзади, мы остановились в доме местного казия. Вечером мы стали готовиться к пирушке, но казий доложил: «В моем доме подобных вещей не бывало. [Однако], государь здесь полновластен». Хотя все потребное для пира было приготовлено, но попойку отменили, чтобы угодить казию.

В среду мы съездили в Ходжа Се-Яран.

В четверг, двадцать первого, мы приказали построить большую круглую суфу на выступе горы, где был разбит сад.

В пятницу мы сели ниже моста на плот [и поплыли]. Когда мы плыли мимо охотничьих домиков, охотники поймали и принесли мне

птицу, называемую динг. Раньше я не видывал|| динга, это диковинная 235*б*
птица. Подробнее о ней будет сказано при описании животных Хиндустана.

В субботу, двадцать третьего, возле круглой суфы посадили вперемешку саженцы чинара и саженцы тала. В час полуденной молитвы состоялась попойка; на рассвете мы пили на этой новой суфе утренний кубок.

После полудня мы сели на коней и направились в Кабул. Когда мы достигли Ходжа-Хасана, вдребезги пьяные, то немного соснули там. Потом мы выехали из Ходжа-Хасана и в полночь прибыли в Чар-Баг. В Ходжа-Хасане Абд Аллах в пьяном виде бросился в воду, как был, в своем халате. Когда мы садились на коней, было поздно. Абд Аллах окоченел от холода и не мог ехать дальше; он остался на ночь в поместье Кутлук Ходжи. На следующий день ему сделали внушение за вчерашнюю неумеренность, и он приходил, чтобы дать зарок [не пить]. Я сказал: «Так сразу? Возможно ли выполнить такой зарок? Обещай пока, что будешь пить только у меня на пирушках и нигде больше». Абд Аллах согласился и несколько месяцев соблюдал это условие, но потом не смог выдержать.

В понедельник, двадцать пятого числа, Хинду бек, который в расчете на мир был оставлен в Бхире и в прилегающих областях, явился ко мне. [Жители Бхиры] не хотели ничего слышать о мире и примирении и не обращали внимания на меня и на мои слова. Едва мы ушли, как множество афганцев и хиндустанцев собрались и пошли на Хинду бека в Бхиру. Местные воины тоже перешли на сторону афганцев. Хинду бек не смог удержаться в Бхире. Он отступил в Хуш-Аб и область Динкута, прошел через Нил-Аб|| и явился в Кабул, приведя из Бхиры в 236*а*
цепях Дива Хинду, сына Сикту, и еще одного индуса. Они покончили дело, уплатив кое-что [в виде выкупа]. Я пожаловал этим индусам коня и полную перемену платья и отпустил их.

В пятницу, двадцать девятого, в теле у меня появился лихорадочный жар, и я пустил себе кровь. Меня лихорадило то ежедневно, то через день, то через два. При каждом припадке горячка не оставляла меня, пока я весь не обольюсь потом. Через десять или двенадцать дней Мулла Ходжака дал мне разбавленного вина с нарциссом. Я выпил его раз или два, но это тоже не принесло пользы.

В воскресенье, пятнадцатого числа месяца первой джумады, Ходжа Мухаммед Али прибыл из Хаста. Он доставил в подарок оседланного коня и деньги на бедных. С Ходжей Мухаммед Али явились также Мухаммед Шариф, звездочет, и хастские мирзы; они изъявили желание мне служить.

На следующий день, в понедельник, из Кашгара прибыл Мулла Кабир. Он пришел в Кабул из Андиджанской области через Кашгар.

В понедельник, двадцать третьего, явились из Савада Шах Мансур Юсуфзай и шесть или семь знатных людей из племени Юсуфзаев и выразили желание мне служить.

В понедельник, в первый день второй джумады, я облачил знатных афганцев Юсуфзаев с Шах Мансуром во главе в почетные одежды. Шах Мансур получил шелковый халат и шубу на пуговицах, другой афганец — шелковый халат и шапку, остальные шесть человек — шелковые халаты; после этого я их отпустил. Было решено, что они не станут
236б вмешиваться в [управление] областями Савада, лежащими выше Абуха‖, и вычеркнут [из податных списков] всех жителей тех земель. Кроме того, афганцы Баджура и Савада будут доставлять в диван шесть тысяч харваров зерна.

В среду, третьего числа этого месяца, я пил джул-аб, [после этого] я пил джул-аб еще два дня.

В субботу, шестого числа, я пил слабительное лекарство.

В понедельник, восьмого, прибыли от Хамзы, младшего сына Касим бека, деньги в подарок старшей дочери Халифы; их было тысяча шахрухи. Он также прислал оседланного коня.

Во вторник Шах Хасан, [сын] Шах бека, испросив разрешение устроить пирушку, пригласил к себе в дом нескольких моих беков и приближенных во главе с Ходжа Мухаммед Али. Юнус Али и Гада-и Тагай находились у меня. Я еще воздерживался тогда от вина. Я сказал: «Никогда еще не бывало, чтобы я сидел трезвый, а люди пили вино, и чтобы я сохранял ясность ума, когда компания [друзей] упивается вином. Приходите и пейте возле меня: я немного посмотрю и узнаю, каково трезвому общаться и вести компанию с пьяными».

К югу-востоку от Дома изображений, построенного у ворот сада Чинар-Баг, поставили небольшой шатер; иногда я сиживал там. В этом шатре и состоялся пир. Позднее пришел Гияс-скоморох. Его несколько раз, шутки ради, приказывали выгнать; наконец, он поднял шум и со всякими шутовскими выходками ворвался в собрание. Турды Мухаммед Кипчака и Муллу Китабдара мы тоже позвали на пирушку. Я сочинил
237а разом и послал Шах Хасану‖ и тем, кто находился в собрании, такое рубаи:

Друзья на пиру, где цветник красоты,*
Но нам нет доступа на их пир.
Эти люди пребывают во здравии и в покое;*
Тысячу благодарностей за то, что они не больны.

[Рубаи] было послано с Ибрахимом Чухра.

Между полуденной и послеполуденной молитвой участники пирушки, опьянев, разошлись.

Во время моей болезни меня носили на носилках. За несколько дней до этого я пил разбавленное вино, но потом перестал его пить, так как это не приносило пользы. В последние дни нездоровья я устроил пирушку в юго-западной части сада Талар, под яблоней, и опять пил разбавленное вино.

В пятницу, двенадцатого числа, прибыли Ахмед бек и Султан Мухаммед Дулдай, оставленные в Баджауре для подкрепления. В среду, семнадцатого числа того месяца, Тенгри Берди, в саду Хайдара Таки дал пир некоторым бекам и йигитам. Я тоже пошел на пирушку и пил. Вечером, в час молитвы перед сном, мы поднялись, пошли в большие шатры и опять пили.

В четверг, двадцать пятого числа, был назначен урок по фикху у Муллы Махмуда.

Во вторник, в последний день месяца, Абу Муслим Кукельташ прибыл послом от Шах Шуджа' Аргуна; он привел в подарок скакуна. В тот же день Юсуф Али Рикабдар сто раз проплыл вокруг пруда, находящегося в саду Баг-и Чинар; ему были пожалованы полная перемена платья, оседланный конь и деньги.

В среду, восьмого числа месяца раджаба, я отправился в дом Шах Хасана || и пил. Там было много беков и приближенных. **237б**

В субботу, одиннадцатого числа, была пирушка. Между послеполуденной и вечерней молитвой мы поднялись на кровлю большой голубятни и пили. Позднее [мы увидели] нескольких всадников, ехавших по дороге от Дех-и Афгана к городу. По проверке оказалось, что это Дервиш Мухаммед Сарбан, который едет послом от Мирза хана. Мы позвали его с крыши и крикнули: «Оставь повадки начальника и главы посольства и приходи без чинов». Дервиш Мухаммед пришел и сел среди пирующих. В то время он дал зарок и ничего не пил; мы там пили до самой ночи.

На следующее утро, когда я сидел в диване, Дервиш Мухаммед вошел по всем правилам и обычаям и доставил подарки от Мирза хана.

В минувшем году, после тысячи беспокойств, угроз и посулов, мне удалось снять с места всех окрестных жителей и привести их в Кабул. Кабул — тесная область и стадам аймаков и тюрков негде там зимовать и летовать. Жители степей по доброй воле никогда не согласились бы поселиться в Кабульской области. Явившись к Касим беку, они попросили его о посредничестве в отношении перехода в другое место. Касим бек долго убеждал меня; в конце концов, он получил для аймаков разрешение перекочевать в Кундуз и Баглан.

Старший брат Хафиза осведомителя прибыл из Самарканда. Теперь я разрешил ему вернуться в Самарканд и послал с ним Пулад Султа-
238а ну свой диван. На переплете дивана я написал такой стишок:||

О, ветерок, если ты проникнешь в харим этого кипариса,*
Принеси ему в сердце воспоминание о том, кто страдает в разлуке.
Не сжалился и не вспомнил он о Бабуре, но есть надежда,*
Что закинет господь жалость в его стальное сердце.

В пятницу, семнадцатого числа того же месяца, Шах Мазид Кукельташ явился от Мухаммед Заман мирзы; привезя деньги на бедных, подарки и коня, он выразил желание мне служить. В тот же день я облачил посла Шах бека, Абу Муслим Кукельташа, в почетную одежду, пожаловал ему награду и отпустил его. Ходже Мухаммед Али и Тенгри Берди тоже было дано разрешение отправиться в их владения — Хаст и Андар-Аб.

В четверг, двадцать третьего числа, Мухаммед Али Дженг-Дженг, которого я оставил в области Каче-Кута и Карлуков, возложив на него управление этими землями, явился ко мне. Шах Хасан, сын Мирзы Малви Карлука, и человек, посланный от Хати, тоже явились вместе с ним. В тот же день Мулла Али джан, который ездил в Самарканд, чтобы привезти оттуда свою семью, вернулся и вступил ко мне в услужение.

Афганцы из рода Абд ар-Рахман, которые жили у границ Гардиза, были несговорчивы насчет дани и неприязненны в обхождении. Проезжие караваны тоже терпели от них ущерб. В среду, двадцать девятого числа месяца раджаба, мы выехали на конях, чтобы совершить набег на этих афганцев. В окрестностях Тенг-и Вагчана мы остановились и поели; позднее, после полуденной молитвы, мы выехали оттуда. Ночью мы сбились с дороги и долго блуждали среди холмов и равнин к юго-
238б востоку от болот Аб-и Шахна.|| Через некоторое время мы вышли на дорогу и, перевалив через Чашма и Тура, к утренней молитве выехали на равнину.

[Отсюда] мы послали отряды для набега. Один отряд воинов направился в сторону горы Кирмас, что к юго-востоку от Гирдиза; вслед ему я послал бойцов правой стороны центра под начальством Хусрау Мирза Кули и Сейид Али. Большой отряд воинов направился вверх по долине к востоку от Гирдиза; вслед этим воинам я послал отряд под начальством Сейид Касим ишик-ага, Мир Шах Каучина, Киям Хинду бека, Кутлук Кадама и Хусейна.

Так как большинство воинов направилось вверх по долине, то я, проводив их, сам поехал за ними следом. Жители верхней части этой долины, видимо, находились далеко, так что кони воинов, шедших вверх по долине, притомились, и людям не досталось никакой добычи.

В долине показалось сорок или пятьдесят пеших афганцев. Воины, посланные вслед за [первым] отрядом, устремились к этим афганцам и отправили ко мне человека; я тоже поехал быстрее. Не успел я еще приблизиться, как Хусейн Хасан, без всякого основания и расчета, один, пустил своего коня во весь опор, ворвался в гущу афганцев и начал действовать саблей. [Враги] тотчас же поразили его коня стрелой и сбросили [Хусейн Хасана] на землю. Не успел он подняться, как его ударили саблей по голове и снова повалили; на него бросились со всех сторон и изрубили его на куски ножами и мечами. Остальные беки стояли и смотрели, не оказывая Хусейн Хасану никакой помощи.

Узнав об этом, я приказал приближенным и йигитам, во главе с Гада-и Тагаем, Пайанда Мухаммед Капланом, || Абу-л-Хасан Курчи и 239*а*
Мумин Атка, скакать во весь опор и сам тоже помчался за ними. Мумин Атка раньше всех ударил одного афганца копьем, отрезал ему голову и принес ее мне. Абу-л-Хасан Курчи, без доспехов, тоже храбро поскакал вперед, встал перед афганцами, и, устремив на них своего коня, ударил одного афганца саблей, свалил его, отрезал ему голову и принес ее. Сам он получил три раны, а его конь — одну.

Пайанда Мухаммед Каплан тоже смело бросился вперед, ударил одного афганца саблей, свалил его, отрезав ему голову, принес ее. Хотя молодечество Абу-л-Хасана и Пайанда Мухаммед Каплана было известно уже и раньше, но в этом походе они еще больше отличились своими подвигами.

Все сорок или пятьдесят афганцев были полностью перебиты и истреблены саблями и стрелами. После избиения афганцев мы остановились на пашне и приказали сложить из их голов башню. Когда я ехал по дороге, ко мне присоединились беки, которые были вместе с Хусейн [Хасаном]. Я с гневом и грозно сказал: «Вас было столько людей и вы спокойно стояли и смотрели и отдали такого молодца на ровном месте нескольким пешим афганцам. Следует лишить вас почетных званий, отнять у вас ваши земли и владения, обстричь вам бороды и с позором провести вас по улицам наших городов! Таково будет наказание всякому, кто отдает такого молодца подобному врагу, стоит на ровном месте и смотрит, не шевельнув рукой!».|| 239*б*

Воины, ходившие в Кирмас, вернулись, захватив скот и [другую] добычу. Баба Кашка Могол тоже ушел с отрядом, который направился в сторону Кирмаса. Когда один афганец бросился на Баба Кашка с саблей, тот смело остановился, натянул лук, выстрелил в этого афганца и свалил его.

На следующее утро мы снялись с лагеря и двинулись в сторону Кабула. Мухаммед Бахши, Абд ал-Азиз мирахур и Мир Хурд бакаул

получили приказ остаться в Чашма-и Тура и раздобыть у людей фазанов.

Я сам с несколькими воинами поехал через Майдан-и Рустам, где я еще не бывал. Майдан-и Рустам стоит среди гор, недалеко от вершины; это не очень приятное место. Между двумя горами лежит довольно широкая долина; с южной стороны, по склонам холма, протекает небольшой ручей, тут же растут высокие деревья. По дороге, ведущей из этого Майдан-и Рустама в Гирдиз, попадаются источники; деревья там тоже есть в изобилии, но они поменьше. Хотя долина [в том месте] довольно узкая, но под этими деревцами много хорошеньких зеленых лужаек. Это красивая маленькая долина.

Мы поднялись на гору, возвышавшуюся к югу от Майдан-и Рустама, и увидели у себя под ногами горы Кирмаса и горы Бангаша. За
240*a* Кирмасскими горами виднеются дождевые облака слой на слое, || в направлении тех земель, где не бывает дождя, никогда не видно облаков.

К полуденной молитве мы прибыли в Хуни и остановились там.

На следующее утро я стал лагерем в окрестностях деревни Мухаммед-Ага и съел ма'джун. Потом мы бросали в воду зелья для усыпления рыбы и поймали несколько штук.

В воскресенье, третьего ша'бана, мы прибыли в Кабул.

Во вторник, пятого числа, я призвал нукеров Дервиш Мухаммеда Фазли и Хусрау и допросил их об упущениях, вызвавших захват Хусейн [Хасана]; после этого мы лишили [Дервиш Мухаммеда и Хусрау] их чинов и званий.

В час полуденной молитвы под чинаром устроили попойку. Я пожаловал Баба Кушка Моголу почетный халат.

В пятницу, восьмого числа, вернулся Купак, который ездил к Мирза хану.

В четверг, после полуденной молитвы, я выехал на прогулку к подножию гор Се-Яран и Баран. Ко времени молитвы перед сном мы остановились в Мама-Хатун, а на следующее утро прибыли в Исталиф и остановились там. В этот день я ел ма'джун.

В субботу в Исталифе устроили пирушку. Наутро мы выехали из Исталифа и проехали по долине Синджид-Дара. Невдалеке от Се-Яра-на [наши] убили большую змею толщиной в руку и длиной в сажень. Из утробы этой толстой змеи вышла другая змея, потоньше; по-видимо-
240*б* му, толстая змея проглотила ее недавно; все ее члены были еще целы. Тонкая змея была немного короче толстой||. Из тонкой змеи вышла большая мышь; она тоже оказалась совершенно целой; ни одна часть тела не была у нее повреждена. По прибытии в Ходжа Се-Яран мы устроили пирушку.

В тот день я написал и послал с Кичкина Тункетаром грамоты

здешним бекам и воинам, назначая им место встречи и приказывая выступить с войском и непременно присоединиться ко мне в условленном месте.

Утром мы сели на коней, и я съел мад'жун. На месте слияния реки Парван [с рекой Кабула] я бросил в реку Парван, по обычаю местных жителей, зелье, усыпляющее рыбу, и мы поймали много рыбы. Мир Шах бек предложил [нам] угощение.

Оттуда мы пошли в Гул-и Бахар. После вечерней молитвы состоялась пирушка. На пирушке присутствовал Дервиш Мухаммед Сарбан. Хотя он был молодой человек и воин, но не употреблял вина и зарекся это делать. Кутлук Ходжа Кукельташ уже долгое время тому назад оставил военное дело и жил, как дервиш. Он был в больших годах и борода у него стала белоснежная, но он всегда участвовал в наших попойках. Я сказал Дервиш Мухаммеду: «Постыдись бороды Кутлук Ходжи! Он дервиш и старик с белой бородой, но всегда пьет вино, а ты человек военный, молодой, борода у тебя черная-пречерная, и ты никогда не пьешь. Какой в этом смысл?».

Так как я не имел привычки и обыкновения предлагать вина тем, кто не пил, то мои слова сочли за шутку, и Дервиш Мухаммеда не заставляли пить вино. Наутро мы опохмелялись.

В среду || мы выехали из Гул-и Бахара. Остановившись в деревне **241*а***
Атун, мы поели и выехали в сады, где снова спешились. После полуденной молитвы устроили пирушку.

Утром мы поехали оттуда и, совершив обход вокруг мазара Ходжа-Хавенд-Саид, сели в Чин-Кургане на плот. У места впадения реки Панджхир плот ударился о выступ горы и начал тонуть. Раух дам, Тенгри Кули и Мир Мухаммед джалабан, когда плот ударился об гору, упали в воду; Раух дама и Тенгри Кули с трудом втащили обратно. В воде пропали фарфоровая пиала, ложка и бубен.

Когда мы прошли это место и плыли мимо Санг-и Буриде, плот снова обо что-то ударился — не то об корягу, не то об кол, вбитый в дно, чтобы запрудить воду. Шах Хасан, [сын] Шах бека, упал на спину; [падая], он схватился за Мирза Кули Кукельташа, и тот тоже упал. Дервиш Мухаммед Сарбан также свалился в воду. Мирза Кули упал удивительно: падая, он воткнул в коврик, покрывавший плот, нож для разрезания дынь, который держал в руке. Мирза Кули, не возвращаясь на плот проплыл в своем халате [до берега], потом вышел.

Сойдя с плота, мы провели эту ночь в доме плотовщика. Дервиш Мухаммед подарил мне точно такую же семицветную пиалу, как та, что упала в воду.

В пятницу мы уехали с берегов реки. Оказавшись у подножия Кух-и Бача, ниже Инджика, мы остановились и собственными руками || **241*б***

набрали там много зубочисток. Пройдя это место, мы поели в доме родичей Ходжи Хизра и поехали дальше. К полуденной молитве мы остановились в одной деревне в Ламгане, принадлежащей Кутлук Ходже. Кутлук Ходжа наскоро приготовил еду; поев, мы выехали и прибыли в Кабул.

В понедельник, двадцать пятого числа, Дервиш Мухаммед Сарбану было пожаловано платье с моего плеча и конь под седлом, и он поклонился мне, как нукер.

Четыре или пять месяцев я не стриг волос. В среду, двадцать седьмого числа, я остриг себе волосы; в тот день состоялась попойка.

В пятницу, двадцать девятого числа, Мир-и Хурд поклонился мне, получив должность воспитателя Хиндала; он принес в подарок тысячу шахрухи.

В среду, пятого числа месяца рамазана, нукер Тулака Кукельташа по имени Барлас Джуки привез от него донесение. В тех местах появились грабители-узбеки; Тулак выехал, вступил с ними в бой и разбил их. [Гонец] доставил одного живого узбека и одну голову.

Вечером в субботу, восьмого числа, мы отправились в дом Касим бека и разговелись. Касим бек предложил нам оседланного коня. В воскресенье вечером разговенье состоялось в доме Халифы; он тоже подарил оседланного коня.

На следующее утро Ходжа Мухаммед Али и Джан Насир, которых вызвали для совещания о делах войска, прибыли из своих владений.
242*a* В среду двенадцатого числа прибыл дядя Камрана, Султан Али, || который, как уже сказано, в год моего выхода из Хаста в Кабул отправился в Кашгар.

В четверг, тринадцатого числа, приняв решение прогнать и отразить Юсуфзаев, я выступил в поход и остановился на поляне у Дех Якуба, на кабульской стороне реки. При выезде Бабаджан Ахтачи подвел мне коня не так, как следовало. Рассердившись, я так ударил его кулаком по лицу, что сломал у основания безымянный палец. Сразу он не очень сильно болел, но, когда мы прибыли на стоянку, причинял мне много беспокойства; некоторое время я терпел большие мучения и не мог писать. В конце концов палец сросся.

На этой же стоянке, во время похода, молочный брат моей тетки Даулат Султан ханум по имени Кутлук Мухаммед доставил мне письмо и подарок от Ханум.

В тот же день вельможи Дилазаков Бу хан и Муса явились с дарами и выразили мне почтение; в воскресенье, шестнадцатого числа, прибыл Куч бек.

В среду, девятнадцатого числа, мы двинулись дальше в поход и, миновав Бут-Хак, остановились в обычном месте, то-есть на берегах ре-

ки этого самого Бут-Хака. Так как Бамиан, Кахмӯрд и Гури — области, подвластные Куч беку, находились поблизости от узбеков, я освободил Куч бека от участия в походе. На этой стоянке я пожаловал Куч беку тюрбан, который сам намотал, и полную перемену платья и отпустил его в его владения.

В пятницу, двадцать первого числа, мы остановились в Бадам-Чашме.|| 242*б*

На следующее утро лагерь был разбит в Барик-Абе. Я совершил прогулку в Карату и вернулся. На этой стоянке мы добывали мед из дерева.

Совершая переход за переходом, мы в среду, двадцать шестого, пришли и остановились в саду Баг-и Вафа. Четверг я провел в этом самом саду; в пятницу мы выступили и, пройдя Султанпур, остановились. В этот день прибыл из своих владений Мир Шах Хусейн. Начальники Дилазаков во главе с Бу ханом и Мусой тоже прибыли в этот день. Было решено направиться в Савад, чтобы усмирить Юсуфзаев. Начальники Дилазаков доложили, что в Хашт-Нагаре много жителей и зерно также имеется в изобилии, и уговаривали меня идти на Хашт-Нагар. Посоветовавшись, мы решили так: раз в Хашт-Нагаре, видимо, зерна много, то следует совершить набег на тамошних афганцев, приспособить крепость Хашт-Нагара или Паршавара для хранения части зерна и оставить там Шах Мир Хусейна с отрядом молодцов. Ради этого дела Шах Мир Хусейну было дано разрешение отлучиться сроком на пятнадцать дней, чтобы он отправился в свою землю, собрал там снаряжение и вернулся.

На следующее утро мы снялись с лагеря, и, придя к Джу-и Шахи, остановились там. Тенгри Берди и Султан Мухаммед Дулдай пришли следом за нами на эту стоянку. Хамза тоже пришел в тот день из Кундуза.

В воскресенье, в последний день месяца, мы ушли из Джу-и Шахи, и остановились у Кирк-Арыка||. С несколькими приближенными я сел 243*а*
на плот; на этой стоянке мы увидели праздничную луну. Из Дара-и Нура привезли на нескольких ослах вино; после вечерней молитвы состоялась пирушка. На пирушке присутствовали: Мухибб Али курчи, Ходжа Мухаммед Али Китабдар, Шах Хасан, сын Шах бека, Султан Мухаммед Дулдай и Дервиш Мухаммед Сарбан. Дервиш Мухаммед дал зарок не пить вина. Я с юных лет соблюдал условие: не принуждать непьющего. Дервиш Мухаммед постоянно бывал на пирушках, и я никогда не заставлял его пить, но Ходжа Мухаммед не оставлял его в покое и так настойчиво предлагал пить, что Дервиш Мухаммед пил вино.

В понедельник утром, в день праздника, мы выступили в поход; по дороге, чтобы прогнать похмелье, мы ели ма'джун. Когда мы все опьянели от ма'джуна, принесли колоквинт. Ходжа Мухаммед никогда не видал колоквинта. Я сказал, что это хиндустанский арбуз, отрезал ломоть и дал Ходжа Мухаммеду. Ходжа Мухаммед с жадностью разгрыз колоквинт; горечь во рту не прошла у него до самого вечера.

Мы остановились на возвышенности Гарм-Чашма. Когда нам подавали яхни, прибыл Лангар хан, который некоторое время находился в своих владениях. Он доставил в подарок лошадь и кусок ма'джуна и изъявил желание мне служить.

Мы двинулись дальше и остановились в Яда-Бире. В час послеполуденной молитвы я отправился на плоту [прогуляться] с двумя-тремя приближенными; мы проплыли несколько курухов вниз по реке и [снова] поднялись вверх.

На следующее утро мы двинулись дальше и остановились у подно-
243*б* жия Хайберского перевала||. В тот же день прибыл Султан Баязид, который шел от Нил-Аба через Пара; узнав, что мы близко, он пришел за нами следом. Султан Баязид доложил, что афганцы Афридии, с семьями и скотом находятся в Пара. Они посеяли много рису; рис созрел и весь стоит на корню. Так как мы решили идти в Хашт-Нагар на афганцев Юсуфзаев, то не обратили внимания [на слова] Султан Баязида.

В час полуденной молитвы состоялась пирушка в шатре Ходжи Мухаммед Али. На этой самой пирушке я подробно описал, как мы шли в эти земли, и послал письмо в Баджаур к Ходжа-и Калану через Султан Барахи. На полях грамоты я написал такой стих:

О, ветер, будь милостив, скажи этой прекрасной газели:*
Ты заставила нас скитаться по горам и пустыням.

Утром мы снялись с лагеря, прошли через перевал и, миновав Хайбарский проход, остановились в Али-Масджиде. Оттуда мы выехали к полуденной молитве, оставив обоз позади. Прошло уже два паса, когда мы прибыли на берег реки Кабула и немного соснули. На заре мы нашли брод и перешли реку.

От передовых пришла весть, что афганцы, узнав [о нашем приближении], бегут. Двинувшись далее, мы перешли реку Савад и стали лагерем посреди засеянных полей афганцев. Зерна не нашлось ни поло-
244*а* вины, ни даже четверти того, что нам говорили. План устроения Хашт-Нагара, задуманный с рассчетом на это зерно,|| подвергся изменению. Начальники Дилазаков, подстрекавшие меня к этому походу, были смущены.

В час послеполуденной молитвы мы переправились на кабульскую сторону реки Савада и остановились там, а на следующее утро ушли

с берега реки Савада, перешли реку Кабул и опять остановились. Пригласив беков, имевших доступ в совет, мы посовещались и решили совершить набег на афганцев Афридиев, о которых говорил Султан Баязид, благоустроить крепость Паршавар, переправив туда их скот и зерно и оставить там людей.

Хинду бек Каучин и сыновья хастских эмиров пришли следом за нами на эту стоянку. В тот день мы ели ма'джун. Дервиш Мухаммед Сарбан, Мухаммеди Кукельташ, Гада-и Тагай и Асас присутствовали [на пирушке]; потом мы позвали также Шах Хусейна. Когда убрали пищу, мы в час послеполуденной молитвы поехали на плоту; Лангар хана Ниязая мы тоже пригласили на плот. К вечерней молитве мы сошли с плота и вернулись в лагерь.

В соответствии с принятым решением, мы на рассвете снялись с лагеря и, миновав Джам, остановились у истоков реки Али-Масджид. Абу-л-Хашим-и Султан Али, который пришел позднее, говорил: «Накануне арафы я встретил около Джу-и Шахи человека, прибывшего из Бадахшана, и вышел с ним вместе из Джам-Руда; этот человек рассказывал, что Султан Са'ид хан выступил в поход на Бадахшан. Я пришел сообщить об этом государю».

Я созвал беков и устроил совет. При наличии такого сообщения || 244*б*
я не счел полезным благоустраивать крепость [Паршавар], и мы повернули обратно с намерением идти в Бадахшан. Лангар хана я отпустил, дав ему почетный халат и назначив его в подкрепление Мухаммед Али Дженг-Дженгу.

В тот день в шатре Ходжи Мухаммеда Али состоялась пирушка.

Наутро мы выступили дальше и, перейдя Хайбарский перевал, остановились у подножия перевала.

Хизр-Хайли совершали всякие неприличные поступки. При прохождении нашего войска они метали стрелы в тех, кто отстал или свернул в сторону, и уводили их лошадей. Казалось нужным и необходимым их проучить и натереть им уши. С этой целью мы утром двинулись от подножия перевала и к полудню были в Дех-и Гуламан. В час полуденной молитвы мы задали коням корму, а [затем] выступили дальше. Мухаммед Хусейн Курчи был послан в Кабул [с приказом] задержать тамошних Хизр-Хайлей, тщательно исчислить их имущество и доложить [о сделанном]. Мухаммед Хусейн Курчи должен был подробно изложить все, какие есть сведения о бадахшанцах, и поскорее прислать их с кем-нибудь.

В эту ночь мы шли до второго паса и, пройдя несколько дальше Султанпура, остановились и немного поспали; потом мы снова выступили. Хизр-Хайли обитали [на территории] от Бихара и Мич-Грама до Кара-Су. Заря едва занималась, когда мы подошли и начали их грабить.

Большая часть скота и детей Хизр-Хайлей попала в руки воинов. Немногие, находившиеся близ гор, ушли в горы и спаслись.

245а Утром мы остановились в Килагу||, там мы поймали [много] фазанов. Обоз, оставленный сзади, тоже прибыл и присоединился к нам на этой стоянке.

Афганцы племени Вазири всегда довольно плохо платили дань; на сей раз, после такой расправы, испугавшись, они привели в подарок триста овец.

Из-за своего сломанного пальца я ничего не писал; на этой стоянке, в воскресенье, четырнадцатого числа, я пописал немного.

Утром на следующий день явились начальники афганцев племени Хирилчи и Самму-Хайл. Вожди Дилазаков убедительно просили у меня прощения за их провинности; мы простили им грехи и освободили их пленных. Определив размеры их дани в четыре тысячи овец, я облачил этих вельмож в почетные халаты и послал к ним назначенных мною сборщиков.

Устроив эти дела, мы выступили дальше и остановились в Мич-Граме. На следующее утро я прибыл в Баг-и Вафа. Баг-и Вафа тогда блистал красотой: лужайки покрывал сплошной ковер трилистника, гранатовые деревья были красивого ярко-желтого осеннего цвета. Гранаты на деревьях ярко алели, апельсиновые деревья весело зеленели, на деревьях было без счета апельсинов, но апельсины были еще не совсем желтые. Гранаты там хорошие, хотя не такие, как лучшие гранаты в нашей стране.

В Баг-и Вафа мы на этот раз провели время лучше всего. В те
245б три-четыре дня, что мы пробыли в этом саду,|| все, находившиеся в лагере, объедались гранатами.

В понедельник мы вышли из сада. Я оставался там до первого пахра и раздавал апельсины. Шах Хусейн получил апельсины с двух деревьев, некоторые беки — плоды с одного дерева, другим было пожаловано одно дерево на двоих. Так как я намеревался проехаться зимой по Ламгану, то приказал оградить для меня штук двадцать апельсиновых деревьев вокруг хауза.

В этот день мы остановились в Гандамаке и на следующее утро пришли в Джагдалик. Около вечерней молитвы состоялась пирушка; присутствовало большинство моих приближенных. В конце пирушки Гада-и Бахджат, племянник Касим бека, учинил великое безобразие: охмелев, он оперся на подушку, лежавшую у меня под боком. Гада-и Тагай вынес его с собрания.

Рано утром мы вышли с этой стоянки. Я поехал прогуляться вверх по долине Барик-Аба, что возле Курук-Сая. Несколько тополей пожелтели и были очень красивы.

Мы остановились в этом месте и велели подать кушанье йилкирая. По случаю наступления осени мы пили вино и, приказав привести с дороги баранов, распорядились приготовить шашлык. Потом мы разожгли костер из дубовых веток и смотрели на огонь. Мулла Абд ал-Малик Дивана попросил разрешения доставить в Кабул весть о моем приходе, и я послал Муллу Абд ал-Малика в Кабул.

Хасан Набира явился ко мне от Мирзы хана, рассчитывая на мою помощь. Прибыв на эту стоянку,|| он выразил мне почтение. 246*а*

На закате солнца мы пили там вино, потом выехали; участники пирушки были здорово пьяны. Сейид Касим до того охмелел, что два нукера с трудом взвалили его на лошадь и привезли в лагерь. Дуст Мухаммед Бакир [тоже] был сильно пьян. Амин Мухаммед Тархан, Масти Чухра и другие, сколько ни старались, не могли посадить его на коня; ему лили воду на голову, но тоже без толку.

В это время показался отряд афганцев. Амин Мухаммед Тархан, охмелев от вина, решил, что Дуст Мухаммеда нельзя так оставить и отдать врагам; лучше отрезать ему голову и увезти ее с собой. Мы все, с великим трудом взвалили его на лошадь и увезли.

В полночь мы прибыли в Кабул. Утром в диване Кули бек, который ездил в Кашгар послом к Султан Са'ид хану, явился и засвидетельствовал свое почтение. Бишка мирза-и утарчи отправили [из Кашгара] послом вместе с Кули беком; он доставил в подарок некоторые товары из тех земель.

В среду, в первый день месяца зу-л-ка'да, я отправился один к могиле Кабила и выпил там утреннюю чашу; потом стали подъезжать по одному—по двое обычные участники пирушек. Когда солнце начало пригревать, мы отправились в сад Баг-и Банафша и пили у водоема. В полдень мы поспали, а в час послеполуденной молитвы снова выпили. На этой пирушке, в полдень, я предложил вина Тенгри Кули беку и Маханди, которым раньше не давали вина на пирах.|| В час молитвы 246*б* перед сном я отправился в баню и провел в бане всю ночь.

В четверг я пожаловал халаты хиндустанским купцам с Яхьей Нохани во главе, и им было дано разрешение удалиться.

В субботу я облачил в халат Бишка мирзу, пришедшего из Кашгара и, наградив, отпустил его.

В воскресенье состоялась пирушка в маленькой комнате с картинами, что находится над воротами. Хотя комната была небольшая, пирующих набралось шестнадцать человек.

В понедельник я съездил в Исталиф посмотреть урожай. В этот день мы употребляли ма'джун. Вечером шел сильный дождь. Многие беки и приближенные, приехавшие со мной, зашли в мой шатер, раз-

битый посреди сада Баг-и Калан. Утром в этом же саду состоялась пирушка; пили до вечера.

Утром мы опохмелились, напились и заснули. К полуденной молитве мы выехали из Исталифа и по дороге ели ма'джун. В час послеполуденной молитвы мы прибыли в Бехзади; урожай там был очень хорош; во время объезда полей мои спутники, склонные к вину, стали подбивать меня устроить пирушку. Хотя я [уже] ел ма'джун, но осень была так хороша, что мы сели под пожелтевшими деревьями и принялись пить вино. Вплоть до молитвы перед сном на этом самом месте шла пирушка. Приехал Мулла Махмуд, [слуга] Халифы; его тоже мы позвали на пирушку. Абд Аллах был очень пьян; когда зашла речь о Ха-
247*а* лифе||, он произнес, не замечая Муллы Махмуда, такое полустишие:

На кого ни взглянешь, всех терзает та же язва.*

Мулла Махмуд был трезв. Он упрекнул Абд Аллаха за то, что тот шутя сказал такой стих. Абд Аллах, поняв, в чем дело, взволновался и говорил много сладких слов.

В четверг мы совершили объезд для осмотра урожая; вечером, к вечерней молитве, я приехал в сад и остановился там.

В пятницу, семнадцатого числа, в саду Баг-и Банафша, мы поели ма'джуна и сели в лодку с несколькими избранными приближенными. Хумаюн и Камран позднее тоже пришли к нам. Хумаюн ловко подстрелил утку.

В субботу, восемнадцатого, в полночь, я выехал из Чар-Бага. Отослав обратно стражников и конюших, я переправился через мост Мулла-Баба, поднялся по ущелью Даварин, проехал мимо кариза Куш Надира и базаров, объехал сзади медвежьи будки и наутро, в час утренней молитвы, оказался у кариза Турди бек Хаксара. Турди бек, узнав об этом, взволновался и выбежал [мне навстречу]. Было известно, что Турди бек нуждается. Уезжая, я взял с собой тысячу шахрухи; я отдал их Турди беку и сказал: «Приготовь вина и все нужное». Мне хотелось пображничать привольно в уединении.

Турди бек отправился за вином в Бехзади. Я приказал одному из рабов Турди бека отвести моего коня пастись на пригорок, а сам при-
247*б* сел на холме за каризом. Был первый пас, когда || Турди бек принес кувшин вина; мы вдвоем принялись пить. Когда Турди бек нес вино, Мухаммед Касим Барлас и Шахзаде заметили это. Не подозревая, что я здесь, они пошли пешком за Турди беком. Мы пригласили их на пирушку. Турди бек сказал: «Бул-бул Анике хочется выпить с вами вина».

«Я никогда не видел, как пьют женщины,— ответил я.— Позови ее на пирушку». Еще мы пригласили каландара по имени Шахи и одного копателя каризов, который играл на рубабе. До самой вечерней мо-

литвы мы сидели на пригорке за каризом Турди бека и пили; потом я пошел к Турди беку в дом и при свете свечи пил до ночной молитвы. Хорошая то была пирушка! без подвоха и обмана!

Я прилег, а остальные участники пирушки пошли в другой дом и пили, пока не пробили зорю. Бул-бул Анике пришла и вела себя со мной очень вольно; в конце концов я притворился мертвецки пьяным и избавился от нее.

Я хотел незаметно для других сесть на коня и один проехать до Истаргача, но меня заметили, и это не удалось.

Наконец, когда пробили зорю, я сел на коня и осведомил Турди бека и Шахзаде. Мы втроем направились к Истаргачу. В час утренней молитвы мы приехали в Ходжа-Хасан, что под Исталифом. Остановившись на некоторое время, мы съели ма'джун и объехали поля. С восходом солнца мы остановились в саду в Исталифе || и поели винограда; потом мы выехали оттуда и остановились в Ходжа-Шихабе, в окрестностях Исталифа, где и поспали. Дом Ага мирахура находится в тех краях. Пока мы спали, он приказал сварить кушанье и принес кувшин вина. Очень хорошее было вино! Мы выпили несколько чашек и уехали. 248*а*

К полуденной молитве мы остановились в одном из садов Истаргача, полном прекрасных плодов. Там устроили пирушку. Через минуту приехал Ходжа Мухаммед Амин; мы пили до самой молитвы перед сном. В тот же день вечером прибыли из Кабула Абд Аллах, Асас, Нур бек и Юсуф Али.

Утром мы поели, сели на коней и поехали в сад Баг-и Падшахи, что ниже Истаргача. Одна молодая яблоня пожелтела и была очень красива. На каждой ее ветви еще оставалось по пять, по шесть листиков в ряд; если бы художники и очень старались, они не могли бы этого нарисовать.

Выступив из Истаргача, мы [остановились и] поели в Ходжа-Хасане; к вечерней молитве мы прибыли в Бехзади и пили вино в доме одного из нукеров Мухаммеда Амина по имени Имам Мухаммед.

На следующее утро, во вторник, мы прибыли в кабульский сад и в четверг, двадцать третьего числа, вступили в крепость. В пятницу Мухаммед Али Хайдар рикабдар поймал белого сокола и преподнес его мне.

В субботу, двадцать пятого, в саду была пирушка. В час молитвы перед сном мы выехали оттуда. Сейид Касим из-за одного обстоятельства чувствовал смущение; по дороге мы остановились у него и выпили несколько кубков.

В четверг, в первый день месяца зу-л-хиджджже, || Тадж ад-дин Махмуд прибыл из Кандахара и засвидетельствовал мне почтение. 248*б*

В понедельник, девятнадцатого числа, приехал из Нил-Аба Мухаммед Али Дженг-Дженг. Во вторник Сангар хан приехал из Бхиры и изъявил почтение.

В пятницу, двадцать третьего числа, я закончил отбор стихов и газалей из четырех диванов Алишер бека, распределив их по размерам.

Во вторник, двадцать седьмого числа, в арке состоялась пирушка. На этой пирушке был дан такой приказ: «Если кто-нибудь напьется пьян и уйдет, то этого человека больше на пирушку не звать».

В пятницу, в последний день месяца зу-л-хиджже, мы выехали на прогулку в Ламган.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО

Во вторник, в первый день месяца мухаррама, мы приехали в Ходжа Се-Яран. На холме у нового арыка, там, где он начинается, состоялась пирушка. [Утром мы выехали и направились в Риг-и Раван. Мы остановились в доме Сейид Касима, по прозвищу Бул-були, и устроили пирушку]. На утро мы выехали оттуда, съели ма'джун и продолжали путь, пока не остановились в Билгаре. Хотя вечером предстояло пить, мы утром выпили. В час полуденной молитвы мы двинулись дальше и остановились в Дур-Нама. Состоялась пирушка. Утром мы опохмелились. Хакдад, большой человек в Дур-Нама, подарил мне свой сад.

В четверг мы выехали и остановились в Ниджрау, в одной таджикской деревне.

В пятницу мы охотились на горе, что между Чихил-Кулбе и рекой Баран. Нам попалось много оленей. С тех пор как я повредил себе руку ||, 249*а* я не выпустил ни одной стрелы. На этот раз я выстрелил из гибкого лука и попал оленю в лопатку; стрела вонзилась до половины оперения. К полуденной молитве мы бросили охоту и пришли в Ниджрау.

На следующее утро дань с жителей Ниджрау была установлена в шестьдесят золотых.

В понедельник мы выехали прогуляться в Ламган. Я думал, что Хумаюн тоже будет участвовать в прогулке, но он пожелал остаться и был отпущен у перевала Кура. После этого мы прибыли в Бадрау и остановились там. Оттуда мы отправились в Улуг-Нур. Рыбаки поймали в реке Баран [много] рыбы. В час послеполуденной молитвы мы сели на плот и пили, а после вечерней молитвы вернулись с плота и снова пили в шатре. Хайдар Аламдар был послан в Даварбин к Кафирам; у подножия Бад-и Пича вожди Кафиров поднесли несколько бурдюков вина и выразили почтение. При спуске с перевала нам попадалось удивительно много саранчи.

Утром мы пошли на плот и съели ма'джун. Мы вышли на сушу ниже Булана и вернулись в лагерь. Плотов было два.

В пятницу мы выступили и остановились в Дамана, ниже Мандравара. Вечером состоялась попойка.

В субботу мы сели на плот и проплыли в теснине Дарута. Выше Джахан-Нума мы сошли с плота и отправились в сад Баг-и Вафа, что напротив Адинапура. Киям Урду шах, правитель Нингнахара, пришел, 249*б* когда мы сходили с плота, и выразил почтение. Лангар хан ||, который уже долгое время находился в Нил-Абе, прибыл ко мне, когда я был в дороге, и выразил почтение. Мы остановились в Баг-и Вафа; апельсины там хорошо пожелтели, овощи прекрасно созрели; очень приятное это было место.

Пять-шесть дней мы пробыли в саду Баг-и Вафа. Так как я имел намерение начиная с сорока лет отказаться от вина, а до сорока лет оставалось меньше года, то я пил неумеренно.

В воскресенье, шестнадцатого числа, мы выпили утром, а протрезвившись, принялись есть ма'джун; в это время Мулла Барик исполнил свой накш в ладу панчгах и в форме пятистиший; хороший он сочинил накш! Я уже давно не занимался такими вещами. Мне тоже захотелось что-нибудь сочинить, и я сочинил песню в ладу чаргах, как будет упомянуто в своем месте.

В среду, когда мы опохмелялись, я в шутку сказал: «Всякий, кто заговорит по-сартски, пусть выпьет чашу вина». По этой причине многие выпили чашу. В час утренней молитвы мы сели на лугу среди ив,

и я сказал: «Каждый, кто заговорит по-тюркски, пусть выпьет чашу». Тут тоже много, кому пришлось выпить чашу.

Когда взошло солнце, мы пошли под апельсиновые деревья на край хауза и пили там.

На следующее утро мы сели на плот у Дарута и, пройдя Джу-и Шахи, направились в Атар. Из Атара мы выехали прогуляться в Дара-и Нур; достигнув деревни Сусан, мы повернули назад и остановились в Амле.

Ходжа-и Калан || хорошо управлял Баджауром; так как это был 250*а*
мой собутыльник, то я призвал его к себе, поручив управление Бадкауром Шах Хусейну. В субботу, двадцать второго числа, Шах Хусейн получил разрешение уехать; в тот же день мы пили в Амле.

На следующее утро шел дождь. Мы прибыли в Кула-Грам, в Кунаре, где находился дом Малик Кула, и остановились в доме его среднего сына, построенном выше апельсиновой рощи. Из-за дождя мы не пошли в рощу и пили там же в доме. Дождь лил без конца. Я знал один талисман и передал его Мулле Али джану; Мулла Али джан написал этот талисман на четырех клочках бумаги и повесил их в четырех углах [дома]; дождь тотчас же прекратился и погода начала проясняться.

Утром я поехал на плоту, на другом плоту находилось несколько йигитов. В Саваде, Кунаре и в соседних областях варят особый сорт бузы. В него входит снадобье, называемое ким, которое готовят из корней разных трав и некоторых лекарств. Его делают круглым, как лепешку, сушат и сохраняют в таком виде; ким служит закваской для такой бузы. Некоторые сорта бузы сильно опьяняют, но очень горьки и невкусны. Я хотел было выпить этой бузы, но не мог ее пить из-за горького вкуса и предпочел ма'джун. Потом я приказал Асасу, Хасану Икирику и Масти, которые сидели на другом плоту, выпить этой бузы. Выпив и опьянев, Хасан Икирик начал вытворять неприличные буйства. || Асас тоже был 250*б*
здорово пьян. Он несколько раз совершал некрасивые поступки, так что нам это надоело и я даже думал прогнать их обоих с плота и высадить на том берегу, но другие попросили за них.

В то время я пожаловал Баджаур Мир Шах Хусейну и призвал к себе Ходжа-и Калана. Ведь Ходжа-и Калан был мой собутыльник и пребывание его в Баджауре [слишком] продлилось; мне казалось также, что дела в Баджауре идут теперь лучше.

Когда Мир Шах Хусейн направлялся в Баджаур и достиг переправы через реку Кунар, мы встретились. Я сделал Мир Хусейну несколько устных указаний, пожаловал ему свой собственный пояс и отпустил его.

Когда мы были напротив Нургала, к нам подошел какой-то старик и начал просить милостыню. Каждый из сидевших на плоту дал ему халат, тюрбан, полотенце или что-нибудь подобное; старик получил много вещей.

На полдороге, в опасном месте, плот ударился об дно. Мы очень испугались, хотя плот не затонул; Мир Мухаммед, плотовщик, упал в воду. Ночь мы провели около Атара.

Во вторник мы прибыли в Мандравар. Кутлук Кадам и его отец, Даулат Кадам, приготовили в крепости угощение. Хотя место было неуютное, но мы выпили им в угоду несколько кубков. К послеполуденной молитве мы возвратились в лагерь.

В среду мы отправились на прогулку к источнику Киндгара; Киндгар — это деревня, относящаяся к Мандраварскому туману. Во всем Ламганате только в этой деревне есть финики. Деревня стоит выше
251*a* подножия горы; || пальмовые рощи находятся от нее к востоку; ручей протекает на краю пальмовой рощи, несколько в стороне. В пяти или десяти кари ниже истока ручья навалили камней и устроили прикрытие для купанья; воду подняли на такую высоту, что она падает на голову купающегося.

Вода в этом ручье очень мягкая. В зимние дни она сначала кажется человеку холодной, но потом, когда постоишь в ней подольше, становиться очень приятной.

В четверг Шир Хан Таркалани предложил нам остановиться в своем доме и устроил угощение. К полуденной молитве мы выехали от него и ловили рыбу в искусственных рыбных садках; устройство этих садков было описано выше.

В пятницу мы остановились близ деревни Ходжи Мир Мирана. В час вечерней молитвы состоялась пирушка.

В субботу мы охотились на горе между Алишенгом и Алангаром. Люди из Алишенга, с одной стороны, и жители Алангара—с другой, устроили облаву и загоняли в круг оленей с горы. Мы поймали много оленей.

Вернувшись с охоты, мы расположились в саду князьков Алангара и устроили пирушку. [Недавно] один передний зуб у меня наполовину сломался, а половина осталась. В тот день во время еды оставшаяся половина тоже сломалась.

Утром мы выехали и закинули сеть для ловли рыбы. В полдень мы отправились в Алишенг и пили в саду.

На следующее утро я отдал Хамза хана, князька Алишенга, который совершил дурные дела и несправедливо проливал кровь, его кровным врагам, и те подвергли его казни.

251*б* Во вторник ||, прочитав несколько молитв, мы направились обратно в Кабул через Янбулак. В час послеполуденной молитвы мы перешли [реку] Алгану и к вечерней молитве прибыли в Карату. [Там] мы покормили коней, наскоро приготовили себе поесть и выехали, как только кони доели ячмень.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО

В пятницу, в первый день месяца сафара девятьсот тридцать второго года, когда солнце было в созвездии Стрельца, я выступил в поход на Хиндустан. Миновав возвышенность Як-Ланга, мы остановились на поляне к западу от реки Дех-и Якуб. На этой стоянке [к нам] явился Абд ал-Малук курчи; семь-восемь месяцев назад он отправился послом к Султан Са'ид хану и теперь возвратился в сопровождении человека, которого звали Янги бек Кукельташ. Тот привез письма от [обоих] Ханум и от Хана и незначительные дары и подарки.

Пробыв два дня на этой стоянке для снаряжения войска, мы выступили оттуда и, раз переночевав, остановились в Бадам-Чашме. Там мы ели ма'джун.

В среду, когда мы спешились у Барик-Аба, один из братьев Нур

бека, оставшегося в Хиндустане, доставил на двадцать тысяч шахрохи золота, ашрафи и тенег, которые Ходжа Хусейн диван прислал из лагорских доходов. Большую часть этих денег я послал через одного из балхских вельмож, Муллу Ахмеда, для устройства дел в Балхе.

В пятницу, восьмого числа, когда мы стали лагерем в Гандамаке,
252а у меня сделался сильный насморк ||. Слава Аллаху, он легко прошел.

В субботу мы остановились в саду Баг-и Вафа. В Баг-и Вафа мы задержались на несколько дней, ожидая прибытия Хумаюн мирзы и тамошнего войска. В этой летописи уже неоднократно упоминалось о пределах и границах сада Баг-и Вафа, его приятности и достоинствах. Это очень приятный сад; всякий, кто взглянет на него глазами покупателя, [сразу] поймет, что это за место.

За несколько дней, что мы пробыли в этом саду, мы в дни, когда пьют, много пили и опохмелялись, а в те дни, когда не пьют, ели на пирушках ма'джун. Так как Хумаюн очень опаздывал к назначенному сроку, я послал ему строгие письма с суровыми словами. В воскресенье, семнадцатого сафара, когда мы совершали утреннюю выпивку, [вдруг] явился Хумаюн; за поздний приезд я сказал ему несколько резких слов. В этот же день прибыл из Газни Ходжа-и Калан. Тотчас же, вечером в понедельник, мы выступили в поход и остановились в новом саду, разбитом между Султанпуром и Ходжа-Рустамом.

В среду мы выступили оттуда. Я сел на плот и плыл до Куш-и Гумбаза, попивая вино. В Куш-и Гумбазе мы сошли с плота и вернулись в лагерь.

На следующий день я тоже, отправив войско, сел на плот и ел ма'джун. Обычным местом стоянки был Кирк-Арык. Приблизившись к
252б Кирк-Арыку, мы, сколько ни смотрели, не заметили ни следа || лагеря; коней тоже не было видно. Я подумал: «Гарм-Чашме близко, может быть лагерь разбили в Гарм-Чашме». Мы поехали дальше и, когда прибыли в Гарм-Чашме, время было уже позднее. В Гарм-Чашме мы тоже не стояли и плыли всю ночь. В одном месте мы оставили плот и немного поспали. Перед рассветом мы вышли в Яда-Бире; когда занялся день, начали появляться наши воины. Лагерь, оказывается разбили в окрестностях Кирк-Арыка, но мы его не заметили.

На плоту было много людей, сочинявших стихи, как например, Шейх Абу-л-Ваджид, Шейх Зайн, Мулла Али Джан, Турди бек Хаксар; был и еще кое-кто. На пирушке нам вспомнился такой стих Мухаммед Салиха:

Что делать человеку с такой кокетливой возлюбленной?* ,
Там, где находишься ты, на что человеку другая?».

Мы сказали: «Сочините что-нибудь в том же роде!». Люди, одаренные способностью к стихотворству, начали говорить, стихи. Так как мы

часто издевались над Мулла Али Джаном, то я в виде шутки сказал такой стих:

Что делать человеку с таким дурнем, как ты.*
На что человеку глупая ослица?».

Раньше я все, что мне только ни приходило в голову — хорошее, дурное, веселое и забавное, иногда в виде шутки, выражал в стихах, и все стихи, даже скверные и грубые, записывал. В дни, когда я сочинял «М у б а й и н», в мой слабый ум пришла такая мысль и в скорбное сердце запала такая [дума]: || 253*а*

Жаль, что с языка сходят столь [благородные] речения, а мысли
тратят на скверные слова;*
Печально, что в сердце, где возникают [возвышенные] помыслы,
проходят столь грубые образы.

С той поры я бросил и закаялся сочинять шуточные и насмешливые стихи, но в то время, когда я сказал вышеупомянутый стих, ничего подобного не приходило мне в голову и такая мысль совершенно не возникала в сердце.

День или два спустя, когда мы стояли в Бикраме, я простудился и стал лихорадить. Простуда вызвала кашель; при каждом покашливании я плевал кровью. Я понял, откуда это предупреждение и от каких дел произошло это расстройство. «Кто преступил клятву, тот сделал это во вред самому себе, а кто выполнил обет, данный Аллаху, тому дарует он награду великую».

«Что делать мне с тобой, о язык мой,*
Из-за тебя в груди у меня — кровь.
Все, что ни говоришь ты в шутку — *
Либо непристойность, либо ложь.
Если скажешь: «Не хочу я гореть за этот грех».
То уведи коня с этой площади.
Владыка наш, нанесли мы сами себе обиду, и если*
Не простишь ты нас и не пожалеешь, будем мы в числе понесших
убыток.

И я снова начал просить [у бога] прощения и извинения и, дав сердцу отдых от таких суетных мыслей и столь неподобающих дел, сломал свой калам.

Подобные напоминания из вышних чертогов непокорным рабам — великая радость; счастье тому рабу, который опамятуется вследствие таких внушений.

Вечером мы выступили в поход и остановились в Али-Масджиде. На этой стоянке || было тесно, и я, как всегда, вновь поставил [шатер] 253*б* на одном из холмов, а все войско расположилось в низине; холм, на котором я стоял, господствовал над всем лагерем. Ночью лагерные

костры горели удивительно красиво. Останавливаясь в этом месте, мы каждый раз по этой причине обязательно пили; и теперь, остановившись там, тоже выпили.

[На следующий день] еще до рассвета я съел ма'джун и выехал; в тот день мы держали пост. Поблизости от Бикрама мы остановились. На другое утро мы [решили] задержаться в этом месте и поехали поохотиться на носорогов. Перейдя [реку] Сиях-Аб, протекающую перед Бикрамом, мы построились в круг и двинулись по течению. Когда мы прошли некоторое расстояние, нас догнал какой-то человек и сказал: «В небольшой лесок, неподалеку от Бикрама, зашел носорог. Воины окружили этот лесок и стоят там». Мы во весь опор помчались к лесу. Когда люди, окружавшие лесок, подняли шум, носорог выскочил и побежал в степь. Хумаюн и люди, которые пришли с той стороны, никогда не видели носорога; теперь все вдоволь нагляделись на него. Носорога гнали около куруха и выпустили в него много стрел; [в конце концов], его свалили. Этот носорог ни разу не бросился как следует на человека или на лошадь. Потом убили еще двух носорогов.

Мне постоянно приходила мысль: «Что, если свести слона с носорогом? Как они будут себя держать?». Теперь, как раз когда погонщики
254*a* привели слонов, [из чащи] выбежал носорог и стал напротив них. || Погонщики погнали слона вперед, но носорог не побежал им навстречу и бросился в другую сторону.

В тот день, когда мы остановились в Бикраме, я призвал некоторых беков и приближенных вместе с писцами и казначеями и, назначив шесть или семь надсмотрщиков, послал их к лодкам у переправы Нил-Аба, чтобы поименно переписать и сосчитать воинов.

Вечером я простудился и меня лихарадило. Простуда вызвала кашель, при кашле я плевал кровью. Я очень испугался, [но], слава Аллаху, через два-три дня все прошло.

Выступив из Бикрама при [сильном] дожде, мы остановились на берегу реки Кабула. Из Хиндустана пришли вести, что Даулат хан и Гази хан, собрав двадцать или тридцать тысяч войска, взяли Киланур и намереваются идти на Лахор. Я поспешно отправил [к ним] Му'мин Али таваджи с извещением, что мы идем быстрым ходом и что пока мы не явимся, не следует начинать сражения.

Через две ночевки, в четверг, двадцать восьмого числа того же месяца мы остановились на берегу реки Синда. В субботу, в первый день месяца раби' первого, мы переправились через реку Синд, перешли реку Каче-Кут и остановились на берегу.

Беки и казначеи, посланные к лодкам, доложили о численности людей, пришедших в войско. Больших и малых, хороших и плохих, нукеров и не нукеров было переписано двенадцать тысяч человек.

В этом году в долинах выпало мало дождей; в местностях, расположенных на склонах гор, || дожди были хорошие. 254*б*

Для пополнения съестных припасов мы направились по склонам гор через Сиалкот. Достигнув владений Хати Каккара, у реки, мы повсюду видели много стоячей воды; эта вода вся покрылась льдом, и лед был очень толстый. В хиндустанских землях такой лед редкость; мы видели его [только] в этом месте. За все время, что я пробыл в Хиндустане, я не видел больше ни следов, ни признаков снега и льда.

Совершив пять переходов от Синда, мы после шестого перехода пришли к подножию горы Балинат-Джуги, примыкающей к горе Джуд, и остановились на стоянке Бакиали, у реки. Следующий день мы провели на этой стоянке, чтобы воины могли набрать припасов. В этот день мы пили арак; Мулла Мухаммед Паргари рассказывал множество разных историй и даже черезчур разболтался. Мулла Шамс тоже был докучливый рассказчик; начав какую-нибудь историю, он до самого вечера не мог ее кончить.

Рабы, слуги и всякие люди, плохие и хорошие, которые уехали за съестными припасами, миновав поля, бестолково и бессмысленно бродили по зарослям и горам, кручам и труднопроходимым местам и потеряли нескольких воинов; Кичкина Тункетар погиб при этой поездке.

Выступив оттуда, мы перешли вброд реку Бихат, ниже Джилама, и стали лагерем. Вали Кизил, владетель уделов Бимруки и Акриада, оставленный для подкрепления в Сиалкоте, прибыл и повидался со мной на этой стоянке. Я упрекал и укорял его за то, что он не [остался] охранять Сиалкот || и Вали Кизил доложил: «Я отправился в свой удел; 255*а* Хусрау Кукельташ, уходя из Сиалкота, даже не уведомил меня».

Оправдания Вали Кизила были приняты, и я сказал: «Если вы не остались, чтобы охранять Сиалкот, то почему вы не пошли в Лахор и не присоединились к бекам?». Вали Кизил смутился, но так как война была близко, я не обратил внимания на его проступок.

С этой стоянки я послал Сейид Туфана и Сейид Лачина с запасными конями к лахорским бекам, [приказывая]: «Не начинайте боя и соединитесь с нами в Сиалкоте или в Парсруре». Все говорили: «Гази хан собрал тридцать-сорок тысяч человек, и Даулат хан, хоть он и старик, подвязал к поясу две сабли. Они наверное начнут воевать». Я подумал: «Есть поговорка: «Десять [друзей] лучше, чем девять». Чтобы дело не ушло из рук, пусть лахорцы присоединятся к нам и будем воевать».

Я послал к [лахорским] бекам человека и, сделав один [переход] с ночевкой, разбил лагерь на берегу реки Чин-Аб.

Свернув с дороги мы проехали в Бахлулпур, это было государево владение. Крепость Бухлулпура стоит на берегу Чин-Аба, на высоком

яру. Это место мне очень понравилось, и я задумал перевести туда [жителей] Сиалкота. Если пожелает Аллах, когда будет время, я их переселю.

255б Из Бухлулпура мы вернулись в лагерь на лодке. || Состоялась пирушка. Некоторые пили арак, иные — бузу, а другие ели ма'джун.

Из лодки мы вышли позже молитвы перед сном и в шатре тоже немного выпили. Из-за лошадей мы провели один день на берегу реки и дали коням передохнуть. В пятницу, четырнадцатого числа того же месяца, мы стали лагерем в Сиалкоте.

Всякий раз, как мы ходили в Хиндустан, Джаты и Гуджары в несметном, бесчисленном множестве приходили с гор и равнин угонять быков и буйволов. Эти несчастные творили всевозможные бесчинства и злодейства. Раньше это были чужие земли и мы не особенно прижимали и притесняли их, но теперь, когда все эти области стали нашими, [их обитатели снова] принялись за прежние дела. У Сиалкота они вдруг с криками напали на голых, раздетых, бедных, несчастных людей, которые направлялись в лагерь, и ограбили их. Бесчинствующих усмирили, и я велел разрубить двоих или троих из них на куски.

Из Сиалкота я послал Шахим-и Нур бека к лахорским бекам [с приказанием] точно выяснить, где находится враг, узнать от сведущих людей, в каком месте они могли бы с нами столкнуться, и сообщить нам.

На этой стоянке в лагерь явился один купец и доложил, что Султан Ибрахим хан разбил Алам хана. Подробности этого таковы: Алам хан, получив разрешение удалиться, выступил в столь жаркую погоду, не обращая внимания на своих спутников, и, совершая по два перехода разом, пришел в Лахор. В то самое время, когда я отпустил Алам
256а хана, все узбекские || ханы и султаны пришли и осадили Балх. Отослав Алам хана в Хиндустан, мы сами пошли на Балх. Придя в Лахор, [Алам хан] принялся убеждать хиндустанских беков: «Государь сказал, чтобы вы были мне помощниками. Идемте вместе. Мы возьмем с собой Гази хана и пойдем на Дели и Агру». Беки сказали: «С каким доверием можем мы примкнуть к Гази хану? Приказ нам был таков: «Если Гази хан отправит своего младшего брата Хаджи хана с сыном ко двору или пошлет их в Лахор в качестве заложников, тогда присоединяйтесь к нему, а если нет — не делайте этого». Вы сами только недавно сразились с Гази ханом и дали себя разбить; с каким же доверием можете вы примкнуть к нему? Вам тоже не следует с ним соединяться».

Как ни удерживали беки Алам хана, говоря такие слова, это не помогло. Алам хан послал своего сына Шир хана к Даулат хану и Гази хану; тот сговорился с ними и [все] они повидались. Дилавар хан, не-

которое время пребывавший в оковах, два-три месяца назад бежал из плена и прибыл в Лахор; его они тоже взяли с собой. Махмуд хан, сын Хан Джехана, которому был пожалован удел в области Лахор, также присоединился к ним. Видимо, они сговорились на том, что Даулат хан и Гази хан возьмут всех беков, оставленных в Хиндустане, и вообще всю эту часть страны; Дилавар хан и Хаджи хан должны были присоединиться к Алам хану || и взять себе область Дели и Агры. Исмаил 256*б*
Джилвани и еще некоторые эмиры пришли и повидали Алам хана, после чего [все они], не задерживаясь. спешными переходами двинулись к Дихли. Когда они достигли Индри, Сулейман Шейхзаде тоже пришел и повидал Алам хана. Общее количество их войска составляло тридцать-сорок тысяч человек. Подойдя к Дихли, они осадили город, но не могли начать бой или причинить ущерб гарнизону крепости.

Султан Ибрахим, проведав, что все эти люди соединились, повел на них войско. При его приближении [союзники], также узнав об этом, ушли из-под крепости и двинулись навстречу Султан Ибрахиму. Они договорились так: «Если мы будем сражаться днем, афганцы, стыдясь один другого, не побегут; если же мы нападем на них ночью, то в ночной темноте человек человека не видит, и всякий будет поступать по своему усмотрению».

Итак, [союзники], будучи в шести курухах от неприятеля, решили учинить ночное нападение. Два раза они садились на лошадей при заходе солнца и простаивали верхом на конях до второго или третьего паса, не будучи в состоянии сговориться, отступать ли им назад или идти вперед. В третий раз они учинили нападение, когда ночи оставалось всего три часа; целью нападения было поджечь шатры и палатки.

Подскакав к палаткам, они разом подожгли их и подняли крики; Джалал хан Джигхат и еще некоторые эмиры явились и повидали Алам хана. Султан Ибрахим с несколькими приближенными не двинулся из своей царской палатки до рассвета. Люди Алам хана занялись грабежом и хищениями ||. Воины Ибрахим Султана увидели, что 257*а*
людей у врагов очень мало; они двинулись с небольшим отрядом, в котором был [всего] один слон, и устремились на врагов. Когда слон помчался вперед, [их противники] не выдержали и побежали. Алам хан, убегая, перешел против Миан-Ду-Аба на ту сторону реки, потом в окрестностях Панипата снова переправился на другую сторону. Достигнув Индри, он каким-то способом добыл у Миан Сулеймана три или четыре лака [денег]. Исмаил Джилвани и старший сын Алам хана, Джалал хан, отделившись от остальных, потянулись в сторону Миан-Ду-Аба. Некоторые воины, призванные Алам ханом, например, Сайф хан, сын Дариа хана, Махмуд хан, [сын] Хан Джахана, Шейх Джамал Фармули и еще кое-кто, перед самой битвой бежали и ушли к Ибрахиму. Алам хан,

Дилавар хан и Хаджи хан, миновав Сихринд, узнали, что мы взяли Милват. [Тогда] Дилавар хан, который всегда был ко мне доброжелателен и провел из-за меня три или четыре месяца в оковах, покинул [Алам хана] и, пройдя через Султанпур и Кучи, явился ко мне в окрестностях Милвата спустя три-четыре дня после взятия этой крепости и изъявил готовность мне служить. Алам хан и Хаджи хан, перейдя реку Шатлут, достигли укрепленной крепости Гингута в горах между дуном и степью и вступили туда. Наши разведчики, афганцы и хазарейцы, || подошли, осадили [Гингута] и уже почти взяли эту сильную 257б крепость. Тут наступила ночь и [осажденные] задумали сделать вылазку, но их лошади сбились в кучу в воротах, и они не могли выйти.

В войске [осажденных] были слоны; слонов пустили вперед, и они растоптали и убили много лошадей. Не имея возможности выехать [из крепости] на лошадях, [осажденные] с сотней тысяч затруднений выбрались в ночной тьме пешком и присоединились к Гази хану, который не мог проникнуть в Милват и бежал в горы. Гази хан не проявлял к ним даже простого дружелюбия; Алам хан по необходимости явился ко мне ниже дуна в окрестностях Пахлура и выразил готовность мне служить.

Когда я был в Сиалкоте, от лахорцев пришел человек и [сообщил], что завтра они все явятся и выразят мне покорность.

На следующее утро мы выступили в поход и остановились в Парсруре. Мухаммед Али Дженг-Дженг, Ходжа Хусейн и еще некоторые йигиты пришли туда и состояли при мне. Лагерь врага, видимо, находился на лахорской стороне реки Рави. Мы послали людей во главе с Бучка за новостями. На исходе третьего пахра они привезли известие, что враги, проведав о нашем приходе, беспорядочно, без оглядки бегут.

Наутро мы выступили, покинув обоз и лагерь. В лагере мы оставили Мир Шах Хусейна и Джан бека, а сами быстро двинулись вперед. Между двумя молитвами мы пришли в Каланур и остановились там. Мухаммед Султан Мирза, Адил султан и другие беки явились на 258а эту стоянку || и остались при мне.

Из Каланура мы вышли утром; по дороге нас уведомили, что Гази хан с беглецами находится поблизости; мы послали им вслед отряд во главе с Мухаммади, Ахмади, Кутлук Кадамом, Вали Хазин [ачи] и другими беками, которые недавно в Кабуле были возведены в бекское достоинство. Мы приняли такое решение: если беглецов удастся нагнать — хорошо, а если настигнуть их не удастся, то нужно как следует охранять подступы к крепости Милват, чтобы люди, находящиеся в крепости, не убежали. Целью этих мер предосторожности был [захват] Гази хана.

Послав беков вперед, мы перешли реку Биах напротив Канвахина, и остановились. По выступлении оттуда мы совершили два перехода и стали лагерем в устье долины, где стоит крепость Милват. Бекам, пришедшим раньше, и хиндустанским бекам было приказано тесно обложить крепость. Внук Даулат хана, Исмаил хан, сын его старшего сына Али хана, явился ко мне на этой стоянке и был послан [обратно] в крепость с обещаниями, угрозами, уговорами и устрашениями.

В пятницу, отправив обоз вперед, мы остановились в полукурухе от крепости. Я выехал сам и обозрел крепость; назначив, где стоять правому крылу, левому крылу и центру, я отправился назад и вернулся в лагерь.

Даулат хан прислал человека и сообщил ||, что Гази хан бежал и 258*б*
ушел в горы. «Если вы отпустите мне вину,— говорил он,— то я приду вам служить и сдам крепость».

Я послал к Даулат хану Ходжа Мир Мирана, который изгнал опасения из сердца Даулат хана и привел его. Даулат хан пришел вместе со своим сыном Али ханом; я приказал повесить ему на шею те две сабли, которые он повязал вокруг пояса, чтобы сражаться с нами. Это был столь неотесанный и тупой человек, что даже, когда дело зашло так далеко, продолжал придумывать всякие отговорки. Его вывели вперед, и я приказал снять ему сабли с шеи. Когда надо было поздороваться, он медлил преклонить колени; я велел потянуть его за ноги и поставить на колени силой. Потом я посадил Даулат хана перед собой и приказал одному человеку, который знал по-хиндустански: «[Переведи ему] одно за другим такие слова и пусть он их запомнит:

— Я называл тебя отцом и оказывал тебе почтение и уважение; я поступал с тобой лучше, чем ты мог ждать; тебя самого и твоих сыновей я избавил от необходимости просить милостыню у белуджей, я вызволил ваших женщин и домочадцев, которые были в плену у Ибрахима; я пожаловал тебе владения Татар хана, приносящие три крора дохода. Разве я поступил с тобой дурно, что ты повесил на грудь и на пояс два меча, повел войска на наши земли и поднял там смуту и мятеж?».

Этот ошалевший старик невнятно пробормотал несколько слов ||, 259*а*
но не мог ничего возразить; да и где ему было ответить на такие убедительные слова! Решили так: домочадцев и женщин Даулат хана оставить ему, а все остальное имущество, какое есть, отобрать. Даулат хану было приказано разбить лагерь возле [шатров] Ходжи Мир Мирана.

В субботу, двадцать второго числа месяца раби' первого, я сам вышел и [поставил свой шатер] на возвышенности, напротив ворот крепости Милват, чтобы домочадцы и женщины Даулат хана могли бе-

зопасно выйти из крепости. Али хан вышел и поднес в подарок несколько ашрафи. Около послеполуденной молитвы начали выходить домочадцы и женщины Даулат хана. Хотя утверждали, будто Гази хан покинул крепость и ушел, но некоторые люди говорили: «Мы видели его в крепости». Поэтому я поставил у ворот своих приближенных и телохранителей, которые должны были следить за каждым подозрительным человеком, чтобы Гази хан не обманул нашу бдительность и не ушел: ведь моей основной целью было [захватить] Гази хана. Если кто спрячет, с целью вынести, жемчуг и драгоценности, их тоже [было приказано] отбирать.

Я поставил шатер на пригорке перед воротами и провел там ночь. Утром Мухаммади, Ахмади, Султан Джунайд, Абд ал-Азиз, Мухаммед Али Дженг-Дженг, Кутлук Кадам и еще некоторые приближенные получили приказ войти в крепость и забрать находившуюся там казну
259*б* и имущество. Люди || подняли у ворот крепости большой шум. Для острастки я пустил несколько стрел и вдруг шальная стрела попала в чтеца Хумаюн мирзы, и тот тут же отдал [богу] душу.

Проведя две ночи на этой возвышенности, я в понедельник вступил в крепость и осмотрел ее. Я зашел в книгохранилище Гази хана. Там оказалось несколько ценных книг: некоторые из них я отдал Хумаюну, другие отослал Камрану. Научных сочинений было там немало, но стоящих книг нашлось не так много, как представлялось с первого взгляда.

После ночевки в крепости я утром вернулся в лагерь. Мы думали, что Гази хан в крепости, но этот малодушный трус бросил отца, старших и младших братьев, мать, старших и младших сестер в Милвате, а сам с несколькими приспешниками бежал в горы.

Не смотри на малодушного, ибо никогда*
Не увидит он лица счастья.
Избрал он для себя телесное довольство,*
А жену и сына оставил в беде.

В среду мы выступили с этой стоянки и направились в горы, куда бежал Гази хан. Пройдя курух пути от стоянки в ущелье Милвата, мы остановились в одной долине. Там явился ко мне Дилавар хан и остался при мне служить. Даулат хана, Али хана, Исмаил хана и еще нескольких знатных афганцев заковали в цепи и передали Китта [беку]
260*а* с приказом доставить их в крепость Милват ||, в Бхире, и держать там; остальных раздали поодиночке различным людям и, по соглашению с Дилавар ханом, назначили цену за их кровь, причем некоторых отдали на поруки, а других держали в оковах. Китта увел своих пленников, а Даулат хан, дойдя до Султанпура, умер.

Крепость Милват мы поручили Мухаммед Али Дженг-Дженгу, который со своей стороны оставил там своего брата Аргуна с отрядом йигитов, в крепость были также назначены в качестве подкрепления человек двести пятьдесят хазарейцев и афганцев.

Ходжа-и Калан нагрузил несколько верблюдов газнийским вином. Стоянка Ходжа-и Калана находилась на холме, господствующем над лагерем и крепостью. Там он устроил пирушку. Некоторые пили вино, другие пили арак; хорошая была пирушка!

Выступив оттуда, мы перешли небольшие разбросанные пригорки около Милвата и пришли в дун — на хиндустанском языке долина называется д у н. Один из [немногих] оросительных каналов Хиндустана протекает в этом дуне. По сторонам дуна много деревень; они являются парганой Джасвалей — дядьев по матери Дилавар хана. Дун — прекрасная долина; возле реки разбросаны лужайки; в некоторых местах сеют рис. В глубине дуна течет ручей, достаточный для трех-четырех мельниц. Ширина долины один или два куруха, а в некоторых местах || даже [три куруха]. Горы там маленькие, похожие на холмы; 260*б*
деревни раскинулись у подножия гор. Там, где нет деревень, водится много павлинов и обезьян. Кур, похожих на домашние, там тоже много; это совершенно такие же птицы, как куры, но только они большею частью одноцветные.

Так как о Гази хане нигде не было достоверных сведений, то мы приказали Тардике и Бирим Део Малинхасу любым способом захватить Гази хана, где бы он ни был.

Среди невысоких гор, окружающих этот дун, есть прекрасно укрепленные крепости. На северо-восточной окраине находится крепость, называемая Кутила. Она стоит на огромной отвесной скале в семьдесят или восемьдесят кари высотой. У ворот крепости ее высота — семь или восемь кари, в том месте, где спускают подъемный мост, ширина рва — десять-двенадцать кари. Мостом служат два длинных бревна; через них переводят лошадей и скот. Крепость Кутила — одно из укреплений Гази хана в этой горной стране; там, видимо, находились теперь его люди.

Достигнув этой крепости, наши застрельщики начали бой, к ночи они уже почти взяли ее, и осажденные, бросив эту прекрасную крепость, бежали.

Неподалеку от дуна есть еще одна сильная крепость—Гингута. Она тоже стоит над пропастью, но укреплена не так хорошо. Алам хан укрылся в крепости Гингута, как было упомянуто раньше ||. 261*а*

Послав отряд в погоню за Гази ханом, я поставил ногу в стремя решимости, взял в руки поводья упования на бога и пошел на Султан Ибрахима, сына Султан Бахлула Лоди, афганца. В то время столица

его находилась в Дихли и земли Хиндустана были ему подвластны; говорили, что он может выставить один лак войска, а слонов у него и у его беков насчитывали около тысячи. Сделав один переход, я пожаловал Дибальпур Баки шигаулу и отрядил его в помощь Балху. Для устройства дел в Балхе я послал много денег и отправил в подарок своим кабульским родичам и сыновьям часть вещей, доставшихся мне после взятия Милвата.

На первой или второй стоянке вниз по дуну Шах Имад Ширази доставил письма от Араиш хана и Муллы Мухаммед Музаххиба. После нескольких изъявлений доброжелательства они побуждали меня деятельно продолжать этот поход. Я отправил им с пешим гонцом милостивые грамоты и двинулся дальше.

Отряды, вышедшие из Милвата, заняли Харур, Кахлур и все окружающие горные крепости, к которым уже давно никто не подходил вследствие их неприступности, пограбили жителей и присоединились к нам. Алам хан тоже пришел, разбитый, голый и пеший. Мы послали ему навстречу нескольких беков и приближенных, а также выслали ло-
261*б* шадей. В тех местах || он явился и остался при мне.

Добытчики, посланные в окрестные горы и ущелья, после одной или двух ночевок вернулись; им не досталось ничего значительного. Мир Шах Хусейн, Джан бек и еще некоторые йигиты, испросив разрешение на набег, ушли.

Когда мы были в дуне, два или три раза приходили донесения от Исмаила Джилвани и Бибана. Я послал им туда же указы, соответствующие их желанию.

Выйдя из дуна, мы пришли в Рупар. Пока мы находились в Рупаре, шли сильные дожди и было довольно холодно; многие хиндустанцы, голые и голодные, тогда погибли.

Мы вышли из Рупара и остановились в Карале, напротив Сирхинда. Тут к нам явился один хиндустанец и заявил: «Я — посол от Султан Ибрахима». Хотя у него не было письма или грамоты, он просил нас отправить с ним кого-нибудь в качестве посла, мы дали ему в спутники одного нашего телохранителя по имени Савади. Не успели эти несчастные явиться к Ибрахиму, как тот велел заковать обоих в цепи. В тот день, когда мы разбили Ибрахима, Савади, освободившись, явился к нам.

Сделав одну ночевку, мы остановились на берегу потока, [орошающего] Банур и Санур. Это единственная в Хиндустане [обильно] текущая вода, кроме больших рек; называют ее водой Какара.

Мы поехали прогуляться вверх по реке. Она берет начало из родника в трех или четырех курухах выше Читра. Поднимаясь вверх по
262*а* реке, мы увидели небольшой ручеек на четыре или пять мельниц ||, из-

ливавшийся из широкого ущелья; это очень приятное место с прекрасным воздухом. Там, где ручеек вытекает из ущелья, я приказал разбить большой сад. Этот ручей, достигнув равнины, течет еще один или два куруха и впадает в реку Қакар; река Қакар берет начало из родника, на три-четыре куруха выше впадения упомянутого ручья. Во время дождей вода в ручье сильно прибывает; он сливается с рекой Қакар и вместе с нею течет к городам Самана и Санам.

На этой стоянке мы узнали, что Султан Ибрахим, стоявший по сю сторону от Дихли, выступил и двинулся вперед и что Хамид хан Хасан-Хайл, сборщик податей в Хисар-Фируза, с войском Хисар-Фируза и близлежащих мест выступил оттуда и тоже прошел пятнадцать курухов в нашу сторону. Мы послали Китта бека к лагерю Султан Ибрахима, чтобы узнать новости; Му'мин Атка был отправлен за новостями к Хисар-Фируза.

В воскресенье, тринадцатого числа месяца первой джумады, мы вышли из Амбалы и остановились на берегу одного озера; в тот же самый день Му'мин Атка и Китта бек вернулись к нам. Хумаюн и все начальники правого крыла, то есть Ходжа-и Қалан, Султан Мухаммед Дулдай, Вали Хазин [ачи], и некоторые беки, оставшиеся в Хиндустане — Хусрау бек, Хинду бек, Мухаммед Али Дженг-Дженг, а также воины, стоявшие в центре войска, приближенные и йигиты — Шах Мансур Барлас, Китта бек и Мухибб Али с отрядом воинов|| были назначены в поход против Хамид хана. Бибан явился к нам на той же стоянке и остался мне служить. 262б

Эти афганцы — очень грубые и неразумные люди. Хотя Дилавар хан и по количеству нукеров и по положению был выше Бибана, он не садился в моем присутствии; сыновья Алам хана — юноши царского рода— тоже не садились при мне, однако Бибан попросил разрешения сесть. Но кто же станет слушать такие глупости!

Утром, в понедельник четырнадцатого числа, Хумаюн мирза спешно выступил против Хамид хана. Он послал вперед сто или сто пятьдесят добрых йигитов; передовые, приблизившись к врагам, схватились с ними врукопашную. После двух-трех стычек сзади показалось войско Хумаюна. Враги тотчас же бежали; наши сбили с коней сто или двести человек, половине отрубили головы, остальных привели к Хумаюну. и с ними семь или восемь слонов.

Весть о победе Хумаюна доставил на эту же стоянку в пятницу, в полдень, Мирек Могол. Я тотчас же пожаловал Хумаюну платье со своего плеча и коня из своей личной конюшни; обещаны были также [и другие] награды.

В понедельник, двадцать пятого числа, Хумаюн с сотней пленных и семью или восемью слонами явился на ту же стоянку и выразил мне

263а почтение. Пленных передали Устад Али Кули, и его стрельцам;|| острастки ради приказано было всех их перестрелять из ружей. Это было первое выдающееся дело и первый поход Хумаюна; оно явилось прекрасным предзнаменованием на будущее.

Наши всадники, преследуя беглецов, дошли до крепости Хисар-Фируза и тотчас же захватили ее; разграбив Хисар-Фируза, они вернулись. Мы подарили Хумаюну крепость Хисар-Фируза с примыкающими и зависимыми областями, то есть владение [с доходом] в один крор, а также один крор деньгами.

Выступив с этой стоянки, мы пришли в Шах-Абад. Мы послали человека к лагерю Султан Ибрахима взять «языка» и потому задержались на этой стоянке. Рахмат-пехотинец был послан в Кабул с грамотами о победе.

На этой стоянке в пятницу, двадцать восьмого числа месяца первой джумады, солнце перешло в созвездие Овна.

Из лагеря Ибрахима непрерывно стали поступать сведения, что он проходит [зараз] по одному или по два куруха и остается на стоянке по два-три дня. Мы также двинулись вперед. Выйдя из Шах-Абада, мы сделали две ночевки и остановились на берегах реки Джун, напротив Серсава. Хайдар Кули, нукер Ходжи Калана, был послан взять «языка». Я перешел реку Джун у переправы и осмотрел Сирсава; в этот же день мы ели ма'джун.

В Сирсава есть источник, из источника изливается немного воды.
263б Это неплохое место. Тарди бек Хаксар хвалил его || и я сказал: «Пусть оно будет твое!». По этому случаю Тарди бек получил Сирсава. Я велел построить на лодке помост, и я иногда прогуливался на лодке, а иногда, совершал на ней целые переходы.

Выступив с этой стоянки, мы сделали берегом два перехода вниз по реке; тут Хайдар Кули, один из ушедших за «языком», доставил сведения, что Султан Ибрахим послал Дауд хана и Хатим хана с пятью или шестью тысячами человек в сторону Миан-Ду-Аба. Они разбили лагерь на три-четыре куруха ближе лагеря Ибрахима и стоят там.

В воскресенье, восемнадцатого числа месяца второй джумады, мы выслали вперед против этого отряда Чин Тимур султана, Адил султана и всех воинов левого крыла — Султан Джунайда, Шах Мир Хусейна и Кутлук Кадама, а из центра—Юнус Али, Абд-Аллаха, Ахмади и Китта бека. Во время полуденной молитвы они переправились в этом месте через реку и между полуденной и вечерней молитвой двинулись дальше по той стороне. Бибан, вследствие этого быстрого наступления, перешел реку и бежал.

Во время предрассветной молитвы наши воины подошли к врагам. Те кое-как построились, как будто решили выйти на бой, но едва наши

люди приблизились, они дрогнули и побежали. Наши сбрасывали их с коней до самого лагеря Ибрахима. Забрав Хатим хана, старшего брата и одного из военачальников Дауд хана, а также семьдесят-восемьдесят пленных и шесть-семь слонов, они явились ко мне. Острастки ради|| 264*а* большинство пленных было подвергнуто казни.

Выступив с этой стоянки, мы построили правое крыло, левое крыло и центр в боевом порядке и произвели смотр. Количество воинов оказалось меньше, чем мы предполагали.

На этой стоянке вышел приказ всем воинам доставить повозки — каждому в соответствии с его положением. Всего доставили семьсот повозок. Устаду Али Кули было приказано, по обычаю румов, связать повозки между собой вместо цепей ремнями из сыромятной бычачьей кожи; между каждой парой повозок ставят шесть-семь щитов; стрельцы становятся за повозки и щиты и стреляют из ружей.

Ради изготовления этих орудий мы пробыли на стоянке шесть или семь дней. Когда все приспособления и орудия были готовы, мы созвали всех беков, а также сведущих добрых йигитов и устроили общий совет. Мнения утвердились на следующем: Панипат — это [целый] город; домов там много и пригороды обширны; с одной стороны от нас будут пригороды и дома, а другие стороны надо укрепить повозками и щитами и поставить за повозками стрельцов и пехотинцев.

Приняв такое решение, мы снялись с лагеря и после двух переходов, в четверг, в последний день месяца второй джумады, пришли в Панипат.

С правой руки от нас оказался город и пригороды; перед нами стояли приготовленные повозки и щиты; на левой руке|| и в некоторых 264*б* других местах устроили рвы и изгороди; с промежутками в [ружейный] выстрел были оставлены открытые места, где могли развернуться сто-сто пятьдесят всадников. Некоторые воины очень боялись и волновались, хотя для страха и волнения не было причин: кроме того, что от века предопределил господь, ничего не могло случиться. Однако и упрекать этих людей тоже не за что — они имели право тревожиться. Ведь они прошли два или три месяца пути от родины, им приходилось иметь дело с чужим народом. Ни мы не знали их языка, ни они не понимали нашего.

Одно войско в тревоге и другое — в тревоге;*
Одни люди в плену [страха] и другие. Чудеса!

Наличное войско врага исчисляли в один лак; слонов у Султан Ибрахима и его эмиров насчитывалось, как говорили, около тысячи; казна, оставшаяся от отца и деда, была вся в его руках звонкою монетой.

В Хиндустане есть такой обычай: когда происходят подобные дела, правители нанимают нукеров за деньги на срок; таких наемников называют «бадхинди». Говорят, что если бы Султан Ибрахим возымел такую мысль, он бы мог нанять еще один или два лака воинов. Бог всевышний помог нам: Султан Ибрахим не сумел удовлетворить своих воинов и не согласился раздать свою казну. Да и как мог бы он удовлетворить воинов, когда в естестве его преобладала скупость и он стремился копить деньги без предела?

Султан Ибрахим был неопытный юнец: ни при переходах его не
265*а* было порядка||, ни на стоянках; ни в походах не видно было рвения, ни в битвах.

В то время, когда мы, находясь в Панипате, устраивали вокруг войска укрепления из повозок, ветвей и рвов, Дервиш Мухаммед Сарбан сказал: «При таких предосторожностях как может он пойти против нас?» Я ответил: «Ты что, сравниваешь их с узбекскими ханами и султанами? В тот год, когда мы ушли из Самарканда и пришли в Хисар, все узбекские ханы и султаны собрались, сговорились и пошли на нас через Дарбанд. Мы приказали вывезти в пригороды все имущество и домочадцев воинов и моголов и заперли пригороды и улицы. Так как эти ханы и султаны знали толк в боевом деле и понимали, когда идти, а когда стоять, они увидели, что мы хорошо укрепили Хисар и будем драться не на живот, а на смерть. Не сочтя разумным идти на Хисар, они отступили через Навандак в окрестности Чаганиана. Не сравнивай с ними наших нынешних врагов — откуда им знать толк в военном деле и в боевом снаряжении?».

Бог помог нам, и все случилось именно так, как я говорил. За семь или восемь дней, что мы пробыли в Панипате, небольшие отряды наших людей, приближаясь к лагерю неприятеля, пускали стрелы в многочисленных врагов и приносили их отрубленные головы. Враги не сделали
265*б* ни движения, ни вылазки.||

Следуя совету некоторых доброжелателей из хиндустанских беков, я поставил Мухаммед Махди ходжу, Мухаммед Султан мирзу, Адил султана, Хусрау шаха, Мир Хусейна, Султан Джунайд Барласа, Абд ал-Азиз мирахура, Мухаммед Али Дженг-Дженга, Кутлук Кадама, Бали Хазина [чи], Мухибб Али-и Халифу, Мухаммеда Бахши, Джан бека и Кара Кузи во главе четырех или пяти тысяч человек и послал их в ночной набег. Вследствие наступления ночи, они не могли как следует сговориться и пошли вразброд, так что им ничего не удалось сделать. Когда занялась заря, наши люди до света простояли близ неприятельского лагеря; враги ударили в барабаны, построились, выставив вперед слонов, и вышли; хотя наши не могли ничего против них сделать, они

все же вступили в бой со столь многочисленным войском и ушли целые и невредимые, не потеряв ни одного человека.

Мухаммед Али Дженг-Дженгу попала в ногу стрела. Хотя рана и не была смертельной, но в день битвы он не годился в дело. Получив весть об этом, я выслал Хумаюна с отрядом на курух или полтора вперед навстречу неприятелю, а сам построил оставшееся войско и тоже вышел.

Воины, ушедшие ночью в набег, присоединились к Хумаюну. Так как люди неприятеля не двигались вперед, то мы тоже отошли и остановились.

В эту ночь в лагере поднялась ложная тревога; около одного гари стоял крик и шум. Люди, не видавшие раньше подобной тревоги, очень взволновались и испугались. Через некоторое время|| волнение улег- 266*а*
лось.

В пятницу, восьмого раджаба, во время предрассветной молитвы от дозорных пришли сведения, что враги построились и идут. Мы надели доспехи, вооружились и тоже сели на коней. На правом крыле стояли: Хумаюн, Ходжа-и Калан, Султан Мухаммед Дулдай, Хинду бек, Вали Хазин [ачи] и Пир Кули Систани, на левом — Мухаммед Султан мирза, Махди Ходжа, Адил султан, Шах Мир Хусейн, Султан Джунейд Барлас, Кутлук Кадам, Джан бек, Мухаммед Бахши, Шах Хусейн Яраки и Могол Ганчи, в центре, по правую руку, стояли Чин Тимур Султан, Сулейман мирза, Мухаммади Кукельташ, Шах Мансур Барлас, Юнус Али, Дервиш Мухаммед Сарбан и Абдаллах Китабдар, по левую руку — Халифа, Ходжа Мир Миран, Ахмеди Парваначи, Тарди бек, Куч бек, Мухибб Али-и Халифа и Мирза бек тархан; во главе авангарда находились Хусрау Кукельташ и Мухаммед Али Дженг-Дженг; Абд ал-Азиза мирахура мы поставили во главе вспомогательного отряда. На краю левого фланга мы поместили для обходного движения Вали Кизила и Малик Касима, [брата] Баба Кашка с его моголами; на краю правого фланга были поставлены Кара Кузи, Абу Мухаммед Найза баз, Шейх Али, [сын] Шейх Джемал Барина, Хинди и Тенгри Кули Пишаги Могол — тоже для обхода с фланга. Эти два отряда должны были при приближении врагов обойти их справа и слева и зайти им в тыл.|| 266*б*

Когда стала видна чернота неприятельского войска, большая часть его шла на [наше] правое крыло, поэтому Абд ал-Азиз, поставленный во главе вспомогательного отряда, был послан в подкрепление правому крылу. Войска Султан Ибрахима, показавшись издали, не медля шли прямо на нас. Завидев наши войска и убедившись, что они стоят в боевом строю и порядке, враги замялись, словно раздумывая: «Стоять — не стоять, идти — не идти?» и не могли ни остановиться, ни идти без задержки вперед, как раньше. Войскам, назначенным для обхода, был

дан приказ зайти врагам в тыл, справа и слева, пускать стрелы и завязать бой; правый и левый край тоже должны были двинуться и вступить в соприкосновение с врагом.

Обходные отряды зашли врагам в тыл и начали пускать стрелы. Махди Ходжа на левом краю завязал бой раньше всех. Против Махди Ходжи двинулся отряд [во главе] с одним слоном.

Люди Махди Ходжи выпустили много стрел и заставили этот отряд отступить. На помощь левому краю были посланы из центра Ахмади парваначи, Тарди бек, [сын] Куч бека и Мухибб Али, [сын] Халифы.

На правом краю тоже начался бой; Мухаммади Кукельташ, Шах Мансур Барлас, Юнус Али и Абд Аллах получили приказ построиться перед центром и начать сражение. Устад Али Кули несколько раз метко выстрелил из пушки, стоявшей перед центром. Мустафа Топчи тоже
267*а* здорово выпалил два раза‖ из орудия, установленного на повозке на левом краю центра.

Правый отряд, левый отряд, центральный отряд и бойцы, зашедшие в тыл противнику, окружили врагов со всех сторон, засыпали их градом стрел и начали биться не на шутку. Враги раз или два производили на правый и левый фланг краткие нападения; наши люди, стреляя из луков, осыпали их тучей стрел и снова прижимали к центру. Войска правого края и левого края неприятеля все столпились в одном месте и до того скучились, что не могли двинуться вперед или найти путь назад.

Призыв к бою последовал, когда солнце поднялось на высоту копья; битва продолжалась до полудня. В полдень враги были побеждены и подавлены, а друзья радовались и ликовали. Великий господь, по своей милости и благоволению, сделал легким для нас это трудное дело: столь многочисленное войско он в полдня сравнял с землей. Возле Ибрахима, в одном лишь месте, было убито пять или шесть тысяч человек; число павших в других местах мы приблизительно определили в пятнадцать-шестнадцать тысяч. Потом, когда мы прибыли в Агру, то из рассказов жителей Хиндустана стало известно, что в этой битве было убито сорок-пятьдесят тысяч человек.

Разгромив врагов, мы преследовали их, сбрасывая с коней. Воины приводили сбитых [с лошадей] эмиров и молодцов; погонщики табунами пригоняли слонов, предлагая их в подарок.

267*б* Неприятеля преследовали по пятам.‖ Думая, что Ибрахим ушел, мы послали за ним вдогонку несколько воинов из особого отряда во главе с Касамтай мирзой, Баба Чухра и Бучка с приказанием быстрым ходом дойти до самой Агры и попытаться захватить Ибрахима.

Мы прошли по лагерю Ибрахима, осмотрели его шатры и палатки и расположились станом на берегах какой-то речки. Было время полу-

денной молитвы, когда Тахир Тибри, младший шурин Халифы, узнал среди множества других трупов труп Султан Ибрахима и принес его голову.

В тот же день мы повелели Хумаюн мирзе, Ходжа-и Калану, Мухаммади, Шах Мансур Барласу, Юнус Али, Абд Аллаху и Вали Хазин [ачи] быстро, налегке, направиться в Агру, занять город и завладеть казной. Махди ходжа, Мухаммед Султан мирза, Адил султан, Султан Джунейд Барлас и Кутлук Кадам получили приказание отделиться от обоза и ускоренным ходом вступить в крепость Дихли, чтобы захватить сокровищницы этого города.

На следующее утро мы снялись с лагеря и, пройдя один курух, остановились из-за коней на берегу Джуна. После двух ночевок мы в среду совершили обход вокруг мазара Шейх-Низам-Аулия и стали лагерем на берегу Джуна, напротив Дихли. В этот вечер мы осмотрели крепость Дихли и провели там ночь; утром, в четверг, мы совершили обход вокруг мазара Ходжа Кутб ад-дина, осмотрели могилу и постройки Султан Гияс ад-дин Балбана, Султана Ала ад-дин Хилджи || и ми- 268*а*
нарет последнего, а также Хауз-и Шамс, царский хауз, могилы и сады Султана Бахлула и Султана Искандера, и вернулись в лагерь. Сев в лодку, мы пили арак. Я пожаловал Вали Кизилу должность сборщика налогов в Дихли, назначил Дуста диваном области Дихли и, приказав запечатать тамошние казнохранилища, возложил ответственность за них на этих людей.

В четверг мы снялись с лагеря и остановились напротив Туглук-Абада, на берегу Джуна; день пятницы мы провели на этой стоянке. Маулана Махмуд, шейх Зейн ад-дин и еще некоторые лица отправились в Дихли и совершили соборную молитву, упомянув в хутбе мое имя. Они раздали бедным и убогим немного денег и вернулись в ставку.

В субботу мы снялись с лагеря и переход за переходом направились к Агре. Я выехал посмотреть Туглук-Абад и вернулся в лагерь.

В пятницу, двадцать второго раджаба, мы остановились в пригородах Агры, в доме Сулеймана Фармули. Так как эта стоянка находилась очень далеко от крепости, то мы на следующее утро вышли оттуда и поместились в доме Джалал хан Джикхата. Хумаюна, который выехал вперед, люди, находившиеся в крепости, не допустили туда, приводя всякие отговорки и прибегая к хитростям. Зная самовольство этих людей и опасаясь, чтобы они не запустили руку в казну, Хумаюн занял выходящие из Агры дороги и стоял там до нашего прибытия.

Бикрамаджит индус был раджей Гвалиара; более ста лет его предки || властвовали в этой земле. Искандер несколько лет просидел в Агре, 268*б*
имея намерение захватить Гвалиар; потом во времена Ибрахима А'зам Хумаюн Сарвани некоторое время ожесточенно дрался за Гвалиар и, в

конце концов, взял его мирно, отдав за это Шамсабад. Когда Ибрахима разбили, Бикрамаджит отправился в ад; его сыновья и домочадцы находились в Агре. По прибытии Хумаюна в Агру, домочадцы Бикрамаджита хотели бежать, но Хумаюн не дал им уйти. По собственной воле они поднесли Хумаюну много драгоценностей и самоцветных камней. В числе их был знаменитый алмаз, который якобы велел привезти Султан Ала ад-дин. Этот алмаз пользуется такой славой, что один оценщик определил его стоимость в два с половиной дневных расхода всего мира. Он наверное весит восемь мискалов. Когда я прибыл, Хумаюн поднес мне этот алмаз, а я снова подарил его Хумаюну.

В числе воинов и известных людей, находившихся в крепости, были Малик Дад Карани, а также Малик Сурук и Фируз хан Мисвати. Они учинили некоторые козни и были посланы на расправу. Когда Малик Дада Карани вывели вперед, некоторые попросили для него пощады. Пока люди ходили туда и обратно и договаривались, прошло четыре или пять дней. Согласно желанию этих людей я проявил к Малик Даду милость и благосклонность и объявил все его имущество свободным от взыскания. Мать Ибрахима и ее слуг удалили из Агры; им было назначено местожительство в одном курухе ниже по реке||. 269*а*

В четверг, двадцать восьмого раджаба, в час полуденной молитвы мы вступили в Агру и расположились в жилище Султан Ибрахима Лоди. С девятьсот десятого года, когда был покорен Кабул, и до этого времени я всегда мечтал завладеть Хиндустаном, но иногда этому препятствовало скудоумие беков, а иногда — отсутствие поддержки со стороны родичей, так что поход в Хиндустан и покорение земель этой страны не осуществлялось. Наконец, эти препятствия отпали; никто из беков и вельмож, малых или знатных, ни слова не мог сказать против моего намерения. В девятьсот двадцать пятом году мы повели войско, в два или три гари приступом взяли Баджаур, подвергли избиению всех его обитателей и пришли в Бхиру. Не отдавая города на поток и разграбление, мы обложили жителей выкупом за безопасность, собрали четыреста тысяч шахрухи деньгами и товарами, раздали добычу воинам и некоторым нукерам и возвратились в Кабул. С тех пор и до девятьсот тридцать второго года я усиленно стремился завоевать Хиндустан, и за семь или восемь лет пять раз водил туда войска. На пятый раз господь великий, по своей милости и великодушию, ослабил и поверг в ничтожество такого противника, как Султан Ибрахим, и подчинил нашей власти страну, подобную Хиндустану.

Со времени святейшего пророка и до сей поры областью Хиндустана владели и царствовали в ней всего три государя с нашей стороны. Первым из них был Султан Махмуд Гази; он и его потомки долгое время восседали на престоле царства Хиндустана. Второй был Султан Ши-

хаб ад-дин Гури; || он сам, его рабы и приспешники много лет властво- 269*б*
вали в этих странах.

Третий иноземный государь — это я, но мои обстоятельства не похожи на обстоятельства этих государей. Ведь Султан Махмуд, когда покорил Хиндустан, владел также престолом Хорасана, султаны Хорезма и окраинных областей были ему покорны и послушны, государь Самарканда был у него в подчинении. Если его войско и не составляло двух лаков, то один-то лак [воинов] у него конечно был. К тому же противниками его были отдельные раджи; весь Хиндустан не находился тогда под властью одного государя и каждый раджа правил в своей земле самостоятельно. То же самое и Султан Шихаб ад-дин. Правда, власть в Хорасане ему не принадлежала, но там правил его брат Гияс ад-дин Гури. В «Табакат-и Насири» приводится сведение, что Султан Шихаб ад-дин однажды повел в Хиндустан войско в сто двадцать тысяч латников. Противниками его тоже были раи и раджи; весь Хиндустан не принадлежал кому-нибудь одному.

Когда мы в первый раз пришли в Бхиру, нас было тысяча пятьсот, самое большее — две тысячи человек. В пятый раз, когда я разбил Султан Ибрахима и завоевал царства Хиндустана, со мной было больше бойцов, чем когда бы то ни было, и число нукеров, торговцев, слуг и всех вообще, кто состоял в войске, составляло по спискам двенадцать тысяч человек. Мне были подчинены такие области, как|| Бадах- 270*а*
шан, Кундуз, Кабул и Кандахар, но от этих областей не было сколько-нибудь значительной пользы. Наоборот, некоторые из названных земель лежали вблизи от врагов и им необходимо было оказывать значительную помощь. Кроме того, все земли Мавераннахра находились во власти узбекских ханов и султанов, у которых насчитывалось почти сто тысяч войска; это были наши исконные враги. А области Хиндустана, от Бхиры до Бихара, находились в руках афганцев.

Государем Хиндустана был Султан Ибрахим; судя по обширности его царства, у него должно было быть пять лаков воинов. В то время некоторые эмиры Султан Ибрахима подняли против него мятеж; призванного войска у него насчитывали тогда сотню тысяч. У этого государя и его эмиров было, как говорили, около тысячи слонов.

На этот раз я оказался лицом к лицу с повелителем столь большого войска и обширного государства, как Султан Ибрахим. Как я и надеялся, великий господь не заставил нас страдать и терпеть напрасно и помог нам одолеть сильного врага и завоевать столь обширное государство, как Хиндустан. Подобное счастье досталось нам не вследствие нашей силы и мощи, а только по милости и благоволению божию; такая удача пришла не из-за наших усилий и стараний, а исключительно по великодушию и благоволению господню.

270б Хиндустан — обширная, густонаселенная и плодородная страна.|| На востоке, на юге и даже на западе она доходит до океана; на севере возвышаются горы, примыкающие к Хиндукушу и горам Кафиристана и Кашмира. К северо-западу от Хиндустана находятся Кабул, Газни и Кандахар; столицей всего государства Хиндустана считается [город] Дихли. После Султан Шихаб ад-дина Гури и до конца царствования Султан Фируз шаха большая часть Хиндустана была подвластна дихлийским султанам. В то время, когда я завоевал Хиндустан, в Хиндустане правило пять мусульманских государей и двое кафиров. Хотя в горах и лесах властвовало много больших и малых раев и раджей, но значительными и независимыми являлись лишь следующие.

Во-первых, то были афганцы, во власти которых находился столичный город Дихли; они захватили область от Бхиры до Бихара. Джунпур до афганцев принадлежал Султан Хусейн Шарки; этих правителей [хиндустанцы] называют Пураби. Их предки состояли кравчими у Султан Фируз шаха и султанов его дома; после Фируз шаха они овладели царством Джунпур. Дихли была тогда в руках Султан Ала ад-дина, род которого принадлежал к сейидам. Когда Тимур бек захватил Дихли, он передал власть над этим городом предкам Ала ад-дина и ушел. Султан Бахлул Лоди, афганец, и его сын, Султан Искандер захватили столичный город Дихли и столичный город Джунпур; оба города сделались столицей одного и того же государя.

Вторым [мусульманским правителем] был гуджератский Султан Музаффар. За несколько дней до моей победы над Султан Ибрахимом
271а он ушел из нашего мира.|| Это был весьма правоверный государь, любовь к науке у него тоже была; он читал хадисы и постоянно переписывал Коран. Эту династию называют Танк; их предки тоже подносили питье Султан Фирузу и другим султанам из его семьи. После Фируз шаха они овладели областью Гуджерата.

Третьи [правители] — это Бахманиды в Декане, но в настоящее время у деканских султанов не осталось ни силы, ни значения. Все их владения захватили в свои руки знатные беки; если правителям что-нибудь нужно, они просят это у беков.

Четвертым правителем был Султан Махмуд в области Мальва, которую называют также Манду. Эту династию называют Хилджи. Рана Санка, кафир, разбил их и захватил большую часть их владений. Эти правители также ослабели. Их предки принадлежали к числу питомцев Фируз шаха; после его смерти они захватили область Мальва.

Пятый правитель — Нусрат шах, в Бенгалии. Отец его был государем Бенгалии, он был сейид и носил прозвище Султан Ала ад-дин. Власть досталась Нусрат шаху по наследству. В Бенгалии существует удивительный обычай: власть редко переходит в этой стране по наслед-

ству. Государю там назначен престол, каждому эмиру, вазиру и должностному лицу также присвоено определенное место. Для жителей Бенгалии имеет значение только этот престол и эти места. К каждому месту прикреплены и определены зависимые и подчиненные ему нукеры, слуги и прислужники. Когда душа царя пожелает кого-нибудь назначить или сместить||, то к тому, кто садится на чье-либо место, переходят покорные 271*б* и послушные нукеры и слуги, приставленные к этому месту. Эта особенность присуща даже престолу самого государя. Всякий, кто убьет прежнего правителя и найдет возможность занять престол, становится государем; эмиры, вазиры, войско и народ оказывают ему повиновение и покорность и считают его таким же государем и властелином, как предыдущего государя. Бенгальцы говорят: «Мы соблюдаем верность престолу; всякому, кто сидит на престоле, мы покорны и послушны». Так, например, до Ала ад-дина, отца Нусрат шаха, один абиссинец убил тогдашнего государя, воссел на престол и властвовал некоторое время. После Султан Ала ад-дина престол занял по наследству его сын, который и стал государем.

В Бенгалии существует еще один обычай: тот, кто становится государем, считает совершенным стыдом и позором тратить и расходовать казну прежних государей; сделавшись правителем, всякий должен собирать новую казну. Накопление казны считается в народе той страны славным и достойным делом.

Есть там еще и такой обычай: все траты на содержание казны, конюшен, царя и султанов покрываются доходами с определенных, искони назначенных уделов; поступления из других мест расходовать на это совсем нельзя.

К числу великих, значительных государей-мусульман, обладающих большим войском и обширными владениями, принадлежат эти пять, которые были упомянуты. Из кафиров самый могущественный [по количеству] войск и [размерам] владений|| — это раджа Биджангара и еще 272*а* Рана Санка, который недавно так возвысился благодаря своей отваге и своему мечу. Его основным владением был Читур. Когда власть султанов Манду поколебалась, Рана Санка захватил зависящие от этой страны обширные области: Рантанбур, Сарангпур, Бхилсан и Чандири. В девятьсот тридцать четвертом году, с помощью божьей, я в несколько гари приступом отбил Чандири у Мидини Рао, одного из больших и значительных людей Рана Санка, который находился там с пятью-шестью тысячами кафиров. Я подверг кафиров общему избиению и превратил область Чандири, которая много лет была страной войны, в страну ислама. Подробный рассказ об этом будет еще приведен.

На окраинах Хиндустана есть много раев и раджей; некоторые из

них покорны исламу, другие, так как они далеко и владения их хорошо укреплены, не оказывают повиновения государям ислама.

Хиндустан лежит в первом, втором и третьем климате; в четвертый климат эта страна не входит. Это удивительная страна; в сравнении с нашими землями это иной мир. Горы, реки, леса, степи, города, области, животные, растения, люди, язык, дожди и ветры — все там не так, как у нас. Хотя жаркие области, прилегающие к Кабулу, кое в чем сходны с Хиндустаном, но в других отношениях они не сходны; стоит лишь перейти реку Синд, как земля и вода, и деревья, и камни, и люди, и
272б пути, и обычаи|| — все становится таким же, как в Хиндустане.

Горы на севере Хиндустана были уже упомянуты. За рекой Синдом в этих горах лежат области, зависящие от Кашмира. Хотя в настоящее время большинство этих горных местностей, как например Пакли и Шаманг, не подчиняются Кашмиру, но прежде они составляли часть Кашмира. За Кашмиром, в горах, находится бесконечное множество племен, народов, земель и областей. До самой Бенгалии и даже до берегов океана эти горы сплошь густо населены.

О жителях этой части Хиндустана мы много раз справлялись и осведомлялись, но никто не мог дать о них верных сведений. Как говорят, обитателей этих гор называют Кас. Мне пришло на ум следующее: хиндустанцы произносят [букву] «шин», как «син». Так как самый значительный город в горах Хиндустана — Кашмир, да и вообще в тех горах, как слышно, нет городов, кроме Кашмира, то, быть может, Кашмир назван так по этой причине.

Жители гор торгуют мускусом, горными быками, шафраном, свинцом и медью. Индийцы называют эти горы Савалак-Парбат. На языке индийцев сава — четверть, лак — сто тысяч, парбат — гора; получается: «четверть и сто тысяч гор», то есть сто двадцать пять тысяч гор.

В этих горах снег никогда не убывает. Из некоторых областей Хиндустана, например, из Лахора, Сирхинда, Самбала, всегда виден снег, белеющий на вершинах этих гор.

В Кабуле горы эти называют Хиндукуш; от Кабула они тянутся на восток, слегка уклоняясь к югу. Все, что южнее этих гор, есть Хиндустан.

273а К северу от гор||, населенных неведомым народом, который называется Кас, лежит область Тибета. В этих горах начинается много рек, текущих в глубь Хиндустана. Севернее Сирхинда текут шесть рек, начинающихся в этих горах: Синд, Бахат, Ченаб, Рави, Биях и Сатладж. В окрестностях Мултана они все сливаются и с этого места носят общее название Синд. Синд течет на запад, протекает по области Татта и впадает в Оманское море. Есть в Хиндустане и другие реки, кроме этих шести, как например, Джун, Ганг, Рахаб, Гумти, Гагар, Сиру,

Гандак и еще много больших рек, которые все вливаются в реку Ганг и тоже называются Ганг. Эта река течет на восток, протекает по Бенгалии и впадает в океан. Истоки этих рек находятся в горах Савалак-Парбат.

Из хиндустанских гор вытекают и другие реки, например, Чамбал, Банас, Битви. В этой части гор никогда не бывает снега; реки эти тоже вливаются в реку Ганг.

Есть в Хиндустане и другие горы и в числе их — горная цепь, которая тянется с севера на юг. Начинается она в области Дихли, у постройки называемой Джехан-Нума, которую воздвиг Фируз шах; эта постройка стоит на невысокой каменной гряде. Далее, в окрестностях Дихли, там и сям видны отдельные мелкие скалистые холмы. В области Мевat горы становятся выше; пройдя Мевat,|| они тянутся до области 273*б*
Биана. Горы Сикри, Бари и Дулпура тоже составляют часть этой горной цепи, хотя и не примыкают к ней вплотную. Горы Гвалиара, который называют также Галиур, являются отрогами этих гор; горы Рантамбхура, Читура, Манду и Чандири также относятся к этому хребту. В некоторых местах цепь гор прерывается на семь или восемь курухов. Эти горы невысоки, круты, каменисты и покрыты лесом; снег там никогда не выпадает. Истоки некоторых рек Хиндустана находятся в этих горах.

Большая часть областей Хиндустана лежит в равнине. Хотя в Хиндустане много городов и областей, но почти нигде нет каналов с проточной водой; текучая вода имеется только в реках. Кое-где скопляется стоячая вода.

Хотя в некоторых городах есть возможность вырыть арыки и провести воду, ее все-таки не проводят. Это можно объяснить многими причинами. Во-первых, поля и сады Хиндустана совершенно не нужно поливать. Осенний урожай орошается дождями в дождливое время; удивительно, что и весенний урожай всходит даже в том случае, если дождей нет. Для поливки молодых деревьев до года или до двух лет поднимают воду колесом или ведрами; позднее поливать их совершенно не нужно. Некоторые овощи [приходится] поливать.

В Лахоре, Дибальпуре, Сирхинде и прилегающих областях поливают с помощью колеса. Берут две веревки длиной в глубину колодца и сматывают каждую кольцом. Между кольцами прикрепляют палки и привязывают к палкам кувшины. Веревки с [палками и] прикрепленными к ним кувшинами || накидывают на колесо, поставленное над колод- 274*а*
цем. К одному концу оси колеса прикрепляют второе колесо, а рядом со вторым колесом третье, ось которого стоит стоймя. Когда бык вертит это колесо, зубцы его задевают за зубцы второго колеса и оно вра-

щает колесо с кувшином. В том месте, куда стекает вода, устраивают желоб и направляют воду по желобу, куда нужно.

В Агре, Чандваре, Биане и окрестных местах воду поднимают ведрами. Это трудная и довольно грязная [работа]. На краю колодца укрепляют деревянные вилы и вставляют между зубцами вил ролик. К длинному канату привязывают большое ведро и накидывают канат на ролик. К другому концу веревки привязывают быка, которого гоняет человек; еще один человек должен выливать ведро. Всякий раз, как бык вытаскивает ведро и снова возвращается, веревка проходит по дороге быка, загрязненной его мочей и калом, потом опять падает в колодец.

Иногда, если поле нуждается в воде, мужчины и женщины таскают воду кувшинами и поливают его.

Города и области Хиндустана очень непривлекательны. Все города, все селения устроены на один лад, сады не огорожены стенами, местность большей частью плоская и ровная. Берега некоторых рек и пото-
274б ков из-за весенних дождей размыты,|| так что по ним везде трудно ходить. На равнинах кое-где попадаются густые заросли колючего кустарника. Жители этих областей укрываются в зарослях, и, проявляя непокорность, не платят налогов.

В Хиндустане, кроме рек, мало текучей воды. Иногда кое-где попадается стоячая вода. Столь [обширные] города и области пользуются водой из колодцев или водоемов, которая набирается во время дождей.

В Хиндустане запустение или благоустроение местечек, деревень и даже городов происходит мгновенно. Если жителям большого города, в котором они обитали много лет, приходится бежать, то все убегают за один день или за полтора дня, не оставляя после себя ни следа, ни признака; если же они вздумают основать город, то им нет надобности копать арыки и строить плотины, так как все их посевы не требуют поливки, а людей у них — без конца. Собралась толпа, устроили водоем или вырыли колодец, а строить дома и возводить стены не нужно: хворосту много и деревьям нет числа. Настроили шалашей и тотчас появился [новый] город или деревня.

ЖИВОТНЫЕ, КОТОРЫЕ ВОДЯТСЯ ТОЛЬКО В ХИНДУСТАНЕ

Один из тамошних диких зверей — слон. Хиндустанцы называют [слона] хати, и живет он на границах области Калпи. Чем выше от ее границ на восток, тем диких слонов больше; в этих местах и ловят
275а слонов. В Карре и Маникпуре есть тридцать или сорок местечек,|| где занимаются ловлей слонов. Жители отвечают перед диваном за каждого слона.

Слон — огромное и очень сметливое животное. Что ему ни скажешь, он понимает, что ни прикажешь, — сделает. Стоимость слона сообразна

его величине, и его продают по росту: чем слон больше, тем цена выше. Рассказывали, что на некоторых островах будто бы есть слоны ростом в десять кари. В здешних местах не видано слона выше четырех-пяти кари.

Слон ест и пьет только хоботом; не будь у него хобота, он не мог бы жить. По обеим сторонам хобота, в верхней челюсти, у него торчат два больших зуба; с силой упираясь этими зубами в стену или в дерево, слон может их свалить. В драке и при всех действиях, требующих силы, слон пользуется своими зубами, которые называются адж. Жители Хиндустана очень ценят эти зубы. Шерсти у слона нет.

Для обитателей Хиндустана слон имеет большое значение; с каждым отрядом их войска обязательно идет несколько слонов. У слона есть некоторые хорошие качества: он легко переходит широкие быстрые реки, неся тяжелый груз; три или четыре слона без труда везут пушечный лафет, который могли бы везти четыреста или пятьсот человек. Но слону требуется очень много корма: один слон съедает корм двух караванов верблюдов.

Еще водится в Хиндустане носорог. Это тоже большое животное || 275*б*
величиной с трех буйволов. Распространенные в этих местах рассказы, будто носорог поднимает на рогу слона, вероятно, неверны.

У носорога один рог — на носу, длиною больше пяди; рогов в две пяди не видывали. Из одного большого рога вышла чаша для воды в виде ладьи и доска для игры в нарды, и еще, должно быть, осталось три-четыре пальца рога.

Шкура у носорога очень толстая. Если взять тугой лук, натянуть тетиву до подмышки и ловко наложить и пустить стрелу, то хорошо, если она вонзится в шкуру носорога на четыре пальца. Однако, говорят, будто стрела легко пробивает шкуру носорога в некоторых местах. Возле передних ног и бедер у носорога есть на коже складки; издали кажется, будто он накрыт попоной.

Из других животных носорог больше всего похож на лошадь. Как у лошади брюхо небольшое, так и у носорога брюхо маленькое; как у лошади бабка состоит из одной кости, так и у носорога на месте бабки одна кость; как у лошади в передних ногах имеются мозговые кости, так и у носорога есть в передних ногах мозговые кости.

Носорог злее слона и не такой послушный и смирный, как слон. В лесах около Паршавара и Хашт-Нагара немало носорогов; водятся они и в зарослях между Синдом и областью Бхиры; много их в Хиндустане также и на берегах реки Сару.

Совершая походы в Хиндустан, || мы били носорогов в зарослях воз- 276*а*
ле Паршавара и Хашт-Нагара. Носорог хорошо бьет своим рогом; во время охоты много людей и лошадей получили удары рогом. Один раз

на охоте носорог отбросил своим рогом на длину копья лошадь одного оруженосца по имени Максуд. Поэтому Максуда прозвали Максуд-и карг.

Другое хиндустанское животное — дикий буйвол; он гораздо больше нашего буйвола и рога у него не так загнуты назад. Это очень вредное и злое животное. В Хиндустане, на берегах реки Сару, буйволов очень много.

Еще водится в Хиндустане нилгау. Ростом он будет с лошадь, но [телом] немного тоньше лошади. Самец нилгау — голубой; вероятно, поэтому он и называется «нилгау». У нилгау два небольших рога, на горле у него клок шерсти длиной больше пяди; этим нилгау похож на горного быка. Копыта у него раздвоенные, как у обыкновенного быка. Самка нилгау такого же цвета, как бугу-марал. Рогов у нее нет, клока шерсти на горле тоже нет; по сравнению с самцом самка жирнее.

Другое хиндустанское животное — коротконожка. Величиной он будет с киика; передние и задние ноги у него короткие, почему его и называют коротконожкой, рога ветвистые, как у оленя, но короче. Каждый год он сбрасывает рога, как олень. Бегает коротконожка плохо и поэтому не выходит из чащи.

Есть еще в Хиндустане и киик, похожий на хуна — самца джейрана.
276б Спина у него черная, брюхо — белое, рога длиннее, чем у хуна,|| и более ветвистые. Хиндустанцы называют его калахара; первоначально говорили: калахаран, то есть «черный олень», потом это слово сократили и стали говорить калахара. Самка этого оленя белая.

При помощи калахара ловят оленей. К рогам калахара прикрепляют круглые силки, а к ноге подвешивают камень размером больше лодыжки, чтобы, когда олень поймается, калахара не мог далеко уйти. Увидав дикого оленя, калахара ставят перед ним. Дикий олень очень драчлив; он тотчас же выходит на бой, и олени начинают драться и бодаться. Когда они ходят взад и вперед, то рога дикого оленя застревают в сети, прикрепленной к рогам ручного оленя. Дикий олень старается убежать, но ручной олень не убегает, — вероятно, ему мешает камень, привязанный к ногам.

Таким образом, ловят много оленей и, поймав, приручают, чтобы ловить других оленей. Ручных оленей сводят во дворах для боев; они хорошо дерутся.

На склонах хиндустанских гор водятся также олени поменьше, величиной с годовалого ягненка каменного барана.

Еще есть в Хиндустане бык гини. Это маленький бык величиной с нашего большого барана. Мясо у него очень нежное и вкусное.

Есть в Хиндустане также и обезьяны; хиндустанцы называют обезьяну бандар. Обезьяны также бывают многих видов. Обезьян одной

породы приводят в наши земли, и цыгане учат их танцевать. || Эти 277*а*
обезьяны водятся в горах Дара-и Нура, на склонах гор Кух-и Сафид около Хайбара и ниже, по всему Хиндустану; выше тех мест их нет. Шерсть у этих обезьян желтая, лицо — белое, хвост не очень длинный.

Есть там еще и другой вид обезьян, но в Баджауре, Саваде и прилежащих местах их не видывали; они значительно больше тех обезьян, которых приводят в наши страны. Хвост у них очень длинный, шерсть — беловатая, лицо совершенно черное. Обезьяны этого вида водятся в горах и лесах Хиндустана, в наших местах их не бывает.

Попадаются там и другие обезьяны; лицо, шерсть и все члены у них совершенно черные.

Еще есть в Хиндустане зверек нул, немного меньше соболя. Он лазает по деревьям; некоторые называют его также мушхурма. Считается, что он приносит счастье.

Водится в Хиндустане также род мыши, которую называют галахри. Она постояннно живет на деревьях и удивительно быстро и проворно бегает по деревьям вверх и вниз.

Из птиц в Хиндустане водится павлин. Это очень красиво раскрашенная, прекрасная птица. Сложена она не так красиво, как раскрашена. Телом павлин похож на журавля, но не так высок, как журавль. У самца и у самки на голове двадцать или тридцать перьев, в два или три пальца высотой. В оперении самки нет ни красок, ни красоты; у самца павлина на шее лиловое ожерелье, шея у него красивая, голубая, || 277*б*
на спине, ниже шеи, желтые, зеленые, голубые и фиолетовые разводы, глазки в этом месте очень маленькие, а ниже, до кончика хвоста. спина покрыта большими-большими глазками такого же цвета. У некоторых павлинов хвост бывает длиной в сажень. Под цветистыми перьями у павлина есть еще один хвост, более короткий, как у других птиц; это обыкновенный хвост. Крылья у павлина красные.

Павлины водятся в Баджауре, Саваде и ниже; выше — в Кунаре, Ламганате или в каком-либо другом месте — их нет. В полете павлин еще слабее, чем фазан: он не может взлететь больше одного-двух раз; вследствие слабости при полете, павлин живет или на горах, или в зарослях. Вот удивительная вещь: в чащах, где есть павлины, всегда водится много шакалов, а павлины со своим саженным хвостом переходят из заросли в заросль. Почему же они не страдают от шакалов?

Хиндустанцы называют павлинов мор. По учению имама Абу Ханифы павлины—дозволенная пища; мясо их нельзя назвать невкусным, оно походит на мясо куропатки, но его едят с некоторым отвращением, как верблюжатину.

Еще водится в Хиндустане попугай. Он тоже встречается в Баджауре и нижележащих местах. Весной, когда поспевает тут, попугаи

прилетают в Нингнахар и Ламганат; в другое время их там нет. По-
278*а* пугаи бывают разные. || Один вид — это те попугаи, которых привозят в наши страны; попугаи другого вида — меньше, их тоже учат говорить. Таких попугаев называют лесными. Их много водится в Баджауре, Саваде и прилежащих местах, где они летают стаями по пять-шесть тысяч птиц. Между этими попугаями и первыми есть разница в величине, окраска же их совершенно одинаковая.

Есть и другой вид попугаев — они еще меньше, чем лесные. Голова у них ярко-красная, крылья сверху тоже красные; кончик хвоста пальца на два — белый. У некоторых попугаев этого вида голова лиловая; говорить они не умеют. Их называют кашмирскими попугаями.

Встречается также и еще один вид попугаев, они маленькие, как лесные попугаи, клюв у них черный, на шее—широкий черный ободок, крылья сверху красные. Эти попугаи хорошо учатся говорить; мы думали, что попугаи и скворцы могут говорить только то, чему их научили, а сами, если о чем-нибудь подумают, ничего сказать не могут, но недавно Абул-Касим Джалаир, один из моих ближайших слуг, рассказывал удивительную вещь: клетка такого попугая была завешена и попугай сказал: «Открой мне лицо, я задыхаюсь».

В другой раз люди несли говорящего попугая и присели отдохнуть; прохожие шли мимо, и попугай сказал: «Люди идут, а вы не идете!» Ответственность [за правду] лежит на рассказчике! Пока человек не услышит этого собственными ушами, ему не верится.

Есть там еще один род попугаев: они красивой окраски — ярко-
278*б* красные; перья другого цвета у них тоже || есть, но я не запомнил точно [их окраски] и потому не описываю ее подробно. Эти красные попугаи очень красивы на вид, говорить они тоже умеют. Недостаток их тот, что у них очень неприятный резкий голос: кажется, будто царапают фарфоровым черепком по медному блюду.

Еще водится в Хиндустане шарак. Шараков очень много в Ламганате; ниже, во всем Хиндустане, их тоже множество. Шараки также бывают разных видов. Один вид в изобилии встречается в Ламганате. У шараков этого вида голова черная, крылья — пестрые, туловище немного больше и уже, чем у скворца. Шараков можно научить говорить.

Другая разновидность называется пиндавали; их привозят из Бенгалии. Они черные, одноцветные, туловище у них немного больше, чем у горного шарака. Клюв и ноги у пиндавали желтые; на ушах — два желтых висячих лоскута кожи; это очень некрасиво. Пиндавали могут говорить и говорят хорошо и чисто.

Встречается также другой вид шарака; эти птицы мельче только что упомянутого шарака, вокруг глаз у них красный ободок. Птицы этой породы не говорят; их называют уин-шарак.

Когда мы построили мост через Ганг и, перейдя реку, обратили врагов в бегство, я видел в Лакнау и в его окрестностях одну разновидность шарака с белой грудью, пестрой головой и черной спинкой. Раньше я никогда не видывал такой птицы. Шараки этой породы, по-видимому, не могут научиться говорить.

Еще есть в Хиндустане луча. Эту птицу называют также бу-каламун. От головы до хвоста она окрашена в пять или шесть разных цветов. Шея у нее [переливается], как у голубя; величиной || эта птица с 279*а* горную куропатку. По-видимому, это хиндустанская горная куропатка и, как горная куропатка, живет на вершинах гор. Она обитает в горах Ниджрау, в кабульской области и на нижележащих горах, а выше не попадается. Жители Хиндустана рассказывают удивительную вещь: с наступлением зимы луча спускаются на склоны гор. Если они в полете пролетят над виноградником, то не могут лететь дальше и их ловят. Мясо луча съедобно, оно очень вкусное.

Есть в Хиндустане также турачи. Они водятся не только в Хиндустане и встречаются в других жарких областях, но так как некоторых пород турачей нет нигде, кроме Хиндустана, то я, кстати, упомяну и о них.

Тело у турача величиной с куропатку: спинка у самца такого же цвета, как у самки фазана, грудка и брюшко — черные; белые перья у него тоже есть. На обоих глазах с двух сторон — красные полоски. У турачей приятный крик; кажется, что он кричит: «шир дарам у шакарак», причем «шир» произносится кратко, а «дарам у шакарак» — ясно. Астрабадские турачи кричат: «бат мани туттилар», а в Арабистане и прилежащих местах они говорят: «би-ш-шукр тадум ан-ниам». Самка турача такого же цвета, как молодой фазан; эти турачи водятся ниже Ниджрау.

Есть еще другая порода таких птиц, называемая канджал. Величиной канджал с турача, голос у него || очень похож на голос куропатки, 279*б* но крик много пронзительнее. В окраске самца и самки различие небольшое. Канджал водится в областях Паршавара и Хашт-нагара и ниже; выше его нет.

Еще одна хиндустанская птица — пулпайкар; величиной она будет с горную куропатку. Сложение у нее такое, как у домашней курицы, цветом она тоже похожа на курицу. Ниже горла и до груди пулпайкар красивого ярко-красного цвета; эта птица живет в горах Хиндустана.

Водится в Хиндустане также дикая курица. Различие между домашней курицей и такой курицей в том, что дикая курица летает, как фазан; кроме того, эта курица не бывает разноцветной, как домашняя.

Дикая курица водится в горах Баджаура и в нижележащих горах: выше Баджаура ее нет.

Другая птица, встречающаяся в Хиндустане,— птица чилси. По величине она такая же, как пулпайкар, но пулпайкар красивей по окраске. Чилси водится в горах Баджаура.

Хиндустанская птица шам по величине равна домашней курице; попадаются особи необычной окраски. Шам тоже водится в баджаурских горах.

Еще есть в Хиндустане перепелки. Хотя перепелка не чисто хиндустанская птица, но существует четыре или пять видов перепелок, которые встречаются только в Хиндустане.

Одна из разновидностей перепелок — те, которые прилетают в наши земли. Это самые большие перепелки. Есть и другая порода перепелок; они меньше тех, что прилетают в наши земли. Крылья и хвост у них красноватые. Перепелки этого вида летают стаями, как чир. Другая порода перепелок мельче тех, что прилетают в наши земли; горло
280*а* и грудь у них чернее. ||

Есть в Хиндустане и еще одна разновидность перепелок; эти перепелки редко залетают в Кабул. Они маленькие — чуть-чуть больше карчи; в Кабуле их называют курату.

Другая хиндустанская птица: харчал. По величине она такая, как дрофа; вероятно, это хиндустанская дрофа. Мясо харчала очень вкусное, у некоторых птиц мясо особенно хорошее на ногах, у других — на груди, а у харчала мясо вкусное везде.

Водится в Хиндустане также и чарз, он немного меньше стрепета. У самца спинка как у стрепета, грудь — черная; самки — сплошь одноцветные. Мясо чарза тоже очень вкусное. Как харчал похож на дрофу, так у чарза есть сходство со стрепетом.

Хиндустанская черногрудка меньше и тоньше нашей черногрудки; черноты у нее на груди тоже немного и голос ее — тоньше, чем у нашей черногрудки.

Есть [в Хиндустане] и другие птицы, которые водятся на воде и на берегах рек. Одна из таких птиц—динг. Это большая, крупная птица; каждое крыло у нее в сажень. Голова и ноги у динга без перьев, на горле висит нечто вроде сумки; спина у него черная, грудь — белая. Иногда динг залетает в Кабул. В каком-то году люди поймали и принесли мне динга. Он сделался совсем ручной; если ему бросали мясо, он без промаха ловил его клювом. Однажды он проглотил подкову с
280*б* шестью шипами, в другой раз — целую курицу || с крыльями и перьями.

Другая такая птица — сарас. Хиндустанские тюрки называют ее тива-гурна. Эта птица немного меньше динга, шея у нее длиннее, голова — красная. Сараса держат во дворах, он легко приручается.

Еще одна птица — манак, ростом она почти такая же, как сарас, но тело у нее тоньше. Манак гораздо больше аиста, но похож на него. Клюв у манака длиннее, чем у аиста, и притом черный, голова лиловая, шея белая, крылья пестрые. Кончики и корни перьев на крыльях белые, середина — черная.

Водится в Хиндустане также птица аист. Шея у него белая, голова и все прочие части тела черные. Он залетает в наши земли; по величине он меньше нашего аиста. В Хиндустане этого аиста называют йакранг. Есть там еще и другой аист, по цвету и сложению совсем такой же, как тот, который залетает в наши земли, но только клюв у него чернее и весь он гораздо меньше.

Другая хиндустанская птица похожа на цаплю и аиста. Клюв у нее больше и длинней, чем у цапли, а телом она меньше тела аиста.

Еще одна хиндустанская птица — большой бузак. Величиной она будет с коршуна, оба крыла у нее сверху белые, голос — громкий.

Другая птица — белый бузак с черной головой и клювом. Она гораздо больше того бузака, что залетает в наши страны, но меньше хиндустанского бузака. || 281*a*

Еще есть в Хиндустане утка, которую называют газ-пай. Эта утка больше обыкновенной, самец и самка одинакового цвета. Газ-пай постоянно встречается в Хашт-Нагаре; иногда она залетает в Ламганат. Мясо у нее очень вкусное.

Есть в Хиндустане и другая утка, называемая шахмург; она немного меньше гуся. На клюве у шахмурга торчит нарост, грудь у него белая, спина — черная; мясо его вкусно.

Еще есть там птица зумадж; величиной она с беркута, цветом — черная.

Есть там еще и птица коршун; спина и хвост у нее красные.

Водится в Хиндустане также сойка; хиндустанская сойка меньше и тоньше нашей. На шее у нее немного белых перьев.

Попадается в Хиндустане еще одна птица, похожая на ворону и на сороку. В Ламганате ее называют «лесной птицей». Голова и грудь у нее белые, крылья и хвост—красноватые, глаза — ярко-красные. Так как эта птица плохо летает, то не выходит из чащи; по этой причине ее и называют лесной птицей.

Еще одна птица в Хиндустане — большой нетопырь, которого называют чамгадар. Величиной он будет с сову, голова его похожа на голову щенка. Такой нетопырь, когда хочет провести ночь на дереве, цепляется за ветку и висит вниз головой. Это диковинное зрелище.

Еще водится там хиндустанская сорока, по-тамошнему мата; она немного меньше нашей сороки. Наша сорока — черно-белая, а мата — черно-желтая.

281б Есть в Хиндустане еще одна птичка величиной с трясогузку, || красивого красного цвета; крылья у нее чуть-чуть черные.

Другая птичка — карча, похожа на ласточку, но много крупнее ласточки и сплошь черная.

Птица куил будет величиной с ворону, но гораздо тоньше вороны. Куил прекрасно поет, это хиндустанский соловей; жители Хиндустана так же почитают ее, как мы соловья. Она водится в садах с густыми деревьями.

Есть еще в Хиндустане другая птица, вроде дятла; она цепляется за деревья. Величиной она будет с дятла, цветом—зеленая, как попугай.

Из водяных животных Хиндустана одно — водяной лев. Он живет в стоячих водах и похож на ящера. Говорят, что он хватает людей и даже буйволов.

Другое животное — сипсар; по сложению он тоже подобен ящеру. Сипсар водится во всех реках Хиндустана; одного сипсара поймали и принесли мне. Длина его — около четырех-пяти кари, толщиной он с барана, но бывают сипсары и еще больше. Морда у сипсара — в полкари с лишком; в верхней челюсти и в нижней челюсти — по ряду тонких, мелких зубов. Сипсар выходит на берег реки и лежит там.

Еще одно хиндустанское животное — водяная свинья. Она тоже водится во всех реках Хиндустана. Водяная свинья разом высовывается из воды, голова ее то показывается, то скрывается и наконец погружается в воду, а хвост виднеется из воды.

282а Морда у водяной свиньи || длинная, как у сипсара, зубы у нее тоже мелкие, рядами; в остальном голова и тело такое же, как у рыбы. Водяная свинья, играющая в воде, похожа на бурдюк. Когда водяные свиньи играют в реке Сару, они чуть не выскакивают из воды. Как и рыба, водяная свинья никогда не выходит из воды совсем.

Еще одно водяное животное — гариал. Это крупное животное. Многие мои воины видели его в реке Сару. Гариал хватает людей; когда мы были на реке Сару, он схватил одну или двух рабынь. Между Газипуром и Банарасом гариал утащил трех или четырех человек из лагеря, я тоже издали видел в тех местах гариала, но он не был виден отчетливо.

Рыба какка — другой хиндустанский водяной зверь. Против жабер у него торчат две кости, пальца в три длиной. Когда его поймают, он шевелит этими костями и слышится странный звук; вероятно, поэтому его и назвали какка.

Мясо хиндустанских рыб — вкусное, они не воняют и не костлявы. Это удивительно проворные рыбы. Как-то раз в реку с двух сторон закинули сеть; с каждой стороны сеть возвышалась на один кари с лиш-

ком над водой, однако большинство рыб прыгало из сети выше, чем на один кари.

В некоторых реках Хиндустана водится также мелкая рыба; если эти рыбешки слышат] резкий голос или шум, || они сразу выскакива- 282*б*
ют из воды на кари или на полтора кари.

Хотя хиндустанские лягушки такие же, как наши лягушки, но они могут пробежать по воде семь или восемь кари.

* * *

Одно из растений, попадающихся только в Хиндустане, это амби. Большинство жителей Хиндустана произносят [букву] «ба» в этом слове без гласной; из-за трудности произношения некоторые называют это растение «нагзак». Так Ходжа Хусрау говорит:

Наш нагзак украшение сада;*
Это прекраснейший плод Хиндустана.

Хорошие плоды амби превосходны на вкус; едят их много, но хороших среди них мало. Большей частью их срывают недозревшими и они доспевают в помещениях. Неспелый амби — хорошая приправа к кушаньям; варенье из незрелого амби также превосходное. Это действительно лучший хиндустанский плод. Дерево амби — очень высокое. Некоторые люди, расхваливая амби, отдавали ему предпочтение перед всеми плодами, кроме дыни, но он не так хорош, как его хвалят. Амби похож на персик [сорта] карди и дозревает во время дождей. Этот плод едят двумя способами: либо жмут, давят, очищают от кожуры, протыкают и пьют сок, либо очищают от кожуры и едят, как персик карди. Листья амби немного похожи на листья персика, ствол — некрасивый, уродливой формы. В Бенгалии и Гуджерате амби, говорят, хорошие.

Другой хиндустанский плод — кила, арабы называют его мауз. Дерево кила не очень высокое, || да его и нельзя назвать деревом; это не- 283*а*
что среднее между деревом и кустом. Листья его похожи на листья аман-кара, но длина листьев кила два кари, а ширина около одного кари. Посреди листа торчит отросток в виде сердца, бутон кила находится в отростке. Этот большой бутон имеет вид бараньего сердца; когда лепестки его распускаются, то у корня каждого листика виден ряд цветов — штук шесть-семь; этот ряд цветов превращается в кила. По мере того как удлиняется отросток, похожий на сердце, лепестки на большом бутоне распускаются и появляется ряд цветов кила. Дерево кила дает плоды один раз.

У кила два хороших качества: во-первых, его легко очистить от кожуры, во-вторых, в нем нет косточек и волокон. Кила немного длиннее и тоньше баклажана и не очень сладок, но бенгальские кила чрезвычайно сладкие; это красивые растения с широкими-широкими зелеными листьями приятной окраски. Бенгальский кила очень хорош на вид.

Еще одно хиндустанское дерево — амли; таким названием именуют индийские финики. У амли мелкие листья, в общем похожие на листья буйя, но только листья амли мельче листьев буйя. Это очень красивое дерево, тень от него густая. Деревья амли бывают очень высокие, диких амли тоже много.

Другое тамошнее дерево — махува, которое называют также гул-
283*б* чикан. Дерево махува тоже очень высокое; большинство домов || в Хиндустане построено из этого дерева. Из цветов махува гонят арак. Эти цветы сушат, как изюм, и едят, из них же добывают арак; в общем они похожи на кишмиш, но имеют довольно скверный вкус. Свежие его цветы недурны и их можно есть.

Махува тоже растет в диком виде; плод дикого махува невкусен. Косточка у плода побольше, кожица тонкая; из ядрышек косточки добывают также масло.

Еще одно хиндустанское дерево — кирни. Дерево это хотя и не очень высокое, но и не маленькое, плоды у него желтого цвета, меньше грудной ягоды, вкусом они, в общем, похожи на виноград. После кирни во рту остается легкий неприятный привкус, но это недурной плод, и его едят; кожица на косточке мягкая.

Другое дерево — джаман. Листья его, в общем, похожи на листья тала, но они круглей и зеленее. Дерево джамана не лишено красоты; плоды его похожи на черный виноград, вкус у них кисловатый, они не очень хороши.

Другое дерево — камрак; [плод его] пятигранный, величиной он будет со сливу, длиной — пальца в четыре. Зрелые плоды — желтые, косточки у них нет. Сорванный незрелым камрак очень кислый, но когда доспеет, становится кисло-сладким. В общем, вкус у него неплохой, не лишенный приятности.

284*а* Есть в Хиндустане плод кадхил. Это удивительно безобразный и невкусный плод. С виду это настоящий бараний || желудок, вывернутый, точно гипа, наизнанку. Вкус у него—тошнотворно-сладкий, внутри плода косточки вроде орехов; в общем, они похожи на финики, но только круглые, не продолговатые. Эти косточки окружены мясом, которое мягче фиников; его едят.

Плод кадхила очень липкий; из-за его липкости некоторые, перед тем как его есть, будто бы мажут себе руки и рот маслом. Эти плоды растут на ветвях деревьев, на стволе и даже на корнях. Все дерево как будто увешано бараньими желудками.

Другой хиндустанский плод — бадхал; величиной он будет с яблоко, запах у него недурной. В незрелом виде это очень кислая и невкусная вещь, но когда поспеет, он недурен. Поспевая, бадхал становит-

ся мягким, его можно разрывать пальцами и есть. Вкусом он очень похож на переспелую айву: кисловатый и довольно приятный.

Еще один хиндустанский плод — бир; по-персидски его называют канар. Бир бывает разных сортов. Один сорт немного крупнее алчи, другой — такого вида, как виноград хусайни. Большей частью этот плод не очень хорош, но в Бандире мы видели бир, и очень хороший оказался. У дерева бира листья опадают, когда солнце находится в созвездии Тельца и Близнецов, а когда солнце в созвездии Рака и Льва, то есть в самые дожди, бир выпускает листья и становится зеленым и свежим. Плоды его поспевают, когда солнце переходит в созвездие Водолея и Рыб.

Другой хиндустанский плод — карунда. Деревья карунды растут купами, как джика в нашей земле, || но джика растет на горах, а ка- 284*б*
рунда — в равнинах. Плод карунды вкусом похож на мирминджан, но слаще мирминджана и менее сочный.

Еще есть в Хиндустане паниала; этот плод больше алчи и похож на незрелое красное яблоко. Вкус у него кисловатый, довольно приятный. Дерево паниала выше граната, листья похожи на листья миндаля.

Есть там и дерево гулар. Плоды его растут прямо на стволе, оно похоже на инжир. Плоды гулара удивительно безвкусны.

Еще один плод — амла. Он тоже пятигранный, похож на бутон хлопчатника. Это терпкий и невкусный плод, но варенье из него [получается] недурное и очень полезное. Дерево амла — красивое на вид, с очень мелкими листьями.

Еще одно дерево — чируньджи. Это якобы горное дерево, но как я узнал позднее, в наших садах есть три-четыре дерева чируньджи. Плод чируньджи очень похож на плод махува. Ядрышки его недурны, по величине они средние между ядрышками орешка и миндаля, немного меньше ядрышек фисташки. Ядрышки чируньджи круглые. Их кладут в студни и в разные сласти.

Еще есть в Хиндустане финики. Хотя финики встречаются не только в Хиндустане, но, так как в наших землях их нет, я упомянул о них. Финиковое дерево есть также в Ламгане. Ветви его растут только на макушке, в одном месте; листья покрывают ветви сверху донизу с обеих сторон; ствол неровный, некрасивого цвета. Плоды || растут гроздья- 285*а*
ми, как виноград, но гроздья фиников значительно больше виноградных.

Говорят, что финиковое дерево среди растений в двух отношениях похоже на животных. Во-первых, если животному отрежут голову, его жизнь прекращается, а если срубить верхушку финикового дерева, оно высохнет; во-вторых, как у животных без самца не получить приплода, так и финиковое дерево, если не принести ветку мужской пальмы и не

приложить ее [к женской], не даст хороших плодов. Верны ли эти слова — неизвестно.

В макушке финикового дерева, о которой я упомянул, содержится его сыр. Сыр [финикового дерева] — это белое вещество, вроде [творожного] сыра, которое образуется на том месте, откуда выходят ветки и листья финиковой пальмы. Из этого белого вещества, подобного сыру, и получаются ветки и листья. Чем больше вырастают ветки и листья, тем листья становятся зеленей. Белое вещество и называют «финиковым сыром»; это неплохая, превосходная вещь. Она очень похожа на сердцевину ореха. На месте, где образуется этот сыр, делают надрез и вставляют в надрез лист финиковой пальмы так, чтобы жидкость, которая льется из надреза, стекла по листку. Листок прикладывают к горлышку кувшина и привязывают кувшин к дереву. Вся жидкость, которая вытекает из надреза, собирается в кувшине. Если пить эту жидкость сразу, она сладковатая, а если ее выпить через три-четыре дня,
285*б* она, говорят, слегка пьянит. Однажды, когда я объезжал Бари, || я заехал в селения на берегу реки Чамбал. По дороге мне повстречались люди, которые добывали в долине этот финиковый сок. Я выпил порядочно сока, но не почувствовал опьянения; вероятно, чтобы слегка опьянеть, надо выпить его очень много.

Еще есть в Хиндустане наргил. Арабы, на арабский лад, говорят «нарджил», жители Хиндустана — «налир»; вероятно, это общераспространенная ошибка. Плод наргила — индийский орех, из которого делают черные ложки. Из больших орехов делают чашки гиджаков.

Дерево наргила совершенно такое же, как финиковое дерево, но только на ветках наргила больше листьев и цвет его листьев ярче. Как лесной орех покрыт снаружи зеленой скорлупой, так и у наргила тоже есть снаружи зеленая кожура, но только кожура наргила состоит из волокон. Все канаты для морских и лодочных снастей делаются из кожуры этого наргила; швы на лодках тоже прошивают такими веревками.

Если снять с наргила кожуру, то на одном конце ореха видны три впадины в виде треугольника. Две из них — жесткие, одна — мягкая; ее можно проткнуть, слегка надавив. Пока не образовалось ядро, внутренность ореха полна сока; впадину протыкают и пьют этот сок. Вкус у него недурной, кажется, будто это разведенный водой сыр финикового дерева.

Еще одно хиндустанское дерево — тар. Ветки тара тоже растут
286*а* только на верхушках дерева; || к тару так же, как к финиковому дереву, привязывают кувшин, добывают сок и пьют его. Этот сок называют тари, он, говорят, пьянит сильнее, чем сок финикового дерева. На стеблях тара нет листьев на кари или полтора кари от земли; дальше, на

конце стебля, в одном месте распускаются, словно расставленная пятерня, тридцать или сорок листьев, длина этих листьев около одного кари. [Хиндустанцы] часто пишут письма на этих листьях, как [мы] на свитках: Когда у жителей Хиндустана нет колец для широких дырок в ушах, они вставляют в уши украшения из листьев тара. Эти листья, приспособленные для ношения в ушах, продают на базарах. Ствол тара красивее и ровнее ствола финикового дерева.

Еще есть в Хиндустане апельсины и другие плоды, похожие на него по виду. Апельсинов много в Ламганате, Баджауре и Саваде, и они хороши. Ламганатский апельсин — маленький, с пупком; это очень приятный, нежный и сочный плод, с апельсинами из области Хорасана у него нет никакого сходства. Вследствие их нежности, эти апельсины, пока их везут из Ламганата в Кабул, то есть за тринадцать-четырнадцать йигачей, частью портятся. Астрабадские апельсины доставляют в Самарканд, то есть за двести семьдесят-двести восемьдесят йигачей, но из-за грубости кожи и малой сочности || они не портятся. 286*б*

Величиной баджаурский апельсин будет с айву. Соку в нем много и он более терпкий, чем сок других апельсинов. Ходжа-и Калан говорил: «В Банджауре мы сняли с одного дерева все апельсины этой породы и сосчитали их. Оказалось семь тысяч штук».

Мне всегда думалось, что слово нарандж [апельсин] как будто звучит на арабский лад: так оно, по-видимому, и есть; все жители Баджаура и Савада произносят вместо нарандж — наранг.

Другой такой плод — лимон. Его [в Хиндустане] много. Величиной лимон будет с куриное яйцо и такого же вида. Если отравившийся вскипятит лимонный корень и выпьет, это якобы устранит вред от яда.

Еще один плод, похожий на апельсин,— это цитрон. Жители Баджаура и Савада называют его баланг; поэтому варенье из цитроновых корок называют баланговым вареньем. В Хиндустане цитрон называют баджаури.

Цитрон бывает двух родов. Один цитрон сладкий до тошноты, невкусный и не годен в пищу; кожура его, может быть, годится на варенье. Ламганатский цитрон именно такой, тошнотворно-сладкий. Баджаурские цитроны и хиндустанские цитроны кислые, кислота их приятна; питье из них очень вкусно и приятно. Величиной цитрон будет с дыню хусрави; кожура у него неровная, вся в буграх, конец тонкий, в виде клюва. Цветом цитрон желтее апельсина. Цитронное дерево — не настоящее дерево со стволом, а маленькое; он растет кустами; || листья 287*а*
у него крупнее, чем у апельсинового дерева.

Еще один плод, похожий на апельсин, это сангтара. По цвету и форме сангтара такой же, как апельсин, только кожура у него гладкая, без бугорков. Размером он несколько меньше апельсина. Дерево

сангтара — высокое, с дерево урюка будет, листья похожи на листья апельсина, плод — с приятной кислотой, сок сладкий, тоже приятный на вкус. Сангтара, как и лимон, укрепляет желудок и не послабляет его, как апельсин.

Другой плод, похожий на апельсин,— большой лимон. В Хиндустане его называют галгал-лиму. По форме он похож на гусиное яйцо, но только оба конца у него тонкие. Кожа у галгала, как у сангтара, гладкая. Он очень сочный.

Еще походит на апельсин джанбири. Форма у него такая же, как у апельсина, но цвет — желтый, не оранжевый. Запах джанбири похож на запах апельсина, плод тоже имеет приятную кислоту.

Так же похож на апельсин и садафал. Он грушевидной формы, а цветом — как айва. Садафал сладкий, но сладость его не тошнотворная, как у наранджа.

Другой плод, похожий на апельсин — амридфал; походит на апельсин также и карна. Величиной карна будет с галгал, он тоже кислый.

Еще один плод, сходный с апельсином,— амалбид, который за три года моего пребывания в Хиндустане попался мне на глаза лишь те-
287б перь. Говорят, что если воткнуть в амалбид иголку ||, она растает; может быть, это происходит от кислоты, может быть, от каких либо других свойств амалбида. По кислоте он подобен лимону или апельсину.

В Хиндустане есть прекрасные цветы. Один вид цветов — джасун; некоторые хиндустанцы называют этот цветок гархал. Джасун не трава, стебель у него высокий, он немного выше розового куста. Цветок джасуна ярче цветка граната, величиной он с красную розу, но только красная роза распускается из бутона одним цветком, а когда распустится джасун, то из середины [чашечки] вытягивается нечто вроде стебелька, потоньше, длиною с палец, и на нем также распускаются лепестки джасуна. В общем, получается двойной цветок, не лишенный своеобразия. На кустах джасун кажется очень красивым по цвету и по форме, но держится он недолго и увядает в один день. В четыре дождливых месяца джасуна распускается очень много, и он особенно красив. Джасун цветет, по-видимому, большую часть года, но при таком множестве цветов не имеет запаха.

Другой хиндустанский цветок — канир. Канир бывает белый, бывает и красный; от такой формы, как цветок персика, и имеет пять листьев. Красный канир [более] похож на цветок персика, но только цветы канира распускаются по четырнадцати или пятнадцати в одном месте, и издали кажется, что это один большой цветок. Куст канира больше розового куста; красный канир довольно хорошо пахнет; это приятный
288а цветок. Канир тоже красиво и обильно цветет во время дождей; || его можно найти большую часть года.

Цветет в Хиндустане также цветок киюра. У него очень приятный запах. Недостаток мускуса в том, что он сухой, а киюра можно назвать влажным мускусом. Вид у киюра довольно необычный; длина его цветка — полтора-два кариша, листья длинные, такой формы, как листья гарау, и с шипами; внешние лепестки, сжатые, как бутон, у него зеленоватые и колючие, внутренние лепестки — мягкие, белые. Между внутренними лепестками находится нечто вроде сердцевины цветка, от которой исходит приятный запах. Только что вышедший из под земли куст киюра, у которого еще нет ствола, похож на куст молодого камыша. Листья у него плоские и колючие, ствол очень некрасивый, корни — на виду.

Другой хиндустанский цветок — жасмин; он белый, его называют чамбали. Этот жасмин больше нашего жасмина и запах у него сильнее.

В наших землях — четыре времени года, в Хиндустане — три времени года: четыре месяца лето, четыре месяца дожди и четыре месяца зима; начало каждого месяца — от появления новой луны. Через три года прибавляют один месяц к дождливым месяцам, еще через три года добавляют месяц к зимним месяцам, а еще через три года — к летним месяцам; эти годы у них високосные ||. [Чаит, Байсах, Джет и Асарх] — 288*б*
это летние месяцы; они соответствуют Рыбам, Овну, Тельцу и Близнецам; [Саван, Бхадун, Ковар и Катик] — дождливые месяцы, соответствующие Раку, Льву, Деве и Весам; [Аган, Пус, Маг и Фальгун] — зимние месяцы, соответствующие Скорпиону, Стрельцу, Козерогу и Водолею.

Жители Хиндустана, установившие времена года по четыре месяца, считают порой сильной жары, дождя или холода только два месяца в каждом времени года. Последние два месяца лета, Джет и Асар, считают месяцами сильной жары, первые два месяца из дождливых месяцев, Саван и Бхадун, считаются временем сильных дождей, два средних месяца зимы, Пус и Маг, считаются порой сильных холодов. По такому расчету у них получается шесть времен года.

Дням недели хиндустанцы тоже дали названия: [суббота — саничар, воскресенье — рабибар, понедельник — сумвар, вторник — мангалвар, среда — будвар, четверг — брихаспатвар, пятница — шукрвар].

В наших землях принято делить сутки на двадцать четыре части, каждую из которых называют часом, а каждый час делят на шестьдесят частей и называют каждую из них минутой, так что в сутках получается четыреста сорок минут. В течение минуты можно приблизительно ||* шесть раз прочитать фатиху с бисмиллой; таким образом, за сут- 289*а*
ки прочтешь фатиху с бисмиллой восемь тысяч шестьсот сорок раз*. Так и жители Хиндустана тоже делят сутки на шестьдесят частей, каждую из которых называют гари. Кроме того, день делится у них еще на че-

тыре части и ночь — тоже на четыре части; каждая из них называется пахар, по-персидски это будет пас. В наших землях я тоже слышал слова пас и пасбан, но в таком особом смысле они у нас не известны.

Для отбивания часов во всех значительных городах Хиндустана назначены определенные люди, которых называют гариали. У них есть бронзовая посудина величиной с большое блюдо и толщиной в два пальца; эта бронзовая штука называется гариал и ее вешают на высоком месте. И еще есть у них сосуд, похожий на [нашу] чашку для отсчета часов, с отверстием в дне; этот сосуд наполняется водой в течение одного гари. Гариали по очереди ставят сосуд в воду и ждут, пока он наполнится. Например, сосуд ставят в воду при рождении дня; когда сосуд наполнится, гариали один раз ударяют по гариалу колотушкой, когда он наполнится вторично, ударяют два раза [и так далее], пока не пройдет целый пахар. В знак того, что пахар окончился, гариали часто и быстро стучат колотушкой по гариалу; если кончился первый
289*б* пахар дня, то после нескольких быстрых ударов || делают перерыв и опять ударяют один раз; если окончился второй пахар, то после быстрых ударов ударяют два раза, если третий — три раза, если четвертый — четыре раза. Когда пройдут четыре дневных пахара, начинаются ночные пахары. Раньше гариали и днем и ночью отбивали знак пахара только по окончании каждого пахара. Если люди просыпались ночью и слышали бой трех или четырех гари, они не знали, второй это или третий пахар. Я приказал в ночное время и в пасмурные дни после боя гари отбивать знак пахара. Например, когда отобьют три гари первого ночного пахара, делают перерыв и отбивают один удар в знак пахара, чтобы знали, что это три гари из первого пахара, а отбив четыре гари третьего ночного пахара, делают перерыв и бьют еще три удара в знак третьего пахара, дабы было известно, что эти четыре гари из третьего пахара. Очень хорошо получилось: ночью, когда проснешься и услышишь бой гариали, то можешь определить, сколько прошло гари и из какого пахара.

Гари в свою очередь состоит из шестидесяти частей, каждую из которых называют пал; в сутках получается три тысячи шестьсот палов.
290*а* || В течение каждого пала можно шестьдесят раз закрыть и открыть глаза, так что за сутки можно закрыть и открыть глаза двести шестнадцать тысяч раз. Я сделал опыт и оказалось, что за один пал можно приблизительно восемь раз сказать: «Кул, хува-л-Лаху» с бисмиллой, так что за сутки успеешь повторить «Кул, хува-л-Лаху» с бисмиллой двадцать восемь тысяч восемьсот раз.

Жители Хиндустана хорошо определили также и меры веса. Восемь рати равняется одному маша; четыре маша составляют один танг, то есть тридцать два рати. Пять маша — то же, что один мискал, то есть

сорок рати, двенадцать маша равняются одному тула, то есть девяносто шести рати. Четырнадцать тула составляют один сар, а сорок саров, как установлено, везде равняются одному манбану. Двенадцать манбанов это один мани; сто мани называют минаса. Драгоценные камни и жемчуг вешают на танги.

Хиндустанцы удачно обозначают числа. Сто тысяч они называют лак, сто лаков — крур, сто круров — арб, сто арбов — карб, сто карбов — нил, сто нилов — падам, сто падамов — санг. Наличие таких больших чисел указывает на обилие богатств в Хиндустане.

Большинство жителей Хиндустана — язычники; хиндустанцы называют язычников хинду. В нашей стране только те, кто кочует в степях, именуют себя по названию племени; || в Хиндустане оседлые жи- 290*б*
тели областей и деревень тоже именуются по племенам. Всякий ремесленник перенимает там ремесло от отцов и дедов.

Хиндустан — малоприятное место. Народ там некрасивый, хорошее обхождение, взаимное общение и посещение им не известны. [Большой] одаренности и сметливости у них нет, учтивости нет, щедрости и великодушия нет. В их ремеслах и работе нет ни порядка, ни плана; шнур и угольник им не известны. Хорошей воды в Хиндустане нет, хорошего мяса нет, винограда, дынь и хороших плодов нет, льда нет, холодной воды нет, на базарах нет ни хорошей пищи, ни хорошего хлеба. Бань там нет, медресе нет, свечей нет, факелов нет, подсвечников нет.

Вместо свечей и факелов множество грязных людей, которых называют дивати, держат в левой руке маленькие треножники, у которых к концу одной из их деревянных ножек прикреплена железка вроде головки подсвечника; к ножке с железкой привязывают толстый фитиль величиной с большой палец. В правой руке у дивати тыква с узким отверстием, из которого тонкой струей сочится масло; всякий раз, когда нужно смочить фитиль маслом, дивати льют масло из тыквы. Этими снарядами пользуются вместо факелов и свечей. Если у их государей или беков случится ночью дело, для которого нужна свеча, эти грязные дивати || приносят свои светильники и стоят с ними возле государя. 291*а*

Кроме рек, стоячей воды и ручьев, которые текут во рвах и каналах, у хиндустанцев нет проточной воды; в садах и домах [воды у них тоже нет]. В жилищах хиндустанцев нет приятного воздуха, красоты и порядка. Крестьяне и мелкий люд ходят совсем голые, они [только] подвязывают одну вещь, [которую называют] лангута; это — короткая тряпка, свисающая на два кариша ниже пупка. Поверх короткой тряпки носят другую тряпку, которую привязывают к завязке этой лангута, пропускают между бедрами и прикрепляют сзади к завязке лангута. Женщины тоже надевают длинный ланг; половину они повязывают вокруг пояса, половину набрасывают себе на голову.

Достоинства Хиндустана. Это обширная страна, золота и серебра там много. В дождливое время воздух очень хороший. Бывают дни, когда дождь идет десять, пятнадцать или двадцать раз. Во время дождей сразу образуются потоки, и в местах, где [обычно] совсем нет воды, струятся реки. Во время дождя и после дождя воздух удивительно хорош, так что более ровного и приятного воздуха и быть не может. Недостатком этого является то, что воздух очень сырой. В дождливое
291*б* время нельзя даже стрелять из наших луков, они портятся. || Не одни только луки, кольчуги, книги, платье, ткани — все страдает от действия сырости. Постройки тоже стоят недолго.

В недождливое время, зимой и летом, воздух тоже бывает хороший, но только всегда дует сильный ветер; пыли и земли в воздухе много. Летом, в месяцах Тельца и Близнецов, незадолго до дождей, четыре или пять раз в год поднимается сильный ветер; пыли и земли в воздухе тогда так много, что люди не видят друг друга. Этот ветер называют анди.

Месяц Близнецов жаркий, но жара не чрезмерная — наполовину такая, как в Балхе и Кандахаре.

Другое достоинство Хиндустана — то, что там бесчисленное и безграничное множество рабочих и ремесленников. Ко всякой работе и к любому делу приставлены и назначены определенные люди, которые исполняют эту работу или дело по наследству от предков. Мулла Шараф [ад-дин] в Зафар-нама красноречиво расписывает, что, когда Тимур бек строил каменную мечеть, то на этой постройке каждый день работало двести каменщиков из Азербайджана, Фарса, Хиндустана и других государств. В одной Агре на моих постройках ежедневно работало шестьсот восемьдесят каменщиков из самой Агры; в Агре, Сикри, Биане, Дулпуре, Гвалиаре и Куиле на моих постройках каждый день
292*а* работал тысяча четыреста девяносто один каменщик. || Также и всяких других ремесленников и рабочих в Хиндустане бесконечное и несметное множество.

С областей, находящихся ныне под моей властью, то есть от Бхиры до Бахара, [поступает дохода] пятьдесят два крура, как будет видно из итога инжеследующей подробной росписи. Восемь или девять круров из них идет с [бывших] владений раев и раджей, которые выразили мне покорность и издавна получили эти владения как средство к существованию.

Я упомянул и изложил особенности и качества земли и обитателей областей Хиндустана, насколько они были мне известны и мною установлены. В дальнейшем, если попадается на глаза еще что-нибудь достойное записи, я это расскажу, и если услышу что-нибудь, что стоит слушать,— поведаю.

Приблизительный доход с тех областей Хиндустана, которые на деле стали подвластны нашим победоносным знаменам

Области	Круров	Лаков	Тенег	
1. По сю сторону Сатладжа: Бхира, Лахор, Сиалкот, Дибалпур и прочие	3	33	15989	
2. Сирхинд	1	29	31985	
3. Хисар-Фируза	1	30	75174	
4. Столичный город Дихли и Миан-Ду-Аб	3	69	50254	
5. Мевat—при Искандере (Лоди) не входил (в наши владения)	1	69	81000	
6. Биана	1	44	14930	292*б*
7. Агра	—	29	76919	
8. Срединные области	2	91	19	
9. Гвалиар	2	29	57450	
10. Калпи, Сиханда и прочие	4	28	55950	
11. Канаудж	1	36	63358	
12. Самбал	1	38	44000	
13. Лакнур и Баксар	1	39	82433	
14. Хайрабад	—	12	65000	293*а*
15. Уд и Бахрадж	1	17	1369	
16. Джаунпур	4	0	88333	
17. Карра и Маникпур	1	63	21282	
18. Бихар	4	5	60000	
19. Сарвар	1	55	17506 $\frac{1}{2}$	
20. Сарун	1	10	18373	
21. Чашпаран	1	90	86080	
22. Кандла	—	43	30300	
23. Тирхут—по среднему расчету—от раджи Руп Нараина серебром и медью	—	2 27	55000 50000	
24. Рантамбхур—от Були, Чарсу и Малана		20	—	
25. Нагур	—	—	—	
26. От раджи Бикрамаджита в Рантамбхуре	—	—	—	
27. Каланджари	—	—	—	
28. Раджа Сингдео	—	—	—	
29. Раджа Бикамдео	—	—	—	
30. Раджа Бикамчанд	—	—	—	293*б*

В субботу, двадцать девятого числа месяца раджаба, мы начали осматривать и делить содержимое казнохранилища. Хумаюну было дано из казны семьдесят лаков; я также пожаловал Хумаюну содержи-

мое еще одной незаписанной и непроверенной сокровищницы. Некоторые беки получили десять лаков, другие — восемь, семь и шесть лаков; афганцам, хазарейцам, арабам и белуджам и всем воинам вообще были пожалованы деньги из казны, каждому по его положению; всякий купец или ищущий знаний и вообще все люди, которые сопровождали мое войско, унесли обильные и достаточные награды и дары. Тем, кто не был в войске, тоже пошли большие награды и подарки из казны. Так, например, Камрану досталось семнадцать лаков, Мухаммед Заман мирзе — пятнадцать лаков, Аскари, Хиндалу и всем родичам, близким, сыновьям и детям пошло в подарок много золота, серебра, платья, драгоценных камней и рабов. Бекам и воинам, оставшимся на той стороне,
294*а* тоже были пожалованы большие награды. В Самарканд, Хорасан, || Кашгар и Ирак моим близким и родичам отправили подарки; шейхам, находившимся в Самарканде и Хорасане, послали обетные приношения; в Мекку и Медину тоже пошли обетные приношения. В области Кабула и в округе Варсак всякому живому человеку — мужчине, женщине, рабу, свободному, взрослому и малолетнему — было пожаловано по одному золотому шахрухи.

Когда мы прибыли в Агру, между нашими людьми и тамошними людьми сначала царила удивительная рознь и неприязнь. Воины и крестьяне тех мест боялись наших людей и бежали. Во всех укрепленных местах, кроме Агры и Дихли, они защищали крепости и отказывали в повиновении. В Самбхале находился Касим Самбхали, в Биане — Низам хан; в Мевате пребывал сам Хасан хан Мевати. Этот нечестивый человечишко был зачинщиком всех смут и волнений. В Дулпуре находился Мухаммед Зайтун, в Гвалиаре сидел Татар хан Саранг хани, в Рапари — Хусейн хан Нухани, в Атаве — Кутб хан, в Калпи — Алам хан. Канаудж и все земли по ту сторону Ганга были в руках враждебных афганцев вроде Насир хан Нухани, Ма'руфа Фармули и многих других эмиров. За два или три года до смерти Ибрахима они восстали. Когда я разбил Ибрахима, они овладели Канауджем и всеми областями за Канауджем и сделав два-три перехода, осели по сю сторону Канауд-
294*б* жа. Они сделали государем Бихар хана, сына Дариа хана, || и дали ему прозвание Султан Мухаммед. Маргуб-невольник находился в Махавине. Будучи так близко, он все же некоторое время не являлся ко мне.

Когда мы пришли в Агру, стояло жаркое время; весь народ от страха бежал. Для нас и для коней нельзя было найти пищи и корма. Жители деревень, из вражды и ненависти, оказывали неповиновение, воровали и разбойничали; по дорогам невозможно было ходить. Мы еще не успели разделить казну и назначить в каждую область и местность крепких людей; к тому же в том году было очень жарко; люди во множестве разом падали и умирали от действия губительных ветров.

По этим причинам многие беки и добрые йигиты пали духом и не соглашались остаться в Хиндустане: они тоже стали уходить. Если пожилые и опытные беки говорят такие слова, то вины на них нет: когда они это говорят, у человека хватает ума и рассудка, чтобы найти в их речах верное и неверное и различить хорошее и дурное. Но если кто-нибудь все обдумал и твердо на что-нибудь решился, какое удовольствие еще раз повторять то, что уже было сказано, какой смысл выслушивать от малого и великого такие слова и такие бестолковые мнения?|| Удивительное дело! Выступая в этот раз из Кабула, я назначил из малых и великих [приближенных] несколько новых беков. Я надеялся, что если я вздумаю пойти в огонь и воду, они без колебания пойдут за мной; в какую бы сторону я ни направился, они последуют за мной. Не думал я, что они станут возражать против моих намерений и, не успев выйти с совета, начнут отказываться от всякого дела или предприятия, которое я хотел осуществить с общего согласия и совета. Все они держали себя плохо, но Ахмади парваначи и Вали Хазин оказались хуже всех. Ходжа-и Калан со времени выхода из Кабула и до победы над Ибрахимом и взятия Агры держал себя хорошо, говорил мужественные слова и высказывал мнения, свидетельствующие о высоких помыслах, но, спустя несколько дней после взятия Агры, все его намерения изменились: именно Ходжа-и Калан твердо решил уходить. 295*а*

Заметив среди людей такое колебание, я созвал всех беков, и мы устроили совет. Я сказал: «Власти и миродержавия не достигнешь без доспехов и снаряжения; быть государем и эмиром без нукеров и владений — невозможно. Сколько лет мы прилагали старания и терпели тяготы, ходили в далекие страны и водили войска, подвергая себя и людей опасностям боев и войны!|| По милости божьей, мы разбили столь многочисленных врагов и захватили столь обширные земли. Какая же сила и какая необходимость заставляют нас теперь без причины бросить владения, завоеванные после стольких трудов, и снова вернуться в Кабул, чтобы подвергнуть себя испытаниям бедности и слабости? Пусть же всякий, кто хочет нам добра, впредь не говорит таких слов, а тот, кто не может больше проявить стойкости, если хочет уходить — пусть уходит и не отказывается от этого». 295*б*

Внушив им столь правильные и разумные мысли, мы отвратили от подобных тревог и тех, кто хотел уйти, и тех, кто не хотел этого.

Так как Ходжа-и Калан не был расположен остаться, то мы решили таким образом: пусть Ходжа-и Калан, у которого много нукеров, возьмет с собой подарки и уходит. В Кабуле и в Газни людей мало, пусть он установит там твердую власть и порядок. Газни, Гардиз и местности, населенные хазарейцами Султан-Мас'уди, я пожаловал Ходжа-и Калану. В Хиндустане он также получил в удел Гхурам, дающий доход

в три-четыре лака. Ходже Мир Мирану тоже был дан приказ идти в Кабул. Кабульские подарки были поручены Ходже Мир Мирану, получить их надлежало Мулле Хасан Саррафу и Тука Хинду.

Так как Ходжа-и Калан терпеть не мог Хиндустана, то он, уходя,
296а написал на стене своего дома такой стих:||

Если я перейду Синд целый и невредимый,*
Пусть почернеет мое лицо раньше, чем я вновь захочу увидеть Хинд!

Сочинять и писать такие насмешливые стихи было весьма неприлично. Если уход Ходжа-и Калана породил у меня неудовольствие, то после такой насмешки причин для неудовольствия стало две. Я тоже немедленно сочинил, написал и послал Ходжа-и Калану такое рубаи:

Сто раз будь благодарен, Бабур, ибо господь всепрощающий*.
Дал тебе Синд, Хинд и большое царство.
Если нет у тебя сил выносить жару*
И ты скажешь: «Хочу видеть лицо холода», то у тебя есть Газни.

В это время я отправил в Куил Муллу Аппака, который раньше занимал очень низкую ступень, но два-три года назад созвал своих родичей и в общем собрал довольно большую толпу приверженцев. Я дал ему [отряд] из Урукзаев и некоторых афганцев, живших на берегу Синда, и послал с ним тамошним лучникам и воинам милостивые грамоты. Шейх Гуран явился ко мне с изъявлением преданности и дружбы и остался со мной; из лучников, обитавших в Миан-Ду-Абе, он тоже привел с собой две или три тысячи. Сыновья и родичи Али хана Фармули встретились между Дихли и Агрой с Юнус Али, когда тот заблудился и отбился от Хумаюна. После небольшой стычки Юнус Али разбил противника, связал сыновей Али хана и привел их ко мне. По этому случаю я присоединил к Мирза Моголу, сыну Даулат Кадама
296б Тюрка,|| одного из пленных сыновей Али хана и послал их с милостивыми грамотами к Али хану, который во время этих смут ушел в Мевat. Мирза Могол привел Али хана с собой. Я проявил к Али хану благосклонность и пожаловал ему удел, дающий двадцать пять лаков чистого дохода.

Ибрахим послал несколько эмиров во главе с Мустафа Фармули и Фируз ханом Сарангхани, против восставших эмиров Пурабских гор. Мустафа многократно и хорошо воевал с этими непокорными эмирами и несколько раз как следует разбил их. Незадолго до поражения Ибрахима Мустафа умер. Шейх Баязид был его младшим братом. Так как Ибрахим был занят важным делом, он тотчас же поставил Шейх Баязида во главе людей его старшего брата. Фируз хан, Шейх Баязид, Махмуд хан Нухани и Кази Джиа явились мне служить. К этим людям я тоже проявил милость и благосклонность большую, чем они ожи-

дали: Фируз хану было пожаловано владение из земель Джаунпура в один крор сорок шесть лаков и пять тысяч тенег, Шейх Баязиду — один крор, сорок восемь лаков пятьдесят тысяч тенег из земель Уда, Махмуд хану — девяносто лаков тридцать пять тысяч тенег из земель Газипура, Қази Джиа — двадцать лаков.

Когда прошло несколько дней после праздника шаввала, в личном дворце Султан Ибрахима, в среднем айване с каменными колоннами и куполом мы устроили большой пир. Хумаюну было пожаловано расшитое платье, сабля на поясе и конь под золотым седлом; Чин Тимур султан, Махди ходжа || и Мухаммед Султан мирза тоже получили почетные 297*а*
одежды, сабли на поясе и поясные кинжалы. Другим бекам и йигитам, смотря по положению каждого, были пожалованы сабли на поясе, поясные кинжалы и почетные одежды, как это, в общем, записано здесь:

Коней с седлом — две головы;
шашек на поясе, украшенных драгоценными камнями, — две штуки;
кинжалов украшенных — двадцать пять штук;
обоюдоострых ножей украшенных — шестнадцать штук;
сабель украшенных — две;
индийских ножей с золотыми ручками — один;
почетных одежд — четыре;
чекменей из красной материи — восемь;
алой материи — пятьдесят один отрез.

В день пиршества выпало удивительно много дождя; дождь шел тринадцать раз. Для многих гостей места были устроены снаружи; они промокли насквозь.

Я пожаловал Мухаммади Кукельташу область Самана и назначил его для набега на Самбхал. Хисар-Фируза я подарил Хумаюну, а также пожаловал ему Самбхал. Хинду бек был оставлен при Хумаюне. В связи с этим, вместо Мухаммади, в набег на Самбхал были посланы Хинду бек, Қитта бек и Малик Қасим, [брат] Баба Қашка, с его родичами, а также Мулла Аппак и Шейх Гуран с лучниками из Миан-Ду-Аба.

Три-четыре раза от Қасима Самбхали приходили люди|| [и гово- 297*б*
рили]: «Неблагодарный Бибан осадил Самбхал и обессилил его защитников. Приходите скорей!». Бибан, с теми же запасами и снаряжением, с каким он ушел от нас, занял склоны гор, собрал бежавших и разбитых афганцев и хиндустанцев и, увидев во время последних смут, что это место пусто, пришел и осадил Самбхал.

Хинду бек, Қитта бек и люди, назначенные в набег, дойдя до брода Хар, приступили к переправе и послали вперед Малик Қасима, [брата] Баба Қашка, с его братьями. Малик Қасим, перейдя реку с сотней или полутора сотнями человек и со своими братьями, поспешно двинулся дальше и к полуденной молитве дошел до Самбхала. Бибан тоже построил [своих бойцов] и вышел из лагеря. Малик Қасим быстро бро-

сился вперед, обошел крепость с тыла и завязал бой. Бибан не мог устоять и бежал; некоторым из его людей отрубили головы. Наши воины захватили несколько слонов, много коней и другую добычу.

На следующее утро подоспели прочие беки, высланные в набег. Касим бек Самбхали пришел и повидался с ними, но, не считая за благо передать им крепость, придумывал всякие хитрости. Однажды Шейх Гуран и Хинду бек, сговорившись с другими беками, под каким-то предлогом привели Касим бека Самбхали к этим бекам и впустили моих людей в крепость. Домочадцев Касима Самбхали и зависящих от него людей целыми и невредимыми вывели из крепости.

Я отправил в Биану Каландара Пиада и послал Низам хану гра-
298*а* моты с посулами и угрозами.‖ Я послал ему также небольшой отрывок в стихах, который сочинил сразу:

С тюрком не вступай в борьбу, о эмир Бианы,*
Быстрота и смелость тюрка очевидны.
Отчего не приходишь поскорее и не внемлешь увещаниям?*
Когда дело очевидно — к чему изъяснение?

Крепость Бианы — одно из знаменитых укреплений Хиндустана. Этот безумный человечишко, надеясь на неприступность своей крепости, прислал [людей], требуя больше того, что умещалось у него в зобу. Я не дал пришедшему от него человеку хорошего ответа и приказал готовить осадные орудия. Баба Кули бека я послал к Мухаммед Зайтуну с грамотами, содержащими угрозы и посулы; Мухаммед Зайтун тоже придумывал отговорки и применял хитрости.

Рана Санка-нечестивый, когда я был еще в Кабуле, прислал человека, выражая доброжелательство, и мы порешили так: «Если государь, то есть я, придет в область Дихли, то я, [Рана Санка], уйду оттуда на Агру». Однако, когда я разбил Ибрахима и взял Дихли и Агру, этот нечестивец не сделал ни одного движения, [чтобы уйти]. Через некоторое время он пришел и осадил крепость Кандар, где находился сын Макана по имени Хасан. От Хасана, сына Макана, несколько раз приходили люди, но сам Макан еще не показывался. Окружающие кре-
298*б* пости ‖— Атава, Дулпур, Гвалиар, Биана— еще не перешли [ко мне], афганцы на востоке проявляли упорство и непокорность: они выступили из Канауджа в сторону Агры и стояли в двух-трех переходах [от нее]. Относительно окружающих областей я еще не был вполне спокоен, и по этой причине мы не выделили людей на помощь Хасану. Через два-три месяца Хасан, не имея средств защищаться, заключил условие и сдал крепость Кандар.

Хусейн хан из Рапари, испугавшись, бросил Рапари и ушел. Рапари было отдано Мухаммед Али Дженг-Дженгу.

Кутбхану, который находился в Аташе, несколько раз посылались грамоты с угрозами и посулами, однако он не пожелал ни явиться к нам, ни покинуть Аташу. Я послал на Аташу Махди ходжу, направив в помощь ему большой отряд беков и приближенных во главе с Мухаммед Султан мирзой, Султан Мухаммед Дулдаем, Мухаммед Али Дженг-Дженгом и Абд ал-Азиз мирахуром.

Канаудж я отдал Султан Мухаммед Дулдаю; Фируз хана, Махмуд хана, Шейх Баязида, Кази Джиа — военачальников, которым я оказывал очень большие милости и пожаловал уделы на востоке, я тоже назначил идти на Аташу.

Мухаммед Зайтун,|| сидевший в Дулпуре, придумывал всякие отго- 299*а*
ворки и не являлся. Я пожаловал Дулпур Султан Джунаид Барласу и дал ему в помощь людей под начальством Адил султана, Мухаммади Кукельташа, Шах Мансур Барласа, Кутлук Кадама, Абд Аллаха Вали, Джан бека, Пир Кули и Шах Хусейна Барги, которые должны были силой захватить Дулпур, передать его Султан Джунаид Барласу и идти на Биану.

Распределив отряды войска, я созвал тюркских эмиров и хиндустанских эмиров, устроил совет и сказал: «Некоторые эмиры на востоке, под предводительством Насир хана Нухани и Ма'руфа Фармули, с войском в сорок-пятьдесят тысяч человек, перешли Ганг, овладели Канауджем и стоят в двух-трех переходах по сю сторону реки. Рана Санка-нечестивый взял Кандар и устраивает смуты и беззакония. Дождливое время подходит к концу, и мне кажется необходимым и обязательным выступить либо против непокорных, либо против язычников. Подчинить себе окружающие и близлежащие крепости — дело легкое. Когда мы победим этих сильных врагов, куда они пойдут? [Могущество] Рана Санка не следует особенно преувеличивать».

Все в одно слово отвечали: «Рана Санка довольно далеко; неизвестно, может ли он подойти ближе. Отразить тех врагов, которые подошли так близко, важнее и предпочтительнее».

Мы хотели сами выступить против этих врагов, но|| Хумаюн доло- 299*б*
жил: «Государю выезжать нет надобности, я сослужу ему эту службу».

Слова его всем понравились, и тюркские и хиндустанские эмиры одобрили такое решение. Мы назначили Хумаюна в поход на восток, а к войскам, направленным к Дулпуру, послали Кабули, [нукера] Ахмед Касима, с повелением этим войскам возвратиться и присоединиться к Хумаюну в Чандваре. Войскам, возглавляемым Махди ходжой и Мухаммед Султан мирзой и назначенным в Аташу, тоже был отдан приказ присоединиться к Хумаюну.

В четверг тринадцатого зу-л-ка'да Хумаюн выступил в поход и стал лагерем в деревушке Джилисир, находящейся в трех курухах от Агры.

Проведя в Джилисире один день, он выступил оттуда и, переход за переходом, двинулся далее. В четверг двадцатого числа того же месяца Ходжа-и Калану было дано позволение отправиться в Кабул.

Мне постоянно приходило на ум, что одним из великих недостатков Хиндустана является отсутствие там проточной воды. Всюду, где пришлось бы обосноваться, я решил установить водяные колеса, провести воду и разбить по плану ровные [сады]. Спустя несколько дней после прихода в Агру, мы, ради этого дела, перешли реку Джун и осмотрели места, где можно было бы разбить. сад. Окужающая местность была так неприглядна и разорена, что я снова перешел реку, полный отвра-
300а щения и неудовольствия.|| Из-за непригодности и непривлекательности этого места мысль о саде вышла у меня из головы. Но так как другого [свободного] места столь близко от Агры не было, то через несколько дней по необходимости пришлось начать работу именно там. Сначала вырыли большой колодец, из которого берут [теперь] воду для бани, потом стали работать в том месте, где растут деревья амбли и находится восьмиугольный водоем. После этого устроили большой водоем и двор, затем прорыли водоем перед каменными постройками и воздвигли талар. После этого разбили садик вокруг моих личных покоев и построили самое комнаты; затем построили баню. Таким образом, в этом неприглядном и неблагоустроенном Хиндустане появились прекрасные сады, разбитые по хорошему плану. В каждом углу были устроены приятные лужайки, на каждой лужайке росли красивые розы и шиповник, расположенные в совершенном порядке:

В Хиндустане мы страдали от трех вещей: во-первых, от жары, во-вторых, от сильного ветра и, в-третьих, от пыли. Баня устраняет все три [неприятности]: пыль и ветер ничего не могут сделать в бане, а в жаркую погоду там так свежо, что человек почти зябнет от холода.

То помещение бани, где находится горячий водоем, сплошь выложили камнем. Нижняя часть стен была из белого камня; все остальное, пол и потолок — из красного камня, который [привозят] из Бианы.

Халифа, Шейх Зайн, Юнус Али и все те, кому досталось место
300б на берегу реки,|| устроили красивые, хорошо расположенные сады и водоемы. Они поставили колеса по лахорскому и дибальпурскому способу и провели проточную воду. Так как жители Хиндустана не видывали садов, разбитых по такому плану и столь стройно, они назвали ту сторону Джуна, где находились эти сооружения, «Кабулом».

Внутри крепости между дворцом Ибрахима и внутренней стеной был пустырь. Там я тоже велел устроить большой ваин, площадью десять [газов] на десять. На языке хиндустанцев большой колодец со ступеньками называется в а и н. Ваин начали копать раньше, чем был разбит большой сад; его копали в самые дожди. Несколько раз колодец

рушился и заваливал рабочих. Он был закончен после моего похода против Рана Санка, как написано в тарихе над колодцем; этот тарих указывает на окончание колодца после похода. Прекрасный получился ваин!

В глубине ваина находится постройка в три этажа. Нижний состоит из трех айванов; дорога в него идет через колодец по ступенькам. Одна дорога ведет во все три айвана; каждый айван выше другого на три ступеньки. В то время, когда воду тянут из нижнего айвана, вода стоит ниже его на одну ступеньку; в дождливое время, когда вода прибывает, она иногда поднимается до верхнего айвана.

В среднем этаже выдолблен айван, с этим айваном соединяется сводчатое помещение, где ходит по кругу бык, вращающий водяное колесо.|| В верхнем этаже [тоже] устроен айван. Снаружи, со двора над колод- 301*а*
цем, в этот айван ведет с двух сторон вниз лестница в пять-шесть ступенек; против правого крыла лестницы камень с тарихом.

Рядом с этим колодцем вырыли другой колодец; дно этого колодца немного выше средины первого колодца; бык, вращающий колесо в упомянутом сводчатом помещении, поднимает воду из первого колодца во второй. Во втором колодце поставили еще одно колесо, которое поднимает воду на насыпь; по насыпи вода идет в верхний сад. В том месте, где ступеньки выходят из колодца, построено каменное здание; за оградой колодца стоит каменная мечеть, но ее построили нехорошо — так, как строят в Хиндустане.

В то время, когда Хумаюн выступил в поход, непокорные эмиры, во главе с Насир ханом Нухани и Ма'руфом Фармули, собрались в Джаджмау и сидели там. Хумаюн, пройдя десять-пятнадцать курухов пути, послал Му'мина Атка разведать новости; увлекшись захватом скота, Му'мин Атка не сумел даже доставить сколько-нибудь достоверных сведений. Узнав о приближении Му'мина Атка, враги не нашли в себе силы устоять и обратились в бегство.

После Му'мина Атка Хумаюн послал за вестями Касамтая, Баба Чухра и Бучка; эти люди доставили сведения о беспорядочном бегстве врага. Хумаюн пошел и взял Джаджмау. Когда он миновал эту местность и пришел в окрестности Дилмау,|| Фатх хан Сарвани пришел и 301*б*
повидался с ним. Хумаюн послал к нам Фатх хана Сарвани с Махди ходжой и Мухаммед Султан мирзой.

В тот год Убайд [Аллах] хан повел войско из Бухары и пришел под Мерв. В мервском арке было десять-пятнадцать крестьян. Убайд хан взял Мерв, перебил этих людей, за сорок или пятьдесят дней отстроил мервскую плотину и пошел на Серахс. В Серахсе было тридцать-сорок кизилбашей. Они закрыли ворота и не отдавали крепости, но жители напали на них и открыли ворота; узбеки вошли и перебили кизил-

башей. Захватив Серахс, они пошли на Тус и Мешхед. Жители Мешхеда, лишенные средств [к защите], подчинились; Тус узбеки осаждали восемь месяцев и взяли миром. Не соблюдая договора, они перебили всех именитых мужчин, а их женщин забрали в плен.

В том же году сын Султан Музаффара Гуджарати по имени Бахадур хан, который теперь занял место отца и царствует в Гуджарате, обидевшись на своего отца, пришел к Султан Ибрахиму. Тот взглянул на него без уважения. Когда я находился в окрестностях Панипата, ко мне прибыли письма Бахадур хана; я тоже послал ему грамоты, полные милости и ласки, и призвал его к себе. Бахадур хан думал ко мне явиться, но потом его мнение снова перевернулось; он отделился от войска Ибрахима и отправился в Гуджарат. Тем временем его отец, Султан Музаффар, скончался и брат|| Бахадур хана, Искандер шах, 302а который был старшим сыном Султан Музаффара, стал государем в Гуджарате вместо своего отца. Вследствие его дурной жизни некий раб по имени Имад ал-Мулк, сговорившись со своими приспешниками, задушил и убил Искандер шаха. Он позвал и привел Бахадур хана, который находился еще в пути, и посадил его на место отца, Бахадур хан получил прозвание Бахадур шаха. Бахадур шах поступил хорошо: так как Имад ал-Мулк проявил такую неблагодарность, он подверг его наказанию и убил. Кроме того, он перебил многих беков, оставшихся после его отца; его считают кровожадным и не боящимся бога юношей.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО

В месяце мухарраме Ваис бек привез весть о рождении Фарука. Хотя один пехотинец уже раньше доставил мне такую весть, но Ваис бек явился в этом месяце, чтобы получить подарок за радостную новость. Младенец родился в ночь на пятницу, двадцать третьего числа месяца шаввала, и был назван Фаруком.

Для обстрела Бианы и еще некоторых не подчинившихся мне крепостей я приказал Устаду Али Кули отлить большую пушку. Приготовив горны и все необходимые вещи, Устад Али Кули послал ко мне человека. В субботу, пятнадцатого мухаррама, мы отправились посмотреть, как Устад Али Кули будет лить пушку. Вокруг того места, где должно было происходить литье, он поставил восемь горнов и разложил инструменты. Со дна каждого горна || шел желоб, ведший к форме, 302б

в которой отливалась пушка. Когда мы пришли, Устад Али Кули открыл отверстия горнов; по желобам, бурля, как вода, полился в форму расплавленный металл./Через некоторое время, хотя форма и не наполнилась, приток расплавленного металла, лившегося из горнов, постепенно прекратился: в горнах или в металле, видимо, был какой-то изъян. Устад Али Кули впал в очень плохое состояние; он хотел даже броситься в расплавленную медь, налитую в форму. Обратившись к Устаду Али Кули с утешением, мы облачили его в почетную одежду и рассеяли его смущение. Через день или два, когда форма охладилась, ее открыли; Устад Али Кули с великой радостью прислал человека сказать, что вкладная часть пушки оказалась без единого порока и что отлить казенную часть нетрудно. Вынув вкладную часть [из формы], Устад Али Кули назначил людей, чтобы ее наладить, а сам занялся отливкой казенной части пушки.

Махди ходжа привел от Хумаюна Фатх хана Сарвани; они расстались с Хумаюном в Дилмау. Я хорошо встретил Фатх хана Сарвани и отдал ему владения его отца А'зам Хумаюна, пожаловав, сверх того, еще некоторые земли; Фатх хану был дан удел в один крор и шестьдесят лаков.

В Хиндустане эмирам, находящимся в милости, присваиваются раз-
303а личные титулы; один из них — а'зам хумаюн, другой — хан-и джахан,‖ или хан-и ханан. Отца Фатх хана величали а'зам хумаюн. При жизни моего сына Хумаюна величать кого-нибудь таким титулом не подобает; я отменил это обращение и Фатх хану было дано прозвище Хан-и джахан.

В среду, восьмого числа месяца сафара, у большого водоема, наверху, среди деревьев амбли поставили намёты и устроили пир. Я пригласил Фатх хана Сарвани на попойку, предложил ему вина и пожаловал свой тюрбан и платье. Возвеличив его этими знаками внимания и милостями, я дал ему разрешение отправиться в его земли. Было решено, что сын Фатх хана Махмуд хан будет постоянно находиться при мне.

В среду, двадцать четвертого числа месяца мухаррама, Мухаммед Али, сын Хайдар-и Рикабдара, был спешно послан к Хумаюну [с таким приказом]: «Благодарение богу, враг на востоке бежал; по прибытии этого человека, оставь в Джаунпуре несколько подходящих беков, а сам веди свое войско и иди поскорее к нам. Рана Санка-нечестивец вошел в ближайшую дверь, сделаем же мысль о нем нашей основной [заботой]».

После того как войска [Хумаюна] ушли на восток, я приказал Тарди беку, [брату] Куч бека, его младшему брату Шир Афгану, Мухаммед Халилу Ахта беги с его братьями и прислужниками и Рустам Туркмену

с братьями, а также Дауду Сарвани из жителей Хиндустана совершить набег на окрестности Бианы и пограбить эти места. Если они смогут обещаниями и посулами привлечь к нам защитников крепостей|| — пусть 303*б* будет так, если нет — их следует ограбить, чтобы обессилить врагов.

В крепости Тахангар находился старший брат [упомянутого] Низам хана из Бианы по имени Алам хан. Его люди неоднократно приходили к нам и выражали покорность и доброжелательство. Этот Алам хан взял на себя такое дело: «Если от государя будет назначен отряд, я сумею с помощью посулов и обещаний привести всех лучников Бианы и захватить бианскую крепость». Когда это было решено, то йигиты, во главе с Тарди беком, назначенные в набег, получили такой приказ: «Так как Алам хан — местный человек и берет на себя такую услугу и службу, то в делах, относящихся к Биане, следуйте его верному мнению и указанию».

Хотя некоторые жители Хиндустана хорошо рубятся на саблях, но большинство их совершенно лишено дара и способности воевать и не имеет понятия о том, как действовать и вести себя полководцу. Этот Алам хан, к которому присоединились мои воины, не обращая внимания на чьи-либо слова и не думая о том, что хорошо и что плохо, подвел бойцов к самой Биане. В посланном нами отряде было двести пятьдесят или около трехсот тюрков, хиндустанцев и воинов, собранных с разных концов, [всего] немного больше двух тысяч, а у Низам хана насчитывалось свыше четырех тысяч конных афганцев из Бианы и прочих воинов; пехотинцев у него было больше десяти тысяч. Увидев и узнав врагов,|| Низам хан тотчас же вышел на них с упомянутым конным и 304*а* пешим войском. Он быстро подошел к нашему отряду, бросил на него множество всадников и обратил этот отряд в бегство. Алам хана Тахангари, своего старшего брата, он взял в плен, кроме него было взято еще пять или шесть человек; часть пожитков тоже пришлось отдать.

Несмотря на такой поступок Низам хана, я дал ему [новые] обещания и заверения в благосклонности, простил ему прежние и теперешние проступки и послал об этом соответствующие грамоты. Получив сведения о быстром продвижении нечестивого [Рана Санка], Низам хан не мог ничего поделать и, призвав Сейид Рафи', при его посредничестве передал крепость нашим людям, а сам явился ко мне с Сейид Рафи' и удостоился счастья мне служить. Я пожаловал ему удел в двадцать лаков в Миан-Ду-Абе. Дуст ишик ага был временно послан в Биану; через несколько дней я пожаловал Биану Махди ходже и, назначив ему для поддержания жизни семьдесят лаков, отпустил его в Биану.

От Татар хана Саранг хани, который был в Гвалиаре, неоднократно приходили люди с изъявлением покорности и доброжелательства. Когда нечестивый взял Кандар и подошел совсем близко к Биане, один

из раджей Гвалиара, Дарманкат, и некий нечестивец по имени Хан-и Джехан подошли к Гвалиару и, позарившись на крепость, начали сеять смуту и недовольство. Татар хан, оказавшись в затруднительном положении, решил передать Гвалиар [мне]. Мои беки, приближенные и добрые йигиты большей частью были в войске или в отрядах, разосланных
304б в разные стороны. Я дал Рахимдаду || несколько воинов из Бхиры и лахорцев, присоединил к нему Хастачи Тункетара с братьями и послал упомянутых людей в Гвалиар, назначив им уделы в этой области. Мулла Аппак и Шейх Гуран были тоже посланы туда с тем, чтобы посадить Рахимдада в Гвалиаре и вернуться. Когда все они приблизились к Гвалиару, Татар хан, который изменил свое мнение, не позвал их в крепость. В это время Шейх Мухаммед Гаус, дервиш, очень занятый стремлением к богу и имеющий много учеников и последователей, послал из крепости Гвалиара человека к Рахимдаду, со словами: «Любым способом проникните в крепость, так как мнение этого человека изменилось и он задумал дурное». Как только весть об этом дошла до Рахимдада, он написал и послал Татар хану такое письмо: «Стоять вне крепости из-за нечестивых опасно. Я и еще несколько человек войдем в крепость, а другие пусть остаются снаружи». После долгих убеждений Татар хан согласился. Рахимдад с очень небольшим отрядом вошел в крепость и сказал: «Пусть наши люди стоят у этих ворот». Он поставил своих людей у ворот Хати-Пул.

В ту же ночь Рахимдад впустил через Хати-Пул своих людей. Утром Татар хан, не зная, что делать, волей-неволей сдал крепость, вышел оттуда и явился в Агру. Для поддержания его жизни ему был назначен один из уделов Бианвана с доходом в двадцать лаков.

305а ||Мухаммед Зайтун, также не имея средств защищаться, сдал Дулпур и пришел служить мне. Ему был пожалован удел, приносящий несколько лаков дохода. Я сделал Дулпур своим личным владением и пожаловал право сбора налогов в этой области Абу-л-Фатх Туркмену, которого и послал в Дулпур.

В окрестностях Хисар-Фируза Хамид хан Саранг хани, собрав отряд афганцев племени Пани и других местных афганцев тысячи в три, в четыре человек, сеял смуту и недовольство. В среду, пятнадцатого числа месяца сафара, я присоединил к людям Чин Тимур султана отряд под начальством Ахмади парваначи, Абу-л-Фатха Туркмена, Малик-Дада Қарарани и Муджахид хана Мултани, назначив их в поход на этих афганцев. Выступив, они совершили быстрый переход издалека и хорошо побили афганцев. Множество афганцев было истреблено, мне прислали много голов.

В конце месяца сафара Ходжаги Асад, который отправился послом к царевичу Тахмаспу, вернулся в сопровождении туркмена по имени

Сулейман и доставил подарки. В числе подарков были черкесские девушки.

В пятницу шестнадцатого числа месяца раби' первого произошел удивительный случай. Так как он подробно описан в письме, посланном в Кабул, то я привожу здесь это самое письмо без добавлений и сокращений. Вот оно.

«В пятницу, шестнадцатого числа месяца раби' первого, года девятьсот тридцать третьего, произошло поразительное событие. Подробности его таковы: мать Ибрахима, эта злосчастная старуха, услышала, что я || съел кое-что из рук жителей Хиндустана. Дело было так: месяца 305*б*
за три-четыре до этого по той причине, что мне еще не приходилось видеть хиндустанских блюд, я сказал, чтобы ко мне привели поваров Ибрахима. Из пятидесяти или шестидесяти поваров я удержал у себя четырех. Та женщина, услышав об этом, послала человека в Атаву за Ахмедом чашнигиром — жители Хиндустана называют бакаула чашнигир. Одной рабыне она дала в руки сложенную вчетверо бумажку, в которой была тола яда — тола, как упомянуто раньше, несколько больше двух мискалов — и велела передать эту бумажку Ахмеду чашнигиру. Ахмед дал бумажку одному из хиндустанских поваров, который находился у нас на кухне, и обещал ему четыре парганы, если он каким-либо образом подложит яд мне в пищу. Вслед за рабыней, с которой был передан яд Ахмеду чашнигиру, мать Ибрахима послала еще одну невольницу посмотреть, передала ли ему первая невольница яд или нет. К счастью Ахмед не бросил яд в котел, но бросил его на блюдо. Он не бросил яда в котел по той причине, что я крепко наказал бакаулам остерегаться хиндустанцев, и они пробовали пищу, когда пища варилась в котле.

Когда кушанье накладывали, наши несчастные бакаулы чем-то отвлеклись; [повар] положил на фарфоровое блюдо тоненькие ломтики хлеба, а на хлеб высыпал меньше половины яда, находившегося в бумажке. Поверх яда он наложил мяса, жареного в масле||. Если бы [по- 306*а*
вар] высыпал яд на мясо или бросил его в котел, было бы плохо, но он растерялся и просыпал больше половины яда в очаг.

В пятницу вечером во время послеполуденной молитвы подали кушанье. Я сильно налег на блюдо из зайца, жареной моркови тоже уписал порядочно; из отравленной хиндустанской пищи я съел только несколько кусочков, лежавших сверху. Я взял жареного мяса и поел его, но не почувствовал никакого дурного вкуса. Потом я проглотил кусочка два вяленой говядины, и меня начало тошнить. Накануне я тоже ел вяленое мясо и у него был неприятный вкус; я решил, что меня сегодня тошнит по этой причине. Вскоре меня опять затошнило; пока я сидел за дастарханом, меня два или три раза начинало тошнить и едва не

вырвало. Наконец, я увидел, что дело плохо и поднялся. Пока я шел до нужника, меня еще раз чуть не вырвало; в нужнике меня обильно стошнило.

Раньше меня никогда не рвало после еды, даже при попойках меня не тошнило. В сердце у меня мелькнуло сомнение. Я приказал задержать повара и велел дать блевотину собаке и стеречь ее. На следующее утро незадолго до первой стражи собака почувствовала себя очень плохо, брюхо у нее как будто раздулось. Сколько в нее ни кидали камнями, сколько ее ни ворочали, она не подымалась. До полудня собака была в таком положении, потом поднялась — не умерла.

Несколько телохранителей также поели этой пищи. Наутро их тоже
306*б* сильно рвало,|| одному даже было очень плохо; в конце концов, все спаслись:

Пришла беда, но все прошло хорошо.*

Господь снова дал мне жизнь; я как будто вернулся с того света и снова родился от своей матери. Я был болен и ожил, и теперь, клянусь Аллахом, узнал цену жизни.

Я приказал Султан Мухаммеду Бахши схватить повара; подвергнутый пытке, он одно за другим подробно рассказал все, как упомянуто.

В понедельник, в день дивана, я приказал вельможам, знатным людям, эмирам и вазирам явиться в диван. Те двое мужчин и обе женщины тоже были приведены и допрошены. Они со всеми подробностями рассказали, как было дело.

Чашнигира я велел разрубить на куски, с повара приказал живьем содрать кожу; из женщин одну бросили под ноги слону, другую застрелили из ружья, третью я приказал заключить под стражу. Она тоже станет пленницей своего дела и получит должное возмездие.

В субботу я выпил чашку молока, в понедельник тоже выпил чашку молока и выпил еще разведенной печатной глины и сильного терьяка. От молока меня здорово прослабило.

В среду, в первый день месяца сафара, я изверг какое-то черное пречерное вещество, похожее на перегоревшую желчь. Благодарение Аллаху, сейчас нет и следа болезни. До сих пор я так хорошо не знал, что жизнь столь дорога. Есть полустишие:

Кто дошел до предсмертного часа, тот знает цену жизни.*

Всякий раз, как я вспоминаю этот страшный случай, я невольно
307*а* расстраиваюсь. || По милости великого господа случилось так, что мне снова дарована была жизнь. Каким языком выражу я ему благодарность?

Чтобы не заронить сомнений в умы, я подробно и тщательно записал все, что произошло. Хотя это был случай ужасный, не умещающийся

на языке и в устах, но, благодарение богу, мне снова пришось увидеть свет дня. Все окончилось хорошо и благополучно. Чтобы у вас в уме не возникло никакой тревоги и беспокойства, я записал все это во вторник двадцатого числа месяца раби' первого, находясь в Чарбаге».

Избавившись от этих опасностей, я послал написанное письмо в Кабул. Так как та злосчастная старуха совершила столь великий проступок, то Юнус Али и Ходжаги Асаду было приказано отобрать у нее ее деньги, вещи, рабов и рабынь и отдать ее Абд-ар-Рахим шигаулу, который должен был тщательно присматривать за этой женщиной. Внука старухи, сына Ибрахима, раньше держали под присмотром, в большом почете и уважении. Так как представители этой семьи учинили такое покушение, то я не счел полезным оставить при себе сына Ибрахима и в четверг, двадцать девятого раби' [первого], отправил его к Камрану с Мулла Сарсаном, который пришел от Камрана по каким-то делам. ‖ 307*б*

Хумаюн, отправившийся в поход против врагов на востоке, захватив Джунпур, быстро пошел к Газипуру на Насир хана. Узнав об этом, Насир хан перешел реку Ганг; тогда Хумаюн двинулся от Газипура на Харид. Тамошние афганцы, узнав об этом, перешли реку Сару. Воины Хумаюна разграбили Харид и возвратились обратно.

Согласно моему решению, Хумаюн оставил в Джунпуре Шах Мир Хусейна и Султан Джунаида с отрядом добрых йигитов и назначил туда же с этими людьми Кази Джиа, а в Уд поставил Шейх Баязида. Устроив и упорядочив эти дела, он перешел реку Ганг у Карра-Маникпура и направился через Калпи [ко мне]. От Алам хана, сына Джелал хана Джикхата, который находился в Калпи, приходили донесения, но сам он не являлся. Хумаюн, оказавшись возле Калпи, послал [к Алам хану] человека, который устранил из его сердца все тревоги и привел его с собой. В воскресенье, третьего числа месяца раби' второго, Хумаюн явился [ко мне] в сад Хашт-Бихишт и засвидетельствовал свое почтение. В этот же день Ходжа Дуст Хавенд тоже прибыл из Кабула.

В те дни один за другим начали являться люди от Махди ходжи с такими вестями: «Рана Санка несомненно подходит. Хасан хан Мевати тоже, говорят, намерен присоединиться к нему. Об этих людях следует подумать прежде всего. Если спешно послать в Биану вспомогательный отряд войска, это будет способствовать [вашему] счастью».‖ 308*а*

Приняв твердое решение повести войско, мы послали вперед в Биану отряд под начальством Мухаммед Султан мирзы, Юнус Али, Шах Мансур Барласа, Китта бека, Касамтая и Бучка. Сын Хасана Мевати по имени Нахир хан попал к нам в руки во время битвы с Ибрахимом и содержался в качестве заложника. По этой причине его отец Хасан хан, не скрываясь, посещал нас и постоянно просил возвратить сына. Некоторым [моим приближенным] пришло на ум, что, если мы пошлем к Хасан

хану его сына, чтобы склонить Хасан хана в нашу пользу, он станет очень к нам расположен и будет лучше служить нам. Облачив Нахир хана, сына Хасан хана, в почетную одежду, мы отослали его к отцу со всякими посулами. Но этот ничтожный лицемер бездействовал лишь до освобождения своего сына. Узнав, что его сын отпущен, он сейчас же, не дожидаясь прибытия [Нахир хана], выступил из Алвара, пришел к Рана Санка и присоединился к нему. Отпускать сына Хасан хана в такое время было, оказывается, нерасчетливо.

В ту пору часто шел дождь; мы постоянно устраивали пирушки. Хумаюн тоже присутствовал на этих пирушках. Хотя он избегал [пить вино], но в эти несколько дней употреблял его.

Вот одно из удивительных происшествий, случившихся в то время.
308б Когда Хумаюн направлялся из Кала-и Зафар к хиндустанскому войску||, Мулла Баба-и Пашагири и его младший брат Баба Шейх во время пути бежали к Китин Кара султану. Жители Балха оказались слабы, и Балх попал в руки Китин Кара султана. Баба-и Пашагири, этот безмозглый человечишко и его младший брат взяли дела той страны на свои плечи и вошли в пределы Айбека, Хуррама и Сарбага. Шах Искандер после сдачи Балха потерял мужество и отдал крепость Гури Узбеку. Мулла Баба и Баба Шейх с несколькими узбеками вступили в крепость Гури. Мир Хама, хотя его крепость находилась поблизости, не мог ничего сделать и покорился узбекам. Через несколько дней Баба Шейх и несколько человек узбеков вошли в крепость Мир Хама, намереваясь вывести Мир Хама и его людей из крепости и доставить его в Балх. Мир Хама привел Баба Шейха к себе в крепость, а прочим дал палатки в разных местах. Он ранил Баба Шейха саблей и заковал его и еще нескольких его людей в цепи, после чего спешно отправил гонца к Тенгри Берди в Кундуз. Тенгри Берди послал к нему Яр Али и Абд-ал-Латифа с несколькими добрыми воинами. Когда они прибыли, Мулла Баба и его узбеки подошли к крепости Мира Хама и думали завязать нечто вроде боя, но ничего не могли сделать. [Бойцы Мира Хама] присоединились к людям Тенгри Берди и пришли в Кундуз. Рана Баба Шейха была тяжелая; по этой причине ему отрезали голову и Мир Хама тогда же
309а принес ее||. Я возвысил Мир Хама своей милостью и благоволением и выделил его из среды равных и подобных. При отъезде Баки шигаула я обещал ему по одному сиру золота за голову каждого из этих старых негодяев. Кроме упомянутых милостей Мир Хама был выдан один сир золота, согласно этому обещанию.

Между тем Касамтай, который отправился с передовым отрядом к Биане, [тоже] отрезал и привез несколько голов. Касамтай, Бучка и еще несколько лихих йигитов, отправившись, чтобы захватить «языка», разбили два отряда нечестивых добытчиков и взяли в плен семьдесят-

восемьдесят человек. Касамтай, вернувшись, привез известие, что Хасан хан Мевати несомненно присоединился [к Рана Санка].

В воскресенье, восьмого числа месяца [джумады первой], я пошел посмотреть, как Али Кули будет стрелять ядрами из большой пушки, вкладная часть которой при отливке оказалась без порока. Казенную часть он также потом отлил и изготовил. Было время полуденной молитвы. Али Кули выстрелил ядром и оно пролетело тысячу шестьсот шагов. Мастеру были пожалованы кинжал на поясе, почетная одежда и конь.

В понедельник, девятого числа месяца джумады первой, мы выступили на войну с неверными и, выйдя из пригородов, стали на равнине. Дня три-четыре мы простояли там, собирая войска и готовя снаряжение для воинов. Так как к жителям Хиндустана не было большого доверия, то я предписал этим хиндустанским эмирам отправиться для набега в разные стороны. Алам хан|| был послан с отрядом в Гвалиар в подкрепление Рахимдаду; Макам, Касим Самбхали, Хамид со своими братьями и Мухаммед Зейтун получили предписание направиться в Самбхал. 309*б*

На этой стоянке пришло известие, что Рана Санка с бывшим у него войском продвигается до Бианы. Отряды, ушедшие в дозор, не могли доставить никаких сведений и даже не были в состоянии проникнуть в крепость. Люди, находившиеся в крепости, вышли оттуда далеко вперед, действуя весьма неосторожно. Враг учинил сильное нападение и разбил их. Сангар хан Джанджуха погиб там смертью мученика. В пылу боя Китта бек выскочил на коне вперед без кольчуги. Он сбил с коня одного из нечестивых и забрал его в плен, но [индус] выхватил саблю у одного из нукеров Китта бека и ударил последнего по плечу. Китта бек перенес много мучений и не мог больше участвовать в священной войне с Рана Санкой. Через некоторое время ему стало лучше, но он остался калекой. Касамтай, Шах Мансур Барлас и все те, которые пришли из Бианы, не знаю из страха или чтобы устрашить других, очень восхваляли и превозносили ловкость и храбрость войска нечестивых.

С этой стоянки мы послали Мир Касима мирахура с землекопами в округ Мадхакур, приказав вырыть много колодцев там, где остановится войско.

В субботу, четырнадцатого числа месяца джумады первой, мы выступили из окрестностей Агры и, придя на стоянку, где были вырыты колодцы, остановились там||. На следующий день мы выступили оттуда. 310*а*
Мне пришло на ум: «Сикри — [единственное] место в этих краях, где хватает воды для такого большого лагеря. Возможно, что нечестивый захватит воду и сам расположится там». Поэтому мы построили правое крыло, левое крыло и центр в боевом порядке и направились в сторону Сикри. Я послал вперед Дервиш Мухаммед Сарбана и Касамтая,

который ходил в Биану и обратно и видел и знал тамошние земли и воды, и приказал им высмотреть место для стоянки на берегу озера Сикри. Достигнув стоянки и расположившись там, я послал гонца к Махди ходже и к тем, кто находился в Биане, с приказанием, не задерживаясь, идти на соединение со мной. Бек Мирек Могол, нукер Хумаюна, с несколькими йигитами был послан раздобыть сведения о нечестивом. Ночью они отправились и узнали сведения, а к утру вернулись и сообщили, что люди врага расположились в одном курухе от Басавара. В тот же день Махди ходжа и Мухаммед Султан мирза с людьми, находившимися в Биане, совершив быстрый переход, присоединились к нам. Беки по очереди назначались в караул. Когда пришла очередь Абд ал-Азиза, он двинулся, не смотря ни вперед, ни назад, прямо к Канва, находящемуся в пяти курухах пути от Сикри. Нечестивые, которые снялись с лагеря и двигались вперед, проведали о столь необузданном движении, и к нашим войскам тотчас же устремились пять или шесть тысяч человек. С Абд ал-Азизом и Мулла Аппаком было тысяча — тысяча пятьсот бойцов.|| Не сообразив сколько у врага людей, наши тотчас же вступили врукопашную, потеряли много людей и подались назад. Когда весть об этом дошла до нас, мы немедля послали туда Мухибб Али, [сына] Халифы, и его нукеров. Муллу Хусейна и еще некоторых спешно отправили им в подкрепление, позже на помощь был послан также Мухаммед Али Дженг-Дженг.

310б

До прибытия людей Мухибб Али, первыми назначенных в подкрепление, враги потеснили Абд ал-Азиза, захватили знамя, взяли в плен и предали мученической смерти Муллу Ни'мата и Муллу Дауда, а также младшего брата Муллы Аппака и еще некоторых воинов. Как только подошел вспомогательный отряд, Тахир Тибри, дядя Мухаммеда Али, помчался вперед, но не успел оказать помощи. Тахира тут же схватили. Мухибб Али также упал с коня во время боя, но Балту подскакал сбоку и вынес Мухибба Али. Враги преследовали наших на расстоянии куруха, но когда вдали появился отряд Мухаммед Али Дженг-Дженга, остановились.

К нам одно за другим приходили сообщения, что люди врага приближаются. Мы надели кольчуги, накинули на коней латы, вооружились и поскакали вперед. Я приказал также подтянуть пушечные лафеты.

Мы проскакали один курух; люди врага отступили. Неподалеку от нас было большое озеро; ради воды мы стали лагерем в этом месте. Выставив лафеты вперед, мы связали их цепями. Каждые два лафета отстояли друг от друга на семь или восемь кари, между ними тянулась цепь. Мустафа-и Руми|| изготовил эти повозки по румскому образцу. Он был очень ловкий и смышленый мастер; лафеты вышли весьма хорошие.

311а

Так как Устад Али Кули враждовал с Мустафой, я поставил Мустафу-и Руми на правое крыло, перед Хумаюном. В те места, куда повозки не проходили, я направил хорасанских и хиндустанских [землекопов] с лопатами и кирками и приказал выкопать ров.

Вследствие столь быстрого прихода нечестивого [Рана Санка], успешного для него боя под Бианой и восторженных похвал Шах Мансура, Касамтая и тех людей, которые пришли из Бианы, наши воины проявляли малодушие; поражение Абд ал-Азиза довершило дело. Чтобы успокоить людей и укрепить лагерь снаружи, я приказал соорудить в тех местах, куда не проходили повозки, нечто вроде деревянных треножников, поставить каждые два треножника на расстоянии семи или восьми кари один от другого и связать и скрепить их ремнями из сыромятной бычачьей кожи.

Пока готовили и устраивали эти приспособления и орудия, прошло двадцать — двадцать пять дней. В это время явились из Кабула внук Султан Хусейн мирзы, сын его дочери Касим Хусейн султан, Ахмед Юсуф, [племянник] Сейид Юсуфа, Кавам Урду шах и еще кое-кто, всего человек пятьсот. Мухаммед Шариф-звездочет, человек со злой душой, тоже пришел с ними. Баба Дуст, ключник, который ходил в Кабул за вином, прислал из Газни три каравана верблюдов, груженных превосходными винами;|| он тоже явился с этими людьми. 311*б*

В то время, вследствие недавних событий и происшествий, пустых рассказов и разговоров среди воинов, как уже упомянуто, царило великое смущение и страх. Мухаммед Шариф-звездочет, этот злодушный человек, не мог сказать мне ничего путного, но зато усиленно убеждал любого встречного, что в эти дни Марс стоит на западе, и всякий, кто пойдет войной с этой стороны, будет побежден. Кто его, этого негодяя, спрашивал? Он еще больше разбил сердце людей, павших духом. Не слушая его бестолковых речей, я не прерывал дел, которые надо было сделать, и усердно занимался военными приготовлениями, собираясь сражаться.

В воскресенье, двадцать второго числа того же месяца, я послал Шейха Джамали с приказанием собрать в Миан-Ду-Абе и Дихли как можно больше лучников, составить из них отряд и грабить и разорять деревни в Мевате, не упуская ни малейшей возможности причинить таким образом ущерб врагу. Мулла Турк Али, который пришел из Кабула, получил приказ присоединиться к Шейху Джамали и тоже грабить и опустошать Мевat, не допуская нерадения. Магфуру дивана также был отдан приказ такого рода. Они отправились, опустошили и разорили несколько глухих окраинных деревень Мевата и взяли пленных, но враги не потерпели от этого особого ущерба.

312*a* В понедельник, двадцать третьего числа месяца джумады первой,|| я выехал на прогулку. Во время прогулки мне пришло на ум, что у меня постоянно была на душе забота о воздержании и что совершение недозволенного всегда покрывало мое сердце пылью. Я сказал:

О душа,
Доколе будешь ты находить слабость в греховном?*
Воздержание тоже не лишено сладости. Попробуй!
Сколь долго будешь ты запятнан грехами,*
Сколь долго будешь ты наслаждаться, творя запретное?
Сколь долго будешь ты потворствовать душе?*
Сколь долго будешь ты губить свою жизнь?
Когда ты выступил на священную войну,*
Ты не раз видел перед собой смерть.
Кто твердо решился умереть, ты знаешь,*
Как поступает он в таком положении.
Вдали держится он от всего запретного, воздерживается от всех грехов.*

Очистившись от прошлых прегрешений, я закаялся пить вино.

Золотые и серебряные жбаны и кубки и все принадлежности пира в тот же час велел я принести и сломал. Бросив пить вино, успокоил я сердце. Эти сломанные золотые и серебряные жбаны и чаши были розданы достойным того и нищим.

Первый человек, который последовал мне в воздержании, был Асас; в отношении отращивания бороды он тоже подражал мне. В этот вечер и на следующий день около трехсот человек беков и приближен-
312*б* ных, военных и невоенных,|| закаялись пить вино. Имеющееся вино вылили, а в вино, которое привез Баба Дуст, мы велели бросить соли, чтобы превратить его в уксус. На месте, где вылили вино, был вырыт колодец. Я принял решение выложить этот колодец камнем и построить возле колодца богадельню. В месяце мухарраме года девятьсот тридцать пятого, когда я отправился на прогулку в Гвалиар и на обратном пути проехал из Дулпура в Сикри, колодец был уже закончен.

Раньше я принял решение, если достигну победы над нечестивым Санка, подарить мусульманам их тамгу. Когда я дал обет воздержания, Дервиш Мухаммед Сарбан и Шейх Зайн напомнили мне о намерении подарить тамгу. Я сказал: «Хорошо, что вы мне напомнили. Тамга в тех землях, что находятся в наших руках, подарена мусульманам».

Я призвал своих писцов и приказал им написать грамоты с изложением этих великих событий. Указ, составленный Шейхом Зайном, был написан и разослан во все подвластные нам области. Вот этот указ:

ГРАМОТА ЗАХИР АД-ДИН МУХАММЕД БАБУРА

«Восхвалим всепрощающего, который любит кающихся и внимает просьбам ищущих помощи; возблагодарим дарителя, направляющего грешных на правый путь и дарующего прощение просящим о прощении; помолимся о лучшем из творений Аллаха — Мухаммеде, о благом его семействе и пречистых сподвижниках!

Зерцало мнения людей, обладателей разума, отражающее образы вещей и хранящее жемчужины правды и истины, несомненно воспримет изображение сверкающих перлов|| той мысли, что природа человека, 313*а*
в силу потребности естества, склонна к чувственным наслаждениям, и отказ от страстей зависит от поддержки господней и помощи с неба. Душа человека недалека от склонности к злому. Поистине, «душа побуждает ко злу» и избежание этого возможно лишь по кротости владыки всепрощающего. «Это — милость Аллаха, дарует он ее, кому хочет; Аллах — владыка милости превеликой».

Цель изложения этих слов и приведения этих речей в том, что в соответствии с обычаями государей и обязанностями царского достоинства, по привычке знатных особ из царей и воинов люди во дни расцвета юности совершают некоторые запретные дела и пользуются кое-какими развлечениями. Через несколько дней после этого возникает полное сожаление и раскаяние. Запретные деяния одно за одним прекращаются, и двери возврата к ним запираются искренним раскаянием.

Однако отказ от вина — важнейшая цель этих стремлений и высочайший предел подобных намерений — остался скрытым за завесой слов: «Дела зависят от времени», и осуществились лишь в тот счастливый час, когда мы оделись в и х р а м войны за веру и выступили на бой с неверными во главе доблестных воинств ислама. Услышав от сокровенного вдохновителя и небесного глашатая, не внушающего сомнений, благие слова: «Не пришло ли время для тех, кто верует, смирить сердца свои поминанием Аллаха?», мы с полной решимостью постучались в двери раскаяния, чтобы вырвать из сердца корни прегрешений. Вожак божественной помощи в соответствии со словами: «Кто постучит в дверь|| и будет настойчив — тот войдет» раскрыл двери преуспеяния 313*б*
и повелел начать борение за веру с борения более значительного, то есть борьбы со своей душой. Словом, я возгласил языком преданности: «Господи, обидели мы самих себя» и, написав на скрижали сердца: «Я раскаялся перед тобой, и я первый из предавшихся богу», выразил намерение отказаться от вина, дотоле сокрытое в сокровищнице груди.

Мои слуги, украшенные победой, следуя благому повелению, во славу веры, бросили на землю позора и унижения золотые и серебряные бутыли и чаши, украшавшие дивный пир своей многочисленностью

и блеском, словно звезды вышнего неба; они разбили их на куски, подобно тому как мы вскоре сподобимся сокрушить идолов, если захочет того Аллах великий, и роздали обломки бедным и неимущим. По причине счастливого раскаяния нашего многие из приближенных к чертогу, следуя изречению: «Люди исповедуют веру их властителей», в том же собрании удостоились чести раскаяться и совершенно отказались от зла винопийства. Толпы покорных велениям и запрещениям господним до сей поры ежечасно приобщаются к сему великому счастью. Можно надеяться, что награда за эти дела, в соответствии с изречением: «Указующий путь к добру подобен тому, кто его содеял», увенчает счастливую жизнь преуспевающего государя — наместника Аллаха, и это благое счастье принесет ему победу и торжество, день ото дня возрастающее.

После осуществления сего намерения и исполнения сего желания удостоился чести обнародования приказ, коему подчиняется вся вселенная: ни один человек в наших богохранимых царствах — да хранит их
314а Аллах от бедствий|| и опасностей! — не должен предаваться винопийству и усердствовать в добывании вина, изготовлять, продавать или покупать его, держать вино у себя, вывозить или ввозить. Благодарность за эти победы и признательность за принятие искреннего раскаяния взволновали море щедрости государя и поднялись на нем волны великодушия — источник благоденствия вселенной и славы сынов адамовых.

Мы сложили с мусульман тамгу во всех землях, хотя властители прежних времен всегда взимали ее, ибо это выходит за пределы постановлений закона господина посланных, и вышел приказ не брать и не взимать тамги в городах и селениях, на дорогах, путях, переправах и плотинах, не допуская замены или изменения основ этого закона. «Кто изменил это после того как услышал, — поистине лежит грех на тех, кто изменил это».

Долг всякого, кто ищет безопасности под сенью государевой милости из тюрков, таджиков, арабов, неарабов, индусов и персов, земледельцев и воинов, равно, как и всех народов и совокупности племен сынов Адама, — искать в этом даре опоры, поддержки и надежды и возносить молитвы за власть нашу, вечно длящуюся. Пусть же не уклоняются люди от обязанностей, налагаемых этими благостными законами. Должно поступать согласно сему указу и осуществлять его, и когда дойдет он, припечатанный высочайшей, благороднейшей печатью, относиться к нему с доверием.

Писано по высочайшему приказу государя — да продлится его
314б жизнь вечно — двадцать четвертого числа первой джумады || года девятьсот тридцать третьего».

В эти дни, вследствие минувших событий, великие и малые, как уже

упомянуто, испытывали большую тревогу и беспокойство. Ни от кого мы не слышали мужественного слова и смелого мнения. Велеречивые эмиры и проедающие свои области вазиры ни в словах, ни в поведении не были смелы; ни в речах их, ни в планах не было мужества. В этом походе [один] Халифа держал себя очень хорошо; укрепляя власть и порядок, он не совершил упущений.

Наконец, видя у людей такое малодушие и наблюдая подобную слабость, я придумал некий план. Я созвал всех беков и йигитов и сказал: «Беки и йигиты!

Всякий, кто пришел в сей мир,*
Войдет в число тех кто не существует.
Вечен и бессмертен один лишь бог.
Всякий, кто явился на пир жизни,*
В конце концов должен выпить чашу смерти.
Всякий, кто пришел в обитель существования,*
В конце концов должен уйти из этой юдоли горя

Чем жить с дурной славой, лучше умереть с доброй славой.

Если умру с доброй славой — хорошо!*
Пусть будет моею добрая слава, если тело принадлежит смерти.

Господь великий послал нам на долю такое счастье и приблизил к нам эту радость. Убиенный — это мученик, убивающий врагов есть боец за веру. Все исполнится по слову Аллаха.|| Надлежит нам дать 315*а*
клятву, что никто не подумает отвернуть свой лик от боя и выйти из сечи и сражения, пока душа его не вышла из тела».

Бек и нукер, старый и малый — все с охотой взяли в руки Коран и дали клятву и обещание в таком смысле. План был хорош; это видел и слышал и друг, и враг вблизи и вдали.

В эти дни всюду возникало беспокойство и смуты. Хусейн хан Нухани пришел и взял Рапари; люди Кутб хана взяли Чандавар; один негодяй по имени Рустам хан, собрав лучников из Миан-Ду-Аба, взял Куил и забрал в плен Кичик Али. Захид бросил Самбал и ушел; Султан Мухаммед Дулдай оставил Канаудж и пришел ко мне. Гвалиарские язычники подошли к Гвалиару и осадили город. Алам хан, посланный в Гвалиар на помощь, не пошел в Гвалиар и отправился в свои земли. Каждый день откуда-нибудь приходили дурные вести. Некоторые хиндустанцы начали убегать из войска; Хайбат хан Карг андаз убежал в Самбал, Хасан хан Баривали присоединился к нечестивым. Не обращая на них внимания, мы рассчитывали только на себя.

Когда лафеты, треножники на катках, орудия и снаряды были готовы, во вторник, || девятого числа месяца второй джумады, в день Науруза, мы снялись с лагеря. Правый край, левый край и центр построили в боевом порядке, лафеты и треножники на катках двинули вперед. 315*б*

Устад Али Кули со всеми стрельцами получил приказание идти пешим порядком за лафетами, не отставая и соблюдая строй.

После того как все заняли указанное им место в строю, я быстро проскакал по рядам, ободряя беков, йигитов и воинов на правом и левом краю и в центре, назначая и указывая каждому отряду, где стоять и как идти.

В таком порядке мы прошли около одного куруха и стали. Люди нечестивого, узнав о нашем приближении, тоже построились в отряды и пошли нам навстречу.

Когда разбили лагерь, установили лафеты и выкопали ров, мы защитили и укрепили лагерь и его окраины. Так как в тот день я не думал вступать в бой, то несколько йигитов вышли вперед и схватились с людьми врага, чтобы испытать свое счастье. Они забрали несколько нечестивых, отрезали у них головы и принесли их мне. Малик Касим тоже отрезал и принес несколько голов; Малик Касим держал себя хорошо. Из-за всего этого сердце воинов сильно ободрилось. Состояние людей стало совсем иным.

На следующий день мы снялись с лагеря, думая дать сражение.
316а Однако Халифа и некоторые доброжелатели доложили: «Так как || место, назначенное для стоянки, близко, то будет соответственнее сначала обнести его рвом и укрепить, а потом выступать». Чтобы выкопать ров, Халифа [сам] выехал и, указав землекопам место для рва, поставил надсмотрщиков и вернулся.

В субботу, тринадцатого числа месяца второй джумады, мы приказали вытащить повозки вперед и, построив правый край, левый край и центр в боевом порядке, прошли около одного куруха пути и остановились в назначенном месте. Некоторые уже поставили палатки, другие [только] ставили их, когда принесли известие, что ряды врагов появились и видны. Тотчас же был отдан приказ воинам правого края идти на правый край, бойцам левого края — на левый край, на назначенные места, расставить и укрепить ряды под защитой повозок. Так как из грамоты о победе становится ясно известно качество рати ислама и количество войска нечестивых, расположение и строй рядов и сражение мусульман с неверными, то эта победная грамота, составленная Шейх Зайном, записана здесь без добавлений и сокращений.

[ГРАМОТА ЗАХИР АД-ДИН МУХАММЕД БАБУРА, БОЙЦА ЗА ВЕРУ]

«Слава Аллаху, который верен обещанию и поддерживает раба своего, и дает силу его войску, и обращает в бегство сонмища [врагов]; един он, и без него нет ничего. [Слава тебе, боже,], воздвигший столпы ислама, оказав поддержку верным друзьям его, и сокрушивший опору
316б идолов, победив непокорных врагов его, || и истребив до последнего тех,

кто обижал людей. Слава Аллаху, господу миров! Да благословит Аллах лучшее из созданий его, Мухаммеда, господина бойцов и ревнителей за веру, а также семейство его и сподвижников, указующих правый путь, и да сохранит до дня воскресенья!

Непрерывные милости всевышнего — причина многих благодарений и восхвалений господа, а благодарения и восхваления его вызывают новый поток милостей. За каждую милость подобает благодарение, а за благодарением следует милость.

Исполнение обязанностей благодарения превышает силы человека и даже сильные люди не в состоянии их выполнить. Таково в особенности благодарение за милость, больше которой нет счастья на земле и полнее которой нет блаженства в будущей жизни, и милость эта — не что иное, как победа над сильными из неверных и торжество над могучими нечестивцами , о подобных которым ниспосланы слова: «Они суть неверные, нечестивые». По мнению обладающих разумом ничего лучше этого счастья быть не может. Благодарение Аллаху за то, что в эти благие дни из тайников милости вещего владыки снизошло безмерное счастье и был ниспослан великий дар, составлявший с колыбели и до сего времени основное стремление и истинную цель благомыслящего сердца и здравого разума. Посылающий счастье не попрекая и оказывающий милости не ожидая просьбы, снова отпер ключом победы врата благодеяния перед лицом надежд наших победоносных помощников; славные имена ликующих бойцов наших записал он в списки благородных борцов за веру; знамена ислама при поддержке || наших 317*а*
победоносных воинов достигли апогея высоты и возвышения.

Обстоятельства осуществления этого счастья и проявления этого блага таковы: когда сверкание мечей войска, охраняющего ислам, озарило царство Хинда лучами победы и одоления, как о том написано в предыдущих грамотах, и неизменная поддержка Аллаха водрузила наши победоносные знамена в Агре, Дихли, Джаунпуре, Хариде, Бихаре и других местах, большинство пребывающих там племен из приверженцев нечестия и сторонников ислама, избрав для себя подчинение и повиновение нашим счастливым наместникам, вступил стопой искренности и преданности на дорогу покорности.

Что же касается нечестивого притеснителя [Рана] Санка, который в предшествующие дни что-то болтал о покорности нашим счастливым наместникам, то ныне он поступил согласно словам: «И отказался он, и возгордился, и стал одним из неверных». Словно сатана, он взбунтовался и, оказавшись главою воинства отверженных и предводителем рати покинутых, стал причиною собрания отрядов, из коих иные носили на шее зуннар — ярмо проклятия, а другие влачили за собой бедственное покрывало вероотступничества. Власть этого проклятого без-

божника над Хиндустаном — да покинет его Аллах в день судный! — достигла высокой степени.

До того как взошло солнце власти нашего государя и воссиял свет наместника вседержителя, знатные раджи и раи, выполнявшие в ны-
317*б* нешнем сражении приказы [Рана Санка], а также правители || и предстоятели, известные отступничеством от веры и подчинявшиеся ему в бою, считали себя достаточно сильными, чтобы не следовать за ним, не помогать ему в какой-либо битве и отказаться от участия и сопутствия ему в походах. Однако все высокопоставленные султаны этой обширной области, как например, султан Дихли, султан Гуджерата, султан Манду и другие, были слишком слабы, чтобы воспротивиться этому злонравному без помощи других нечестивых правителей. Они старались всеми способами угодить Рана Санка и оказать ему помощь. Знамя нечестия развевалось почти над двумя сотнями городов в странах ислама. Мечети и храмы Рана Санка разрушил, женщин и детей правоверных в этих городах и селениях взял в плен. Сила этого нечестивца в действительности дошла до высокой степени. Если считать по обычаю, принятому в Индии, что область, приносящая доход в один лак, поставляет сотню всадников, а область с доходом в один крор — десять тысяч, то доход с земель, покоренных этим вождем нечестивых, достигал десяти кроров, что соответствует одному лаку всадников.

В те дни некоторые именитые язычники, из коих ни один раньше не оказывал Рана Санка помощи в каком-либо походе, из вражды к воинствам ислама умножили его злополучные рати. Таким образом, десять независимых правителей, каждый из коих вознес, как дым, притязание на непокорность и был предводителем толпы нечестивых в какой-либо стране, соединились с этим развратным безбожником, словно
318*а* ошейник или цепь ||. Эти десять безбожников, в противность десяти, получившим благую весть, подняли знамя несчастия, [напоминающее о словах]: «Возвестим им о пытке болезненной». У них было много приспешников и воинов, и они обладали обширными владениями. Так, Салах ад-дин правил областью, выставлявшей тридцать тысяч всадников, Равал Удай Синг Багари — областью на двенадцать тысяч всадников, Хасан хан Мевати — на двенадцать тысяч всадников, Бармал Идри — на четыре тысячи всадников, Нарпат Хара — на семь тысяч, Сатрви Качи — на шесть тысяч, Дхарм Део — на четыре тысячи, Бир Синг Део — на четыре тысячи, Махмуд хан, сын Султана Сикандара, хотя он и не имел земли и удела, собрал десять тысяч всадников, питая надежду стать начальником войска. Общее количество этих людей, удаленных из долины благополучия и безопасности, считая по обычаю, принятому для областей и уделов Индии, составляет два лака и одну тысячу.

Одним словом, этот нечестивец, внутренне обольщенный и внешне ослепленный, соединил жестокие сердца безбожников, чья жизнь черна, словно мрак, ложащийся на мрак, и встал на путь непокорности и войны с людьми ислама, чтобы ниспровергнуть основы закона господина людей — да почиет над ним молитва и привет! Бойцы за веру в государевых войсках обрушились, словно божий приговор, на голову этого одноглазого Даджжала и показали прозорливым очам добронравных истинность слов: «Когда приходит судьба, то меркнет око». Представив их взорам благородные слова Корана «Кто сражается за веру, || тот сражается за самого себя», они выполнили повеление, кото- 318*б*
рому необходимо повиноваться: «Сражайтесь против нечестивых, против лицемеров».

В субботу, тринадцатого числа месяца второй джумады года девятьсот тридцать третьего,— на благость этого дня указывают слова: «Благословил Аллах субботу вашу»— местонахождением шатров победоносного войска ислама стали окрестности селения Канва, принадлежащего к области Биана; они были поставлены вокруг горы, находившейся в двух курухах от врагов веры.

Когда шум и гром войска ислама дошел до ушей врагов веры и проклятых нечестивцев, противники исповедания Мухаммедова, которые, подобно «людям со слоном», стремились разрушить ка'бу людей ислама, возложили свое упование на гороподобных слонов, похожих видом на ифритов, и все в полном согласии и единодушии построили свои несчастные войска в отряды.

Этими слонами низкие индусы*
Обольщены были, как «люди со слоном».
Словно вечер смерти, они зловещи и отвратительны *
Чернее ночи, многочисленней звезд,
Все они, как огонь, нет — как дым, поднимают головы *
Со зла к синему небу;
Словно муравьи, пришли они справа и слева;*
Конных и пеших их тысячи тысяч,

И направились [они] к победоносному войску с намерением биться и сражаться.

Бойцы войск ислама — эти деревья из рощи доблести — построились в ряды, словно кедры; || острия их кедроподобных шлемов, бли- 319*а*
стающие, как лучи солнца, вознеслись к апогею высоты, подобно сердцам бойцов за дело Аллаха. Ряды воинов — это как бы вал Искандеров, имеющий цвет железа; строй их прям и незыблем, как закон пророка; по твердости и крепости «подобны они строению, плотно скрепленному»; спасение и успех сопутствуют таким людям по слову Аллаха: «Они — на правом пути, ведомые господом, и они суть те, кто спасается».

В рядах их нет брешей из-за людей трусливых,*
Как мнение государя и вера, они тверды.
Все их знамена касаются неба,*
Это алифы в словах: «Мы дали победу».

В целях соблюдения осторожности и ради защиты стрельцов и громометов, которые стояли впереди войска, был поставлен по обычаю бойцов Рума ряд повозок, связанных одна с другой цепью. Словом, войска ислама явили такую стройность и крепость, что древний разум и эфирное небо воздали хвалу тому, кто его расставил и построил. В укреплении и устроении, расположении и расстановке войска проявил рвение и усердие приближенный к его величеству султану, опора державы хакана Низам ад-дин Али Халифа. Все его распоряжения соответствовали предначертаниям судьбы, все его действия и мероприятия вызвали одобрение светозарной мысли падишаха. Местопребывание ве-
319б личия государя было установлено в центре; || на правом участке центра поместились на своих местах великий, идущий правым путем брат государя, драгоценный друг счастья, взысканный милостями владыки, к которому взывают о помощи, Чин Тимур султан, драгоценный, идущий правым путем сын [государя] Сулейман шах, на коего взирает господь очами милости, господин, шествующий по правому пути, вместилище святости, Ходжа Камал ад-дин Дуст Хавенд; опора высокой власти, доверенное лицо при возвышенном пороге, особо приближенный и лучший из избранных Камал ад-дин Юнус Али; опора избранных, совершенный в преданности Джалал ад-дин Шах Мансур Барлас; опора избранных, лучший из приближенных Низам ад-дин Дервиш Мухаммед Сарбан; опора избранных, искренно преданный Шихаб ад-дин Абд Аллах Китабдар, а также Низам ад-дин Дуст ишик ага.

На левом участке центра встали, каждый на назначенном ему месте, облеченный властью, восходящий [по происхождению] к халифам, взысканный милостями владыки, к которому взывают о помощи, Ала ад-дин Алим хан, сын Султан Бахлула Лоди; приближенный к упомянутому выше великому султану дастур, величайший из садров среди людей, прибежище народа и поддержка ислама шейх Зайн Хавафи; опора избранных, совершенный по преданности Камал ад-дин Мухибб Али, сын приближенного к его величеству султану, упомянутого выше; опора избранных Низам ад-дин Тарди бек, брат покойного Куч бека,
320а [сына] Ахмеда ||; Шир Афкан, сын покойного Куч бека, о котором было упомянуто; опора великих и знатных, великий хан Араиш хан; дастур, величайший из вазиров среди людей, Ходжа Камал ад-дин Хусейн и множество знатных чинов дивана. На правом крыле утвердился драгоценнейший сын наш, друг счастья, могущественный, обласканный взорами милости великого творца, светило в созвездии власти и могущества,

солнце на небе халифата и миродержавия, восхваляемый устами раба и свободного, возвеличивающий султанат и халифат, Мухаммед Хумаюн бахадур. Возле счастливой десницы сего драгоценного сына были поставлены: господин, обладатель власти, взысканный милостями владыки, суд воздающего, Касим Хусейн султан; опора избранных Низам ад-дин Ахмед Юсуф Оглакчи; поддержка царства, совершенный по преданности Джалал ад-дин Хинду бек Каучин; поддержка власти, верный в преданности Джалал ад-дин Хусрау Кукельташ; поддержка царства Кавам бек Урду шах; опора избранных, совершенный по приверженности и преданности Вали Хазин [ачи] Кара Кузи; опора избранных Низам ад-дин Пир Кули Систани; опора вазиров среди людей Ходжа Камал ад-дин Пехлеван Бадахши; опора избранных Низам ад-дин Абд аш-Шакур; опора знатных Сулейман Ака, посол || Ирака, 320*б*
и Хусейн Ака, посол Систана. По левую руку от счастливого сына, уже помянутого, облеченного победой, получили повеление встать: высокий господин, потомок сейидов, возводящий род свой к избраннику [пророка] Мир Хама, опора избранных, совершенный в преданности Шамс ад-дин Мухаммади Кукельташ и Низам ад-дин Ходжаги Асад Джандар.

На правом краю из эмиров Хинда встали, каждый на том месте, где им было приказано,—опора царства Хан ханан Дилавар хан: опора знатных Малик Дад Карарани; опора знатных, шейх шейхов, Шейх Гуран. На левом краю войска ислама выстроились: высокознатный, прибежище накибов, вместилище знатности, гордость рода Та-ха и Я-сина, предводитель потомков господина посланных Сейид Махди ходжа, а также драгоценный и могущественный его брат, обласканный взорами милости великого творца, Мухаммед Султан мирза; облеченный властью, потомок халифов, взысканный милостями владыки, к которому взывают о помощи, Адил султан, сын Махди Султана; опора царства, совершенный в преданности, Му'изз ад-дин Абд ал-Азиз мирахур; опора царства Шамс ад-дин Мухаммед Али Дженг-Дженг; поддержка избранных, совершенный в преданности, Джалал ад-дин Кутлук Кадам караул; поддержка избранных, совершенный в преданности, Джалал ад-дин Шах Хусейн Яраки, Могол Ганчи, Низам ад-дин Джан Мухаммед Бег Атка. Из эмиров Хинда на эту сторону были назначены потомки султанов Камал хан и Джалал хан, || сыновья упомянутого выше Сул- 321*а*
тан Ала ад-дина; опора знатных Али хан Шейхзаде Фармули; опора знатных Низам хан из Бианы.

Для обходного движения были назначены на правом крыле: опора избранных, совершенный в преданности, Тардика и Малик Касим, брат Баба Кашка. с отрядом могольского племени; опора знатных, вер-

ный в преданности Му'мин Атка и поддержка избранных Рустам Туркмен во главе отряда личных телохранителей государя.

Опора избранных, совершенный в преданности, лучший из пользующихся расположением государя Низам ад-дин Султан Мухаммед Бахши, расставив знатных и вельможных бойцов войск ислама по назначенным местам и постам, сам приготовился внимать нашим повелениям. Он разослал во все концы и стороны таваджиев и есаулов и доставил великим султанам и благородным эмирам и славным бойцам наши непреложные приказы об устройстве и расположении войск и отрядов. Когда столпы войска поднялись и каждый поспешил на свое место, то удостоился чести быть обнародованным приказ, обязательный к исполнению, следовать которому необходимо: «Чтобы никто без приказания не трогался с места и без разрешения не начинал бы боя».

Когда прошел один пас упомянутого дня, противостоящие войска приблизились друг к другу и началось сражение и бой. Центры обоих
321*б* войск || стояли друг против друга, подобные свету и тьме, а на правом и левом крыле происходила столь великая битва, что на земле возникло трясение, а на вышнем небе раздались вопли. Левое крыло злополучной рати нечестивых двинулось против правого крыла войск ислама, сопутствуемых счастьем. Они произвели натиск на Хусрау Кукельташа и на Малик Касима, брата Баба Кашка. Наш дражайший брат Чин Тимур султан, согласно приказу, двинулся им на помощь и начал храбро сражаться; он потеснил неверных и заставил их отступить почти до центра их войска и за это нашему дорогому брату была пожалована награда. Редкость нашего времени, Мустафа-и Руми, находившийся в центре, где пребывал драгоценнейший сын наш, счастливый, обласканный благосклонными взорами великого творца, взысканный милостями владыки повелевающего и запрещающего, Мухаммед Хумаюн бахадур, выкатив вперед лафеты [пушек], разбил ряды нечестивых, как и сердца их, ружьями и пушками. В разгар битвы наш дражайший брат Касим Хусейн султан, опора избранных Ахмед Юсуф и Кавам бек, получив приказание, поспешили им на помощь. Так как отряды неверных все время, непрерывно следуя друг за другом, подходили, дабы оказать подкрепление своим людям, то мы тоже послали на помощь опору власти Джалал ад-дина Хинду бека и следом за ним — поддержку избран-
322*а* ных, Мухаммеди Кукельташа и Ходжаги Асада Джандара, || а потом— опору высокой власти, доверенное лицо при возвышенном пороге, избранного приближенного Камал ад-дина Юнуса Али, опору избранных, совершенного в преданности Джалал ад-дин Шах Мансура Барласа, опору избранных Шихаб ад-дин Абд Аллах Китабдара. Им вслед мы послали на помощь опору избранных Дуст ишик ага и Шамс ад-дин Мухаммед Халила ахта беки.

Неверные на правом крыле многажды и неоднократно производили натиски на левое крыло войск ислама и бросались на бойцов, коим уготовано вечное спасение, и каждый раз великие воины за веру некоторых из них ввергали ударами победоносных стрел в обитель гибели, где будут они жариться на огне [и скверное это обиталище!], а других оттеснили назад. Опора избранных Му'мин Атка и Рустам Туркмен устремились вслед за войском нечестивых — вместилищем мрака и прибежищем несчастья; в помощь упомянутому мы послали нукеров приближенного к его султанскому величеству, опоры державы хакана Низам ад-дина Али Халифы, под начальством опоры избранных, искреннего в преданности Ходжи Махмуда и Али Атака. Драгоценнейший брат наш, Мухаммед Султан мирза, прибежище власти Адил Султан, поддержка царства Муизз ад-дин Абд ал-Азиз мирахур, Джалал ад-дин Кутлук Кадам караул, Шамс ад-дин Мухаммед Али Дженг-Дженг, а также опора избранных Шах Хусейн Яраги и Могол Ганчи, ступая твердою ногой, начали битву; дастура величайшего из вазиров среди народов, Ходжа Камал ад-дин Хусейна с отрядом людей, состоящих в диване ||, мы послали им на помощь. 322*б*

Все бойцы за веру с великим рвением и усердием рвались в бой; помня благородные слова Корана: «Скажи: ожидают ли они от нас чего-нибудь, кроме одного из двух благодеяний», они вознамерились пожертвовать душой и подняли знамена, жизнь отнимающие.

Когда битва и сражение продлились и затянулись, был издан приказ, подлежащий исполнению, чтобы личные телохранители государя, молодцы в бою и львы в чаще доблести, которые стояли за пушками, словно львы в цепях, выступили вперед, справа, слева и из центра и, дав стрельцам место в середине, со всех сторон начали сражение. Они поднялись из-за повозок, как поднимается истинная заря над шатром горизонта, и, пролив на поле битвы, широком, как небо, много красной, как заря, крови злосчастных нечестивцев, заставили множество голов этих непокорных слететь, словно падающие звезды, с неба их бытия. Редкость нашего века, Устад Али Кули, который стоял со своими прислужниками перед центром войска, свершал доблестные дела и метал камни огромного размера; если бы положить один из них на чашку весов его деяний, то он получил бы награду, о которой говорится в словах: «А если весы его тяжелы, то будет он жить жизнью благою». Если же бросят их на твердостоящий холм или на высокую гору, то рухнет она и развалится, словно шерсть расчесанная. Эти камни метал он в крепость рядов нечестивых, одетых железом; ударами камней и выстрелами из пушек и ружей разрушил он многие строения тел неверных.

323*а* Стрельцы центра, || где стоял государь, согласно приказу, выступили на поле битвы. Каждый из них заставил множество неверных вкусить яд смерти; пехотинцы вышли на место великой опасности и сделали явными свои имена среди львов из чащи мужества и храбрецов на поле доблести. В это время последовал приказ его величества хакана выдвинуть вперед повозки, стоявшие в центре, и драгоценная особа государя, сопутствуемая справа счастьем и успехом, а слева — победой и одолением, направилась в сторону войска неверных. Когда в разных концах и сторонах победоносной рати заметили это обстоятельство, все полноводное море войска, облеченного победой, пришло в великое волнение, и доблесть крокодилов этого моря из возможности стала действительностью. Мрак от пыли собрался в облако и, словно темная туча, раскинулся над всем полем битвы; вспышки от сверкания мечей затмили блеск молнии и лишили света сияющий лик солнца, уподобив его спинке зеркала. Разящие смешались с поражаемыми и победители с побежденными, так что признаки различия скрылись от глаз; волшебник времени показал такую ночь, когда не было иных планет, кроме стрел, и других неподвижных звезд, кроме искр под копытами твердоногих коней.

323*б* В день битвы роса крови опустилась до Рыбы, а пыль поднялась вверх до луны.* ||
От топота копыт животных в этом обширном поле слоев земли стало шесть, а неба — восемь.

Усердные бойцы за веру, которые в пылу боя проявляли доблесть и не щадили жизни, услышали сокровенный глас, возвещавший: «Не унывайте и не печальтесь, ибо вашей будет победа», и дошла до них благая весть осведомителя, не оставляющего в душе сомнений: «от Аллаха поддержка и близкая победа; обрадуй же правоверных». И начали они биться с таким увлечением, что до них донеслись возгласы одобрения святых вышнего собрания; ангелы, приближенные к Аллаху, кружились, как мотыльки, над их головами.

В пору между двумя молитвами пламя битвы так сильно разгорелось, что факелы знамен вознеслись выше небес. Правое и левое крыло войск ислама прижало левое и правое крыло злополучных нечестивцев к их центру и оттеснило их в одно место. Когда признаки победы славных бойцов за веру и возвышения исламского знамени начали становиться явными, проклятые нечестивцы и злодеи, лишенные веры, некоторое время пребывали в смятении, не зная, что им делать; наконец, они исторгли сердце свое из груди и бросились на правый и левый край нашего центра. На левом краю их натиск был сильнее и они подошли к нам близко, но наши доблестные бойцы, видя перед собой плоды небесной награды, посадили саженцы стрел в землю груди каждого

из врагов и сделали нечестивых столь же черными, как их судьба. В это время ветерок победы и одоления повеял над лугом счастья наших благих заместителей || и донес до них благую весть: «Поистине, даровали мы тебе победу явную». Красавица торжества, чья прелесть, озаряющая мир, украсилась кудрями слов: «Поддержит тебя Аллах поддержкой могучей», явила нам счастье успеха, прежде сокрытое за завесой, и сделала его близким. Ложноверующие индусы, поняв, что их положение трудное, рассыпались, «как шерсть расчесанная», и разлетелись, словно рассеявшиеся мотыльки. Немало убитых пало на поле битвы, многие, отчаявшись в жизни, ушли в пустыню скитаний и стали снедью для ворон и коршунов. Из трупов убитых сложили холмы, из голов их воздвигли минареты. Хасан хан Мевати от ружейного выстрела вошел в число мертвых, многим из заблудших и непокорных, что были вожаками этих людей, пули и стрелы также принесли конец дней их жизни. К числу их принадлежат Равал Уди Синг Багари, который был правителем области Дунгарпура и имел двадцать тысяч всадников, Рай Чандрабан Чухан, имевший четыре тысячи всадников, Бхупат Рао, сын упомянутого выше Салах ад-дина, который был правителем области Чандири и имел шесть тысяч всадников, Маникчанд Чухан и Дилпат Рао, имевшие по четыре тысячи всадников, Гангу, Карм Синг и Дангуси, имевшие по три тысячи всадников, а также многие другие индусы, каждый из которых || был начальником войска и гла- 324б
вой отряда, сплошь состоявшего из людей великих и славных. Все они вступили на стезю, ведущую в ад, и перешли из сей обители нечисти в пропасть нижайшую. Дорога с поля битвы, словно геенна, была усеяна ранеными, умиравшими на земле; нижайшая пропасть наполнилась трупами лицемеров, отдавших жизнь ангелу ада. Куда бы ни поспешил человек в войске ислама, он всюду мог найти убитых, сколько хотел. Когда славная ставка двинулась вслед за бежавшими, то на каждой стоянке некуда было вступить из-за множества трупов поверженных вельмож.

Все индусы убиты в позоре и унижении.*
Камнями ружей, как люди со слоном.
Из-за множества тел появились горы,*
На каждой из этих гор текла река крови.
От страха перед стрелами войско, полное блеска,*
Разбежалось по степям и горам.

Повернули они вспять, убегая, и было веление Аллаха судьбой предопределенной. Восхвалим же Аллаха всеслышащего, всезнающего; нет поддержки, кроме как от Аллаха великого, премудрого! Писано двадцать пятого числа месяца джумады второй года девятьсот тридцать третьего».

* * *

После этой победы я стал писать в тугре слово «гази». Под тугрой в победной грамоте я написал такое рубаи:

Ради ислама сделался я скитальцем,*
Вел войну с нечестивыми индийцами,
325*а* Принял я решение стоть мучеником за веру;* ||
Благодарение Аллаху, что стал я гази.

Шейх Зайн нашел тарих этой победы в словах: «Победа государя ислама»; он вписал их в рубаи и прислал его мне. Мир Гису, один из тех людей, что прибыли из Кабула, тоже нашел тарих в этих же словах и, написав рубаи, прислал его мне. По совпадению в рубаи Мир Гису и Шейх Зайна были приведены одни и те же слова, как самые лучшие.

В другой раз, при завоевании Дибалпура, Шейх Зайн нашел его тарих в словах: «Середина месяца раби первого». Мир Гису тоже нашел тарих в этих же словах.

Разбив врагов, мы преследовали и избивали их. Стан нечестивых находился курухах в двух от нашего лагеря. Достигнув вражеского лагеря, мы послали вслед за неверными Мухаммади Абд ал-Азиза, Али хана и еще кое-кого. Тут было допущено некоторое нерадение: мне следовало, ни на кого не надеясь, идти самому.

Пройдя с курух за неприятельский лагерь, я повернул назад, так как время было позднее, и к молитве перед сном вернулся в лагерь. Мухаммед Шариф-звездочет — каких только бед он мне не пророчил! — тотчас же явился с поздравлениями. Здорово выругав его, я отвел душу. Хотя это был человек, склонный к обману, пророчивший злое, очень самодовольный и противный, но так как он давно мне служил, то я пожаловал ему один лак денег и отпустил его, чтобы он не оставался в мо-
325*б* их владениях. ||

Следующий день мы провели в этом же лагере. Мухаммед Али Дженг-Дженг, Шейх Гуран и Абд ал-Малук курчи с большим отрядом были посланы против Ильяс хана, который восстал в Миан-Ду-Абе, захватил Куил и взял в плен Кичик Али. Когда пришли мои люди, воины Ильяс хана, не будучи в состоянии сражаться, рассеялись во все стороны. Спустя несколько дней после того как я прибыл в Агру, Ильяс хана схватили и привели. Я велел живьем содрать с него кожу.

На холмике, находившемся перед лагерем, где происходило сражение, я приказал построить минарет из голов убитых.

Совершив два перехода от этой стоянки, мы пришли в Биану. До самой Бианы и даже до Алвара и Мевата на земле валялось бесчисленное множество трупов нечестивых и вероотступников.

Я поехал и осмотрел Баину. Вернувшись в лагерь, я созвал тюркских и индийских эмиров и мы держали совет относительно похода на владения нечестивого Рана Санка. Вследствие недостатка воды в пути и чрезвычайной жары, поход был отложен.

Область Мевата лежит неподалеку от Дихли; с нее собирают до трех-четырех круров дохода.

Хасан хан Мевати получил эту область от отцов и дедов, которые самостоятельно правили ею сто или двести лет; они, по-видимому, не очень слушались дихлийских султанов. || Султаны Хинда по причине 326*а*
обширности своих владений или за неимением удобного случая, либо вследствие гористости области Мевата, не сворачивали в сторону этой области и не могли окончательно покорить ее, так что жители Мевата оказывали им лишь неполное повиновение.

После завоевания Хинда мы также, по обычаю прежних султанов, оказывали благосклонность Хасан хану. Однако этот неблагодарный еретик, подобный нечестивому, не помня наших милостей и благодеяний и не желая отблагодарить нас за заботу и попечение, был, как уже сказано, первым зачинщиком всех заговоров и главным виновником всех зол.

Когда поход на нечестивых был отложен, мы направились в Мават, чтобы покорить эту область. После четырех переходов мы стали лагерем на берегу реки Манасни, в шести курухах от крепости Алвар, где имел пребывание правитель Мевата. Предки Хасан хана до него пребывали в Тиджара. В тот год, когда я вступил в Хиндустан, разбил Пахар хана и захватил Лахор и Дибалпур, Хасан хан, опасаясь меня и проявляя предусмотрительность, начал строить эту крепость. Один из уважаемых людей Хасан хана по имени Кармчанд, когда сын Хасан хана был в Агре, тоже явился туда. Вернувшись от сына, он прибыл из Алвара || с просьбой о пощаде. Я дал ему в провожатые Абд 326*б*
ар-Рахима шигаула и отослал его в Агру, снабдив милостивыми указами. Кармчанд отправился в Агру и вернулся, приведя с собой Нахир хана, сына Хасан хана. Я опять проявил к нему милость и дал ему удел в несколько лаков.

Думая, что Хусрау совершил в битве подвиг, я пожаловал ему в виде помощи и поддержки удел в пятьдесят лаков и отдал в управление Алвар. По своему злополучию он начал ломаться и не взял Алвара. Позднее стало известно, что этот подвиг совершил Чин Тимур султан. Я пожаловал этому султану в подарок город Тиджара, столицу Мевата, и выдал ему в виде поддержки пятьдесят лаков. Тердика, который в бою с Рана Санка стоял на правом краю центра и совершил обходное движение, держал себя лучше других; я выдал ему пятнадцать лаков деньгами и пожаловал крепость Алвар. Сокровищницу Алвара и [власть над] всеми обитателями крепости я дал Хумаюну.

Снявшись с этой стоянки в среду, первого числа месяца раджаба, мы подошли на два куруха к Алвару. Я проехался и осмотрел крепость Алвар. Ночь я провел в этой крепости, а утром вернулся в лагерь.

Как уже упомянуто, перед походом на нечестивых все, и великие и
327*а* малые, дали клятву верности; при этом было сказано ||, что после победы не будет принуждения и всякий, кто захочет отправиться в Агру, получит на это разрешение. Большинство людей Хумаюна были из Бадахшана и с той стороны никогда не ходили в поход даже на месяц или два месяца. Перед битвой они потеряли стойкость и я дал им такое обещание. К тому же Кабул совершенно опустел. По этой причине было решено отправить Хумаюна в Кабул. Сговорившись об этом, мы вышли из Алвара в четверг, девятого раджаба, и, пройдя четыре или пять курухов, остановились на берегу реки Манас.

Махди ходжа тоже был в большой тревоге и я отпустил его в Кабул; должность сборщика налогов в Биане была предоставлена Дуст ишик ага. Раньше я назначил Махди ходжу правителем Атавы. Когда Кутб хан бросил Атаву и ушел оттуда, я послал в Атаву на место Махди ходжи его сына Джа'фар ходжу.

Вследствие отъезда Хумаюна, мы провели на этой стоянке два-три дня. Оттуда был послан в Кабул с победной грамотой Му'мин Али Таваджи.

Я слышал похвальные описания фирузпурского источника и большого озера Кутила. Чтобы проводить Хумаюна и посмотреть эти места,
327*б* я в воскресенье оставил лагерь || и выехал оттуда. В этот день я осмотрел Фирузпур с его источником и ел там ма'джун. В долине, где протекает источник, канир был в полном цвету. Это место не лишенное приятности, хотя не такое, каким его описывают. Во всех местах, где ручей разливается шире, я приказал положить тесаные камни размером десять на десять [кари].

Эту ночь мы провели в долине, а утром я сел на коня и осмотрел озеро Кутила. Оно со всех сторон окружено горами; река Манасни, говорят, впадает в это озеро. Озеро это очень большое; с одного берега не видно как следует другого берега.

Посреди озера есть возвышенность, у берегов его [стоит] много маленьких лодочек; рассказывают, будто жители окрестных деревень во время смут и беспорядков садятся на эти лодки и спасаются. Когда мы туда прибыли, некоторые люди тоже сели в лодки и выехали на озеро.

Осмотрев озеро, мы вернулись и остановились в лагере Хумаюна. Там мы отдохнули и поели и, наградив Мирзу и его беков почетными одеждами, простились с Хумаюном и выехали в час молитвы перед сном. По дороге мы поспали в одном месте и двинулись дальше. На

рассвете мы проехали область Кухри и опять немного поспали, а потом прибыли в лагерь, который находился в Туда.

Когда мы выступили из Туда и стали лагерем в Сункара, || сын 328*а*
Хасан хана Мевати Нахир хан, который был препоручен Абд ар-Рахим шигаулу, бежал. Выступив оттуда и совершив один переход, мы остановились у источника на выступе горы, возвышающейся между Бусаваром и Джуса. Там мы приказали поставить шатер и съели ма'джун. Когда наше войско проходило мимо этого источника, Тарди бек Хаксар всячески расписывал его; мы поехали к источнику на конях. Источник оказался действительно хороший. В Хиндустане, где почти нет проточной воды, нечего искать источников; те немногие источники, что там есть, сочатся из земли струйкой, а не бьют ключом, как в наших краях. Воды из этого источника хватило бы на полмельницы; она выбивается из-под склона горы.

Вокруг источника сплошные луга; местность мне очень понравилась. Я приказал построить в верховьях источника восьмиугольный хауз из тесаного камня.

Когда мы сидели у этого источника, наевшись ма'джуна, Тарди бек все время с гордостью повторял: «Раз я расхвалил это место, ему нужно дать название». Абд Аллах сказал: «Его нужно назвать «Царский ручей, восхваленный Тарди беком», и его слова вызвали великий смех и веселье.

Дуст ишик ага прибыл из Бианы к этому источнику и служил мне. || 328*б*

Покинув это место, я еще раз осмотрел Биану и отправился в Сикри, где мы провели два дня. Я остановился в саду, который приказал раньше устроить; позаботившись об [украшении] сада, я прибыл в Агру утром, в четверг, двадцать третьего числа месяца раджаба.

Уже было сказано, что непокорные во время смут завладели Чандваром и Рапари. Я послал к Чандвару и Рапари Мухаммед Али Дженг-Дженга, Тарди бека, Куч бека, Абд ал-Малика курчи и Хасан хана с людьми Дариа хана. Когда они приблизились к Чандвару, люди Кутб хана, находившиеся там, узнали об этом и бежали. Овладев Чандваром, Мухаммед Али Дженг-Дженг и его люди двинулись на Рапари. Люди Хусейн хана Нухани вышли к заставе с намерением немного подраться, но едва наши бойцы приблизились и произвели нападение, как они не выдержали и побежали. Сам Хусейн хан с несколькими бойцами вошел в реку и утонул в Джумне. Кутб хан, услышав об этом, бросил Атаву и тоже бежал с несколькими своими приспешниками. Так как Атава была предназначена Махди ходже, то его сына Джа'фар ходжу послали туда вместо Махди ходжи.

Как уже было упомянуто, во время похода против нечестивого Санка многие хиндустанцы и афганцы отошли от меня; все они завладели

землями и областями, [над которыми были поставлены]. Мухаммед Дул-
329а дай, бросивший Канаудж и явившийся ко мне, || от страха или из самолюбия не соглашался вернуться в Канаудж и променял Канаудж с доходом в тридцать лаков на Сихринд, дающий пятнадцать лаков. Канаудж я пожаловал Мухаммед Султан мирзе, определив доход с него в тридцать лаков. Бадаун был отдан Касим Хусейн султану, который получил повеление присоединиться к Мухаммед Султан мирзе. Некоторые другие тюркские эмиры — Малик Касим, [брат] Баба Кашка со своими братьями и моголами, Абу Мухаммед Найза баз, Муайяд с отцом, Хусейн хан со своими дарьяханцами и нукерами Султан Мухаммед Дулдая, а также кое-кто из хиндустанских эмиров — Али хан Фармули, Малик Дад Карарани, Шейх Мухаммед, [сын] Шейха Бакари, и Татар хан Хан-и Джахан тоже получили приказ соединиться с Мухаммед Султан мирзой и выступить против Бибана, который во время восстания нечестивого Санка осадил и взял Лукнур. Когда их войско перешло реку Ганг, Бибан, узнав об этом, бросил свой обоз и бежал. Наши воины преследовали его до Хайрабада и, простояв там несколько дней, вернулись.

Казну я уже успел разделить, что же касается земель и областей, то дела с нечестивыми помешали мне раздать их. Покончив с войной
329б против нечестивых, мы начали делить земли и владения. || Так как приближалось время дождей, то было решено, что всякий должен отправиться в свое владение и приготовить снаряжение, а когда пройдут дожди — явиться ко мне.

Между тем пришли сведения, что Хумаюн, прибыв в Дихли, отпер некоторые казнохранилища и незаконно завладел ими. Я никогда не ожидал этого от Хумаюна, и у меня стало крайне тяжело на душе. Я написал Хумаюну письмо с очень суровыми увещаниями.

В четверг, пятнадцатого ша'бана, я снова отправил послом к царевичу Тахмаспу с соответствующими подарками Ходжаги Асада вместе с Сулейманом Туркменом. Ходжаги Асад уже ходил в Ирак в качестве посла и вернулся оттуда с Сулейманом.

Тарди бек Хаксар, которого я заставил бросить жизнь дервиша и сделал воином, прослужил мне несколько лет. Потом влечение к дервишеской жизни снова возобладало и Тарди бек попросил отпустить его. Я дал ему разрешение удалиться от дел и послал его к Камрану.

Я написал небольшую кит'а о тех, кто ушел от нас в прошлом году, обращаясь в ней к Мулле Али хану. Теперь я послал ее Мулле Али
330а хану с Тарди беком. Вот эта кит'а ||

О вы, которые ушли из страны Хинда,*
Испытав там страдания и мучения!
Стосковавшись по прекрасному воздуху Кабула,*

Вы тогда быстро ушли туда из Хинда.
И видели и нашли там развлечения,*
Услады, веселье и удовольствие.
Мы тоже, слава Аллаху, не умерли,*
Хотя много испытали тягот и горестей.
Радости души и страдания тела.*
Узнали вы, и мы тоже узнали.

Рамазан этого года мы провели в саду Хашт-Бихишт, совершая все положенные молитвы и омовения. С одиннадцатого года жизни я не проводил двух праздников рамазана подряд в одном месте. Прошедший рамазан я справил в Агре. Чтобы не отступать от установившегося обычая, мы отправились на воскресенье, в последний день месяца, в Сикри, с целью провести там праздник. В северо-западной стороне сада Баг-и Фатх, в Сикри, была воздвигнута каменная суфа; на этой суфе разбили шатер, в шатре мы отпраздновали праздник.

В тот вечер, когда мы выехали из Агры, Мир Али курчи был послан в Татту к Шах Хасану. Шах Хасан очень любил играть в карты; он просил прислать ему карты, я послал.

В воскресенье, пятого зу-л-ка'да, у меня заболело горло; [недомогание] тянулось семнадцать дней.

В пятницу, двадцать четвертого числа названного месяца, мы отправились на прогулку в Дулпур. Ночью на полдороге мы поспали в одном месте, || а утром подошли к плотине Султан-Искандер и остано- 330*б*
вились там. Ниже плотины, где кончается гора, находится большая глыба красного строительного камня. Я велел привести Устад Мухаммеда, каменотеса, и приказал, если можно, вытесать из всей этой глыбы дом, а если она слишком низка для постройки, выровнять ее и продолбить в камне хауз.

Из Дулпура мы отправились в Бари; на другой день мы осмотрели Бари и вернулись. На горе между Дулпуром и Бари мы видели эбеновое дерево; плоды этого дерева называются тинду. Белое эбеновое дерево, оказывается, тоже бывает, на этой горе большинство деревьев были белые.

Из Бари я проехал в Сикри и в среду, двадцать девятого числа этого месяца, прибыл в Агру.

В эти дни стали приходить тревожные вести о Шейхе Баязиде. Я послал к нему Султан Али Тюрка, дав срок [для явки] в двадцать дней.

В пятницу, второго зу-л-хиджже, я начал читать стихи Корана, которые надо повторять сорок один раз. В эти дни я свой стих:

О глазах ли ее, бровях ли, языке ли скажу,*
О росте ли ее, о ланитах или кудрях скажу?

разбил [на стопы] в пятистах и четырех размерах; по этому поводу мною был составлен [особый] трактат.

331*a* В этот день у меня опять || болело горло; болезнь тянулась десять дней. В четверг, двадцать девятого зу-л-хиджже, мы ездили на прогулку в Куил и Самбал.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОГО

В субботу первого числа месяца мухаррама мы остановились в Куиле. Юсуф и Дервиш Али были оставлены Хумаюном в Самбале. Перейдя реку, они сразились с Кутбом Сирвани и несколькими раджами и, хорошо побив их, прислали много голов и одного слона. Мне доставили их, когда я был в Куиле.

В Куиле мы провели два дня, осматривая город. По приглашению Шейха Гурана мы стояли у него в доме. Он угостил нас и поднес нам подарки.

Выехав из Куила, мы остановились в Утрули; в среду мы переправились через реку Ганг и сделали привал в деревнях, окружающих Самбал. В четверг мы остановились в Самбале и провели там два дня, осматривая город, а в субботу утром возвратились из Самбала. В во-

скресенье я остановился в Сикандара, в доме Рао Сирвани, который предложил нам кушанье и служил мне. Еще до рассвета мы уехали от него. По дороге я под каким-то предлогом покинул своих людей и ускакал. Я ехал один, пока не оказался в одном курухе от Агры. После этого мои люди догнали меня и присоединились ко мне.

В воскресенье, шестнадцатого мухаррама, на меня напала лихорадка с дрожью. Приступ следовал за приступом, они тянулись двадцать пять-двадцать шесть дней. Я пил слабительное лекарство и в конце концов болезнь прошла. Я очень страдал от бессонницы и жажды.

331*б* В дни болезни я написал три или четыре||рубаи; вот одно из них:

Днем в теле моем сильный жар,*
А когда наступает ночь, сон бежит от моих глаз.
И то и другое подобно моему горю и моему терпению:*
Первое с течением времени возрастает, а второе уменьшается.

В субботу, двадцать восьмого сафара, прибыли мои тетушки: Фахр-и Джахан биким и Хадича Султан биким. Я выехал на лодке и встретил их выше Сикандар-Абада.

В воскресенье Устад Али Кули выстрелил ядром из большой пушки. Хотя ядро пролетело далеко, но пушка разорвалась на куски. Одним куском повалило толпу людей; восемь из них умерло.

В понедельник седьмого числа первого раби' я поехал на прогулку в Сикри. Восьмиугольная суфа, которую я приказал воздвигнуть посреди озера, была готова. Мы поехали на лодке, разбили на суфе шатер и ели ма'джун.

Вернувшись после прогулки в Сикри, я вечером в понедельник, четырнадцатого числа месяца раби' первого, двинулся на Чандири, намереваясь начать священную войну. Мы прошли три куруха и стали лагерем в Джалисире. Дабы люди могли снарядиться и приготовиться, мы простояли там два дня. В четверг мы выступили из Джалисира и остановились в Анваре. Выехав из Анвара на лодках, мы прошли Чандвар и вышли на сушу; затем мы совершили несколько переходов и в понедельник, двадцать восьмого, остановились у переправы Канар.

В четверг, второго числа месяца раби' второго, я перешел через реку. Четыре или пять дней я стоял у переправы то на одной, то на другой стороне, || ожидая, пока перейдут воины. В эти дни я постоянно выезжал на лодке и ел ма'джун. Река Чамбал впадает в Ганг в одном или двух курухах выше канарской переправы. В пятницу я сел в лодку и, проплыв по Чамбалу дальше места впадения, прибыл в лагерь.

332*а*

Хотя Шейх Баязид еще не поднял открыто восстания, однако из его действий и поступков явствовало, что он имеет намерение восстать. По этой причине я отрядил и послал Мухаммед Али Дженг-Дженга в Канудж; он должен был собрать там людей Мухаммед Султан мирзы

и находящихся там султанов и эмиров: Қасим Хусейн султана, Бихуб султана, Малик Қасима, Куки, Абу Мухаммед Найза база и Менучихр хана с его братьями и дарьяханцами, и повести под своим предводительством против непокорных афганцев. Им надлежало предложить Шейх Баязиду примкнуть к Мухамеду Али, если Шейх Баязид с искренними намерениями явится и присоединится к его силам, то пусть идут вместе, а если он не придет, то прежде всего следует его разбить. Мухаммед Али потребовал несколько слонов; мы дали ему десяток слонов. После того как мы отпустили Мухаммед Али, Баба Чухра тоже получил приказ присоединиться к этому отряду.

От Қанара мы совершили один переход на лодках. В среду, восьмого числа месяца второго раби', мы остановились в одном курухе от Қалпи. Баба султан, сын Султан Халил султана, родного брата Султан Са'ид хана, явился ко мне на этой стоянке, чтобы мне служить. В минувшем году он бежал от своего дяди || и дошел до границ Андераба, но 332*б*
раскаялся и вернулся. Қогда он был недалеко от Қашгара, хан послал ему навстречу Хайдар мирзу и тот заставил его вернуться.

На следующий день мы остановились в Қалпи, в доме Алам хана. Он подал нам еду и угощение на хиндустанский лад и поднес подарки.

В понедельник, тринадцатого числа этого месяца, мы вышли из Қалпи; в пятницу остановились в Ирджи. В субботу мы стали лагерем в Бандире.

В воскресенье, девятнадцатого числа, мы поставили Чин Тимур султана во главе шести или семи тысяч человек и послали его на Чандири впереди нас. Из беков отправились в поход Баки минг беги, Тарди бек, [брат] Куч бека, Ашик бакаул, Мулла Аппак и Мухсин Дулдай, а из хиндустанских беков — Шейх Гуран.

В пятницу, двадцать четвертого числа, мы остановились вблизи Қачва. Склонив к себе обитателей Қачва, я отдал эту местность сыну Бадр ад-дина.

Қачва — довольно хорошее место; вокруг него возвышаются небольшие горки. Между горками, к юго-востоку от Қачва, устроили запруду, так что образовалось большое озеро; окружность его равняется пяти-шести курухам. Это озеро охватывает Қачва с трех строн; с северо-западной стороны осталась небольшая полоска суши, на которой находятся ворота [крепости]. На озере плавают маленькие лодочки, вмещающие трех-четырех человек; всякий раз, когда жители хотят спастись бегством, они садятся в лодки|| и выезжают на середину озера. Не дохо- 333*а*
дя до Қачва, в двух местах тоже устроили между гор запруду и образовалось озеро, но эти озера меньше, чем озеро в Қачва.

Пробыв в Қачва один день, я послал расторопных надсмотрщиков и множество землекопов сгладить неровности дороги и вырубить зарос-

ли, чтобы повозки и пушка могли пройти без труда. Местность между Качва и Чандири покрыта густыми зарослями.

Выступив из Качва и сделав один привал, мы переправились через реку Бурханпур и стали лагерем в трех курухах от Чандири.

Арк Чандири стоит на горе; внешние укрепления и самый город расположены среди гор. Ровная дорога, по которой могут пройти повозки, пролегает под внешними укреплениями. Отойдя от Бурханпура, мы прошли из-за повозок одним курухом ниже Чандири. После одного перехода во вторник, двадцать восьмого числа, я остановился у хауза Бахджат-Хана, выше плотины. На следующее утро я выехал и расставил воинов на посты вокруг крепости — в центре, на правом краю и на левом краю. Устад Али Кули выбрал для стрельбы ядрами ровное место, без уклона. Надсмотрщикам и землекопам велели устроить насыпь для установки пушки; всем воинам было приказано приготовить щиты, лестницы и поставить людей к щитам, употребляющимся при захвате крепостей.

333б Чандири раньше || принадлежало властителям Манду. После смерти Султан Насир ад-дина один из его сыновей, Султан Махмуд, который и теперь находится в Манду, завладел Манду и прилегающими областями. Другой сын Султан Насир ад-дина по имени Мухаммед шах захватил Чандири и обратился за помощью к Султан Сикандару. Султан Сикандар послал Мухаммед шаху большое войско и оказал ему покровительство. После смерти Султан Сикандара, во времена Султан Ибрахима, Мухаммед шах тоже умер, оставив маленького сына по имени Ахмед шах. Султан Ибрахим изгнал Ахмед шаха и поставил вместо него своего человека. Когда Рана Санка повел войско против Ибрахима и пришел в Дулпур, беки Султан Ибрахима восстали против последнего. В это время Чандири перешло в руки Рана Санка; Санка отдал этот город одному из знатных и уважаемых язычников по имени Мидини Рао. Этот Мидини Рао находился теперь в крепости Чандири с четырьмя или пятью тысячами нечестивых.

Араиш хан водил с ним дружбу. Я послал Араиш хана с Шейх Гураном к Мидини Рао с милостивыми и ласковыми словами и обещал в обмен на Чандири отдать ему Шамсабад. Один или два значительных человека вышли им навстречу. Не знаю — не поверил ли он мне или полагался на свою крепость, но только дело с перемирием не удалось.

Имея намерение взять крепость Чандири приступом, я утром, во вторник, шестого числа того месяца, выступил в поход и, отойдя от хауза Бахджат-Хана, остановился у среднего хауза, неподалеку от кре-
334а пости.||

В это утро, когда мы подходили к стоянке, прибыл Халифа и доставил несколько писем. В них сообщалось, что войско, посланное в Пураб, шло неосмотрительно и, вступив в бой, понесло поражение. На-

ши люди оставили Лакнау и пришли в Канудж. Я увидел, что Халифа́ из-за этого расстроен и полон тревоги и сказал: «Расстраиваться и тревожиться нет основания: все, что суждено — неизбежно, а ничего иного не случится. Так как нам предстоит захватить крепость, то не говори об этих известиях; завтра станем штурмовать крепость, а потом посмотрим, что будет».

Враги укрепили как следует только арк, а во внешних укреплениях расставили людей по одному, по два на всякий случай. В тот же день вечером наши бойцы со всех сторон подошли к внешним укреплениям. Там было немного людей и не произошло даже небольшого боя: враги бежали и ушли в арк.

Утром в среду, седьмого числа месяца джумады первой, войска получили приказ снарядиться, отправиться на свои места и начать сражение. Когда я выеду на коне со знаменем и ударят в барабан, пусть со всех сторон идут на приступ.

Задержав [сигнал] знаменем и барабаном, пока битва не разгорится, я смотрел, как Устад Али Кули стреляет из пушки. Он выпустил три или четыре ядра, но так как место было без уклона, || а стена крепо- 334*б*
сти — очень крепкая, сплошь из камня, то выстрелы не произвели действия. Уже было упомянуто, что арк Чандири стоит на горе; с одной стороны в стене был сделан крытый проход для воды. Стенки этого прохода тянутся под горой, это единственное место, подходящее для нападения.

Правый край и левый край центра, а также особый отряд получили приказ занять это место. Приступ начали со всех сторон, но в этом месте он был всего сильнее. Нечестивые кинули сверху несколько камней и сбросили огонь, но наши молодцы не обращали на это внимания; в конце концов, Шахим юз беги поднялся к тому месту, где стенки водопровода примыкают к стене внешнего укрепления, наши йигиты тоже вскарабкались туда с двух или трех сторон. Нечестивые, которые стояли у прохода, бросились бежать, и водопровод был взят. Люди, находившиеся в верхней крепости, не дрались даже столько [времени] и поспешно бежали. Йигиты во множестве взобрались и поднялись в верхнюю крепость. Через короткое время язычники, совершенно обнаженные, снова выбежали и начали драться; многих [наших] людей они обратили в бегство и сбросили со стены, а несколько человек зарубили насмерть и погубили. Причина, почему они так быстро ушли со стены, была, как говорят, такова: решив, что крепость придется сдать, они изрубили насмерть своих женщин и красивых [девушек] и, избрав для себя смерть, обнажились и ринулись в бой. В конце концов мои люди напали на них со всех сторон || и сбросили со стены. Двести или триста нече- 335*а*
стивых вошли во двор Мидини Рао; многие из них поубивали друг дру-

га следующим образом: один стоял с мечом в руках, а прочие один за другим добровольно подставляли шеи под удар. Большинство их таким способом отправилось в ад. Милостью божией мне удалось завоевать столь славную крепость в течение двух или трех гари, не поднимая знамени, не ударив в барабан и не начиная настоящей битвы. На горе к северо-западу от Чандири воздвигли башню из голов нечестивых.

Для обозначения года этой победы был найден тарих в словах: «Фатх-и дар ал-харб». Я включил его в такие стихи:

Был долгое время Чандири*
Областью войны и битв, полной нечестивых.
Захватил я его крепость войной,*
И стали тарихом этого слова: «Захват обители войны, Чандири».

Чандири — прекрасное место, вокруг и в окрестностях много проточной воды; арк Чандири стоит на горе. Посреди горы выдолбили в камне большой хауз, другой большой хауз находится у того водопровода, через который прошли наши бойцы и взяли приступом крепость. Дома простых и знатных людей в Чандири все построены из камня. Жилища больших людей строятся очень роскошные, из тесаного камня, дома людей более низкого разряда — тоже из камня, главным образом
335*б* нетесаного. Крыши вместо черепицы || покрывают каменными плитами.

Перед крепостью находится три больших хауза; прежние правители устроили всюду вокруг запруды и выкопали эти хаузы. В одном возвышенном месте, называемом Бетва, есть речка, от нее до Чандири будет три куруха. Вода Бетва славится в Хиндустане своими хорошими качествами и прекрасным вкусом, это хорошая речушка. Посреди нее торчат отдельные скалы, подходящие для возведения построек. Чиндири лежит в девяноста курухах к югу от Агры; высота Полярной звезды в Чандири — двадцать пять градусов.

Наутро в четверг я покинул укрепления, опоясывающие крепость и стал лагерем возле хауза Маллу-Хан. Мы пришли в эти места, имея намерение после взятия Чандири направиться в Рай-Синг, Бхилсан и Сарангпур — владения неверных, принадлежащие нечестивому Салах ад-дину, и, захватив эти области, двинуться на Читур против Рана Санка. Когда начали приходить столь тревожные известия, я созвал беков и устроил совет; нам показалось удобней и предпочтительнее [сначала] пойти на [упомянутых] врагов и смутьянов и подавить их мятеж и восстание.

Чандири я отдал уже названному Ахмед шаху, который приходится внуком Султану Насир ад-дину; назначив с Чандири в доход казны пятьдесят лаков, я поручил взыскание налогов Мулле Аппаку. Во главе трех тысяч тюрков и хиндустанцев он был оставлен в помощь Ахмед шаху.

По устроении этих дел || в воскресенье, одиннадцатого числа месяца 336*а*
первой джумады, я ушел с хауза Маллу-Хан, намереваясь вернуться [на север]; мы остановились на берегу реки Бурханпура. В воскресенье же я послал из Бандира Якка ходжу и Джа'фар ходжу за лодками, которые они должны были доставить из Калпи к переправе Канар.

В субботу, двадцать четвертого числа того же месяца, мы остановились у переправы Канар и вышел приказ войскам начать переправу. В эти дни пришли сведения, что отряд, ушедший вперед, оставил также Канаудж и пришел в Рапари. Абу Мухаммед Найза баз, как говорили, укрепил крепость Шамсабад, но большой отряд [врагов] подошел к Шамсабаду и взял крепость приступом.

Три или четыре дня мы провели на реке то на одном берегу, то на другом, ожидая, пока перейдут наши воины. Переправившись через реку, мы переход за переходом двинулись в сторону Канауджа. Отряд смелых йигитов был послан вперед, чтобы добыть сведения о непокорных. За два или три перехода от Канауджа они принесли весть, что сын Ма'руфа, увидев издали фигуры людей, выехавших взять «языка», бежал из Канауджа; Бибан, Баязид и Ма'руф, проведав о нас, переправились через Ганг и стали на восточном берегу Ганга, напротив Канауджа, имея намерение преградить переправу.

В четверг, шестого числа месяца второй джумады, мы миновали Канаудж и стали лагерем на западном берегу Ганга. Наши йигиты силой 336*б*
отняли у врагов || несколько лодок и привели сверху и снизу тридцать или сорок больших и маленьких барок. Мы послали Мир Мухаммеда плотовщика отыскать место для наведения моста и собрать все, что нужно, чтобы навести мост. Мир Мухаммед выбрал место в одном курухе от нашей ставки и вернулся. Я назначил расторопных надсмотрщиков наводить мост. Устад Али Кули выбрал неподалеку от нас хорошее место, чтобы поставить пушку и стрелять ядрами, и занялся стрельбой. Ниже того участка, где наводили мост, Мустафа-и Руми переправил пушки на лафетах на один остров и начал стрелять с острова. Выше моста построили парапет; стрельцы хорошо стреляли с парапета из ружей. Малик Касим Могол и еще несколько йигитов раз или два переправлялись на лодках через реку и хорошо сражались, хотя их было совсем немного. Баба султан с Дервиш [султаном] и еще десять-пятнадцать человек из удальства необдуманно переправились в час вечерней молитвы через реку и снова вернулись, не начав боя и ничего не сделав; за эту переправу их очень бранили. Наконец, Малик Касим с несколькими воинами, осмелев, пробился к самому вражескому лагерю, избивая и тесня неприятеля. Враги сбежались в большом числе, имея с собой одного слона, напали на Малик Касима и потеснили его отряд об-

337а ратно к лодке. Прежде чем лодку сдвинули с места, || слон подошел и потопил ее. Малик Касим погиб в этой стычке.

Несколько дней, пока наводили мост, Устад Али Кули хорошо стрелял из пушки. В первый день он выпустил восемь ядер, во второй день — шестнадцать; так он стрелял три или четыре дня. Этими ядрами он стрелял из пушки, называемой Гази, то была та самая пушка, из которой стреляли во время войны с нечестивым Санка; оттого ее и назвали Гази. Устад Али Кули поставил еще одну пушку побольше, но выпустил всего одно ядро и пушка сломалась.

Стрельцы тоже изрядно палили из ружей и опрокинули своими выстрелами множество коней и людей. Они также застрелили нескольких беглых рабов и путников с их конями.

Когда в среду, девятнадцатого числа месяца второй джумады, наведение моста приближалось к концу, мы снялись с лагеря и подошли к мосту. Афганцы, считая, что навести мост [так быстро] невозможно, издевались над нами. В четверг мост был готов. Небольшой отряд пехотинцев и лахорцев перешел на другую сторону; произошла незначительная стычка. В пятницу переправился пешим порядком особый отряд, стоявший в центре войска, а также йигиты с правого и левого края и стрельцы. Афганцы в полном вооружении, на конях и со слонами произвели натиск. Они потеснили один из отрядов левого края, но люди
337б в середине и на правом краю устояли||и заставили врагов отступить. Двое наших бойцов, поспешив, отделились от прочих и помчались вперед. Одного из них тут же сбили с коня и захватили, другому, а также его коню, нанесли много ударов; конь встал на дыбы, повернул назад и упал среди наших людей. В этот день мне принесли семь или восемь голов. Многих из врагов ранили стрелами и пулями.

Бой продолжался долго: до послеполуденной молитвы. Ночью всех, кто перешел через мост, перевели обратно. Если бы в ночь на эту субботу все мои люди переправились на другую сторону, то большинство врагов, вероятно, попало бы к нам в руки, но мне пришло на память, что в прошлом году, во вторник, в день Науруза, я выступил из Сикри на войну с Рана Санка, и мы разбили врага в субботу. В этом году мы выступили на бой с врагом в среду, также в день Науруза; если бы мы одержали победу над врагом в воскресенье, это было бы весьма удивительное дело. По этой причине [всех] бойцов не стали переправлять на другой берег.

В субботу враги не вышли на бой, они стояли вдали, построившись. В этот день мы переправили пушки на лафетах; на заре следующего дня вышел приказ людям переходить реку. Когда били зорю, от дозорных пришло известие, что враги бегут. Чин Тимур султан получил повеление возглавить войско и преследовать врага. Для погони был назна-

чен отряд под начальством Мухаммед Али Дженг-Дженга, Хусам ад-
дина Али, [сына] Халифы, Мухибб Али, [сына] Халифы, Куки, [сына]
Баба Кашка, || Дуст Мухаммеда, [сына] Баба Кашка, Баки Ташкенди и 338*а*
Вали Кизила; находясь при Султане, они не должны были выходить из
подчинения ему. На рассвете я тоже перешел через реку; верблюдов я
велел перевести на переправе, которую видел ниже. В этот день, в воскре-
сенье, мы стали лагерем в одном курухе от Бангармау на берегу пруда.

Люди, посланные преследовать врагов, действовали нехорошо; они стояли в Бангармау и двинулись оттуда [лишь] в тот самый день после полуденной молитвы. На другое утро мы спешились на берегу озера перед Бангармау; в этот день Тухта Буга султан, сын моего дяди, Младшего хана, явился, чтобы служить мне.

В субботу, двадцать девятого числа месяца второй джумады, я прогулялся в Лакнау и, вернувшись, переправился через реку Гуи и спешился. В этот день я совершил омовение в реке Гуи. Не знаю, вода ли попала мне в ухо или это случилось от действия воздуха, но у меня заложило правое ухо. Однако [это длилось] всего несколько дней и сильной боли не было.

За один или два перехода до Ауда от Чин Тимур султана прибыл человек и сообщил, что враги стоят на той стороне реки Сару и что следует прислать подкрепление. Мы выделили ему в помощь отряд в тысячу человек из йигитов, стоявших в центре войска под начальством Карача хана.

В субботу, седьмого раджаба, мы стали лагерем в двух-трех курухах от Ауда, при слиянии рек Гогра и Сару. || До этого дня на проти- 338*б*
воположном берегу реки Сару, напротив Ауда, находился Шейх Баязид. Он прислал Султану письмо и вел с ним переговоры. Султан, разгадав его хитрости, во время полуденной молитвы послал к Карача человека и начал готовиться к переправе через реку. Как только Карача соединился с Султаном, они без задержки перешли на другой берег реки. [Врагов] было человек пятьдесят всадников с тремя или четырьмя слонами, они не выдержали и побежали. Наши люди сбили нескольких из них с коней, отрезали им головы и прислали ко мне. Бихуб султан, Тарди бек, [брат] Куч бека, Баба Чухра и Баки шигаул перешли через реку после Султана, а те, которые переправились раньше, продолжали преследовать Шейх Баязида до вечерней молитвы. Сам Шейх Баязид бросился в чащу и спасся. Чин Тимур султан вечером остановился на берегу одного пруда; в полночь они сели на коней и погнались за неприятелем. Проскакав курухов сорок, Чин Тимур султан достиг того места, где находились домочадцы и родичи Шейх Баязида, но те убежали. В этом месте преследователи рассыпались во все стороны. Баки шигаул с несколькими йигитами погнался за неприятелем и настиг до-

мочадцев и родичей Шейх Баязида; нескольких афганцев они взяли в плен и привели.

Несколько дней мы простояли в этом месте, чтобы устроить и упорядочить дела в Ауде и окрестных областях. Говорили, что в семи или восьми курухах выше Ауда, на бергах реки Сару, есть прекрасные места для охоты. Мы послали Мир Мухаммеда, плотовщика, осмотреть
339*a* переправы на реках Гогра и Сару, || [после осмотра] он вернулся. В четверг, двенадцатого числа этого месяца, я выехал с целью поохотиться.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ПЯТОГО

В пятницу, третьего числа месяца мухаррама, прибыл Аскари, которого я вызвал перед походом на Чандири, чтобы обсудить положение дел в Мультане. Он пребывал при мне в моих личных покоях. На следующее утро Хондемир-летописец, Шихаб-и Муаммаи и Мир Ибрахим-и Кануни, родич Юнуса Али, которые уже давно выехали из Герата с намерением мне служить, явились и поступили ко мне в услужение.

В воскресенье пятого числа в час послеполуденной молитвы я переправился через Джун и прибыл в крепость Агру, намереваясь побывать в Гвалиаре [в книгах пишут также Галиур]. Попрощавшись с Фахр-и Джахан биким и Хадича Султан биким, которые через два-три дня должны были отбыть в Кабул, я выехал [в сторону Гвалиара]. Мухаммед Заман мирза, испросив разрешения, остался в Агре. В этот вечер

мы прошли три-четыре куруха пути, остановились и поспали на берегу одного озера. Совершив молитву раньше времени, мы двинулись дальше. В полдень мы остановились на берегу реки Гамбир и в час полуденной молитвы выступили оттуда. В дороге, утомившись, я выпил с толокном, чтобы подбодриться, порошок, приготовленный для меня Муллой Рафи'. Он оказался очень невкусным и противным. Вечером во время послеполуденной молитвы, я остановился в саду с беседкой, || который я приказал разбить в одном курухе к западу от Дулпура. Место, где я велел устроить этот сад с беседкой, находится на краю выступа горы. Выступ, которым оканчивается гора, представляет собой глыбу красного строительного камня. Я приказал продолбить ее до земли; если глыба окажется достаточно высокой, чтобы вытесать из нее дом, — пусть так и сделают, а если она окажется не столь высокой, то пусть поверхность глыбы выровняют и продолбят в ней хауз.

339б

Глыба оказалась не столь высокой, чтобы из нее мог получиться дом; Устад Шах Мухаммед, каменотес, получил повеление выдолбить на гладко обтесанной поверхности этой глыбы камня восьмиугольный хауз. Каменотесам наказали усердно работать. К северу от того места, где я велел выдолбить в каменной глыбе хауз, растет много деревьев — анбу, джаман и всевозможные другие. Среди этих деревьев я распорядился выкопать колодец площадью десять на десять [кари]; устройство колодца приближалось к концу. Вода из этого колодца идет в тот хауз. К северо-востоку от хауза Султан Сикандар соорудил плотину, а на плотине возвел постройки. Выше плотины скопились дождевые воды и образовалось большое озеро; к востоку от озера есть сад. На восточном краю озера|| я приказал вытесать из глыбы камня сидения в виде суфы, а на западном краю построить мечеть.

340а

Вторник и среду мы провели ради этих дел в Дулпуре. В четверг мы выехали и переправились через реку Чамбал, полуденную молитву я совершил на берегах этой реки. Между полуденной и послеполуденной молитвой мы тронулись с берегов реки Чамбала, а между вечерней и ночной молитвой перешли реку Кавари и сделали привал. Вследствие дождя вода была высокая, и лошадей пришлось пустить вплавь; мы сами переправились на лодках.

На следующее утро в пятницу — это был день ашура — мы снялись с места и в полдень остановились по дороге в одной деревне. Ко времени молитвы перед сном я спешился в одном курухе к северу от Гвалиара, в саду, который я приказал разбить в прошлом году.

На следующий день после полуденной молитвы я сел на коня и, осмотрев холмы и намазгах к северу от Гвалиара, въехал в Гвалиар через ворота, именуемые Хати-Пул, близ которых находится дворец раджи Ман Синга. К вечеру, в час пополуденной молитвы, я прибыл во

дворец раджи Бикрамаджита, где жил Рахим Дад, и остановился там. В эту ночь из-за боли в ухе, а также и по причине [яркого] сияния луны, я принял опиум. На другой день похмелье от опиума причинило мне много беспокойства и меня сильно рвало.

Несмотря на похмелье я обошел и осмотрел все дворцы Ман Сингa и Бикрамаджита;|| это удивительные постройки, хотя они разбросаны 340*б*
в беспорядке и без плана. Дворцы эти возведены целиком из тесаного камня; из всех дворцов, построенных раджами, дворцы Ман Синга самые лучшие и самые высокие. Одной стороной дворец Ман Синга обращен к востоку, стены с этой стороны в сравнении с остальными отделаны роскошнее. Высотою они будут в сорок или пятьдесят кари; они все из тесаного камня и поверхность их выбелена известью.

В некоторых частях этого дворца четыре яруса, в двух нижних ярусах очень темно. Если посидеть там некоторое время, то [в глазах] становится немного светлее. Мы обходили эти помещения со свечами.

На одной стороне дворца — пять куполов; между этими куполами стоят маленькие купола, по хиндустанскому обычаю четырехгранные. Пять больших куполов обиты листами вызолоченной меди; внешняя сторона стен покрыта зелеными изразцами. Стены кругом украшены изображениями растений банана из зеленых изразцов.

Под башней на восточной стороне находятся [ворота] Хати-Пул; индусы называют слона «хати», а ворота — «пул». При выходе из ворот возвышается [скульптурное] изображение слона, на котором сидят два погонщика. Это самый настоящий слон, очень похоже сделали; поэтому ворота и названы Хати-Пул.|| 341*а*

В нижнем ярусе той части дворца, где четыре яруса, есть окно, обращенное к фигуре слона; из этого окна его можно видеть совсем близко. На верхнем ярусе возвышаются упомянутые купола; во втором ярусе находятся жилые помещения, они расположены ниже уровня пола. Хотя комнаты отделены всякими хиндустанскими украшениями, но это очень душные помещения.

Постройка Бикрамаджита, сына Ман Синга, находится севернее крепости, посредине. Дворец сына не таков, как дворец отца; на нем всего один большой купол, и там очень темно; если посидеть некоторое время, [в глазах] становится светлее.

Под большим куполом находится маленькое строение; в него ниоткуда не проникает свет. Когда Рахимдад поселился во дворце Бикрамаджита, он устроил на большом куполе маленькую беседку. Из дворца этого Бикрамаджита пробили ход, который ведет во дворец его сына. Снаружи его совершенно не заметишь, внутри он тоже совсем не виден; свет проникает в него [лишь] в нескольких местах. Это отлично устроенный проход.

Осмотрев эти постройки, мы сели на коней и, посетив медресе, построенное Рахимдадом, объехали крепость с юга. Мы погуляли в саду-
341*б* ке, который разбил Рахимдад на берегу хауза, и вечером || вернулись в тот сад, где находилась ставка. В этом саду посажено много роз, красивых красных каниров там тоже множество. В наших местах каниры, как цветы персика; в Гвалиаре канир красивого ярко-красного цвета. Я приказал привезти из Гвалиара немного красного канира и посадить его в садах Агры.

В южной стороне сада есть большое озеро; в нем скопляются дождевые воды. У западной оконечности озера находится очень высокая кумирня; Султан Шамс ад-дин Илтутмиш построил рядом с кумирней соборную мечеть. Кумирня эта очень высокая; во всей крепости нет постройки выше. С дулпурской горы отчетливо видны крепость Гвалиара и эта кумирня; говорят, что все камни для кумирни вынули со дна этого большого озера. В саду устроена деревянная крытая беседка, у ворот сада поставили безвкусные айваны хиндустанской кладки.

На следующий день в час полуденной молитвы я сел на коня, чтобы побывать в тех местах в Гвалиаре, которых я еще не видал. Я осмотрел дворец, называемый Бадалгар, что находится вне крепости Ман Синга, и, выехав из ворот Хати-Пул, отправился в местность Урва. Урва представляет собой долину к западу от крепости. Хотя эта долина находится за стеной, которую выстроили на вершине горы, но при входе в долину возвели еще высокие стены в два ряда. Высота [наружной]
342*а* стены около тридцати или сорока кари, а внутренняя стена длиннее; || наружная стена и с той и с другой стороны долины примыкает к крепости. За этой стеной поставили еще одну закругляющуюся стену ниже первой; она не тянется от края до края [наружной стены]. Эту стену построили закругленной в целях добывания воды; за стеной выкопали колодец со ступеньками, из которого берут воду; к воде спускаются по десяти-пятнадцати ступенькам. На воротах между большой стеной и стеной у колодца вырезано на камне имя Султан Шамс ад-дина Илтутмиша. Год [постройки] — шестьсот тридцатый. Под наружной стеной вне крепости находится большое озеро; оно часто мелеет и высыхает. Вода из него проходит в водопровод.

В Урве есть еще два больших озера; жители крепости предпочитают воду из этих озер всякой другой воде.

Урва с трех сторон окружена сплошными горами; цвет камня не красный, как у камней в Биане, а немного бледнее. Сплошные утесы вокруг Урвы обтесали и изваяли из них больших и маленьких идолов. На южной стороне стоит большой идол; высотой он будет примерно в двадцать кари; этих идолов сделали совершенно обнаженными, с не-
342*б* прикрытой срамотой. Вокруг двух больших озер, находящихся в Урве, ||

вырыли двадцать или двадцать пять колодцев, добывая из этих колодцев воду, там разводят огороды и сажают цветы и деревья. Урва — не плохое, а [наоборот], очень хорошее место. Недостаток его в том, что вокруг стоят идолы; я приказал разбить эти идолы.

Снова поднявшись из Урвы в крепость, я осмотрел ворота Султан-Пул, которые, видимо, остаются запертыми со времени пребывания здесь нечестивых, и, вернувшись к вечерней молитве в садик, разбитый Рахимдадом, расположился там. Эту ночь я провел в саду Рахимдада.

Во вторник, четырнадцатого числа того месяца, явились люди от Бикрамаджита, второго сына Рана Санка, который находился со своей матерью Падмавати в крепости Рантанбур. Прежде чем мы выехали на прогулку в Гвалиар, от одного из больших и значительных людей Бикрамаджита, хиндустанца по имени Асук, тоже приходили люди, изъявляя покорность и готовность мне служить. Асук просил себе для поддержания жизни [удел] с доходом в семьдесят лаков. Было решено, что, когда Асук сдаст Рантанбур, ему будут пожалованы просимые владения, и мы отпустили его людей. Собираясь отправиться на прогулку в Гвалиар, мы назначили этим людям встречу в Гвалиаре, но они на несколько дней опоздали к сроку. Этот хиндустанец Асук, говорят, близкий родич матери Бикрамаджита, Падмавати. || Он изложил матери и 343*а*
сыну положение дела и те сговорились с Асуком и согласились быть мне доброжелателями и слугами.

Когда Санка разбил Султан Махмуда и тот попал в плен к нечестивым, при нем были венец и шитый золотом пояс. Санка отобрал у него венец и шитый золотом пояс и отпустил его. Этот венец и златотканный пояс, видимо, находятся теперь у Бикрамаджита. Его старший брат Ратансин, который ныне стал раной вместо отца и владеет Читуром, просил у младшего брата венец и пояс, но тот не дал. Через явившихся ко мне людей Бикрамаджит завел речь о венце и поясе, шитом золотом, и попросил для себя Биану в обмен на Рантанбур. Мы отвели разговор о Биане и обещали в обмен на Рантанбур уступить Шамсабад. В тот же день я облачил людей, пришедших от Бикрамаджита, в почетные одежды и отпустил их, уговорившись явиться в Биану через девять дней.

Выехав из сада Рахимдада, мы осмотрели кумирни Гвалиара. Некоторые кумирни построены в два или в три яруса, но ярусы низкие, древней кладки; нижняя часть стен украшена изображениями, вытесанными из камня.

Некоторые кумирни построены наподобие медресе: над галереей возвышается широкий, высокий купол. Комнаты в этих кумирнях, точно худжры медресе: каждую венчает каменный узкий купол. В нижних || 343*б*
комнатах стоят изваяния идолов из тесаного камня.

Осмотрев эти здания, я выехал из западных ворот Гвалиара и, объехав гвалиарскую крепость с юга, осмотрел местность. Потом я прибыл в сад Рахимдада, перед Хати-Пулом, и расположился там. Рахимдад устроил в этом саду праздничное угощение; он предложил хорошие кушанья и поднес много подарков. Деньгами и вещами подарков было на четыре лака. Выехав из этого сада, я вечером возвратился в свой сад.

В среду, пятнадцатого числа того месяца, я выехал осмотреть водопад, находящийся юго-восточнее Гвалиара. От Гвалиара до этого водопада шесть курухов пути. Так как мы тронулись в путь довольно поздно, то достигли водопада после полуденной молитвы. С отвесной скалы высотой в один аргамчи, бурля, низвергается река, достаточная для одной мельницы. Под тем местом, где падает вода, находится большое озеро; выше водопада вода течет по сплошным скалам; под водопадом тоже лежат глыбы камня. То тут, то там, вода во впадинах образует пруды.

На берегах потока разбросаны большие камни, на которых можно сидеть, но только вода, говорят, течет там непостоянно.

Мы посидели у водопада и съели ма'джун, потом поднялись вверх по реке и дошли до ее начала. Вернувшись, мы поднялись на возвышенность и немного посидели там; музыканты играли на инструментах, пев-
344*a* цы||кое-что пропели. Черное дерево, которое жители Хиндустана называют тинду, показали тем, кто его еще не видел.

Двинувшись в обратный путь, мы спустились с горы и между вечерней молитвой и молитвой перед сном сели на коней; около второго паса ночного времени мы достигли одного места, где могли поспать, а к исходу первого дневного пахра прибыли в сад и спешились.

В пятницу семнадцатого числа мы осмотрели деревню Сухджана, родину Салах ад-дина, а также лимонную рощу и заросли сад-фалей, находящиеся выше этой деревни, в долине среди гор. В первый дневной пахр я вернулся к себе в сад.

В воскресенье, девятнадцатого числа, еще до рассвета, мы сели на коней и выехали из сада. Перейдя реку Кавари, мы перед полуднем сделали остановку; в час полуденной молитвы мы снова сели на коней, к закату солнца перешли реку [Чамбал] и между вечерней молитвой и молитвой перед сном вступили в крепость Дулпур. При свете светильников мы осмотрели баню, построенную Абу-л-Фатхом, и выехали оттуда. Прибыв в новый сад, разбитый возле плотины, мы остановились там. Наутро я осмотрел те места, где приказал выполнить [различные] работы. Поверхность крытого хауза, который я велел выдолбить в глыбе камня, ни разу не была еще выровнена. Я распорядился привести побольше каменотесов и хорошо углубить хауз, чтобы туда можно было налить воды, а потом выровнять его края. К вечеру после

полуденной молитвы поверхность дна хауза в первый раз выровняли. Я приказал наполнить хауз водой, || края сравняли по уровню воды и 344*б*
стали их сглаживать. В этот раз я велел выдолбить в глыбе камня также нужник, и маленький хауз в нужнике тоже выдолбить в камне.

В понедельник состоялась пирушка с употреблением ма'джуна, день вторника я тоже провел в этом месте. В ночь на среду я разговелся и немного поел, потом мы сели на коней, намереваясь отправиться в Сикри. Около второго пахра мы спешились в одном месте и легли спать, Не знаю, почему — похоже, что от действия холода, — у меня в эту ночь сильно болело ухо, и я не мог уснуть. На рассвете мы двинулись с этого места и в течение одного пахра достигли сада, устроенного в Сикри, где и расположились. Стена в саду и колодец были построены не так, как мне хотелось; людей, надзирающих за этой работой, я осыпал угрозами и подверг наказанию.

Из Сикри мы выехали между полуденной и вечерней молитвой; миновав Мадхакур, мы спешились в одном месте и поспали, а затем выехали оттуда и прибыли в Агру в часы первого пахра.

В крепости тогда оставалась Хадича Султан биким. Повидавшись с нею, я переправился через Джун и прибыл в сад Хашт-Бихишт.

В субботу, третьего сафара, три мои старшие тетушки — Гаухар Шад биким, Бади' ал-Джамал биким и Ак биким, а из младших — Ханзаде биким, дочь Султан Мас'уд мирзы и дочь Султан Бахт биким вместе с внучкой моей старшей йинка, то есть Зейнаб Султан биким, миновав Тута, остановились в пригороде, на берегу реки. || Я пошел и **345*а***
повидался с ними между послеполуденной и вечерней молитвой. Оттуда я вернулся на лодке.

В понедельник пятого сафара я отправил в Рантанбур к первому послу от Бикрамаджита и ко второму его послу Хамуси сына, моего старого слуги из Бхиры, по имени Дива, чтобы обряд передачи Рантанбура и принятия Бикрамаджита в услужение был выполнен согласно обычаям и нравам хиндустанцев. Наш посланный должен был посмотреть, узнать, удостовериться и вернуться. Я обещал, что если Бикрамаджит будет твердо придерживаться сказанного им ранее, я, с божьей помощью, сделаю его раной вместо его отца и назначу ему пребывание в Читуре.

К этому времени казнохранилища Сикандера и Ибрахима в Дихли и Агре совершенно опустели. Для снаряжения войска, приобретения пороха и уплаты пушкарям и стрельцам я приказал каждому, кто получал содержание, внести в диван в четверг, восьмого сафара, тридцать сотых долей своего жалования на расходы по приобретению этих припасов и оружия.

В субботу, десятого сафара, скороход Султан Мухаммеда Бахши по имени Шах Касим, который уже однажды доставил жителям Хорасана милостивые грамоты, снова был послан в Герат с указами такого содержания: «С помощью бога сердца людей успокоились относительно
345б врагов на востоке и на западе Хиндустана|| и язычников. Этой весной, если бог поможет, мы любым способом обязательно прибудем [к вам]». Ахмед Афшару тоже был послан указ; на полях указа я собственной рукой написал несколько слов, призывая к себе [музыканта] Феридуна, играющего на кабузе. В этот день в час полуденной молитвы я начал принимать ртуть.

В среду, двадцать первого числа, один хиндустанский скороход доставил донесения от Камрана и Ходжи Дуст Хавенда. [По его словам], Ходжа Дуст Хавенд десятого зу-л-хиджже ушел в Кабул и направился к Хумаюну. В Хупиане к Ходже явился один из людей Камрана с просьбой прибыть к Камрану и лично сообщить обо всем, что было мною приказано. Выложив запас своих сведений, Ходжа поедет дальше.

Камран семнадцатого зу-л-хиджжа прибыл в Кабул. Переговорив с Ходжой, он отправил его двадцать восьмого числа того же зу-л-хиджжа в Кала-и Зафар. В поступивших донесениях заключались хорошие новости: царевич Тахмаси, вознамерившись прогнать узбеков, захватил и убил в Дамгане Риниша-узбека, а его людей подверг всеобщему истреблению. Убайд хан, получив верные сведения о действиях кизилбашей, ушел из-под Герата, направился в Мерв и созвал в Мерве султанов, находящихся в Самарканде и окрестных местах. Все султаны
346а Мавераннахра направляются к нему на помощь.||

Скороход доставил также сообщение о том, что у Хумаюна родился сын от дочери Ядгар Тагая и что Камран в Кабуле женился: он взял за себя дочь своего дяди по матери Султан Али мирзы.

В тот же день я облачил в почетную одежду Сейид Дакни Ширази, водоискателя, пожаловал ему награду и приказал по мере своего разумения закончить устройство выложенного камнем колодца.

В пятницу двадцать третьего числа на меня напал сильный жар, так что я лишь с трудом провел соборную молитву в мечети. Полуденную молитву я из осторожности совершил в книгохранилище, тоже с усилием и позже положенного времени. Через два дня, в воскресенье, у меня [опять] был жар и легкий озноб.

Во вторник, двадцать седьмого числа месяца сафара, мне пришло на ум переложить в стихи «Родительское послание» досточтимого Ходжи Убайд Аллаха. Уповая на помощь духа досточтимого Ходжи, я решил в своем сердце, что если это намерение будет угодно досточтимому, мое избавление от припадка болезни окажется доказательством благосклонного принятия стихотворения подобно тому, как сочинитель

«Касиды о плаще» избавился от паралича, когда его касида была принята. С таким намерением я приступил к сочинению послания в размере рамаль трехстопный, где последняя стопа первого полустишия — укороченная, а последняя стопа второго полустишия иногда усеченная, а иногда — укороченная и урезанная. || «Четки» Маулана 346*б*
Абд ар-Рахмана Джами тоже написаны в этом размере. В тот вечер я написал тринадцать двустиший. Я обязался писать каждый день не меньше десяти двустиший и пропустил, кажется, только один день. В прошлом году и вообще всякий раз, когда у меня бывал припадок такой болезни, он продолжался по меньшей мере месяц или сорок дней. На этот раз по милости бога и благосклонности досточтимого Ходжи я в четверг, двадцать девятого числа, был еще немного слаб, но в общем, избавился от болезни.

В субботу, восьмого числа первого раби', переложение послания в стихи было закончено; был день, когда я написал пятьдесят два двустишия.

В среду, двадцать восьмого числа месяца сафара, бойцам, находящимся поблизости и в окрестностях, был послан указ о том, что в ближайшее время, если поможет бог, мы поведем войско в поход. Бойцам надлежит быстро прибыть в полном вооружении.

В воскресенье, девятого числа месяца первого раби', явился Бек Мухаммед Тааллукчи. В прошлом году, в конце месяца мухаррама, он доставил Хумаюну почетную одежду и коня.

В понедельник, девятого числа, Бек Кина, сын Ваиса Лагари, и Биан шейх, один из нукеров Хумаюна, прибыли от Хумаюна. Бек Кина явился с радостной вестью, что у Хумаюна родился сын. Мальчику дали имя Ал-Аман. Шейх Абу-л-Ваджид нашел тарих его рождения|| 347*а*
в словах: «Шах-и саадатманд».

Биан шейх выехал много позже Бек Кина. Он расстался с Хумаюном в пятницу девятого сафара в местечке Душамбе под Кишемом и в понедельник, десятого числа месяца раби первого, прибыл в Агру. Быстро он приехал! В другой раз тот же Биан шейх проехал из Кала-и Зафара в Кандахар в одиннадцать дней.

Биан шейх привез весть о приходе царевича [Тахмаспа] и поражении узбеков. Подробности этого таковы. Царевич Тахмасп с сорокатысячным войском, ружьями и пушками, расставленными по румскому образцу, быстрым ходом прошел из Ирака в Бистам и Дамган, захватил там Риниша-узбека и истребил его вместе с его людьми, после чего быстро прошел дальше. Камбар Али бий, сын Купак бия, тоже был разбит кизилбашами и с немногими людьми ушел к Убайд хану. Убайд хан, не находя достаточного снаряжения, чтобы удержаться в окрестностях Герата, спешно разослал людей ко всем ханам и султанам, пре-

бывавшим в Балхе, Хисаре, Самарканде и Ташкенте, а сам ушел в Мерв. Султаны быстро собрались. Из Ташкента пришел младший сын Суюнчук хана, Барак султан, из Самарканда и Миankала явились Ку-
347*б* чум хан, Абу Са'ид Султан, Пулад султан|| и Джани бек султан с сыновьями; из Хисара — Хамза султан и Махди султан. Все султаны быстро направились в Мерв и присоединились к Убайд хану; всего у них было сто пять тысяч человек. Разведчик доставил им сведения, что царевич [Тахмасп], думая, будто Убайд хан находится с небольшим войском в окрестностях Герата, быстро двинулся вперед во главе сорока тысяч бойцов. Теперь, проведав, что все султаны сошлись, он окопался в Уланг-и Радагане и сидит там.

Узбеки, получив такие известия и пренебрегая врагом, решили на совете, что ханы и султаны будут стоять в Мешхеде. «Только несколько султанов с двадцатью тысячами войска мы назначим в поход; пусть идут к лагерю кизилбашей и не дают им высунуть из окопов голову. Когда наступит октябрь, мы прикажем заклинателям дождя колдовать; таким образом, враги станут бессильны и мы их захватим».

[Приняв такое решение], султаны вышли из Мерва. Царевич тоже выступил из Мешхеда; в окрестностях Джама и Харджирда произошла встреча; поражение пало на узбеков, многие султаны попали в плен и были убиты. В одном письме писали, что нет точных известий о бегстве
348*а* кого-либо из султанов; кроме Кучум хана,|| ни один человек из тех, кто был в войске, еще не вернулся. Султаны, находившиеся в Хисаре, бросили Хисар и ушли; в крепости Хисара находится Чалма, настоящее имя которого Исма'ил; это сын Ибрахим хана.

Мы написали письма Хумаюну и Камрану и послали их с тем же Биан шейхом, спешно отправив его обратно. В пятницу, четырнадцатого числа, письма были готовы; мы вручили их Биан шейху и отпустили его. В субботу, пятнадцатого числа, он отбыл из Агры.

Вот черновики письма, написанного Хумаюну:

«После привета Хумаюну, по которому мы соскучились и стосковались, скажем: в понедельник, десятого числа месяца раби' первого, явились Бек Кина и Биан шейх. Из доставленных ими писем и донесений стали ведомы и известны обстоятельства, случившиеся по сю сторону и по ту сторону [гор].

Благодарение богу, который дал тебе сына!*
Тебе он дал сына, а мне любимого внука.

Пусть бы бог всегда посылал нам такие радости! Аминь, о владыка двух миров! Имя дал ты ему Ал-Аман, да сделает его господь благословенным! Однако, хотя ты сам так написал, ты упустил из виду, что вследствие частого употребления, простой народ говорит «аламан» или

«иламан». || К тому же такое [сочетание] «алифа» с «лямом» редко встречается в именах. Да сделает господь его имя и его самого счастливым и 348*б*
благословенным; пусть дарует он мне и тебе долгие годы жизни и да пошлет Ал-Аману счастье и благоденствие на многие века!

Господь великий по своей милости и великодушию благоустроил наши дела; подобных удач мы не знали много лет.

Во вторник, одиннадцатого числа, до меня дошли слухи, будто жители Балха призвали Курбана и впустили его в Балх. Моему сыну Камрану и кабульским бекам был дан приказ выступить и присоединиться к тебе; после этого вы направитесь в Хисар, в Самарканд или в другое место — как того потребует благо государства. По милости Аллаха, вы разобьете врагов, захватите земли и сделаете друзей веселыми, а врагов — унылыми, если пожелает того Аллах великий. Пришло для вас время, не щадя жизни, рубиться мечами. Не упускайте того, что идет в руки, — леность и нерадение не приличествует царскому сану. [Стихи Низами:].

Завоевание мира не допускает медлительности,*
Мир принадлежит тому, кто больше спешит.
Все может остановиться ради бракосочетания.*
Но только не управление государством.

Если, по милости божией, области Балха и Хисара удастся завоевать, то пусть твой человек останется в Хисаре, а в Балхе пусть будет человек Камрана. Если же, по милости божией, Самарканд также будет завоеван, то в Самарканде сиди ты сам, а область Хисара,|| я, с волей 349*а*
Аллаха, сделаю государевой землей.

Если Камран сочтет Балх недостаточным, пришлите донесение, и мы, с волей Аллаха, восполним эту недостаточность добавкой соседних земель. Тебе известно, что всегда соблюдалось такое правило: если тебе доставалось шесть частей, то Камран получал пять. Постоянно держись этого правила и не отступай от него; живи с Камраном в ладах — великие люди должны быть терпеливы. Имею надежду, что ты будешь обращаться с ним хорошо. Он тоже благочестивый, хороший юноша и не будет неисправен в служении и послушании.

У меня есть на тебя маленькая жалоба: за последние два-три года от тебя не приходило ни одного человека; тот, кого я к тебе послал, вернулся ко мне ровно через год. Разве так можно?

В своих письмах ты постоянно говоришь об одиночестве. Одиночество для государя зазорно. Ведь сказано:

Если ты связан [с миром] — избери примирение с судьбой;*
Если же ты независим — живи, как хочешь.
Нет оков крепче, чем цепи царского сана.*
Одиночество несовместимо со званием государя.

Из внимания к тому, что я говорил, ты писал мне письма, но ты
349*б* не перечитывал их, ибо, если бы ты вздумал их прочитать, ||, то не смог бы этого сделать, а не сумев их прочитать, ты бы наверное изменил свой почерк. Почерк твой, правда, можно прочесть, если потрудиться, но он очень неясен, а никто еще не видел муамма в прозе. Правописание у тебя неплохое, но и не очень правильное: ты пишешь «илтифат» через «та», а «куландж» через «я». Почерк твой, хоть и с трудом, все-таки читается, но смысл не вполне можно понять из-за неясных слов. И ленишься буквы выводить ты, наверное, думая: «Напишу поизысканней!» и потому получается темно. Впредь пиши проще, ясным и чистым слогом: и тебе меньше будет труда и тому, кто читает.

Ты теперь собираешься на большое дело. Советуйся с опытными, рассудительными беками и поступай так, как они тебе скажут.

Если хочешь мне угодить, перестань сидеть в одиночестве и брось чуждаться общества людей. Дважды в день призывай к себе своего брата и беков, не предоставляя им в этом свободы. По всякому делу советуйся с ними и действуй всегда в согласии с мнением этих доброжелателей.

350*а* Ходжа-и Калан привык общаться со мною не стесняясь; ты || [тоже] держи себя с Ходжа-и Каланом так же, как я держал себя [с ним]. Если, по милости божьей, в ваших краях станет меньше дел и нужды в Камране не будет, то пусть Камран оставит в Балхе крепких людей, а сам едет ко мне.

Будучи в Кабуле, я достиг стольких побед и завоеваний, что счел Кабул счастливым и сделал его моим личным владением. Пусть никто из вас не зарится на Кабул.

Ты хорошо держал себя и пленил сердце Султан Ваиса; склони его прибыть к тебе и руководись его мнением, ибо это человек опытный в делах.

Пусть твои войска всегда будут в сборе и в хорошем порядке.

Биан шейх многое узнал от меня устно и осведомит тебя об этом; с тоскою по тебе шлю привет. Писано в четверг тринадцатого числа месяца раби' первого».

Камрану и Ходжа-и Калану я тоже написал своей рукой и послал письма такого же содержания.

В среду, девятнадцатого числа, я созвал мирз, султанов и тюркских и хиндустанских беков и устроил совет. Мы решили что в этом году непременно следует повести куда-нибудь войско. Прежде чем я сам выступлю, Аскари отправится на восток; султаны и эмиры, находящиеся по ту сторону реки Ганга, явятся к Аскари со своими войсками и, примкнув к нему, двинутся туда, куда потребует польза государства.

Я велел записать эти обстоятельства и в субботу, || двадцать вто- 350*б*
рого числа, послал Гияс ад-дина курчи к Султан Джунаид Барласу, начальнику эмиров Востока, назначив срок встречи через шестнадцать дней. Устно я велел передать, что Аскари послан вперед, а мы ждем, пока будут готовы пушки, повозки, ружья и другие боевые припасы и снаряжение. Всем султанам и эмирам, находящимся по ту сторону реки Ганга, было приказано примкнуть с их войсками к Аскари и, с помощью божьей, направиться туда, куда будет нужно для блага государства. Пусть посовещаются с моими тамошними доброжелателями: буде окажутся какие-нибудь дела, требующие моего присутствия, то, как только вернется мой посланный, я сейчас же без промедления выеду, если пожелает того Аллах великий. Если же Бенгалец сохраняет преданность и послушание, и там нет таких дел, которые бы требовали моего присутствия, донесите мне об этом подробно; чтобы не сидеть и не смотреть на других, я направлюсь в иную сторону. Посоветовавшись с нашими доброжелателями, вы должны хорошо принять Аскари; с помощью великого Аллаха, вы пойдете и окончательно разрешите все дела в вашей стороне.

В субботу, двадцать девятого числа первого раби', Аскари были пожалованы украшенный драгоценными камнями кинжал и пояс, царственная одежда, стяг, знамя, барабан, конюшня породистых лошадей, десять слонов, цепь верблюдов || и цепь мулов, а также подобающие ца- 351*а*
рю припасы и снаряжение. Аскари получил приказ сидеть на высшем месте в диване. Его мулле и двум дядькам были пожалованы чекмени с драгоценными пуговицами, а другим нукерам — трижды по девять халатов.

В воскресенье, в последний день месяца, я отправился в дом Султан Мухаммеда Бахши; он бросил мне под ноги ковер и разложил на нем подарки; деньгами и вещами он сделал мне подарков больше чем на два лака. После поднесения даров мы перешли в другую комнату, где сели и поели ма'джуна. К третьему пахру я вышел оттуда и, переплыв реку, направился в свои личные покои.

В четверг, четвертого числа месяца раби' второго, было приказано Чикмак беку с писцами Шахи Тамгачи измерить расстояние от Агры до Кабула. Через каждые девять курухов им надлежало поставить башенку высотой в двенадцать кари, а на башенке установить караульную будку. Через каждые восемнадцать курухов предписывалось устроить ям на шесть лошадей. Ямщику и конюху полагалось жалованье, а коням — корм. Если место, где устроен ям, окажется близко от государевых владений, то упомянутые выдачи было приказано производить оттуда, а если нет, то эту обязанность следует возложить на бека, во владении которого окажется ям.

В тот же день Чикмак и Шахи вышли из Агры. Курухи были опре-
351*б* делены длиной в один миль, как сказано в «Мубайине». ||

Четыре тысячи шагов — один миль;*
Знай, что жители Хинда называют его курух.
Говорят, что такой шаг — это полтора кари,*
А каждый кари, знай,— это шесть пядей.
Каждая пядь — это четыре пальца,*
А ширина каждого пальца — шесть ячменных зерен; знай эти сведения.

Измерительный танап был определен в сорок кари, считая каждый кари в полтора упомянутых кари, то есть в девять пядей; сто таких танапов составляют один курух.

В субботу, шестого числа того же месяца, состоялся пир. Послы кизилбашей, узбеков и хиндустанцев присутствовали на этом пиршестве. Кизилбашей посадили с правой стороны в белый намет, на семьдесят или восемьдесят кари дальше от нас. Из наших беков с кизилбашами было приказано сидеть Юнус Али. На левой стороне тоже таким же образом сидели узбекские послы; из беков получил повеление сидеть с ними Абд Аллах. Я сидел на северной стороне недавно воздвигнутого восьмиугольного помоста, покрытого травою. Слева от меня в пяти или шести кари сидели Тухта Буга султан, Аскари и потомки святейшего ходжи — Ходжа Абд аш-Шахид и Ходжа-и Калан, а также Ходжа Хусейни, Халифа и прибывшие из Самарканда приближенные к ходжам муллы и чтецы Корана. По левую руку от меня в пяти или
352*а* шести || кари сидели Мухаммед Заман мирза, Танг Атмиш султан, Сейид Рафи', Сейид Руми, Шейх Абу-л-Фатх, Шейх Джамали, Шейх Шихаб ад-дин Араб и Сейид Дакни. Перед угощением султан и ханы, вельможи и эмиры преподнесли мне в подарок золотые, серебряные и медные деньги, материи и товары. Я приказал положить перед собой коврик; на коврик насыпали золото и медь, а куски материи и холста и кошельки положили в кучу рядом с серебром и золотом. До угощения во время подношения подарков на острове перед сидящими устроили бои пьяных верблюдов и слонов, стравили также и несколько баранов. После этого боролись борцы.

После великолепной трапезы Ходжа Абд аш-Шахида и Ходжа-и Калана облачили в расшитые поверху собольи шубы и подобающие почетные одежды; Мулла Фаррух, Хафиз и его подчиненные, которые пришли с ним, получили в подарок чекмени. Послу Кучум хана и брату Хасана Челеби были пожалованы собольи шубы с пуговицами и башлыком, а также достойные их одежды. Послам Абу Са'ид султана, Михрбан ханум и ее сына Пулат султана, а также послу Шах Хусейна
352*б* мы подарили чекмени с пуговицами и шелковые || халаты. Двое ходжей и два великие посла, то есть нукер Кучум хана и брат Хасана Че-

леби, получили в подарок золото на вес серебряной гири и серебро на вес золотой гири. Золотая гиря — это пятьсот мискалей, то есть на кабульский вес — один сир; серебряная гиря — двести пятьдесят мискалей, то есть половина кабульского сира.

Ходже Мир султану и его сыновьям, а также и другим послам было пожаловано золото и серебро целыми подносами; Ядгар Насир получил кинжал на поясе. Мир Мухаммеду, плотовщику, уже досталась подобающая награда за то, что он хорошо построил мост через реку Ганг; этому Мир Мухаммеду, а также стрельцам Пехлеван Хаджи Мухаммеду, Пехлеван Бахлулу и Вали Парсчи было пожаловано по кинжалу. Сын Устада Али Кули тоже получил кинжал, Сейид Дауду Гармсири достались золотые и серебряные деньги, нукеры моей дочери Ма'сумы и моего сына Хиндала получили чекмени с пуговицами и суконные халаты. Людям, которые пришли со мной из Андиджана и скитались без крова и без земли, а также выходцам из Суха и Хушьяра, я подарил чекмени с пуговицами, суконные халаты, золото, серебро и ткани. Нукерам Курбана, Шейхи и жителям Кахмерда || были пожа- 353а
лованы такие же подарки.

После того, как убрали кушанье, индусским фигдярам приказали явиться и показать свои штуки, фокусники также пришли и показали фокусы. Хиндустанские фокусники показывают некоторые фокусы, которых не показывают фокусники в наших землях. Например, они берут семь колец и укрепляют одно из них на лбу и два — на коленях. Из четырех оставшихся колец два они надевают на пальцы руки и два — на пальцы ноги и быстро и безостановочно крутят эти кольца.

Другой фокус таков: [фокусник] опирается одной рукой об землю, а другую руку и обе ноги поднимает вверх и расставляет, как павлиний хвост, быстро и безостановочно вращая на них три кольца.

Вот еще один фокус: фигляры нашей страны привязывают к ногам две палки и ходят по земле на ходулях, индусские же фигляры ходят на одной деревянной ходуле и даже не привязывают ее к ноге.

Другой фокус: в нашей стране фигляры кувыркаются сцепившись по двое, а хиндустанские фигляры, кувыркаясь, сцепляются по трое — по четверо.

Еще фокус: один фигляр ставит себе на живот шест высотой в шесть или семь кари и держит его отвесно, а другой фигляр взбирается на шест || и проделывает на шесте всякие штуки. 353б

Другой фокус: низенький фигляр становится на голову высокому фигляру и стоит во весь рост; нижний фигляр быстро ходит в разные стороны и показывает свои штуки; в это время низенький фигляр прямо и не качаясь стоит у него на голове, тоже проделывая штуки. [После фокусников] явилось и плясало множество танцовщиц.

Незадолго до вечерней молитвы было разбросано много золота, серебра и меди; поднялся страшный шум и началась давка.

Между молитвой перед сном и ночной молитвой я посадил около себя пять или шесть приближенных и мы просидели больше одного пахра. Наутро, во второй пахр, мы сели в лодку и отправились в Хашт-Бихишт.

В понедельник Аскари, который, выступая в поход, вышел из города, простился со мной в бане и отправился на восток.

Во вторник я поехал в Дулпур, чтобы осмотреть хауз и колодец, которые я приказал там устроить. Через одно гари после первого пахра я выехал из сада; когда мы прибыли в дулпурский сад, прошло пять гари первого паса.

В четверг, одиннадцатого числа, каменный колодец, двадцать шесть каменных желобов, каменные столбы и каналы, выдолбленные в глыбе камня, были готовы. В тот же день после третьего пахра из колодца начали поднимать воду. Каменщикам и плотникам, работавшим в Дул-
354*а* пуре, || *а* также всем поденным рабочим, были пожалованы подарки согласно обычаям мастеров и рабочих в Агре. Из-за дурного запаха колодезной воды было приказано предосторожности ради безостановочно вертеть колесо и поднимать воду пятнадцать суток подряд.

В пятницу, когда до конца первого пахра оставалось одно гари, мы выехали из Дулпура. Еще до захода солнца мы переправились через реку.

Во вторник, шестнадцатого числа, прибыл человек, участвовавший в битве кизилбашей с узбеками,— один из нукеров Див султана. Он рассказал, что в день ашура в окрестностях Джама и Харджирда произошел бой между туркменами и узбеками. Они сражались от рассвета до полуденной молитвы. Узбеков было триста тысяч человек, а туркмен, как говорили, сорок-пятьдесят тысяч, но на глаз их можно было насчитать сто тысяч, а сами узбеки исчисляли свое войско в сто пять тысяч. Кизилбаши расставили пушки, орудия и стрельцов согласно обычаю румов, укрепились и начали сражение; у них было две тысячи повозок и шесть тысяч стрельцов; Царевич и Джуха султан с двадцатью тысячами добрых йигитов стояли между повозками; других беков пос-
354*б* тавили перед повозками, на правом и левом крыле. || Узбеки, подойдя, разбили и погнали людей, стоявших спереди, потеснили их и захватили пленных; они обошли кизилбашей с тыла и забрали верблюдов и обоз. Тогда бойцы, стоявшие среди повозок, разомкнули цепи и вышли вперед. Тут тоже началась битва и сражение. [Натиск] узбеков три раза отражали; по милости великого господа, они были разбиты. Девять султанов во главе с Кучум ханом, Убайд ханом и Абу Са'ид султаном забрали в плен. Один лишь Абу Са'ид султан, говорят, остался жив; дру-

гие восемь султанов убиты. Голова Убайд хана не была найдена, но тело его нашли. Пятьдесят тысяч узбеков и двадцать тысяч туркмен погибли убитыми.

В тот же день прибыл Гияс ад-дин курчи, которого мы послали в Джунпур с приказом вернуться через шестнадцать дней, но так как Султан Джунаид пошел с войсками в Харид, то из-за этого похода в Харид Гияс ад-дин не мог поспеть к сроку. Султан Джунайд устно сказал: «Благодарение богу! По милости господней, в наших краях не видно таких дел, которые бы требовали прибытия сюда государя. Пусть приедет Мирза [Аскари]. Если здешние султаны, ханы и эмиры получат приказ присоединиться к Мирзе, то есть надежда, что все дела с легкостью устроятся». || 355*а*

Хотя от Султан Джунаида пришел такой ответ, но так как говорили, что Мулла Мухаммед Мазхаб, которого мы после похода против нечестивого Санка отправили послом в Бенгалию, не сегодня-завтра должен вернуться, то следовало принять во внимание также и его сообщения.

В пятницу, девятнадцатого числа, когда я, поев ма'джуна, сидел с несколькими приближенными в своих покоях, мулла Мазхаб прибыл вечером, то есть в ночь на субботу, и явился ко мне. Тщательно расспросив его о положении дел в тех местах, я узнал, что бенгалец следует стезею повиновения и единодушия. В воскресенье я призвал тюркских и хиндустанских эмиров в свои личные покои, и мы держали совет. Было говорено о том, что бенгалец прислал посла и стоит на стезе повиновения и единодушия, так что идти в Бенгалию незачем. Если же не идти в Бенгалию, то в тех краях нет ни одного места с достаточной казной, чтобы содержать войска, а на западе есть места и близкие и богатые.

Богатства там обильные, жители — нечестивые, путь — короткий.*

Если на восток далеко, то туда близко.

В конце концов было решено, что мне следует направиться на запад. Так как поход был недалекий, то можно было задержаться на несколько дней, чтобы уйти спокойным относительно востока. || Назначив 355*б* срок [возвращения] в двадцать дней, я снова послал Гияс ад-дина курчи к восточным эмирам и написал приказы всем султанам, ханам и эмирам, находящимся на той стороне реки Ганга, собраться вокруг Аскари и идти на врагов. Доставив эти приказы, Гияс ад-дин должен был разведать все, что там было нового, и вернуться к назначенному сроку.

В эти дни от Мухаммади Кукельташа пришло донесение, что белуджи опять совершили набег и разграбили некоторые земли. Ради этого дела Чин Тимур султан получил приказ собрать вокруг себя бе-

ков, находящихся за Сихриндом и Самана, а там были: Адил султан, Султан Мухаммед Дулдай, Хусрау Кукельташ, Мухаммед Али Дженг-Дженг, Абд ал-Азиз мирахур, Сейид Али, Вали Кизил, Карача, Халахил, Ашик Бакаул, Шейх Али, Китта, Гаджур хан и Хасан Али Савади. Эти беки со снаряжением на шесть месяцев пусть идут на белуджей. По призыву и указанию султана они должны явиться и не преступать его повелений, правильных и законных. Для доставки указа отрядили Абд ал-Гаффара тавачи. Было решено, что он сначала вручит этот указ
356*а* Чин Тимур султану, потом, покинув султана, предъявит указ || упомянутым бекам и предложит им явиться с войсками в те места, которые назначит Тимур султан. Сам Абд ал-Гаффар останется при войске и если кто-нибудь проявит леность и нерадение донесет об этом; совершившего такое упущение мы выведем из рядов войска и удалим из его земель и владений.

Вручив эти указы и дав Абд ал-Гаффару устные наставления, мы отпустили его.

В канун воскресенья, двадцать восьмого числа, спустя шесть гари после третьего пахра, я переправился через Джун и поехал в Сад кувшинок, находящийся в Дулпуре. В воскресенье днем, около третьего пахра, мы прибыли в этот сад. Вокруг сада и в окрестностях были назначены места и участки для беков и приближенных, где они могли воздвигать постройки и разбивать сады.

В четверг, третьего числа месяца второй джумады, я назначил в юго-восточной части сада место для бани и его разровняли; затем я распорядился заложить на этом ровном месте фундамент бани и начертить план постройки. В одном из помещений бани я велел устроить хауз площадью десять на десять [кари].

В тот же день прибыли донесения от Кази Джиа и Бир Синга Део,
356*б* присланные Халифой из Агры. || В них сообщалось, что Махмуд, сын Искандера, захватил Бихар. По прибытии этого известия я тотчас же решил выступить в поход. В пятницу, в шестом гари, я выехал из Сада кувшинок и к вечерней молитве прибыл в Агру. Дорогой мне встретился Мухаммед Заман мирза, который направлялся в Дулпур. Чин Тимур султан тоже прибыл в этот день в Агру.

На следующий день, в субботу, я созвал беков, участников совета, и было решено выступить на восток в четверг, десятого. В ту же субботу из Кабула пришло письмо и вести, что Хумаюн, собрав находившиеся в тех краях войска, взял с собой Султан Ваиса и двинулся в поход на Самарканд во главе сорока или пятидесяти тысяч человек. Младший брат Султан Ваиса, Шах Кули, выступил в Хисар, Турсун Мухаммед султан вышел из Термеза, взял Кабадиан и просил подкреплений. Хумаюн послал на помощь Турсун султану Тулака Кукельташа

и Мир Хурда с множеством людей и находившимися там моголами и сам тоже направился им вслед.

В четверг, десятого числа месяца второй джумады, после третьего гари, я выступил в поход на восток и, переправившись через Джун выше деревни Джалисир, || прибыл в сад Баг-и Зарафшан. Всем воинам, со знаменем, барабанами и конями было приказано стать лагерем напротив сада, на этой стороне реки. Люди, приезжавшие ко мне на поклон, должны были переправляться на лодке. 357*а*

В субботу Исмаил Мита, посол из Бенгалии, привез от Бенгальца подарки и засвидетельствовал мне почтение по хиндустанскому обряду. Спешившись на расстоянии полета стрелы, он отвесил поклон и отошел. Потом его облачили в обычную почетную одежду, которую называют «сир-муине», и подвели ко мне. По нашему обычаю, он трижды преклонил колени и, подойдя, вручил письмо Нусрат шаха. Передав привезенные подарки, посол вернулся обратно.

В тот же день прибыл Ходжа Абд ал-Хакк. Я переправился на лодке через реку, явился в шатер Ходжи и засвидетельствовал ему почтение.

Во вторник явился Хасан Челеби и выразил мне почтение. Ради снаряжения войска мы задержались на несколько дней в саду. В четверг, семнадцатого числа, после трех гари мы выступили оттуда; я ехал на лодке. Мы остановились в деревне Алвар, в семи курухах от Агры.

В воскресенье узбекским послам было дано разрешение удалиться. Послу Кучум хана Амин мирзе || мы пожаловали кинжал на поясе, затканную золотом шапку и семьдесят тысяч тенег; посла Абу Са'ид султана, Муллу Тагая и нукеров Михри ханум и ее сына Пулад султана облачили в чекмени [с драгоценными] пуговицами и шелковые халаты, им тоже были пожалованы денежные награды, соответствующие их положению. 357*б*

На следующее утро Ходжа Абд ал-Хакк получил позволение пребывать в Агре, а Ходжа-и Калану, внуку Ходжа Яхьи, который прибыл в качестве посла от узбекских ханов и султанов, было разрешено отправиться в Самарканд. Для поздравления Хумаюна с рождением сына и Камрана — с женитьбой, я отправил Мирзу Табризи и Мирзу бек Тагая с десятью тысячами шахрухи на подарки. Кроме того, обоим мирзам были посланы халаты с моего плеча и пояса, которыми я сам подпоясывался. Через Муллу Бихишти я послал Хиндалу пояс с кинжалом, украшенным драгоценными камнями, такую же чернильницу, скамеечку, выложенную перламутром, полукафтанье со своего плеча, пояс с пряжкой и азбуку, написанную почерком бабури. Еще я послал несколько стихотворных отрывков, тоже написанных почерком бабури. Хумаюну мы послали наш перевод и стихи, сочиненные по прибытии в

Хиндустан, Хиндалу и Ходжа-и Калану также был послан этот перевод и стихи. Через Мирза бек Тагая я послал также и Камрану этот перевод, стихи, сочиненные после прибытия в Хиндустан и прописи почерком бабури.

Во вторник я написал письма для людей, направлявшихся в Кабул, и отпустил их. После этого я напомнил Мулла Касиму, Устад Шах
358*а* Мухаммеду-каменотесу, Мирек Мир Гиясу, || Миру-каменотесу и Шад Баба-землекопу о постройках, [которые следовало предпринять] в Агре и Дулпуре, и, возложив на них ответственность за эти постройки, отпустил их.

Незадолго до первого пахра мы выехали из Анвара и сделали привал в одном курухе от Чандвара, в деревне, называемой Абапур.

В четверг я послал Абд ал-Малука Курчи сопровождать Хасана Челеби к шаху, а Чапука направил вместе с узбекскими послами к ханам и султанам.

Когда до конца ночи оставалось четыре гари, мы выступили из Абапура. На рассвете я прошел мимо Чандвара и сел в лодку, в час молитвы перед сном я вышел из лодки перед Рапари и прибыл в лагерь. Лагерь находился в Фатхпуре. Проведя в Фатхпуре один день, я на рассвете в субботу совершил омовение и мы всенародно сотворили утреннюю молитву неподалеку от Рапари. Маулана Махмуд Фараби был имамом. После восхода солнца мы сели в лодки ниже большой излучины возле Рапари. Чтобы написать мой перевод смешанным почерком, я в этот день приготовил мистар на одиннадцать линеек. В этот день слова преданного Аллаху заронили мне в сердце предупреждение.

Подведя лодки к берегу напротив Джакина, одного из уделов Ра-
358*б* пари, мы провели эту ночь в лодках. Перед утром || мы двинули лодки дальше и совершили утреннюю молитву посреди [реки]. Я сидел в лодке, когда прибыл Султан Мухаммед Бахши и привел с собой нукера Ходжа-и Калана Шамс ад-дин Мухаммеда. Из писем и рассказов посланного обстоятельства и положение дел в Кабуле стали мне известны во всех подробностях. Махди ходжа тоже прибыл, когда мы были на лодке. Перед полуденной молитвой я вышел в сад на противоположном берегу, напротив Атавы, совершил омовение в Джуне и сотворил молитву. С того места, где я молился, мы перешли поближе к Атаве и, усевшись в саду под деревьями на пригорке, возвышающемся над водой, заставили йигитов играть в разные игры. Были поданы кушанья, изготовленные по приказу Махди ходжи.

В час вечерней молитвы мы переправились через реку и к молитве перед сном прибыли в лагерь. Чтобы собрать войско и написать письма кабульцам, посылаемые через Шамс ад-дина, мы задержались на этой стоянке еще на два-три дня.

В среду, в последний день месяца джумады первой, мы выступили из Атавы и, пройдя восемь курухов, остановились в Мури и Адуса. На этой стоянке я написал оставшиеся письма, посылаемые в Кабул. Хумаюну было написано письмо такого содержания: «Если пока нет [других] дел, заслуживающих внимания, то займись укрощением разбойников и грабителей, чтобы они не нарушали наступившего мира». Еще я написал, || что Кабул объявлен мною государевым уделом, и пусть 359*а* никто из моих сыновей не зарится на него. Кроме того, я вызывал к себе Хиндала. Камрану я написал, что он должен блюсти хорошие отношения с царевичем, и сообщил, что я пожаловал ему Мультан, а область Кабула объявил государевым уделом; я написал также, что мои домочадцы и родичи едут ко мне. Так как некоторые другие обстоятельства можно узнать из письма, написанного Ходжа-и Калану, то я переписываю сюда черновик письма без изменений.

«После привета Ходжа-и Калану я хочу сказать, что Шамс ад-дин Мухаммед прибыл в Атаву. Положение дел [в Кабуле] стало известно. Мое стремление направиться в те края беспредельно и безгранично. Обстоятельства в Хиндустане начинают некоторым образом приходить в порядок. По милости великого господа есть надежда, что, с волей божьей, дела здесь скоро устроятся. По упорядочении этих дел, мы, с божьей помощью, без промедления выступим в Кабул. Как может человек забыть приятности тех мест, особенно человек раскаявшийся и бросивший [пить вино]; как может он изгнать из сердца память о законном наслаждении дынями и виноградом? Недавно мне принесли дыню. Когда я резал и ел ее, это произвело на меня диковинное действие и я все время плакал.

Мне писали о неустройствах в Кабуле.|| Обдумав этот вопрос, я в 359*б* конце концов пришел к такой мысли: если в одной области семь или восемь правителей, откуда может быть в ней порядок, благоустройство и хорошее управление? Поэтому я вызвал мою сестру и жен в Хиндустан и объявил все области и селения Кабула государевым уделом. Хумаюну и Камрану я также подробно написал в этом смысле. Пусть какой-нибудь достойный человек передаст мирзам мои письма. Раньше я тоже писал мирзам об этом, и быть может вам уже все известно. Теперь не остается никаких оправданий и отговорок касательно управления и благоустройства этих областей. Отныне, если крепость останется неукрепленной и народ в небрежении, если не окажется запасов и казна не будет полна, это должно будет приписать нераспорядительности Опоры власти.

Относительно кое-каких неотложных дел, которые будут перечислены ниже, уже пошли приказы; один из них гласит: «Пусть казна будет все полнее». А неотложные дела таковы: прежде всего — приве-

дение в порядок крепости, затем накопление припасов, затем расходы на продовольствие и ночлег, прибывающих и отбывающих послов, затем постройка соборной мечети. Деньги на все это пусть берут из доходов и тратят законно. Еще следует привести в порядок караван-сараи и бани, достроить кирпичный портик в арке, наполовину воздвигнутый
360*а* Устад Хасан Али.|| Пусть посоветуются с Устад Султан Мухаммедом и работают по соответствующему плану. Если прежний план, начерченный Устад Хасан Али, существует, пусть по этому плану и заканчивают, а если нет — пусть сговорятся и возводят постройку по какому-нибудь красивому плану так, чтобы ее пол был на одном уровне с полом дивана. Еще: [содержите в порядке] плотину на Малом Кабуле, которая должна задерживать воду реки Бут Хак в том месте, где она впадает в Малый Кабул. Еще: почините плотину Газни. Опять же — сад на хиабане. В саду мало воды. Следует добыть воду, достаточную для одной мельницы, и провести ее. Еще: к юго-западу от Ходжа-Баста я провел воду из Тутум-Дара на вершину одного холма, устроил хауз и посадил саженцы. Так как это место находится напротив переправы и оттуда хороший вид, оно было названо Назаргах. Там нужно опять посадить хорошие саженцы, разбить по плану лужайки и посадить вокруг лужаек красивые благовонные цветы и травы.

Еще: Сейид Касим также назначен начальником вспомогательного отряда.

Не пренебрегайте обстоятельствами Устад Мухаммед Хасана-оружейника и его стрелков.

Сейчас же по получении этого письма поскорее отправьте мою сест-
360*б* ру и жену и проводите их до Нил-Аба, || какие бы ни были помехи, пусть непременно выезжают из Кабула, не задерживаясь больше чем на неделю после прибытия этого письма, так как отряд, вышедший им навстречу из Хиндустана, ожидая их в теснинах, будет терпеть лишения, и в тех местах начнется разруха.

В письме, которое я послал Абд Аллаху, было написано, что пребывание в долине воздержания причинило мне много беспокойств.

Вот рубаи, выражающее мои затруднения:

Из-за отказа от вина я в расстройстве,*
Не знаю я, что мне делать, и смущен.
Все люди каются, [что пили вино] и дают обет воздержания;*
А я дал такой обет и теперь каюсь.

Мне вспомнилась одна остроумная выходка Беннаи. Однажды Беннаи, будучи у Алишер бека, удачно сострил. На Алишер беке был чекмень с пуговицами. Он сказал: «Ты хорошо пошутил, и я бы подарил тебе мой чекмень, но мешают пуговицы». Беннаи возразил: «Пуговицы чем могут помешать, это петли мешают». Ответственность лежит на рас-

сказчике. Извините меня за все эти шутки, ради господа; не подумайте обо мне плохо.

Вышеприведенное рубаи действительно написано в прошлом году. За минувшие два года мое стремление и влечение к пирушкам было беспредельно и безгранично; иной раз тоска по вину доводила меня чуть не до слез. В нынешнем году это беспокойство духа, слава Аллаху, совершенно улеглось; по-видимому, помогло счастье и благословение, ниспосланные мне за перевод в стихах [послания Ходжи Ахрара].|| Откажи- 361*а*
тесь и вы тоже от вина! Пировать хорошо с милыми сердцу собутыльниками и собеседниками, но с кем устроите вы теперь пирушку, с кем станете пить вино? Если ваши собутыльники Шир Ахмед и Хайдар Кули, то воздерживаться от вина не так уж трудно. Тоскуя по вас, шлю привет. Писано в четверг, в первый день месяца второй джумады».

Писание этих слов, полных наставлений, произвело на меня сильное действие. Я передал письма Шамс ад-дин Мухаммеду, преподав ему также устные указания, и в канун пятницы отпустил его.

В пятницу мы прошли восемь курухов и остановились в Джумандне. В этот день явился один из нукеров Китин Кара султана, которого тот отправил к Камал ад-дин Кияку, прибывшему к нам в качестве посла. Китин Кара султан что-то писал Кияку, жалуясь и сетуя на дурное поведение и обращение пограничных беков и бесчинство воров и разбойников. Кияк прислал новоприбывшего к нам. Я разрешил Кияку уехать и отдал приказ пограничным бекам обуздать воров и разбойников и хорошо обращаться и вести себя с соседями. Вручив эти приказы человеку, пришедшему от Китин Кара султана, я отпустил его с этой стоянки.

Некий Шах Кули явился от Хасана Челеби и доложил об обстоятельствах сражения|| [узбеков с кизилбашами]. Я передал через этого 361*б*
Шах Кули письмо к шаху и, приняв извинения за опоздание Хасана Челеби, в пятницу, второго числа, отпустил Шах Кули.

В субботу мы прошли восемь курухов и остановились в уделах Какура и Чачавали, в области Калпи.

В воскресенье, четвертого числа, мы прошли девять курухов и остановились в уделе Дирапур, в области Калпи. Там я побрил себе голову — уже два месяца прошло, как я не брил головы. Потом я совершил омовение в реке Сингар.

В понедельник, пятого числа, мы прошли четырнадцать курухов и остановились в уделе Чапаркада, в области Калпи. На следующий день, во вторник шестого числа, один хиндустанский слуга Карача [хана] привез от Махим написанную к Карача [хану] грамоту о том, что она едет. В этой грамоте, составленной по образцу моих собственноручно написанных указов, Махим требовала назначить ей конвой из жителей

Лахора, Бхиры и близлежащих мест. Грамота была написана седьмого числа месяца первой джумады в Кабуле.

В среду мы прошли семь курухов и остановились в уделе Адампур. В этот день я еще до рассвета выехал один и, сделав остановку в полдень, достиг реки Джуна. По берегу Джуна я спустился вниз; дойдя до одного места напротив Адампура, я приказал поставить шатры на ост-
362*а* трове, неподалеку от лагеря, и мы ели ма'джун. В тот день || мы заставили бороться Садика и Кулала. Кулал явился с разными претензиями. В Агре он просил освободить его от борьбы на двадцать дней, оправдываясь тем, что устал от дороги. После этой отсрочки прошло сорокпятьдесят дней. Теперь ему поневоле пришлось бороться. Садик боролся хорошо и очень легко повалил Кулала. Я пожаловал Садику десять тысяч тенег, оседланного коня, перемену платья и чекмень с пуговицами. Хотя Кулала и повалили, ему тоже, чтобы он не унывал, была пожалована перемена платья и три тысячи тенег.

Я приказал выгрузить лафеты с лодок. В ожидании, пока устроят дорогу, разровняют землю и выгрузят пушки, мы провели на этой стоянке три или четыре дня.

В понедельник, двенадцатого числа, мы прошли двенадцать курухов и остановились в Курара. В этот день я следовал в носилках. Пройдя двенадцать курухов от Курара, мы остановились в Куриа, одном из уделов области Карра. Оттуда мы прошли восемь курухов и остановились в Фатхпур-Асва. Пройдя восемь курухов от Фатхпура, мы спешились в Сарай-Мунда. На этой стоянке во время молитвы перед сном Султан Джалал ад-дин явился ко мне засвидетельствовать свое почтение. Он также привел с собой двух своих маленьких сыновей.

На следующий день, в субботу семнадцатого числа, мы прошли восемь курухов и остановились в Дугдуги — уделе в области Карра, на берегу Ганга.

362*б* В воскресенье на эту стоянку явились Мухаммед Султан мирза, || Касим Хусейн султан, Бихуб султан и Тардика. В понедельник Аскари тоже прибыл туда и засвидетельствовал свое почтение. Все они пришли с восточной стороны Ганга. Вышел приказ: Аскари со всеми войсками идти по другой стороне Ганга; где бы мы ни остановились, они тоже должны были остановиться напротив, на той стороне.

Когда мы находились в тех краях, от передовых одна за другой стали приходить вести, что Султан Махмуд собрал один лак войска и послал Шейх Баязида и Бибана с большим отрядом в сторону Сарвара, а сам с Фатх ханом Сарвани идет по берегу Ганга на Чунар. Шир хан Сур, которому я в минувшем году оказал внимание и дал большие уделы, оставив его в этих местах, примкнул к афганцам. Шир хана и нескольких эмиров заставили переправиться через реку. Люди Султан

Джалал ад-дина не могли удержаться в Банарасе и бежали оттуда. Они говорили, что оставили в крепости Банараса достаточно войска и будут сражаться, придя на реку Ганг.

Выступив из Дугдуги, мы прошли шесть курухов и остановились в Кусаре, в трех или четырех курухах от Қарра. Я прибыл туда на лодке. На этой стоянке мы пробыли два или три дня из-за угощения, которое устроил Султан Джалал ад-дин.|| В пятницу я прибыл в дом Джалал 363*а*
ад-дина, находящийся в крепости Қарра. Он оказал мне гостеприимство и подал кое-какую еду и кушанья. После трапезы я облачил его самого и его сыновей в кафтан и куртку без подкладки и полукафтанье. По желанию Султан Джалал ад-дина его старший сын получил титул Султан Махмуда.

Выступив из Қарра, мы прошли около куруха и остановились на берегу Ганга. В тот же день я написал письма и отослал с этой стоянки Шахрак бека, который явился ко мне от Махим на первую остановку после прихода к Гангу. Ходжа-и Қалан, внук Ходжи Яхьи, просил прислать ему Записки, которые я писал. Я приказал переписать Записки и послал список Ходжа-и Қалану с Шахрак [беком].

На следующий день, в субботу, мы вышли и, пройдя четыре куруха, остановились в Кухе. Я ехал на лодке; так как место стоянки было недалеко, то мы прибыли рано. Через некоторое время, сидя в лодке, мы съели ма'джун. Ходжа Абд аш-Шахид находился в доме Нур бека; мы позвали его и велели привести также и Мулла Махмуда из дома Муллы Али хана. Посидев некоторое время, мы переправились на лодке на ту сторону и заставили борцов бороться. Мы приказали Дуст Ясин Хайру бороться с другими борцами,|| не схватываясь с Садиком. Это было 363*б*
против правил, так как сначала следовало схватиться с сильнейшим. Ясин Хайр хорошо поборолся с восемью противниками.

В час пополуденной молитвы Султан Махмуд переправился на лодке с той стороны. Он привез известие о поражении Махмуд хана, сына Султан Искандера, которого [наши] враги называют Махмуд султаном. К полуденной молитве посланный лазутчик тоже доставил сведения о поражении врагов. Между двумя молитвами пришло донесение от Тадж хана Саранг хани, согласное с рассказом лазутчика. Султан Мухаммед явился и доложил об этих обстоятельствах. Враги подошли и осадили Чунар и даже завязывали небольшие сражения. Получив верные сведения о нашем приближении, они в беспорядке отошли оттуда. Афганцы, осаждавшие Банарас, тоже беспорядочно отступили; когда они переправились через реку, две лодки пошли ко дну и несколько человек утонуло.

На следующий день мы прошли шесть курухов и остановились в Сир-Аулиа, одном из уделов Пияга. Я ехал туда на лодке.* Исан Тимур султан и Тухта Буга султан, спешившись, стояли на половине дороги,

чтобы повидаться со мной. Я пригласил султанов в лодку. Тухта Буга султан, видимо, наколдовал дождь, так как поднялся сильный ветер и пошел дождь. Погода стала очень хорошая. Такая погода побудила нас съесть ма'джуна. Хотя мы только накануне ели ма'джун, но в тот день опять поели его. Прибыв на стоянку, мы провели там следующий день.

Во вторник мы переправились на лодке на покрытый зеленью остров, находившийся напротив лагеря. Прогулявшись по острову, я в первый пахр вернулся к лодке. Возвращаясь верхом на коне, я незаметно оказался возле оврага. Мой конь поднялся на осыпавшийся край оврага, и земля под ним подалась. Я сейчас же соскочил и перепрыгнул на берег реки, конь тоже не провалился. Если бы я оставался на коне, то наверное провалился бы в овраг вместе со своим конем.

В этот день я переплыл реку Ганг саженками и сосчитал саженки; [оказалось], что я переплыл тридцатью саженками. Тотчас же, не отдыхая, я снова переплыл реку на ту сторону. Я переплывал все реки, оставался один Ганг.

К вечерней молитве я достиг места слияния реки Ганга и реки Джун и, приказав подтянуть лодки к пиягскому берегу, прибыл в лагерь в один пахр и четыре гари.

В среду, после второго пахра, войско начало переходить через реку Джун. [Всего] было четыреста двадцать лодок.

В пятницу, первого числа месяца раджаба, я переправился через реку.

В понедельник, четвертого числа этого месяца, мы двинулись по берегу Джуна, направляясь в Бихар. Пройдя пять курухов, мы остановились в Лаваине. Я прибыл туда на лодке. Вплоть до этого дня воины переправлялись через Джун. Лафеты для пушек, снятые с лодок в Адампуре, было приказано снова поставить на лодки начиная от Пиага и везти на лодках.

На месте стоянки мы заставили бороться борцов. Пехлеван Лахури, лодочник, схватился с борцом Дуст Ясин Хайром; они долго боролись, Дуст с трудом повалил [противника]. Обоим была пожалована полная перемена платья.

Говорили, что впереди находится скверная болотистая река, называемая Тус*. Ища переправу и прокладывая дорогу, мы пробыли на этой стоянке два дня. Для коней и верблюдов нашли переправу выше. Лафеты с грузом, как говорили, нельзя было там перевезти из-за неровного и каменистого дна. Однако я приказал переправлять груженые повозки || именно в этом месте. 364*a*

В четверг мы выступили оттуда. Я проплыл на лодке до места впадения реки Тус в Ганг. Там, где эти реки сливались, я вышел из лодки, сел на коня и поехал вверх по берегу реки Тус. К пополуденной молитве

я прибыл в лагерь к воинам, которые переправились через реку и расположились на стоянке. В тот день мы прошли шесть курухов.

Следующий день мы провели на той же стоянке.

В субботу мы выступили и, пройдя двенадцать курухов, снова вышли на берег Ганга у Нулиба.* Оттуда мы прошли еще шесть курухов и остановились в одном месте выше Кинтита, а еще через семь курухов сделали остановку в Нанапуре.*

На этой остановке Тадж хан явился с сыновьями из Чунара и засвидетельствовал мне почтение.

В эти дни от Мухаммеда Бахши пришло донесение, что мои люди и родичи несомненно едут ко мне из Кабула.

В среду мы выступили с этой стоянки и я осмотрел крепость Чунар. Пройдя один курух от Чунара, мы остановились.

В дни, когда мы выходили из Пиага, у меня на теле появилась язва. На этой стоянке один румиец применил способ лечения, недавно найденный в Руме. Он вскипятил в глиняном горшке перец, истолченный в порошок, и я поставил свою язву под горячий пар. Когда пару стало меньше я обмыл язву этой горячей водой. Лечение вызвало задержку на два звездных часа.

На той же стоянке один человек говорил, что на острове возле лагеря видели льва и носорога. Утром || мы устроили на острове облаву и 364*б*
привели туда слонов, но лев и носорог не показались. На краю загона мы подняли дикого буйвола.

В этот день подул сильный ветер; от песка и пыли было много беспокойства. Вернувшись к судам, я сел в лодку и прибыл в лагерь. Лагерь находился в двух курухах выше Банараса. В зарослях около Чунара, как говорили, водится много слонов. Я хотел было выехать из ставки поохотиться на слонов, когда Тадж хан принес известие, что Махмуд хан стоит у берегов реки Сон. Я созвал беков и мы посоветовались, не совершить ли внезапный набег на врага. В конце концов было решено немедленно выступить и идти длинными и долгими переходами.

Выйдя со стоянки, мы прошли девять курухов и остановились у переправы Билва. С этой стоянки восемнадцатого числа, в канун понедельника, мы послали Тахира в Агру; он повез предписание на получение денег, пожалованных на содержание гостей, прибывающих из Кабула.

В тот день я плыл на лодке; мы сели в лодки еще до рассвета. Достигнув впадения реки Гумти, — а это река Джунпура, — в Ганг, я немного проплыл вверх по реке Гумти и снова вернулся обратно. Хотя река была узенькая, || переправы не было. Войска, находившиеся на том 365*а*
берегу, переправлялись [в прошлом году] на лодках, на плотах или вплавь, на спинах коней.

Проехав один курух ниже устья реки Джунпура, я осмотрел прошлогоднюю стоянку, с которой мы пошли на Джунпур. Вниз по реке подул попутный ветер; на одной бенгальской лодке подняли парус и привязали к ней большую лодку; она пошла очень быстро. Лагерь был расположен в одном курухе выше Мадан-Банараса; когда мы достигли этой стоянки, до конца дня оставалось два гари. Лодки, следовавшие за нами без остановки и шедшие скорее других, нагнали нас к молитве перед сном.

Будучи в Чунаре, я приказал Могол беку при каждом переходе измерять прямую дорогу танапом. Всякий раз, когда я садился в лодку, Лутфи бек должен был мерить расстояние по берегу. Оказалось, что по прямой дороге [мы в тот день прошли] одиннадцать курухов, а по берегу реки — восемнадцать курухов.

Следующий день мы провели на той же стоянке.

В среду мы опять плыли на лодках и остановились в одном курухе ниже Газипура.

В четверг на эту стоянку явился Махмуд хан Нухани и засвидетельствовал мне почтение.

В этот день пришли донесения от Джалал хана, сына Бихар хана Бихари, от Фарид хана, [сына] Насир хана, и Шир хан Сура, а также
365*б* от Адил хан Сура и еще некоторых афганских эмиров. || Тогда же прибыло донесение также и от Абд ал-Азиза мирахура, написанное в Лахоре двадцатого числа месяца второй джумады. В день, когда писалось это донесение, в Лахор явился хиндустанец, слуга Карача, которого я послал туда из окрестностей Калпи. В донесении Абд ал-Азиза было упомянуто, что Абд ал-Азиз и назначенные с ним люди девятого числа месяца второй джумады встретились в Нил-Абе с моими домочадцами. Абд ал-Азиз прошел с ними до Чин-Аба, а в Чин-Абе оставил их и, достигнув Лахора прежде прочих, прислал это донесение.

В пятницу мы снялись с лагеря. Я сел в лодку и осмотрел стоянку напротив Джауса, где мы останавливались в прошлом году, когда затмилось солнце и был выдержан однодневный пост. После этого я вернулся и сел в лодку. Мухаммед Заман мирза позднее тоже приплыл туда на лодке; по настоянию Мирзы я съел ма'джун.

Лагерь был расположен на берегу реки Карманаса. Хиндустанцы будто бы тщательно избегают воды Карманаса. Благочестивые хиндустанцы не стали переправляться через эту реку, но сели в лодки и переплыли Ганг напротив устья Карманаса. Они твердо верят, что если человек коснется воды этой реки, все его благочестивые дела пропадут даром. Причину наименования этой реки они тоже связывают с таким ее свойством.

Сев в лодку, я проплыл немного вверх по реке Карманаса и снова возвратился обратно. После этого я переправился на северную сторону Ганга || и мы поставили лодки у берега реки. Некоторые йигиты на- 366*а*
чали забавляться, другие боролись. Кравчий Мухсин объявил, что схватится с четырьмя или пятью борцами. Схватившись с первым, он едва не был брошен, а второй, Шадман, повалил Мухсина; тот был очень пристыжен и смущен. [Настоящие] борцы тоже боролись тогда перед нами.

На следующий день, в субботу, мы выступили около первого пахра, так как я послал человека высмотреть переправу через Карманаса. Я проехал верхом один курух вверх по реке Карманаса по направлению к переправе, но из-за отдаленности переправы снова вернулся и прибыл на стоянку на лодке. Лагерь разбили в одном курухе за Чауса.

В тот день я опять лечился перцем. Пар был, видимо, слишком горячий; на теле у меня вздулись пузыри и я очень страдал.

Перед лагерем была маленькая речка; чтобы устроить через нее переправу, мы провели следующий день на той же стоянке.

В канун понедельника я написал ответ на письмо Абд ал-Азиза, принесенное хиндустанским скороходом, и отослал его. В понедельник утром я сел в лодку; из-за ветра лодки тянули [на веревках]. Прибыв на стоянку напротив Баксара́, || где мы надолго останавливались в прош- 366*б*
лом году, я осмотрел эту стоянку. Чтобы высаживаться на берегу реки, мы тогда устроили ступеньки, их, кажется, было больше сорока и меньше пятидесяти. Две верхние ступеньки были еще целы; все остальные разбило водой.

Вернувшись на лодку, я поел ма'джуна. Мы причалили лодки к одному острову, выше лагеря, и заставили пехлеванов бороться. К молитве перед сном мы воротились в лагерь. В минувшем году, чтобы осмотреть теперешнюю стоянку, я переправился через Ганг, опираясь на шест, а воины плыли, кто на конях, кто на верблюдах. В тот день я ел опиум.

На следующий день, во вторник, Карим берди, Мухаммед Али, [сын] Хайдара Рикабдара и Баба шейх во главе двухсот добрых йигитов были посланы, чтобы узнать вести о противнике. Находясь на этой стоянке, я приказал бенгальскому послу донести [своему господину] о моих трех окончательных предложениях.

В среду Юнус Али, который был послан к Мухаммед Заман мирзе, чтобы узнать его намерения относительно Бихара, доставил неопределенный ответ. От потомков бихарских шейхов прибыл человек с донесением и принес весть, что враги бросили Бихар и ушли оттуда.

В четверг я послал в Бихар Тарди Мухаммеда, сына Мухаммед Али Дженг-Дженга, во главе нескольких тюркских и хиндустанских эмиров и двух тысяч лучников, снабдив его милостивыми грамотами к жите-

367а лям Бихара. || Ходжу Муршида Ираки я назначил диваном бихарского округа и послал его туда вместе с Тарди Мухаммедом.

В четверг Мухаммед Заман мирза, согласившись отправиться в Бихар, прислал через Шейха Зайна и Юнус Али некоторые донесения и просил назначить ему в помощь отряд воинов. Несколько йигитов отправили Мухаммед Заман мирзе в подкрепление, а других — в качестве нукеров.

В субботу, в первый день месяца ша'бана, мы выступили с этой стоянки, на которой пробыли три-четыре дня. В этот день я выехал на коне, осмотрел Бхуджпур и Бихиа и вернулся в лагерь.

Воины под начальством Мухаммед Али, посланные за новостями, разбили в дороге отряд нечестивых и достигли того места, где находился Султан Махмуд. У Султан Махмуда было около двух тысяч человек. Проведав о нашем дозорном отряде, он впал в расстройство, убил двух из своих слонов и снялся с лагеря; одного слона [с отрядом] оставили в дозоре. Человек двадцать наших йигитов напали на дозорных, они не могли устоять и бежали; несколько человек сбили с коней, одному отрезали голову, а двух добрых йигитов привели живыми.

На следующий день мы снялись с лагеря; я плыл в лодке. На этой стоянке Мухаммед Заман мирза перешел через реку; вследствие переправы и ухода Мухаммед Заман мирзы, мы провели на стоянке два
367б или три дня. ||

Во вторник, четвертого числа, я пожаловал Мухаммед Заман мирзе перемену платья со своего плеча, саблю на поясе, породистого коня и зонтик и заставил его преклонить колени, принимая управление Бихаром. Из доходов с бихарского округа я отделил один крур и двадцать пять лаков в царскую казну; диваном был поставлен Муршид Ираки.

В четверг я покинул на лодке эту стоянку. [Раньше] я приказал спустить все лодки на воду и по прибытии велел привязать их в ряд, одна к другой. Их ряд оказался значительно шире реки. Хотя были собраны не все лодки, но так как в иных местах было мелко, в других — глубоко и течение было где быстрое, а где плавное, то лодки не пришлось долго вести в таком порядке. Между лодками показался гариал. Какая-то рыба, испугавшись гариала, прыгнула так высоко, что упала в одну из лодок; ее поймали и принесли ко мне.

По прибытии на стоянку я дал лодкам названия. Большую «заслуженную» лодку, которую построили еще в Агре, до похода против Рана Санка, назвали «Асаиш». В том же году, перед выступлением войска, || Араиш хан построил лодку и поднес ее мне в подарок. Войдя в эту лодку, я приказал устроить на ней помост и дал ей название «Араиш». На лодке, которую поднес мне в подарок Хан Джалал ад-дин, я приказал воздвигнуть помост побольше и на нем вознести еще одни
368а

подмостки. Эту лодку я назвал «Гунджаиш». Другой небольшой челнок с каюткой, который посылали по всяким делам, получил наименование «Фармаиш».

На следующий день, в пятницу, мы не выступили с лагеря. Дела Мухаммед Заман мирзы были закончены; направляясь в Бихар, он отошел от нашей ставки на один-два куруха и остановился. В этот день он пришел и простился со мной.

Два лазутчика из бенгальского войска явились и сообщили, что бенгальцы под предводительством Махдум-и Алама разбили берег реки Гандака на двадцать четыре участка и возводят насыпи. Афганцы с Султан Махмудом во главе, которые хотели переправить свои семьи и домочадцев на другой берег, не позволили это сделать и присоединили их к бенгальскому войску.

Получив такое известие, мы, имея в виду возможность войны, задержали Мухаммед Заман мирзу и послали в Бихар Шах Искандера с тремя или четырьмястами воинов.

В субботу явился человек от Дуду и ее || сына Джалал хана, сына 368*б*
Бихар хана. Бенгалец, по-видимому, не спускал с них глаз. Думая направиться ко мне, Дуду и ее сын [чуть не] с боем вырвались от бенгальца и переправились через реку; они достигли окрестностей Бихара и теперь направляются ко мне, чтобы мне служить.

В тот же день бенгальскому послу Исма'илу Мита был дан такой приказ: «На три требования, посланные ранее, что-то долго пишут ответ; напиши письмо: если они желают сохранить нашу дружбу и расположение, нужно написать ответ поскорее».

В канун воскресенья пришел человек от Тарди Мухаммеда, [сына] Дженг-Дженга, который сообщил, что утром в среду, пятого ша'бана, когда его дозорные подходили к Бихару с одной стороны, шикдар Бихара бежал из дальних ворот города с другой стороны.

В воскресенье мы снялись с лагеря и остановились в уделе Ари. На этой стоянке пришло известие, что войско из Харида с сотней или полутора сотнями лодок стоит на той стороне реки Сару, при впадении Сару в Ганг. Так как у меня с бенгальцами было нечто вроде мира и я в таких делах, ради счастья, всегда выдвигал вперед дело примирения, то, хотя бенгальцы совершили неучтивость и встали у нас на дороге, я все же счел нужным соблюдать свое всегдашнее правило; было решено отпустить посла бенгальца Исма'ила Мита в сопровождении Муллы Мухаммед Мазхаба || и повторить три прежние требования. 369*а*

В понедельник посол бенгальца явился засвидетельствовать почтение и ему было сказано, что он может уезжать. При этом было упомянуто, что «ради отражения врага мы будем ходить то в ту, то в другую сторону, но принадлежащие вам земли и воды не потерпят при

этом никакого вреда или ущерба. Так как первое из наших трех условий гласило: «Скажи войску Харида, чтобы оно ушло с нашей дороги и вернулось в Харид», то пошлите с ними нескольких тюрков, которые проводят их до Харида и доставят жителям этой области успокоительные грамоты. Если они не отступят от переправы и не оставят своих неподходящих слов, то пусть считают самих себя причиной всякого зла, что падет им на голову, и виновниками всего, что случится с ними дурного».

В среду я облачил бенгальского посла Исма'ила Мита в обычную почетную одежду, пожаловал ему награду и отпустил его; в четверг я послал Шейха Джамали к Дуду и ее сыну Джалал хану с успокоительными грамотами и милостивыми словами.

В этот день явился один из нукеров Махим, который расстался с нею в Вали, на той стороне от сада Баг-и Сафа. Он доставил письма.

В субботу я имел свидание с послом из Ирака Мурад Курчи Каджаром.

В воскресенье Мулла Мухаммед Мазхабу были вручены обычные подарки для памяти и дано разрешение удалиться.

369*б* В понедельник я послал Халифу || и еще нескольких беков посмотреть, в каком месте следует переправляться через реку; в среду я опять поручил Халифе осмотреть пространство между двумя реками, а сам поехал верхом в направлении к югу, желая полюбоваться на грядки с кувшинками возле Ари. Когда я осматривал эти грядки, Шейх Гуран принес мне кувшинки с недавно образовавшимися семенами. Эти [семена] в общем похожи на фисташки; хорошенькие цветочки, то есть кувшинки, хиндустанцы называют «кавал кикри», а семена — «дуда».

Мне сказали, что река Сон находится поблизости; мы поехали и поглядели на эту реку. На левом берегу Сона виднелось множество деревьев; говорили, что это — местность Мунир, где находится могила Шейха Яхьи, отца Шейха Шараф ад-дина Мунири. Поскольку мы были уже так близко, то переправились через Сон и, пройдя три-четыре куруха по левому берегу реки, осмотрели Мунир. Мы проехали через сады и совершили обход вокруг мазара; потом я отправился на берег реки Сона и омылся в реке. Сотворив полуденную молитву раньше времени, мы двинулись обратно в лагерь. Лошади у нас были жирные и некоторые из них отстали, другие притомились. Мы оставили несколько человек позади и приказали им собрать уставших коней и дать им отдохнуть, напоить их и, не торопясь, привести в лагерь. Если бы мы этого не сделали, то потеряли бы много коней.

Я приказал, чтобы кто-нибудь, возвращаясь из Мунира сосчитал, сколько конских шагов от берега Сона до лагеря. Насчитали двадцать
370*а* три тысячи || сто шагов, что составит сорок шесть тысяч двести чело-

веческих шагов, то есть одиннадцать с половиной курухов. От Мунира до Сона около полукуруха, так что всего получается двенадцать курухов. Разъезжая то туда, то сюда, мы проехали пятнадцать-шестнадцать курухов; всего пройдено в этот день около тридцати курухов. Было уже шесть гари первого пахра, когда мы возвратились в лагерь.

На следующий день, в четверг, из Джунпура явились Султан Джунаид Барлас и джунпурские беки. Так как они запоздали, я обратился к ним со словами укора и не поздоровался с ними; Кази Джиа я призвал к себе и поздоровался с ним.

В этот день я созвал тюркских и хиндустанских эмиров, и состоялось совещание относительно переправы через реку. Решили, что Устад Али установит на возвышенности между реками [Сару и Гангом] пушки, пищали и мортиры и поставит множество стрельцов, которые начнут оттуда сражение. На бихарской стороне Ганга, немного ниже слияния обеих рек, напротив острова, где был один слон и много лодок, принадлежащих бенгальцам, Мустафа приготовит все свои орудия и снаряды и откроет бой. С ним тоже будет много стрельцов. Мухаммед Заман мирза и назначенные туда люди должны стоять сзади Мустафы в качестве вспомогательного отряда. Чтобы надзирать за многочисленными землекопами и рабочими, подготовляющими место для устройства парапета, установки пушек и стрельбы из мортир позади Устад Али Кули и Мустафы, || были назначены надсмотрщики; они занялись добы- 370*б*
ванием и собиранием снарядов и припасов. Султаны, эмиры и ханы быстрым ходом должны были перейти Сару у переправы Халди; пока готовят парапеты, им надлежит собраться на той стороне в полном вооружении и броситься на врага.

В это время Султан Джунаид и Кази Джиа доложили, что в восьми курухах вверх по реке есть переправа. Зардру получил приказание взять с собой одного или двух плотовщиков, а также людей Султан Махмуд хана и Кази Джиа и поехать осмотреть переправу. Если переправа возможна, то пусть тотчас же переходят реку.

Среди людей шли разговоры, что Бенгалец намерен поставить людей также у переправы Халди. От шикдара Махмуд хана из Сикандарпура пришло донесение. «Я собрал у переправы Халди около пятидесяти лодок и нанял лодочников, но лодочники очень напуганы слухами о приближении Бенгальца».

Так как найти переправу через реку Сару нужно было немедленно, то, не дожидаясь возвращения людей, ушедших высмотреть переправу, я в субботу созвал беков на совет и сказал им: от Сикандарпура в Чатур-Муке до Ауда и Бараиша переправ на реке нет. Раз уже мы стоим здесь, то назначим большой отряд ||, который переправится у Халди 371*а*
на лодках и пойдет на врагов. Пока они не вернутся, Устад Али Кули

и Мустафа будут вести стрельбу из пушек, ружей, пищалей и мортир. Мы, со своей стороны, переправившись через реку Ганг, назначим подкрепление Устаду Али Кули и будем стоять в полной готовности. Когда войска, переправившиеся через реку, подойдут близко к противнику, мы тоже начнем бой и перейдем реку; Мухаммед Заман мирза и люди, назначенные на бихарскую сторону реки Ганга, будут сражаться рядом с Мустафой.

Приняв такое решение, мы разделили войска на северной стороне Ганга на четыре отряда, поставили их под начало Аскари и послали к переправе Халди. В одном отряде были Аскари и его нукеры, во главе другого отряда стоял Султан Джалал ад-дин Шарки, в третьем отряде находились узбекские султаны: Касим Хусейн султан, Бихуб султан, Танг Атмиш султан, а также Махмуд хан Нухани из Газипура, Куки, [брат] Баба Кашка, Тулмиш Узбек, Курбан Чархи и дариаханцы во главе с Хусейн ханом. Начальниками четвертого отряда были Муса султан и Султан Джунаид Вали и с ними джунпурское войско — приблизительно двадцать тысяч человек. Были назначены надсмотрщики, чтобы в ту же
371б ночь, то есть в ночь на воскресенье, || отправить этих людей в поход.

В воскресенье утром войска начали переходить Ганг. Я сел в лодку и переправился во время первого паса. Был третий пахр, когда люди Зардру, ездившие высмотреть переправу, вернулись обратно. Переправы так и не нашли. Они рассказали, что встретили по дороге лодки и отряд, назначенный к переправе на другой берег.

Во вторник мы ушли с переправы через реку и стали лагерем за один курух от слияния рек, возле поля битвы. Я сам поехал и посмотрел, как стреляют пушки и пищали Устада Али Кули; в этот день Устад Али Кули, поразив ядром из пищали две лодки, разбил и потопил их. Мустафа тоже с этого места поразил из пищали две лодки, разбил их и пустил ко дну. Я приказал подвести к месту битвы большую пушку и, поставив Мулла Гулама наблюдать за тем, как будут выравнивать для нее место, назначил ему в помощь несколько есаулов и расторопных йигитов. После этого я вернулся назад, и мы поели ма'джуна на одном островке напротив лагеря.

В тот вечер, когда я был под действием ма'джуна, лодку подвели близко к моему шатру и я отдыхал на лодке. Ночью произошел удивительный случай. Около третьего паса на лодке поднялся крик и шум. Мои телохранители схватили каждый по палке и кричали: «Бей! Бей!»
372а Лодка Фармаиш стояла возле лодки Асаиш, на которой я спал. || На Фармаише находился ночной часовой. Этот часовой, задремав, открыл глаза и увидел, что какой-то человек схватился рукой за Асаиш и карабкается на лодку. Часовой бросился на него. Человек тотчас же ныр-

нул в воду, снова вынырнул и, ударив часового саблей по голове, слегка ранил его, после чего уплыл. Из-за этого и поднялся шум. В ту ночь, когда мы уходили из Мунира, мне тоже принесли один или два клинка и кинжал, найденные возле лодки. Господь великий сохранил меня.

Если даже придет в движение меч всей вселенной,*
Не порежет он единой жилки без божьей воли.

На следующий день, в среду, я сел в лодку, называемую Гунджаиш и, подъехав поближе к месту, откуда стреляли, поручил каждому какое-нибудь дело. Человек тысячу йигитов с Уган Берди Моголом во главе я послал на один, два или три куруха выше вверх по реке, чтобы они любым способом переправились на другой берег. Когда эти люди двинулись в путь, бенгальцы на двадцати или тридцати лодках переплыли реку напротив лагеря Аскари. Множество пехотинцев вышли из лодок, думая показать свое превосходство, но наши люди пустили на врагов коней и обратили их в бегство. Они захватили несколько человек и отрубили им головы; многих они застрелили и забрали семь или восемь лодок.

В тот же самый день [бенгальцы] подплыли на нескольких лодках со стороны Мухаммед Заман мирзы и, выйдя на сушу, || начали сражение. Мухаммед Заман мирза в свою очередь напал на бенгальцев и обратил их в бегство. Люди с трех лодок утонули в реке; одну лодку захватили и привели ко мне. В этой стычке Баба Чухра сражался хорошо. 372*б*

Я приказал Мухаммед султану, Якка ходже, Юнус Али, Уган Берди и его людям, которым раньше было предписано переправиться через реку, взять семь или восемь лодок, захваченных Уган Берди, подтянуть их в темноте ночи вверх по реке и переплыть реку.

В этот день от Аскари прибыл человек и сообщил, что все воины без остатка перешли реку и на следующее утро, то есть в четверг, они пойдут на врагов. Я приказал тем [воинам], которые должны были переправиться через реку, присоединиться к Аскари и тоже идти на врага.

В час полуденной молитвы от Устад [Али Кули] пришел человек и сказал: «Ядро готово, [какой будет приказ?»]. Я велел: «Пусть стреляет этим ядром, а к тому времени, когда я приеду, приготовит другое ядро». Во время пополуденной молитвы, я сел в маленький бенгальский челнок и направился к тому месту, где был устроен парапет. Устад снова выстрелил крупным ядром и еще несколько раз выстрелил из пищали.

Бенгальцы славятся своим умением стрелять. На этот раз мы хорошо их наблюдали: они не стреляют в одно место и бьют по всем направлениям.

В этот день во время пополуденной молитвы я приказал подтянуть несколько лодок вверх по реке Сару и поставить их напротив неприя-

373а теля. Люди, тянувшие лодки, не опасаясь || и не прикрываясь, подтянули несколько судов вверх по реке. Я приказал Исан Тимур султану, Тухта Буга султану, Арапш хану и Шейху Гурану подняться к тому месту, куда подтянули лодки, и стоять там, охраняя их.

Вернувшись назад, я в первый пас прибыл в лагерь. Около полуночи с лодок, подтянутых вверх по реке, пришли вести, что посланные отряды прошли вперед. «Мы тянули лодки и шли по реке, когда бенгальцы, проведав, куда мы ведем лодки, вступили с нами в бой. Одному лодочнику попало в ногу ядро и нога у него сломалась; мы не могли больше двигаться вперед».

В четверг утром от тех, кто отправился на бруствер, пришли сведения, что все люди, посланные вверх, дошли до места; вражеские всадники сели на коней и идут навстречу движущемуся отряду. Я, со своей стороны, быстро вскочил на коня и помчался вслед за нашими лодками, отправленными ночью. Я послал к назначенному к переправе отряду под начальством Мухаммед Султан мирзы гонца с приказанием немедля переходить реку и соединиться с Аскари. Исан Тимур султан и Тухта Буга султан, которые находились на лодках, получили приказ начать переправу. Баба султан не явился на назначенное место. Исан
373б Тимур султан и тридцать-сорок нукеров || тотчас же переправились через реку на одной лодке, пустив своих коней плыть возле лодок. За ними последовала еще одна лодка. Увидев, что наши переправляются через реку, множество пеших бенгальцев двинулось против них. Семь или восемь нукеров Исан Тимур султана сели на коней и направились навстречу этим пехотинцам; чтобы дать султану время сесть на коня, они втягивали врагов в бой и стреляли, увлекая пехотинцев к султану. Тем временем Исан Тимур султан сел на коня; тут подошла и вторая лодка. Султан с тридцатью или тридцатью пятью всадниками бросился на большой отряд пехотинцев; он быстро обратил их в бегство и совершил замечательные, выдающиеся дела. Прежде всего, он быстро и проворно, без страха перешел реку раньше других; во-вторых, он пошел на большой отряд пехотинцев, имея с собой мало людей, и быстро обратил их в бегство.

Тухта Буга султан тоже перешел через реку; за ним начали переправляться одна за другой и остальные лодки. Лахорцы и хиндустанцы тоже стали переправляться с разных сторон, одни опираясь на шесты, другие — на связках камыша. Увидев, как обстоит дело, множество бенгальцев на лодках, находившихся напротив бруствера, обратилось в бегство вниз по реке.

Дервиш Мухаммед Сарбан, Дуст ишик-ага и еще несколько йигитов, находившиеся напротив бруствера, [тоже] перешли реку. Я послал к султанам человека на коне с приказанием: «Соберите тех, кто пере-

правился, подойдите к отряду, стоящему напротив, обойдите их с боку и вступайте с врагами в бой» ||. 374а

Султаны собрали переправившихся воинов, разбили их на три или четыре отряда и двинулись на врага. Когда они приблизились, предводитель врагов поставил вперед своих пехотинцев и, не расстраивая рядов, пошел [против наших]. Куки с частью отряда, отправленного с Аскари, приблизился к ним. Куки с одной стороны и султаны с другой стороны схватились с врагом. Они сбивали неприятелей с коней и заставили всадников податься назад. [Люди] Куки сбили знатного язычника по имени Басант Рао, захватили его и отрезали ему голову. Десять-пятнадцать его бойцов напали на [людей] Куки, и те тотчас же их изрубили. Тухта Буга султан поскакал навстречу врагам и хорошо рубил саблей. Могол Абд ал-Ваххаб и его младший брат тоже хорошо рубились. Могол, хотя он не умел плавать, переправился через реку в кольчуге, держась за гриву коня.

Мои лодки остались позади, я послал за лодками человека. Лодка Фармаиш прибыла раньше других; сев в лодку, я переправился через реку, осмотрел лагерь бенгальцев и, пересев на Гунджаиш, спросил, есть ли выше переправа. Мир Мухаммед-плотовщик доложил, что выше по реке Сару переправы лучше. Я приказал войскам начинать переправу в упомянутых местах. Когда люди под начальством Мухаммед Султан мирзы, которым было приказано перейти реку, || совершали пе- 374б
реправу, лодка Якка ходжи утонула и Якка ходжа отправился к милости господа. Нукеров и владения покойного я пожаловал его младшему брату Касим ходже.

Во время полуденной молитвы, когда я совершал омовение, прибыли султаны. Похвалив и одобрив [их действия], я внушил им надежду на милость и ласку. Между тем Аскари тоже явился ко мне. Аскари впервые был в деле; [его поведение] было хорошим предзнаменованием на будущее. Так как моя ставка в тот вечер еще не переправилась через реку, я ночевал возле одного острова на лодке Гунджаиш.

В пятницу мы остановились к северу от реки Сару, в деревне Кундих, в уделе Нирхун, области Харид.

В воскресенье я послал Куки и его людей за вестями в Хаджипур. Шах Мухаммед, [сын] Ма'руфа, которому, когда он являлся ко мне в прошлом году, я оказал большое внимание и пожаловал область Саран, теперь совершил несколько доблестных дел. Он два раза вступал в бой со своим отцом Ма'руфом, одолел его и взял в плен. Когда Султан Махмуд предательски захватил Бихар и Бибан с Шейх Баязидом пошли против него, [Шах Мухаммед] ничего не мог поделать и присоединился к ним. В это время от него тоже несколько раз поступали донесения; в народе о нем ходили всякие вздорные слухи. Когда Аскари

переправился через реку у Халди, Мухаммед со своими людьми явил-
375а ся к Аскари, || повидался с ним и пошел с ним вместе на бенгальцев. Во время моего пребывания на этой стоянке [Шах Мухаммед], засвидетельствовал мне свое почтение.

В те дни о Шейхе Баязиде и Бибане одна за другой приходили вести, будто они намерены перейти реку Сару. В это же время из Самбала пришло удивительное известие. Али Юсуф, который находился в Самбале и хорошо управлял и распоряжался этой областью, неожиданно отправился к милости господа в один день с одним его другом, который находился при нем в качестве врача. В отношении управления Самбалом было решено, что Абд Аллах отправится в Самбал и будет править в этой области. В пятницу пятого рамазана Абд Аллах получил разрешение удалиться в Самбал.

В эти же дни пришло донесение от Чин Тимур султана, что многие из назначенных беков не могли к нему присоединиться, вследствие [скорого] прибытия из Кабула моих родичей. Мухаммади и еще некоторые [беки] прошли с султаном около ста курухов вперед и хорошо поколотили белуджей. Через Абд Аллаха я послал Чин Тимур султану, Султан Мухаммед Дулдаю, Мухаммади и еще некоторым тамошним бекам и йигитам повеление собраться вместе с Чин Тимур султаном в Агре и быть готовыми выступить в любую сторону, где покажутся враги.

375б В понедельник, восьмого числа, внук Дариа хана Джалал хан, || к которому отправился Шейх Джамали, явился ко мне вместе с несколькими уважаемыми эмирами и засвидетельствовал свое почтение. В этот же день Яхья Нухани, который раньше прислал своего младшего брата с выражением преданности и получил грамоту на управление, явился, чтобы мне служить. Так как семь или восемь тысяч афганцев Нухани пришли с надеждою [на меня], то я не хотел лишать их надежды и, выделив из доходов Бихара один крур на долю царской казны, пожаловал пятьдесят лаков Махмуд хану Нухани, а остальное отдал упомянутому Джалал хану, который согласился уплачивать один крур дани. Для сбора этих денег был послан Мулла Гулам есаул. Мухаммед Заман мирзе я отдал область Джунпур.

В четверг один из нукеров Халифы, по имени Гулам Али, который раньше Исма'ила Мита доставил [Нусрат шаху] мои три условия вместе с Абу-л-Фатхом, нукером мунгирского царевича, явился в сопровождении этого Абу-л-Фатха и привез Халифе письма от мунгирского царевича и вазира Хасан хана Лашкара. Соглашаясь на три наши условия, они брали на себя ответственность за [согласие] Нусрат шаха и предлагали заключить мир. Наш поход был предпринят для подавления непокорных афганцев, одни из которых ушли, куда глаза глядят,

другие явились с выражением покорности и повиновения, || а те немно- 367*а*
гие, что остались, подвластны Бенгальцу и Бенгалец отвечал за них. К тому же приближалось время дождей. Поэтому в ответ на предложение Бенгальца я написал о согласии заключить мир на упомянутых условиях.

В пятницу Исмаил Джилвани, Адил хан Нухани, Аулиа хан Ишраки и еще пять или шесть эмиров выразили готовность мне служить.

В этот же день я подарил Исан Тимур султану и Тухта Буга султану саблю на поясе, кинжал с поясом, кольчуги, почетные одежды и кровных коней; Исан Тимур султан преклонил колени, получив тридцать лаков из дохода с удела Шамсабад.

В понедельник, пятнадцатого числа, успокоившись относительно Бихара и Бенгалии, я покинул стоянку на берегу реки Сару и возле Кундиха выступил в поход, чтобы отразить зло неблагодарного Бибана и Шейх Баязида. После двух привалов мы остановились возле переправы, называемой Чаупара-Чатурмук в Сикандарпуре. У этой переправы, войска начали переходить реку.

Одно за другим поступали сведения, что неблагодарные [враги] перешли Сару и Гагра и направляются к Лукнуру. Чтобы запереть перед ними переправу, я назначил отряд воинов во главе с тюркскими и хиндустанскими эмирами: Султан Джалал ад-дином Шарки, Али ханом Фармули, Тардике, Низам ханом Биани, Тулмиш Узбеком, Курбаном Чархи и Хасан ханом Дариа хани, || которые были отпущены в канун 376*б*
четверга.

В этот вечер, когда после молитвы прошло пять гари первого паса, прорвались дождевые тучи и в одну минуту произошел такой потоп и поднялся такой сильный ветер, что лишь немногие шатры не упали. Я сидел в своей палатке и писал; я не успел собрать бумаги и тетради, шатер и столбы упали мне на голову. Верхняя кошма палатки разлетелась в куски, но бог сохранил меня, я не пострадал. Бумаги и тетрадки залило водой; их с трудом собрали, завернули в красный коврик, положили на скамью и прикрыли сверху коврами. Буря стихла через два гари. Мы велели поставить складную палатку и зажечь свечу, с трудом развели огонь и до самого утра не спали, занятые сушкой бумаг и тетрадок.

В четверг я переправился через реку, в пятницу выехал прогуляться в Харид и Сикандарпур. В этот день Абд Аллах и Баки написали мне о взятии Лукнура.

В субботу я послал Куки и его людей вперед, дабы они присоединились к Баки.

В воскресенье Султан Джунаид Барлас, Хасан, [сын] Халифы, || 377*а*
люди Муллы Аппака и братья Му'мина Атака были отосланы с прика-

занием присоединиться к Баки и до моего прибытия как можно лучше служить ему, не совершая упущений.

В этот день во время пополуденной молитвы я пожаловал Шах Мухаммеду, сыну Ма'руфа, одежду со своего плеча и породистого коня и отпустил его. По примеру прошлого года ему было дано жалованье [из доходов] Сарана и Кандлы на содержание его лучников. В тот же день Исма'илу Джилвани также были пожалованы семьдесят два лака денег из доходов Сарвара, почетная одежда и породистый конь, и его отпустили. Адил хану Нухани и тем, кто пришел под его предводительством, я назначил деньги из доходов Сарвара и тоже отпустил их. Мы решили, что каждый из них будет оставлять в Агре сына или младшего брата, чтобы тот постоянно пребывал при мне.

Бенгальцам было поручено доставить через Тир Мухани в Газипур лодки Гунджаиш и Араиш, а также еще две бенгальские лодки, выбранные из тех, что в этот раз попали мне в руки. Фармаиш и Асаиш должны были поднять вверх по Сару и вести вместе со ставкой.

Успокоившись относительно Бихара и Сарвара, мы двинулись от переправы Чаупара-Чатурмука вверх по берегу Сару, напрявляясь к Ауду. Пройдя около десяти курухов, мы расположились возле деревни
377б Килира в области Фатхпура || на берегу Сару.

[Наши люди], которые ушли раньше, сбились с дороги и вышли к большому фатхпурскому озеру. Мы послали несколько человек, чтобы вернуть обратно тех из них, кто был поблизости; Кичик ходжу одного отправили на берег озера; он должен был переночевать там и наутро привести в лагерь находившихся у озера воинов.

Утром мы выступили оттуда; на полпути я сел в лодку, и ее тянули вверх по реке до самого лагеря.

Пока мы шли, Халифа привел сына Шах Мухаммеда Дивана, который прибыл от Баки. Сведения относительно Лукнура подтвердились. В субботу тринадцатого рамазана [враги] начали бой. Сражаясь, они не могли ничего сделать. Во время боя внезапно загорелся собранный хворост, трава и сено; в крепости стало жарко, как в печке. На стене нельзя было устоять и крепость взяли. Через два-три дня, услышав о нашем возвращении, враги выступили по направлению к Далмау. В этот день мы тоже прошли десять курухов и расположились станом выше деревни Джалисир, в уделе Сагри, на берегу реки Сару.

В среду, чтобы дать отдохнуть животным, мы остались на той же стоянке. Некоторые говорили, что Шейх Баязид и Бибан намерены пе-
378а рейти Ганг || и уйти к своим через Чунар и Джунпур. Я созвал беков и устроил совет. Было решено, что Мухаммед Заман мирза и Султан Джунаид Барлас, который взамен Джунпура получил Чунар и еще несколько уделов, а также Махмуд хан Нухани, Кази Джиа и Тадж

хан Саранг хани должны выступить и преградить врагам дорогу к Чунару.

На следующий день, в четверг, мы вышли спозаранку и, отойдя от реки Сару на одиннадцать курухов, переправились через Парсару и расположились на берегу этой реки. Призвав беков, я устроил совет. Исан Тимур султан, Мухаммед Султан мирза, Тухта Буга султан, Касим Хусейн султан, Бихуб султан, Музаффар Хусейн султан, Касим ходжа, Джа'фар ходжа, Захид ходжа, Джани бек, с нукерами Аскари и Кичик ходжа, а из эмиров Хинда Алим хан Калпи, Малик Дад Кararани и Рао Сарвани получили приказ идти во главе своих отрядов следом за Шейх Баязидом и Бибаном в сторону Далмау. Они должны были отделиться от [главных сил] войска и быстро двинуться вперед.

На этой стоянке, когда я совершал вечерние омовения, на свет светильников собралась масса рыбы, которая поднималась на поверхность воды. Я и те, кто стоял возле меня, поймали руками много рыбы.

В пятницу мы расположились станом на одном из притоков Парсару. Это была очень мелкая речка. Чтобы нам не мешали наши люди, постоянно ходившие туда и сюда, || мы запрудили речку выше по тече- 378*б*
нию и устроили купальню для омовений, площадью десять на десять [кари]. Ночь на двадцать седьмое мы тоже провели в этом месте. Утром мы ушли от этой речки и, перейдя реку Тус, стали лагерем. В воскресенье мы тоже стояли на берегу этой реки.

В понедельник, двадцать девятого, лагерь находился на берегу этой реки Тус. Вечером, хотя воздух был не очень прозрачен, несколько человек увидели луну и засвидетельствовали это перед казием. Начало нового месяца было установлено.

Во вторник утром мы совершили праздничную молитву и выступили в поход. Пройдя десять курухов, мы остановились в одном курухе от Маинга, на берегу реки Гумти. Около полуденной молитвы мы ели ма'джун. Шейху Зайну, Мулле и Хондемиру мы послали, приглашая их, такой стишок:

Шейх Зайн, Мулла Шихаб, Хондемир,*
Приходите втроем, вдвоем или по-одному.

Дервиш Мухаммед, Юнус Али и Абд Аллах тоже присутствовали. В час пополуденной молитвы борцы устроили борьбу. Среду мы провели на этой стоянке. Около полудня мы ели ма'джун. В тот же день прибыл Малик Шарк, который ходил в Чунар, чтобы выгнать оттуда Тадж хана.

В этот день борцы устроили борьбу. Пехлеван-и Ауди, который прибыл раньше, боролся с одним явившимся в это время || хиндустанским 379*а*
борцом и повалил его. Я дал Яхье Нухани в виде жалованья пятнад-

цать лаков из доходов Парсрура, облачил его в почетную одежду и отпустил.

На следующий день мы прошли одиннадцать курухов, переправились через реку Гумти и стали лагерем на берегу этой реки. О султанах и беках, которые ушли вперед, поступили сведения, что они пришли в Далмау, но еще не переправились через реку Ганг. Я был очень недоволен и послал им повеления быстро перейти Ганг и преследовать врага. Они должны были также переправиться через Джун, взять с собой Али хана и постараться завязать бой с врагом.

Отойдя от реки и сделав два привала, мы достигли Далмау. В тот же день большинство воинов перешло реку Ганг у переправы. Переведя ставку на другой берег, я съел ма'джун на одном острове ниже брода. Чтобы отставшие воины могли переправиться, мы провели еще один день на этой стоянке. Баки Ташкенди с войском Ауда явился в этот день и засвидетельствовал мне почтение.

Удалившись на один переход от Ганга, мы стали лагерем возле селения Курара, на реке Аринд. От Далмау до Курара оказалось двадцать два куруха.

В четверг мы снялись с этой стоянки и остановились напротив Адам-
379б пура. Чтобы переправиться вслед за врагами, || мы раньше послали в Калпи одного-двух лодочников, которые должны были доставить нам все имеющиеся лодки. В тот вечер, когда мы пришли на эту стоянку, прибыло несколько лодок; переправу через реку тоже нашли. Так как в лагере было очень пыльно, я расположился на одном острове. В те несколько дней, что мы пробыли там, я днем и ночью находился на этом острове.

Поскольку о врагах не приходило верных сведений, я послал Баки шигаула и его йигитов за реку, чтобы они узнали о неприятеле.

На другой день, в час соборной пополуденной молитвы, прибыл нукер от Баки бека. Баки бек разбил отряд разведчиков Шейх Баязида и Бибана, убил их смелого йигита по имени Мубарак хан Джилвани и еще несколько человек и прислал мне несколько голов и одного живого пленника.

На следующее утро прибыл Шах Хусейн Бахши, который ходил вместе с Баки. Он подробно доложил об избиении разведчиков и обо всем, что произошло.

В этот вечер, то есть в канун воскресенья, тринадцатого числа, река Джун так поднялась, что вода совершенно залила остров. Я поставил шатер на другом острове, в одном выстреле из лука ниже по реке, и расположился там.

В понедельник от ушедших вперед султанов и беков явился Джа-

лал Ташкенди. Проведав о приближении этого отряда, Шейх Баязид и Бибан бежали в удел Махуба. || 380*а*

Так как пришло время дождей, а войско уже пять или шесть месяцев находилось в походе, и кони и другие животные утомились, то я приказал ушедшим вперед султанам и бекам оставаться на месте, пока из Агры и окрестностей не придут свежие отряды.

В тот день, во время пополуденной молитвы, я дал разрешение удалиться Баки шигаулу и войскам из Ауда. Мусе, сыну Ма'руфа Фармули, который, когда войско переправилось через реку Сару, вернулся и засвидетельствовал мне почтение, я пожаловал удел с доходом в тридцать лаков в Амраха, подарил платье со своего плеча и оседланного коня и отпустил в Амраха.

Успокоившись относительно положения дел в этих краях, мы в канун вторника, через один гари после третьего паса, спешно выступили в Агру. На следующий день, пройдя шестнадцать курухов пути, мы около полудня остановились в уделе Баладар, зависящем от Калпи. Задав коням ячменя, мы выступили в час вечерней молитвы. В эту ночь мы прошли тринадцать курухов и к концу третьего паса стали лагерем у могилы Бахадур хана Сирвани в уделе Сугандпур, в Калпи. Мы поспали там и выступили после утренней молитвы; пройдя шестнадцать курухов, мы в полдень достигли Атавы. Махди ходжа прибыл нам навстречу. После первого вечернего паса мы вышли оттуда и, немного поспав по дороге, пришли в Фатхпур в Рапари, пройдя шестнадцать курухов. || 380*б*

На следующий день в час полуденной молитвы мы снова выступили из Фатхпура и, пройдя семнадцать курухов пути, во время второго ночного паса пришли в сад Хашт-Бихишт в Агре.

В пятницу утром Мухаммед Бахши и еще кое-кто пришли засвидетельствовать свое почтение. Около полуденной молитвы я переправился через Джун и выразил почтение Ходже Абд ал-Хакку. После этого я поехал в крепость и повидался с госпожами, моими тетками. Один огородник из Балха, которого я поставил, чтобы сажать дыни, вырастил несколько дынь и теперь принес их мне. Очень хорошие оказались дыни.

Я посадил в саду Хашт-Бихишт несколько кустов винограда. Они тоже дали хороший виноград. Шейх Гуран также прислал мне корзину винограда; неплохой был виноград. В общем я был очень доволен, что в Хиндустане оказались такие дыни и виноград.

В ночь на воскресенье, после второго паса, прибыла Махим. Мы отправились к войску десятого числа месяца первой джумады. По странному совпадению обстоятельств Махим покинула Кабул в этот самый день.

В четверг, в первый день месяца зу-л-ка'да, когда диван заседал

в помещении Большого дивана, мне принесли подношения от Хумаюна и Махим. В этот день мы послали в Кабул за дынями, виноградом и плодами одного из нукеров Магфура дивана, наняв сто пятьдесят но-
381*а* сильщиков. ||

В субботу, третьего числа, Хинду бек, который прибыл из Кабула как сопровождающий и был послан в Самбал вследствие смерти Али Юсуфа, явился засвидетельствовать мне свое почтение. Хусам ад-дин Али, [сын] Халифы, тоже явился в этот день из Алвара и засвидетельствовал мне почтение.

На следующий день, в воскресенье, прибыл Абд Аллах, посланный из Тир-Мухани в Самбал по случаю смерти Али Юсуфа.

От людей, прибывших из Кабула, мы услышали, что Шейх Шариф Карабаги по наущению Абд ал-Азиза [мирахура] или вследствие расположения к нему, приписал нам несодеянные жестокости и несуществующие нововведения и сочинил прошения, под которыми силой заставил лахорских имамов подписать свои имена; списки этих прошений он разослал по городам, надеясь вызвать смуту. Абд ал-Азиз, ослушавшись нескольких приказов, совершал также всякие другие неподобающие поступки и говорил несоответствующие слова.

По этой причине в воскресенье, одиннадцатого числа, мы послали Камбар Али Аргуна с приказом схватить и доставить к нам во дворец Шейха Шарифа, лахорских имамов с их приспешниками и Абд ал-Азиза.

В четверг, пятнадцатого, из Тиджары прибыл Чин Тимур султан и засвидетельствовал свое почтение. В этот день Пехлеван Садик и зна-
381*б* менитый борец из Ауда || боролись. Садик лишь с трудом повалил противника, ему пришлось здорово с ним повозиться.

В понедельник, девятнадцатого числа, я пожаловал послу кизилбашей Мураду Курчи кинжал на поясе, украшенном драгоценными камнями, облачил его в подобающую одежду и отпустил, подарив ему также два лака тенег.

В эти дни Сейид Мешхеди прибыл из Гвалиара и доложил, что Рахимдад подстрекает к мятежу. Мы послали к Рахимдаду Шах Мухаммед Мухрдара, нукера Халифы, причем ему было написано много увещательных слов. [Шах Мухаммед] поехал и через несколько дней привел с собой сына Рахимдада; хотя сын его и прибыл, однако сам Рахимдад не имел намерения явиться. Чтобы рассеять его опасения, я во вторник, пятого зу-л-хиджже, послал в Гвалиар Нур бека. Через несколько дней Нур бек возвратился и доложил мне о пожеланиях Рахимдада. Когда я собирался послать ему указы, какие он хотел, прибыл один нукер Рахимдада и доложил: «Рахимдад послал меня, чтобы помочь бежать его сыну; он и не думает приезжать сюда».

По прибытии этого известия я хотел тотчас же идти на Гвалиар, но Халифа доложил: «Я еще раз пошлю Рахимдаду увещательные письма, может быть, он согласится на примирение». По этому делу был послан Шихаб ад-дин Хусрау.

В четверг, седьмого числа упомянутого месяца, || из Атавы прибыл 382*а*
Махди ходжа. В день праздника я пожаловал Хинду беку перемену платья со своего плеча, меч на поясе, украшенном драгоценными камнями, и кровного коня. Хасан Али, который известен среди туркмен под именем Джагатая, получил перемену платья, пояс, украшенный драгоценными камнями, и удел, [дающий доход] в семь лаков...

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к переводу Бабур-наме составлены кандидатом филологических наук М. А. Салье и кандидатом исторических наук Д. Г. Вороновским. Примечания следуют постранично, без особой нумерации, в тексте их приняты следующие сокращения:

1) годы хиджры и н. э. даны через знак равенства, без указания эры;

2) ок. — около;

3) р. — родился;

4) ум. — умер.

Двойные даты в скобках показывают время правления данного хана, шаха и т. д.

Географические пункты в пределах современной территории СССР указаны по нынешнему административному делению; остальные — как у Бабура, т. е. без расчленения на страны (Индия, Пакистан, Афганистан и проч.).

К стр. 11

899 г. хиджры = 1494 г. н. э. (далее обе даты даются через знак равенства без указания летоисчисления).

В настоящее время Фергана (площадь ок. 20 000 *км*²) входит в состав трех среднеазиатских республик: Ферганская, Андижанская и Наманганская области —УзССР, Ленинабадская область (Ходженд) — ТаджССР и Ошская область— КиргССР.

Климат. По представлению средневековых восточных ученых, известный тогда мир делился по широтам на семь климатов (иклим). Фергана — область пятого климата.

Кашгар (Кашгария) — южная часть провинции Синьцзян (КНР) с главным городом Кашгар, расположенным на реке того же имени. С древнейших времен—важный транзитный пункт в торговле Средней Азии, Афганистана и Индии с Дальним Востоком.

Самарканд — один из древнейших городов Средней Азии; столица Тимура и его преемников.

Бадахшан — горная область в верховьях Аму-Дарьи, на ее притоках Пяндж, Кокча и Бадахшан. На западе Бадахшан граничит с Кундузом, на востоке—с Кашгаром, на юге — с Кафиристаном. До XVI в. Бадахшан управлялся собственными «шахами», возводившими свой род к Александру Македонскому.

Отрар (Янги) — ныне развалины на месте одного из древних городов Средней Азии, находящиеся на правом берегу р. Сыр-Дарьи, у впадения в нее р. Арысь.

Моголистан — термин средневековых восточных историков, прилагавшийся к северо-восточной части Туркестана, заселенной по преимуществу монголами.

Ходженд (Ходжент) — современный город Ленинабад, ТаджССР, расположенный на левом берегу р. Сыр-Дарьи, у впадения в нее р. Ходжа-Бакирган. Благодаря своему выгодному положению у входа в Ферганскую долину, город с древних времен играл значительную роль в экономике Средней Азии.

К стр. 12

Сейхун (Воды Ходженда) — средневековое название реки Сыр-Дарьи.

Финакет (точнее Банакат) — город и область у впадения в Сыр-Дарью ее правого притока р. Ангрен. Тимур, восстановивший город после монгольского нашествия, назвал его в честь старшего сына Шахрухией. Ныне на его месте руины.

Туркестан. 1. Историко-географический термин, прилагаемый к обширной (свыше 3 млн *км*²) территории в Средней и Центральной Азии, от Каспийского моря до Монголии и от Аральского моря до Сев. Афганистана. 2. Город на правом берегу р. Сыр-Дарьи в Южно-Казахстанской обл., КазССР.

Андиджан (Андукан, совр. Андижан) — областной город УзССР, известен с IX в.

Мавераннахр по арабски — «то, что за рекой (Джейхун)», т. .е области, расположенные в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Кеш — ныне город Шахрисябз в Кашка-Дарьинской области, УзССР, Издавна важный пункт на торговом пути между Балхом и Самаркандом. Кеш — родина Тимура.

Арк — цитадель.

Мир Алишер Навои — великий узбекский классический поэт (ум. в 906/1501 г.). О нем см. далее в «Записках» (л. 170б и сл.).

Герат—древний город на р. Гери-Руд (Сев. Афганистан, см. Карта, B2). Как узел дорог с севера на юг и с востока на запад издавна играл большую роль. При Тимуридах был выдающимся центром культуры, где жил и творил великий классический узбекский поэт Алишер Навои.

Ош — один из древнейших городов Ферганской долины на пути из Средней Азии в Индию и Китай. Расположен в южных предгорьях Алайского хребта, по обоим берегам р. Акбуры. Ныне — областной город Киргизской ССР.

Йигач — неопределенная мера расстояния около шести километров.

Султан Махмуд хан — «Старший хан», дядя Бабура, см. далее.

902 = 1496 — 1497 гг.

Худжра — ниша, келья, комната; в данном случае — беседка.

Айван — открытая с одной стороны терраса.

К стр. 13

Омар Шейх мирза — отец Бабура, о нем далее следует рассказ самого автора (стр. 16 и последующие).

Маргинан (Маргелан) — древний город Ферганы, расположен в предгорьях Алайского хребта, в 12 *км* к северу от областного города Ферганы.

Кийик — дикий козел.

Бухара — древнейший город Средней Азии. С приходом к власти узбеков Шейбани хана она стала фактически столицей страны, хотя номинально столицей продолжал считаться Самарканд, где происходила коронация ханов на «Сером камне».

Хидая (б. руководство) — классический сборник по мусульманскому законоведению ханифитского толка. Составил его ферганский уроженец Бурхан ад-дин Али б. Абу Бекр ал-Фергани ал-Маргинани ар-Риштани (ум. в 593/1197), он был из сел. Риштан в районе Маргинана.

Исфара — населенный пункт на одноименной реке в Ленинабадской области ТаджССР.

Шери — мера расстояния около двух километров.

Кари — мера длины около 70 *см* (1 аршин).

Булук — единица административного деления, округ.

Варух — населенный пункт в верховьях реки Исфара, в Ленинабадской обл., ТаджССР.

Сух (Сох) — населенный пункт в верховьях одноименной реки южнее Коканда в Ферганской области, УзССР.

Мухаммед Шейбани хан, именуемый часто Бабуром просто «Узбек», — его противник (906/1500 — 915/1510). К 906/1500 г. Шейбани успешными союзами, активными военными действиями и другими средствами овладел Мавераннахром, вытеснив оттуда Бабура.

Алача хан — Султан Ахмед хан, дядя Бабура.

К стр. 14

Ташканд (Ташкент). Впервые достоверное упоминание о Чаче (Шаш, древнее наименование населенного пункта на месте Ташкента) имеется в китайских хрониках III в. Ранее всех упоминает название Ташкент в своем труде «История Индии» знаменитый узбекский ученый Абу Райхан ал-Бируни (ум. в 440/1048г.). В XV в. Ташкент входил в состав владения деда Бабура со стороны матери, Юнус хана.

Кабул — см. дальше примечание к 139б.

Ходжа Камал — по-видимому, имеется в виду современник Хафиза поэт Камал ад-дин Ходженди (ум. в 792=1390 г.).

Марал — подвид благородного оленя (семейство оленей Cervidae)

Бугу (буку) — марал, самец марала.

Канд-и Бадам (Канибадам) — районный центр Ленинабадской обл., ТаджССР, в переводе значит «Город миндаля».

Хурмуз (Ормуз) — небольшой остров у южных берегов Ирана юго-западнее современного порта Бендер-Аббас в проливе того же названия.

Хиндустан (Индостан) — персидско-таджикский географический термин — «страна индийцев», Индия.

Ахси (Ахсикет) — древний город Ферганы и столица в X в. Расположен был на правом берегу р. Сыр-Дарьи у впадения в нее Касан-сая (ныне сохранились лишь развалины).

К стр. 15

«Шуба из мерлушек...» — точный смысл этого места не ясен, данный перевод кажется наиболее соответствующим контексту.

Касан — населенный пункт на р. Касан-сай в Наманганской обл., УзССР.

Табулгу — по-видимому, гребенщик (Tamarix), дикорастущий кустарник с весьма твердой и тяжелой древесиной, в сыром виде тонущей в воде. В безлесной Средней Азии служит поделочным материалом.

Ябрух ас-Санам — мандрагора, южное ядовитое травянистое растение из семейства паслёновых с широкими листьями и толстым длинным корнем.

Аик-ути — «медвежья трава», то же, что мандрагора.

Михр-гиях — «любовная трава», другое название мандрагоры.

Юнус хан — дед (по матери) Бабура.

Джагатайские ханы — потомки второго сына Чингиза, Джагатая (Чагатая).

К стр. 16

Чачские луки, сделанные из дерева, славились тем что не боялись сырости, тогда как монгольские, клееные из небольших кусочков дерева и рога, отсырев, выходили из строя.

908 = 1502 — 1503 гг.

Понедельник 4 рамазана 899 = 8 июня 1494 г.

Гоньба голубей — забава, которой увлекались феодалы не только на Западе, но и на Востоке.

860 = 1456 г.

К стр. 17

Диван — в данном случае канцелярия. Слово имеет и ряд других значений:

1) государственная канцелярия, высший правительственный орган и отдельные ведомства;

2) официальный прием;

3) высший чиновник гражданской администрации (сокр. от сахиб диван, т. е. возглавляющий высшее ведомственное учреждение);

4) сборник стихотворений поэта, состоящий из газалей с рифмой на все буквы арабского алфавита от алифа до я́й.

Ханифит — последователь одной из четырех канонических школ мусульманского законоведения, ханифитской, основанной имамом Абу Ханифа (ум. в 150=767 г.).

Мурид — последователь суфийского наставника — муршида (пир, шейх), готовящийся к вступлению в суфийское дервишское братство.

Ходжа Убайд Аллах Ахрар (ум. в. 895=1489 г.)—один из наиболее реакционных представителей среднеазиатского дервишества, игравший значительную, но неблагодарную роль в политической и культурной жизни Самарканда во второй половине XV в.

Пятерица (араб. Хамса) — литературное произведение из пяти поэм. Наиболее популярны на Востоке Пятерицы поэтов Низами (XIII в.), Хосрова Дихлеви (XIV в.) и узбекского классика Алишера Навои (XV в.).

Месневи — двустишие, отсюда собирательно — поэтическое произведение из двустиший.

Ш а х-н а м е — героический эпос Ирана и Таджикистана, объединенный в XI в. в поэму под этим названием великим поэтом Фирдоуси.

Х о р а с а н — весьма неопределенное в отношении границ географическое понятие. В разные периоды в Хорасан входили области от Герата до Западного Ирана. Ныне — сев.-вост. провинция Ирана, пограничная с СССР, с главным городом Мешхед.

Й и г и т — удалец, молодец.

Н а р д — распространенная, особенно в Закавказье и Иране, игра; заключается в бросании костей и передвижении затем по особым ячейкам фигур, напоминающих шашечные. Схожа с европейской игрой трик-трак.

К стр. 18

Т е к е-с а г р а т к а н — буквально «козел прыгнул» смысл названия ясен из контекста.

Х а в а с — населенный пункт Ленинабадской обл., ТаджССР, у станции Урсатьевская Среднеазиатской жел. дор.

У р а-Т е п а — очень древний город в предгорьях Туркестанского хребта, теперь районный центр Ленинабадской обл., ТаджССР.

С а й р а м — позднейшее название селения в бассейне р. Арысь, правого притока р. Сыр-Дарьи, в окрестностях которого находятся руины древнего Исфиджаба (Испиджаб), центра одноименной обширной области.

Ч и р ч и к (Чир, Парак)—правый приток р. Сыр-Дарьи, в долине которого расположен гор. Ташкент (Шаш, Чач).

К стр. 19

Б а л х —современный город на одноименной реке в Сев. Афганистане. В древности на его месте был город Бактры, столица Бактрианы.

Ш а х И с м а и л — основатель персидской династии Сефевидов (907 = 1502—930 = 1524), в сражении под Мервом в ша'бане 916 = декабре 1510 г. нанесший поражение Шейбани хану.

М е р в — один из древнейших городов Средней Азии, руины которого находятся в 30 *км* восточнее гор. Мары, Туркменской ССР, в древности — столица области Маргианы.

К у н д у з — город на правом берегу реки Сурх-Аб (Кундуз), левого притока р. Пяндж, в провинции Каттаган Афганистана.

К у к е л ь т а ш — молочный брат. Кукельташи весьма почитались и часто приравнивались к ближайшим родичам.

Х у т т а л а н или Хуттал — область между реками Пяндж и Вахш; важнейшая часть ее находится в районе современного Куляба, по долине реки Куляб-Дарья, ТаджССР.

«...во время безвластия...» Под временем безвластия Бабур подразумевает те периоды, когда он не распоряжался каким-либо владением.

К стр. 20

У л у г б е к — внук Тимура, знаменитый узбекский астроном и ученый (см. дальше примеч. к странице 57).

И р а к — по-видимому, имеются в виду юго-западные провинции Ирана.

Тебриз (Тавриз) — главный город третьего астана (области) Ирана, центр Иранского Азербайджана.

Шираз — главный город седьмого астана в Иране, центр Фарса.

Нукер — термин, близкий по значению к русскому «дружинник».

Улус — термин, означающий как народ, так и населяемую им территорию; употребляется в смысле «удел», «владение».

Туман — (основное значение — 10 000) — как термин обозначал крупную войсковую часть, которая подразделялась на хазара (тысяча), сада (сотня), даха (десяток). Позже на этой основе возникло административное деление территории на туманы — округа, с которых вербовались 10 000 (обычно менее) воинов, либо собирались налоги на содержание такого количества их.

Сагаричи (Сагардж) — ныне руины на сев.-зап. от Самарканда, ниже по Заравшану, в 4 км от Янги-Кургана. При Тимуридах и несколько позже был центром одноименного тумана.

К стр. 21

Кандахар — город и область в Афганистане. Происхождение названия восходит к Гандхаре. Первая столица афганского государства (1747), ныне главный город одноименной провинции.

911 = 1505 — 1506 гг.

Хайдар мирза — полное имя его Мухамед Хайдар мирза Гурган Дуглат (ум. в 958=1551 г.) — автор другого, менее известного тома мемуаров под названием «Тарих-и Рашиди».

Искандер, сын Файлакуса — искаженное от Александр, сын Филиппа, Македонский.

Ханике хан, т. .е ханич, ханский сынок.

К стр. 22

Калмаки — название тюркского племени, но часто «калмаками» именуют калмыков.

К стр. 23

Ишик-ага — господин (дворцовых) дверей, камергер; одна из высших должностей при дворе Тимуридов.

Шигаул (шагаул) — главный писец; он мог также выполнять роль курьера.

Дизак (Джизах, Джизак) — населенный пункт Самаркандской обл., УзССР.

Абу-л-Касим Бабур (Бабер), сын Байсункар мирзы, внук Шахруха — правитель из династии Тимуридов (ум. в 861=1457 г.).

Каучин — тюркский род.

Хума (Гумаюн, Феникс) — легендарная птица. По поверью, человек, осененный тенью ее крыльев, якобы обретает счастье.

К стр. 24

Чавган — деревянный молоток на очень длинной рукоятке, употребляемый для игры в поло (поло — от тибетск. «пулу» — мяч).

Масча (Матча) — горный район и населенный пункт в верховьях р. Заравшан в Ленинабадской обл., ТаджССР.

Хусрау шах — один из мелких владетелей в период последних Тимуридов, переходивший со своими отрядами то к одному, то к другому из враждовавших между собой претендентов на власть.

910 = 1504 — 1505 гг.

Хазарейцы (Хазара) — монголы по происхождению, говорящие на таджикском (персидском) языке; основное по количеству население Афганистана. Название происходит от хазар (отсюда хазара, см. прим. к стр. 20) — тысяча.

Хумаюн — сын и наследник Бабура.

К стр. 25

Тагай (Тагаи) — дядя по материнской линии.

«...и умер», в подлиннике «стал соколом», т. е. душа его улетела к небу, как сокол.

Яда (нефрит), которому поверье приписывало многие чудодейственные свойства, в том числе способность вызывать дождь.

Лагари — прозвище «Тощий».

К стр. 26

Чар-баг — букв. «четыре сада», т. е. виноградник, фруктовый сад, парк и огород (баштан); здесь — загородный сад с дворцом.

5 рамазана 899 = 9 июня 1494 г.

Намазгах — место для молитвы, большая загородная площадь.

Узгенд (Узген) — древний город Ферганы (в X в. был столицей государства Караханидов), теперь районный центр Ошской обл., КиргССР.

Кази (казий) — судья.

Куба — современный Кува, центр одноименного района Ферганской обл.

К стр. 27

Тархан (от тюрк. тар — подарок и хан) — лицо, за особые заслуги освобожденное от повинностей и имеющее ряд других льгот.

Хотан — оазис с одноименным городом по среднему течению р. Тарим, в южной части Синьцзяна.

К стр. 28

Шавваль 899 = 5 июля — 3 августа 1494 г.; середина месяца — 19 июля.

855 = 1451 г.

К стр. 29

Замин — старый населенный пункт по течению р. Замин-Су (юго-восточнее Джизаха), в Самаркандской области.

К стр. 31

Ханзаде (ханзада) — в точности соответствует русскому «царевич» (в данном случае, как мы видим, царевна).

Тахаллус — литературный псевдоним, включаемый в конечный стих каждого произведения поэта.

Мухтасиб — в средние века лицо, ведавшее полицией нравов, т. е. хисбат. На его обязанности лежал обход в сопровождении помощников улиц, базаров и наблюдение за тем, чтобы купцы не обмеривали покупателей: мухтасиб также наблюдал за нравственностью горожан; наказание нарушителям (обычно палочные удары) следовало тут же.

К стр. 32

Оглакчи — участник козлодрания (улак, кок-бура, байга). Очевидно, успех в этом спорте закреплялся соответствующим прозвищем.

Кобуз — род музыкального инструмента.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

К стр. 33

Дабусия — древняя крепость (Кала-и Дабуси), от которой сохранились развалины около сел. Зиаддин, возле Самарканда.

Аргун — тюркское племя.

Уйгур — название древнего тюркского народа (вернее союза тюркских племен, обитавших в Восточном Туркестане).

К стр. 34

Кок-Сарай — один из дворцов, описание которого дает далее сам автор (на стр. 50).

К стр. 37

Раби' II 900 — январь 1495 г.
857 = 1453 г.

К стр. 38

Дирхем — серебряная монета неопределенной ценности, первоначально соответствовала 1/20 части динара, т. е. примерно около 20 коп. золотом.

Андхуд (Андхой) — город в области Меймене (Сев. Афганистан), около которого находятся развалины некогда большого города.

Кафиристан (совр. Нуристан) — сев.-вост. горный район Афганистана, некогда населенный кафирами, т. е. немусульманами.

Тугра — обычно выполненный в виде вязи шифр из имен и титулов султана, помещаемый в начале дипломов, фирманов (указов).

Гази — «победитель неверных».

К стр. 39

Хиндукуш — отроги Гималаев, юго-восточнее Памиров (Кух-и Бобо, Сиях Бабук, Парапамиз).

К стр. 40

Аму-Дарья. В X в. у Бируни река носит название Вахш, Вахш-Аб, по имени гения (малак) воды — Вахш. Теперь это название сохранилось только за ее правым притоком, ниже слияния которого с р. Пяндж река получает название Аму-Дарья.

К стр. 42

Б а р л а с — тюркский род, из которого происходил Тимур.

К стр. 43

Х у т б а — молитва, содержащая прославление правящего государя, которую читает в соборной мечети хатиб (чтец, имам); также называется молитва о вступлении нового государя.

Ша'бан (900) = 27 апреля — 6 мая 1495 г.

«...в о з в е с т и в а л ы...» — сооружения у стен осажденного города, господствующие над ним, чтобы не давать возможности находящимся в осаде высовываться из-за стен и обстреливать осаждающих.

Шавваль 900 = 25 июня — 24 июля 1495 г.

«...повесив меч и колчан на шею...» — в знак покорности.

К стр. 44

К у т а с (котас) — горный бык.

Х а л и ф а — точнее Низам ад-дин Али Халифа — соратник Бабура, достигший позже больших постов в его администрации в Хиндустане.

908 = 1502 — 1503 гг.

К стр. 46

901 = 1495 — 1496 гг.

Б а х ш и—тюрко-монгольское слово, имеющее два значения: 1) воинский казначей и писец; 2) придворный лекарь (позже — знахарь, занимающийся лечением с помощью заговоров).

К стр. 47

К а р а-Т е г и н — до недавнего времени район в ТаджССР, в верховьях р. Вахш-Сурх-Аб, с центром Гарм; ныне этот горный район в особую административную единицу не выделяется.

Рамазан (901) = май — июнь 1496 г.

К стр. 49

Д а р б а н — привратник.

Б а к а у л — особо доверенный слуга, пробовавший пищу, прежде чем ее подадут государю.

Рамазан 901 = 14 мая — 13 июня 1496 г.

К стр. 50

К а р ш и (древн. Нахшеб, Несеф) — областной центр УзССР.

Ш а р б а т ч и — кравчий.

К стр. 51

Шавваль 901 = 13 июня — 12 июля 1496 г.

4 шавваля 901 = 16 июня 1496 г.

Кухак — старое название реки Зарафшан.

Мулла Беннаи — о нем дальше расскажет сам Бабур в главе о замечательных людях его времени (стр. 204 и сл.).

Мухаммед Салих—историограф Шейбани хана, написавший Шейбани-наме.

Шираз — в данном случае имеется в виду не одноименный город в Иране, а центр Ширазского тумана под Самаркандом.

К стр. 52

902 = 1496 — 1497 г.

К стр. 53

Рамазан — название 9-го месяца мусульманского лунного календаря; месяц поста, в 902 г. падает на период 3 мая — 2 июня (1497 г.).

Даруга (монгольский термин) — правитель, градоначальник. При Тимуре и Тамуридах — комендант города, имевший и полицейские полномочия (иногда назывался шихне).

Курук (куруг) — 1. Место, запрещенное для посторонних, предназначенное для царских особ с семейством. Заповедник. 2. Занятие местности для летней кочевки ханов.

Ям — населенный пункт Самаркандской обл. (у ст. Ломакино Ср. Аз. ж. д., восточнее Джизака).

Хиабан (хиаван) — место общественных прогулок, бульвар с аллеями вдоль арыков (оросительных канав).

Садр — одно из высших званий при Тимуридах.

К стр. 54

Чапук — «украшенный шрамом».

Курух — мера расстояния, приблизительно около 2 *км*.

Юрт — территория для кочевья, место стоянки; в данном случае ханское кочевье и лагерь.

Ургут—населенный пункт Самаркандской области, юго-восточнее г. Самарканда.

Среда, 1 рамазана 902 = 3 мая 1497 г.

К стр. 56

Волчий мир — вынужденный мир.

Чаршанбе—означает среда (день недели).

К стр. 57

903 = 1497 — 1498 гг.

К стр. 58

Мискин — бедняк, беспомощный.

В созвездие Весов (Мизан) солнце вступает 24 сентября.

К стр. 59

Раби' 1 903 = 28 октября — 27 ноября 1497 г.

Указанные Бабуром координаты Самарканда (40° 40′ ш. и 99° 56′ д.) трудно согласовать с существующими, т. к. пока не установлено, от какого меридиана вели средневековые географы отсчет. (Действительные координаты — 39°,7 с. ш. и 67°,0 в. д.).

Осман — третий «правоверный халиф» (23 = 644 — 35 = 656).

Кусам ибн Аббас — двоюродный брат Мухаммеда, убитый, якобы, вскоре после прибытия в 56=676 г. в Самарканд. До недавних пор его гробница—Шах-и Зинда (Живой царь) служила объектом поклонения.

Симизкент — букв. «Жирный город».

Сунниты — мусульмане, признающие наряду с Кораном также сунну в качестве религиозно-законоведческого авторитета. [Сунна (араб. предание, обычай) — созданное в первые века ислама собрание преданий о действиях и поступках Мухаммеда (т. н. хадисы, см. примеч. ниже к Сахих Бухари.)].

Шииты, добавляя к хадисам и известия о деяниях имамов (первых потомков дочери Мухаммеда), отличаются от суннитов еще тем, что признают «правоверным халифом» только 4-го — Али.

Шейх Абу Мансур Матуриди — средневековый теолог (ум. в 332=944 г.) уроженец вышеназванного Матурида.

Сахих Бухари — имеется в виду авторитетный на Востоке «Истинный сборник», составленный теологом Абу Абд Алла Мухаммед б. Исма'ил ал-Бухари (ум. в 256=870 г.). Он содержит хадисы (предания) о словах и поступках, приписываемых Мухаммеду.

Абу Ханифа — «Великий имам». Ну'ман б. Сабит (ум. в 150=767 г.), известный мусульманский законовед, основатель школы ханифитов и автор сочинения «Великий фикх» (Великое законоведение).

К стр. 60

«И вот воздвигает Ибрахим основы...»—цитата из Корана (гл. 1, ст. 24).

К стр. 61

Медресе (мадраса) — высшее мусульманское духовное училище.

Ханака — обитель дервишей, странноприимный дом.

Ислимские узоры — род орнамента, употребляемого главным образом для резьбы по дереву.

Кибла (кыбла) — направление, куда обращаются мусульмане лицом во время молитвы (Мекка).

Обсерватория Улуг бека функционировала в первой половине XV в. в Самарканде. Построена была в 1434 г. великим узбекским ученым Улугбеком.

Гургановы таблицы (окончены в 847=1444 г.)—известные астрономические таблицы, в составлении которых принимали совместно с Улугбеком участие астрономы Казизаде Руми, Гияс ад-дин Джемшид, Али Кушчи. Название таблицы получили по титулу Улугбека «гурган».

Насир ад-дин Туси—известный ученый и астроном (ум. в 672=1274 г.); им переведены на персидский язык «Начала» Эвклида и «Алмагест» Птолемея.

Марага — город в Иране, в 35 *км* на восток от оз. Урмия, прославившийся построенной Хулагу (XIII в.) обсерваторией; здесь Насир ад-дин Туси вел наблюдения и написал свои таблицы «Зидж-и Ильхани», посвященные Ильхану Хулагу.

Хулагу хан (654=1256—668=1265)—основатель династии персидских монголов, получивших название Хулагуидов.

Ма'муновы таблицы — переработка звездного каталога из «Алмагеста» знаменитого древнегреческого астронома Клавдия Птолемея (араб. — Битлимус, ок. II в. до н. э.), сделанная известным узбекским астрономом Мухаммедом б. Муса ал-Хорезми (IX в.) в Багдаде для халифа Ма'муна (198=813 — 218=833), которому они и посвящены.

Бикрамаджит Хинду (индиец), точнее, Викрамадитья (Викрама) — царь Уджайны в Западной Индии, у северного склона хребта Виндхья. В 544 г. им была одержана победа над иноземными врагами, в память чего он установил новое летоисчисление (эру), носящее его имя. Начало его было отнесено на 600 лет назад от года победы, т. е. на 56 г. до н. э. Этой эрой пользуются в некоторых местах Индии поныне.

Упоминаемый Бабуром 1584 г. по этому летоисчислению соответствует 1528 (934) г.

Чил-Сутун — Сорок колонн.

К стр. 62

Чини — фарфор.

Самаркандская бумага. Лучшая на Среднем Востоке бумага в средние века (расцвет производства падает на XV — XVI вв.) была из Самарканда и носила название самаркандской. Доныне сохранились во многих коллекциях рукописи на этой бумаге, не утратившей своих превосходных качеств и прочности.

Малиновый бархат и темно-красного цвета известен был и на Руси (под названием «бархат червчатый»).

В Средней Азии до недавних времен был принят расчет при распределении драгоценной для поливов воды мерой в виде количества, необходимого для работы водяной мельницы в один жернов.

К стр. 64

Кисра — титул персидских царей — Сасанидов (Хосрой, Хосров), правивших в Иране до 625 г. н. э.

Миср — Египет.

Шам — Сирия.

К стр. 65

Тарих — хронология, дата, история; в данном случая стихотворение-хронограмма, числовое значение букв двух его слов (Аббас кушт — Аббас убил) составляют дату события — 853 (= 1449) г.

К стр. 68

Раджаб 903 = 23 февраля — 25 марта 1498 г.

К стр. 70

Мирахур — конюший.

Рикабдар — стремянный.

Рамазан 903 = 23 апреля — 23 мая 1498 г.

К стр. 71

У б а д ж (Увадж) — одна из немногих переправ через Аму-Дарью у впадения р. Кафирниган.

К стр. 72

С а м а н ч и — хранитель обиходных предметов при дворе государя.

К стр. 73

Б а м и а н — река и урочище (до монголов и город) в 150 *км* на сев.-запад от Кабула; из этой высокогорной долины ведут перевалы через Хиндукуш, которыми проходили все завоеватели Индии.

К стр. 74

904 = 1498 — 1499 гг.

К стр. 77

Д а с т а р п е ч — особый слуга, в обязанности которого входило наматывание чалмы своему господину.

М а н г и т — тюркское племя, родственное ногайцам.

К стр. 79

Зу-л-ка'да 904=10 июня—10 июля 1499 г.

К стр. 82

905 = 1499 — 1500 гг.
18 мухаррама 905 = 24 августа 1499 г.

К стр. 84

10 мухаррама 905 = 17 августа 1499 г.

К стр. 85

Н а с т а л и к — род почерка.

К стр. 89

Н а м а н г а н — город на правом (северном) берегу Сыр-Дарьи; ныне — центр одноименной области УзССР.

К стр. 90

Конец раджаба 905 = конец февраля 1500 г.

К стр. 91

Ша'бан 905 = 2 марта — 31 марта 1500 г.

К стр. 92

Данак (данг)—мелкая разменная монета 1/6 дирхема. Как мера веса — около 0,5 *г*. Дирхем (дирам, из греч. «драхма») — серебряная монета, содержавш около 3 г серебра; как мера веса — 3,15 г.

Фельс — мелкая медная монета.

К стр. 93

Зу-л-ка'да 905 = 29 мая — 28 июня 1500 г.

К стр. 96

906 = 1500 — 1501 гг.

К стр. 100

Дастархан — угощение и скатерть, на которой оно подается.

«Они убивали узбеков на улицах камнями и палками» — под узбеками здесь подразумеваются враждебные Бабуру кочевые узбекские племена, пришедшие с Шейбани ханом.

К стр. 102

Миянкал (Миянкаль) — большой остров в среднем течении Зеравшана (ниже Самарканда), образуемый двумя его рукавами—Ак-Дарья и Кара-Дарья, длина острова около 100 *км*.

К стр. 103

Касида (касыда) — ода, поэма (обычно более 15 стихов) панегирического или дидактического содержания.

Газаль (газель) — короткое лирическое стихотворение.

Амаль — разновидность музыкального произведения

Радиф (редиф) — б. «последователь»; в стихосложении так называется слово, непосредственно следующее за рифмой (кафия) и являющееся как бы второй, незаменяемой ее частью.

Руба'и — четверостишие, точнее строфа, состоящая из четырех полустиший.

К стр. 104

Барин — тюркский род.

Шаввал 906 = 20 апреля — 19 мая 1501 г.

К стр. 105

«Легкомысленный быстро...» — стих из Бустана. Са'ади.

К стр. 106

Тулгама — тюркский военный термин, обозначающий нападение во фланг или в тыл неприятеля (фланкирование), сочетающееся со стремительной атакой в лоб (подробно об этом пишет сам Бабур ниже).

К стр. 111

907 = 1501 — 1502 гг.

К стр. 115

Аб-и Бурдан (Обурдан) — населенный пункт на Зеравшане, в Ленинабадской обл., ТаджССР.

Стих: первые две строки взяты из Бустана, а остальные из Гулистана поэта Са'ади.

К стр. 116

Праздник жертвы (ид ал-адха, ид ал-курбан) приходится на 10 зу-л-хиджжа.

К стр. 117

Кутас — горный бык, в данном случае — хвост этого животного, прикрепленный к знамени (бунчуку).

К стр. 119

908 = 1502 — 1503 гг.

К стр. 120

Хитай (Хатай) — Северный Китай.

Стих: Гулистан, Са'ади, изд. М., 1957, стр. 264.

Турфан — город и оазис в Китайском Туркестане (Синьцзяне).

Старший хан — дядя Бабура, Султан Махмуд хан, Ханике хан; он был казнен по приказу Шейбани хана в 914 = 1508 г. вместе с пятью малолетними сыновьями.

Младший хан — другой дядя Бабура, Султан Ахмед хан, Алача хан, старший сын Юнус хана (ум. в 909 = 1504 г.).

К стр. 121

Шестопер — булава с набалдашником в форме пучка перьев, сделанных из серебра и золота; на Руси был почетным оружием.

К стр. 122

Андукан — древнее название Андиджана.

Урчин (орчин) — владение или округ.

К стр. 124

Уран (тюрк.) — военный клич, пароль для опознавания своих в бою. Все тюркские кочевые племена имели передававшиеся из поколение в поколение, собственные ураны.

К стр. 125

Гушагир—приспособление для надевания тетивы на конечные зарубки лука.

К стр. 126

Лангар — обитель отшельника.

К стр. 131

Фарджия — короткая куртка без рукавов.

К стр. 134

Сай — галечниковое ложе горной реки, обычно пересыхающей в жаркий безводный период (ср. арабское «вади»).

К стр. 136

Кушчи — сокольничий.

К стр. 137

Рак'ат — часть мусульманского молитвенного обряда, состоящая из стояния (киям), поясного поклона (рук'ат) и двух земных поклонов (суджуд), Пять дневных обязательных молитв мусульманина состоят каждая из определенного числа рак'атов.

О событиях года девятьсот девятого в подлиннике ничего не говорится.

К стр. 141

Мухаррам 910 = 14 июня — 14 июля 1504 г.

К стр. 145

Стих: Гулистан, Са'ади, гл. 1, рассказ 3 (стр. 49).

К стр. 147

Раби' I 910=12 августа—11 сентября 1504 г.

Гари — значение слова объясняет сам автор на стр. 333.

К стр. 147—148

В кавычках — цитата из Корана, глава 111, стих 25.

К стр. 149

Сухейл — Канопус или альфа в созвездии Киля, вторая после Сириуса звезда по яркости. На Среднем Востоке (особенно в Афганистане) символизирует юг; вообще весьма почитаемая звезда.

Никудари—монгольское племя по происхождению, первоначально оно составляло отряд джагатайского царевича.Никудара, бывшего на службе у Хулагу, но потом отложившегося. Он поселился со своими воинами к западу от Кабула; к их потомкам причисляют себя никудары.

К стр. 151

Конец раби' I 910 = первая декада сентября 1504 г.

К стр. 152

Кадамгах — след ноги (Ходжа Хизра).

К стр. 153

Рум. Средневековые восточные авторы так именовали Византию, впоследствии это название распространилось на Малую Азию.

То есть купцы не довольствовались прибылью в 300—400%.

Чин — Китай.

Амлук (кара емиш), — род ягод похожих на вишню.

К стр. 154

Высота перевала Базарак—5300 *м*, Тул — ок. 4000 *м*, Хавак — 3800 *м*.
Перевал Шиберту — ок. 3200 *м*.

К стр. 155

Хайберские горы прославлены одноименным проходом на пути между Кабулом и Пешаваром (Дакка—Джамруд). Этим горным путем пользовались неоднократно завоеватели Хиндустана, начиная с Александра Македонского, Махмуд Газневид (X в.), Тимур (XIV в.) и, наконец, Бабур.

Синдом Бабур называет реку Инд, в нижнем течении которой лежит провинция Синд.

Афганцы — название впервые упоминает историк XI в. Мухаммед ал-Утби (Отби) в своей Тарих-и ал-Утби, посвященной истории правления Махмуда Газневида (383 = 998 — 421 = 1030).

Парган а — то же, что и туман, орчин.

К стр. 156

914 = 1508 г.

«....водоем площадью 10 на 10....» — здесь кари, т. е. около 10 × 10 *м*; такого рода водоемы делались обычно для ритуальных омовений

Кух-и Сафид — Белая гора.

К стр. 158

Мир Сейид Али Хамадани — известный теоретик суфизма (ум. в 786 = 1384 г.).

925 = 1519 г.

К стр. 159

Летающие лисицы — летяги, грызуны из группы беличьих; распространены в передней Индии.

Луче (бу-каламун, хамелеон) — гималайский петух.

К стр. 161

Аргуван (аргаван) — багряник, иудино дерево, растущее в виде деревца или кустарника.

Се-Яран — три друга (Аллаха), т. е. трое святых.

Суфа — глинобитное, каменное или деревянное возвышение, покрываемое коврами или паласами, на Среднем Востоке заменяет диван и т. п. мебель.

К стр. 162

Якуб б. Осман ал-Газнави ал-Чархи (ум. в 851 = 1447 г.) — известный суфий, учитель Ходжи Ахрара.

Газни (Забул и Забулистан) — город в 135 *км* юго-западнее Кабула. В предместиях города находятся развалины древнего Газни, столицы Газневидов (X в.).

Сабуктегин Газневид (366 = 977 — 387 = 997).

Султан Махмуд, Газневид (388=998—421=1030), по словам историка, 17 раз опустошал Индию на грани X—XI вв.

Шихаб ад-дин (Му'изз ад-дин Мухаммед) Гурид, правивший областью между Гератом и Газной; с перерывами управлял в Газни, Синде, Лахуре и Гуре с 569 = 1173 по 602 = 1205 г.

Табакат-и Насири — название известного сочинения по всеобщей истории на персидском языке; написана в XII в. историком Минхадж ад-дин б. Сирадж ад-дин Джузаджани (664 = 1266).

Кариз (канат) — сооружение для вывода грунтовых вод с предгорий подземными каналами с целью орошения полей.

Рауза — гробница.

К стр. 163

Муджавир — дервиш, живущий при мазаре (гробнице).

Рай — титул индийского правителя.

К стр. 165

В Кабул т. о. входили следующие туманы: Нингнахар, Алишенг, Алангар, Мандравар, Кунар (с Нур-Галом), Ниджрау, Панджхир (Панджшир), Гурбанд, Кух-и Даман (с Кухистаном), Лухугар с (Кабулом), Газни, Зурмут, Фармул и Бангаш, всего 14 туманов.

Лак — 100 000.

Рупия — 2 1/2 шахрухи,

Шахрухи = ок. 40 коп. золотом.

Нилгау — антилопа (о животных см. дальше в описании флоры и фауны Хиндустана).

Харвар — мера веса; груз, поднимаемый одним ослом. В разные периоды и в зависимости от местности имел вес от 80 до 300 *кг*.

Почерк бабури — по-видимому, разновидность тайнописи.

Ша'бан (910) = 7 января — 5 февраля;
Солнце вступает в знак Водолея 22 января.

К стр. 166

Кулан (джигетай) — дикий осел.

Кариш — мера длины, размах рук, т. е. около 2 *м*.

К стр. 167

Кулан куйруги — «ослиный хвост» и кук-шибак — название каких-то трав с опьяняющими свойствами.

К стр. 168

Плетенка — судя по описанию, представляет собой вершу.

К стр. 169

«...подвластная мечу, а не перу» — т. е. присоединенная не силой оружия и не в результате мирного договора, а управляемая по законам военного времени.

Йоги — последователи одной из индийских религиозных систем, отличавшиеся суровой, аскетической жизнью.

К стр. 172

Исахайл — одно из главных афганских племен; Ниязаи — отдел этого племени.

К стр. 174

Науруз — новый год персидско-таджикского солнечного календаря, падает на день весеннего равнодействия — 21 марта.

К стр. 176

«...то, что произошло в Кахмерде». См. выше стр. 145.

К стр. 178

Зу-л-хиджжа 910 = 5 мая — 4 июня 1505 г.

К стр. 182

Мухаррам 911 = 4 июня — 4 июля 1505 г.
Хасбе — корь.
Табиб — врач.
Известие о смерти Ахмед хана, младшего хана (Алача хан), таким образом, пришло с запозданием. Он умер в конце 909 = середине 1504 г. в Кашгаре.

К стр. 183

По историческим хроникам известно землетрясение в Агре 3 сафара 911 = = 5 июля 1505 г.

К стр. 185

Тамга — сбор или пошлина за товары. Название происходит, видимо, от деревянной печати, которой помечали в особых пунктах оплаченные пошлиной товары, скот и т. п.

К стр. 186

Ша'бан 911 = январь 1506.
Курбеги — ведающий арсеналом.
Пахр — название (в Индии) одной из восьми частей суток, т. е. три часа.
Мубашшир — глашатай, добрый вестник.

К стр. 188

13 рамазана 911 = январь—февраль 1506 г.

К стр. 189

Зу-л-хиджжа 911 = апрель—май 1506 г.
842 = 1438 — 1439 гг.
Бадка биким — уменьшительное от Бади' ал-джамал биким.

К стр. 190

Мулла Джами (Нур ад-дин Абд ар-Рахман Джами) — классический поэт Таджикистана и Ирана. Родился в Джаме, в окрестностях Герата в 817 = = 1414 г. и умер в большой славе в Герате в 898 = 1492 г. Автор многочисленных поэтических и прозаических произведений, в том числе «Веяния дружбы из садов святости».
Ка'ба — храм в Мекке, к которому совершается паломничество мусульманами.

К стр. 193

Наджм-и Сани («Наджм второй») — прозвище Наджм ад-дин Яр Ахмеда, предводителя войск шаха Исма'ила Сефевида, пришедших в Мавераннахр, на помощь Бабуру в 1512 г.

Рафидиты — последователи одного из самых фанатичных направлений в шиизме.

К стр. 194

Чартак — б. «четырехгранный купол», мавзолей.

К стр. 195

Сеиды — потомки дочери Мухаммеда Фатимы, либо причисляющие себя к ним.

Кизилбаши — красноголовые, прозвище воинов шаха Исмаила Сефевида, носивших красные шапки, вокруг которых обвертывалась чалма.

Рана Санка (Ранасанга), Раджпут, оказавший наиболее серьезное сопротивление Бабуру в Хиндустане.

К стр. 196

Стих: Гулистан, Са'ади, стр. 126 (глава II, рассказ 31).

К стр. 197

Агаче — «отмеченная родинкой».

К стр. 198

Накш — вид музыкального произведения.
Пиширав — прелюдия.

К стр. 199

Найи — музыкант, солист на нае (флейта).
Уди — музыкант, солист на уде.
Устад Камал ад-дин Бехзад — выдающийся художник-миниатюрист XVI в.

К стр. 200

Кутб («Полюс») — имеется в виду высший руководитель мусульманских мистиков.

К стр. 201

916 = 1510 — 1511 гг.
«Дарман» — (ставший) между или среди.

К стр. 202

917 = 1511 — 1512 гг.

К стр. 203

Куш-беги — буквально: главный сокольничий; одна из высших придворных должностей.

Канун — вид цитры с 36 струнами; на инструменте играли, положив его на колени, металлическим плектором (кольцо с выступом), надеваемым на указательный палец.

К стр. 204

Суфий (суфи) — приверженец мистического учения в исламе.

К стр. 206

Са'ад ад-дин Мас'уд б. Ахмед Тафтазани — авторитетный средневековый ученый, философ и теолог (ум. в Самарканде ок. 791 = 1389 г.).

Муджтахид — знаток мусульманского законоведения, имеющий право толковать его сложные вопросы.

К стр. 208

«...будучи сыном вазира он употреблял тахаллус Асафи». Намек на легендарного Асафа, вазира царя Соломона, в честь которого поэт взял себе такой псевдоним.

«...так как его отцом был строитель» (строитель по арабски «бенна») — отсюда происхождение псевдонима.

Абд Аллах Хатифи — племянник знаменитого поэта Джами, тоже поэт (ум. в 927 = 1521 г.).

К стр. 209

«Семь красавиц» — знаменитая поэма Низами.

Муаммаи — «составитель муамма», шарад.

К стр. 210

Бадр ад-дин Хилали — поэт (ум. в 939 = 1532 г.).

К стр. 211

Гиджак — музыкальный смычковый инструмент, род скрипки.

К стр. 215

Мухаррам 912 = 24 мая — 13 июня 1506 г.

К стр. 217

Туман — 10 000 (в данном случае динаров)

Кебекским туман назван по имени Джагатаида Кебек хана (правил в Мавераннахре, 718=1318—726=1326), проведшего в начале XIV в. упорядочение денежного обращения.

Динар содержал 7,5 *г* серебра и делился на 6 дирхемов по 1,25 *г* серебра: стоимость динара колебалась от 50 до 75 коп. золотом.

К стр. 218

8 джумада II 912 = 26 октября 1506 г.

К стр. 219

Узбек — здесь подразумевается Шейбани хан.

К стр. 222

Чанг — музыкальный инструмент, род цимбал.

К стр. 223

Чаркуб — особо почетная, шитая золотом одежда, мантия.
Кахадстан — поле для скачек.
Суфа-и тир андазан — площадка стрелков из лука.
Чарг-уланг — соколиная поляна.
Пул-и Малан — мост через реку Малан (Малан—старое название р. Гери-Руд, на которой стоит г. Герат).

К стр. 224

Ака — старший брат или сестра.
Йанга — жена старшего брата.
7 ша'бана 912 = 23 декабря 1506 г.
«...показалась луна рамазана», т. е. наступило 1 число рамазана (15 января 1507 г.).

К стр. 229

Стих: «Соленая земля...» — Гулистан, Са'ади, гл. I, рассказ (стр. 53).

К стр. 236

913 = 1507 — 1508 г.

К стр. 237

Лак — 100 000.

К стр. 238

Кутб — полюс; в данном случае — средоточие суфийских добродетелей.

К стр. 239

Султан Али-и Мешхеди (XV в.) — знаменитый каллиграф, современник Навои.

К стр. 240

Камал ад-дин Бехзад (ум. ок. 943=1537 г.)—основатель так называемой «гератской школы миниатюрной живописи», замечательный портретист и иллюстратор восточных рукописей. Ему оказывал покровительство Алишер Навои и Султан Хусейн мирза.

Мимбар — кафедра в мечети, с которой произносится проповедь и хутба.

К стр. 242

Тавачи (таваджи) — один из высших придворных чинов, на нем лежало наблюдение за набором пополнения в войска, проведением казней уголовных преступников и т. п.

К стр. 243

Маймана (араб.), барангар (тюрк) — правый фланг, правое крыло.
Майсара (араб.), джавангар (тюрк.)—левый фланг, левое крыло.

К стр. 248

Джумада I 913 = 8 сентября — 8 октября 1507 г.

К стр. 249

4 зу-л-ка'да 913 = 6 марта 1508 г.
Той — свадьба, пир.

К стр. 250

914 = 1508 — 1509 г.

К стр. 251

О событиях года 914 = 1508 далее в рукописи ничего не содержится.

К стр. 252

925 = 1519 г.
О событиях годов 915 = 1509 — 924 = 1518 в рукописи ничего не сообщается.
1 мухаррама 925 = 3 января 1519 г.

К стр. 253

4 мухаррама 925 = 6 янвваря 1519 г.
5 мухаррама 925 = 7 января 1519 г.

К стр. 254

9 мухаррама 925 = 11 января 1519 г.

К стр. 255

14 мухаррама 925 = 16 января 1519 г.
17 мухаррама 925 = 19 января 1519 г.

К стр. 256

23 мухаррама 925 = 25 января 1519 г.
25 мухаррама 925 = 27 января 1519 г.
26 мухаррама 925 = 28 января 1519 г.
28 мухаррама 925 = 30 января 1519 г.

К стр. 257

3 сафара 925 = 4 февраля 1519 г.
5 сафара 925 = 6 февраля 1519 г.
7 сафара 925 = 8 февраля 1519 г.
Солнце находится в созвездии Рыб с 21 февраля по 22 марта.

К стр. 258

14 сафара 925 = 15 февраля 1519 г.
М а'д ж у н — укрепляющая и возбуждающая лекарственная смесь; конфортатив.

К стр. 259

16 сафара 925 = 17 февраля 1519 г.
З а ф а р-н а м е (точное Зафар-нама-и Тимури — Книга Тимуровых побед) — известный труд историка Тимура, Шараф ад-дина Али Езди, составлен в 882=1419 г.

К стр. 261

Ш и г а у л — тот, кто вводит посланников при аудиенции; церемониймейстер.
910 = 1504 — 1505 г.
Х у т б а — пятничная проповедь в мечети с поминанием правящего государя, читаемая хатибом (проповедник).
П а р ш а в у р (от древн. Пурушапура, Пешавар), — древний город, в 20 *км* к востоку от Хайберского перевала.

К стр. 262

К у р у р (крур, крор) — 500 000.
22 сафара 925 = 23 февраля 1519 г.
Б е л у д ж и — народ иранской языковой группы, входят в состав населения некоторых районов Ирана, Афганистана и Пакистана.

К стр. 263

1 раби' I 925 = 3 марта 1519 г.
2 раби' I 925 = 4 марта 1519 г.

Хиндал — сын Бабура, родился в 925 = 1519 г.; ум. в 958 = 1551 г.
Арак — водка.

К стр. 264

5 раби' I 925 = 7 марта 1519 г.

К стр. 265

Лули — цыган.
Колеса с ведрами — водоподъемная машина, т. н. чигирь.
9 раби' I 925 = 11 марта 1519 г.
Солнце вступает в созвездие Овна несколько позднее, 22 марта.

К стр. 266

11 раби' I 925 = 13 марта 1519 г.
Капанак — одежда, одеваемая во время дождя, плащ.

К стр. 267

15 раби' I 925=17 марта 1519 г.

К стр. 270

Худжра — келья, комната.
Рабат — караван-сарай, устраивавшийся обычно с благотворительными целями на трудных участках пути; подворье.
Мир-и шикар — егермейстер.
Мискал — мера веса, около 4,1 *г* (см. примечание к стр. 335).

К стр. 271

Мавзолей Султана — имеется в виду, очевидно, «Рауза» Султана Махмуда Газневида.

К стр. 272

8 раби' II 925=9 апреля 1519 г.
12 раби' II 925 = 13 апреля 1519 г.
17 раби' II 925=18 апреля 1519 г.
19 раби' II 925 = 20 апреля 1519 г.
21 раби' II 925 = 23 апреля 1519 г.

К стр. 273

Динг — птица-адъютант, марабу.

23 раби' II 925 = 24 апреля 1519 г.
25 раби' II 925 = 26 апреля 1519 г.
29 раби' II 925 = 30 апреля 1519 г.
15 джумада I 925 = 15 мая 1519 г.

К стр. 274

23 джумада I 925 = 23 мая 1519 г.
1 джумада II 925 = 31 мая 1519 г.
3 джумада II 925 = 2 июня 1519 г.
Джул-аб — род шербета, прохладительный напиток.
6 джумада II 925 = 5 июня 1519 г.
8 джумада II 925 = 7 июня 1519 г.

К стр. 275

Фикх — мусульманское законоведение.
12 джумада II 925 = 11 июня 1519 г.
17 джумада II 925 = 16 июня 1519 г.
25 джумада II 925 = 24 июня 1519 г.
8 раджаба 925 = 6 июля 1519 г.
11 раджаба 925 = 9 июля 1519 г.

К стр. 276

Харим — заповедное место, гарем.
17 раджаба 925 = 15 июля 1519 г.
23 раджаба 925 = 21 июля 1519 г.
29 раджаба 925 = 27 июля 1519 г.

К стр. 278

3 ша'бана 925 = 29 июля 1519 г
5 ша'бана 925 =31 июля 1519 г.
8 ша'бана 925 = 3 августа 1519 г.

К стр. 280

«..набрали много зубочисток.» По-видимому, это были иглы колючего растения гарак».
25 ша'бана 925 = 20 августа 1519 г.
27 ша'бана 925 = 22 августа 1519 г.
29 ша'бана 925 = 24 августа 1519 г.
5 рамазана 925 = 31 августа 1519 г.
8 рамазана 925 = 3 сентября 1519 г.
12 рамазана 925 = 7 сентября 1519 г.
13 рамазана 925 = 8 сентября 1519 г.
16 рамазана 925 = 11 сентября 1519 г.
19 рамазана 925 = 14 сентября 1519 г.

К стр. 281

21 рамазана 925 = 16 сентября 1519 г.
26 рамазана 925 =21 сентября 1519 г.
Последний день (30) рамазана 925 = 25 сентября 1519 г.

К стр. 282

Колоквинт — травянистое многолетнее растение из семейства тыквенных; применяется в медицине.

Яхни — кушанье, род жаркого или кавардака, иногда в виде холодного отварного мяса.

К стр. 283

Арафа — 9-й день месяца зу-л-хиджжа, в который паломники в Мекку останавливаются у горы Арафат; в данном случае — 2 декабря 1519 г.

К стр. 284.

14 зу-л-хиджжа 925 = 7 декабря 1519 г.

К стр. 285

1 зу-л-ка'да 925 = 25 октября 1519 г.

К стр. 286

17 зу-л-ка'да 925 = 10 ноября 1519 г.
18 зу-л-ка'да 925 = 11 ноября 1519 г.
Рубаб (ребек) — старинный трехструнный смычковый инструмент.

К стр. 287

23 зу-л-ка'да 925 = 16 ноября 1519 г.
25 зу-л-ка'да 925 = 19 ноября 1519 г.
1 зу-л-хиджжа 925 = 24 ноября 1519 г.

К стр. 288

19 зу-л-хиджжа 925 = 12 декабря 1519 г.
23 зу-л-хиджжа 925 = 16 декабря 1519 г.
27 зу-л-хиджжа 925 = 20 декабря 1519 г.
29 зу-л-хиджжа 925 = 22 декабря 1519 г.

К стр. 289

1 мухаррама 926 = 23 декабря 1519 г.

К стр. 290

Саранча — это одно из немногих упоминаний в восточных источниках об этом истинном биче народов средневековья.

Мухаррам 926 = 23 декабря — 22 января 1519 — 1520 гг.

Бабур родился 6 мухаррама 888 = 14 февраля 1483 г. (умер 6 джумада I 937 = =26 декабря 1530 г.).

16 мухаррама 926 = 7 января 1530 г.

Накш в ладу панджгах, и в ладу чаргах — виды музыкальных произведений.

16 мухаррама 926 = 7 января 1520 г.

К стр. 291

22 мухаррама 926 = 13 января 1520 г.

К стр. 293

С начала 926 (=конец 1520) по начало 932 (=конец 1525) г. в рукописи события не описаны.

1 сафара 932 = 17 ноября 1525 г.

Солнце в созвездии Стрельца находится с 21 октября по 22 ноября.

Хиндустан — как и везде у Бабура — страны южнее Хиндукуша, земли на Индийском субконтиненте.

К стр. 294

Ашрафи — золотая монета, соответствовавшая примерно червонцу.

8 сафара 932 = 24 ноября 1525 г.

17 сафара 932 = 3 декабря 1525 г.

Мухаммед Салих — автор «Шейбани-наме».

К стр. 295

Мубайин — стихотворное произведение Бабура законоведческого характера, содержащее материалы о его налоговой и экономической политике.

«Кто преступил клятву...» — цитата из Корана, глава 48, стих 10.

К стр. 296

28 сафара 932 = 14 декабря 1525 г.

1 раби' I 932 = 16 декабря 1525 г.

К стр. 298

14 раби' I 932 = 29 декабря 1525 г.

К стр. 299

Панипат — город в Панджабе, место знаменитой битвы (о ней см. дальше).

К стр. 300

Шатлут — очевидно ошибочно, вместо Сатладж.

К стр. 301

22 раби' I 932 = 6 января 1526 г.

К стр. 302

Стих: Гулистан, Са'ади, гл. I, рассказ 6 (стр. 67).

К стр. 305

13 джумада I 932 = 25 февраля 1526 г.
14 джумада I 932 = 26 февраля 1526 г.
25 джумада I 932 = 8 марта 1526 г.

К стр. 306

28 джумада I 932 = 11 марта 1526 г.
18 джумада II 932 = 1 апреля 1526 г.

К стр. 307

29 джумада II 932 = 12 мая 1526 г.

К стр. 309

8 раджаба 932 = 20 апреля 1526 г. (Битва при Панипате).

К стр. 310

Мустафа-и Руми = «Мустафа из Малой Азии, пушкарь».

К стр. 311

22 раджаба 932 = 4 мая 1526 г.

Алмаз. Очевидно, имеется в виду знаменитый «Великий могол», в необработанном виде весивший 787 каратов (в ошлифованном виде он уменьшился до 280 каратов).

К стр. 312

28 раджаба 932 = 10 мая 1526 г.
910 = 1504 г.
925 = 1519 г.
932 = 1526 г.

Табакат-и Насири—Насировы разряды; труд по всеобщей истории, который составил в 658 = 1260 г. Осман б. Сирадж ад-дин ал-Джузджани и посвятил его Насир ад-дин Махмуд шаху I Делийскому (644 = 1246 — 664 = 1265), откуда и его название.

К стр. 314

Пураби (Мулук аш-Шарк)—династия в Джаунпуре (правила с 796=1394 г.).
Танк — династия царей в Гуджерате (правила с 799 = 1396 г.).
Бахманиды — династия царей в Декане (с 748 = 1347 г.).
Халджи — династия царей в Малве (с 839 = 1435 г.).
Нусрат шах б. Ала ад-дин (вернее б. Хусейн) — областной правитель Бенгалии из дома Хусейн шаха (с 899=1493).
Рана Санка (Ранасанга)—см. далее примечание к стр. 363.
934 = 1528 г.

К стр. 319

«...шерсти у слона нет.» Не совсем точно: как известно, слон покрыт редкими короткими волосами.

«...один слон съедает корм двух караванов верблюдов». В данном случае имеется в виду общепринятая единица «караван», т. е. 7 верблюдов.

К стр. 320

Карг — носорог.
Коротконожка (кутах пайча) — аксис.
Киик — дикий козел.
Калахара — оленекозья антилопа; находимый в ее желудке «безоаровый камень»—высокоценившееся целебное средство.

К стр. 321

Нул (муш-и хурма)—пальмовая крыса.
Галакри — древесная мышь.
Тут — ягоды дерева шелковицы (тутовника).

К стр. 322

Шарак — по-видимому, вид скворца.
Пиндавали — певчая майна, вид скворца.
Уин-шарак — лесной скворец.

К стр. 323

Турачи (дуррадж) — куропатка.
«Шир дарам у шакарак» — У меня есть молоко и сахар!
«Бат мани туттилар» — Скорей, они поймали меня!
«Би-ш-шукр тадум ан-ни'ам» — Благодарность умножает милость!
Канджал — вид куропатки.
Пулпайкар — горная куропатка.

К стр. 324

Чилси — бамбуковая куропатка.
Шам — банкивский петух (из этого вида происходит домашняя курица).
Карча (курату) — трясогузка.
Харчал — дрофа (дрохва).
Чарз — стрепет (?).
Динг — индийский зобастый аист (марабу).
Сарас (тива-турна) — журавль.

К стр. 325

Манак — белошеий аист.
Бузак — белый ибис.

Газ-пай (гарм-пай) — пятнистоклювая утка.
Шахмург — хохлатая утка.
Зумадж — беркут или холзан.
Мата — лесная сорока.

К стр. 326

«Похожая на трясогузку» (сандулач) — трясогузка.
Карча (карлугач) — черный стрижок.
Куил (в Бенгалии — кукил) — тукановая кукушка.
«Вроде дятла» — цисса.
Водяной лев (тигр) — гребнистый крокодил.
Сипсар (сиах сар) — аллигатор.
Водяная свинья — гангский дельфин.
Гариал (гхариал) — гавиал, хариал — вид крокодила, священное животное индийцев.
Какка — краб(?)

К стр. 327

Амби (анбах, ам, нагзак) — манго.
Ходжа Хусрау—знаменитый поэт Амир Хусрау Дихлеви (ум. в 725=1325 г.).
Киле — сорт банана.

К стр. 328

Амли (анбли) — финики, тамаринд (хурма-и хинд).
Кадхил — хлебное дерево.
Бадхал — разновидность хлебного дерева.
Паниала — катафракта; плоды необычайно кислые.
Гулар — фиговое дерево, инжир.
Амла — миробалан.

К стр. 330

Наргил (нарджил, налир) — кокосовый орех.
Гиджак—смычковый музыкальный инструмент с шарообразным резонатором.
Тар — финиковая пальма.
Сангтара —сорт апельсинов.

К стр. 332

Галгал лиму — большой лимон.
Амридфал — севильский или горький апельсин.
Амалбид —сорт лимона.
Джасун (гархал) — гибискус китайский, розан китайский,
Канир — олеандр.

К стр. 333

Киюра — винтовое дерево, пандапус.

Распределение сезонов в Индии таково:

Летние месяцы

Чаит — Рыбы — с 21 февраля,
Байсах — Овен — с 22 марта,
Джет — Телец — с 22 апреля, — сильная жара;
Асарх — Близнецы — с 22 мая—сильная жара;

Дождливые месяцы

Саван — Рак — с 22 июня, — сильные дожди.
Бхадун — Лев — с 24 июля, — сильные дожди;
Ковар — Дева — с 24 августа;
Катик — Весы — с 24 сентября;

Зимние месяцы

Аган — Скорпион — с 24 октября.
Пус — Стрелец — с 23 ноября, сильные холода,
Маг — Козерог — с 23 декабря, сильные холода.
Фальгун — Водолей — с 22 января.

Фраза, отмеченная звездочками — *«шесть раз... шестьсот сорок раз»* — представляет собой примечание Бабура.

Фатиха — первая глава Корана, состоит из семи стихов.

Басмала (бисмила) —вступление, с которого начинается Коран и вообще всякое дело, сочинение и т. п., состоит из пяти слов.

К стр. 334

«В течение... восемьсот раз — примечание самого Бабура.

К стр. 335

В виде таблицы индийские меры веса выглядят так:

8 рати = 1 маша	ок. 0,2 *г*
4 маша = 1 танк = 32 рати	ок. 0,8 *г*
5 маша = 1 мискал = 40 рати	ок. 4,1 *г*
12 маша = 1 тула = 96 рати	10,2 *г*
14 тула = 1 сир	143,5 *г*
40 сир = 1 манбан	5,74 *кг*
12 манбан = 1 мани	73 *кг*
100 мани = 1 минаса	729,8 *кг*

100 крур (крор) = арб	1 000 000 000
100 арб = карб	100 000 000 000
100 карб = нил	100 000 000 000 000
100 нил = падам	100 000 000 000 000 000
100 падам = санг	100 000 000 000 000 000 000

К стр. 336

Солнце вступает в знак Тельца 24 апреля, в знак Близнецов 22 мая.
52 крура — 520 000 000, по-видимому, динаров.

К стр. 337

29 раджаба 932 = 11 мая 1526 г.

К стр. 341

Праздник шаввала — когда мусульмане разговляются после поста; **ид ал-фитр** — 1-е число этого месяца (932 = 11 июля 1526 г.).

К стр. 343

«Хумаюн доложил...» Следует иметь в виду, что ему было всего 18 лет от роду (род. в 913 = 1508 г.).
13 зу-л-ка'да 932 = 21 августа 1526 г.

К стр. 344

20 зу-л-ка'да 932 = 28 августа 1526 г.
Деревья амбли — финиковые пальмы.
Талар — открытое с одной стороны возвышение на столбах, род эстрады, устраиваемой для приема.
Ваин — колодец в особых, выложенных камнем, камерах.

К стр. 345

Айван — открытая с одной стороны терраса, здесь—напоминающие айван террасообразные подземные помещения.

К стр. 347

Убайд хан — очевидно, тогда еще ханич, Убайд Аллах: племянник Шейбани хана, на престол он вступил позже (940=1533—946=1539). В Бухаре правил тогда родной дядя Шейбани — Кучкунджи (910 = 1510 — 936 = 1530).
933 = 1526 — 1527 гг.
Мухаррам 933 = 8 октября 1526 г. 7 ноября.
23 шаввала 932 = 2 августа 1526.
15 мухаррама 933 = 22 октября 1526 г.

К стр. 348

8 сафара 933 = 14 ноября 1526 г.
24 мухаррама 933 = 31 октября 1526 г.

К стр. 350

15 сафара 933 = 21 ноября 1526 г.
Конец сафара 933 = начало декабря 1526 г.

К стр. 351

16 раби' I 1933 = 21 декабря 1526 г.
Чашнигир — пробующий пищу перед подачей государю.
Дастархан — здесь — скатерть.

К стр. 353

20 раби' I 933 = 25 декабря 1526 г.
29 раби' I 933 = 5 января 1527 г.
3 раби' II 933 = 7 января 1527 г.

К стр. 354

«...отдал крепость Гури Узбеку», т. е. Шейбани хану.
Сир — см. примеч. к 335 странице.

К стр. 355

8 джумада I 933 = 10 февраля 1527 г.
9 джумада I 933 = 11 февраля 1527 г.
14 джумада I 933 = 16 февраля 1527 г.

К стр. 357

22 джумада I 933 = 24 февраля 1527 г.

К стр. 358

23 джумада I 933 = 25 февраля 1527 г.
Асас — ночной страж.
Мухаррам 935 = сентябрь 1528 г.

К стр. 359

«душа побуждает ко злу» — цитата из Корана, гл. 12, ст. 53.
«Это — милость Аллаха»...» Коран, гл. 57, ст. 15.
Ихрам — одеяние мекканского паломника; одеяние кающегося, отрекшегося от мирских благ, от запретного.
«Не пришло ли время...» — Коран, гл. 57, ст. 21.
«Я раскаялся пред...» — Коран, гл. 7, ст. 140.

К стр. 360

«Люди исповедуют веру...» выражение не из Корана.
«Указующий путь...» — то же.
«Кто изменил это...» Коран, гл. II, ст. 177.
24 джумада I 933 = 26 февраля 1527 г.

К стр. 361

«Если умру с доброй славой — хорошо*...» стих из Шах-наме, Фирдауси.
Треножники на катках — осадные сооружения.

К стр. 362

13 джумада II 933 = 17 марта 1527 г. (день битвы при Канва).

К стр. 363

Рана Санка (Рана Санграм Сингх) — оказался наиболее сильным противником Бабура в Хиндустане. Это была интересная личность. Первый переводчик Бабура на английский язык. Эрскин вот что говорит о нем: «Рана был средней комплекции, но большой физической силы, хорошо сложен, с необычайно большими глазами... Ко времени своей гибели он представлял собой осколок воина: один глаз он утратил в ссоре с братом, одну руку — в бою с государями Лоди из Дихли; он хромал, так как нога была сломана пушечным ядром в другом бою, к тому же он насчитывал 80 ран от меча или копья в разных частях тела».

Победная реляция, составленная высокоученым Шейх Зайном в соответствии с установившимися канонами в этой области, представляет своей замысловатостью полную противоположность изящной простоте стиля самого Бабура.

«Они суть неверные...» — Коран, гл. 80, ст. 42.

«И отказался он...» — Коран, гл. 2, ст. 32.

Зуннар — особой расцветки пояс, который обязаны были носить иноверцы в мусульманских странах.

К стр. 364

«Да покинет его Аллах в день судный» — Коран, гл. 69, ст. 35.

«Возвестим им о пытке болезненной...» — Коран, гл. 3, ст. 20.

К стр. 365

«Когда приходит судьба...» — цитата не из Корана.

«Кто сражается за веру...» — Коран, гл. 29, ст. 5.

18 джумада II 933 = 17 марта 1527 г.

«Люди со слоном...» Имеется в виду вторжение абиссинца Абраха в 570 г. в Аравию, когда слон отказался везти его в Ка'бу (священный мусульманский храм в Мекке).

Ифриты — злые духи.

«Подобны они строению...» — Коран, гл. 61, ст. 4.

«Они — на правом пути...» — Коран, гл. 2, ст. 4.

«Это алифы в словах...» Арабская буква алиф (а) пишется в виде вертикальной линии, с утоньшением кверху (копье).

«Мы дали победу...» — Коран, гл. 48, ст. 1.

Чин Тимур султан б. Ахмед хан б. Юнус хан (ум. в 936/1530 г.), назван Бабуром «брат» потому, что у них общий предок — Юнус хан.

Сулейман шах б. Али б. С. Махмуд б. Абу Са'ид, Бадахшанский, (род. в 920/1514 г.; ум. в 997/1589 г.) назван «сыном» (ему было всего 13 лет) по общему предку — Султан Абу Са'ид мирзе.

Дастур — вазир, советник.

К стр. 367

«Гордость Та-Ха и Я-Син», т. е. гордость мусульман. Та-Ха — гл. 20, Я-Син — гл. 36 Корана; так же именуется иносказательно семья Мухаммеда.

К стр. 369

«В обитель гибели...»—Коран, гл. 14, ст. 33.

«Скажи ...из двух благодеяний...» Коран, гл. 14, стр. 52.

«А если весы его тяжелы...» — (Коран, гл. 101, ст. 54) — подразумевается вес его добрых дел.

«Истинная заря» — рассвет, в противоположность «ложной заре»—предрассветным сумеркам.

«...словно шерсть расчесанная...» — Коран, гл. 101, ст. 4.

К стр. 370

«В день битвы роса крови...» стих из Шах-наме Фирдауси. «Опустилась до Рыбы», т. е. до той рыбы, на которой, по арабскому поверию, покоится земля, «...слоев земли стало шесть, а неба — восемь», т. е. к земле и небу прибавилось по одному слою (по поверью небес — 7, а земных слоев — 5)

«Не унывайте...» — Коран, гл. 3, ст. 133.

«От Аллаха поддержка...» — Коран, 61, ст. 13.

К стр. 371

«Поистине даровали...» — Коран, гл. 48, ст. 1.

«Поддержит тебя Аллах...» — Коран, гл. 48, ст. 3.

«Разлетелись, словно...» — Коран, гл. 101, стр. 3

25 джумада II 933 = 29 марта 1527 г.

К стр. 372

Г а з и — воин за веру; победитель неверных.

Тарих победы под Дибалпуром дает год 930 = 1524. Описание событий этого года в рукописи отсутствует.

«...Тут было допущено некоторое нерадение», выразившееся в том, что было допущено бегство Рана Санка после поражения. (Он умер позже в том же 933 = 1527 г., по-видимому, не без содействия яда).

К стр. 374

9 раджаба 933 = 11 апреля 1527 г.

К а н и р — олеандр.

К стр. 375

23 раджаба 933 = 25 апреля 1527 г.

К стр. 376

Лукнур — старинное название города Шахабад в Рампуре.
15 ша'бана 933 = 17 мая 1527 г.
Кит'а — отрывок стихотворного или прозаического произведения.

К стр. 377

Последний день месяца ша'бана = 29 (933)—31 мая 1527 г.
Игральные карты. По-видимому, это одно из самых ранних в восточных сочинениях упоминание о картах, известных в Европе с XIV века.
5 зу-л-ка'да 933 = 5 августа 1527 г.
24 зу-л-ка'да 933 = 24 августа 1527 г.
29 зу-л-ка'да 933 = 29 августа 1527 г.
2 зу-л-хиджжа 933 = 30 августа 1527 г.

К стр. 378

2 зу-л-хиджжа 933 = 26 сентября 1527 г.

К стр. 379

934 = 1527 — 1528 гг.
1 мухаррама 934 = 27 сентября 1527 г.

К стр. 380

16 мухаррама 934 = 12 октября 1527 г.
27 сафара 934 = 23 ноября 1527 г.
7 раби' I 934 = 1 декабря 1527 г.
14 раби' I 934 = 8 декабря 1527 г.
28 раби' I 934 = 22 декабря 1527 г.
2 раби' II 934 = 26 декабря 1527 г.

К стр. 381

8 раби' II 934 = 1 января 1528 г.
13 раби' II 934 = 6 января 1528 г.
19 раби' II 934 = 12 января 1528 г.
24 раби' II 934 = 17 января 1528 г.

К стр. 382

28 раби' II 934 = 21 января 1528 г.
6 джумада I 934 = 28 января 1528 г.

К стр. 383

7 джумада I 934 = 29 января 1528 г.

К стр. 385

11 джумада I 934 = 2 февраля 1528 г.
24 джумада I 934 = 15 февраля 1528 г.
6 джумада II 934 = 27 февраля 1528 г.

К стр. 386

19 джумада II 934 = 12 марта 1528 г.

К стр. 387

29 джумада II 934 = 22 марта 1528 г.
7 раджаба 934 = 28 марта 1528 г.

К стр. 388

12 раджаба 934 = 2 апреля 1528 г.

К стр. 389

935 = 1528 — 1529 г.
3 мухаррама 935 = 18 сентября 1528 г.
Аскари тогда шел 13-й год (он родился в 922=1516 г.; ум. в 965=1557—1558 г).
Хондемир — летописец — Гияс ад-дин б. Хумам ад-дин, автор исторических и биографических трудов (ум. в 942 = 1535 г.).
5 мухаррама 935 = 19 сентября 1528 г.
Хауз — водоем.

К стр. 390

Анба (анбу) — манго.
«...Это был день ашура...», т. е. 10-й день месяца мухаррама, годовщина убиения внуков Мухаммеда, Хасана и Хусейна, отмечаемый мусульманами; в данном случае = 25 сентября 1528 г.

К стр. 392

Канир — олеандр.
Султан Шамс ад-дин Илтутмиш, Мамлук — правил в Делийском султанате (607 = 1210 — 633 = 1236).
630 = 1233 г.

К стр. 393

14 мухаррама 935 = 28 сентября 1528 г.

К стр. 394

15 мухаррама 935 = 29 сентября 1528 г.

Аргамчи — мера длины в «(шерстяную) веревку», трудно определимая. Обычно это — длина конской привязи, т. е. 3—4 *м*.

17 мухаррама 935 = 1 октября 1528 г.

19 мухаррама 935 = 3 октября 1528 г.

К стр. 395

3 сафара 935 = 17 октября 1528 г.

5 сафара 935 = 19 октября 1528 г.

8 сафара 935 = 22 октября 1528 г.

К стр. 396

10 сафара 935 = 24 октября 1528 г.

Кабуз — двухструнный смычковый музыкальный инструмент.

Ртуть и ее препараты на Востоке всегда считались первостепенными целебными средствами.

21 сафара 935 = 4 ноября 1528 г.

10 зу-л-хиджжа 934 = 26 августа 1528 г.

17 зу-л-хиджжа 934 = 2 сентября 1528 г.

28 зу-л-хиджжа 935 = 14 ноября 1528 г.

23 сафара 935 = 6 ноября 1528 г.

27 сафара 935 = 10 ноября 1528 г.

«Родительское послание» — название этико-дидактического с суфийской окраской трактата Ходжи Убайд Аллах Ахрара.

К стр. 397

«Касида о плаще» (Касида в честь Мухаммеда — «ал-Бурда»),— хвалебная ода, написанная современником Мухаммеда (VII в.) поэтом Ка'б б. Зухейром.

29 сафара 935 = 12 ноября 1528 г.

8 раби' I 935 = 13 ноября 1528 г.

28 сафара 935 = 11 ноября 1528 г.

9 раби' I 935 = 21 ноября 1528 г.

10 (в тексте ошибочно 9) раби' I 935 = 22 ноября 1528 г.

Цифровое значение букв двух слов тариха — «Шах-и са'адатманд» — дает 934 = 1528 г. (Шах-и са'адатманд — счастливый шах).

9 сафара (935) = 23 октября 1528 г.

10 раби' I 935 = 20 ноября 1528 г.

К стр. 398

14 раби' I 935 = 27 ноября 1528 г.

15 раби' I 935 = 28 ноября 1528 г.

10 раби' I 935 = 23 ноября 1528 г.

Ал-Аман означает «безопасность», «пощада».

К стр. 399

11 раби' I 935 = 23 ноября 1528 г.

Стих: «Завоевание мира...» — из поэмы «Хусрау и Ширин» Пятерицы Низами.

К стр. 400

13 раби' I 935 = 26 ноября 1528 г.
19 раби' I 935 = 2 декабря 1528 г.

К стр. 401

22 раби' I 935 = 5 декабря 1528 г.
29 раби' I 935 = 12 декабря 1528 г.
Последний день месяца — 30 раби' I 935 = 13 декабря 1528 г.
4 раби' II 935 = 17 декабря 1528 г.
Тамгачи — хранитель тамги, особой печати (см. примечание к стр. 185).

К стр. 402

Меры длины и расстояния:

1 мил = 4000 кадам (шагов)		
кадам = 1,5	**кари**	— ок. 90 *см*
кари = 6	тутам (хватка или ладонь)	— ок. 60 *см*
тутам = 4	илик (палец)	— ок. 10 *см*
илик = 6	зернам ячменя	— ок. 2,5 *см*
ячменное зерно		— ок. 4 *мм*
танап = 40 кари		— ок. 24 *м*
кари		— ок. 60 *см*

6 раби' II 935 = 18 декабря 1528 г.

К стр. 403

Золотая гиря = 500 мискалов = 1 сир — ок. 20,5 *кг*
серебряная гиря — 250 мискалов — ок. 10,25 *кг*
мискал — ок. 4,1 г (см. примечание к стр. 335).

К стр. 404

11 раби' II 935 = 23 декабря 1528 г.
16 раби' II 935 = 28 декабря 1528 г.
Ашура — 10 мухаррама 935 = 25 сентября 1528 г. Битва узбеков с кизилбашами под Джамом.
Румы, т. е., по-видимому, европейцы.
Царевич, т. е. Тахмасп I, Сефевид, он к этому времени был уже шахом (930 = 1524 — 984 = 1576).
Интересно отметить, что дошедшие до Хиндустана слухи к числу погибших под Джамом отнесли умерших своей смертью Кучум хана (ум. в 937 = 1530 г.), Абу Са'ида (ум. в 940 = 1533 г.) и Убайд хана (ум. в 946 = 1539 г.).

К стр. 405

19 раби' II 935 = 31 декабря 1528 г.

К стр. 406

28 раби' II 935 = 9 января 1529 г.
3 джумада II 935 = 13 января 1529 г.
10 джумада II 935 = 20 января 1529 г.

К стр. 407

«...привез от Бенгальца подарки...», т. е. от Насир ад-дин Нусрат шаха из дома Хусейн шаха Бенгальского (925 = 1518 — 939 = 1532).
17 джумада II 935 = 27 января 1529 г.
«наш перевод...» — т. е. перевод на узбекский язык «Родительского послания», о котором говорилось выше (стр. 396).

К стр. 408

«Чтобы написать мой перевод смешанным почерком», т. е., вероятно, почерком бабури и обычным насталиком.
Мистар — транспарант в виде листа картона, на котором натянуты через равные промежутки нити по количеству строк на странице.
«...слова преданного Аллаху...», т. е. слова Ходжи Ахрара в «Родительском послании».
«Маулана Махмуд Фараби был имамом», т. е. предстоятелем на молитве.

К стр. 409

Последний день джумада I (30) 935=9 февраля 1529 г.
«...нераспорядительности Опоры власти...», т. е. самого Ходжа-и Калана.

К стр. 411

«...Сражение (узбеков с кизилбашами)» — имеется в виду вышеупомянутая (стр. 404) битва при Джаме.
1 джумада II 935 = 10 февраля 1529 г.
2 джумада II 935 = 11 февраля 1529 г.
4 джумада II 935 = 13 февраля 1529 г.
5 джумада II 935 = 14 февраля 1529 г.
6 джумада II 935 = 15 февраля 1529 г.
7 джумада II 935 = 16 февраля 1529 г.

К стр. 412

12 джумада II 935 = 21 февраля 1529 г.
17 джумада II 935 = 26 февраля 1529 г.

К стр. 413—414

Текст от слов «Исан Тимур султан и Тухта Буга султан спешившись...» (стр. 413) и до конца фразы «...болотистая река, называемая Тус» (стр. 414) в рукописи отсутствует; лакуна заполнена по публикации. Н. Ильминского (стр. 470—471).

К стр. 414

1 раджаба 935 = 11 марта 1529 г.
4 раджаба 935 = 15 марта 1529 г.

К стр. 415

Фраза «Оттуда мы пришли ...в Нишапуре» в рукописи отсутствует, она переведена из издания Н. Ильминского.

18 раджаба 935 = 28 марта 1529 г.

К стр. 416

Танап — мерная веревка землемера; около 24 *м* (см. примечание к стр. 402).

9 джумада II 935 = 18 февраля 1529 г.

20 джумада II 935 = 1 марта 1529 г.

«...в прошлом году, когда затмилось солнце...» Упоминаемое здесь затмение солнца имело место 20 ша'бана 934 = 10 мая 1528 г.

1 ша'бана 935 = 10 апреля 1529 г.

4 ша'бана 935 = 13 апреля 1529 г.

Гариал — крокодил.

К стр. 418

Названия лодок Бабура:
Асаиш = Отдохновение,
Араиш = Украшение,
Гунджаиш = Вместительность,
Фармаиш = Повеление.

К стр. 419

5 ша'бана 935 = 14 апреля 1529 г.

Шикдар — сборщик податей.

К стр. 420

Шейх Яхья—сын Шейха Шараф ад-дина Мунири (Муньяри), руководитель суфийского ордена чиштия (ум. в 782 = 1381 г.).

К стр. 422

Дариаханцы — т. е. сподвижники вышеупоминавшегося Дариа хана.

К стр. 425

Аскари — см. примечание к стр. 389.

К стр. 426

5 рамазана 935 = 13 мая 1529 г.
8 рамазана 935 = 16 мая 1529 г.

К стр. 427

15 рамазана 935 = 23 мая 1529 г.

К стр. 428

13 рамазана 935 = 21 мая 1529 г.

К стр. 429

27 рамазана 935 = 4 июня 1529 г.
29 рамазана 935 = 6 июня 1529 г.

К стр. 430

13 шаввала 935 = 20 июня 1529 г.

К стр. 431

10 джумада I 935 = 20 января 1529 г.
1 зу-л-ка'да 935 = 7 июля 1529 г.

К стр. 432

3 зу-л-ка'да 935 = 9 июля 1529 г.
11 зу-л-ка'да 935 = 17 июля 1529 г.
15 зу-л-ка'да 935 = 21 июля 1529 г.
19 зу-л-ка'да 935 = 25 июля 1529 г.
7 зу-л-хиджжа 935 = 12 августа 1529 г.

К стр. 433

7 зу-л-хиджжа 935 = 12 августа 1529 г.

«...удел, (дающий доход) в семь лаков».

После этих слов в Хайдарабадской рукописи должно было следовать изложение событий 936 (1529—1530) г., от которого, однако, сохранилась только первая фраза и начало второй, обрывающейся на середине, лишь 15 месяцев отделяют последнюю дату «Записок» от смерти их автора, ушедшего в расцвете сил, на 47 году жизни (напомним, что родился он 6 мухаррама 888 = 14 февраля 1483 г., а умер 6 джумада I 937 = 26 декабря 1530 г.).

УКАЗАТЕЛИ

В Указателе собственных имен (и географических названий) ссылки сделаны на листы рукописи, опубликованной Беверидж (в русском переводе они поставлены сбоку, на полях текста). Первые цифры после имени (в скобках) представляют собой даты, причем числителем обозначен год хиджры, знаменателем — соответствующий ему год нашей эры. Двойная дата (через тире) — указывает годы правления, дата со звездочкой — время смерти.

Аббас, 50а

Му'изз ад-дин Абд ал-Азиз мирахур, 239б, 259а, 265б, 266аб, 298б, 310аб, 311а, 320б, 322а, 325а, 355б, 365б, 366а, 381а

Абд ал-Азиз мирза, сын Улуг бека, 9б, 10б

Абд ал-Али тархан, Аргун, 21б, 22аб

Абд ал-Баки мирза, Тимурид, 175б, 176а.

Абд ал-Ваххаб, Могол, 206а, 374а

Абд ал-Ваххаб шигаул, 13а, 31б

Мулла Абд ал-Гафур Лари (+912/1506), 178б

Абд ал-Гаффар Таваджи (Тавачи), 355б, 356а

Абд ал-Карим Ишрит ишик ага, 23а, 38б

Абд ал-Каддус бек, Дуглат, 19б, 24а

Абд ал-Каддус Кухбур, старший брат Катта бека, 67а, 114аб

Абд ал-Латиф Бахши, 33а, 308б

Абд ал-Латиф мирза, сын Улуг бека (853/1449—854/1450), 50аб

Абд ал-Латиф султан, сын Хамза султана, 9а

Абд Аллах бакаул, 206а

Шейх Абд Аллах, Барлас, 29б, 36а, 38а, 56б

Шейх Абд Аллах ишик ака, 17а

Шихаб ад-дин Абд Аллах, Китабдар, 211а, 219б, 235б, 246б, 247а, 248а, 263б, 266аб, 276б, 299а, 319б, 322а, 328а, 351б, 360б, 375а, 376б, 378б, 381а

Ходжа Абд Аллах Марварид, «Баяни», садр, 175а, 182а

Сейид Абд Аллах мирза, 168а

Абд Аллах мирза б. Ибрахим Султан мирза, Барлас, 10а, 50б

Абд Аллах султан, 168б

Абд Аллах Хатифи из Джама, 180б

Абд Аллах «Ходжа Маулана-и Кази», 16аб, 17б, 24б, 31б, 40б, 51аб, 52б, 53аб, 54а, 64а, 74б, 77а, 189а

Мулла Абд ал-Малук (Малик) Хасти курчи, 217а, 224б, 245б, 251б, 325б, 328б, 358а

Абд ал-Маннан (Минан), сын Муллы Хайдара, 98а

Абд ал-Мулк, раб, 302а

Абд ар-Раззак мирза, сын Улуг бека Кабули, Барлас, 125а, 149а, 186б, 207б, 209б 211б, 213б, 215а, 216а

Абд ар-Рахим шигаул, 224а, 307а, 326б, 328а

Маулана Абд ар-Рахман Джами (+898/1492), 164а, 171а, 174а, 177а, 178б, 179б, 180б, 346б

Мулла Абд ар-Рахман Газнави, 138а

Ходжа Абд ас-Самад Ходжа-и Рушнаи, 128б

Ходжа Абд ал-Хакк, 357а, 357б, 380б

Абд ал-Халик бек «Абд ал-Халик-и Фируз шах», 172а

Ходжа Абд аш-Шахид, 351б, 352аб, 363а

Низам ад-дин Абд аш-Шукур, сын Камбар Али Саллаха, 123а, 320а

Ходжа Абу-л-Баракат-и Фираки, 87б

Абу Бекр Кашгари, Дуглат, 11аб, 17б, 27а, 29б, 265а

Абу-л-Ваджид Фариги, 252б, 346б
Абу-л-Касим, музыкант, 228б
Абу-л-Касим, Джалаир, 278а
Абу-л-Касим Кухбур, сын Хайдар Касим бека, 40а, 81б, 82б, 84а, 89а, 90б
Ходжа Абу-л-Макарим, 36б, 38б, 55а, 60а, 84а, 91а, 101б, 102а, 103б
Шейх Абул-Мансур Матуриди, 45а
Абу Муслим Кукельташ, 237а, 238а
Абу Мухаммед Найза баз, 266а, 329а, 332а, 336а
Абу-л-Мухсин курчи, 210а
Абу-л-Мухсин мирза, сын С. Хусейн мирзы, 33б, 41б, 86а, 165б, 166б, 169б, 185а, 186б, 188а, 206б, 207аб
Султан Абу Са'ид мирза, Тимурид (855/1452 — 873/1469), 6б, 10аб, 11б, 12б, 13а, 15аб, 18а, 20аб, 21а, 23а, 25б, 26б, 27б, 28а, 29аб, 35б, 50б, 164б, 167а 169а, 170аб, 171б, 172а, 174б, 175а, 177б, 178а, 188а, 189а, 191б, 225а, 347а
Абу Са'ид султан, сын Кучума, 352а, 354б, 357б
Абу Са'ид хан Дармиан, 173б
Абу Тураб мирза, сын С. Хусейн мирзы, 166б, 169б
Шейх Абу-л-Фатх, нукер, 352а, 375б
Абу-л-Фатх, сын Омар бека, Туркмен, 175б, 305а
Ну'ман б. Сабит Абу Ханифа (+150/767), 45а, 277б
Абу-л-Хасан курбеги, 198а, 209б
Абу-л-Хасан курчи, 239а
Абу-л-Хашим, слуга Султан Али Тагая, 244а
Ага биким, дочь С. Хусейн мирзы, 168а
Ага мирахур, 248а
Ага Султан, наложница Омар Шейха, 9а, 12б
Агаче, см. Мингли бий Агаче
Адик султан, казахский султан 12а
Адил султан, сын Махди султана, 167а, 257б, 263б, 265б, 266а, 267б, 299а, 320б, 322а, 355б
Адили, см. Байсункар мирза..
Адил хан Нухани, 376а, 377а
Адил хан Сур, 365а
Аилтмиш, см. Султан Шамс ад-дин...
Айгу Тимур бек тархан, Аргун, 22а
Ай биким, 27б
Аиша Султан, наложница С. Хусейн мирзы, 168б
Айша Султан биким, жена Бабура, 20а, 75а, 86б
Айуб, сын Якуба Бекчик, 29а, 56а, 88а, 100б, 103б, 105а, 109а, 121а, 209б
Ак биким, см. Салиха Султан биким
Ак биким, сестра С. Хусейн мирзы, 163б, 164а
Ак биким, дочь С. Хусейн мирзы, 166б, 169а
Ак Буга бек, 12б
Ак Куйлук, см. Узун Хасан, Ак Куйлук
Ала ад-дин Алам хан, см. Ала ад-дин Алам хан, сын Султан Бахлула Лоди
Ала ад-дин Хусейн Джехансуз, 138б
Султан Ала ад-дин Савади, 219а, 220б, 221а
Султан Ала ад-дин Хилджи, 267б, 268а
Ала ад-дин Хусейн шах, 270б, 271аб
Ал-Аман, сын Хумаюна, 347а, 348аб
Аламдар, см. Хайдар Аламдар
Ала ад-дин Алам хан, сын Султан Бахлула Лоди, 255б, 256аб, 257аб, 260б, 261а, 262б, 294а, 309б, 315а, 319б, 332б, 379а
Алам хан Бахангари, брат Низам хана из Бианы, 303б, 304а
Алам хан, сын Джалал хана Джигхат (Калпи), 307б, 378а
Алача хан, см. Султан Ахмед хан
Сейид Али, 62б, 238б, 355б
Сейид Дервиш Али, 210а
Факир Али, 215б, 261а
Али, см. Камбар Али
Али, см. Кичик Али
Султан Али Аргун, 204б
Ходжа Али бай, 89а
Шейх Али, Барин, 266а
Шейх Али бахадур, 14б
Дервиш Али бек, брат Алишера Навои, 173а
Мир Али бек Асгар, 224б

Банда Али, даруга Карнана, 115, 116б, 117аб
Али Дервиш бек Хорасани, 15аб, 17а, 55а, 65б, 73б
Али, Джалаир, 174б
Мулла Али Джан, Баяндур, 238а
Али Дуст Мухаммед Тагай, 14б, 15а, 18а, 24б, 42а, 52б, 53б, 55а, 60аб, 61а, 65б, 69б, 70а, 74аб, 77б, 78а, 79а, 183а
Султан Али, дядя Камрана, 241б
Баба Али, ишик ака, 174б
Дервиш Али, Китабдар, 174б
Устад Али Кули, 217аб, 262б, 264а, 266б, 302аб, 309а, 311а, 315б, 322а, 331б, 333а, 334б, 336б, 337а, 352б, 370а, 371аб, 372б
Малик Али Кутби, 217б
Сидим Али дарбан, Руста-Хазара, 35б, 125б, 126а, 192аб
Мирза Али Кукельташ, 107а
Али Мазид бек, Каучин, 13б, 14б, 55а
Султан Али Мешхеди (+919/1513), 181б, 206б
Мир Али, мирахур, 85а
Султан Али мирза, 3-й сын С. Махмуд мирзы, 14б, 20а, 21б, 22б, 27аб, 32б, 36а, 37а,—39а, 48б, 50б, 51а, 58б, 59б, 68аб, 76аб, 77а, 79б, 80аб, 346а
Дервиш Али пиада (пехотинец), 227а, 331а
Али Сейид Сикма, Могол, 209б, 216а
Али Систани, Аргун, 204б, 232б
Банда Али, сын Хайдара Кукельташа, 62а, 89а, 113б
Джан Али, сын Ходжи Али бая, 80аб
Шейх Али Тагай, см. Али-Дуст Мухаммед
Султан Али, тюрк, 330б
Низам ад-дин Али Халифа Маргинани, сын Джунаида, 32б, 54б, 74б, 198а, 215б, 216а, 217б, 226б, 233б, 241б, 246б, 265б, 266а, 267б, 300а, 314б, 315б, 316а, 319а, 322а, 334а, 351б, 356а, 369аб, 375б, 377б, 381б
Мир Сейид Али Хамадани (+786/1384), 134а
Мулла Али хан, 250а, 252б, 325а, 329б
Али хан, сын Даулат хана, 224б, 225б, 258аб, 259аб
Али хан Баяндур, Туркмен, 175б
Сейид Али хан б. Апак Гази хан б Мир Али, 225а
Али хан, сын эмира Омара, 206а
Али хан Шейхзаде Фармули, 296аб, 321а, 329а, 376а
Султан Али Чухра, 152б, 216а
Мир Алишер Навои «Фани», 2б, 21а, 41а, 87а, 164б, 170б, 171аб, 174б, 176а, 177а, 179б, 180а, 188б, 248б, 360б
Али Шукр бек, 28а
Али Юсуф, 375а, 381а
Аллаверан (Аллаберган), Туркмен, 209б
Алла Кули Буран, 149а
Амачи Минди, см. Мидини Рао
Амин мирза посол, 357б
Амин Мухаммед тархан, Аргун, 230б, 246а
Андиджани, см. Мухаммед...
Анике, см. Бул-Бул...
Апак, см. Сейид Мирза
Апак биким, жена С. Хусейн мирзы, 168б, 169б, 188б
Апак хан, сын Мир Али бека «Гази хан», 225а, 254а, 255а, 256а, 257б, 258аб, 259аб, 260б
Мулла Аппак, 296а, 297а, 304б, 310а, 332б, 335б, 377а
Араб, см. Шейх Шихаб ад-дин...
Араиш хан, 261а, 320а, 333б, 368а, 373а
Аргун, см. Абд ал-Али тархан.
« см. Абу Юсуф...
« см. Али...
« см. Амин Мухаммед тархан..
« см. Ашик Мухаммед...
« см. Джемал...
« см. Касим Хатике...
« см. Кур...
« см.Мазид бек...
« см. Мухаммед Муким...
« см. Мухаммед Сейид Урус...
« см. Ни'мат...
« см. Султан...
« см. Сейид Туфан...
« см. Урду Буга тархан...
« см. Фаррух...
« см. Хабиба Султан...
« см. Султан Хусейн...
« см. Шах бек...
« см. Шах Хусейн...

Аргун см. Шах Шуджа', сын Зу-н Нуна...
Аргун см. Ширек...
Арлат, см. Мухаммед Касим...
Арук, см. Кул...
Асад бек, Туркмен, 175б
Малик Хаст Асад Джанджуха, 223б, 229б, 230а, 231а
Низам ад-дин Асад Джандар, 97б, 305а, 307а, 320а, 321б, 329б
Асас, см. Ходжа Мухаммед Али Тагаи...
Ходжа Асафи (+ ок. 926/1520), 179б
Асгар мирза, сын С. Мас'уд мирзы, 225а
Асир ад-дин Ахсикети (+608/1212), 4б
Аскари, см. Мухаммед
Асук Мал, Раджпут, 342б, 343а
Ходжа Джамал ад-дин Ата диван, 177а
Атиге Бахши, 108б
Атка, см. Ваис...
Атка, см. Низам ад-дин Джан Мухаммед Бег...
Атка, см. Му'мин...
Ауган Берди, Могол, 221а, 228б, 372аб
Ауди, см. Пехлеван-и...
Аулиа хан Ишраки, 376а
Сейид Афзал бек, сын С. Али Хаб бин, 162б, 183б, 184б
Ходжа Афзал диван, 177а
Ахи, 161а, 194а
Ахли, 181б
Пир Ахмед, 76б, 89а
Шир Ахмед, 361а
Ходжа Ахмед, из Сиджавенда, 138а
Ахмед Али тархан, 211б
Мирза Ахмед Али Фариси, Барлас, 172а
Ахмед Афшар, 345б
Мулла Ахмед Балхи, 251б
Ахмед бек, 237а
Султан Ахмед бек, 118а
Ахмед бек Утарчи, дядя Ахмеда Танбала, 55б, 71б, 76б, 72аб, 94аб
Ахмади парваначи, 221б, 227а, 228б, 229а, 258а, 259а, 263б, 266аб, 295а, 305а
Ахмед Илчи Буга, 209б
Султан Ахмед Кази Кылыч, 16а
Султан Ахмед караул, отец Куч бека, 33б, 69б, 70а, 78а, 115б, 118а?
Ахмед Касим, 234б, 299б
Ахмед Касим Кухбур, 84а, 98б, 101а, 110а, 124б, 199б, 201б
Ахмед Касим, сын Баки Чаганиани, 120б, 126аб, 155а, 156б, 197а
Ахмед Кушчи, 117а
Султан Ахмед мирза, 164а
Султан Ахмед мирза, Тимурид, (873/1452 — 899/1469), 6аб, 8аб, 9б, 10б, 13а, 14б, 15б, 16б, 17б, 18аб, 19аб, 20аб, 21б, 22б 23а, 24а, 25б, 26б, 31б, 47б, 50б, 75а, 86б, 122а, 171б, 173б, 212б
Султан Ахмед мирза, Дуглат, 103б
Султан Ахмед, Могол, 198а
Султан Ахмед, Муштак, Туркмен, 26б
Ахмед Таваккул, Барлас, 171б
Султан Ахмед Танбал утарчи, Могол (+909/1504), 31а, 39б, 51а — 52б, 55а, 61а — 64б, 65аб, 66б, 67б, 69б, 71а — 75а, 77б, 78а — 79б, 88а, 94аб, 97б, 99б, 100а, 101а, 103б, 104а, 105б, 106б, 107а, 108б, 110б — 111б, 115б, 117б, 119а, 120а, 156а, 181а, 234а
Пир Ахмад Хавафи, 176б
Ахмед Хаджи бек Дулдай «Вафаи», 13а, 20б, 21аб, 30а, 36б, 37аб, 170б
Ахмед хан, Хаджи Тархан, 163б
Султан Ахмед хан, Алача хан, Младший хан, дядя Бабура (+909/1504), 3б, 11б, 16а, 81а, 101б, 102а — 103б, 107б, 108а, 110аб, 111а, 116а, 119б, 120а, 157а (+)
Ахмед чашнигир, 305б
Ахмед шах, сын Мухаммед шаха, Манду, Хилджи 333б, 335б
Сейид Низам ад-дин, Ахмед Юсуф, Оглакчи, 22а, 43а, 59б, 125б, 126а, 161а, 175а, 197а, 198б, 199а, 217б, 237а, 311а, 320а, 321б
Ахмед, ясаул, 197б
Ахсикети, см. Асир ад-дин...
Ахтачи, см. Бабаджан...
Ашик бакаул, 332б, 355б
Ашик Мухаммед Кукельташ, Аргун, 205б, 206а
А'зам Хумаюн Сарвани, 268б

Бабаджан Ахтачи, 242а
Бабаджан Кабузи, 227б, 228б, 229а
Баба Али, см. Баба Али ишик ага
Баба Дуст ключник, 231а, 311а, 312б
Баба-и Кабули, сын Мир Али бека, 6б, 224б
Баба Кашка, Могол, 239б, 240а, 266а, 321а
Баба Кули бек, сын Баба Али бека, 14б, 43а, 298а
Баба Огли (Папа Огли), 149а
Мулла Баба Фиркати, 216а
Мулла Баба-и Пашагири, 83б, 91а, 119аб, 120а, 159б, 197а, 214б, 308б
Баба Сайрами, 115а, 116б, 117а, 118а
Баба султан, сын Султан Халил султана, 201а, 332а, 336б, 373а
Баба хан, сын С. Махмуд хана, 19б
Бабу хан Бисут, 228аб
Баба хан султан, 102б
Баба Хасан, см. Баба Хасан
Баба Чухра, 215б, 267б, 301а, 332а, 338б, 372б
Баба Шейх, брат Баба Пашаг 210а, 235а, 308б, 366б
Баба-и Ширзад, 104б, 112б, 196б, 210а
Баба Ясаул, 217б, 232б
Бабури, 75б
Бабур, см. Захир ад-дин Мухаммед...
Бабур мирза, Арлат, 170а, 171б, 174б
Абд ал-Касим Бабур мирза, 168а, 188б, 189а
Багари, см. Равал Удаи Синг...
Бадахши, см. Мухаммед...
Баджаури, см. Хайдар Али...
Бади' ал-Джамал бигим, тетка Бабура, 345а
Бади' аз-Заман мирза, сын С. Хусейн мирзы (+923/1517), 33а, 34б — 36а, 41а — 42б, 57б, 58а, 82а, 88а, 121б, 122а, 129а, 155а, 165б, 166а, 168б, 172аб, 175б, 182аб, 183а, 185а — 187а, 188а — 189б, 190б, 191а, 192аб, 197а, 204б, 205аб
Бади'и, см. Юсуф...
Бади' ал-Джамал Бадке биким, 163б, 164а
Сейид Бадр, 26б, 173аб, 187аб
Бадр ад-дин бек, 174б
Байкара мирза, сын Мансур мирзы, 163б, 167б
Байкара мирза, сын Омар Шейха, 163б
Байрам Султан бигим, дочь С. Хусейн мирзы, 168а
Байсункар мирза «Адили», сын С. Махмуд мирзы (+905/1499), 21б, 27а, 29а — 30б, 32б, 33б, 36а — 37б, 38б, 39аб, 43б — 44б, 50б, 56аб, 57а, 58аб, 68аб(+), 69аб, 82а, 165б
Шейх Бакари, 329а
Ходжа Баки, сын Ходжи Яхьи, 80б
Баки тархан, сын Абд ал-Али тархана, 21б, 22б, 23а, 76б, 78а, 82а, 86а, 88б
Баки бек Ташкенди, 338а, 376б, 377аб, 379а
Баки Хиз, 112б, 234б,
Баки бек Чаганиани, брат Хусрау шаха (+911/1505), 27б, 33аб, 42б, 58а, 120б, 121аб, 122б, 123а, 125а, 126аб, 146аб, 149а, 152б, 157а — 159б, 160(+), 225а
Баки бек шигаул, минг беги, 261а, 309а, 322б, 338б, 379б, 380а
Бакир бек, см. Дуст Мухаммед...
Балту, 310б
Банда Али, см. Банда Али
Сейид Барака, сын Байрам султана, 168а
Барак султан, сын Суюнчук хана, 347а
Барак хан, Чингизид, 9б
Барани, см. Джехан шах...
Султан Барахи (Тирахи), 243б
Барги, см. Шах Хусейн...
Баривали, см. Хасан хан...
Мулла Барик, 249б
Барин, см. Шейх Джамал...
« см. Тулун Ходжа, Могол...
« см. Джан Хасан...
Барлас, см. Шейх Абд Аллах...
« см. Мирза Али Фариси...
« см. Ахмед Таваккул...
« см. Джехангир...
« см. Султан Джунаид...
« см. Джуки...
« см. Ислим...
« см. Кара...

Барлас см. Кутлук Мухаммед...
« см. Мансур...
« см. Махмуд бек...
« см. Музаффар...
« см. Мухаммед Бурундук..
« см. Мухаммед Касим...
« см. Султан Санджар...
« см. Хасан...
Бармал Идри, 318а
Басант Рао, 374а
Бахадур хан Гуджерати, 301б, 302а
Бахадур хан Сарвани, 380а
Бахангари, см. Алам хан...
Бахджат, см. Гада-и...
Пехлеван Бахлул, 352б
Султан Бахлул Лоди, 268а, 270б
Бахлул-и Айуб, Бекчик, 35б, 121б, 125б, 154а, 162а
Бахши, см. Абд ал-Латиф...
« см. Атиге...
« см. Карлугач...
« см. Шах Мансур...
« см. Мухаммед Али...
Султан Баязид, 243б, 244а
Шах Баязид бек, младший брат Танбала, 109а, 110а — 113б, 118а
Шейх Баязид Фармули, 296б, 298б, 307б, 330б, 332а, 336а, 338б, 362б, 374б, 375а, 376а, 377б, 378а, 379б
Баязид, см. Кул... бакаул
Баяндур, см. Али хан...
Баяндури, см. Мурад бек...
Баяни, см. Ходжа Абд Аллах Марварид...
Бек Кина, сын Ваиса Лагари, 346б, 347а, 348а
Бек Мирек, Могол, 262б, 310а
Бек Мухаммед, Могол, см. Бек Мухаммед...
Бек Мухаммед Та'ллукчи, см. Бек Мухаммед...
Бек Тилбе ишик ага, старший брат Танбала, 55а, 71б, 72а, 110а
Бекчик, см. Ибрахим бек...
Мулла Беннаи, сын Устаза Мухаммед Саба (уб. в 918/1512 г.), 38а, 87а, 179б, 180а, 182б, 206а, 360б
Бехбуд бек, 173б, 174а
Устаз Камал ад-дин Бехзад, 171а, 81б, 206б
Бечега Халифа (Бишка), 95а
Биан шейх, 346б, 347а, 348а, 350а
Малик Бибан Джилвани, 261б, 262б, 263б, 297б, 329а, 336а, 362б, 374б, 375а, 376а, 377а, 378а, 379б
Раджа Биджангара, 272а
Раджа Бикам Део, 293а
Раджа Бикам чанд, 293а
Бики Биким, дочь С. Хусейн мирзы, 168аб
Бики Султан биким, жена С. Хусейн мирзы, 27б, 168аб
Биким Султан Агаче, 169б
Рана Бикрамаджит, сын Рана Санка, 342б, 343а, 345а
Раджа Бикрамаджит Хинду, сын Ман Синга, 46б, 47а, 268аб, 293а, 340аб,
Билал, см. Гада-и...
Билал, см. Яр Али...
Бирим Део Малинхас, 260б
Раджа Бир Синг Део 318а, 356а
Бисут, см. Баба хан...
Бихар хан Бихари, сын Дариа хана, «Султан Мухаммед», 294аб
Бихар хан Бихари, Лоди, 365а
Мулла Бихишти, 357б
Бихуб султан, 332а, 338б, 362б 371а, 378а
Бишка Мирза-и утарчи, 246аб
Бугдай, см. Кул Мухаммед... Каучин
Букак, см. Худай Берди...
Булат, см. Кара...
Бул-Бул Анике, 247б
Булбули, см. Сейид Касим...
Буран см. Алла Кули...
Бурундук, см. Мухаммед... Барлас
Бурун султан, муж Аиша Султан, 168б
Мир Бурхан ад-дин Ата Аллах Мешхеди, 178б, 179а
Шах Бурхан ад-дин Али Клич Маргинани, 16а, 54а
Малик Бу Са'ид Камари, 145б, 147а, 148а
Шейх Бу Са'ид тархан, 211б
Бу Са'ид см. Пехлеван Мухаммед...
Малик Бу хан, Дилазак, 233а, 242аб
Бухари, см. Сейфи...
Бучка, 257б, 267б, 301а, 308а, 309а

Мир или Пир Ваис, 55а, 74б
Султан Ваис, 356б

Шейх Ваис, 55а, 95а
Ваис Атка, 128а
Ваис Лагари, Тугчи, 15а, 17аб, 39а, 55а, 59а, 60б, 61б, 62а, 65б, 69б, 72б, 74б, 95а, 302а, 346б, 350а.
Султан Ваис мирза, сын Байкара мирзы, 163б, 167б
Султан Ваис мирза, «Хан мирза», «Мирза хан», 3-й сын С. Махмуд мирзы, 10б, 12а, 27а, 68а, 76б, 77а
Султан Ваис Савади, 219аб, 221а
Ваис хан, 9б
Вали, брат Бади' аз-Заман мирзы, 35а, 42б
Эмир Вали, младший брат Хусрау шаха, 29б, 33а, 38а, 57а, 81б, 124а, 125б, 155а
Вали бек, потомок Сайф ад-дин бека, 171б
Вали Касим, 320а
Вали Кизил, 254б, 255а, 266а, 268а, 338а
Вали Парсчи (Баречи), 352б
Вали Хазиначи (Хазин), 118а, 183б, 210а, 217аб, 230б, 258а, 262а, 267б, 295а
Вафаи, см. Ахмед Хаджи бек...

Гагиани, см. Пихи...
Гагиани, см. Хусрау...
Гада-и Бахджат, племянник Касим бека, 245б
Гада-и Билал, 207б
Гада-и Тагаи, 219б, 227аб, 228б, 229а, 236б, 238б, 244а, 245б
Гаджур хан, 355б
Гази хан см. Апак хан
Газнави, см. Мулла Абд ар-Рахман из Газны
Газургахи, см. Ходжа Камал ад-дин Хусейн...
Гаини, см. Хусейн...
Гангу, 324а
Ганчи, см. Могол...
Шах Гариб мирза «Гариби», сын С. Хусейн мирзы, (+902/1496), 166а, 169а
Гариби, см. Шах Гариб мирза...
Гармсири, см. Сейид Дауд...
Гаухар Шад биким, 191а, 344б
Гиджаки, см. Шах Кули...
Гису, см. Мир...
Гияс ад-дин б. Хумам ад-дин Хондемир, летописец (+ 942/1535), 339а, 378б
Гияс скоморох, 236б
Гияс ад-дин Гури, брат Шихаб ад-дина, 269б
Гияс ад-дин, курчи, 350б, 354б, 355б
Мир Гияс Тагаи, 15а, 17аб
Кази Гулам, 62б
Мулла Гулам, ясаул, 371б, 375б
Гулам Али, см. Гулам Али
Гулам Шади, 182б, 190а
Шейх Гуран, 296а, 297аб, 304б, 320б, 325б, 331а, 332б, 333б, 369б, 373а, 380б
Гури, Барлас, 79б, 211а
Гури, см. Гияс ад-дин Гури
Гури, см. Шихаб ад-дин...

Малик Дад Карарани (Карани), 268б, 305а, 320б, 329а, 378а
Сейид Дакни Ширази, 346а, 352а
Дали, брат Хусрау шаха, 122а
Данкуси (Дангуси), 324а
Дарзи, см. Ходжа Мухаммед...
Дариа хан Нухани, 257а, 294б, 375а
Дариа хан, сын Шейх Мир Али бека, 145а, 146б, 159б, 224б, 328б, 375а
Раджа Дарманкат, 304а
Дармиан, см. Абу Са'ид хан...
Мулла Дауд, 310б
Сейид Дауд Гармсири, 352б
Дауд Рао Сарвани, 303а, 331а, 378а
Дауд хан Лоди, 263б
Даулат Кадам караул, 183б, 250б, 296аб (тюрк)
Даулат Султан ханум, 12а, 96б, 102а, 242а
Даулат хан, сын Татар хана Лоди, Юсуфхайла, 225аб, 226б, 227а, 228б, 254а, 255а, 256а, 258аб, 259аб, 260а
Део, см. Бир Синг...
Део, см. Дхарм...
Сейид Дервиш Али, см. Сейид Дервиш Али
Дервиш Али бек, см. Дервиш Али бек
Дервиш Али пиада, см. Дервиш Али пиада
Дервиш бек тархан, 22аб
Дервиш Гау, 16б
Дервиш Мухаммед Мазид, см. Дервиш Мухаммед Мазид тархан

Дервиш Мухаммед, см. Низам ад-дин Дервиш Мухаммед сарбан
Дервиш Мухаммед, см. Дервиш Мухаммед Фазли
Шейх Дервиш Кукельташ, 83а, 160а. 161а
Дервиш Султан, 336б
Джагатай, см. Хасан Али...
Джагатай хан (+ 593/1197), 5б, 9б
Рай Джайпал Хинд Лахори, 139а
Джалабан, см. Мир Мухаммед....
Джалаир, см. Абу-л-Касим...
» см. Али...
» см. Сейид Касим ишик ага...
» см. Хасан Али...
» см. Хусейн Али...
Султан Джалал ад-дин, 362аб, 363а
Джалал ад-дин Кутлук Кадам, см. Джалал ад-дин Кутлук Кадам караул
Джалал ад-дин Махмуд Найи, 190а
Джалал ад-дин хан Нухани, сын, Бихар хана Бихари, 365а, 368аб, 369а
Джалал ад-дин Хинду бек, см Джалал ад-дин Хинду бек, Каучин
Джалал ад-дин Хусрау Кукельташ, см. Джалал ад-дин Хусрау Кукельташ
Султан Джалал ад-дин Шарки, 371а, 376а
Джалал ад-дин Шах Мансур, см. Джалал аддин Шах Мансур, Барлас
Джалал ад-дин Шах Хусейн Яраки, см. Джалал ад-дин Шах Хусейн Яраки (Яраги)
Джалал Ташкенди, 379б
Джалал хан, внук Дариа хана, 375а
Джалал хан Джигхат, 256б, 268а
Джалал хан, сын Ала ад-дина, 321а
Джалал хан, сын Алам хана Лоди, 257а, 368а
Шейх Джамал, Барин, 266а
Шейх Джамали, 352а, 369а
Шейх Джамал Фармули, 257а, 311б
Мулла Джамал ад-дин, мухаддис, 178а
Шейх Джамал ад-дин Хар, Аргун, 19аб
Джами, см. Маулана Абд ар-Рахман...
Джанак певец, 190а
Джан Али, см. Джан Али
Джан бек, 266а
Джан Вафа мирза даруга, 82б, 84б
Джангал, см. Ходжа Джангал
Джанджуха, см. Малик Хаст Асад...
Джанджуха, см. Сангар (Лангар) хан...
Джани, см. Ибрахим...
Джан бек, см. Низам ад-дин Джан Мухаммед бек Атка
Джани бек, Дулдай, 20б, 21а, 89б
Джани бек султан, Чингизид, 9а, 19б, 89а, 347б
Джаника (Ханика) Кукельташ, 91а
Джан Насир, см. Джан Насир
Джан Хасан, см. Джан Хасан, Барин
Джасвали, 260а
Джа'фар ходжа, сын Махди ходжи, 327а, 328б, 336а
Джемшид, 50а
Дженг-Дженг, см. Мухаммед Али...
Джехангир бек (Бадахшан), 202б
Джехангир, Барлас, 170а, 171б, 172а
Джехангир мирза, ст. сын Тимура, († 776/1375), 46а, 49б, 50а
Джехангир мирза б. Омар Шейх, (+912/1507 или 913/1508), 6б, 8б, 7аб, 24б, 51б, 52б, 61б, 63аб, 64а, 66а, 69б, 70б, 74аб, 77а, 88а, 94б, 97б, 111а, 113а, 115б, 121аб, 123аб, 126б, 127аб, 145а, 148а, 149а, 150а, 151а, 152аб, 153б, 157б, 158б, 161б, 162а, 163а, 183б, 184б, 186б, 188б, 189а, 190а, 192а, 208а, 215б
Джехангир, Туркмен, 155а, 213а
Джехансуз, см. Ала ад-дин Хусейн...
Джехан шах мирза Барани, Кара-Куйлук, 10а, 28а
Кази Джиа, 296б, 298б, 307б, 356а, 370аб, 378а
Джигхат, см. Алам хан, сын Джалал хана...
Джигхат, см. Джалал хан...
Джилвани, см. Исма'ил...
Джилвани, см. Мубарак хан...
Джука мирза, 12б
Джуки, см. Барлас...
Джука султан, 354а
Султан Джунаид, Барлас, 30б, 68б, 173б, 259а, 263б, 265б, 266а, 267б, 279а, 307б, 350б, 354б, 355а, 370аб, 376б, 378а
Султан Джунаид Вали, 371а

Джучи, старший сын Чингиза, 12а
Дива, слуга Бабура, 345а
Дива Хинду, 224б, 236а
Див султан, 354а
Хан-ханан Дилавар хан Лоди, Юсуф хайл, 256а, 257а, 259б, 260а, 262б, 320б
Дилазак, см. Малик Бу хан...
Дилазак, см. Малик Муса...
Дилпат Рао, сын Салах ад-дина, 324а
Дихча, см. Хасан...
Дочь Султан Али мирзы, 346а
» Али Халифы, 236б
» Мелик шах Мансура, 220б, 221а
» Султаним биким, 235а
» Султан Махмуд мирзы, 121а
» Султан Халил мирзы, 69а
» Татар хана Каккара, 228а
» Тахамтан бека, Туркмена, 175б
» Урда буга тархана, 18а
» Ядгар Тагая, жена Хумаюна, 346а
Дува хан, 9б
Дуглат, см. Абд ал-Каддус бек...
» см. Абу Бекр... Кашгари
» см. Султан Ахмед мирза...
» см. Мухаммед...
» см. Мухаммед Хусейн Гурган...
» см. Султан Хусейн...
Дуду (Биби), жена Бихар хана Бихари, 368аб, 369а
Дулдай, см. Джани бек...
» см. Ибрахим...
» см. Касим...
» см. Султан Махмуд...
» см. Хафиз Мухаммед бек...
» см. Мухсин...
» см. Тахир...
Дуст Ангу (Анджу) шейх, 192б
Дуст бек, см. Дуст Насир бек
Дуст Келди, 210а
Дуст, сын Мухаммед Бакир бека, 246а
Низам ад-дин Дуст Мухаммед бек, сын Баба Кашка, ишик ага, 229а, 268а, 304а, 319б, 322а, 327а, 328а, 338а, 373б
Дуст Насир бек (Дуст бек), 63а, 83а, 104б, 106а, 107аб, 112б, 114аб, 198б, 210а, 211б, 217аб, 218а, 226б, 228б, 229а, 230аб, 233аб, 234аб
Дуст-и Сар-и Пули, 198б, 203б
Ходжа Камал ад-дин Дуст Хавенд, 215а, 227а, 229а, 307б, 319б, 345б
Дуст Ясин Хайр, 363аб
Дхарм Део, 318а

Шейх Зайн ад-дин Хавафи (+ 940/1533), 252б, 268а, 300а, 312б, 316а, 319б, 325а, 367а, 378б
Зайтун, см. Мухаммед...
Зардру, 370б, 371б
Зардушт, см. Феридун...
Захид ходжа, (+ 953/1546), 315а, 378а
Зейнаб Султан биким, 27б, 344б
Зубайр Раги, 154б, 183б, 184а, 202б, 213а
Зубейда Ага, 168б
Шейх Зу-н-Нун бек, «Лев Аллаха», Аргун (+ 913/1507), 32б, 33а, 42б, 57б, 121б, 155а, 158б, 165б, 172а, 173а, 176б, 183а, 185а, 186б, 187а, 190а, 192аб, 204б, 205аб, 211б
Зухра Бики Ага, 27а, 28б, 79б

Ибн Хусейн мирза, сын С. Хусейн мирзы, 167аб, 181а, 185аб, 186аб, 188а, 207б
Ибрахим Ата, 102б
Ибрахим Бекчик, 13а
Ибрахим Бекчик, брат Айуба, 209б
Ибрахим бек Бекчик «Чапук», Таган, 40а, 51а, 100а, 111аб, 112б—114а, 358а
Султан Ибрахим, Газневид, (451/1059—492/1099) 138б
Ибрахим Джани, 89а, 90б
Мир Ибрахим-и Кануни, 339а
Султан Ибрахим, сын Султан Искандера Лоди (+ 932/1526), 131а, 226б, 227а, 255б, 256б, 257а, 258б, 261аб, 262а, 263аб, 264б, 266б, 267аб, 268б, 269аб, 270аб, 294а, 295аб, 296б, 298а, 300б, 301б, 305б, 308а, 333б, 345а
Ибрахим Сару, Минг (Минглик бек), (+906/1501), 30б, 31аб, 39а, 55а, 59а, 61б, 62а, 65б, 66а, 69б, 74б, 79а, 89а, 90б
Ибрахим Султан мирза, 10а
Ибрахим тархан, 33б, 81б, 82б, 84а, 87б, 89а, 90б
Ибрахим Хусейн мирза, сын С. Хусейн мирзы, 33а, 42а, 57а, 167б

Ибрахим, Чагатай (Дулдай), 172а, 175б
Ибрахим Чухра, 237а
Идри, см. Бармал...
Икирик, см. Хасан...
Икрак, см. Хусейн...
Ику Салим, 216а
Илбарс султан, Шейбанид, 167б, 234б
Султан Илек Маза, 16а, 54а
Ильчи Буга, см. Мухаммед...
Ильяс хан, 325б
Имад ад-дин Мас'уди, 184б
Шах Имад Ширази, 261а
Иман Мухаммед, 248а
Иразан бек, 9б, 10а
Ираки, см. Мулла Ходжа Муршид...
Исан Буга хан, 9б, 10аб
Исан Даулат биким, бабка Бабура, 9а, 10б, 14б, 24б, 53а, 98а, 108а, 157а
Исан Кули султан, 167б, 234б
Исан Тимур султан, 200б, 363б, 373аб, 376а, 378а
Шах Искандер, 368а
Искандер, сын Бахлула Лоди, 225аб, 268аб, 270б, 292а
Султан Искандер мирза, 163б.
Искандер мирза, племянник С. Хусейн мирзы, 168а
Искандер Файлакус (Александр Македонский), 11б, 44б
Искандер шах, сын Султан Музаффара Гуджерати, 302а, 308б
Ислим Барлас, 173б
Исма'ил Джилвани, 256б, 257а, 261б, 375б, 377а
Исма'ил Мита, посол, 357а, 368б, 369а, 375б
Шах Исма'ил, Сефевид, 9а, 166б, 175б, 177б, 200б, 210б
Исма'ил хан, сын Али хана, 258а, 259б
Ходжа Исма'ил-и Хартанг, 45а
Исма'ил Чалма, сын Ибрахим хана, 348а
Исхак Ата, 102а
Кази Ихтиар, 179а, 206б
Ишк Аллах, 208б
Ишраки, см. Аулиа хан...
Ишрит, см. Абд ал-Карим...
Йесун Тува, 9б
Мулла Кабир, 236а
Кабузи, см. Баба хан...
Кабузи, см. Феридун...
Кабули, нукер, 299б
Кабули, см. Баба-и...
Каджар, см. Мурад Курчи, Каджар...
Кадир Берди, 117аб
Кази Гулам, см. Кази Гулам
Кази Джиа, см. Кази Джиа
Кази, см. Касим бек казий
Кайтмас, Туркмен, 151а
Кайхусрави, см. Мирза бек...
Каккар, см. Татар хан...
Каккар, см. Хати...
Каландар, см. Шахи, Каландар
Каландар, Пиада, 297б
Кал Кашук, 43а
Калпи, см. Алим хан...
Калпук, см. Султан Мухаммед...
Ходжа Камал, 4а
Камал ад-дин Дуст Хавенд, см. Камал ад-дин Дуст Хавенд
Камал ад-дин Кияк, 361а
Камал ад-дин Мухибб Али-и Халифа, см. Камал ад-дин Мухибб Али, сын Низам ад-дина, Халифа
Ходжа Камал ад-дин, см. Ходжа Камал ад-дин Хусейн
Пехлеван Ходжа Камал ад-дин Хусейн Бадахши, 320а
Камал ад-дин Юнус Али, см. Камал ад-дин Юнус Али
Камал хан, сын Султан Ала ад-дина, Лоди, 320б
Камал Шарбатчи, 210а
Камари, см. Малик Бу Са'ид...
Камбар Али, Аргун, 381а
Камбар Али бек, 26б
Камбар Али, сын Касим бека, 112а, 114а, 193б, 198а, 211а, 227а
Камбар Али бек, ахтачи, Силах, Могол, 15б, 65б, 66а, 67б, 69б, 70а, 71б, 73а, 74а, 78аб, 81б, 82б, 89а, 90б, 95б, 99б, 103б, 104б, 108аб, 109аб, 111б, 114б, 121а, 123а
Камбар бий, Узбек, сын Купак бия, 81а, 154б, 156а, 347а
Ками, см. Шах Хусейн...

Сайид Камил (Камал), 58б
Камран мирза, сын Бабура, (+ 933/1527), 233б, 247а, 259б, 293б, 329б, 345б, 346а, 348аб, 349а, 350а, 357б, 359аб
Кануни, см. Мир Ибрахим-и...
Каплан, (Киплан), см. Пайанда Мухаммед
Каппа, см. Купак бий
Кара Булат, 158б
Кара Куз биким, дочь М. Касим, Арлата, 12б, 168а
Кара Куз биким, см. Махдум... Султан биким
Кара Куз биким, см. Рабиа Султан биким
Кара Кузи, 265б, 266а
Кара Куйлук, см. Джехан Шах Барани...
Кара-Кули, см. Султан Хусейн, Аргун...
Карарани, см. Малик Дад...
Карача хан, 338аб, 355б, 361б, 365б
Карг андаз, см. Хайбат хан...
Карим берди, 366б
Каримдад, сын Худайдада, Туркмен, 91а, 107а, 215б, 234а
Карлугач Бахши, Могол, 62б
Карлук, см. Мирза Малви...
» см. Сангар...
» см. Шахбаз..
Карм Синг, 324а
Кармчанд, 326аб
Карши, см. Хатиб-и...
Касамтай мирза, 267б, 301а, 308а, 309аб, 310а
Малик Касим, брат Баба Кашка, Могол, 266а, 297аб, 315б, 321аб, 329а, 332а, 336б, 337а
Мулла Касим, 357б
Касим Аджаб бек, 55а, 63б, 72аб, 74б
Сейид Касим, ишик ага, Джалаир, 55а, 78а, 89а, 109б, 110а,.112б, 124б,149а, 198а, 209б, 223а, 226б, 238б, 246а, 248а, 360а
Касим Али, териаки, 227а, 228б, 229а
Касим бек, Каучин, (+ 928/1522), 14аб, 16а, 18а, 24б, 25а, 32а, 39б, 54б, 55а, 61аб, 62а, 65аб, 70а, 74б, 78а, 82б, 87а, 89а, 91а, 92а, 93б, 95б, 97б, 99б, 113б, 149а, 161а, 162аб, 184б, 186аб, 190а, 193аб, 196б, 197а, 203б, 209б, 210б, 211а, 212б, 213а, 214б, 215б, 237б, 241б
Касим бек, казий Кабула, 233б
Сейид Касим Булбули, 248б
Касим, Дулдай, 39а
Касим Кукельташ, 157а, 209б, 214б
Мир Касим, мирахур, 55б, 309б
Касим бек Самбхали, 294а, 297аб, 309б
Шах Касим, скороход, 345а
Касим султан, Шейбанид, Узбек, 168б, 186б
Касим хан, Казак, 12а
Касим Хатике, Аргун, 110а
Касим Ходжа, мл. брат Якка ходжи, 374б, 378а
Касим Хусейн султан, внук С. Хусейн мирзы, 168б, 311а, 320а, 321б, 329а, 332а, 362б, 371а 378а
Катак биким, жена С. Ахмед мирзы, 19б, 20б
Катта Мах, 190а
Каучин, см. Али Мазид бек...
» см. Касим бек...
» см. Кул Мухаммед Бугдай...
» см. Мир Шах...
» см. Мухаммед Кули...
» см. Хинду бек...
Кахил, оруженосец Бабура, 112а
Качи, см. Сатрви...
Кашгари, см. Абу Бекр, Дуглат,...
« см. Кулике...
» см. Султан Мелик...
Кашка Махмуд, бек тумана Чарас, 88а, 100б
Кизил, тавачи, 233б
Кизил, см. Вали Кизил
Султан Килинджак, 183б, 185б, 187б
Кипчак, см. Турди Мухаммед...
Кирхар, см. Абд Аллах.....
Кисра, 49а
Китабдар, см. Абд Аллах...
» см. Ходжа Мухаммед Али...
Китин Кара султан, 308б, 361а
Китта бек Кухбур, сын Сейид Кара, 67а, 259б, 260а, 262а, 263б, 297аб, 308а, 309б, 355б
Кичик Али, 113б, 315а, 325б
Кичик Баки дивана, 158аб
Кичик бек, старший брат, Ходжи Калан бека, 70а, 158аб
Кичик биким, дочь С. Хусейн мирзы, 168а

Кичик Мах, 190а
Кичик мирза, сын С. Ахмед мирзы, 164а
Кичик ходжа, 377б, 378а
Кичкина Тункетар, 240б, 254б
Кияк, см. Камал ад-дин...
Кият (Кавам) бек Урду шах, 238б, 249а, 311а, 320а, 321б
Клич, см. Шейх Бурхан ад-дин...
Кошук, см. Кал...
Кукельташ, см Абу Муслим...
» см. Мирза Али...
» см. Джанике...
» см. Касим...
» см. Кутлук Мухаммед...
» см. Шах Мазид...
» см. Минглик...
» см Мирза Кули...
» см. Мухаммеди...
» см. Нойон...
» см. Тулак...
» см. Фазил...
» см. Хайдар...
» см. Хусрау...
» см. Шейх Дервиш...
» см. Юсуф Али...
» см. Янги бек...
Куки, сын Баба Кашка, 332а, 337б, 371а, 374аб, 376б
Малик Кули Кунари, 250а
Кулал, борец, 362а
Кул Арук 151а
Кул Баба, 35б
Кул Баязид, бакаул, 126б, 151аб, 209б, 211б
Кули Баба, см. Купак Кули Баба,
Кули бек, Аргун, 35б, 211б, 246а
Кулике Кашгари, 62б
Кули Мухаммед Бугдай, Каучин, 23а
Устад Кул Мухаммед Уди, 171а, 182а
Кул Назар Тагай бек, 91б, 92б, 93б
Кундур Сангак, см. Махмуд...
Купак бек «Каппа» (Горбун), 150б, 161а, 195а, 210а, 240а
Купак бий, 81а, 163б, 347а
Купак мирза, см. Мухаммед Мухсин мирза...
Кур Аргун, 212б
Курбан Чархи, 224б, 348б, 352б, 371а, 376а
Кусам ибн Аббас, 44б
Кутб хан Сирвани, 294а, 298б, 315а, 327а, 328б, 331а
Кутби, см. Малик Али...
Джалал ад-дин Кутлук Кадам караул, сын Даулат Кадама, 150б, 210а, 238б, 250б, 258а, 259а, 263б, 265б, 266а, 267б, 299а, 320б, 322а
Кутлук Мухаммед Кукельташ, молочный брат Даулат Султан ханим, 242а
Кутлук Мухаммед, Барлас, 119а
Кутлук ходжа Кукельташ, 93аб, 240б, 241б
Кутлук Нигар ханим, мать Бабура, 8б, 9б, 11а, 27б, 95а, 96аб, 156б, (+ 911/1505)
Кухбур, см. Абд ал-Каддус...
Кухбур, см. Абу-л-Касим...
Кухбур, см. Ахмед Касим...
Куч бек, сын С. Ахмед караула, 33б, 69б, 70а, 73б, 81б, 92а, 93а, 215б, 220а, 226аб, 230а, 242а, 266аб, 319б, 328б, 338б
Кучум хан султан Кучкунджи (+937/1530), 347аб, 352аб, 354б, 357а
Куч Хайдар, сын Касим бека, 89а
Кушчи, см. Ахмед...

Лагари, см. Ваис... Тугчи
Лагари, см. Мирим...
Лам, отец Нуха, 133а
Лангар хан, Ниязай, 223б, 224б, 227а, 229б, 231а, 243а, 244аб, 249а
Лари, см. Мулла Абд ал-Гафур из Лара
Латифа биким, 20б
Латифа Султан Агаче, жена С. Хусейн мирзы, 166б, 169б
Пехлеван Лахури, 363б
Сейид Лачин, 255а
Лашкар, см. Хасан хан...
Лев Аллаха, см. Шейх Зу-н-Нун Аргун
Лоди, см. Ала ад-дин Алам хан, сын Султан Бахлула
Лоди, см. Султан Бахлул...
Лоди, см. султан Ибрахим...
Лоди, см. Искандер, сын Бахлула...

Лоди, см. Пахар хан...
Лули, см. Рамазан...
Лутфи бек, 365а

Магфур дивана, 311б, 380б
Маза, см. Султан Илек...
Шейх Мазид бек, 13б
Мир Мазид Тагай, 91б, 107б
Мазид бек тархан, Аргун, 28б, 29б
Шах Мазид Кукельташ, 234б, 238а
Мазхаб, см. Мулла Мухаммед...
Максуд сувчи (Максуд-и Карт), 210а, 211б, 276а
Мирза Малви, Карлук, 231а, 238а
Малик Али Кутби, см. Малик Али Кутби
Малик Бибан, см. Малик Бибан.
Малик Бу Са'ид Камари, см. Малик Бу Са'ид Камари
Малик Бу хан, см. Малик Бу хан, Дилазак
Малик Дад Карарани, см. Малик Дад Карарани
Малик Касим, см. Малик Касим
Султан Малик Кашгари, 13а, 20б, 21а
Малик Кул, см. Малик Кул
Малик Муса, Дилазак, см. Малик Муса, Дилазак
Малик Сурук, см. Малик Сурук
Малик Хаст Асад, см. Малик Хаст Асад, Джанджуха
Малик Шарк, 378б
Малик шах Мансур, см. Малик шах Мансур, Юсуфзай
Малинхас, см. Бирим Део
Мамак султан, 34а
Мангит, см. Хаджи Гази...
Мангит, см. Хамза бий...
Маникчанд Чухан, 324а
Раджа Ман Синг, 340аб, 341б
Малик шах Мансур, сын Малик Сулейман шаха, Юсуфзай, 218б, 219б, 220аб, 221б, 236а
Джалал ад-дин шах Мансур, Барлас, 262а, 266а, 267б, 299а, 308а, 309б, 311а, 322а
Шах Мансур Бахши, 204б, 206а
Мансур мирза, б. Байкара, 163б
Мансур, Туркмен, 210а
Манучихр мирза, 12б
Марварид, см. Ходжа Абд Аллах... Баяни
Маргуб кул (невольник), 294б
Шейх Маслахат Худжанди, 4а, 83б
Масти Чухра, 246а, 250а
Султан Мас'уд, Газневид (421/1030—432/1041), 138б
Мас'уди, см. Имад ад-дин...
Султан Мас'уд мирза, ст. сын С. Махмуд мирзы, 20а, 24а, 26б, 28а, 29б, 30а, 33аб, 37б, 38а, 42аб, 44а, 56аб, 58аб, 68а, 81б, 165б, 168аб, 189а, 344б
Султан Мас'уд мирза б. Суюргатмиш мирза б. Шахрух мирза, «Султан Мас'уд Кабули», 224б, 225а
Мулла Мас'уд Ширвани, 178б
Мать Ибрахим султана, 268б, 305аб, 307а
Мать Пир Мухаммед мирзы, 208а
Маулана-и Кази, см. Абд Аллах ходжа...
Маулана Шейх Хусейн, см. Маулана Шейх Хусейн
Маханди (Минди, Хинди Могол, Амачи Минди), 149б, 210а, 246а, 266а
Махди султан, 20а, 33б, 34а, 38б, 64б, 82б, 89б, 156а, 166б, 320б, 347б
Сейид Махди ходжа, сын Муса ходжи, 265б, 266аб, 267б, 296б, 298б, 299б, 301б, 302б, 304а, 307б, 310а, 320б, 327а, 328б, 358б, 380б, 382а
Махдум-и Алам (Хаджипур), 368а
Махдума Султан биким, 27б
Махим биким, жена Бабура (+ 940/1533), 220а, 361б, 363а, 369а, 380б
Маулана Махмуд, 268а
Мулла Махмуд, слуга Халифы, 237а, 246б, 247а, 322а, 363а
Махмуд бек, Барлас, 29б, 30а, 33б, 35б
Султан Махмуд Гази, 137б, 138б, 269аб
Султан Махмуд Дулдай, 25а, 79а
Махмуд, см. Кашка...
Махмуд Кундур Сангек, 40б
Султан Махмуд Лоди, 367а, 368а, 370б, 374б
Султан Махмуд Гази, сын Абу Са'ида, Тимурид, (899/1494 — 900/1494), 6б, 12а, 14б, 17а, 20а, 21б, 23а, 24а, 25б, 26аб,

27аб, 28аб, 29аб, 30а, 31аб, 34а, 35б, 50б, 68а, 69а, 121а, 122а, 124а, 165а, 167а
Махмуд, сын Мухаммед Махдума, 154б
Шах Махмуд Оглакчи, Могол, 152б
Шах Махмуд парваначи, 198б, 209б
Сейид Махмуд Сайфи, Арузи, шиит, наставник Байсункар мирзы, 68б
«Махмуд султан», см. Махмуд хан, сын Султан Искандера
Маулана Махмуд Фараби, 358а
Султан Махмуд хан, сын Юнус хана (+ 914/1509), 2б, 3б, 6а, 9б, 11б, 13б, 14а, 15а, 16а, 17аб, 19аб, 51б, 54б, 55б, 62а, 68б, 94б, 96б, 99б, 100а—103б, 107аб, 108а, 110аб, 111а, 116а, 119б, 120а, 199б
Махмуд хан Нухани, из Газипура, 296б, 298б, 365а, 371а, 375б, 378а
Махмуд хан султан, мл. брат Шейбани хана, 89б, 156а
Махмуд хан, сын Фатх хана Сарвани, 303а
Махмуд хан Нухани, сын Хан Джехана (Алам хан), 256а, 257а
Махмуд хан, сын Султана Сикандара, «Махмуд султан», 318а, 356б, 363б, 364б
Султан Махмуд Хилджи, сын Султан Насир ад-дина, 271а, 333б, 343а, 362б
Махмуд хан, шикдар, из Сикандарпура, 370б
Султан Махмуд Шарки, сын С. Джалал ад-дина, 363аб
Махум (Махдум) Султан биким, «Кара Куз биким», 9а
Мах Чучук, дочь Мукима, 214б
Мачами, см. Сейид Юсуф...
Ма'мун, Аббасид (198/813—218/833), 46б
Ма'руф, Дилазак, 233а
Ма'руф Фармули, 294а, 299а, 301а, 336а, 374б, 380а
Ма'сума Султан биким, дочь Бабура, 20а, 352б
Ма'сума Султан биким, дочь С. Ахмед мирзы, 20а, 191б, 207а, 212б
Мевати, см. Нахир хан, сын Хасан хана...
Мевати, см. Хасан хан...
Малик Мухаммед мирза, см. Малик Мухаммед мирза
Малик Сулейман шах, см. Малик Сулейман шах...
Менучихр мирза, брат Абу Са'ида, Тимурид, 23а, 27а
Менучихр хан, сын Сейид Али хана, 228а, 229аб, 332а
Мешхеди, см. Султан Али...
Мешхеди, см. Мир Бурхан ад-дин Ата Аллах...
Мешхеди, см. Сейид...
Миан Сулейман, см. Сулейман шейхзаде Фармули
Мидини (Минди) Рао, 210а, 272а, 333б, 335а
Минг, см. Ибрахим Сару...
Мингли Бий Агаче, 167а, 168а, 169б
Минглик бек, см. Ибрахим Сару...
Минглик Кукельташ (ж), 95а
Мир Азу, 182б
Мир Али бек, см. Мир Али бек...
Мир Али курчи, см. Мир Али курчи
Мир Али мирахур, см. Мир Али мирахур
Миран Шах мирза, сын Улуг бека Кабули, 58аб
Миран Шах Султан мирза, сын Тимура, (810/1408), 6б, 163б, 164а, 175б
Мир Бузург Термези, 27а, 28а
Мир Гису, 325а
Мир Гияс, 357б
Мир Джан, диван, 211б
Мир Джан Самарканди, певец, 190а
Мирек, 357б
Мирек Абд ар-Рахим, садр, 174б
Мулла Мирек Баба Фаркати, 214б
Мирек бек, Туркмен, 9б
Мирек Джан Ирди, 192б
Мирек Кур, диван, 206а
Хафиз Мирек Юсуф, 215а
Мирза бек Кайхусрави, 206а
Мирза бек Таган, 357б
Мирза бек тархан, 266а
Мирзи бек Ференги баз, 33б
Мирза Кули Кукельташ, 17а, 112б, 113а, 114аб, 115а, 227а, 228б, 229а, 234а, 238б, 241а
Мирза Могол, сын Даулат Кадама, Тюрка, 296аб

Мирза Табризи, 357б
Мирза хан (Хан мирза), сын С. Махмуд мирзы, Тимурид, (+ 927/1521), 11а, 13б, 77а, 102а, 123б, 124б, 149а, 197а, 198аб, 199б, 200а—202а, 207б, 209б, 211б, 213б, 237б, 240а, 245б
Мир Ибрахим Кануни, см. Мир Ибрахим-и Кануни
Мирим, приемный сын Узун Хасана, 109б
Мирим диван, 65б, 74б, 201а
Мирим Лагари, 55а, 65б, 66а
Мирим Насир бек, см. Мирим Насир бек
Мирим тархан, 44а
Мир (Сангтараш, каменотес), 357б
Ходжа Мир Миран, 112б, 221аб, 229б, 251б, 258б, 259а, 266а, 295б
Мир Могол, сын Абд ал-Ваххаба шигаула, 31б, 77а, 78а
Мир-и Муртаз, 178аб
Мир Мухаммед джалабан, см. Мир Мухаммед, джалабан
Мир Мухаммед Махди ходжа, см. Мир Мухаммед Махди ходжа
Мир Сар-и Барахна, садр, 176а
Сейид Мир Хама, 308б, 309а, 320б
Мир Хурд бакаул, 229а, 239б, 241б, 356б
Мир Шах, Каучин, 40б, 55а, 65б, 74б, 89а, 92а, 104б, 209б, 238б, 240б
Мир Шах Хусейн, см. Мир Шах Хусейн
Мир-и шикар, см. Шейхим мир-и шикар
Мисвати, см. Фируз хан....
Мискин, см. Нур Мухаммед...
Михр Бану биким, дочь Омар Шейха, 9а
Михрбан (Михри) ханим, 352а, 357б
Михр Нигар Ханим, дочь Юнус хана, 10б, 11а, 20а, 96б, 213б
Младший брат Баба-и Пашагири, 308б
Младший брат Муллы Аппака, 310б
Младший хан, см. Султан Ахмед хан, Алача хан
Могол, см. Абд ал-Ваххаб,...
» см. Али Сейид Сикма,...
» см. Султан Ахмед,...
» см. Камбар Али,...
» см. Бек Мирек,...
» см. Мирза...
» см. Мир...
Могол, см. Худай Берди Тугчи Тимурташ
» см. Чалма...
» см. Шир Кули караул,...
Могол бек, 173а, 365а
Могол Ганчи, 266а, 320б, 322а
» см. Бек Мухаммед,...
» см. Тенгри Кули Пишаги,...
» см. Хинди...
Муайяд, 329а
Муаммаи, см. Мулла Мухаммед Талиб...
Муаммаи, см. Мир Хусейн...
Мубарак хан Джилвани, 379б
Мубарак шах, 10б, 154б, 183б, 184а, 202б, 213а
Мубашшир бек, см. Мухаммед Али
Муджахид хан Мултани, 305а
Султан Музаффар Гуджерати, Танк, 270б, 301б, 302а
Шах Музаффар, 171а, 181б, 182а
Музаффар, Барлас, 170аб
Музаффар Хусейн мирза, сын С. Хусейн мирзы, 33а, 36а, 41а, 42б, 166а, 169а, 172б, 182б, 183а, 185а—187а, 188аб, 189а, 190аб, 197а, 204б, 205б, 206б, (378а)
Музаххиб, см. Мулла Мухамед...
Муким, см. Мухаммед.... Аргун
Мулла Али хан, см. Мулла Али хан
Мулла Ахмед, см. Мулла Ахмед
Мулла Баба, см. Мулла Баба Фиркати
Мулла Барик, см. Мулла Барик
Мулла Бихишти, см. Мулла Бихишти
Муллазаде, сын Муллы Османа, «Мулла-и Мадарзад» из Чарха, 137а, 178а
Мулла Тагаи, 357б
Мула Ходжака, 236а
Мулла Ходжа, потомок Сейид Ата, 168а
Мулла Шамс, см. Мулла Шамс
Мультани, см. Муджахид хан...
Ходжа Мунир из Оша, 38а
Мунири, см. Шейх Шараф ад-дин...
Мурад бек Баяндури, Туркмен, 176а, 210б
Мурад курчи, Каджар, Туркмен, 869а, 381б
Султан Мурад мирза, Арлат, 168а
Ходжа Мулла Муршид Ираки, 226б, 367аб

Малик Муса, Дилазак, 233а, 242а
Муса Султан, сын Ма'руфа Фармули, 371а, 380а
Муса Ходжа, 216а
Мустафа-и Руми топчи (пушкарь) 266б, 310б, 311а, 321б, 336б, 370а, 371аб
Мустафа Фармули, 295б
Мутуген, 9б
Мухаддис, см. Мулла Джамал ад-дин...
Пехлеван Хаджи Мухаммед туфанг андази, 352б
Устад Султан Мухаммед, 360а
Шамс ад-дин Мухаммед, нукер, 358б, 359а, 361а
Устад Шах Мухаммед сангтараш, 215а, 330б, 339б, 357б
Шейх Мухаммед Абд Аллах бакаул, 206а
Низам ад-дин Султан Мухаммед Али Бахши (Мухаммед Султан Али), 165а, 211б, 239б, 265б, 266а, 306б, 345а, 351а, 358б, 364а, 380б
Шамс ад-дин Мухаммед Али Дженг-Дженг, 217б, 228б, 229а, 231а, 232а, 238а, 244б, 248б, 257б, 259а, 260а, 261а, 265б, 266а, 298б, 310б, 320б, 322а, 325б, 328б, 332а, 337б, 355б
Ходжа Мухаммед Али Китабдар, 78б, 105б, 107б, 198б, 209б, 236аб, 238а, 241б, 243аб, 244б
Мухаммед Али Мубашир бек, 55а, 69б, 70а, 105а, 107б, 113б, 161а
Мухаммед Али пиада, 215а
Ходжа Мухаммед Али Тагаи Асас, 210а, 216б, 228б, 229а, 244а, 248а, 250аб, 312а
Мухаммед Али, сын Хайдара Рикабдара, 248а, 303а, 366б, 367а
Ходжа Мухаммед Амин, 146а, 215а, 248а
Мухаммед Амин, хан Казанский, 182б
Мухаммед Андиджани, Тукбай, 197аб
Мухаммед Аскари, сын Бабура (+965/1558), 293б, 339а, 350а — 351б, 353б, 354б, 355б, 362б, 371а, 372а—374б, 378а
Захир ад-дин Мухаммед Бабур мирза (1—214), падишах (214—363), сын Омар Шейха, Тимурид, Барлас, (932/1526—937/1530), основатель династии Великих моголов, 8б, 13б, 88аб, 119б, 185аб, 189аб, 192а, 194аб, 196аб, 198б, 199б, 200а, 201аб, 203аб, 204а, 207б—209а, 210б, 212а, 213а, 214а, 215аб, 216аб, 218а, 219а—220б, 223а, 225а, 226а, 227а—229а, 230б—232б, 236аб, 237а, 238а, 242б, 245а, 246а — 248б, 249б, 251а, 252аб, 253аб, 255а, 257а, 258а, 259а, 261а, 265а, 268аб, 269б, 285аб, 293б, 295а, 296аб, 298аб, 299а, 302б, 305б — 307а, 308а, 310аб, 311б, 312б, 314б, 315б, 316а, 323а, 325аб, 326а, 327б, 329б—333а, 334а, 337б—339а, 340а, 343б—344б, 346б, 349а, 350а, 351аб, 353аб, 355а, 356а, 357б, 358б, 362а, 363б
Шах Султан Мухаммед Бадахши, 11б, 29б
Мухаммед Бадахши, 180б
Шейх Мухаммед, сын Шейха Бакари, 329а
Мухаммед Бакир бек, 17а, 25а, 39а, 55а, 117аб, 246а
Низам ад-дин Джан Мухаммед Бег Атка (Атака), 257б, 261б, 265б, 299а, 320б, 322а, 378а
Султан Мухаммед бек, Дулдай, 183б, 184б, 209б, 237а, 242б, 243а, 262а, 265а, 298б, 315а, 328б, 329а, 375а
Хафиз Мухаммед бек, Дулдай, Барлас, 8б, 13аб, 66б, 76б, 79а, 95б,
Мухаммед Бурундук ибн Али ибн Бурундук ибн Джехан шах ибн Чаку, Барлас, 33б, 155б, 170а, 172аб, 182б, 183а, 185аб, 186б, 187а, 192а, 204б, 205а
Пехлеван Мухаммед Бу Са'ид 182б
Султан Мухаммед Ваис, 39б, 101а, 112а, 113б
Мухаммед Вали бек, 33а, 42а, 57б, 174аб
Шейх Мухаммед Гаус, 304б
Ходжа Мухаммед Дарзи, 16а
Мир Мухаммед джалабан (плотовщик), 222б, 241а, 250б, 336б, 338б, 352б, 374а
Шах Мухаммед дивана, 167а, 377б
Мухаммед Дуглат (Мухаммед Хи-

сари), сын С. Хусейн Дуглата, 33б, 34а, 56а, 64б, 99б, 103б
Мухаммед Дуст Тагаи, 31а, 55а, 65б, 74б, 79аб, 111б
Мухаммед Зайтун, 294а, 298аб, 305а, 309б
Ходжа Мухаммед Закария, сын Ходжа Яхьи, 80б
Мухаммед Заман мирза, внук С. Хусейн мирзы, (+946/1539), 167а, 170а, 175б, 227а, 238а, 293б, 339а, 352а, 356б, 365б, 366б — 368а, 370а, 371а, 372аб, 375б, 378а
Шамс ад-дин Мухаммади Кукельташ, 9а, 227аб, 229а, 244а, 258а, 259а, 266а, 267б, 297а, 299а, 320б, 321б, 325б, 355б, 375а
Мухаммед Ильчи Буга, 29а
Султан Мухаммед Калпук, Утарчи, брат Танбала, 105б, 106а
Мухаммед Касим, Барлас, 247б
Мухаммед Касим, сын Баки Чаганиани, 122б
Мухамед Касим мирза, сын С. Хусейн мирзы, 167б
Мухаммед Касим мирза, Арлат, 168а
Мухаммед Касим Набире, 43а
Мухаммед Кули Каучин, 36б, 93а
Мухаммед курчи, 154б, 202б, 213а
Дервиш Мухаммед Мазид тархан, Аргун, (+901/1496), 17аб, 18а, 21б, 22б, 36а, 37аб, 47б, 48б, 76аб, 77а, 78аб, 81а, 89а, 90б, 93а
Мир Мухаммед, слуга Махди ходжи, 224б
Шах Мухаммед, сын Ма'руфа Фармули, 374б, 375а, 377а
Мухаммед Ма'сум мирза, сын С. Хусейн мирзы (+907/1502), 167б
Малик Мухаммед мирза, сын Менучихр мирзы, 23аб, 27а, 28а
Пир Мухаммед мирза, 208а
Султан Мухаммед мирза, сын Абу Са'ид мирзы, 6б, 11а
Мухаммед Мир Юсуф (Мир Мухаммед Юсуф), 179а, 206б
Нур Мухаммед Мискин, сын Хафиз Дулдая, 43а
Бек Мухаммед, Могол, 230а
Мулла Мухаммед, Музаххиб, 261а, 355а, 368б, 369а
Мухаммед Муким, сын Зу-н-Нуна Аргуна, 14а, 65а, 125а, 127аб, 128а, 144а, 155а, 158б, 172б, 204б, 207а, 208аб, 210а — 211б, 212б, 214б
Шах Мухаммед Мухрдар, 229а, 381б
Мухамед Мухсин мирза, «Купак мирза», сын С. Хусейн мирзы, (+913/1507), 165б, 166б, 169б, 185а, 206б, 207а
Мухаммед Му'мин мирза, 41а, 42б, 169а
Мулла Мухаммед Паргари, 254б
Султан Мухаммед Сайфал, 39а
Мухаммед Салих (Хорезми), (+941/1535), автор Шейбани наме, 38а, 76аб, 181а, 252б
Низам ад-дин Мухаммед Сарбан, 237б, 240б, 241аб, 243а, 244а, 265а, 266а, 310а, 312б, 373б, 378б
Мухаммед Сейид Урус, сын Урус Аргуна, 175а
Султан Мухаммед султан, Ханике, Султаним, ст. сын Махмуд хана, (+914/1508), 55б, 72аб, 100а, 102а
Мухаммед Султан мирза, сын С. Баис мирзы, Барлас, 167б, 176а, 234б, 257б, 265б, 266а, 267б, 297а, 298б, 299б, 301б, 307б, 310а, 320б, 322а, 329а, 332а, 362а, 372б, 373а, 374а, 378а
Мухаммед Султан мирза, внук Тимура, 46а, 50а
Мулла Мухаммед Талиб Муаммаи, 128б
Бек Мухаммед Та'ллукчи, 346б
Мулла Мухаммед Туркестани, 123а
Дервиш Мухаммед Фазли, 154а, 240а
Ходжа Маджд ад-дин Мухаммед Хавафи, сын Пир Ахмеда Хавафи, вазир, 176б, 177а
Мухаммед Хайдар мирза Гурган, Дуглат, (+958/1551), 11а, 332б
Шамс ад-дин Мухаммед Халил ахта беки, 303а, 322а
Мухаммед хан, 9б
Устад Мухаммед Хасан, оружейник, 360а
Абу-н-Насир Мухаммед Хиндал

сын Бабура, (+958/1551), 220а, 227а, 241б, 293б, 352б, 357б, 359а
Мухаммед Хисари, см. Мухаммед Дуглат
Мухаммед Ходжаги ходжа, ст. сын Ходжа Убайд Алла Ахрара, 36б, 37а, 96б
Насир ад-дин Мухаммед Хумаюн мирза, сын Бабура, (937/1530 — 963/1556), 14б, 215б, 220а, 231а, 233б, 247а, 249а, 252а, 253б, 259б, 262аб, 263а, 265б, 266а, 267б — 268б, 293б, 296а — 297а, 299б, 301б, 302б, 303а, 307б, 308а, 310а, 311а, 320а, 321б, 326б, 327аб, 329б, 331а, 345б, 346аб, 347а, 348а, 349а, 356б, 357б, 358б, 359б, 380б
Мухаммед Хусейн Гурган, Дуглат, отец Хайдар мирзы, (+914/1508), 11а, 59а, 76б, 99б, 157а, 197а
Мухаммед Хусейн мирза, сын С. Хусейн мирзы, 54б, 57б, 96б, 169б, 189б, 198а, 199а, 201аб
Мухаммед Хусейн курчи, 198а, 244б
Мухаммед Шариф звездочет, 236а, 311б, 325а
Мухаммед шах, сын С. Насир ад-дина Хилджи, 333б
Мухаммед Шейбани хан (Шейбак хан, Шахи бег хан, Шах бахт), (906/1500 — 916/1510), Узбек, 3б, 8б, 9а, 10б, 12а, 22аб, 29б, 33б, 38б, 43б, 44а, 55б, 62а, 78б, 79б, 80аб, 82б, 84а, 85а — 88б, 90а, 91б, 92б, 93б — 95а, 98а, 99аб, 101б, 108а, 110б, 122б, 123а, 125б, 154б, 156аб, 162б, 163аб, 167а, 172б, 173а, 181а, 182б, 183б, 185аб, 187а, 192б, 200б, 201б, 204аб, 205а, 206аб, 207а, 212б, 213а, 214б, 215а
Мухаммед Юсуф Оглакчи, 79а
Мухибб Али курчи, 35а, 42б, 120б, 192б, 197а, 209б, 216а, 226б, 243а, 262а
Камал ад-дин Мухибб Али, сын Али Халифы, 265б, 266аб, 310б, 319б, 337б
Мухибб Султан, дочь С. Махмуд мирзы, 28а
Мухрдар, см. Шах Мухаммед...
Мухсин Дулдай, 332б
Мухсин саки (кравчий), 366а
Муштак, см. Султан Ахмед...
Му'изз ад-дин Абд ал-Азиз мирахур, см. Му'изз ад-дин Абд ал-Азиз мирахур
Му'мин Али Таваджи (Тавачи), 254а, 327а
Му'мин, сын Муллы Хайдара, 98аб
Му'мин Атка (Атака), 239а, 262а, 301а, 321а, 322а, 377а

Набире, см. Мухаммед Касим...
Набире, см. Хасан...
Навои, см. Мир Алишер... Фани
Наджм-и Сани, 166б
Назир Али, тюрк, 229б
Шах Назар, Туркмен, 216а
Назар бахадур, Узбек, 57аб, 175б
Шах Назар (Назир), 210а
Найза баз, см. Абу Мухаммед...
Найи, см. Джалал ад-дин Махмуд...
Найи, см. Шейх-и...
Нарпат Хара, 318а
Джан Насир, 241б
Насир бек, 63а, 106а, 107б
Мирим Насир бек, 63а, 83а, 210а, 211б, 227а, 229аб, 234б
Шахим Насир бек, 114а
Султан Насир ад-дин Хилджи, 333б, 335б
Насир мирза, сын Омар Шейха, мл. брат Бабура, (+921/1515), 8б, 9а, 10б, 17аб, 110б, 115б, 126б, 127б, 138а, 139б, 144а, 145б, 154а — 156а, 162б, 183б, 202б, 203аб, 209б, 211б — 213а, 214б, 215а
Ходжа Насир ад-дин Туси (+672/1274), 46б
Насир хан Нухани, 294а, 299а, 301а, 307б, 365а
Нахар хан, сын Хасан хана Мевати, 308а, 321б, 328а
Низам ад'дин Абд аш-Шукур, см. Низам ад-дин Абд аш-Шукур
Низам ад-дин Али Халифа, см. Низам ад-дин Али Халифа
Низам ад-дин Ахмед Юсуф см. Низам ад-дин Ахмед Юсуф Оглакчи
Низам ад-дин Дервиш Мухаммед, см. Низам ад-дин Дервиш Мухаммед Сарбан
Низам ад-дин Джан Мухаммед, см. Ни-

зам ад-дин Джан Мухаммед Бег Атка
Низам ад-дин Дуст ишик ага, см. Низам ад-дин Дуст ишик ага
Низам ад-дин Пир Кули, см. Низам ад-дин Пир Кули Систани
Низам ад-дин Султан Мухаммед, см. Низам ад-дин Султан Мухаммед Али Бахши
Низам ад-дин Тарди бек, см. Низам ад-дин Тарди бек
Низам ад-дин Ходжаги Асад, см. Низам ад-дин ходжаги Асад Джандар
Низам ал-Мулк Хавафи, 177а
Шейх Низами, 170б, 180б
Низам хан Биани, 294а, 297б, 303б, 304а, 321а, 376б
Мулла Ни'мат, 310б
Ни'мат Аргун, 19а
Ниязай см. Лангар хан...
Нойон бек Термези, 171б
Нойон Кукельташ, 83аб, 91б, 97б, 98аб, 99а
Нур бек, 233б, 248а, 251б, 255б, 363а, 381б
Нусрат шах, сын Ала ад-дина, 271аб, 357а 375б
Нухани, см. Адил хан...
« см. Насир хан...
« см. Махмуд хан...
« см. Ходжа Хизр...
« см. Хусейн хан...
« см. Яхья...
Шейх Нур ад-дин бек Туркестани, 9б
Нур Мухаммед Мискин, см. Нур Мухаммед Мискин
Нур Алла Тамбурчи
Ну'ман Чухра 107б, 227а
Оглакчи, см. Низам ад-дин Ахмед Юсуф
Оглакчи, см. Шах Махмуд...
Оглакчи, см. Сейид Хасан...
Оглан, см. Шир Али...
Омар бек 175б
Омар Шейх мирза, сын Тимура, (+797/1395), 6б, 163б
Омар Шейх мирза, сын Абу Са'ида, Тимурид, (+ 899/1494), отец Бабура 3а, 4б, 5б, 6аб, 7аб, 8б, 9а, 12б, 13б — 16а, 17б — 18а, 19аб, 27б, 31б, 32б, 52а
Осман, халиф, (23/644 — 35/656), 44б
Отец Касим Хусейн султана, 186б
Отец Фатх хана Сарвани, 302б, 303а

Падмавати, жена Рана Санка, 342б, 343а
Пайанда Мухаммед Каплан (Киплан), 238б, 239а
Пайанде Султан биким, дочь Абу Са'ид мирзы, 27б, 35б, 167а, 168а, 169а, 188аб, 191б, 205б
Папа Агаче, 167б, 168а, 169б
Папа Угли, 149а, 209б
Паргари, см. Мулла Мухаммед...
Парсчи, см. Вали...
Пахар мирза, 208а
Пахар хан Лоди, 132а, 326а
Пашагири, см. Мулла Баба-и...
Пашша биким, жена С. Махмуд мирзы, 27а, 28а, 68а
Пехлеван-и Ауди, 378б
Пехлеван Бахлул, см. Пехлеван Бахлул
Пехлеван Лахури, см. Пехлеван Лахури
Пехлеван Хаджи Мухаммед, см. Пехлеван Хаджи Мухаммед
Пиада, см. Каландар...
« см. Мухаммед Али...
« см. Рахмат...
Пир Ахмед, см. Пир Ахмед
Пир Ахмед Хавафи, см. Пир Ахмед Хавафи
Пир Дервиш Хазараспи, 29а
Пири бек, Туркмен, 210б
Низам ад-дин Пир Кули Систани, 266а, 299а, 320а
Пир Мухаммед Мирза, см. Пир Мухаммед, мирза
Пир Ваис, см. Пир Ваис
Пир Султан Пашаи, 193аб
Пихи, Гагиани, 145б, 146б
Пишаги, см. Тенгри Кули... Могол
Пулад Султан, 237б, 347а, 352а, 357б
Пуран, 149а, 214б
Шейх Пуран, 206а

Рабиа Султан биким «Кара куз биким», 19б
Рабиа Султан биким, мл. сестра С. Хусейн мирзы, 168а
Рава Удаи Синг Багари, 318а, 324а

Раджаб Султан биким, дочь С. Махмуд мирзы, 28а
Раги, см. Зубайр...
Раджа Биджанагара, см. Раджа Биджанагара
Раджа Бикам део, см. Раджа Бикам део
Раджа Бикам чанд, см. Раджа Бикам чанд
Раджа Бикрамаджит, см. Раджа Бикрамаджит Хинду
Раджа Бир Синг део, см. Раджа Бир Синг део
Рай Хинд, см. Рай Хинд
Рай Чандрабан, см. Рай Чандрабан Чухан
Рамазан Лули, 228б, 229а
Рана Бикрамаджит, см. Рана Бикрамаджит
Рана Санка, см. Рана Санка (Санга),
Рао, см. Дилпат Рао
Рао, см. Мидини Рао
Рапари, см. Хусейн хан...
Рана Ратансин, сын Рана Санка, 343а
Раух дам, 227а, 228б, 229а, 241а
Сейид Рафи' ад-дин Сафави, 304а, 339а, 352а
Ходжа Рахимдад, 304аб, 309б, 340аб, 342б, 343аб, 381б
Рахмат пиада (пехотинец), 263а
Султан Рашид хан, сын Са'ид хана, 12а
Риниш, Узбек 345б, 347а
Рукайя Султан биким, дочь Омар Шейха, 9а
Руми, см. Сейид...
Раджа Руп Нараин, 293а
Рустам Али, Туркмен, 210а, 221б, 303а, 321а, 322а
Рустам хан, 315а
Сабуктегин Газневид, (366/977 — 387/997), 137б, 139а
Савади, 261б
Савади, см. Ала ад-дин...
« см. Ваис...
« см. Хасан Али...
Садик Пехлеван (борец), 362а, 363б, 381аб
Садлу, см. Са'ад, сын Хусейна... Туркмен
Сейид Камил, см. Сейид Камил
Маулана Сайиди Мешхеди, 215б
Сайрами, см. Баба
Сайф ад-дин Ахмед, потомок Тафтазани, 177б, 179а
Сайфал, см. Султан Мухаммед...
Сайф хан Нухани, сын Дариа хана, 257а
Салах ад-дин, 318а, 324а, 335б, 344а
Салим, см. Ику Салим
Салиха Султан биким «Ак биким», 20а 24а
Салиха Султан биким, дочь С. Махмуда, 27б, 344б
Саллах, см. Камбар Али-и...
Салман, см. Саки...
Самад, брат Ибрахима Сару, 65б
Саманчи, см. Тенгри Берди...
Сангар (Сангур) хан Джанджуха, 225б, 229б, 248б, 309б
Сангар Карлук, 231а
Сангек, см. Махмуд Кундур...
Султан Санджар, Барлас, 197а, 199б
Санджар мирза из Мерва, 168б
Рана Санка (Санга) Мевари, (+934/1528), 168б, 271а, 272а, 298а, 299а, 300б, 303а, 304а, 307б, 308а, 309аб, 311а, 312б, 317аб, 325б, 326б, 328б, 329а, 333б, 335б, 337аб, 343а, 367б
Саранг хани, см. Тадж хан...
Саранг хани, см. Татар хан...
Саранг хани, см. Фируз хан...
Саранг хани, см. Хамид хан...
Сар Барахна, см. Мир...
Сарвани, см. А'зам Хумаюн...
Сарвани, см. Дауд...
Сарвани, см. Рао...
Сарвани, см. Фатх хан...
Сарвар Кул, 216б
Сарик баш мирза, Утарчи, 103б, 109а
Сарраф, см. Мулла Хасан...
Мулла Сарсан, 307а
Сару, см. Ибрахим... Минг
Сатрви Качи, 318а
Са'ад ад-дин Мас'уд Тафтазани, 177б
Са'ад, сын Хусейна, Садлу, Туркмен, 165а
Шейх Муслих ад-дин Са'ади Ширази, (+690/1291), 183а
Султан Са'ид хан Гази, 200б, 244а, 246а, 251б, 332а
Султан Са'ид хан, 11а, 12аб, 102б, 200б

Сейид Абд Аллах мирза, см. Сейид Абд Аллах мирза
Сейид Али хан, см. Сейид Али хан б. Гази хан б. Мир Али
Сейид Бадр, см. Сейид Бадр
Сейид Барака, см. Сейид Барака
Сейид Дакни, см. Сейид Дакни Ширази
Сейид Дауд, см. Сейид Дауд Гармсири
Сейид Дервиш Али, см. Сейид Дервиш Али
Сейид Касим, см. Сейид Касим Булбули
Сейид Касим, см. Сейид Касим ишик ага
Сейид Лачин, см. Сейид Лачин
Сейид Махмуд, см. Сейид Махмуд
Сейид Мешхеди, 381б
Сейид Мирза Апак, Андхуди, 168б
Сейид Рафи', см. Сейид Рафи'
Сейид Руми, 352а
Сейид Табиб Хорасани, 136б
Сейид Туфан, Аргун, см. Сейид Туфан Аргун
Сейид Урус, см. Мухамед Сейид Урус, Аргун
Сейид Юсуф Мачами, см. Сейид Юсуф Мачами
Маулана Сайфи Бухари (+909/1503), 180б
Сестра Узун Хасана, 63а
Сиджавенди, см. Ходжа Ахмед...
Сиджавенди, см. Ходжа Юнус...
Сейид Сиди Кара бек Тагаи, 55а, 61б, 62а, 65б, 68а, 69б, 74б, 88б
Сидим Али дарбан, см. Сидим Али дарбан
Султан Сикандар Лоди, 333б, 339б, 345а
Сикма, см. Али Сейид... Могол (Шикма).
Синг, см. Карм Синг
Синг, см. Равал Удаи...
Синг Део, 293а
Сирвани (Ширвани), см. Кутб...
Систани, см. Али...
Систани, см. Пир Кули...
Сиюндук, Туркмен, 195а, 210а, 216а
Старший хан, см. Султан Махмудхан
Сувчи, см. Максуд...
Сулейман, нукер Мухаммед Али Мубашшира, 113а
Сулейман, см. Миан...
Сулейман Атка (Атака), Туркмен, посол Ирака, 305а, 320аб, 329б
Сулейман мирза, сын Ваис хана, 266а
Малик Сулейман шах, Юсуфзай, 220а
Сулейман шах, 319б
Сулейман Шейхзаде Фармули, 256б, 257а, 268а
Султан Ала ад-дин Хилджи, см. Султан Ала ад-дин Хилджи
Султан Али, см. Султан Али, дядя Камрана
« « см. Султан Али, Аргун
« « см. Султан Али Мешхеди
« « см. Султан Али мирза
« « см. Султан Али, тюрк
« « см.Султан Али Чухра
Султан Ахмед см. Султан Ахмед
« « см. Султан Ахмед бек
« « см. Султан Ахмед Кази
« « см. Султан Ахмед караул
« « см. Султан Ахмед мирза, Дуглат
« « см. Султан Ахмед, Могол
« « см. Султан Ахмед Муштак
« « см. Султан Ахмед Танбал
Султан Барахи, см. Султан Барахи
Султан Бахт биким, 344б
Султан Баязид, см. Султан Баязид
« Ваис, см. Султан Ваис
« Ваис мирза, см. Султан Ваис мирза
« Ваис, см. Султан Ваис Савади
« Джалал ад-дин, см. Султан Джалал ад-дин
« Джалал ад-дин, см. Султан Джалал ад-дин Шарки
Султан Джунаид, см. Султан Джунаид, Барлас
Султан Джунаид, см. Султан Джунаид Вали
Султан Ибрахим, см. Султан Ибрахим
Султан Ибрахим, см. Султан Ибрахим Газневид
Султан Ибрахим, см. Султан Ибрахим Лоди
Султан Ибрахим, см. Султан Ибрахим, сын С. Ибрахима

Султан Ибрахим, см. Султан Ибрахим хан Султан Илек Маза, см. Султан Илек Маза
Султан Искандер, см. Султан Искандер мирза
Султаним, см. Мухаммед Ханике...
Султаним биким, 17б
Султаним биким, дочь С. Хусейн мирзы (+933/1527), 20а, 167б, 169а, 176а, 234б, 235а
Султан Килинджак, см. Султан Килинджак
Султан Кули, сын Баба Кули, 43а, 55а
Султан Кули, Чунак, сын Худай Берди Букака, 64б, 127б, 150б, 161аб, 207б
Султан Кули Чухра, 209б
Султан Малик, см. Султан Малик Кашгари
Султан Мас'уд, см. Султан Мас'уд мирза б. Суюргатмиш мирза б. Шахрух мирза, Кабули
Султан Мас'уд, см. Султан Мас'уд мирза
Султан Махмуд, см. Султан Махмуд мирза гази
Султан Махмуд, см. Султан Махмуд, Газневид
Султан Махмуд, см. Султан Махмуд Дулдай
Султан Махмуд, см. Султан Махмуд мирза
Султан Махмуд, см. Султан Махмуд сын Султана Джалал ад-дина
Султан Махмуд, см. Султан Махмуд хан
Султан Махмуд, см. Султан Махмуд Хилджи (Мальва)
Султан Музаффар, см. Султан Музаффар Танк
Султан Мурад, см. Султан Мурад мирза
Султан Мухаммед, см. Султан Мухаммед Аргун
Султан Мухаммед, см. Султан Мухаммед бек Дулдай
Султан Мухаммед, см. Султан Мухаммед Ваис
Султан Мухаммед, см. Султан Мухаммед Дулдай
Султан Мухаммед, см. Султан Мухаммед Калпук
Султан Мухаммед, см. Султан Мухаммед мирза
Султан Мухаммед, см. Султан Мухаммед Сайфал
Султан Мухаммед, см. Султан Мухаммед султан , Ханике, Султаним
Султан Насир ад-дин, см. Султан Насир ад-дин
Султан Нижад биким, дочь С. Хусейн мирзы, 168а
Султан Нигар ханим, дочь Юнус хана, 12а, 27а, 28а, 96б, 102а, 200б, 201а
Султан Рашид хан, см. Султан Рашид хан б. Са'ид хан
Султан Санджар, см. Султан Санджар Барлас
Султан Са'ид хан, см. Султан Са'ид хан
Султан Са'ид, см. Султан Са'ид хан (Кашгар)
Султан Сикандар, см. Султан Сикандар
Султан Фируз шах, см. Султан Фируз шах
Султан Халил мирза, см. Султан Халил мирза
Султан Халил султан, см. Султан Халил султан
Султан Хусейн, см. Султан Хусейн, Дуглат
Султан Хусейн, см. Султан Хусейн мирза б. Мансур
Султан Хусейн, см. Султан Хусейн мирза б. Махмуд мирза
Султан Хусейн, см. Султан Хусейн Шарки
Султан Хусейн, см. Султан Хусейн Шарки
Султан Шамс ад-дин, см. Султан Шамс ад-дин Илтутмиш
Сунбул, раб, 212а
Сур, см. Шир хан Сур
Малик Сурук, 268б
Сухейли, см. Шейхим бек
Сухраб мирза, 166б
Суюнчук хан, 234б, 347а
Сын Бадр ад-дина, 332б
Сын Ма'руфа Фармули, 336а
Сын Сикту, 224б
Сын Ибрахим султана, 307а
Сыновья Али хана, 296аб
Сын Шах Мухаммед дивана, 377б
Табиб, см. Сейид Табиб

Табризи, см. Мирза Табризи
Таваккул, см. Ахмед... Барлас
Тагаи, см. Али Дуст Мухаммед...
« см. Ибрахим бек Бекчик... Чапук
« см. Кул Назар...
« см. Мазид...
« см. Гада-и...
« см. Мир Гиясс...
« см. Мулла...
« см. Мирза бек...
« см. Ходжа Мухаммед Али...
« см. Мухаммед Дуст...
« см. Сейид (Сиди) Кара бек...
« см. Ширим...
« см. Ярак...
Тадж ад-дин Махмуд Аргун
Тадж хан Саранг хани, 363б, 364аб, 378аб
Та'ллукчи, см. Бек Мухаммед...
Тамбурчи, см. Нур Алла...
Танбал, см. Ахмед...
Танг Атмиш султан, 352а, 371а
Танк, см. Султан Музаффар...
Тардика, 260б, 321б, 326б, 362б, 376а
Тарди бек сын Куч бека, 266б, 303аб
Тарди Мухаммед, сын Мухаммед Али Дженг-Дженга, 366б, 367а, 368б
Тарди (Турди) Мухаммед, Кипчак, 227б, 236б
Низам ад-дин Тарди (Турди) бек Хаксар, 247аб, 252б, 263а, 266аб, 319б, 328аб, 329б, 332б, 338б
Таркалани, см. Шир хан...
Тархан, см. Абд ал-Али...
« см. Ахмед Али...
« см. Баки...
« см. Шейх Бу Са'ид...
« см. Ибрахим...
« см. Мирза бек...
« см. Мирим...
« см. Дервиш Мухамед Мазид...
« см. Урда Буга...
« см. Фазил...
« см. Халвачи...
Тархан биким, 20б
Татар хан Каккар, 228аб, 229б, 230б, 231а, 258б
Татар хан Саранг хани, Хан-и Джахан, 294а, 304аб, 329а
Татар хан Юсуфхайл (Лоди), 225б
Таус хан Юсуфзай, сын Малик Сулейман шаха, 220б
Тафтазани, см. Са'ад ад-дин...
Тахамтан бек, Туркмен, 175б
Тахир бек, сын Хафиз бек Дулдая, 76б
Тахир Мухаммед, бача, 44а
Тахир Тибри, 267б, 310б, 364б
Тахмасп, царевич, Сефевид (930/1524 — 984/1576), 305а, 329б, 345б, 347аб, 354а, 359а
Ташкенди, см. Джалал...
Тенгри Берди бек, сын Касим Каучина, 193б, 209б, 211а, 217а, 237а, 238а, 242б, 308б
Тенгри Берди Саманчи, 57б, 175б
Тенгри Кули бек, 227а, 228б, 229а, 241а, 246а
Тенгри Кули Пишаги, Могол, 266а
Териаки, см. Касим Али,...
Термези, см. Мир Бузург...
Тибри, см. Тахир...
Тизек сын Кул Баязида бакаула, 126б
Эмир Тимур бек (771/1370 — 807/1404), 6б, 9б, 37а, 44б, 45б, 46а, 49аб, 50а, 97а, 122аб, 142б, 162б, 164б, 175б, 213б, 215а, 224б, 270б, 291б
Тимур Осман, 176а
Тимур султан, см. Исан Тимур султан
Тимур Мухаммед султан, сын Шейбани хана, 12а, 20а, 80б, 89б, 167а, 206б
Тимур таш, см. Худай Берди Тугчи... Могол
Топчи, см. Мустафа...
Туглук Тимур хан, 9б
Тугчи, см. Ваис Лагари...
« см. Дусткелди Чалма...
« см. Худай Берди... Тимур таш, Могол
Тука бек сын Ширим Тагаи, 65б, 66а
Тука Хинду, 295б
Тукбай, см. Мухаммед Андиджани..
Тулак Кукельташ, 199б, 241б, 356б
Тулмиш, Узбек, 371а, 376а
Тулун Ходжа бек, Барин, 39а, 52аб
Тункетар, см. Кичкина...
Тункетар, см. Хастачи...
Тун Султан, наложница Омар Шейха, 12б
Мулла Турк Ала, 217а, 311б

Туркестани, см. Мулла Мухаммед...
Туркмен, см. Али хан Баяндур...
« см. Аллаверан (Алла берган)...
« см. Асад бек...
« см. Джехангир...
« см. Кайтмас...
« см. Мирек Туркмен бек
« см. Шах Назар...
« см. Пири бек...
« см. Рустам...
« см. Са'ад б. Хусейн...
« см. Сиюндук...
« см. Тахамтан бек...
Турсун Мухаммед султан, 356б
Туси, см. Ходжа Насир ад-дин...
Сейид Туфан, Аргун, 208б, 255а
Туфайли, см. Хасан Али, Джалаир
Тухту Буга султан (+о. 940/1534), сын Ахмеда, Алача хана, 200б, 201а, 338а, 351б, 363б, 373аб, 374а, 376а, 378а
Тюрк, см. Султан Али, тюрк
Тюрк, см. Назар Али, тюрк

Ходжа Убайд Аллах Ахрар (+895/1491), 7а, 18б, 22а, 23б, 26а, 37б, 54а, 59а, 83б, 118б, 119б, 316а, 360б
Убайд Аллах султан хан, Шейбанид, (940/1533 — 946/1539), 11а, 167а, 206б, 301б, 345б, 347аб, 354б
Уди, см. Устад Кул Мухаммед...
Уди, см. Хусейн-и...
Узбек, см. Мухаммед Шейбани хан
Узун Хасан, 16б, 18а, 24б, 51аб, 52аб, 53аб, 61аб, 63аб, 94б
Узун Хасан Ак Куйлук, 28а
Кара, Барлас, 76б, 89а, 93а
Улуг бек мирза, Кабули, сын Абу Са'ид мирзы, дядя Бабура, (+907/1502), 58а, 128а, 136аб, 157аб, 160а, 165а, 167б, 170а, 178а, 198а
Улуг бек мирза, Тимурид, (850/1447 — 853/1449), 9б, 10а, 19а, 22а, 45б, 46б, 47а, 50аб,
Улус Ага, дочь Ходжа Хусейн бека, 12б
Умид Агаче Андиджани, мать Насир мирзы, брата Бабура, 8б, 12б
Урду Буга тархан, Аргун, 18а, 21б
Урду шах, см. Киям...
Урус Али, Могол, 210а
Устад Султан Мухаммед, см. Устад Султан Мухаммед
Утарчи, см. Бишка Мирза-и...
Утарчи, см. Сарик Баш мирза..

Фазил Кукельташ, 152а
Фазил тархан, 84а
Фазли, см. Дервиш Мухаммед...
Файлакус, см. Искандер...
Факир Али, см. Факир Али
Фани, см. Мир Алишер Навои...
Фараби, см. Маулана Махмуд...
Фарид хан сын Насир хана Нухани, 365а
Феридун Кабузи, музыкант, 345а
Фариси, см. Мирза Ахмед Али...
Фаркати, см. Мулла Мирек...
Фармули, см. Али хан...
Фармули, см. Шейх Баязид...
Фармули, см. Джамал...
Фармули, см. Ма'руф...
Фармули, см. Мустафа...
Фармули, см. Сулейман...
Фарук, сын Бабура (+933/1527), 302а
Мулла Фаррух, 352а
Фаррух Аргун, 158б
Мирза Фаррух, сын Сейид Хасана Оглакчи, 175а
Фаррух Хусейн мирза, сын С. Хусейн мирзы, 167б
Фатима Султан Ага, мать Джехангир мирзы, брата Бабура, 8б, 12б
Фатима Султан биким, дочь С. Хусейн мирзы, 168а
Фатх хан Сарвани, Хан-и Джахан, 301б, 302б, 303а, 362б
Фахр имам, 191а
Фахр-и Джахан биким, тетка Бабура, 331б, 339а
Фахр ан-Ниса дочь Бабура (+906/1501), 86б
Ференги баз, см. Мирза бек...
Феридун Зардушт, 50б
Феридун Хусейн мирза, сын С. Хусейн мирзы, 167а, 169б
Фираки, см. Ходжа Абу-л-Баракат-и...
Фируза биким, внучка Тимура (Канджут), 163б,
Фируз хан Мевати, 268б
Фируз хан Саранг хани, 296б, 298б

Султан Фируз шах, 270б, 271а, 273а
Фируз шах бек, 172а

Хаб-бин, см .Сейид Афзал...
Хабиба Султан биким, Аргун, мать Ма'сума Султан биким, 20аб, 191б, 192а, 207а
Хавафи, см. Низам ал-Мулк...
Хавафи, см. Пир Ахмад...
Мулла Хаджари (Хиджри), поэт, 99а
Хаджи, пиада, 40б
Хаджи Гази, Мангит, 62а
Хаджи Али хан, Юсуфхайл, 256а, 257а
Хаджи Пир бакаул, 35б
Хадича Султан биким, 166а, 169а, 182б, 188аб, 205б, 206а, 331б, 339а, 344б
Хазараспи, см. Пир Дервиш...
Хазиначи, см. Вали... (Хазин)
Хаик Назар Чапани, 187б
Хайбат хан Карг андаз, 315а
Мулла Хайдар, 98а
Хайдар Аламдар, 225б, 248а
Хайдар Али султан Баджаури, 134б
Хайдар Кукельташ, 19б, 30б, 31б, 62а, 69а
Хайдар Кули, 62б,
Хайдар Кули, нукер Ходжа-и Калана, 263б, 361а
Хайдар мирза, см. Мухаммед Хайдар мирза
Хайдар мирза, сын С. Хусейн мирзы, (+908/1502), 27б, 35б, 165б, 167а
Хайдар-и рикабдар, 55б
Хак дад из Дур-Нама, 248б
Хакк Назар, 98б
Хаксар, см. Низам ад-дин Тарди бек..
Халви пиада (пехотинец), 232б
Халвачи тархан, Аргун, 211а
Халдар, сын Хайдар Кукельташа, 89а
Халил Дивана, нукер Узун Хасана, 62б
Султан Халил мирза, дядя Байсункар мирзы, 69а
Халил султан, младший брат Ахмеда Танбала, 66б, 67аб,74б, 77б, 88а, 90б
Султан Халил султан, сын Алача хана, 332а
Халил Чухра дастарпеч, 61б
Халифа, см. Низам ад-дин Али...
Хамадани, см. Мир Сейид Али...
Эмир Хамза (+3/625), 176а
Хамза бек, сын Касим бека, 113б
Хамза бек, Каучин, 236б, 242б
Хамза бий, Мангит, 124б
Хамза султан, Узбек (+917/1511), 9а, 20б, 33б, 34а, 38б, 64б, 82б, 89б, 156аб, 166б, 347б
Хамза хан из Алишенга, 251а
Хамид хан, Хасан-хайл, Саранг хани, Лоди, 262аб, 305а, 309б
Хамуси, сын Дива, 345а
Хан (Младший хан), см. Султан Ахмед хан, Алача хан
Хан (Старший хан), см. Султан Махмуд хан
Хан-и Джахан, см. Татар хан...
Ханзада биким (1), дочь С. Мас'уд мирзы, 167а, 168б, 344б
Ханзада биким (2), дочь С. Махмуд мирзы, 27аб
Ханзада биким (3), дочь Омар Шейха, ст. сестра Бабура, (+952/1545), 8б, 9а, 95а
Ханзада биким (4), дочь Мир Бузурга Термези, 27аб, 28а
Ханзада биким (5), племянница предыдущей (4) жена С. Махмуд мирзы, 27б, 28а
Ханзада биким (6), Термези, жена С. Ахмед мирзы, 20б
Ханзада ханум, Хаджи тархани, 206б
Ханике хан, см. Султан Махмуд хан...
Ханике, см. Мухаммед... Султаним
Хан Кули, сын Баян (Биан) Кули, 51а, 101а, 114аб, 210а
Хан Кули, сын Карим Дада, 83а
Хан мирза, см. Султан Ваис мирза...
Ханум, см. (1) Михр Нигар...
« см. (2) Кутлук Нигар...
« см. (3) Хуб Нигар...
« см. (4) Султан Нигар...
Хан-ханан Дилавар хан, см. Хан-ханан Дилавар хан
Хара, см. Нарпат...
Хартанг, см. Ходжа Исма'ил-и...
Баба Хасан, убийца Абд ал Латифа, 50б
Устад Хасан Али, 359б, 360а
Хасан Али, Джагатай, 382а
Хасан Али, Джалаир, Туфейли (Ху-

сейн Джалаир, сын Али Джалаира), 174б, 179б
Хасан Али Савади (Сивади), 355б
Джан Хасан, Барин, 56а, 103б, 109а
Хасан, Барлас, 124б
Шах Хасан бек, сын Шейх бека, Аргун (+962/1555), 214б, 217б, 226а, 229а, 233б, 236б, 237аб, 241а, 243а, 330а, 352а,
Хасан Дихча, из Ахси, 62а
Хасан (Хусейн) Икирик, 228а, 250а
Хасан, сын Макана, 298аб
Хасан Набира, 39а, 43а, 76б, 245б
Хасан-и Нойон, см. Хасан Якуб...
Сейид Хасан Оглакчи, сын Сейида Оглакчи, 175аб
Мулла Хасан Сарраф, 295б
Хасан-хайл, см. Хамид хан...
Хасан, сын Али Халифы, 376а
Хасан хан Баривали, 315а
Хасан хан Лашкар, 375б
Хасан хан Мевати, 294а, 307а, 308а, 309а, 318а, 324а, 325б, 326а, 328аб
Хасан Челеби, посол Тахмаспа, 352б, 357а, 358а, 361аб
Хасан шарбатчи, 36б
Хасан Якуб бек, Хасан-и Нойон, 13б, 14а, 16а, 17а, 18а, 24аб, 25а, 171б
Хастачи Тункетар, 304б
Хасти, см. Мулла Абд ал-Малик Хасти
Хати Каккар, 228аб, 229б, 230б, 231аб, 232а, 234б, 238а, 254б
Хатиб-и Карши, 120б
Хатике, см. Касим... Аргун
Хатим курчи (курбеги), 161а, 210а
Хатим хан, Лоди, 263б
Хатифи, см. Абд Аллах...
Хафиз, 252а
Ходжа Шамс ад-дин Мухаммед Хафиз Ширази, (+791/1389), 128б
Хафиз Мирек, см. Хафиз Мирек Юсуф
Хафиз Мухаммед бек, см. Хафиз Мухаммед бек Дулдай
Хафиз — осведомитель, 237б
Хафиз Хаджи, 190а
Ходжа Хизр Нухани, 149б
Хизр Ходжа хан, 9б
Маулана Бадр ад-дин Хилали (+939/1533), 181аб
Хилджи, см. Султан Махмуд...
Хинд, см. Тука Хинд
Хиндал, см. Абу-н-Насир Мухаммед...
Хинди Могол, см. Маханди
Хинду, см. Дива Хинду
Джалал ад-дин Хинду бек, Каучин, 76б, 219б, 228а, 229аб, 232а, 235б, 238б, 244а, 262а — 266а, 297аб, 320а, 321б, 381а, 382а
Ходжа Ата, см. Ходжа Ата
Ходжа Баки, см. Ходжа Баки
Ходжаги Асад, см. Ходжаги Асад
Ходжаги Ходжа, см. Мухаммед...
Ходжа Джангал, 35б
Ходжаги Мулла, садр, 39б
Ходжа-и Калан, потомок Ходжит Ахрара, 39б, 351б, 352аб, 357б, 363а
Мир Ходжа-и Калан, сын Маулана Мухаммед Садр ад-дина, 70а, 139а, 158а, 218б, 219а, 220б, 221а, 243б, 249б, 250б, 252а, 260а, 262а, 266а, 267а, 286б, 295аб, 296а, 299б, 349б, 350а, 358б, 359аб
Ходжа Камал, см. Камал ходжа
Ходжа Камал ад-дин Хусейн, см. Ходжа Камал ад-дин Хусейн
Ходжа Камал ад-дин, см. Ходжа Камал ад-дин Хусейн Газургахи
Ходжа Камал ад-дин Хусейн, см Ходжа Камал ад-дин Хусейн Газургахи
Ходжа Маулана-и Кази, см. Абд Аллах...
Ходжаги ходжа, см. Мухаммед...
Ходжа Мир Миран, см. Ходжа Мир Миран
Ходжа Мир султан, 352б
Ходжа Мунир, см. Ходжа Мунир
Ходжа Мухаммед Али, см. Ходжа Мухаммед Али Тагай Асас
Ходжа-и Рушнаи, см. Ходжа Абд ас-Самад...
Ходжа Убайд Аллах Ахрар, см. Ходжа Убайд Аллах Ахрар
Ходжа Хизр, см. Ходжа Хизр
Ходжа Хусейн диван, см. Ходжа Хусейн диван
Ходжа Юсуф, см. Ходжа Юсуф
Хондемир, см. Гияс ад-дин б. Хумам ад-дин...
Ходжа Хусрау, см. Ходжа Хусрау Дехлеви
Хосрой, 50а
Хуб Нигар ханим, третья дочь

Юнус хана, 11а, 96а, 200а, 201аб
Худа Бахш, Джагатай, 209б, 216а
Худай Берди Букак, 31а, 64б
Худай Берди бек, Тугчи, воспитатель Бабура, 55а
Худай Берди Тугчи Тимур таш, Могол, 6б, 12б,13а, 71а, 90б
Хулагу хан, (654/1256 — 663/1265), 46б
Хумаюн, см. Мухаммед...
Хуррам шах, сын Шейбани хана, 8б
Хусам ад-дин Али, сын Халифы, 337б, 381а
Маулана шейх Хусейн, 177б, 178а
Мир шах Хусейн, Карлук, 242б, 250аб, 257б, 261б, 263б, 266а, 307б
Хусейн Ака, посол Систана, 320б
Сейид Хусейн Акбар, 44а, 149а, 152б, 209б
Султан Хусейн, Аргун, Кара-Кули, 20аб, 23а, 76б, 89а
Шах Хусейн Бахши, 379б
Ходжа Камал ад-дин Хусейн, 322а
Ходжа Камал ад-дин Хусейн Газургахи, 94а, 176аб
Хусейн Гаини, 162а
Ходжа Хусейн диван, брат Узун Хасана, Барлас, 13б, 76б, 89а, 94б, 114аб, 251б, 257б, 310б
Султан Хусейн, Дуглат, 33б, 34а, 103б
Хусейни, см. Султан Хусейн мирза б. Мансур,
Шах Хусейн Ками, 181а
Султан Хусейн мирза, сын С. Махмуд мирзы, 27а, 68а
Султан Хусейн мирза, сын С. Махмуд мирзы, Тимурид, (+911/1506), 21а, 26аб, 27б, 29а, 33аб, 34аб, 35б, 36а, 37б, 41аб, 42аб, 56б — 58б, 82а, 85аб, 88а, 94а, 121б, 122аб, 155аб, 162б, 163б — 173а, 174б, 175а, 176а — 179б, 181б, 182б — 183б, 184б, 185а, 188а, 205б, 234б, 311а
Мир Хусейн Муаммаи Нишабури, (+904/1599), 180б
Хусейн-и Уди, музыкант, 171а, 182а
Хусейн хан Нухани 294а, 298б, 315а, 328б, 329а
Хусейн-и Хасан, 238б, 239а
Султан Хусейн Шарки, Пураби, 270б
Хусейн шейх Тимур, 168б, 171б
Джалал ад-дин шах Хусейн Яраки (Яраги), 266а, 320б, 322а, 299а
Хусрау Гагиани, 146б
Ходжа Амир Хусрау Дехлеви (+725/1325), 282б
Джалал ад-дин Хусрау Кукельташ, 83а, 107б, 207б, 209б, 221б, 227а, 238б, 240а, 255а, 265б, 266а, 320а, 321б, 326б, 355б
Хусрау шах (Туркестани, Кипчак; +910/1505), 14а, 23б, 24а, 26б, 28б — 33а, 34б, 35а, 36а, 37б, 38а, 42аб, 44а, 56а — 58б, 68а, 69а, 81аб, 82а, 88а, 90б, 120а — 127б, 152б, 154б — 156б, 172б, 175б
Хуш Келди Чалма, 209б, 210а, 216а

Чаганиани, см. Баки...
Чагатай, см. Ибрахим...
Чалма, см. Исма'ил... сын Ибрахим хана
Чалма Тугчи, 210а
Рай Чандрабан Чухан, Раджпут, 324а
Чапани, см. Хаик Назар...
Чапук, см. Ибрахим бек Бекчик...
Чархи, см. Курбан...
Чаршанбе, воин, 42б.
Чашнигир, см, Ахмед...
Челеби, см. Хасан...
Чикмак бек, 351а.
Чин Суфи, 156а, 163а
Чингиз хан (603/1206 — 624/1227), 5б, 9б, 12а, 49б, 100б, 186б
Чин Тимур султан, Чингизид, (+936/1530), 200б, 263б, 266а, 296б, 305а, 319б, 321б, 326б, 332б, 337б, 338аб, 355б — 356б, 375а, 381а
Нули биким, Туркменка, жена С. Хусейна Байкара, 167б, 169а
Чунак, см. Султан Кули...
Чухан, см. Маникчанд...
Чухан, см. Рай Чандрабан...
Чухра, см. Султан Али...
« см. Баба...
« см. Ибрахим...
« см. Масти...
« см. Ну'ман...
« см. Султан Кули...
« см. Халил... Дастарпеч
« см. Хусейн...
« см. Шир Али...

Шад (Шах) Баба, землекоп, 358а
Шад биким, дочь Хайдар мирзы, 167а
Шади, см. Гулам...
Шади бача, мл. брат Гулама Шади, 190а
Шади хан Киви, 148а
Шадман Чухра, борец, 366а
Мулла Шамс, 254б
Султан Шамс ад-дин Аилтмиш, 341б
Шамс ад-дин Мухаммед, см. Шамс ад-дин Мухаммед
Шамс ад-дин Мухаммед, см. Шамс ад-дин Мухаммед Али Дженг-Дженг
Шамс ад-дин Мухаммед, см. Шамс ад-дин Мухаммеди Кукельташ
Шамс ад-дин Мухаммед, см. Шамс ад-дин Мухаммед Халил Ахта-беки
Мулла Шараф ад-дин Али Йезди, 291б
Шейх Шараф ад-дин Мунири, сын Шейха Яхьи Чишти, 369б
Шарбатчи, см. Камал...
Шарбатчи, см. Хасан...
Шейх Шариф (Шараф) Карабаги, 381а
Шарки, см. Султан Джалал ад-дин...
Шарки, см. Султан Хусейн...
Шахбаз каландар, 221б, 222а
Шахбаз, Карлук, 109аб
Шах бек (Шах Шуджа'), сын Зу-н-Нуна, Аргун (+0.930/1524), 42б, 57б, 58а, 152а, 165б, 167б, 172б, 185а, 192б, 204б, 207а, 208аб, 210а — 212б, 226а, 233б, 237а, 238а
Шах биким Бадахши, жена Юнус хана, (мать Ханов), 10б, 11аб, 20а, 56а, 96б, 101б, 102аб, 157а, 199б, 200аб, 213б
Шах Гариб мирза, см. Шах Гариб мирза
Шахзаде, 247б
Шах Имад Ширази, см. Шах Имад Ширази
Шах Искандер, см. Шах Искандер
Шахи каландар, 247б
Шахим Насир, см. Шахим Насир
Шахим юз беки, брат Нур бека, 255б, 334б
Шахи Тамгачи, 351а
Шах Касим, см. Шах Касим скороход
Шах Кули, мл. брат Султан Ваиса, 356б
Шах Кули, слуга Див султана, 361аб
Шах Кули Гаджаки, 182а
Шах Мазид, см. Шах Мазид Кукельташ
Шах Мансур, см. Шах Мансур, Барлас
Шах Мансур, см. Шах Мансур Бахши
Шах Мансур, см. Шах Мансур, Юсуфзай
Шах Махмуд, см. Шах Махмуд
Шах Махмуд, см. Шах Махмуд Оглакчи
Шах Музаффар, см. Шах Музаффар
Устад Шах Мухаммед, см. Устад Шах Мухаммед
Шах Мухаммед, см. Шах Мухаммед Дивана
Шах Мухаммед, см. Шах Мухаммед, сын Ма'руфа
Шах Мухаммед, см. Шах Мухаммед Мухрдар
Шах Назар, см. Шах Назар, Туркмен
Шах Назар, см. Шах Назар Сиюндук
Шахрак бек, 363а
Шахр бану биким, дочь Омар Шейха, 9а
Шахр бану биким, дочь С. Са'ид мирзы, 169аб
Шахрух мирза, сын Тимура, (807/1404 — 850/1447), 10а, 50аб, 163б, 172а, 176б
Шахсувар, Могол, 65б
Шах Султан биким, мать Омар Шейха, бабка Бабура, (+906/1501), 17б, 70б
Шах Султан Мухаммед, см. Шах Султан Мухаммед
Шах Суфи, 93а
Шах Хасан бек, см. Шах Хасан бек
Шах Хусейн, см. Шах Хусейн Аргун
« « см. Шах Хусейн Бахши
« « см. Шах Хусейн Ками
« « см. Шах Хусейн Чухра
« « см. Шах Хусейн Яраки
Шах Шуджа', см. Шах Шуджа' Аргун
Шейбак Пиада, 227а
Шейбани хан, см. Мухаммед...
Шейх Абу-л-Фатх, см. Шейх Абу-л-Фатх
Шейх Баязид бек, см. Шейх Баязид бек
Шейх Гуран, см. Шейх Гуран

Шейх Дервиш, см. Шейх Дервиш Кукельташ
Шейх Джамал, см. Джамал
Шейх Зайн, см. Шейх Зайн ад-дин Хавафи
Шейхи, 352б
Шейхим бек, «Сухейли, Шейхим Сухейли», поэт 174а, 175
Шейхим Мир-и ширази, 233а
Шейхим Сухейли, см, Шейхим бек
Шейх Маслахат, см. Шейх Маслахат
Шейх Мухаммед, см. Шейх Мухаммед Абд Аллах бакаул
Шейх Мухаммед, см Шейх Мухаммед Гаус
Шейх-и Найи, 171а, 182а
Шейх Пуран, см. Шейх Пуран
Шейх Шараф, см. Шейх Шараф Карабаги
Шейх Шараф, см. Шейх Шараф ад-дин Мунири
Шейх Шихаб ад-дин, см. Шейх Шихаб ад-дин Араб
Шейх Яхья, см. Шейх Яхья
Ширази, см. Сейид Якни...
Ширази, см. Имад...
Ширак (Шир) бек Аргун, 125аб, 127а, 210а
Шир Али Оглан,
Шир Али Чухра (Ширим Чухра), 81аб, 156аб, 158аб
Шир Афкан, сын... Кбека, 303а, 320а
Шир Ахмед, см. Шир Ахмед
Ширвани, см. Мулла Масъуд...
Ширзад, см. Баба-и.
Ширим Тагаи (Тагаи бек), 15б, 55а, 59а, 91а, 93а, 124б, 126аб, 149аб, 198а, 204а, 209б, 213а, 234б
Ширим Чухра, см. Али Чухра
Шир Кули караул, гол, 198аб, 209аб, 216а
Шир Хаджи (Ходжа) 10б
Шир хан сын Лохана Лоди, 256а,
Шир хан Сур, (Фарид хан, Шир шах), 362б, 365а
Шир хан Тарки, 251а
Шихаб ад-дин Афлах, см. Шихаб ад-дин Абд Аллах итабдар
Шейх Шихаб ин Араб, 352а
Султан Шихаб ад-дин Мухаммед Гури, 137б, 270б
Шихаб ад-дин, слуга Хусрау, 381б
Мулла Шихаб-и' Му'аммаи, 339а, 378б

Эмир Вали, см. Эмир Вали

Юлчук, 60а
Ходжа Юнус из Сиджавенда, 138а
Камал ад-дин Юнус Али, сын Баба Али, 174б, 229а, 235а, 236б, 263б, 266аб, 267б, 296а, 300а, 307а, 308а, 319б, 322а, 339а, 351б, 366б, 367а, 372б. 378б
Юнус хан, Чингизид, дед по материнской линии Бабура, (+892/1487), 5б, 6а, 7б, 8а, 9б, 10аб, 11аб, 12а, 15б, 20а, 200б
Юртчи, см. Ахмед...
Юсуф, Али, 227а, 228б, 229а, 248а
Юсуф Али бакаул, 220б
Юсуф Али Кукельташ, 183а, 190, 191а
Ходжа Юсуф Андиджани, 2б
Юсуф Али Рикабдар, 220а, 237а, 331а
Юсуф Бади'и, 181а
Юсуф, даруга Ахси, 118аб, 119а
Сейид Юсуф Мачами, 73б
Юсуф, сын Айуба, Бекчик, 121б, 125б, 154а, 162а
Юсуфзай, см. Али хан...
« см. Мансур...
« см. Малик Сулейман шах...
« см. Таус хан...
Юсуфхайл, см. Татар хан...

Ядгар Мухаммед мирза, Тимурид (+875/1470), 165а, 168а, 174б, 175б
Ядгар Мухаммед Насир мирза, 85аб, 352б
Ядгар Султан биким, дочь Омар Шейха, 9а
Ядгар Тагаи, 346а
Якка Ходжа, 336а, 372б, 374б
Якуб бек Ак Куйлук, Туркмен, 173а, 176а, 180а
Мулла Якуб из Чарха, 137а
Якуб, сын Айуба, Бекчик, зять Хусрау шаха, 33б, 123а
Ходжа Якуб, сын Ходжи Яхьи, внук Убайд Алла Ахрара, 118б
Янги бек Кукельташ, 251б
Яраки, см. Шах Хусейн...

Ярак Тагаи, 55а, 72б, 161б, 196б, 209б, 211б
Яр Али Билал, Туркмен, 55б, 67а, 121а, 308б
Яр Хусейн, сын Дариа хана, 145а, 146б, 159б
Ходжа Яхья, мл. сын Убайд Алла Ахрара, (+906/1500), 37б, 38а, 59б, 78б, 80аб, 84б, 357б
Шейх Яхья Чишти, отец Шейха Шараф ад-дина Мунири, 369б
Яхья Нухани, 246б, 375б, 379а

Средняя Азия, Кабул и Хиндустан при Бабуре (XVI в.)

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В Указателе расположены в алфавитном порядке названия, встречающиеся в переводе «Бабур-наме». Чтение названий принято по тексту, лишь в некоторых случаях даны современные их эквиваленты и указано местонахождение (Фергана, Кабул, Индия, т. е. Хинд, Хиндустан по автору, и др.).

Изданию придана схематическая карта земель, описанных Бабуром, на которую во многих случаях сделаны ссылки в Указателе в виде буквы и цифры трапеции, в которой находится объект; например, Адинапур (В4), (Кабул), и т. д.

Буквы и цифры, служащие для определения трапеций, вписаны на карте между линиями рамки: буквы — с севера на юг, цифры — с запада на восток.

Аба-Курук (Кабул), 126аб
Абапур (Абалпур), 358а
Аб-и Бурдан (Обурдан), 99аб
Аб-Дара (Хиндукуш), 130б, 155а
Аб-Дара (Хисар), 202б
Аб-и Истада (Газни), 138а, 153аб
Аб-и Рахмат, см. Кан-и Гил
Аб-и Хан (Фергана), 67б, 69б
Аб-и Шахна, 238а
Аб-и Яр (Абьяр; Самарканд), 39а
Абу-л-Валид, см. Биллури
Абу-л-Фатха, бани, 344а
Абуха (Хиндустан), 236б
Агра (Г5), 256аб, 267аб — 269а, 273б, 291б, 292б, 294аб, 295а, 296а, 298аб, 299аб, 304б, 309б, 317а, 325а — 327а, 328б, 329б, 330б, 335б, 339а, 341б, 344б, 345а, 347а, 348а, 351а, 356аб, 357аб, 358а, 362а, 364б, 367б, 375а, 377а, 380аб
Адак (Фергана), 167б
Адампур (Хинд), 361б, 363б, 379а
Аджар (Кахмерд), 120б, 121а, 122аб, 126б, 155а
Аджар, ущелье, 184б
Адинапур (В4), (Кабул), 131б, 137б, 145аб, 214а, 249а
Адуса (Хинд), 358б
Азербайджан, 28а, 139а, 175б, 180а, 291б
Айбак (В3), (Бухара), 121а, 308б
Айламиш, река (Фергана), 65а, 71а
Ай-Тугди, (Кабул), 161б
Айш, холм (Фергана), 66а, 106а
Акар-Тузи (Самарканд), 19а
Акбар-Кух, 35б
Ак-Качгай, летовка, (Ура-Тепа), 13а
Ак-Кутал, перевал (Ташкент), 69а
Акриада (Пандж-Аб,), 254б
Ак-Сарай, поляна (Карабаг), 126а
Ак-Сарай (В3), 191б
Ак-Су (Ура-Тепа), 18а
Алай, 81а
Ала-Курган, (Ихтияр ад-дин), крепость, (Герат), 197а, 205б
Алангар, река (Кабул), 133а, 251а
Алангар, туман, 133а
Ала-Сай, булук (Кабул), 139б, 140б
Ала-Так (Афганистан), 158б
Ала-Яйлакский орчин, 104а
Алвар (Алур), (Раджпутана), (Г5), 308а, 325б, 326аб, 357а, 381а
Алган, река, 251б
Алгу-Таг, 35а
Али-Абад (Б3), (Самарканд), 86а
Али-Масджид (В4), (Хайбар), 233а, 243б, 253а
Али-Масджид, река, 244а
Алингар (Алангар), (Кабул), 154а
Алишанг (Кабул), 133а, 154а, 214а, 251а
Алишер бека, сад, 191а
Алмалык (Восточный Туркестан), 1б

Алмар (Маймана), 184б
Алмату (Восточный Туркестан), 1б
Амбала (Пандж-Аб), (В5), 262а
Амбахир (Индия), 221а
Амла (Кабул), 249б, 250а
Амраха (Хинд), 380а
Аму-Дарья (Аму), (А2), 27б, 28б, 44а, 72а, 120б, 124а, 155а, 156б, 159а
Анвар (Агра), 331б, 358а
Андар-Аб (Хиндукуш), (Б3), 128а, 130б, 230аб, 231б, 238а, 332а
Андар-Аб, река, 29б, 123аб, 125б
Андараба, горы, 140б
Анджукан, 194а
Андиджан (А4), 2аб, 3а, 4аб, 6а, 7аб, 8б, 9а, 10а, 13б, 14б, 15б, 16б, 17аб, 18а, 25а, 27б, 31б, 32аб, 34а, 37б, 38а, 39а, 51б — 55б, 58б, 59б, 61аб — 64б, 65б — 67б, 69б, 70б, 71аб, 72а, 73б, 74аб, 77а, 78а, 86б, 94а, 96а, 97б, 104а — 106б, 107б, 108аб, 110аб 111а, 112б, 119б, 120а, 122б, 131б, 156а, 176а, 181а, 200б, 234а, 302б
Андиджана, горы, 73б
Андиджан, область, 140б, 200а, 236а
Адиджана река, 3а, 5а
Андинапур, 132б
Андукан (Балх), 103б
Андхуд (Андхой), (Б3), (Афганистан), 26а, 122а, 165а, 175а, 204б
Арабистан, 279а
Аравия, 129а
Ари (Бихар), 368б, 369б
Аринд, река (Хинд), 379а
Армиан, 70б
Арупар (Хинд), 261б
Архиан, крепость (Фергана), 73а
Арчикент (Фергана), 72а
Арыс, приток Сыр-Дарьи, 8а
Астаргач «Самарканд», 136аб
Астар-Аб (Пул-и Чираг), 162б
Астрабад, 26аб, 36а, 41аб, 42б, 57б, 58а,164б, 165б, 166б, 168а, 171а, 173а, 279а, 286а
Атава (Этава, Итава), (Г5), (Хинд, 294а, 298аб, 299б, 305б, 327а 328б, 358б, 359а, 380а, 382а
Атар (Кабул), 134а, 214б, 249б, 250б,
Атун, 241а
Аубадж, 68а
Ауд (Уд), (Хинд), 293а, 296б, 307б, 338аб, 370б, 377а, 379а, 380а, 381а
Афганистан, 129а, 147а
Ахангаран (Ташкент), 54б, 98б, 99б, 103б
Аханин, самаркадские ворота, 44б, 45б, 84б, 85а, 91б, 92аб
Ахси (Ахсикет), (А4), (Фергана), 4б, 5а, 6б, 7б, 9а, 13б, 17аб, 18а, 23а, 25а, 31б, 32а, 48б, 51б, 52а, 54б, 61б, 62а — 63б, 72аб, 74аб, 77а, 78а, 103б, 104а, 108аб, 109б, 110аб, 111а, 113б, 114а, 117аб, 119б, 234аб
Ахси, (А4), река, 5а
Ашпара (Аспара) (Моголистан), 10а

Баба-Илахи (Герат), 163б
Баба-Кара (Баджаур), 218б
Баба-Лули (Кабул), 198а
Баба-Таваккул, лангар (Фергана), 108а
Баба-Хаки (Герат), 13а, 204б
Баба-Хасан-Абдал, 208б, 210б
Баглан (Кундуз), 237б
Баг-и Банафша, 233б, 246а, 247а
Баг-и Бихишт, 46а, 198а, 199а, 200а, 201а
Баг-и Булди, 45б
Баг-и Вафа, 132а, 233а, 242б, 245а, 249аб, 252а
Баг-и Заган, 85б, 165а, 191а
Баг-и Зарафшан, 357а
Баг-и Зубейда, 191а
Баг-и Калан, 136б, 246б
Баг-и Майдан, 42б, 47аб, 48б, 80а
Баг-и Нау, 36а, 88а, 188б, 191а
Баг-и Наурузи, 157а
Баг-и Падшахи, 248а
Баг-и Сафа, 224а, 369а
Баг-и Сафид, 188б, 191б
Баг-и Фатх, 329б
Баг-и Хилват, 216а, 235а
Баг-и Чинар, 46а, 237а
Баг-и Шахр, 191б
Баг-и Шимал, 46а,
Баг-и Юрунчка, 216а
Бадалгар, дворец, 341б
Бадам-Чашма (Кабул), 132а, 145а, 242а, 251б
Бадаун (Бадаюн), (Хинд), 168б, 329а
Бадахшан (Б3), 1б, 10б, 12б, 26а, 26б, 27б, 28б, 122а, 129а, 130а, 132а, 139б,

154б, 155а, 156а, 181а, 183б, 203а, 213аб, 218б, 244аб, 270а, 327а
Бадахшанские горы, 140б
Бадгис (Герат), (Б2), 172б, 184б, 185а, 192а
Баджаур (Баджур), (Б2), 131б, 134аб, 216б, 218аб, 219а, 221а, 222а, 234б, 237а, 243б, 250аб, 269а, 277аб, 278а, 279б, 286аб
Баджаур, река, 219б, 220б
Баджаура горы, 140б
Бади' аз-Заман мирзы, медресе, 191б
Бад-и Пич (Кабул), 133а, 215а, 249а
Бадрау, булук (Кабул), 140а, 249а
Бадрау, река, 133а
Базарак, (Базарак-Паранди), перевал, (Хиндукуш), 130аб
Базар-и Так, см. Дашт
Бакиали, 254б
Баксар (Хинд), 292б, 366а
Баладар (Хинд), 380а
Балинат-Джуги, гора (Пандж-Аб), 254б
Балх (Афганистан), (Б3), 8б, 29а, 36а, 41а, 42а, 45а, 57а, 68а, 122а, 129а, 130а, 139б, 165б, 167а, 173а, 183б, 185б, 187б, 218б, 227а, 251б, 256а, 261а, 291б, 308б, 347а, 348б, 349а, 350а, 380б
Балх-Аб, река, (Б3), 136а, 163б, 184б
Бамиан (Афганистан), (В3), 58а, 120б, 130б, 162б, 183б, 195б, 242а
Бамиана, горы, 136а
Банарас (Бенарес), (Г6), 282а, 362б, 363б, 364б
Банас, река, (Г4—Г5), 273а
Бангармау (Хинд), 338а
Бангаш, туман (Кабул), 14а, 131а, 132а, 139б, 140а, 145а, 146б, 147б, 148а, 161а, 225а
Бангаша, горы, 239б
Бангаша, река, 148а
Банд-и Салар (Фергана), 32а, 72б
Бандир (Хинд), 284а, 336а
Банну (В4), 138а, 146б, 147б, 148аб, 149а, 233а
Банур (Пандж-Аб), 261б
Бара, река (Хинд), 146а
Бараиш (Хинд), 370б
Бара-Кух (Фергана), 2б, 3а
Баран (Баран-Су), река (Кабул), (В4), 125а, 133а, 134а, 135б, 142аб, 143а, 154б, 161б, 162а, 248б, 249а.
См. также: Кабул, река; Панджшир (Панджихир)
Баран, холмы, 202а, 240а
Бари (Раджпутана), (Г5); 330б
Бари, горы, 273, 285а
Барик-Аб, приток Барана, 242б, 245б, 251б
Барин, туман, 62а
Басавар, 310а
Бахар (Кабул), 244б, 270аб, 292а
Бахат (Пандж-Аб), 225а, 273а
Бахджат-Хана, хауз, 333аб
Бахлулпур, 255а
Бахрадж (Хинд), 293а
Бахрата (Фергана), 72а
Бектут (Кабул), 157б
Бенгалия, 271а, 272б, 273а, 278б, 282б, 283а, 355а, 357а, 376а
Бетва, (Г5), 335б
Бехат, река, (Пандж-Аб), 224б
Бехзади, 235а, 246б, 247а, 248а
Биана (Раджпутана), (Г5), 273б, 274а, 291б, 292а, 294а, 297б, 298аб, 299а, 300а, 302а, 303аб, 304а, 307б, 308а, 300а, 302а, 303аб, 304а, 307б, 308а, 309а, 310а, 311а, 318б, 325б, 327а, 328аб, 342а, 343а
Бианван, (Хинд) 304б
Биах, река (Пандж-Аб), 258а, 273а
Биби-Мах-Руи (Кабул), 198а
Биджанагар (Декан), 272а
Биграм (Бикрам), (Пандж-Аб), 145б, 146а, 232б, 233а, 253аб, 254а
Била (Пандж-Аб), 150б
Билва, переправа (Ганг), 364б
Билгар (Билкир), (Кабул), 248б
Биллури (Абу-л Валид), гробница имама Фахра, 191а
Бимруки (Пандж-Аб), 254б
Бинакет, см. Шахрухия
Бискет (Бишкент), (Ходженд—Ташкент), 94а, 98аб, 100а
Бистам (Ирак), 166а, 347а
Бисут (Кабул), 220б
Битви, река (Хичд), 273а
Бихар, (Г6, Д6 — Д7), 293а, 317а, 317а, 356б, 363б, 366б, 367аб, 368аб, 274б, 375б, 376а, 377а
Бихат (Бахат), река (Пандж-Аб), 254б
Бихиа (Бихар), 367а
Биш-Харан (Фергана), 73б, 74а, 109б

Будана-Куруги (Самарканд), 48б, 82б
Булан (Кабул), 133а, 249а
Були (Раджпутана), 293а
Бурак (Барак), (Дашт-Фармул), 149б
Бурке-Яйлак (Ура-Тепа), 55б, 78б
Бурханпур, река (Хинд), 333а, 336а
Бусавар (Раджпутана), 328а
Буст (Баст), (Афганистан), 57б, 165б
Бустан-Сарай, (Кабул), 36б, 44б, 85а, 160а, 162а
Бут-Хак, река (Кабул), 242а, 360а
Бухара (Б2), 3б, 5а, 11а, 19б, 21б, 22б, 30а, 36а—38а, 39, 45аб, 48б, 49аб, 69а, 76б, 78б, 79б, 86а, 131б, 132а, 301б
Бхилсан (Хинд), 272, 335б
Бхира (Джехан-Нума), (Пандж-Аб), (В4), 145а, 222а—226б, 228а—229б, 231а—232а, 235б, 236а, 248б, 249а, 260а, 269аб, 270аб, 273а, 275б, 292а, 304б, 345б, 361б
Бхуджпур (Бихар), 367а
Вали, 369а
Валиан (Хиндукуш), 130б
Ванну, 128а
Варсак (Бадахшан), 294а
Варух, булук (Фергана), 3б
Васменд (Самарканд), 83б, 84а

Гава (Фергана), 116а—117б
Гагар (Гогра, Какар), см. Сару, река
Газипур (Хинд), 282а, 296б, 307б, 365а, 371а, 377а
Газни (Газнин, Забул), (В3), 128а, 129б, 131аб, 137б, 138а, 139а, 141б, 142а, 144аб, 145а, 149б, 152б, 153б, 162аб 165б, 183б, 187б, 192а, 202б, 207б, 215а, 224б, 225а, 234аб, 252а, 270б, 295б, 296а, 311а
Газни, плотина, 360а
Газни, река, 138б, 153а
Газнин, см. Газни
Газургах, 191а
Газуристан, Самаркандские ворота, 92б, 93аб
Гаин, (Кабул), 162а
Ганг (Г5, Д7), 273а, 278б, 294а, 299а, 307б, 331а, 332а, 336а, 350аб, 352б, 355б, 362аб, 363аб, 364а—365б, 366б, 368б, 370а, 371а, 377б, 379а
Гандак, река, (Г6), 273а, 368а
Гандамак, (Кабул), (В3 — В4), 233а, 245б, 251б
Гардиз (Гирдиз), (Кабул), 139аб, 140а, 145а, 238аб, 239б, 295б
Гарзаван (Гурзуван), (Хорасан), (Б2), 41б
Гарзавана, горы, 141а, 184б
Гар-и Ашикан, 40б, 43б, 84а, 94б
Гарм-Чашма (Кабул), 145б, 243а, 252б
Гарчистан (Гурджистан), (Хорасан), 192б
Гарчистана, горы, 141а
Гатфар, 36б
Газива, горы, 141а
Гвалиар (Галиюр), (Галиур), (Г5), 268аб, 291б, 292б, 294а, 298б, 304аб, 309б, 312б, 315а, 339а, 340а, 341б, 342б, 343б, 381б
Гвалиара, горы, 273б
Герат (Харат), (Афганистан), 2б, 12б, 13а, 20а, 21а, 85аб, 155аб, 163б, 164а, 165а, 166а, 167б, 168б, 169аб, 170б, 172б, 173а, 174б, 177аб, 178а, 179б, 180а, 183а, 185а, 187б, 188аб, 189б, 191а, 192аб, 205аб, 206аб, 213а, 339а, 345аб, 347аб
Гибрик (Кибрик), (Кафиристан), 131б
Гиджduван (Бухара), (А2), 175б
Гингута (Пандж-Аб), 257аб, 260б
Гиндукуш (Хиндукуш), 124а
Гогра (Гагар, Какар), см. Сару, река
Гуджерат (Пандж-Аб), 270б, 271а, 282б, 301б, 302а, 317б
Гузар, 208б
Гуи (Гумти), река (Хинд), 273, 338а, 364б, 378б, 379а
Гулкина (Кулкина), (Кабул), 233б
Гул-и Бахар (Кабул), 202а, 240б, 241а
Гул-и Бахара, река, 143а
Гумал, река, (В3), 149б, 150а
Гумбазак, перевал (Хорасан), 183б
Гумбаз-и Чаман (Фергана), 113б
Гумти, см. Гуи
Гур, область (Хорасан), 128а, 172а
Гура, горы, 141а
Гура-Катри, (Пандж-Аб), 145б, 146а, 232б, 233а

Гур-Банд, туман (Кабул), 125а, 130б, 135б, 183б, 197аб
Гури (Хорасан), (Б3), 124б, 184а, 209б, 242а, 308б
Гусфанд-Лиар, (Хинд), 148а
Гхурам (Гурам), (Пандж-Аб), 295б

Дабуси (Дабусия), (Самарканд), (А3), 22б, 78б, 87б
Даварбин (Кабул), 248а
Даварин, ущелье, 128а, 130а, 247а
Далмау (Дилмау), (Г6), 301а, 302б, 377б, 387а, 379а
Даман (и Дашт), 249а
Дамган (Иран), 166а, 167а, 345б, 347а
Дандан-Шикан, перевал (Хорасан), (В3), 183б
Дара-и Бам, долина (Бадгис), 184б
Дара-и Газа (Пандж-Аб), 6б
Дара-и Занг (Хорасан), 122а
Дара-и Зандан (Зиндан), горы (Кабул—Балх), 121а, 141а
Дара-и Нур, булук (Кабул), 133б, 134аб, 144а, 154а, 215а, 243а, 249б, 277а
Дарбанд, 265а
Дарбанд-и Аханин, см. Кахлуг
Дарваза (Хинд), 221а
Дара-и Суф, горы, (Хорасан), 141а
Дара-и Хуш (Кабул), 14а, 160а, 161б
Даргом (Дар-и Гам), канал (Самарканд), 45а, 78б, 79а
Дарута, теснина (Кабул), 249аб
Даулат-Сарай, 56б
Дашт (Базар-и Так, Даман), долина, 138а, 145а, 148аб—151б, 233а
Даштa, горы, 141а
Дашт-и Шейх (Кабул), 135б, 136а
Декан (Дахин, Даккан), (Хинд) 271а
Дели, см. Дихли
Дехане (Дахана), (Хорасан), 124б, 126а, 155б, 184а
Дех-и Афган (Кабул), 216а, 237а
Дех-и Гуламан (Кабул), 244б
Дех-и Якуб, река (Кабул), 242а, 251б
Дех-и Якуб, ущелье, 128а
Деюл (Диюл) (Самаркнд), 89а
Джагдалик, перевал, (Кабул), (В3), 145а, 214а, 245б
Джаджмау (Хинд), 301а
Джакин, паргана (Хинд), 358а
Джалисир (Джалисар), (Хинд), (Г5), 299б, 331б, 356б, 377б
Джам (Хорасан), (Б2), 145б, 146а, 244а, 347б, 354а
Джам-Руд, (В4), 244а
Джангалик (Кабул), 160а, 161б, 195б
Джаунпур; см. Джунпур
Джаус, 365б
Джеханара, сад, 188б, 190б, 191б
Джехан-Нума, см. Бхира
Джилам (Пандж-Аб), (В4), 254б
Джуд, горы, (Пандж-Аб), 223а, 224а, 254б
Джу-и Шахи (Кабул), 249б
Джумандна (Хинд), 361а
Джун (Джумна), река (Г5), 263а, 267б, 268а, 273а, 299б, 300б, 328б, 339а, 344б, 356аб, 358б, 361б, 363б, 379аб, 380б
Джунпур (Джаунпур), (Хинд), 173б, 270б, 293а, 296б, 303а, 307б, 317а, 354б, 370а, 375б, 378а
Джунпур, река, 364б, 365а
Джуса (Хинд), 328а
Джу-и Хуш, арык, 137а
Джу-и Шахи (Кабул), 145б, 233а, 242б, 244а
Дибалпур (Пандж-Аб), (Г4), 132а, 261а, 273б, 292а, 325а, 326а
Дизак (Самарканд), (А3), 13б, 95б, 96а
Дилкуша, 45б, 48а
Дилмау, см, Далмау
Динкут (Данкот), (Хинд), 148а, 235б
Динкут, горы, 223б
Динкут, переправа через Инд, 131а
Дирапур (Хинд), 361б
Дири, перевал, (Кабул), 133а
Дихкет (Ура-Тепа), 96б, 97а, 99аб
Дихли (Дели), (Г5), 256аб, 261а, 262а, 267б, 268а, 270б, 278а, 292а, 294а, 296а, 298а, 311б, 317аб, 325б, 329б, 345а
Дувазда-Бурдж, 191б
Дугабе, река (Хорасан), 136б
Дугдуги (Хинд), 362аб
Дуки (Кандахар), 138а, 150а, 152а, 225а
Дуки, горы, 141а

Дулпур (Дхолпур), (Раджпутана), (Г5), 273б, 291б, 294а, 298б, 299аб, 305а, 312б, 330аб, 333б, 339б, 340а, 344а, 353б, 354а, 356б, 358а
Дунгарпур (Раджпутана), 324а
Дур-Нама (Кабул), 135б, 248б
Душамбе (Бадахшан), 347а
Души (Хиндукуш), 29б, 123б, 124б
Дхар (Хинд), 46б

Забул, см. Газни
Забулистан, см. Газни
Замин (Самарканд), (Б3), 19а, 38б, 59а
Замин-Давар (Кандахар), (В2), 14б, 42б, 172б, 204б, 211б, 212б
Замма-Яхши, 197б
Зардак-Чул, (Балх), 57а
Заррин, перевал (Гери-Руд), 194а
Заурак, рабат 234а
Зафар (Шаф-Тивар), 154б
Заххак (Забак), крепость (Бамиан), 183б
Зиркан (Забаркан), (Фергана), 103б
Зурмут (Зурмат), туман (Кабул), (В3), 139аб, 153а

Ийланчик (Хиндукуш), 125б
Илак, летовка (Хисар—Шадман), 120аб, 124б
Илан-Уты (Самарканд), 95б
Инджил, канал, 191б
Индия, 317б
Индри (Хинд), 256б, 257а
Ирак (Иран), 10аб, 26б, 28а, 29б, 129а, 139а, 142б, 165а, 166б, 169а, 173а, 175б, 177а, 180а, 182а, 294а, 320б, 329б, 347а, 369а
Иракские ворота Герата, 191б
Ирджи (Иридж), (Хинд), 332а
Иса-Хайл, (В4), 148б
Иса-Хайли, река, (В4), 148б
Иски-Кушк, 197а
Исталиф «Хорасан» (Кабул), (В3), 136аб, 137а, 240а, 246б, 247б, 248а
Исталифа, река, (Кабул), 143а
Истаргач, 157б, 215б, 247б, 248а
Исфара (Фергана), (А4) 3б, 30б, 31а, 71б, 78а
Исфара, булук, 3б
Исфидук, крепость (Самарканд), 82б, 83аб
Итмак-Дабани, горы, (Самарканд), 49а
Ихласия, ханака, 191б
Ишкамиш (Афганистан), (Б3), 35а, 122б, 156а, 181а, 202б

Йеттикентские горы, (Фергана), 5б

Кабадиан (Хисар—Шадман), 120б, 356б
Кабуд (Самарканд), 44а
Кабул (Афганистан), (В3), 4а, 6б, 10б, 11а, 13б, 14аб, 22а, 27б, 29б, 45б, 59б, 123а, 124б, 125а—131б, 132б, 133а, 135а — 139б, 140б, 141б, 144аб, 145а, 146б, 147б, 154а, 155а, 159а, 160а, 165а, 167аб, 168б, 169б, 170а, 172аб, 177а, 178а, 183б, 187б, 188а, 192а, 193а, 197аб, 198аб, 222а, 224б, 225аб, 227а, 229б, 233аб, 234б, 235б, 236а, 237б, 239б, 240а, 241б, 244б, 245б, 246а, 248а, 251а, 258а, 263а, 269а, 270б, 272аб, 279а, 280а, 286а, 295аб, 298а, 299б, 305а, 307аб, 311аб, 325а, 327а, 329б, 339а, 345б, 346а, 350а, 351а, 356б, 357б, 358б, 359аб, 360б, 361б, 364аб, 375а, 380б, 381а
«Кабул», 300б
Кабул, область, 131б, 140б, 141б, 142а, 144аб, 200б, 202аб, 294а
Кабул, река (В3), 131а, 231б, 243б, 244а, 254а
Кавар, 133а
Кавари, река, 340а, 344а
Каин, (Хорасан), 185а, 188а
Кайсар (Меймене), 184б
Какар (Гогар, Гогра), река, см. Сару
Кала-и Зафар (Б3), 11а, 308, 345б, 347а
Каланджар (Пандж-Аб), 228а, 293а
Каланур (Пандж-Аб), 257б, 258а
Калат (Г3), 158аб, 159а, 167а, 206б, 207б, 208а, 209а, 212б, 213б
Калда-Кахар (Пандж-Аб), 224а, 229б, 231а
Калпи (Г5), 361б, 379б
Калпи, область, 274б, 292б, 294а, 307б, 332аб, 336а, 365б, 380а
Кама, булук (Кабул), 134аб
Камари (Кабул), 153б

Кам-Руд, (Хисар — Шадман), (Б3), 336, 81аб
Канар, переправа через Джумну, 331б, 332а, 336а
Канаудж (Канудж), (Хинд), (Г5), 167б, 292б, 294а, 298б, 299а, 315а, 328б, 329а, 332а, 334а, 336а
Канбай (Самарканд), 30б, 38б, 69а
Канва (Канвак, Раджпутана), (Г5), 310а, 318б
Канвахин (Пандж-Аб), 258а
Кандар (Кахандар), (Раджпутана), 298б, 299а, 304а
Кандахар (Афганистана), (В3), 10б, 42б, 57б, 144а, 158а, 204б, 213а, 129а, 131а, 137б, 139б, 157а, 166а, 167б, 171б, 172б, 193а, 207а, 208аб, 210б, 211аб, 212аб, 213б, 214б, 215а, 248б, 270аб, 291аб, 347б
Кандахарская гора, 208б
Кан-и Абгир, см. Кан-и Гил
Канд-и Бадам (Фергана), (А4), 4аб, 10а, 25а, 56а, 75б, 111а
Кан-и Гил (Аб-и Рахмат, Сиах-Аб), 46а, 47б, 48а
Кандла (Кундла), (Хинд), 293а, 377а
Карабаг (Кабул), 125б, 126а, 212б
Карабаг (Кандахар), 153а
Кара-Булак (Самарканд), (А5), 39б, 99б
Кара-Куба, перевал, 221а
Карал (Пандж-Аб), 261б
Карг-Йилак (Кабул), 201б
Кара-Кул, (Б2), 23а, 45а, 49б, 86а, 87б
Каранг-Рика, 133а
Кара-Рабат, (Герат), 173а, 205б
Кара-Су (Сиах-Аб), (Кабул), 233а, 244б, 253б
Кара-Тегин, (Б4), 33б, 63б, 69б, 81а
Кара-Ту (Кабул), 132а, 133а, 242б, 251б
Карача, 230б
Карзуван, 122а
Карк (Кабул), 233б
Карманас, река (Бихар), (Д7), 365б, 366а
Карнан (Фергана), 103б, 104а, 116б, 117аб, 119б, 120а, 165а
Карнуд, область, 128а
Карпук, холм, 95б
Карра (Курра), (Хинд), (Г6), 274б, 293а, 362аб, 363а
Карши (Несеф, Нахшеб), (Б3), 36а, 49б, 86а
Кас, 272б, 273а
Касан (Фергана), (А4), 5а, 14а, 15а, 17аб, 63б, 72аб, 109аб
Катланг (Хиндустан), 221б
Катран, 307а
Катта-Ваза (Газни ?), 153аб, 203а, 204а
Катур, 131б
Кафиристан, 26а, 270б, 133б
Кахадстан, (Герат), 191а, 206б
Кахан (Синд), 233б
Кахка, 26б
Кахлуг (Дарбанд-и Аханин), 121а
Кахлур (Симла, Хиндустан), 261а
Кахмерд (Кабул — Балх), (Б3), 27б, 120б, 124б, 126а, 159а, 242а, 352б
Кахмерд, область, 120б, 121а, 122а, 126б, 152б
Кахмерд, поляна, 183б, 184а
Кахрадж, долина, 219аб, 220а
Качва (Хиндустан), 332б, 333а
Каче-Кут, река (Пандж-Аб), 159б, 222б, 238а
Кашгар (Б5), 1б, 11а, 12б, 17б, 20а, 32а, 45а, 131б, 236а, 242а, 246а, 294а, 332а
Кашмир, 272б
Кашмира, горы, 223а, 228а, 270б
Келиф, переправа через Аму, (Б3), 122а
Кендирлик, перевал (Фергана), 32а, 54б, 103б
Керки, переправа через Аму, 122а
Керман (Ирак), 29б
Кермине (Самарканд — Бухара), (А3), 49б
Кеш (Шахрисабз), (Б3), 2а, 49аб, 58б, 79б, 81а, 88б
Кештут (Хисар—Шадман), 81б, 82а
Киви, сангар, 148а
Кизил-Су, (Сурх-Аб), река, (Хиндукуш), 123а, 130б, 202б
Кила-Гахи (Хиндукуш), 202б
Килагу, 244б
Киланур (Каланур), (Пандж-Аб), 254а

Килира, 377а
Киндгар (Кинд-Кир), (Кабул), 250б
Кинджрау, 129б
Кинтит (Хинд), 364а
Кипчак (Кибчак), перевал (Хиндукуш), 130б, 126б
Кипчакские ворота Герата, 191б
Кирк-Арык, 242б, 252б
Кирмас, гора, 238б, 239б
Китай, 7а, 47б
Кишм (Бадахшан), 184а, 347а
Кишм, река, 184а
Киякту (Газни ?), 203а
Кок-Сарай, 23б, 36б, 37а, 45б
Кокча, река (Бадахшан), (Б3 — Б4), 202б
Кохат (Пандж-Аб), (В4), 138а, 146аб, 147а, 148а, 159б, 225а, 233а
Куба, 16б, 78а, 104а
Кудсия, могила Алишер бека, 191б
Куил (Коил, Кул), (Хинд), (Г5), 113б, 291б, 296а, 315а, 325б, 331а
Кула-Грам, (Кабул), 230а
Кулбе (Самарканд), 42б, 43а, 47б, 48б, 90б
Кул-Гина (Кабул), 128аб
Кул-и Магак, 48б
Кул-и Малик (Бухара), 22б
Кунар (и Нургал), (Кабул), (В4), 277б
Кунар, река, 250б
Кунар, туман (Б4—В4), 133б, 134а, 144а, 214б, 215а, 221а, 250а
Кундих (Бихар), 374б, 376а
Кундуз (Афганистан), (Б3), 9а, 26б, 27б, 29аб, 33а, 34б, 35аб, 37б, 42а, 44а, 57б, 68а, 90б, 122аб, 123а, 125б, 128а, 130а, 144б, 154б, 156аб, 165б, 170а, 173а, 200б, 218б, 237б, 242б, 270а, 308б
Кундуза, река, 136а
Кура, перевал (Кабул), (Г5), 139б, 249а
Курар (Курара), (Индия), 362а, 379а
Курату, 233б
Кур-Гату (Кабул), 221а
Куриа (Хиндустан), 362а
Курра-и Тазиан (Кабул), 135б
Курук-Сай (Кабул), 132а, 133а, 213б, 233б, 245б
Кусар (Хинд), 362б,
Кутал-и Заррин, перевал, 195а
Кутила (Пандж-Аб), 260б
Кутила, озеро (Пандж-Аб), 327аб
Кутлук-Кадам, (Кабул), 126б, 127а, 130а, 150б, 233б
Куфин (Самарканд), 38б
Кух, 363а
Кухак (Зарафшан), 38а, 43а, 45а, 46аб, 47а, 48б, 49б, 82б, 83а, 90аб
Кухак, холм (Чупан-Ата), (Самарканд), 45а, 48б
Кух-и Бача (Кабул), 241а
Кух-и Мехтер Сулейман, 150аб, 152а
Кухна-Нани, 153б
Кухри, 327б
Кухи Сафа, летовка, 184б
Кухтан (Кухтин), горы, ю. Самарканда, 26б
Кух-и Сафид (Кабул), 132б, 277а
Кучи, 257а
Куш-и Гумбаз, (Кабул), 145б, 154а, 252а
Кушк, 191б
Куш-Надир (Кабул), 130а, 157а, 247а
Куш-Надира, кариз, 247а
Куш-Тигирман, 108а
Куш-Хана, поляна, (Кандахар), 212а

Лаваин, 363б
Лаклакан (ю. Ташкента), 94а
Лакнау (Лакхнау), (Хинд), (Г6), 278б, 334а, 338а
Ламган (Кабул), (В3), 10б, 125а, 126а, 129б, 133а, 200б, 213б, 221а, 222а, 241б, 245б, 248б, 249а, 284б
Ламганат (Кабул), 128а, 131аб, 132аб, 133аб, 143а, 145б, 154б, 250б, 277б, 278б, 281а, 286а
Ламганата, горы, 140б
Лангар-и Мир-Гияс, 192аб, 193а
Лангар Тимур бека, 196б, 197а
Латкенд, (Фергана) 66б
Лахор (Лахур), (Пандж-Аб), 132а, 225аб, 227а, 254а, 255аб, 256а, 272б, 273б, 292а, 326а, 361б, 365б
Лахугар, (Лухугар, Логар), туман (Кабул), 137аб
Лукнур (Лакнур, Рампур, Хинд), 292б, 329а, 376аб, 377б

Маверанахр (Б2 — Б3 — Б4), 2а, 3б, 36а, 44б, 45а, 48б, 49аб, 50а, 270а, 345б
Мадан-Банарас (Хиндустан), 365а
Мадхакур (Хиндустан), 309б, 344б
Мазу (Фергана), 66б, 67аб
Маинг (Хиндустан), 378б
Майдан (Кабул), 145а, 157б
Майдан-и Рустам (Кабул), 239б
Макам, 221б, 222а, 298а, 309б,
Малан, 293а
Малата-Кунди, (Мулта-Кунди), (Кабул), 134а
Малик, базар, 191б
Малик, ворота Герата, 191б
Маллу-Хан, хауз, 335б, 336а
Мальва (Манду), (Хиндустан), 46б, 271а, 272а, 317б, 333б
Малый Кабул, 213б, 360а
Мама-Хатун (Кабул), 240а
Манасни (Манас), (Раджпутана), 326а, 327аб
Мандаган (Хорасан), 184б
Мандиш 220а
Мандравар, туман (В4), 133а, 144а, 200б, 214б, 215а, 249а, 250б
Манду, см. Мальва
Манду, горы, 273б
Маникпур (Хинд), (Гб), 274б, 293а, 307б
Марага (Азербайджан), 46б
Марғинан (Фергана), (А4), 3аб, 4б, 16аб, 18а, 45а, 60б, 61аб, 62б. 63а, 78аб. 108б, 110б, 111а
Маручак (Мургаб), 185а
Мастанг (Мастунг), (Балучистан), 211б
Масча, верховья Зарафшана, 14а, 32б. 39б, 97а, 99аб
Маулана Абд ар-Рахмана Джами, мазар, 191а
Матурид (Матарид), (Самарканд). 45а
Махавин (Муттра, Хиндустан), 294б
Махан (Фергана). 78а.
Махуба (Хиндустан), 379б
Мачам (Фергана), 73б
Машт (Газни?), 203а
Машур, ворота Кандахара, 211б
Меват (Миват)((Раджпутана), 273а, 292а, 294а, 296б. 311б. 325б. 326аб
Мекка, 13б, 168б, 294а
Медина, 294а
Мерв, 9а, 86а, 87б, 156а, 168б, 179б, 185а, 188а, 301б 200б, 345б, 347аб
Мешхед (Иран) 167а, 185а, 206б, 301б, 347б
Миан-Ду-Аб (Доаб), междуречье Ганг-Джумна, 257а, 263б, 292а, 296а, 297а, 304а, 311б, 315а, 325б
Миankал (Самарканд), 86а, 347а
Мил (Кафиристан), 133а
Милват (Малот), (Хинд), 257аб, 258а, 259аб, 260а, 261а
Минар, гора, (Кабул), 197аб
Мир-Вахид, 191б
Мирза, мост, 43а
Миср (Египет), 50а
Мита-Кача (Кухистан, Кабул), 135б
Мич-Грам (Кабул), 244б, 245а
Моголистан (Восточный Туркестан), (А4 — 5 — 6 — 7), 6а, 10аб, 72а, 102а, 140б, 204а
Мукавви-Хана, 190б, 191б
Мукур (Афганистан), 215б
Муллы-Баба, сад, 198а
Мулла-Баба, мост, 198а, 247а
Мультан (Пандж-Аб), (В4), 139б, 142б, 150б, 165а, 273а, 339а, 359а
Мунир (Бихар, Хинд), 369б, 370а, 372а
Мург-Аб, река, (Б2), 122а, 165а, 179а, 185б, 187аб, 205а
Мурган, гора, (Мурган-Кух), (Кандахар), 211а
Мури и Адуса, Бабурпур (Хинд), 358б
Муту-Гил (Могол-Тау), 4а
Мухаммед-Ага (Кабул), 240а
Мухаммед-Пих, перевал, 146аб
Мухаммед-Чап, мост, 42б, 43а
Навандак (Нундак), (Чаганиан), 81а, 265а
Нага, 128а
Нагзи, 131а, 146б, 148а
Нагур (Нагор), (Раджпутана), (Г4), 293а
Назаргах, сад, 191а, 360а
Накш-и Джехан, 46а
Намазгах, 15б, 16а, 17а
Намзгах-и Мухтар, 191а
Наманган (Фергана), 73а
Нанапур (Хиндустан), 364а

Нани (Газни), 162а
Нарин (Хиндукуш), 202б
Насух (Фергана), 56а
Наукенд (Фергана), 72б, 109аб
Нахшеб, см. Карши
Нашкал, 125б
Негархар, см. Нингнахар
Несеф, см. Карши
Ниджрау, туман (Кабул), 133а, 135аб, 139б, 140а, 161б, 162а, 248б, 249а, 279а
Ниджрау, горы, 141б
Никудари, 125б, 172а
Нил-Аб (В4), 131а, 159б, 167б, 122б, 223а, 228а, 231аб, 232а, 235б, 243б, 248б, 249б, 254а, 360а, 365б
Нингнахар (Негархар), (Кабул), 131б, 132аб, 133а, 134б, 144а, 145а, 154б, 199б, 214а, 215а, 216а, 249а, 277б
Нирету (Тирату), (Герат), 215а
Нирх (Тахт), перевал, (Кабул), 145а
Нирхун (Бихар, Хиндустан), 374б
Ни'мат-Абад, 191а
Нулиба (Хиндустан), 364а
Нургил (Нургал), туман (Кабул), 133б, 134а, 144а, 214б, 215а, 250б
Нушаб (Фергана), 70б

Обе (Убех), (Гери-Руд), 172б
(Обурдан), см. Аб-и Бурдан
Область межу двумя реками, см. Рабатек-и Урчини
Оманское море, 273а
Отрар, см. Янги
Ош (Фергана), (А4), 2б, 3а, 5а, 13а, 18а, 38б, 63аб, 66аб, 69б, 71а, 77б, 103б, 104аб, 105аб, 107б, 108аб, 110б, 111а

Паи, долина, 184б
Пальгар (Фальгар), (Зарафшан), 32б, 99а
Пагман (Памган), (Кабул), 136б, 157б, 200б
Пагмана (Памгана), горы (Кабул), 136б, 157а
Пакли (Пахли), (Пандж-Аб), 272б
Панде, 185а
Панджхир (Панджшир), (Кабул), 125аб, 130а, 135б, 159б, 241а
Пани-Мали, 221а
Панипат (Пандж-Аб), (Г5), 257а, 264а, 265а, 301б
Панч-Кура, река, 219б, 220аб
Пап (Фергана), (А4), 54б, 62а, 109б, 110а, 112б
Пара (Бара), 243б
Паранди (Хиндукуш), 130б
Парван (Кухистан, Кабул), 130б, 135б, 136а
Парвана, река, 143а, 240б
Парпат (Парбат), 231аб
Парсара, река (Хиндустан), 378аб
Парсрур (Пасрур), (Пандж-Аб), 255а, 257б, 379а
Пархала (Пандж-Аб), 228а, 229б, 230аб, 234б
Паршавар (Пуршавур, Паршавур), (Пешавар), 128а, 146а, 232б, 131б, 242б, 244аб, 275б, 276а, 279б
Пахлур (Палхур), (Пандж-Аб), 257б
Пашагир (Пашагар), (Самарканд), 59аб, 96а
Пешамун, 105а
Пешграм, 219б
Пиаг (Аллахабад, Хинд), 363б, 364а
Пир-Кан, мазар (Дара-и Гази-Хан), 151б, 152а
Пич (Пич-и Кафиристан), 134б
Пичган (Пичкан), (Кабул), 139б, 162а
Пул-и Ках, 191а
Пул-и Магак (Мугак), 40аб, 84а
Пул-и Малан, 191б
Пул-и Салар (Герат), 206б, 207а
Пул-и Чираг (Балх — Герат), 41б, 165б
Пураб, 334а
Пураба, горы, 296б
Пурамин, ущелье, 214аб
Пуран, 191б

Рабатек-и Урчини (Область между двух рек), (Фергана), 52б, 64б, 70б, 72а
Рабат-и Дудар (Дузд), (Герат), 167а
Рабат-и Рузек, 106а
Рабат-и Сарханг (Фергана), 66б, 67б
Рабат-и Сугуд, (Самарканд), 69а

Рабат-и Ходжа (Самарканд), 44а, 59а, 80а, 82б, 83а
Рави, река (Пандж-Аб), (В4), 257б, 273а
Рага (Бадахшан), 155а, 202б
Рай-Синг, 335б
Рантанбур (Рантамбхур), (Раджпутана), 272а, 293а, 342б, 343а, 345а
Рантамбхура, горы, 273б
Рапари (Рапри, Рабари), 294а, 328б, 315а, 336а, 358а, 380а
Рахаб (Рахап), 273а
Река Ходженда, см. Сейхун
Риг-и Раван, 248б
Ришдан (Фергана), 3б
Рум (Малая Азия), 129а, 319а, 364а
Рустак (Бадахшан), 154б

Сабан, 61б
Савад, 131б, 134а, 219б, 220б, 221а, 236аб, 242б, 250а, 277аб, 278а, 286аб
Савада, горы, 140б
Савад, река, 221б, 243б, 244а
Савалак-Парбат, горы, 272б, 273а
Сава-Санг (Кандахар), 158б
Савати (Карг-Хана), 222б
Сагаридж (Сагаричи), туман, 14б
Сагри, см. Сикри
Саджавенд, см. Сиджавенд
Сад кувшинок (Баг-и Нилуфар), 356аб
Сайган (Хорасан), 130б, 183б
Сайкал (Кабул), 214а
Сайрам (А4), 8а, 19б, 102а, 105б
Сака (Фергана), 70а
Сакан (Фергана), 103б
Сак-и Салман (Сулейман), 191а
Самана (Пандж-Аб), (В5), 262а, 297а, 355б
Самарканд (Б3), 1б, 2а, 3б, 4а, 5аб—6б, 7б, 8а, 8б, 10б—11б, 12б, 13аб, 14б, 15а, 19б, 20аб, 21а, 22б, 23а, 24а—25а, 26б, 28а, 29б—30б, 33б, 36а, 37б—39а, 40аб, 41а, 42б, 43а, 44а—46а, 47б—54а, 55б, 56а, 58б—59б, 68б, 69а, 74а, 76б, 77а—79б, 80а—84а, 85а—87б, 90б, 91аб, 96а—98а, 108а, 120б, 125б, 129б, 131б, 140аб, 144б, 156а, 163б, 168а, 170б, 174б, 175б, 178а, 180а, 181а, 187б, 204а, 237б, 238а, 265а, 269б, 286а, 293б, 294а, 345б, 347а, 348б, 351б, 356б, 357б
«Самарканд», см. Астаргач
Самарканд, область, 50а
Самарканда, арк (цитадель), 37а, 45б
Самбхал (Самбал), (Хинд), (Г5), 273б, 292б, 294а, 297б, 309б, 315а, 331а, 375а, 381а
Самсирак (южнее Ташкента), 98б, 100аб, 101а
Сан, 57а, 184б
Санам (Хиндустан), 262а
Санг (Фергана), 114а
Санг-и Айна (Фергана), 3б
Санг-и Бурида (Кабул), 241а
Сангдаки, перевал (Пандж-Аб), 222б, 223а, 231б
Санг-Зар (Самарканд), 55б, 78б, 82б
Санджид (-Дара), долина (Кабул), 125а
Санг-и Сурах (Кабул), 149б
Санг-Лахшак (Кандахар), 208б
Сан-и Чарик, 184б
Санур (Хиндустан), 261б
Сарай, 156б
Сарай-Мунда (Мида), (Хиндустан), 362а
Саран (Бихар), 374б, 377а
Сарангпур (Д5), 272а, 335б
Сарбаг (Кабул — Балх), 308б
Сарвар, 293а, 362б, 377а
Сар-и Дех, плотина (Газни), 139а, 153б, 203а
Сар-и Пул (Кабул), 8б, 38б, 88а, 120б
Сару (Гогра, Гагар), река (Г4), 261б, 262а, 273а, 275б, 276а, 282а, 307б, 338аб, 361б, 368б, 370аб, 372б, 374аб, 375а, 376а, 377аб, 378а, 380а
Сарун, 293а
Сар-у Па, 230аб
Сатладж (Сутлудж), река (В4), 225а, 257а (Шатлат), 273а, 292а
Саф, гора (Кабул — Герат), 184б
Сахан, плотина (Газни), 139а
Себзевар, 165б
Сейид-Касима, мост, 198а
Сейхун (Воды Ходженда, Сыр-Дарья), 2а, 4аб, 5а, 6а, 8а, 17а, 74а, 98а, 101а, 103б, 104а, 108а, 111а, 116б

Серахс (Хорасан), (Б2), 205а, 301б
Се-Яран, горы, 240а
Се-Яран, см. Ходжа-Се-Яран
Сиалкот (Сиалкут), (В4), (Пандж-Аб), 59б, 254б, 255аб, 257б, 292а
Сиах-Аб, см. Кан-и Гил
Сиах-Санг, 128б, 130а
Сиви (Сиби), (Балучистан), 152а, 165а, 214б
Сиджавенд (Саджавенд), (Кабул), 153б, 137б
Сикандара, 331а
Сикандар-Абад, 331б
Сикандарпур (Г6), 370б, 376аб
Сикри (Г5), 291б, 310а, 312б, 328б, 329б, 330б, 331б, 337б, 344б, 377б
Сикри, горы, 273б
Сикри, озеро, 310а
Симизкент, см. Самарканд
Синг, река, 136а
Сингар (Санкар), река, 361б
Синд, река (Г3 — Г4), 131а, 146аб, 148а, 150б — 152б, 222б, 223б, 231б, 232а, 254аб, 272аб, 273а, 275б, 296а
Синджид-Дара (Кабул), 240а
Сираб (Сар-Аб), (Хиндукуш), 29б, 125б, 130б
Сир-Аулиа, 363б
Сирсава (Сарсава), (Хиндустан), 263аб
Сир-и Так, перевал (Хисар — Шадман), 33б, 81аб
Сирхинд (Сихринд), (Пандж-Аб), 225б, 261б, 272б, 273аб, 292а, 329а, 355б
Систан, 166а, 204б, 320б
Сиханда, 292б
Сих-Кана (Афганистан), 203а
Сиах-Аб, см, Кара-Су
Сон, река, (Бихар), (Д6), 364б, 369б, 370а
Сугандпур, 380а
Сугуд (Согд), (Самараканд), 38а, 49б, 86а, 95а
Сузангаран, ворота Самарканда, 92б, 93аб
Султан Ахмед мирзы, склеп, 191а
Султана Ибрахима, гробница (Газни), 138а
Султан-Искандер, плотина, 330б
Султания (Иран), 139а
Султана Мас'уда, гробница (Газни), 138а
Султанпур (Пандж-Аб), (В5), 242б, 244б, 252а, 257а, 260а
Султан-Пур, ворота, 342б
Султан Хусейн мирзы, медресе, 191а
Сунак-Курган, 128б, 130а, 216а
Сункар (Раджпутана), 327б
Сурах, 145а
Сурх-Аб (Руд), река, 132б
Сурх-Аб, область (Кабул), 142а, 233а
Сурх-Рабат (Кабул), 213а
Сурх-Руд, см. Сурх-Аб
Сусан (Кабул), 249б
Сусани-Хана, 191б
Суст-Камари, 130а
Суфа-и Тир андазан, 191б
Сух, булук (Фергана), 3б, 4а, 352б
Сухан, река, (Пандж-Аб), 223аб, 230б, 231а
Сухджана, 344а
Сыр-Дарья, см. Сейхун

Тази, (Газни-Калат) 158а
Такане, 165а
Талар, сад, 237а
Талекан, (Таликан) 35а, 122б
Тангаб (Фергана), 61а
Танг-и Вагчан, перевал 238а
Тараб-Хана, дворец, 188б, 190а, 191б
Тарнак, река (Кандахар), 213б
Татта (Синд), 273а, 330а
Тахангар (Раджпутана), 303
Тахт-и Астана, 191а
Тахт-и Баргар, 191а
Тахт-и Навои, 191а
Тахт-и Сафар, 191а
Тахт-и Хаджи бек, 191а
Ташкент (Шаш, Чач), 3б, 6а, 8а, 12а, 13б, 19аб, 20а, 45а, 54б, 55б, 71б, 72а, 96б, 99б, 100а, 101а, 102аб, 103а, 105б, 234б, 347а
Таш-Рабат, 188а
Тебриз (Табриз), 10а, 129б, 139а
Теке-Саграткан (Фергана), 8а
Тепа (Кабул), 127б, 128а, 130а, 157б, 162а

Термез (Тирмиз), 26б, 27б, 33б, 44а, 45а, 120б, 122а, 159б, 356б
Тибет (В6 — В7), 273а
Тиджара (Таджара), (Г5), 326аб, 381а
Тил (Тал), (Кохат), 147б,
Тир-Мухани (Бихар), 377а, 381а
Тирхут (Бихар), 293а
Токуз-Улум, переправа на Аму, 122б
Туб (Туп), (Кабул — Герат), 184б
Туглукабад (Дихли), 268а
Туда (Раджпутана), 327б,
Тул, перевал (Хиндукуш), 130аб
Тун (Хорасан), 185а, 188а
Турак, сад, 94б, 100б
Туркестан, 2а, 8а, 9б, 22б, 43б, 44а, 84а, 86а, 129а
Турфан (Восточный Туркестан), 102а
Тус, река, 301б, 363б, 364а, 378б
Тута (Хиндустан), 344б
Туткаул, 197б
Туглук, 105б
Тутум-Дара (Кабул), 360а

Убадж, 56б
Увадж, переправа через Аму, 120б, 124б
Уд, см. Ауд
Уджжайна (Мальва), 46б
Узгенд (Фергана), (А4), 16а, 17б, 63б, 64б, 66б, 70б, 72а, 74а, 77б, 103б, 104а. 108б
Уйгур, укрепление, 73б
Укабейн (Кабул), 128б
Улабату (Газни?), 203аб
Уланг-Нишин, 57б, 165б
Уланг-и Радаган, 347б
Улуг бека мирзы, мадраса, 46б, 91а, 122а
Улуг-Нур (Кабул), 249а
Улуг-Таг, 97а
Ундж туба, (Фергана), 67б
Унсия, дом Алишер бека, 191б
Ура-Тепа (Усрушна, Усруш), (А3), 8аб, 13аб, 14б, 16б, 18а, 19б, 32аб, 55б, 59а, 60а, 78аб, 86б, 91а, 96аб, 97а, 99а, 100а, 101а
Урва, 341б, 342аб
Урганч (Хорезм), 168а
Ургут (Самарканд) (Б3). 40б
Усрушна (Усруш), см. Ура-Тепа
Утрули, 331а
Уштур-Шахар (Кабул), 125а, 183б, 197б

Фалгар, см. Палгар
Фан (верховья Зарафшана), 81б, 82а
Фарагина (Фергана), 107б
Фаркат (Фергана), 96б, 116а
Фармул (Кабул), 128а, 131а, 139б, 146б, 148аб, 149б
Фарс, 291б
Фатхпур (Фатехпур), (Г6), 358а, 377аб, 380аб
Фатхпур-Асва, 362а
Фахрад-дин, переправа, 184б
Фергана (А3 — А4), 1б, 2а, 3а — 5б 8а, 10а, 12б, 13а, 15б, 16а, 31б, 32а, 45а, 48б, 54а, 72а, 104а, 108а, 129а, 140б, 181а
Финакет, см. Шахрухия
Фируз, ворота Герата, 191б
Фируза, ворота Самарканда, 43а, 45б, 84а, 92а, 93б
Фирузпур (Пандж-Аб), 327б
Фулул (Бадахшан), 35а, 122б

Хавак, перевал (Хиндукуш), 130а
Хавал-и Кути (Зирран, перевал), 194а
Хавас (севернее Ура-Тепа), 8а, 19а
Ха-Дервиш, степь, 4б, 98а
Хаджипур (Г7), 374б
Хазара, горы (В4), 141а
Хайбар, 145б, 159б, 165а, 225а, 277а
Хайбарские горы, 131а
Хайбарский перевал, 243аб, 244б
Хайдара Таки, сад, 126б, 237а
Хайрабад, 292б, 329а
Хакан, арык (Фергана), 105б, 106а, 107б
Хакан, ворота Андиджана, 53б, 106а
Халасия, медресе, 191б
Халахил, 231а, 355б
Халва-Чашма, 165б
Халди, переправа (Г6), 370б, 371а, 374б
Халилийа, 95б
Халишак (Кандахар), 208б, 209а
Хамаланган (Бадахшан), 154б

Хамгату (Хамбату), перевал, 224а
Хамчан (Бадахшан), 202б
Хангу (В4), 146б, 147аб
Хан мирзы, сад, 199а
Хан-Юрти (Самарканд), 40аб, 48аб, 78б, 83а
Хар, брод, 297б
Харабук (Фергана), 105а, 107б
Харджирд, 347б, 354а
Харид, паргана, 307б, 317а, 354б, 368б, 369а, 374б, 376б
Харманда, река, 136а
Харур, 261а
Хас, 98а
Хасбан, степь, 78а
Хаст (Хост), (Хиндукуш), 236а, 238а, 242а
Хати-Пул, ворота Гвалиара, 304б, 340аб, 341б, 343б
Хауз-и Махиан, 191а
Хауз-и Шамс, 268а .
Хафт-Бача, перевал, 130б,
Хашт-Бихишт, 307б, 329б, 344б, 353б, 380б
Хашт-Нагар (Хашнагар), 128а, 131б, 221а, 242б, 243б, 244а, 275б, 276а, 279б, 281а
Хашт-Як 98а
Ходжа-Хизр (Самарканд), 241б
Ходжа-Хизр, кадамгах (Кабул), 128б
Химар, 165а
Хинд, см. Хиндустан
Хинджан (Хиндукуш), 130б
Хиндукуш (Гиндукуш), (Б3—Б4), 26б, 28б, 128а, 130а, 133а, 142а, 170а, 223а, 270б, 272б
Хиндустан (Хинд), 4б, 13б, 22б, 26б, 45б, 46аб, 97а, 128а, 129а, 131аб, 133б, 136а, 137б, — 140а, 141а, 145а, 146а, 149а, 151б, 159б, 167б, 168б, 169б, 213аб, 214б, 222а, 223б, 224б, 225аб, 226б, 227а, 228а, 231б, 235б, 251б, 254аб, 255б, 256а, 260а, 261б, 262а, 264б, 267а, 269аб, 270аб, 272аб, 273а — 296а, 298а, 299б, 300аб, 301а, 302б, 303аб, 305б, 309а, 317а, 320б, 326а, 328а, 329б, 335б, 345а, 357б, 359аб, 360б, 378а, 380б.
Хирманд (Харманд), река, 192б
Хисар (Шадман), (Б3), 9а, 20б, 23б, 26б, 27б, 28а, 30аб, 33аб, 34а, 35б, 37б, 38а, 39б, 42б, 56аб, 57б, 58аб, 64аб, 68а, 69а, 81аб, 82а, 90б, 99аб, 120а, 122аб, 129а, 140б, 144б, 156а, 165б, 166б, 167а, 173а, 265а, 347аб, 348аб, 356б
Хисар-Фируза (Пандж-Аб), 262а, 263а, 292а, 297а, 305а
Китай (Северный Китай), 101б, 129а
Ходжа-Баста (Кабул), 360а
Ходжа-Зейд (Хиндукуш), 124б, 125а
Ходжа-Дидар (Самарканд) 43б, 44б, 81б, 82б, 86а, 95а
Ходжа-Исма'ил (Кабул), 203а
Ходжа-Исма'ила, горы, 141а
Ходжа-Кардзан (Самарканд), 38а, 80б, 88б
Ходжа-Китта (Фергана), 106а
Ходжа Кутб ад-дин, мазар, 267б
Ходжа-Кафшир (Самарканд), 36б, 93б
Ходжа-Ривадж (Кабул), 156б, 216а
Ходжа Риг-и Раван (Кухистан — Кабул), 136а
Ходжа-Рустам (Кабул), 252а
Ходжа Се-Яран, источник (Кабул), 136б, 137а, 235а, 240а, 248б
Ходжа-Так (Чартак), (Кундуз), 191б
Ходжа-Хавенд-Са'ид, мазар (Кабул), 129б, 241а
Ходжа-Хаммад, 120б
Ходжа-Хасан (Кабул), 235б, 247б, 248а
Ходжа-Хизр, 92а, 219а, 221а
Ходжа-Чартак (Кундуз), 156а
Ходжа-Шаму (Кабул), 128б
Ходжа-Шихаб, (Кабул), 248а
Ходженд (А3), 1б, 2а, 4аб, 8а, 16б, 19б, 20а, 31б, 32б, 53б, 54б, 55б, 56а, 58б, 59аб, 60аб, 61б, 71б, 75а, 78а, 98а, 116б
Хоканд (Хукан), (Фергана), (В4), 25а, 103б
Хорасан, 7б, 10б, 15а, 20а, 26б, 33а, 42а, 46а, 57б, 58а, 59б, 80б, 120аб, 121б, 124б, 126аб, 129а, 131а, 138б, 140а, 142б, 155а, 157а, 161б, 162б, 164б, 165аб, 167б, 169а, 170а, 175б, 176а, 177а — 179б, 182а, 184б, 187б, 188а, 191б, 192аб, 201б, 202а, 204б, 207аб, 208а, 212б, 269б, 286а, 293б, 294а, 345а

«Хорасан», см. Исталиф
Хорезм (А1 — А2), 45а, 139а, 154б, 156аб, 163а, 166а, 172а, 234б, 269б
Хотан (Восточный Туркестан), (Б5 — Б6), 17б
Хубан (Фергана), 69б, 70аб
Худак, 95б
Хузар (Б3), 49б, 86а
Хукан, см. Хоканд
Хуни (Кабул), 240а
Хупиан, перевал (Кабул), 125а, 345б
Хурмуз, 4б
Хуррам (Кабул—Балх), 308б
Хутаб, 223б
Хутталан (Хатлан), (Б4), 9а, 26б, 33б, 56б, 57а, 122а, 125б, 134а, 140б
Хутталан, река, 35а
Хуш, ворота Герата, 191б
Хуш-Аб (Пандж-Аб), (В4), 165а, 224б, 225аб, 226а, 228аб, 235б
Хушьяр, булук (Фергана), 3б, 4а, 352б

Чаганиан (Хисар — Шадман), (Б3), 26б, 56аб, 81а, 120б, 265а
Чаган-Сарай (Кабул), 133б, 134аб, 144а
Чаган-Сарай, река, 134б
Чакман, 26а, 165а, 169а
Чалак, поляна, 126б, 128б, 130а, 216а
Чалпар, 131а
Чамбал, река, (Г5), 273а, 285б, 332а, 340а, 344а
Чандавал (Баджаур), 216б
Чандавал, река, 219аб
Чандвар (Г5), 274а, 299б, 315а, 328б, 331б, 358а
Чандири (Д5), 169б, 272а, 324а, 331б, 332б, 333аб, 334б, 335а, 339а
Чандири, горы, 273б
Чапаркад (Чапар-Куда), 361б
Чар-Баг, 159а, 160а, 162а, 216а, 235б, 247а, 307а
Чарг-Уланг, 101б
Чарджуйская переправа, 58б
Чарик (Меймене), 183б
Чар-Рах, ворота, 37а, 80а
Чарсу, 191б, 293а
Чарх, 137аб
Чату (Кабул), 145а
Чатур-Мук, 370б
Чаупар, 148а
Чаупара, горы, 148б
Чаупара - Чатурмук, переправа, 376а, 377а,
Чауса (Бихар), 366а
Чахчаран (Герируд), 172б, 192б
Чач, см. Ташкент
Чачавали, 361б
Чашма-и Тура, 238б, 239б
Чашпаран (Чипаран), 293а
Чаш-Тепа (Кабул), 202а
Ченаб (Чин-Аб), (В4), 223б, 224б, 225а, 228а, 255а, 273а, 365б
Чечекту (Балх—Герат), 184б, 187б
Чил-Духтаран (Фергана), 66а, 104б, 185а, 188а
Чил-Сутун, 47а
Чилту, поляна, 81а
Чин (Китай), 129а
Чин-Курган (Кабул), 241а
Чинаран (Чанаран), (Мешхед), 165а
Чинар-Баг, 236б
Чиниут (В4), 223б, 224б
Чини Хана, 47б
Чир (Чирчик), река, (Ташкент), 8б, 13б, 17а, 19аб, 22б
Чирагдан (Герируд), 193а
Читра (Пандж-Аб), 261б
Читур (Раджпутана), 272а, 335б, 343а, 345а
Читура, горы, 273б
Чихил-Кулбе, (Кабул), 248б
Чунар (Г6), 362б, 363б, 364аб, 365а, 378аб
Чупан, мост, 78а
Чутали (Дуки), (Кандахар), 152а

Шабурган (Шапурган), (Б3), 57а, 122а, 165а
Шавдар, туман (Самарканд), 49б, 59а, 77а
Шавдар, крепость, 86а
Шавдара, горы, 40б
Шал (Кветта), 211б
Шам (Сирия), 50а
Шамсабад, (Г5), 268б, 333б, 336а, 343а, 376а
Шамту, 123а
Шаниз, 158а

Шарукан (Газни?), 234б
Шатлат, см. Сатладж
Шаф-Тивар, см. Зафар
Шахабад (Пандж-Аб), (Г5), 263а
Шах-и Кабул, гора, 128аб
Шахманг (Пандж-Аб), 272б
Шахр-и Сафа (В3), 120б, 208аб
Шахрисябз, см. Кеш
Шахрухия (Финакет), (Шаш, Бинакет), (А3), 2а, 6а, 7б, 8а, 12аб, 19б, 31аб, 45а, 98аб
Шаш, см. Ташкент
Шейха Баха ад-дин Омара, мазар, 191а
Шейх-Заде, ворота Самарканда, 43а, 90б, 92аб, 95а
Шейха Зайн ад-дина, мазар, 191а
Шейх ал-ислама, мазар, 191б
Шейха Мухаммед Мусульмана, мазар, 139б
Шейха Низам-Аулия, мазар, 267б
Шиберту, перевал, (Хиндукуш), 130б, 155а, 183б, 195б, 202б
Шираз, крепость (Б3), 10а, 38б, 39аб, 44а, 55б, 59б, 81б
Ширкут, 225а
Шифайя, больница, 191б
Шункар-Хана, горы, 82б
Шутур-Гардан, (Самарканд), 91б, 92б

Эгри-Яр, 125б

Яга (Ягма), (Ташкент), 102а
Яда-Бир, (Кабул), 233а, 243а, 252б
Яй (Хорасан), 162б
Яка-Уланг (Бамиан), (В3), 183б, 195б
Як-Ланга (Кабул), 251б
Ям (Самарканд), (Б3), 39б, 40а
Янбулак (Кабул), 251а
Янги (Отрар), (А3), 1б, 10а
Янги-Юл (Хиндукуш), 30б
Яри (Зеравшан), 82б
Яр-Яйлак (Самарканд), 19б, 39а, 49б, 55б, 59аб, 77а, 79а, 81б, 82б, 83а
Яси-Киджит (Фергана), 14а
Яси-Киджит, переправа, 65а
Яфтал, 202б

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Фергана 9
События года 899=1493—1494 11
События года 900=1494—1495 36
События года 900=1495—1496 46
События года 902=1496—1497 52
События года 903=1497—1498 57
События года 904=1498—1499 74
События года 905=1499—1500 82
События года 906=1500—1501 96
События года 907=1501—1502 111
События года 908=1502—1503 119
Кабул 141
События года 910=1504—1505 143
События года 911=1505—1506 182
Хиндустан 213
События года 912=1506—1507 215
События года 913=1507—1508 236
События года 914=1508 250
События года 925=1519 252
События года 926=1519—1520 289
События года 932=1525—1526 293
События года 933=1526—1527 347
События года 934=1527—1528 379
События года 935=1528—1529 389
Примечания 437
Указатели 481
Указатель собственных имен 483
Указатель географических названий 513

Р03837. Сдано в набор 20/II—58 г. Подписано к печати 30/V—58 г. Бумага 84×108 1/16=16,65 бум. л—54,53 печ. л. (+13 вклеек) Изд. л. 35,1. Тираж 3000.
Цена в ледериновом переплете 29 р. 70 к.

Типография Издательства АН УзССР

Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 244.

Адрес Издательства: Ташкент, Куйбышева, 15.

50357